Научно-издательский центр «Социосфера»
Кафедра иностранных языков
факультета государственного управления
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
Гилянский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы международной научно-практической конференции 25–26 марта 2011 года

Пенза – Москва – Решт
2011

УДК 81+82
ББК 80/84
А 43

А 43 Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы международной научно-практической конференции 25–26 марта 2011 года. – Пенза – Москва – Решт: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 377 с.

Редакционная коллегия:

Голандам Араш Карим, заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Иран).

Салиева Людмила Казимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей вузов, соискателей и аспирантов, освещающие теоретико-методологические проблемы филологических исследований, вопросы общего и частного языкознания, риторики, культуры речи и теории коммуникации, взаимосвязи языка, культуры и ментальности, проблемы многоязычия, языкового взаимодействия и прикладной лингвистики.

ISBN 978-5-91990-014-6

УДК 81+82
ББК 80/84

© Научно-издательский центр «Социосфера», 2011.
© Коллектив авторов, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Багирова С. М.
Проблема избыточности в современной лингвистике 9
Карпоян С. М.
Модальность как объект лингвистических исследований 12
Карташева Е. А.
Внешние и внутренние причины изменения и развития языка 17
Джумабаева Ж. Ш.
Об исследовании лексической градуонимии 20
Салаева Ф. В.
Фразеологическая семантика. Дискуссии 60-х гг. прошлого столетия в азербайджанской лингвистике 22
Смольянова С. А.
Современные тенденции исследования категории времени в языке 24
Вейсялли Ф. Я., Бабаев Д. М.
Проблемы фонологического анализа современного азербайджанского языка 27
Мустафаева С. Б.
К анализу интонации дискурса 28
Сверчкова А. В.
Стиль и жанр: соотношение категорий в рамках художественного целого 32
Романова Л. Н.
Методологические проблемы стадиального изучения генезиса якутской литературы 35

II. ВОПРОСЫ ОБЩЕГО И ЧАСТНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Алиева Н. А.
Глагольный узел в простом предложении 40
Куныгина О. В.
Проблемы описания семантики частиц русского языка 46
Грибещенко О. А.
К вопросу об употреблении наречных детерминантов темпоральной семантики в предложениях с глаголами движения 50
Ковшикова Г. А.
Некоторые особенности системы ойконимов Устюженского края XVII века 53
Махмутова Л. Р.
Энантиосемия префикса вы- в современном русском языке 56
Каргапольцева И. В.
О развитии в русском языке полисемии военных терминов, заимствованных из французского языка 60

Мареева Ю. А.
Система русских темпоральных наречий
в зеркале новогреческого языка.....63
Асатурова С., Гелдиашвили Н., Гарибашвили М.
Формы выражения категории сравнения в разносистемных языках.....65
Дьяченко Т. Д.
Отражение внутрифреймовых и межфреймовых процессов
в глагольной семантике (на примере английского глагола devour).....75
Суворова Н. Л.
Ненормативный эллипсис как основная черта
просторечного синтаксиса в английском языке.....78
Коноплёва И. Н.
Англоязычные субстандартные префиксальные образования
с метафорическим переносом значения 82
Гремицкая М. В.
К вопросу об определении ключевого слова
концепта «предположение» в немецком языке.....84
Ваховская Н. Н.
Структурные типы валентнозависимых глаголов
с ALS/WIE-адъюнктами 86
Природина У. П.
Мода как фактор формирования антропонимической базы
(на примере шведского языка)..... 88
Сеидова В. М.
Наименования животных, образованные на основе
ономатопоэтических мотивов, во французском языке 94
Кашпирева Т. Б.
Фразеосемантическое поле концепта «любовь»
во французском языке: структурно-семантический анализ
предметных фразеологизмов 96
Чиркоева Д. И.
Категория принадлежности в якутском языке.....97
Салехова И. С.
Общая характеристика форм настоящего времени глагола
в азербайджанском языке.....100
Алиева Г. С.
Текст (контекст) как средство устранения явления омонимии,
проявляющейся на уровне предложения
(на основании материалов современного азербайджанского языка) 103
Алиева Б. З.
Имена прилагательные, образованные морфологическим способом,
в азербайджанском и итальянском языках и их особенности.....109
Байрамова Г. М.
Антонимы в азербайджанском и итальянском языках 115
Гадимова М. Г.
О лексико-семантическом развитии слова «baş» – «голова»
в азербайджанском и русском языках.....120

Асадова М. Н.
Лексико-семантические особенности местоимений I лица единственного и множественного числа в азербайджанском и английском языках 123
Veysalli F. Y.
Some remarks about the prosodic structure in Azerbaijani 128
Мамедова Э. Ф.
Лексическая актуальность компонентов глагольных фразеологизмов в языке дастанов «Книга моего деда Коркута» 131
Сулейманова И. Дж.
Антонимы в поэзии Бахтияра Вагабзаде 137
Истратова Ю. А.
Аллюзивная ономастика в поэзии Жоржа Брассенса 142
Безрукова Н. В.
Особенности авторской речи в произведениях современных немецких писателей на синтаксическом уровне 145

III. ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, МЕНТАЛЬНОСТЬ

Ефименко Е. А.
К вопросу о соотношении языка и культуры 150
Киселёва И. В.
Эталонность пространственного кода культуры 152
Матвеева М. В.
Лингвокультурология в системе современного научного знания и ее место в системе обучения иностранным языкам 155
Сулейманова С. А.
О некоторых структурных особенностях доброжеланий и зложеланий (на материале русского и азербайджанского языков) 156
Денисенко М. В.
Роль серого цвета в цветовых классификациях 160
Калинина С. А.
Концепт «театр» и семантика его когнитивных признаков, вербализованных из концепта «кукольный театр» 163
Малышева С. С.
Лексико-семантическая группа «актер» в англоязычном театральном социолекте 165
Аюшеева С. Н.
Особенности концепта «школа» в метафорике языка немецкой молодежи 167
Гуламова З.Ю.
Социальный статус человека как объект сравнения в системе устойчивых сравнений русского языка 169
Баваева О. К.
Метафорические параллели, отражающие социальный статус человека 174
Иванова Н. С.
Мерфизмы как парадоксальные суждения 176
Бутто О. Л.
Этнические стереотипы мышления и поведения итальянцев 178

Полванова С. Т., Нариманова З. К.
Об исследовании национально-культурных особенностей соматических фразеологизмов 185
Плахотная Ю. И.
Процессы кодирования и декодирования речевого высказывания 189

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РИТОРИКИ, КУЛЬТУРЫ РЕЧИ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Салиева Л. К.
К вопросу о природе риторического 194
Мусави З. Г.
О некоторых аспектах усвоения детьми модальности (на начальном этапе развития речи) 197
Жукова Т. С.
Новые тенденции функционирования обращений в современной коммуникации 203
Ефимов Д. К.
Термины в профессиональной коммуникации 213
Алиева С.
Языковые средства, формирующие деловой стиль (на материале азербайджанского языка) 216
Вознюк А. В.
Словарь лексических загородок в рамках стратегии негативной вежливости в научных текстах 220
Володина М. С.
Прагматическая роль пресуппозиций в порождении унисонных и диссонансных диалогических единств 228
Скнар Г. Д., Дерипаско Л. И.
Конструктивная роль темы реплики-реакции в модусно-диктумном согласовании диалогических ходов собеседников 233

V. ПРОБЛЕМЫ МНОГОЯЗЫЧИЯ, ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Касенова Н. А., Тимохина Т. В.
Формирование языковой личности в условиях многоязычия 238
Сабирова Л. Р.
Татарский язык в условиях двуязычия 239
Бондаревский Д. В.
Неизменяемые имена: синтагматический аспект 242
Шатилович О. В.
Русско-французское языковое взаимодействие 247
Голандам А. К.
Способность двуязычных и толковых словарей русского языка при переводе глагольных приставок на персидский язык 251

Гашымова Д. А.
Лексикографические исследования
в области германистики в Азербайджане 254
Наумов В. Г.
О проекте учебного словаря межъязыковых
формальных и формально-семантических соответствий 260
Салаева Ф. В.
Место фразеологии в лексикографии 262
Какзанова Е. М.
Роль терминов в прикладной лингвистике:
лексикографическая фиксация терминов-эпонимов.....265
Мамедова С. Ю.
Речевые ошибки СМИ 269
Флоря А. В.
Об экспрессивности газетных заголовков.....274
Гадакчян А. С.
Контекстуальная актуализация трансформированных фразеологизмов
и их дефразеологизация в языке англоязычных СМИ 279
Ершова Е. О.
Учебные пособия русского языка для немцев
как отражение миссионерской деятельности XVIII в. 285
Джуманова Л. С., Байдельдинова Г. М., Магауина Г. М.
Организация обучения чтению
научно-технической литературы на иностранном языке 290

VI. ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Титова Н. Г.
Общие жанроопределяющие признаки
русских и английских народных загадок 292
Ивашова А. А.
Образ покойного в русских похоронно-поминальных причитаниях 298
Ковалько Н. А.
Научные характеристики пространства-времени
в фольклорных текстах русского и английского этносов
(на примере пословичного фонда)..... 300
Власова Л. А.
Жестокий романс и рукописный девичий рассказ:
к вопросу о близости жанров 304
Самойлова А. В.
Особенности понимания категорий пространства и времени
в литературоведческой области..... 306
Рахимова Н. М.
Функции интертекстуальных элементов
в сильных позициях художественного текста..... 309
Толчеева К. В.
Текст драматургический и текст театральный 310
Никифорчук С. С.
Биография как тип текста: к истории вопроса 312

Sozashvili N.
Problems of an epic historicism 317
Болдырева И. И.
Проблема отношений между полами в англосаксонской литературе
(на примере древнеанглийских элегий) 321
Hamidoost M.
The aplication of low kind of language in ballads 324
Федоткина М. И.
Сюжетные элементы русских повестей
рубежа XVII – XVIII столетий.....328
Бельская А. А.
Личное имя главной героини романа И. С. Тургенева «Накануне»
и концепция её образа 331
Гай М. В.
К проблеме установления компаративных связей
русской и зарубежной литературы (на примере произведений
Оноре де Бальзака и М. Е. Салтыкова-Щедрина) 333
Щепотьева А. А.
Репрезентация базовых концептов
в сатирических произведениях Марка Твена 336
Юнина Т. В.
Разлад в семье и пульсация хронотопа
в романе Андрея Белого «Крещёный китаец» 339
Капитонова Н. С.
Графические кластеры как средство отражения
внутреннего мира персонажей в романе Дж. Джойса «Улисс» 344
Мамедова С. Х.
Г. Джавид и романтическая свобода.....348
Тугулова О. Д.
Китайская поэзия в период «культурной революции» (1966–1976 гг.) 353
Мусукаева А. Х.
Этно-фольклорные традиции в творчестве
кабардинского писателя Тенгиза Адыгова 357
Степин С. Н.
Нравственно-этические и философские ориентиры
лирического героя Юрия Скрипкина 360
Антипина Ю. В.
От фандома к фанфикшену: становление литературных практик
в сообществе поклонников творчества братьев Стругацких.....362
Фролова О. А.
Жанровое своеобразие романа Р. Желязны «Остров мёртвых» 370
Рябочкина И. Н.
Своеобразие художественного времени
в романе Евгения Клюева «Андерманир штук».....372
План международных конференций, проводимых
вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии,
Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2011 году.....374

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПРОБЛЕМА ИЗБЫТОЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

С. М. Багирова
Азербайджанский университет языков,
г. Баку, Азербайджан

Summary. The article explores the investigation of history of redundancy. The article deals with the methods of as redundancy well.
Key words: redundancy, pleonasm, коммуникация, сообщение, повтор.

Принцип экономии и понятие избыточности, или изобилия, помогают раскрывать сущность важнейших процессов языковой деятельности. Изучение их на материале конкретных языков уходит в глубокую историю языкознания. Они рассматривались в связи с такими понятиями, как «конкретность», «простота», «компактность», которые имеют непосредственное отношение к экономии. Ещё Аристотель поставил изучение их в зависимость от стилистического разнообразия. Он считал, что избыточность речи есть результат невнимательного отношения к языку. Надо стремиться к тому, чтобы человек во время выражался одновременно чётко, конкретно и без эмоций [2, с. 189]. Простота, по его мнению, имеет один единственный недостаток, а именно влечёт за собою «неопределённость» [2, с. 189].

Следует подчеркнуть, что избыточность в языке изучалась как в бывшей советской, так и в зарубежной лингвистике. При этом в терминологическом отношении наблюдается большой спектр конкретных терминов. К таковым относятся «гиперхарактеристика», «плеоназм», «избыточность» и т. д. Иначе говоря, разные лингвисты и школы пользовались различными способами для обозначения одной и той же сущности. Однако многие вопросы, связанные с толкованием языковой избыточности, остаются до сих пор не решёнными.

В некоторых работах избыточность раскрывается фрагментарно и расплывчато. В большинстве случаев она изучается как понятие, противопоставленное понятию «языковой экономии». Стремление к экономии понимается как фактор развития, когда одно грамматическое значение выражается максимальным количеством средств формального выражения [1, с. 60–61]. Например*, She is comming (Она идёт)*. Здесь третье лицо выражено дважды – первый раз личным местоимением в третьем лице и формой вспомогательного глагола в третьем лице единственного числа в настоящем времени.

О. С. Ахманова определяет плеоназм как одну из форм проявления избыточности. Единственное различие между ним и избыточностью здесь сводится к тому, что понятие избыточности появляется и исчезает на разных уровнях, в то время как плеоназм является постоянным, всегда наличествующим признаком языка [3, с. 305].

Одним из ведущих является мнение, что структура языка характеризуется тем, что на её отдельных уровнях господствует принцип экономии. Это подчёркивал в своё время И. А. Бодуэн де Куртенэ [4]. Причём этот принцип впервые был применён в фонетических исследованиях и лишь после 30-х годов принят в область фонологии. По существу, язык отказывается от избыточного выражения и стремится к тому, чтобы сохранить самое необходимое для выражения.

Французский языковед А. Мартине ещё в 50-е годы прошлого века писал, что язык есть такое средство выражения мысли, которое постоянно подвергается влиянию двух противоборствующих сил [7, с. 126]. С одной стороны, язык постоянно изменяется, потому что постоянно растёт необходимость выражения всё новых мыслей и чувств говорящих, вследствие чего средства их выражения усложняются. С другой стороны, язык не меняется, так как инерция говорящих даёт о себе знать, что приводит к общему ограничению языковых средств выражения [7, с. 126].

Таким образом, из анализа позиции А. Мартине вытекает, что язык регулируется малой силой, энергией, или законом экономии. По его мнению, лингвистическая экономия – это синтез действующих в языке сил [7, с. 126].

Следует отметить, что принцип экономии по-разному применяется к описанию того или иного уровня структуры языка. Так, например, Н. С. Трубецкой, посвятивший изучению фонологии отдельный труд, считал, что в каждом языке имеет место определённое количество реализаций, которые характеризуются отношением к ним потенциальных возможностей системных оппозиций [7, с. 126].

Принцип избыточности начал интенсивно изучаться с 40-х годов прошлого столетия, когда американский математик К. Шеннон вводил в языкознание новые методы определения количества информации в свете теории связи. Благодаря его усилиям стало возможным провести количественное исследование любой информации [10].

Известный русский лингвист Ю. С. Маслов подчёркивает, что в языке существует наряду с экономией и избыточность, т. е. одно и то же сообщение содержит несколько формальных средств выражения. При этом сюда относятся как лексические, так и грамматические средства [8, 10]. Например, в предложении *Yesterday we were at the university (Вчера мы были в университете)* значение прошлого времени выражено двумя способами. С одной стороны, оно выражено лексемой *(yesterday)* и глаголом *(to be)* в прошедшем времени. Аналогичное положение мы имеем в русском языке. Так, в предложении *Вчера мы водили нашу маленькую внучку в цирк/* дополнение выражено тремя формативами (-у, -у, -у). Такую избыточность нельзя считать излишней, так как она выступает в качестве дополнительного средства языкового выражения.

Таким образом, для правильного восприятия переданного говорящим сообщения важно не только качество передающего канала, но и тот фактор, в какой степени в нём наличествует избыточность. Так утверждает известный русский учёный Л. Р. Зиндер, который рассматривает избыточность именно под таким углом зрения [6, с. 58].

Среди языковедов есть ещё такие, которые считают, что избыточность служит уменьшению потери передаваемой информации и потому зависит от её насыщенности. И это связано с особенностью каждого естественного языка, причём каждый язык проявляет в этой связи свои собственные особенности [9, с. 33]. Мы выше уже говорили о насыщенности

информации языковыми средствами и в английском, и русском языках. В некоторых источниках отличается степень наличия избыточности в русском языке (около 80 %), а в английском языке эта цифра достигает 70–80 %. Каков процент наличия избыточности в других языках, сказать трудно, так как вывод об этом возможен только в результате конкретных исследований.

Таким образом, мы видим, что развитие теории информации способствовало внедрению понятия изобилия в лингвистических исследованиях.

Подытоживая вышесказанное, можно заключить, что избыточность это не повторение, она совсем не обязательно связана с повторением. Американский лингвист Г. Глисон даёт избыточности следующее определение: «Избыточность – это специальный термин в теории информации», и он требует такого специального определения, которое могло бы согласовать его с термином «информация» ...избыточность – это разность между теоретической возможной передающей способностью какого-либо кода и средним количеством передаваемой информации» [5, с. 369].

В английском языке в словах *then, there, the* и т. д. после первой буквы “t” идёт “h”. Свобода выбора здесь второй буквы весьма ограничена. Сказанное до сих пор относится к письменному английскому языку. Избыточность имеет место также в разговорном английском языке. Наимее часто, казалось бы, должна употребляться английская фонема /ð/. Однако если учесть тот факт, что английские морфемы /ðə/, /ðey/, /ðæt/, /ðət/, /ðen/ относятся к самым употребительным морфемам английского языка, то можно заключить, что за счёт высокой частотности морфем фонема принадлежит к числу относительно распространённых фонем. Этот поверхностный анализ показывает, что избыточность, равно как и частота употребления той или иной единицы, зависит от объёма и конкретной области употребления анализируемого слова. Надо избыточность изучать в контексте и в отношении всех ярусов структуры языка. Тогда окажется, что ограничение в пределах одного яруса снимается за счёт особенностей употребления единиц других ярусов, и наоборот. Здесь ограничимся некоторыми данными, которые касаются частотности гласных турецкого языка, которые заимствованы из названной выше книги Г. Глисона [5, с. 378]:

i – 129;	// – 38;
ü – 61;	a – 294;
e – 267;	u – 96;
ö – 46;	o – 69 [15, с. 263].

Библиографический список

1. Адмони В. Г. Основные теории грамматики. – М.-Л., 1964. – С. 60–61.
2. Античные теории языка. – М., 1966. – С. 189.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. – С. 305.
4. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963.
5. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. – М., 2008. – С. 369.
6. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. – М., 1979. – С. 58.
7. Мартине А. Принципы экономии в фонетических изменениях. – М., 1960.
8. Маслов Ю. С. Введение в языковедение. – М., 1987. – С. 12.
9. Сусов И. П. Введение в языкознание. – М., 2006. – С. 33.
10. Теория информации. – М., 1954.

МОДАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С. М. Карпоян
Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The given article deals with the variety of theoretical views on the properties of modality as a linguistic category. It is stated that modern studies in modality is based on the principles of anthropocentricity in linguistic studies. Different definitions and classifications of modality are also considered.

Key words: anthropocentric paradigm, linguistic and pragmatic approach, objective modality, subjective modality.

Основа антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований разработана великими лингвистами прошлого – В. В. Виноградовым, А. А. Потебнёй, А. М. Пешковским, Л. В. Щербой, В. фон Гумбольдтом, Ш. Балли, О. Есперсеном, Э. Бенвенистом. Концепции данных лингвистов легли в основу нового витка лингвистических исследований в конце двадцатого и в начале двадцать первого столетия в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Т. В. Булыгиной, Г. А. Золотовой, Е. В. Падучевой, А. Вежбицкой и др.

В современной лингвистике традиционные системно-структурные и функциональные исследования всё чаще приобретают антропоцентрический характер, вследствие того, что расширяется поле коммуникативно-прагматического похода к лингвистическим феноменам. Наиболее выраженно данная тенденция проявляется при изучении единиц речи – текстов и высказываний.

Особая привлекательность лингвопрагматического подхода для современных лингвистов мотивирована стремительным развитием СМИ, PR-технологий и виртуальной коммуникации, потребностью в исследовании способов манипулирования социумом. Другим фактором является всё больший социальный запрос на лингвистические исследования фактов языка внутри ситуации коммуникации, в контексте интенций адресата и адресанта сообщения, в едином и непрерывном дискурсивном потоке. Здесь выраженные В. фон Гумбольдтом идеи антропоцентризма закладываются в фундамент методологии.

Так как модальность получает различную и часто противоречивую интерпретацию в работах лингвистов, часто предлагающих противоположные трактовки данного феномена, модальность следует рассматривать как представляющую особый интерес с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. При исследовании модальности с точки зрения такого подхода выявляются особые характеристики имлицитного компонента содержания высказывания, который способствует более глубокому раскрытию оттенков модальности, особенно в отношении модальности субъективной.

Категория модальности охватывает неограниченное число модальных понятий и позиций говорящего, выражаемых посредством этих понятий. При этом в современной логике как предмет отдельных исследований определяются наиболее значимые из них, а также исследуются всеобщие и универсальные принципы модальной оценки.

Как базовые виды модальности в современной логике рассматриваются три преобладающих вида – алетическая модальность, эпистемическая (эпистемиологическая) модальность, деонтическая модальность.

Н. И. Кондаков определяет алетическую модальность как свойство сообщений, содержащих следующие маркеры модальности: «необходимо», «может быть», «не исключается», «допускается», «возможно», «случайно» и т. п. [8, с. 32].

Следовательно, алетическую модальность можно определить как содержание сообщения, передающее информацию о связи субъекта и предиката высказывания, основанной на необходимости или возможности или же выражении реальных отношений необходимости или возможности между явлениями, описываемыми в сообщении.

К деонтической модальности относятся побуждения к действиям, выражаемые в виде приказа, пожелания или совета. Деонтическая модальность может определяться посредством маркеров модальности «безразлично», «запрещено», «разрешено», «обязательно» [8, с. 139].

Эпистемическая модальность выражает отношение к надёжности и степень принятия информации. Маркерами эпистемической модальности могут быть слова «сомневаться», «убеждаться», «знать», «верить», «доказать», «опровергнуть» [8, с. 691].

При этом модальная логика изучает не только алетическую, деонтическую и эпистемическую модальности. В работе О. Н. Лагуты находим следующее определение модальности – это «явно или неявно выраженная в суждении дополнительная информация о характере зависимости между реальными явлениями, о логическом статусе суждения, об оценочных, регулятивных, временных и других его характеристиках» [89, с. 147]. Следовательно, логики объединяют в понятии модальности аксиологическую, временную и регулятивную модальность наряду с алетической, деонтической и эпистемической модальностью.

Проблема модальности занимала таких исследователей, как Шарль Балли, В. В. Виноградов, А. М. Пешковский, А. В. Бондарко, Г. А. Золотова. В своих работах Ш. Балли выявляет такие элементы высказывания как диктум (содержание) и модус (его модальная составляющая), различаются имплицитные и эксплицитные модусы [1]. В. В. Виноградов указывает на тот факт, что категории модальности, времени и лица составляют значение синтаксической предикативности [4].

Впервые с точки зрения лингвистики проблему модальности рассматривал Ш. Балли, который выделил диктум и модус как составляющие предложения, которое рассматривалось Балли как максимально простой вид выражения мысли, то есть реакции на действительность, содержащей различные желания, намерения, оценки и пр. Таким образом, двумя составляющими предложения являются констатирующая часть – диктум и модус, в котором раскрывается содержание мыслительных операций автора предложения [1].

В современных лингвистических работах отмечается множество определений модальности; модальность также подвергается типологическим исследованиям, в которых вырабатываются различные классификации модальности.

Первым, кто подошёл к исследованию модальности в российской лингвистической науке, был В. В. Виноградов; он дал определение модальности, на котором основывают свои разработки отечественные линг-

висты. В. В. Виноградов полагал, что модальностью является обязательная синтаксическая категория предложения, которая выражает представляемое автором предложения отношение высказываемого к реальному положению дел в параметрах реального, нереального, предположительного, желательного, возможного [4]. Кроме того, российские лингвисты классифицировали модальность на объективную и субъективную (В. В. Виноградов, Б. Н. Бондаренко, В. З. Панфилов).

Исследуя проблемы модальности, Г. А. Золотова выделяет экспрессивно-эмоциональный компонент значения, который включён в инвариантное значение модальности наряду со значениями объективной модальности [6]. И, наконец, в качестве категории коммуникативного синтаксиса исследует модальность А. В. Бондарко, указывая на ряд значений, наполняющих модальность определённым смыслом, например «возможность», «необходимость», «гипотетичность»; «достоверность»; «коммуникативная установка высказывания»; «утверждение–отрицание»; «засвидетельствованность» [2].

Наиболее валидной нам представляется точка зрения В. В. Виноградова, и вслед за ним полагаем, что значением модальности является выражение отношения содержания высказывания к реальной ситуации, а также отношения адресанта коммуникативного акта к передаваемому им сообщению, что способствует раскрытию коммуникативных интенций адресанта. Согласно В. В. Виноградову, всякое выражение мысли, эмоции, побуждения отражают реальность средствами данной языковой системы, а также передают дополнительные синтаксические значения, формирующие категорию модальности [5, с. 379].

Объективные отношения, наблюдаемые в данной ситуации (необходимые, действительные, возможные), выражаются объективной модальностью [11, с. 39]. Объективная модальность определяется как непременная характеристика предложения, которая и формирует предложение как единицу предикации. Посредством объективной модальности выражается отношение высказывания к реальному положению дел, указывается на реальность/нереальность, возможность/невозможность осуществления.

К способам формализации объективной модальности относится категория наклонения глагола, так, реальная модальность выражается изъявительным наклонением глагола, тогда как нереальная модальность выражается сослагательным наклонением глагола, а также, по мнению большинства учёных, повелительным наклонением глагола.

По поводу субъективной модальности единого мнения у лингвистов пока не сложилось. Субъективная модальность состоит во взаимодействии с базовым объективным значением высказывания. В работах В. В. Виноградова отсутствует сформулированная позиция по возможности отнесения эмоционально маркированных элементов к категории модальности. По мнению В. В. Виноградова, «необходимо проводить принципиально чёткую грань между разными эмоциональными формами выражения реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности», однако он призывает учитывать, что «с категорией модальности соприкасаются и даже частично переплетаются с нею разные виды и типы эмоциональной экспрессии (например, возмущения, восхищения, угрозы и т. п.» [4, с. 49]. При этом В. В. Виноградов в ряд маркеров модальности («вводные синтагмы» по Виноградову) включает

такие слова, которые выражают «оценку сообщаемого факта с точки зрения общих категорий счастья, несчастья, беды и т. п.» [3, с. 59].

Таким образом, на концепцию В. В. Виноградова с успехом опираются как те лингвисты, которые считают модальность исключительно категорией логики, так и те, которые выявляют в субъективной модальности различные лексические и грамматические пути выражения эмотивности.

Следовательно, можно рассматривать два направления в интерпретации субъективной модальности. Согласно логическому направлению субъективная модальность выражает степень, в которой признаются достоверными объективные связи в реальности [11]. Маркеры модальности или модальные слова являются основным способом выражения данного вида модальности (О. И. Бродович, Н. П. Ломтев, А. Т. Золотова, Б. Н. Бондаренко, В. З. Панфилов, Е. А. Зверева, Е. И. Беляева, Л. С. Ермолаева, Ф. А. Агаева, М. А. Болотнина, И. Р. Федорова, F. R. Palmer, M. Joos, C. W. Kleider, P. Thompson, D. Zaefferer, A. Papafragou).

Представители второго подхода (Н. Ю. Шведова, Г. В. Колшанский, Н. Е. Петров, О. В. Александрова, Е. М. Вольф, М. Я. Блох, Б. В. Хрычиков, В. М. Мякотина, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, А. П. Бабушкин, И. И. Просвиркина) рассматривают категорию модальности более широко. Такой подход определяется В. В. Карасиком как коммуникативный, когда в общении условно выделяется сущность сообщаемого и характер сообщения, который и отражает модальность (модус) – то, как адресант относится к адресату, к содержанию сообщаемого, к способу сообщения и к ситуации общения [7, с. 6]. Ш. Балли предлагал аналогичный подход, обобщая модальные значения как «самые различные оттенки суждения, чувства и воли [1, с. 43].

Лингвисты, рассматривающие категорию модальности с точки зрения логического подхода, не сходятся во мнении об обязательной принадлежности модальности всякому предложению, или же модальность должна выражаться только эксплицитно. Например, существует мнение, что характерным признаком предложения всегда является значение уверенности/неуверенности, которое образует субъективную составляющую смысла всякого предложения (В. З. Панфилов, Б. Н. Бондаренко, И. А. Филипповская, В. И. Белошапкова, С. П. Ламбарджян). Например, значение субъективной модальности, выражающее знание, в одном случае может быть выражено эксплицитно, а в другом – имплицитно (*Она, очевидно, всё уже знает. Она всё уже знает*).

С другой стороны, ряд учёных полагают, что можно определять субъективную модальность лишь в случае её эксплицитного отражения в высказывании, они рассматривают объективную модальность как обязательный, а субъективную модальность как необязательный признак предложения (Е. И. Беляева, О. Н. Падучева, Е. В. Лагута).

Кроме того, высказывается предположение, что объективная модальность не может не содержать значения отношения адресанта к высказываемому, к ситуации и к адресату сообщения. Так, О. А. Мартынюк утверждает: «Отнесение содержания предложения к действительности осуществляется лишь через сознание говорящего, который, представляя процессы как соответствующие или несоответствующие действительности, независимо от того, являются они истинными или нет, тем самым и проявляет своё истинное отношение к сообщаемому» [10, с. 7].

С целью определить понятие субъективной модальности более конкретно и российские, и зарубежные лингвисты в последнее время используют классификацию модальности на эпистемическую и неэпистемическую (то есть, деонтическую и корневую) модальности (В. З. Демьянков, Е. И. Беляева, Е. Р. Иоанесян, О. В. Александрова, Т. А. Комова, J. Lyons, F. R. Palmer, J. Coates, A. Kratzer, C. W. Kreidler, D. Biber et al, S. Greenbaum, Sorensen, T. Stowell).

Наиболее глубоко данный подход проработан Палмером для модальных глаголов. Палмер определяет, что эпистемистическая модальность передаёт то, насколько адресант уверен в истинности сообщаемого, а неэпистемическая (деонтическая) модальность, согласно Палмеру, обощает различные виды модальности, содержащие компонент воли [12].

Эти две модальности можно рассмотреть на следующих примерах: *You may come in* (неэпистемическая модальность); *He may be at home now* (эпистемическая модальность).

Не вся содержащаяся в сообщении информация передаётся эксплицитно, часть значения передаётся имплицитной составляющей сообщения. Возникая на основе эксплицитного значения в динамике коммуникации на фоне значимой коммуникативной ситуации, имплицитное значение проявляется в когнитивных процессах импликации, компенсации и конструирования смыслов. Только в определённой коммуникативной ситуации проявляется имплицитная субъективная модальность сообщения.

На интенции адресанта, а следовательно, и на формирование сообщения в коммуникативной ситуации влияет ряд факторов, например намерение адресанта манипулировать, влиять на адресата сообщения, выразить (эксплицитно или имплицитно) собственное отношение к содержанию сообщения, необходимость следования нормам общения.

Итак, являясь синтаксической коммуникативно-прагматической категорией, модальность представляет собой сложный многофакторный феномен, обладающий разноплановыми коммуникативно-прагматическими характеристиками. Прагматическая интерпретация экспликации субъективной модальности в реальной коммуникативной ситуации позволяет максимально выявить имплицитное значение сообщения.

Библиографический список

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
2. Бондарко А. В. К истолкованию семантики модальности // Язык, литература, эпос (К 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского). – СПб., 2001. – С. 34-40.
3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка. Т. 2 – М.-Л.: Ак. Наук СССР, 1950 . – С. 38–79.
4. Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (На материале русского языка) // Вопросы языкознания. – М., 1954. – №1. – С. 3–29.
5. Виноградов В. В. Избранные труды: исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
6. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
7. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М., 1992.
8. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
9. Лагута О. Н. Логика и лингвистика. – Новосибирск, 2000.
10. Мартынюк О. А. Грамматическое содержание и значение глаголов can, must, ought, dare, need в современном английском языке: автореф. дис. . . канд. филол. наук. – Одесса, 1982.

11. Панфилов В. З. Категория модальности и её роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 36–48.
12. Palmer F. R. Mood and Modality. – Cambridge, 1984.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Е. А. Карташева
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Summary. Any treatment of linguistics must address the question of language change. The way languages change offers insights into the nature of language itself and the possible answers to why languages change tell us about the way language is used in society, about how it is acquired by individuals and may reveal to us something about its internal organization. All kinds of language change can basically be assigned to one of two types: either the change is caused by a structural requirement of the language — this is internally motivated change — or it does not in which case one speaks of externally motivated change.

Key words: language change, diachronic change, historical linguistics, internal and external motivation, internal and external causes, variation.

Человеческий язык – явление необычайно многогранное. Любой язык мира выступает как средство общения людей. И то, что язык есть средство общения, коммуникации, как раз и является основным его свойством.

Осуществление коммуникативной функции требует от языка, с одной стороны, устойчивости, неизменяемости, с другой стороны, условия коммуникации, постоянно развивающееся мышление требуют от языка непрекращающегося развития, изменения и пополнения его элементов, усложнения и совершенствования функций. Таким образом, между состоянием языка в данную эпоху и потребностью общества к всё более адекватному выражению осложняющихся форм коммуникации существует постоянное противоречие. Именно оно является основным стимулом развития языка. Не всякое изменение в языке приводит к его развитию, а лишь то, которое влечёт за собой расширение и осложнение общественных функций языка.

Чем вызываются языковые изменения, ведущие к совершенствованию, к развитию языка? Современная постановка проблемы заключается в том, чтобы объективно показать, как взаимодействуют внешние и внутренние факторы развития языка.

В специальной лингвистической литературе уже было справедливо указано на то, что «вопрос об языковой изменчивости, представляющей постоянное качество языка, является вопросом о сущности языка» [2, с. 131].

По словам Б. А. Серебренникова под языковым изменением следует понимать «процесс нарушения тождества единицы самой себе и результат такого нарушения тождества. Языковое изменение есть понятие диахроническое, ибо для его обнаружения и констатации мы должны сопоставить два разных временных среза. Формула изменения – «А > Б» – есть одновременно признание двух разных состояний, из которых одно предшествует другому» [6, с. 36]. «Категория „изменение“, – пишет в данной связи отечественный философ Б. А. Грушин, – по-видимому, является самой аб-

страктной, самой общей категорией, которая отражает процессы развития объективного мира. В ней подчёркивается лишь самое общее, самое очевидное, бросающееся в глаза, присущее всякому процессу развития: наличие различий в одном и том же элементе системы (или в самой системе), взятом (взятой) в двух различных по времени точках» [1, с. 104]. Тем не менее, не все указанные типы модификаций можно считать изменениями в собственном смысле слова. Мы относим этот термин лишь к расхождениям во времени, то есть полагаем, что он служит для обозначения нетождеств между явлениями, обнаруживающими зависимость во временном следовании и связанными отношениями преемственности и замещения. Все другие модификации одной и той же единицы мы и обозначаем термином «варьирование». При таком понимании термина «изменение» последнее следует отличать от инноваций, или новообразований, в содержании которых главное — «момент появления новой единицы или элемента, а не момент превращения одного явления в другое» [6, с. 50–51].

Вслед за Ф. де Соссюром многие исследователи отмечали, что «языковая изменчивость находит своё объяснение не в том, как устроен язык, а в том, каково его назначение» [7, с. 204]. И, действительно, языки не могут не меняться прежде всего по той простой причине, что в основе актов коммуникации, средством практического осуществления которых и является язык, лежит отражение человеком окружающей его действительности, которая сама находится в постоянном движении и развитии. Наконец, ряд изменений можно связать непосредственно с воздействием одного языка на другой.

Уже Г. П. Щедровицкий подчеркнул, что «правильный подход к языку означает его понимание не как вещи, а как самой созидательной деятельности. Однако язык в каждый момент своего существования представляет собой и деятельность, и исторический продукт этой деятельности. В объектах такого рода следует принимать во внимание два разных кинематических процесса — процесс генезиса объекта и процесс его функционирования» [8, с. 7–8]. Понятие исторического развития языка неполно без воссоздания закономерностей обоих этих процессов, ибо любое изменение начинается в речевой деятельности. Изменчивость языка – и предпосылка, и результат речевой деятельности, и условие и следствие нормального функционирования языка. Язык изменяется, – подчеркивает Э. Косериу, – «*чтобы продолжать функционировать* как таковой» [3, с. 156].

Подчёркивая многосторонние зависимости языка от целого комплекса причин, А. Мейе указывал, например, что лингвистические изменения предопределяются по крайней мере тремя группами причин, или факторов: 1) структурой данного языка, т. е. здесь его устройством; 2) психологическими, физическими, пространственными, социальными и прочими условиями его существования; 3) теми частными влияниями других языков, которые в данное время и данном месте испытывает изучаемый язык [5].

В общем плане можно было бы вместе с тем отметить, что факторы первой группы – это факторы внутренние, интралингвистические, и их специфика определяется в равной мере и той звуковой субстанцией, в которую воплощён данный язык, и той сеткой связей, которая существует между его элементами (структурой языка) и, наконец, объединением элементов и связей в особое целостное единство (систему). Факторы, перечис-

ленные А. Мейе во втором пункте его классификации, обычно причисляются к факторам экстралингвистическим. Наконец, причины, выделенные им в третью группу, – это своеобразные полулингвистические причины: то, какой именно язык влияет на язык изучаемый и каково соотносительное социальное положение двух языков является фактором экстралингвистическим, социально-экономическим или даже политическим; но то, какие именно формы принимает языковое контактирование, зависит непосредственно от самих соприкасающихся языков, и в этом смысле воздействие одной лингвистической системы на другую можно рассматривать как внутрилингвистический процесс. Во всяком случае, особая роль этих факторов в общей совокупности причин изменений несомненна.

«Регулярное воздействие факторов: когнитивных, психологических, социальных на функционирование языка порождает ряд внешних и внутренних законов языкового развития» [4, с. 16–17]. Во внутренних законах, отражающих регулярность и последовательность собственно языковых изменений, проявляется относительная самостоятельность развития как системы. Внутренние законы ограничены свойствами и функциями языковых единиц.

Внешние законы обнаруживают устойчивые связи с различными сторонами человеческой деятельности, с историей общества. Они охватывают норму и содержательную сторону языка. Внешние законы развития разделяются на общие и частные. Общие устанавливают взаимосвязь, характерную для всех языков: связь общей истории языка с историей общества, связь форм существования языка с историческими общностями людей, зависимость развития языка от территориально-географических условий его функционирования (виды контактирования языков: субстрат, суперстрат, адстрат). Частные законы характерны для конкретных языков и ряда родственных.

Изменения в языке могут быть и результатом действия внутренних факторов. Они порождаются самим языковым механизмом независимо от внешних условий функционирования языка. Главная особенность, отличающая внутренние причины языковых изменений от внешних в том, что внутренние не имеют никаких временных ограничений. Внутренние причины определяют, как правило, тенденции развития данного языка, количественные и качественные изменения в нём. Основные внутренние причины: 1) приспособление языкового механизма к физиологическим особенностям человеческого организма; 2) необходимость улучшения языкового механизма; 3) необходимость сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности [6, с. 60–61].

Эти причины порождают ряд тенденций, отмеченных А. Мартине: 1) тенденция к облегчению произношения (редукция гласных, ассимиляция); 2) тенденция к выражению одинаковых или близких значений одной формой (выравнивание по аналогии); 3) тенденция к устранению форм и категорий, утративших свою исконную функцию (утрата категории рода в английском языке); 4) тенденция к экономии языковых средств, к ограничению сложности языковых сообщений, к созданию языков простой морфологической структуры [4].

Итак, язык может быть определён как исторически развивающееся явление, как объект, который никогда не бывает и не может быть абсолютно устойчивым, как динамическая система, находящаяся в каждый данный момент своего существования в состоянии относительного равно-

весия. Всем процессам перестройки в языке обычно противопоставляются процессы торможения, направленные на закрепление имеющихся языковых средств. Наряду с тенденцией к изменению и совершенствованию языка прослеживается мощная тенденция к сохранению языка в состоянии коммуникативной пригодности.

Библиографический список

1. Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. – М., 1961.
2. Звегинцев В. А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М., 1963.
3. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М., 1963.
4. Мартине А. Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике. – Вып. 4. – М., 1965.
5. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. – М., 1954.
6. Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1967.
7. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.
8. Щедровицкий Г. П. Методологические замечания к проблеме происхождения языка // Филологические науки. – 1963. – № 2.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРАДУОНИМИИ

Ж. Ш. Джумабаева
Национальный университет, г. Ташкент, Узбекистан

Summary. This article is devoted to the study and research of graduonymy in Uzbek, and also spread of this category on the other world languages. Graduonymy has been considered on phonetic, lexical, morphological, syntax and even stylistic levels by Uzbek linguists. The author expresses her opinion on the other similar phenomenon, which where studied by English linguists.

Key words: graduonymy, graduonymic relations, meronymy, hyponymy, plesionymy.

До 60-х годов прошлого века сфера лексико-семантических отношений была ограничена явлениями полисемии, моносемии, синонимии, омонимии, антонимии. Затем эти отношения из лексики были перенесены в морфологию и синтаксис и пополнены холонимией, миронимией, гипонимией (Р. Сафарова), когипонимией, пресонимией (Дж. Лайонз, Л. Р. Хорн) [1, 2]. Узбекское языкознание из вышеприведённых семантических отношений выделило градуонимию. Известно, что у всех признаков-особенностей предметов бытия имеются качественные и количественные отличия. Например, человек проходит путь от младенчества до старости, т. е. организм растёт, личность формируется и совершенствуется. Мозг человека отражает эти количественные и качественные различия и даёт на этой основе языковую классификацию бытия. Язык, являясь формой сознания, выражает эти отличия, отражающиеся в сознании, т. е. придаёт сознанию языковой образ. Это явление (т. е. градуонимия) не наблюдалось в западном языкознании и не было исследовано. В мировом языкознании в фонологической системе градуальные отношения были исследованы эпизодически, отмечены на других языковых уровнях, но не обобщены и не введены в систему обобщающих языковых градуальных отношений. В частности, как отмечает докторант манхаймского университета Германии

Н. Вахидова [6, 7, 8, 9], сущность и природа градуонимии не изучена германистами и не отмечена в немецком национальном корпусе в качестве признака значения слова.

Термин «градуация» отражает взаимное противодействие языковых единиц по возрастанию/уменьшению одного из их признаков, и он образован из части ***-онимия***, имеющей в узбекском языкознании в терминах «синонимия», «омонимия», «антонимия», выражающих языковые смысловые отношения, и латинского слова ***gradu-*** («степень», «уровень»). В данное время термины «градуонимия», «градуонимик муносабат» (градуальное отношение) «даражаланиш» (градуирование) употребляются в равной степени, почти как синонимы [3]. Термин «градуонимия» в определённой степени распространяется и в славистике и в германистике. Это подтверждает, что во всемирном языкознании явление градуонимии трактуется так же, как и в узбекском языкознании, т. е. как взаимодействие языковых единиц на основе возрастания/уменьшения одного из признаков.

Явление градуонимии было обосновано и исследовано в годы независимости республики. В работах Ш. Орифжановой была исследована лексическая градуонимия. О. Базаров впервые доказал [4], что лексическая градуонимия является языковой закономерностью, раскрыл естественно-онтологическую, философскую логическую, гносеолого-методологическую сущность и механизм градуирования. В результате ряда работ был создан словарь «Ўзбек тилинииг сўзлар даражаланиши ўқув луғати» градуонимии («Учебный словарь градуонимии слов в узбекском языке») [5].

В узбекском субстанциональном (формально-функциональном) языкознании понятие градуонимии было разработано и исследовано в лексике, распространилось среди единиц морфологического, синтаксического и стилистического уровней. Данные исследования были начаты с 70-х годов (в работах Х. Т. Нигматова, С. Гиясова, Ш. Орифжанова, О. Базарова, М. Нарзиева и др.). Это понятие было введено в школьные и вузовские программы, учебные пособия, учебники, а также в толковый словарь языковых терминов узбекского языка [10]. Таким образом, в узбекском языкознании понятия «градуация» и «градуальное отношение» из лексики были переведены в морфологию, синтаксис и заняли определённое место в ранге общеязыковых отношений.

Библиографический список

1. Lyons J. Semantik. Band I. Verlag C. H. – Beck Munchen, 1980.
2. Horn L. R. A natural history of negation. – Chicago: University of Chicago Press, 1989 (Expanded reissue, Stanford: CSLI, 2001).
3. “Ўзбек тили ва адабиёти”// Ne’matow H., Begmatow E., Rassulow R.: Leksik mikrosistema va uning tadqiq metodologiyasi. OTA. 1989 (6) 35-40-b.
4. Бозоров О. Ўзбек тилида даражаланиш: фил. фан. докт. ...автореферат. – Т., 1997.
5. Ш. Бобожонов, И. Исломов. Ўзбек тилининг сўзлар даражаланиши ўқув луғати (мактаб ўқувчилари учун) – Т.: Янги аср авлоди, 2007.
6. Vokhidova N. Ergebnisse der Online-Umfrage zur Graduonymie. 43. Linguistisches Kolloquium «Pragmantax II. Zum aktuellen Stand der Linguistik und ihrer Teildisziplinen» an der Otto-von-Guericke-Universität Magdeburg.
7. Vokhidova, N. Überlegungen zur Erweiterung lexikalisch-semantischer Ressourcen durch die Graduonymie. Workshop zur Konvens 2008 «Lexical-Semantic and Ontological Resources Maintenance, Representation and Standards».

8. Vohidova N.: Graduonimiya o`zbek tilshunosligidan germanistikaga. // «Тилшунослик ва методика масалалари». Тўпловчи ва нашрга тайёрловчи Йўлдошева, Д. – Тошкент, Фан. 2008. Б. 20–24.
9. Vokhidova, N.: Über die Ergebnisse der web-basierten Umfrage zur lexikalisch-semantischen Graduonymie. // Германистика ва романистиканинг Ўзбекистонда тараққиёти ҳамда келажаги. Республика илмий-амалий конференцияси материаллари. Б.-334. 2008, 14-15 март. – Бухоро, 2008. Б.236-238.
10. Сайфуллаева Р., Менглиев Б., Боқиева Г. ва бошқ. Ҳозирги ўзбек адабий тили. – Т.: Университет, 2007.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА. ДИСКУССИИ 60-х гг. ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ф. В. Салаева
Бакинский славянский университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. The information on the discussions dealing with phraseological science of the Azerbaijan linguistics taken place in 60s of the XX century is given in the article. It is shown that the study of phraseological semantics in the Azerbaijan linguistics has been carried out mainly on the V. V. Vinogradov's conception. The thoughts of scientists as H. Bayramov, M. Taghiyev, I. Hamidov are also examined in the article.
Key words: Azerbaijan linguistics phraseology, semantics, phraseological conception.

Азербайджанская лингвистика прошлого столетия, конечно же, должна рассматриваться исключительно в контексте советской лингвистики. Иными словами, лингвистические труды, создаваемые в Азербайджане, ни в плане программных установок, ни с точки зрения исследовательских методов не выходили за пределы того научного дискурса, который сформировался в общесоюзном масштабе в первой половине XX в. Безусловно, влияние на метаязык лингвистики, методы и цели, понимание сути процессов, как диахронических, так и синхронических, и их философское осмысление оказали выдающиеся русские языковеды, плеяда, сформировавшаяся на стыке XIX и XX веков. Прежде всего, здесь необходимо упомянуть имена А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В.Щербы и В. В. Виноградова. Каждый из этих учёных оказал существенное влияние на развитие лингвистической мысли не только в России, но и по всей стране. Сказалась здесь и традиция применения матриц, вырабатываемых в интеллектуальном центре, которым, естественно, во все времена считалась Москва. Но справедливости ради следует сказать, что не только данный фактор определял формирование национальных лингвистик по образцу центральной, московско-ленинградской. В центре, действительно, работали выдающиеся лингвисты, обладавшие к тому же богатейшей библиотечной и лексикографической базой, имевшие даже в советские годы традиционные контакты с заграницей, обучавшиеся иностранным языкам в специальных учебных заведениях и реально владевшие языками.

В азербайджанском языкознании в целом фразеологический дискурс начинает складываться после известных статей академика В. В. Виноградова. В 50-е и 60-е гг. фразеология азербайджанского языка изучается в соответствии с принципом семантической идентификации или теорией

семантической слитности, основы которой были заложены В. В. Виноградовым. Речь идёт об основах по той причине, что Н. М. Шанский, как известно, дополнил классификацию В. В. Виноградова, введя в парадигму фразеологических единиц и такие речевые единицы, как пословицы. Можно предполагать, что сам В. В. Виноградов совсем не случайно пословицы во фразеологию не включал.

В азербайджанском языкознании проблема фразеологической семантики в основном разрабывается в ключе виноградовской концепции. В 60-е и 70-е гг. получают известность концепции Г. А. Байрамова и М. Т. Тагиева. Эти концепции были не единственными, но именно в них представлена попытка дифференцировать фразеологическую семантику. Следует отметить, что Г. А. Байрамов так же, как и М. Т. Тагиев, фразеологическую семантику не распространял до семантики целостного суждения, хотя и не рассматривал фразеологизм в составе конфигурации. Теория окружения, созданная М. Т. Тагиевым, стимулировала в Азербайджане исследование явлений на стыке ядра фразеологизма и его окружения. В конечном счёте объектом подобных исследований выступал не фразеологизм, а конфигурация, и соответственно – не фразеологическая семантика, а семантика целостной конфигурации.

В Азербайджане как в прошлом, так и в нынешнем столетии активно проводились исследования, в объект которых под общим названием *фразеология* включались также пословицы. Это характерно, например, для И. Г. Гамидова, автора «Азербайджанско-русских» и «Русско-азербайджанских словарей пословиц», в которые он включает и фразеологические единицы. Таким образом, фразеологическая семантика не дифференцируется от паремиологической. Методологическую основу подобных концепций, на наш взгляд, составляла и составляет система взглядов Л. В. Щербы, согласно которой, говоря о языке, невозможно игнорировать речевые факты. Следовательно, различные взгляды на фразеологическую семантику, характерные для азербайджанской лингвистики, в методологическом отношении вполне правомерно связывать со взглядами Ф. де Соссюра, с присущим им последовательным разграничением языка и речи, и лингвистическим мировоззрением Л. В. Щербы, протестующим против последовательного разграничения языка и речи. В качестве критерия можно было бы использовать понятие «знака». В этом случае можно договориться о том, что фразеологизм как единица вторичной номинации выполняет знаковую функцию, в то время как пословица выражает целостное суждение. Однако могут возразить, что и суждение способно выполнять знаковую функцию. Во всяком случае, знаковость суждения не выполняет номинативную функцию. Учитывая практику современных общих толковых, фразеологических и паремиологических словарей, можно утверждать, что полемика прошлого века не увенчалась теоретическим согласием.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКЕ

С. А. Смольянова
Российский государственный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия

Summary. This article deals with the category of time in linguistic research. Various scientific concepts are examined in this context. The article investigates the shift of the core of functional-semantic field.

Key words: category of time, functional-semantic field.

На фоне относительной полноты исследования категории времени в естественных науках, а также высокой степени её изученности в философии, истории, психологии, а также социологии и культурологии можно говорить только о начальной стадии изучения вопроса в лингвистическом аспекте.

Одной из важнейших тенденций, определяющих современный подход к категории времени, стал переход лингвистики на антропологическую парадигму.

Вполне понятно, что при репрезентации категории времени в языке речь идёт о целой совокупности темпорально маркированных языковых элементов, «организованной системе темпоральных экспонентов», в терминологии О. Ю. Медведевой [3, с. 16]. Однако в лингвистических работах отечественных исследователей последних десятилетий, затрагивающих проблему выражения времени, условно можно выделить, согласно Е. В. Погодиной, два направления: одно включает в круг рассмотрения только лексический материал, т. е. анализируется либо темпорально-лексическое поле (часть поля) (Морковин, 1977; Сычков, 1977; Мельчук, 1983; Ищук, 1994), либо конкретные лексемы времени (Леонтьев, 1993; Потаенко 1996). Иное направление – это исследование функционально-семантического поля времени с выделением и описанием особенностей видо-временной системы (Бондарко, 1983, 1990; Шатуновский, 1992) или периферии разного порядка (Яковлева, 1994; Падучева, 1996; Золотова, 1999) [4, с. 7 – 8].

Кроме того, изучая функции категории времени в языке, Н. А. Потаенко в своей статье «Время в языке (опыт комплексного описания)» указывает, что в процессе исследования проблемы времени в языке обозначились более исследованные на предмет темпоральности языковые фрагменты (отдельные группы лексики, грамматические разряды в отдельных языках) и менее исследованные (общие вопросы временной семантики). Временной компонент в структуре языковых единиц неодинаков по своему характеру и занимает в этой структуре разное положение. Это могут быть специализированные временные морфемы, специальная темпоральная лексика, синтаксические конструкции, несущие темпоральную информацию. Вместе с тем временной компонент может быть интегрирован в семантической структуре слова. Так, в словах: *малыш, юноша, аксакал* проявляется возрастная градация; *спазм, взрыв* – направленность в будущее; *золотая свадьба* содержит имплицированный временной элемент (50 лет) [5, с. 115].

Наблюдение за функционированием «темпорального блока» языкового механизма (Потаенко, 1980, 1984, 1993) показывает, что в своём рече-

вом поведении участники коммуникации по необходимости учитывают как внешние условия развёртывания сообщения во времени, так и условия внутреннего характера, касающиеся скрытого механизма организации сообщения. Так, употребление выражения *доброе утро* предполагает определённое время дня, начальный этап коммуникации, наличие других приветствий (*добрый день, добрый вечер* и т. д.). Наиболее типичной формой проявления временного компонента служит обстоятельство времени.

Если же говорить о функционально-семантическом поле темпоральности, то, по мнению Е. П. Гилевой, разрабатывающей проблему времени на материале английского языка, его ядро составляет глагольная категория времени, на ближайшей периферии находятся лексические средства, а дальняя периферия формируется метафорическими темпоральными актуализаторами [2, с. 10].

В то же время важно подчеркнуть, что грамматические средства, занимающие ядерную позицию в поле темпоральности, не всегда являются объективными выразителями времени в высказывании и нуждаются в поддержке контекстуальных средств. Как отмечает Н. В. Шуваева, темпоральная лексика, находящаяся в периферийной зоне поля Времени, по своему семантическому потенциалу не уступает грамматическому времени. Выступая в роли конкретизаторов временных значений глагольных форм, лексические средства модифицируют их временную семантику и реализуют, таким образом, функцию ядра, оттесняя грамматическое время на периферию поля темпоральности [7, с. 6].

Считается, как указывает О. Ю. Медведева, ссылаясь на Н. А. Потаенко (1993), что каждый лексико-грамматический класс слов вносит свойственный ему элемент темпоральности в сообщение [3, с. 9–10]. Наибольшая точность временной ориентации достигается при этом с помощью существительных, так как только они могут передать точное измерение во времени и датировку, именуя, например, шкалы природных явлений, возрастную шкалу, календарь, исторические события др.

В этой же связи Н. А. Шейфель упоминает так называемую «фоновую» лексику, не дающую прямой временной характеристики действий, но, безусловно, имеющую сему темпоральности и обладающую факультативным характером. Среди данной лексики исследователь выделяет показатели времени циклического (время года, суток, приёма пищи), возрастного (возраст человека, предмета) и эпохального (архаизмы, наименования исторических событий, а также неологизмы, не имеющие темпоральной семантики, но определённым образом темпорально ориентированные) [6, с. 10].

Однако следует подчеркнуть, что после грамматических и неграмматических, т. е. лексических, средств языкового выражения категории времени важная роль в этой системе принадлежит метафорическим темпоральным актуализаторам, а именно концептуальным *метафорам времени*. В статье «Темпоральные метафоры как средство языковой репрезентации концепта «Время» Л. М. Бондарева подчёркивает, что уже само представление о текущем времени, формирующееся в нашем сознании на основе опыта, как об однонаправленной временной оси есть пространственная метафора: на этой оси и располагаются события согласно порядку их протекания, или последовательности [1, с. 45]. Следовательно, очевидно, что элементарной единицей, с помощью которой человек может измерить время и отразить процесс его движения, является событие.

Именно оно лежит в основе процесса осмысления, а также языковой репрезентации времени.

Показательным в этом плане является обширный класс текстов, представляющих собой детально структурированное знаковое поле, моделирующее определённый событийный континуум. В качестве примера могут служить графики движения поездов, самолётов, астрономические таблицы, различные виды календарей, расписания учебных занятий, программы конференций, съездов, фестивалей и т. д. Использование такого рода текстов в качестве средства временной ориентации основано, как правило, на взаимодействии с рядом других систем временной ориентации. Так, например, планирование учебного процесса происходит с учётом структуры конкретного календарного года, где немаловажную роль играет сочетание рабочих, выходных и праздничных дней.

Календарь, как известно, служил и служит не только для мегаориентации (упорядочивание событий давно минувших и исчисление и ранжирование событий грядущих), но и для макроориентации (организации деятельности в рамках дня, недели, месяца, года) [5, с. 113].

Итак, лингвистические концепции времени носят как грамматический, лексический, так и метафорический характер, но все они исходят из представлений о том, что лингвистический аспект времени подчинён его физическому и философскому аспекту и воплощает это единство в языке. Характерной тенденцией современных лингвистических исследований категории времени является обращение к лексическим средствам в процессе языковой репрезентации феномена темпоральности.

Библиографический список

1. Бондарева Л. М. Темпоральные метафоры как средство языковой репрезентации концепта «Время» // Основные проблемы современного языкознания: сб. ст. II Всероссийской научно-практической конференции. – Астрахань: Астраханский университет, 2008. – 230 с.
2. Гилева Е. П. Когнитивные основы неграмматической представленности концепта времени: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. – 18 с.
3. Медведева О. Ю. Концептуализация и актуализация темпоральных отношений (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. – 20 с.
4. Погодина Е. В. Специфика речевого функционирования категорий «пространство» и «время» в автобиографической прозе (на материале произведений М. Осоргина и И. Бунина): автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 23 с.
5. Потаенко Н. А. Время в языке (опыт комплексного описания) // Логический анализ языка: язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 113–121.
6. Шейфель Н. А. Темпоральность в компаундно-комплексном предложении современного английского языка: дис. … канд. филол. наук. – Белгород, 2005. – 212 с.
7. Шуваева Н. В. Взаимодействие грамматических и лексических средств выражения темпоральности в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тамбов, 2005. – 22 с.

ПРОБЛЕМЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Ф. Я. Вейсялли¸ Д. М. Бабаев
Азербайджанский университет языков,
г. Баку, Азербайджан

Summary. The article deals with the investigation of methods of linguistic materials. Investigating the article, it becomes clear that these methods are not suitable for the demands of the Turkish languages. The four ways of sinharmosim are also included in the article.

Key words: stressed, stressed syllable, prosody, harmony of vowels, suprasegmental

Изучение специализированной литературы, посвящённой проблемным аспектам тюркских языков, а также проведённый анализ большого языкового материала показали, что существующие на сегодняшний день в лингвистике методы анализа языкового материала не удовлетворяют требования тюркских языков, в том числе и азербайджанского языка. Эти методы пригодны для флективных языков. На наш взгляд, фонологический анализ языкового материала азербайджанского языка должен проводиться на основе другой концепции. Наиболее приемлимая концепция была предложена ещё И. А. Бодуэном де Куртенэ [1] и В. В. Радловым, в дальнейшем она развивалась А. Джунисбеком [2; 3] и Ф. Вейсялли (4). Ещё Н. С. Трубецкой писал, что при фонологическом анализе тюркские языки должны быть проанализированы совершенно по иной методике. Методика, сложившаяся в современной лингвистике, по мнению Н. С. Трубецкого, не раскрывает внутриязыковые механизмы тюркских языков. Азербайджанскому языку присущ сингармонизм, который проявляет себя на уровне нормы, нередко отождествляющейся с гармонией гласных. Поэтому мы решили воспользоваться сингармонической моделью языка. Сингармонизм азербайджанского языка представлен в 4-х моделях. Для анализа были выбраны 4 ряда слов:

1) слова с лабиальными гласными;
2) слова с гласными заднего ряда;
3) слова с гласными переднего ряда;
4) слова нелабиальными гласными.

В первом ряду во всех слогах имеют место сочетания лабиальных гласных, что, естественно, снижает формантные характеристики всех фонем, встречающихся в этих словах. Если слова начинаются со слога с губным гласным, то все последующие в нем фонемы произносятся лабиализованными. Ср.: /özümünkünü/ (свой), /düzgünlüyünü/ (его справедливость) и т. д.

Во втором ряду реализованы гласные заднего ряда, что, естественно, обуславливает их реализации на низких частотах, потому что сами эти гласные по своим формантным характеристикам характеризуются низким положением F_I и F_{II}.

Третий ряд по своим формантным показателям в корне отличается от двух предыдущих. Потому что давно известно, что, чем выше положение языка по вертикали, тем и выше F_I и F_{II}. Мягкий ряд имеет место, когда слова начинаются с гласного переднего ряда. Если в первом или корневом слоге реализован один из гласных /e/, /i/, /ø/, /Y/, /ə/, то все после-

дующие фонемы, реализованные в этих словах, будут образовывать мягкий ряд. Ср.: /əməyə/, /iştʃini/, /ellilərini/ и т. д.

И, наконец, четвёртый ряд характеризуется нейтральным положением частотных характеристик.

Это всё очень хорошо согласуется с теорией сингармонизма. Это, с одной стороны, качество начального или корневого гласного, называемого Р. О. Якобсоном «зондергласный», который как бы задаёт тон для просодической организации всего слова. Если гласный – один из гласных заднего ряда, т. е. один из /a/, /o/, /u/, /ı/ значит, всё слово получает твёрдую окраску, все последующие в нём гласные и согласные должны быть реализованы на твёрдой основе. Ср.: /lal+lar+dan+sı+nız+mı/ (вы из глухих). В данном слове все без исключения фонемы фонетически реализованы на твёрдой основе, потому что первый гласный является фонемой заднего ряда.

Слог, обладающий этими характеристиками, мы называем первой вершиной в структуре слова. Именно благодаря этим характеристикам в азербайджанском языке ударение выражено очень слабо. Несмотря на это, словесное ударение, зафиксированное в конце слова, которое в акустическом плане выражено ослаблением параметров, тем не менее его можно назвать второй вершиной слова. Как говорил Н. С. Трубецкой, отсутствие признака может быть интерпретировано как наличие признака [5].

Библиографический список

1. Бодуэн де Куртенэ. И. А. Резьян и резьяне // Славянский сборник. –СПб., 1876. – Т. III. – С. 222.
2. Джунисбеков А. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова: автореф. дис. ...докт. филол. наук. – Алма-Ата, 1988.
3. Жунисбек А. Введение в сингармоническую фонетику. – Алматы, 2009.
4. Veysalli F.. Some remarks about the prosodic structure in azerbaijanı // Seçilmiş əsərləri. I cild. – Bakı, 2009. – С.167–171.
5. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. – М., 1960.

К АНАЛИЗУ ИНТОНАЦИИ ДИСКУРСА

С. Б. Мустафаева
Азербайджанский университет языков,
г. Баку, Азербайджан

Summary. This article deals with the intonation structure of discourse. Discourse is one of the most discussed problems in modern linguistics. The smallest unite of segmentation of intonation structure of discourse can be defined by syntagm, what is main sence in the concept of L.V.Schtscherba.

Key words: discourse, intonation structure of discourse, paratone, paragraph, syntagm

В современной зарубежной лингвистике со времён английского фонетиста Д. Джоунза под интонацией подразумевается движение тона [1]. Однако в бывшем Союзе и в постсоветском пространстве интонация истолковывается как сложное и многокомпонентное явление: «Под интонацией подразумевается такое фонологическое средство, при помощи которого отдельные слова в зависимости от контекста и ситуации (конситуации) превращаются в самостоятельную единицу сообщения или же, соче-

таясь по грамматическим правилам данного языка, образуют единое целое, в котором имеется тесная связь, которая служит осуществлению коммуникации» [2]. Как видно из цитаты, здесь речь идёт о фразовой интонации. Впредь мы будем употреблять термин «интонация» именно в этом смысле.

Проводимые исследования по дискурсу можно подразделять на две группы: 1) связанные с устной передачей информации и 2) с письменной [3]. При устной передаче в виде канала выступают звуковые волны и поэтому информация воспринимается ухом, тогда как письменная передача информации имеет графическую основу, потому и рассчитана на визуальное восприятие. Устная информация оформляется интонационно, в конце семантического целого делается пауза, т. е. акустический ноль, а при письменной речи пробел ставится между отдельными словами, а паузе соответствует в нетерминальных синтагмах запятая, а если имеется смысловая завершённость, то делается большая пауза или ставится точка на письме [4]. Любой из названных видов коммуникации предполагает, что адресат и адресант придерживаются одной и той же языковой системы. Причём наряду с интеллектуальным содержанием необходима передача эмоциональной информации. И интеллектуальная, и эмоциональная информация оформляются интонацией при участии, конечно, таких экстралингвистических средств, как жесты, движения отдельных частей тела, называемых невербальными средствами [5].

Известно, что интонация при анализе предложения коренным образом отличается от интонационного анализа дискурса. При дискурсивном анализе мы имеем дело не с одним интонационным контуром, а с их сетью, которую можем называть просодией всего дискурса. Здесь важно выделить начало и конец интонационного контура как в отдельности, так и в совокупности всего дискурса. К числу интонационных компонентов принято относить движение тона, соотношение его силы и темпа произношения на протяжении всего дискурса [6].

Выявление акустических свойств каждого из параметров интонации с целью определения релевантности их в той или иной части дискурса составляет одну из главных задач, стоящих перед дискурсивны анализом, хотя мы сегодня располагаем достаточно большим количеством исследований в области изучения интонации дискурса.

Ознакомление с литературой в этой области показывает, что уже в семидесятые–восьмидесятые годы прошлого века появились первые работы по анализу дискурсивной интонации. В частности, Д. Брейзиль, С. Джон и К. Малколь выпустили книгу, которая посвящена интонации дискурса, занимающего важное место в процессе обучения языку [4].

Сегодня рамки интонационного исследования дискурса сильно расширяются и они приобретают как бы академический характер [4]. Однако следует подчеркнуть, что в английской и американской лингвистике движение тона и интонация отождествляются. В частности, упомянутые выше авторы связывают движение тона с функцией дискурса, его многозначность ставится в зависимость от движения тона, которое ведёт себя в интерактивном дискурсе как своего рода связь [4]. Говорящий делает выбор не только для выражения интеллектуальной информации, но и для выражения своих эмоций.

Известный английский языковед Д. Кристаль тоже отождествляет интонацию с тоном и выделяет 6 его типов:

1) эмоциональный тон;
2) грамматический тон;
3) информационный тон;
4) текстуальный тон;
5) психологический тон;
6) индексикальный тон [6].

С таким делением трудно согласиться, потому что названные Д. Кристалем тоны не релевантны сами по себе, они просто субъективны, каждый оттенок может быть определён исходя из конситуации. Кроме того, нет особых отдельных тональных выражений для эмоции и информации, они наслаиваются друг на друга. И только при анализе их можно разграничивать.

В отличие от этого ленинградская (Петербургская) фонологическая школа совсем по–другому рассматривает интонацию. Согласно этой школе интонация выполняет две функции: внешнефразовую, когда она формирует предложение как целое, и внутрифразовую, когда она членит предложение на синтагмы [7]. При таком понимании интонация становится важным средством для любого высказывания, контекста и дискурса.

Разумеется, что эмотивную и интеллектуальную функции интонации отделить надо, потому что при выражении одного коммуникативного типа может быть реализовано несколько эмоциональных оттенков: желание, удивление, восхищение, требование, просьба и т. д.

Анализ современной научно-теоретической литературы по интонации позволяет определить функции интонации следующим образом:

1. Функция интонации, опирающаяся на формальные признаки. Сюда относятся грамматические функции (наличие в предложении грамматических и лексических средств). Эта функция была определена в своё время А. М. Пешковским как закон компенсации.
2. Функция выражения межличностных отношений: обращение, просьба, настаивание и т. д.
3. Функция контрастивного выражения, когда говорящий противопоставляет использованное неиспользованному, т. е. когда выбор делается по одному из множества денотатов.
4. Функция тема-рематического выражения. Здесь имеется в виду конкретный смысл.

При дискурсивном анализе необходимо найти способы внутренней организации его и выражаемое значение. В зависимости от этого говорящий выделяет интонационный тип каждой синтагмы и каждого предложения и связывает их между собой, образуя единое целое, которое выступает как дискурс.

Мы не можем согласиться с Д. Брейзилем, который полагает, будто говорящий выбирает для дискурсивной интонации пик, тон, ключ и завершённость [4]. Вызывает недоумение то, что будто пик существует отдельно от тона или интонационного контура. Ведь всё это протекает как процесс, в котором участвуют тесно связанные между собой сегментные и суперсегментные единицы. Надуманным представляется также деление пика на тоническое и нетоническое. Может быть, следовало бы говорить об ударном и безударном слогах. Во всяком случае, приведённые выше термины нельзя считать удачным.

Обычно английские специалисты выделяют пять тонов: понижающийся, повышающийся-понижающийся, повышающийся, понижающий-

ся-повышающийся и ровный тоны. При этом первые два тона называют тонами декларации. Повышающийся и понижающийся- повышающийся тоны называют тонами опоры. Последний же тон остаётся вне двух отмеченных выше тонов, т. е. он может находиться на любом слове. Мы бы сказали, что это, скорее всего, отчётливое выражение контрастивного ударения, которое всегда выше по тону, сильнее по интенсивности и длительнее по темпу.

Некоторые языковеды, в особенности американские учёные Г. Браун и Дж. Йуль, особое значение придают тональному членению дискурса, считая, что тоновые образцы соответствуют единицам дискурса. В качестве такой единицы они берут паратоны. Паратоны, по их мнению, подобно параграфу, который имеет место в письменной речи, выступают как минимальные единицы, на которые членится дискурс интонационно [8].

В письменной речи параграф отделяет один абзац от другого, он оформляется как семантико-грамматическое единство, в пределах которого смысловые целые отделяются запятой, точкой с запятой, двоеточием и т. д.

В устной же речи, а дискурс определяется именно как законченный отрезок устного общения, он не может быть охарактеризован одним лишь движением тона. Именно поэтому нам представляется, что такая постановка вопроса не отражает реального положения вещей по той простой причине, что паратоны могут быть связаны с формальным членением дискурса, но они никак не отражают смыслового членения. Поэтому мы исходим из теории Л. В. Щербы о синтагме [9].

Синтагма имеет фонетическое и грамматическое оформление и выражает определённый семантический отрезок. Между синтагмами делается пауза. Наши экспериментальные исследования показали, что синтагмы имеют разное интонационное оформление. Оно зависит от их места в дискурсном отрезке. Если они начальные, то имеют более заметное выражение, но если они занимают конечную позицию, то акустические показатели по всем параметрам характеризуются ослаблением, что сигнализирует о завершённости данного дискурса.

В связи с этим совершенно прав Ф. Я. Вейсялли, упрекая американских учёных в том, что они при дискурсивном анализе учитывают возрастные, половые и диалектные особенности говорящих, в то время как интонационные параметры дискурса остаются вне поля их внимания [10].

Таким образом, интонационное формирование дискурса ждёт своего всестороннего анализа с учётом сложности как самой интонации, так и определения самого понятия дискурса.

Библиографический список

1. Jones D. The Pronunciation of English. – Cambridge University Press. 1988. – P. 149-164.
2. Veysəlli F. Seçilmiş əsərləri. Избранные труды. – Bakı, 2009. – S.188.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000.
4. Brazil D., Coulthard M., Johns C. Discourse Intonation and Language Teaching. – Harlow: Longman, 1990. – P.88–92.
5. Вейсалли Ф. Я., Тарасова Д. В. Проблема дискурса в современной лингвистике // «Azərbaycanda xarici dillər». – Bakı: № 2/2007. – 12–23 s.
6. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge University Press, 1995.
7. F. Veysəlli. Указ. соч.

8. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. – Cambridge University Press, 1983. – P. 223–226.
9. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.
10. Veysəlli F. Diskurs təhlilinə giriş. – Bakı: Təhsil, 2010. – S. 68–72.

СТИЛЬ И ЖАНР: СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ В РАМКАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦЕЛОГО

А. В. Сверчкова
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Россия

Summary. The article deals with the problem of style and genre correlation in artistic integrity of literary work. The question of common over-structural foundation of this correlation is raised. The semantics of genre and style structures is proposed to be regarded as such.

Key words: style, genre, artistic integrity, artistic principle, semantics of style structure, semantics of genre structure, over-structural foundation.

В истории литературы вопрос о соотношении категорий стиля и жанра решается неоднозначно: в зависимости от того, приоритет чего провозглашается – жанрового канона (в эстетике классицизма, например) или творческой индивидуальности (Новое время), одни исследователи рассматривают стиль в качестве составляющего, сплошь обусловленного элемента жанра (Н. Буало, М. В. Ломоносов, Э. Г. Ризель, А. И. Ефимов), в то время как другие – именно жанр включают на правах стилеобразующей категории (или «носителя стиля») в понятие «стиль» (Я. Эльсберг, А. Соколов). В отдельных случаях, как например в современной стилистике жанров, прикладная роль стиля по отношению к жанру определяется спецификой самого предмета исследования. В работах В. И. Проворотова, Дж. Адама, Д. Комба, П. Лартома стиль служит лишь средством идентификации жанра конкретного произведения.

Наиболее авторитетные теоретические представления последних десятилетий сходятся в признании равноценности и относительной самостоятельности данных категорий, что не исключает, однако, их взаимозависимости и взаимообусловленности. Известный бахтинский афоризм «где стиль, там жанр» следует понимать именно в этом ключе. Так, переход стиля из одного жанра в другой, по мысли учёного, с одной стороны, «меняет звучание стиля в условиях несвойственного ему жанра», а с другой – «разрушает или обновляет данный жанр» [1, с. 244].

Сходную мысль проводит в своей монографии М. Б. Храпченко, утверждая, что оба эти формообразующие начала складываются и развиваются не обособленно, но в органической связи, создавая «сплав» жанровой структуры и стиля. По этой причине исследователь оспаривает, считая «неверным», представление о том, что «стиль просто “вписывается” в рамки жанра или что жанр получает свою опору, “подкрепление” в стиле» [4, с. 154.].

Эта же позиция близка и современным филологам. Так, анализируя взаимосвязь понятий «стиль» и «жанр», О. Б. Горобец, предлагает рассматривать литературный стиль как средство создания «*особого динамического баланса* между жанровыми императивами и индивидуальными авторскими особенностями каждого текста» (курсив автора. – А. С.) [2, с. 78.]. В своих теоретических воззрениях исследовательница исходит из

представления о жанре как «механизме», связывающем текст «с установившимся типом содержательной формы» и вместе с тем «сложно организующем форму каждого отдельного произведения» [Цит. по: 2, с. 78.]. В свою очередь, именно стиль, согласно О. Горобец, соединяет обобщённые представления о жанре с реальным текстом и, таким образом, даёт ответ на вопрос: как, «с помощью каких языковых средств и приёмов действуют сложнейшие механизмы корреляции формально-содержательных, индивидуальных и типических аспектов жанра» [2, с. 78]. Иными словами, средствами стилистического выбора осуществляется компенсация, перегруппировка и переосмысление жанрообразующих черт, а следовательно, и управление «тонким балансированием между жанровой традицией и требованиями современной коммуникации» [2, с. 78.].

Представленные точки зрения, рассматривающие проблему стиля и жанра в аспекте подчинения одной категории другой (в первом случае) и их взаимозависимости (во втором), несмотря на их несомненный вклад в развитие и решение отдельных теоретических задач, оставляют непрояснённым, тем не менее, вопрос о том общем (очевидно, надструктурном) основании стиля и жанра, которое, собственно, и позволяет соотнести данные категории. Традиционное рассмотрение этих формообразующих начал произведения относительно художественного целого осложняется в современном литературоведении проблемой сближения (вплоть до полного отождествления) их функций и возникающей отсюда необходимостью разведения и, соответственно, вычленения определённого *основания* для такого разведения самих категорий стиля и жанра.

Названная тенденция сближения стиля и жанра и их функций возникает с утверждением концепции «стиль – художественный закон (способ, принцип)», активно разрабатываемой в последние десятилетия в трудах отечественных филологов[1], и признанием его «законодательной» (В. В. Эйдинова), организующей художественную целостность произведения (творчества) роли. Такое понимание литературного стиля существенно отличается от прежнего его толкования в качестве лингвистической закономерности, которое ограничивало сферу действия данной категории исключительно выразительным планом содержательной формы. Ставшие уже традиционными представления о жанре, предписывают, однако, что именно он является «доминантой» художественной формы (Б. Томашевский), особым типом «строить и завершать целое» (М. М. Бахтин), «способом формирования, организации произведения как эстетически целого» (М. Храпченко) [4, с. 260].

В поисках такого «основания», иначе – точки «схождения–разведения» категорий стиля и жанра, нам представляется логичным и продуктивным обращение к содержанию, или смыслу, стилевой структуры, с одной стороны, и жанровой – с другой. В случае стиля выражаемым им содержанием, очевидно, является индивидуальное видение художника, что вытекает уже из понимания его двойственной, «внутренне-внешней», «структурно-пластической» (В. Эйдинова) природы в концепции «стиль – художественный закон». Именно единство мироощущения (Л. А. Закс), «перцепции» (В. Кайзер), «миросозерцания» (Р. Унгер), «оптической ос-

[1] Такое понимание литературного стиля сближает, несмотря на отдельные расхождения, позиции В. Виноградова, А. Соколова, М. Храпченко, Я. Эльсберга, Н. Гея, П. Палиевского, А. Лосева.

новы» (Г. Вельфлин), «ценностного контекста автора» (М. Бахтин), выступающее как «внутренний» принцип, или «идея» стиля, обуславливает целостность художественной формы произведения, подчиняя единой закономерности особенности строения художественного образа, композиции, а также способы раскрытия темы и оперирования языком.

Прояснению семантики жанровой структуры, в свою очередь, способствует обращение к концепции «жанр – художественный образ (картина, формула, модель) мира», которая представляет собой существенный шаг в развитии общих теоретических суждений о содержательности (Г. Гачев) или «художественном смысле» (В. Кожинов) данной категории. Так, опираясь на работы М. Бахтина, О. Фрейденберг, В. Проппа, Н. Лейдерман одним из первых формулирует теорию мирообъемлющей семантики структурного ядра жанра, конструктивно «моделирующей мир и тем самым философско-эстетически объясняющей и оценивающей его» [3, с. 18.].

Вычлененные «означаемые» стиля и жанра – индивидуальное мироощущение художника и историческое (типизированное, обобщённое) мироощущение (опыт) поколений, «тип миросозидания» (Н. Лейдерман) – и являются, на наш взгляд, той необходимой «общей» основой соотношения этих категорий, открывающей дальнейшую перспективу их сопоставления и разведения по принципу частное / общее, конкретное / отвлечённое, индивидуальное / типизированное, подвижное (колеблющееся, допускающее изменения, варианты) / устойчивое (инвариантное). Так, в художественном целом произведения происходит своеобразное «наложение» эстетической концепции, существующей в замысле автора (видения художника), и закреплённого в жанровой структуре ценностного взгляда на жизнь всего человечества. Именно посредством этого «наложения» и последующего «выравнивания» по пути взаимосоответствия стиля и жанра в произведении разрешается противоречие объективного и субъективного, образуется диалектическая целостность общезначимого и индивидуально неповторимого «смысла», обладающая подлинной эстетической ценностью.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
2. Горобец О. Б. Стиль и жанр: соотношение и взаимосвязь понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1 (1).
3. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы 60–70-х гг. Свердловск, 1982.
4. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. – М., 1975.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАДИАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕЗИСА ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. Н. Романова
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Summary. The article highlights the problems of Genesis of the Yakut literature ranging from the ancient Turkic written monuments of culture to the first written the Yakut literature. The author describes the main stages of emergence of the history of artistic Sakha literature in terms of literary development.
Key words: Yakut literature, Genesis, stages of literary development.

Современный исторический подход к зарождению литературной традиции в так называемых младописьменных литературах предполагает обращение ко всем формам архаичной и постархаичной художественной словесности с целью объяснения интенсивности, ускоренности литературного развития в период социально-культурных реформ XX в. Отсюда насущная потребность у историков литературы к поиску максимально древних истоков собственной национальной литературной традиции.

Вопрос о зарождении якутской литературы как явления, возникшего на основе высокоразвитой устной традиции, является незыблемым, научно доказанным положением якутского литературоведения. Лишь с конца 70-х гг. XX в. учёными начались предприниматься попытки раздвижения границ истории художественной словесности сначала за счёт введения в неё первых письменных памятников религиозного и светско-литературного содержания, изданных в сибирских и центральных типографиях в XIX в., затем обращения к наиболее древним пратюркским источникам. Исследованный предыдущими историками якутской литературы материал позволяет выстроить с точки зрения стадиального подхода периодизацию долитературного развития якутской художественной словесности с включением ***древнетюркской письменной литературы*** как имплицитного архаичного истока; затем ***мифопоэтического или фольклорного периода***, который необходимо подразделить на архаичный и постархаичный фольклор. Последний период – ***якутский раннелитературный письменный период*** подразумевает появление первых письменных литературных памятников на якутском языке.

Подробный методологический подход к генезису литературы позволит объяснить природу «ускоренного развития» якутской литературы как исторически обусловленного, закономерного, качественно «подготовленного» явления; как продукта длительного духовно-эстетического процесса в истории народа. В этом отношении предстоит решить ряд вопросов методологического свойства, таких как установление объективной связи младописьменнных тюркоязычных литератур, в частности якутской литературы, с древнетюркской (пратюркской) письменной культурой; определение специфики взаимоотношений фольклора и литературы на уровне переходных процессов от фольклора к литературе (от устного текста к письменному, от певца-сказителя к поэту).

Генетическую «родословную» якутской литературы нужно вести с наиболее архаического периода его развития, а именно с общетюркского генетического прототипа – орхоно-енисейских памятников VII–VIII вв. (большая и малая надписи памятника Кюль-тегина, надпись в честь Тоньюкука, надпись памятника хана Могиляна, енисейские эпитафийные надписи). В этот начальный «архетипический» период формировались основные ценностные ориентиры художественного творчества: понятия стилевой маркированности и целостности произведения (в эмбриональном состоянии), благозвучии, ритмической организации текста и т. д.

Древние памятники интересны и с точки зрения ранней истории потенциальных родов и жанров. В памятниках обнаруживают себя зачатки многих жанров и жанровых форм позднетюркских фольклора и литературы (эпоса, народных лирических песен, малых жанров – пословиц и поговорок). Сочетание разных жанровых форм в пределах одного произведения (рунической надписи) предвосхитило появление синкретичных форм народного эпоса (якутских олонхо, алтайских черчек и горлового пения кая и т.д.). Обнаруживают себя в структуре текстов и зародыши лирических жанров (например, элегических жанров). Кроме того, в них зафиксировано использование малых жанров фольклора (пословиц, поговорок) в качестве средств поэтической образности, что приобретает массовый характер в устно-поэтической и литературной традиции.

Исследуя особенности словесного строя надписей, вполне можно объяснить природу происхождения многих фольклорных и литературных средств национальной поэтической образности. «Законсервированные» реликты архаической поэтики сохранились в недрах устного народного творчества, затем закономерно перешли в образный фонд письменной литературы. Стандартные формулы, образные определения и сравнения рассматриваются нами как зачаточные формы фольклорных формул, риторических фигур, тропов, изобразительно-выразительных средств. Также древним формулам и отчасти пословицам и поговоркам, в основе которых лежит синтаксический параллелизм, принадлежит заслуга создания стихотворных форм, ритмически и метрически организованной поэтической речи, в которой уже появляются признаки аллитерации и силлабического строя стиха, характерных для тюркоязычной, в частности якутской поэзии.

Все эти аспекты жанрово-стилевого своеобразия древних памятников свидетельствуют о том, что уже в раннем средневековье были заложены основы художественного, образного мышления многих тюркоязычных народов, сформировавшихся позднее

Следующий этап развития художественного сознания народа – устное народное творчество – представляет собой основной базисный пласт зарождения и развития письменной литературы. Прежде всего, важно исследовать механизмы освоения, трансформации и модификации письменной литературой жанровых форм фольклора, затем сюжетов и мотивов, образов, изобразительно-выразительных средств и т. д.

При всём разнообразии художественного потенциала архаической словесности, зафиксированной в древних памятниках, письменная литература в своей основе восходит к классическому традиционному фольклору как к главному «поставщику» реальных форм художественного образного мышления. И хотя период между древнетюрской культурой и зарождением новой письменности и якутской литературы в начале XX века производит впечатление некой пустоты, разрыва в развитии художественного

сознания народа саха, художественно-эстетические принципы, традиции и каноны, заложенные в раннем средневековье, продолжали своё бытование и функционирование в устном народном творчестве.

Полигенетичность фольклора способствовала интенсивному развитию национальной литературы по всем видам, жанрам и жанровым формам, обусловила её обогащение в идейно-тематическом, композиционном, сюжетном, образном, языковом отношениях.

Вопрос влияния жанровой системы устного народного творчества на формирование жанров в якутской литературе имеет в виду как прямые заимствования фольклорных жанров литературной традицией *(алгыс – благопожелание, алгыс – заклинание, андагар – клятва, хоһуйуу (туойуу)* – восхваление, воспевание, импровизационные песни, календарные или сезонные песни и т. д.), так и влияние фольклорных жанров и жанровых форм на возникновение собственно литературных жанров, например, эпических традиций устного творчества на жанр лиро-эпической поэмы, драматической поэмы; обрядовой поэзии и импровизационных песен на жанр лирических стихотворений и т. д.

Народная лирика, как обрядовая, так и необрядовая, составляет основной фонд фольклорного наследия. Такие жанры обрядовой песни, как алгысы–благопожелания, алгысы–заклинания, характеризуемые в зависимости от выполняемых функций как песни-договоры, песни-повеления, претерпев в известной степени процесс десакрализации, деритуализации, активно вошли в жанровый состав якутской литературы.

Бесценным материалом, послужившим формированию как национальной литературы в целом, так и её стиля, стал народный героический эпос – олонхо, содержащий в себе всё богатство образного мышления народа саха. Олонхо предстаёт как своеобразный «накопитель» основных форм художественного сознания народа, уходящего корнями в глубокую древность. В стадиальном своём развитии, в течение многих столетий героический эпос не только сохранил архаичные, реликтовые формы, но и накапливал новые. И письменная якутская литература плодотворно использовала идейно-эстетические, стилевые, образные, сюжетные, жанровые, композиционные, ритмико-синтаксические, языковые возможности олонхо.

Особая заслуга в уникальности структуры олонхо как репрезентативной, и в то же время неповторимой системы принадлежит эпическим формулам. Формульность языка олонхо, устойчивость постоянных эпитетов, сравнений, кумулятивный (накопительный) принцип изображения, описания служит неисчерпаемым фондом литературы, позволяющим писателям, поэтам отбирать из него и варьировать изобразительно-выразительные средства в соответствии со индивидуально-авторским стилем. Здесь необходимо указать на исключительную роль формул, имеющих древнетюркские корни, на рождение ритмически организованной, стихотворной формы.

В третий этап – «раннелитературный», связанный с возникновением индивидуального авторства, принято включать первые письменные памятники на языке народа саха («Воспоминания» А. Я. Уваровского, литературное олонхо М. Н. Андросовой-Ионовой, единичные стихотворные публикации во II половине XIX века).

Современное литературоведение сегодня, как никогда ранее, с особым интересом обращено к реальным культурным и художественно-

эстетическим предпосылкам, истокам развития литературы. Научным достижением якутского литературоведения в последние десятилетия XX века стало уточнение хронологических рубежей зарождения письменной литературы [1; 2]. Изучение архивных документов, письменных источников позволило сдвинуть границы возникновения национальной письменной традиции, ранее включавшей в себя лишь XX век, на полвека назад. «Воспоминания» А. Я. Уваровского, опубликованные в работе О. Бетлингка «О языке якутов» (1851), и единичные художественные опыты XIX в. (олонхосказка М. Н. Андросовой, стихотворные произведения Г. Оросина и неизвестных авторов) определены как первые литературные письменные памятники народа саха. Соглашаясь с этим авторитетным мнением и признавая произведения А. Я. Уваровского и М. Н. Ионовой-Андросовой первыми литературными памятниками, следует уточнить несколько методологических аспектов данного вопроса.

Ранняя письменная литературная традиция, а именно «Воспоминания» А. Я. Уваровского, может быть оценена как единичный опыт, который ещё не является свидетельством начала национальной художественной литературы в силу неизвестности, нераспространённости среди широкого круга читателей, носителей языка. Целевая установка автора (сознательное авторство и адресация – установка на определённый тип читателя) первого письменного литературного памятника, промежуточное положение мемуарного очерка в системе литературных жанров (между художественным и документально-историческим жанрами), превалирование информационного этнографического материала над художественным не позволяют в полной мере отнести сочинение Уваровского к художественному произведению.

Авторский замысел в «Воспоминаниях» достаточно конкретен и в большей степени продиктован информативной лингвистической и этнографической задачей, поставленной перед автором Отто Бетлингком. Уваровский имел своей целью воспроизведение наиболее достоверной этнографической и языковой картины якутской жизни, прежде всего, ***для иноязычного читателя***. Задача создать национально-самобытную, оригинальную художественно-эстетическую систему, *способную развиваться*, и самое главное, стимулировать творческий потенциал народа саха, перед автором мемуаров не стояла. Иными словами, сознательной установки на построение национальной литературы у него не было. Хотя, как человек глубоких гуманистических убеждений, Уваровский в письме к О. Бетлингку выражает надежду (посредством его труда) на воскрешение якутского языка, считавшегося ввиду отсутствия письменности мёртвым языком. И за это, по словам автора воспоминаний, учёный-языковед должен будет получить «похвалу высоких, образованных людей и бесконечную благодарность якутского народа» [3, с. 125]. При этом он имел в виду задачу не собственно литературного, а общекультурного плана.

«Воспоминания» А. Я. Уваровского, характеризуемые многими исследователями как первое художественное произведение на якутском языке, и возникшая в начале XX в. якутская художественная литература относятся к разным типам литератур и разным эпохам литературного развития. Во времена создания первого письменного памятника на якутском языке литературное движение ещё не оформилось в равномерно развивающийся художественно-эстетический процесс с осознанием исторической изменяемости стиля и языка. Переход к осознанному авторству с систем-

ным представлением о внутренних законах литературного развития осуществляется позднее – в поэзии А. Е. Кулаковского. То же самое относится и к олонхо М. Н. Андросовой, которое исследователями Г. В. Ксенофонтовым, И. В. Пуховым, Н. Н. Тобуроковым и др. определяется как поэтическое произведение.

Олонхо Андросовой-Ионовой по своим художественно-эстетическим качествам (идеологии, сюжету, композиционной организации, принципам отражения действительности, определившейся стилевой манере), несомненно, выходит за рамки устной традиции. Однако не отчленённое от исполнительства (сказительской традиции) авторство ещё не позволяет, на наш взгляд, отнести это сочинение к разряду художественного произведения в литературоведческом смысле этого понятия. Развитая форма сказительства, в связи с расширением границ художественного познания, обусловленного социально-историческими переменами в жизни народа, деритуализацией и десакрализацией архаической мифологии и влиянием иноязычной культуры, вполне закономерно допускает нарушение канонических традиций. Это знаменует собой переход устной традиции на качественно новый уровень развития – постархаический, но не переход к собственно художественной литературе и не появление осознанного в полной мере авторства.

Таким образом, долитературная история художественной словесности народа саха – длительный, многоэтапный процесс, который складывается из достаточно разрозненных явлений, начиная с наиболее раннего архаичного источника – пратюркской письменной культуры – до первых письменных литературных памятников.

Библиографический список

1. История якутской литературы (середина XIX–начало XX вв.). – Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1993.
2. Тобуроков Н.Н. История якутской литературы (вторая половина XIX в.). – Якутск, 2001 (на як. яз.).
3. Уваровский А. Я. Воспоминания. – Якутск, 1995.

II. ВОПРОСЫ ОБЩЕГО И ЧАСТНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГЛАГОЛЬНЫЙ УЗЕЛ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Н. А. Алиева
Азербайджанская национальная академия наук,
Институт языкознания им. И. Насими,
г. Баку, Азербайджан

Summary. First of all, the problem of hierarchy of syntactical ties is considered in this article. It's established that there is tie dependency between the elements of the sentence. Then the problems, connecting with the verb knot in the simple sentence, are considered here. It's established that, the main element in the verb knot is a verb, but dependent elements are actants and subconstants. It's considered that the verb knot is the central knot in the simple sentence.

Key words: verb knot, actants, subconstants, dependent elements.

Прежде чем рассмотреть и заодно и исследовать вопросы о глагольном узле в простом предложении, следует определить несколько сопутствующих вопросов. Главный их них – это вопрос об иерархии синтаксических связей.

В классическом синтаксисе главными членами предложения являются подлежащее (грубо говоря, имя существительное) и сказуемое (грубо говоря, глагол). Между этими членами предложения имеется синтаксическая связь, называемая согласование: сказуемое во всех отношениях согласуется с подлежащим, иными словами, не вдаваясь в подробности, сказуемое логически подчиняется подлежащему. В структурном синтаксисе иная иерархия синтаксических связей: синтаксические связи устанавливают между словами отношения *зависимости*, другими словами, одно слово зависит от другого; не имеет значения, какого вида эта зависимость – согласование, управление или примыкани. Каждая связь объединяет какой-то *вышестоящий* элемент с *нижестоящим* элементом. Вышестоящий элемент в структурной лингвистике называется *управляющим*, или п*одчиняющим*, а нижестоящий – *подчинённым*. Например, в предложении *Наргиз читает* слово *читает* является управляющим элементом, а *Наргиз* – подчинённый. Когда исследователя интересуют восходящая синтаксическая связь, то он говорит, что подчинённый элемент зависит от управляющего, а когда он говорит о нисходящей синтаксической связи, то он говорит, что управляющий элемент управляет подчинённым или управляющий элемент подчиняет подчинённый элемент. В вышеприведённом примере, т. е. *Наргиз читает* слово *Наргиз* зависит от глагола *читает*, значит, *читает* подчиняет *Наргиз* (как известно, в классическом синтаксисе в этом предложении между словами *Наргиз* и *читает* имеется синтаксическая связь согласование, и об управлении речь не может идти, имплицитно признаётся, что подлежащее управляет сказуемым). Линию, изображающую синтаксическую связь, следует проводить в вертикальном направлении, так как она указывает на отношение между управляющим, т. е. вышестоящим, элементом и подчиняемым, т. е. нижестоящим, элементом. Следует отметить, что одно и то же слово одновременно может зависеть от одного слова и подчинять себе другое. Тут же следует отметить, что в принципе подчинённый элемент не может зависеть более чем от од-

ного управляющего элемента, а управляющий элемент может управлять несколькими подчинёнными элементами. Сказанное можно проиллюстрировать в следующих примерах: *Девушка поёт. Красивая девушка поёт старинную песню.*

Схема 1 Схема 2 Схема 3

В первом примере слово *девушка* подчинено слову *поёт*, во втором примере слово *красивая* зависит от слова *девушка*, а оно, в свою очередь, подчинено слову *поёт*, в третьем примере слово *поёт* одновременно управляет словами *девушка* и *песню*, а слово *красивая* зависит от слова *девушка*, слово же *песню* управляет словом *старинную*. Графическое изображение синтаксических связей между вышестоящим и нижестоящими элементами структуры в структурном синтаксисе называется схемой. Таким образом, совокупность слов, входящих в состав предложения, образует иерархию.

Как известно, цель структурного синтаксиса – это изучение предложения, а это, по существу, сводится к изучению структуры предложения, а структура предложения представляет собой иерархию синтаксических связей.

Вопрос об иерархии синтаксических связей ясен. Перейдём ко второму вопросу. Что такое глагольный узел?

Каждый управляющий элемент, который имеет один или несколько подчинённых, образует какую-то систему. Эта система называется узлом. Узел можно определить так: совокупность, которая состоит из управляющего элемента и одного или нескольких подчинённых элементов, которые он связывает в некотором роде в один пучок, называется узлом. Связь между управляющим элементом и подчинённым может быть и прямой, и косвенной. Из этого определения видно, что каждый подчинённый элемент разделяет судьбу своего управляющего. Объясним это на следующих двух примерах: *Молодая красивая девушка поёт эту дивную песню.* И пересмотрим это предложение: *Эта дивная песня поётся молодой красивой девушкой.* В первом предложении слово *девушка* – подлежащее, а во втором предложении это же слово превращается в дополнение, и оно увлекает за собой все зависимые от него слова – прилагательные *молодая* и *красивая*.

Схема 4 Схема 5

Как и синтаксические связи, узлы тоже располагают один выше другого. Наряду с иерархией связей между словами существует иерархия свя-

зей между узлами. Например, в предложении *Молодая красивая девушка поет эту очень старинную дивную песню узел очень* зависит от узла *дивную*:

Схема 6

Если управляющее слово прямо или косвенно подчиняет себе все слова предложения, то такой узел называется центральным узлом. Такой узел находится в центре предложения и обеспечивает структурное единство предложения, так как связывает все элементы предложения в единый пучок. Часто центральный узел отождествляется со всем предложением. Центральный узел обычно образуется глаголом. Но нельзя сказать, что это единственно возможный вариант. И другие части речи – существительные, прилагательные или наречие – тоже могут образовать центральный узел. Обычно это случается в разговорной речи.

Когда у управляющего слова больше одного подчинённого, то тогда вместо вертикальной линии используются наклонные линии.

Схема 7

«Совокупность линий, изображающих синтаксические связи, образуют стемму. Стемма наглядно изображает иерархию связей и схематически показывает все узлы и образуемые ими пучки. Таким образом, стемма представляет собой материализованную в наглядной форме структуру предложения» [4, с. 26], другими словами, стемма – это наглядное представление абстрактного понятия – структурная схема предложения.

«Структурный порядок слов – это порядок, в котором устанавливаются синтаксические связи» [4, с. 27]. Порядок установления связей не может быть однозначным, так как у каждого вышестоящего (управляющего) элемента может быть несколько нижестоящих (подчинённых) элементов. Поэтому структурный порядок многомерен. Стемма, которая представляет собой графическое изображение структурного порядка, подчиняется этому же закону, поэтому она тоже многомерна; но её можно свести к двум измерениям.

На самом деле, один управляющий элемент может иметь несколько подчинённых элементов, в то время как подчинённый элемент не может зависеть от нескольких управляющих элементов. Это определяет форму стеммы: она похожа на генеалогическое древо, имеющее одну вершину наверху (центральный узел) и несколько вершин внизу:

Схема 8

Схема 9

Основу структурного синтаксиса составляет соотношение между структурным порядком и линейным порядком. Построить схему предложения – это означает, что линейный порядок преобразуется в структурный порядок. Возьмём такое предложение: *Маленькие ручейки образуют большие реки*. Это – линейный порядок. Преобразив его в структурный порядок, мы получили схему:

Схема 10

Восстановить предложение из схемы означает перевести структурный порядок в линейный, так как образующие схему слова построятся в линию (цепочку). Если схему 10 превратить в предложение, получится следующее предложение: *Маленькие ручейки образуют большие реки*. Это – уже линейный порядок. Построить предложение означает установить между словами совокупность синтаксических связей и вдохнуть жизнь в аморфную массу слов; говорить на данном языке означает уметь преобразовать структурный порядок в линейный; понимать язык означает быть в состоянии преобразовать линейный порядок в структурный. «При преобразовании структурного порядка в линейный главный принцип состоит в том, чтобы превращать связи структурного порядка в последовательности линейного так, чтобы те элементы, которые были синтаксически связаны, соседствовали друг с другом в речевой цепочке» [4, с. 31]. Возьмём такую схему:

Схема 11

Чтобы преобразовать этот структурный порядок в линейный, следует иметь ввиду следующее: слово *эта* подчиняется слову *картина*, а оно – слову *нарисована*, с другой стороны – слово *известным* зависит от слова *художником*, а оно, в свою очередь, – от слова *Бахлулзаде*, а это последнее – от слова *нарисована*. Сейчас преобразуем этот структурный порядок в линейный. Получится следующее предложение: *Эта картина нарисована известным художником Бахлулзаде*. Преобразование схемы из структурного порядка в линейный сопровождается грамматическим согласованием. Например, если в той же схеме заменить слово *нарисована* словом *принадлежит,* предложение будет выглядеть так: *Эта картина принадлежит известному художнику Бахлулзаде*.

Как уже сказано, центральным узлом предложения для большинства европейских языков является глагольный узел. Глагольный узел – это своего рода маленькая драма в мире языка: как и в любой драме, глагольный узел имеет и действие, и действующие лица, и обстоятельства. В плане структурного синтаксиса действию, актёрам и обстоятельству драмы в глагольным узле соответствуют глагол, актанты и сирконстанты.

Глагол выражает действие, движение или процесс. В предложении *Гасан ударяет Гусейна* глагол *ударяет* выражает процесс.

Схема 12

Актанты – это предметы (одушевлённые или неодушевлённые), которые участвуют в процессе в любом качестве (даже в качестве статиста) и любым способом (даже пассивно). В предложении *Гасан даёт книгу Гусейну* (схема 13) Гусейн и (даже) книга, хотя сами и не действуют, тем не менее являются актантами, в такой степени, как и Гасан.

Схема 13

В роли актантов всегда выступают существительные или эквивалентные им слова. Другими словами, как правило, в предложении всегда существительные берут на себя роль актантов.

Сирконстанты выражают обстоятельства – времени, места и пр., например, в предложении Amil puts his nose always everywhere *Амил всегда всюду суёт свою нос* имеется два сирконстанта – always «всегда» и everywhere «всюду».

Схема 14

Схема 15

В функции сирконстанта в предложении всегда выступают наречия или эквивалентные им слова.

Как уже отмечено выше, глагол является центром глагольного узла, значит, и глагольного предложения. Следовательно, отсюда ясно, что глагол является управляющим элементом всего глагольного предложения.

Грамматисты – сторонники логического направления – утверждают, что центром любого простого предложения является глагол. Другие выступают против этой идеи и указывают, что существуют и субстантивные, адъективные и наречные предложения. Исследователи этой проблемы пишут, что возникает непримиримое противоречие. Думается, что вопрос неправильно поставлен: если вместо слова *любого* поставить словосочетание с *глагольным сказуемом*, всё будет на своём месте: центром простого предложения с глагольным сказуемым является глагол. Поэтому немецкие грамматисты Morhof [8] и Gottsched [7], которые дали существительному название «главное слово», не правы, а азербайджанский языковед А. Демирчизаде прав, когда он называет глагол главным членом предложения [6]. Что касается актантов и сирконстантов, то они непосредственно подчинены глаголу. Вся эта структурная субординация в схеме будет отражаться так: в центре будет глагол, слева от него актанты, справа сирконстанты. Тогда предложение *Наргиз хорошо говорит* представится следующей схемой:

Схема 16 Схема 17

Символическое представление глагольного предложения будет выглядеть так:

Схема 18

Краткие выводы:

1. Схемы наглядно показывают иерархию синтаксических связей в предложении.
2. Схемы представляют собой материализованную в наглядной форме структуру предложения.
3. С синтаксической точки зрения настоящим предложением является структурное предложение. Соответствующее ему линейное предложение представляет собой лишь проекцию этого предложения на речевую цепочку.
4. Основным управляющим элементов глагольного предложения является глагол, и все другие элементы прямо или косвенно зависят от него.

Библиографический список

1. Засорина Л. Н. Введение в структурную лингвистику. – М.: Высшая школа, 1874.
2. Ревзин И. И. Модели языка. – М.: Изд. Академии Наук СССР, 1962.
3. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. – М.: Наука, 1977.
4. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988.
5. Шаумян С. К. Структурная лингвистика. – М.: Наука, 1965.
6. Dəmirçizadə Ə. Cümlə üzvləri. – Bakı, 1948.

7. Gottsched Ch. Grunledung einer deutschen Sprachkunst. – Leipzig, 1784.
8. Morhof D. Y. Unterricht von der deutschen Sprache und Poesie. – Kiel, 1682.
9. Rəcəbli Ə. Struktur dilçilik. – Bakı, 2005.

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ ЧАСТИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

О. В. Куныгина
Челябинский государственный педагогический университет, г. Челябинск, Россия

Summary. Article is devoted semantic features of such part of speech, as a particle. In it not only features of value of particles reveal, but also dynamic character of semantics of the words concerning this part of speech reveals.
Key words: semantics, particl , dynamics.

Возросший в последнее время интерес к изучению частиц позволяет решить многие проблемы, связанные с установлением границ класса, разграничением частиц и слов, соотносимых с ними, классификацией, особенностями функционирования частиц в текстах разных стилей.

Особый, сложный характер семантики частиц учитывают все современные исследователи единиц этого класса. Ещё академик В. В. Виноградов в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» обратил внимание на эту особенность: «…семантический объём этих частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления» [1, с. 520].

Однако прежде чем говорить о семантических и прагматических особенностях частиц, необходимо определиться с содержательной стороной таких понятий, как частица, значение частиц.

Во всех современных словарях, справочниках, статьях и монографиях, посвящённых частицам, а также в вузовских и школьных учебниках присутствуют дефиниции этой части речи.

Все, кто обращается к описанию частиц, называют следующие основные черты и признаки, характеризующие слова этой части речи: неизменяемая служебная часть речи; служит для выражения разных смысловых, эмоционально-экспрессивных, модальных оттенков; выражает формы отдельных морфологических категорий, передающих отношение говорящего к окружающему контексту; значение частиц во многом определяется контекстом; частицы, помогая выразить отношение к действительности, при этом открывают второй мир – «мир дополнительной скрытой семантики» (Т. М. Николаева); частицы актуализируют прагматическую функцию: являясь элементами семантической сферы предложения, они подключаются к отдельному слову, словосочетанию ли к смыслу целого предложения и придают каждой из этих единиц различные смысловые или модальные оттенки (А. С. Цой).

Мы, опираясь на вышеизложенные признаки, формулируем следующее рабочее определение частиц.

Частицы – это лекемы и фраземы, которые категориально служат для выражения смыслоразличительного отношения говорящего к определённому фрагменту действительности.

Фразеочастицы – грамматические единицы, воспроизводимые в готовом виде, состоящие из двух и более компонентов, служащие для выражения смыслоразличительного отношения говорящего к определённому фрагменту действительности и отличающиеся семантической сложностью.

В современных работах, описывающих частицы, тезис о том, что частицы имеют значение, не требует доказательств. Однако возникает вопрос о том, какова его сущность, как оно может быть определено, каким образом его следует сформулировать?

Частицы не обладают номинативной функцией в строгом смысле этого слова, они не обозначают ни предмета, ни признака, ни процесса, а «вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений» [1, с. 520].

В трудах последних лет говорится о близости семантического и прагматического подходов. Прагматика и составляет сущность значения частиц; «значение частиц определяется контекстом», «частицы несут на себе максимум коммуникативного (в отличие от номинативного пласта высказывания). Они предают отношение к ситуации, отношение элементов текста друг к другу, отношение говорящих и отношение к той системе «общего фонда знаний», которая объединяет адресанта и адресата. Следовательно, это слова максимально ответственные за удачу общения» [2, с. 14].

Под прагматикой мы, вслед за Ю. Д. Апресяном, понимаем «закреплённое в языковой единице отношение говорящего: 1) к действительности; 2) к содержанию сообщения; 3) к адресату» [4, с. 68].

Ядро прагматики составляет теория речевых актов (высказывание, направленное адресату и реализующее речевую интенцию) [4, с. 68].

Для прагматического подхода важна теория речевых актов: локутивный акт (фаза выбора языковых средств), иллокутивный акт (осуществление намерения говорящего) (понятие «иллокуция» связано с понятием «интенция» – намерение говорящего, его мотив), перлокутивный акт (достижение иллокутивного воздействия на адресата и получение ожидаемого результата).

Частицы оказываются такими единицами, которые могут выражать каждую из этих одномоментных фаз.

Подтвердим вышесказанное примером анализа фразеочастиц.

От этой сорокалетней особы можно ждать острого слова, но ***вряд ли*** *услышишь ласковое (Н. Раевский. Если заговорят портреты).*

Стихи он напрасно читает и в хозяйстве ***вряд ли*** *смыслит (И. С. Тургенев. Отцы и дети).*

Второй раз слышу имя Арсеньева из уст человека, который ***вряд ли*** *читал его книги, – заметил я (В. Финк. Литературные воспоминания).*

Дау с сомнением пожал плечами: – Попытка не пытка, только ***вряд ли*** *у тебя что-нибудь получится (М. Бессараб. Формула счастья Ландау).*

Однако найти что-то приличное ***вряд ли*** *удастся – журналы закрываются, штаты сокращаются (Б. Акунин. Сокол и ласточка).*

Именно частица ***вряд ли*** помогает говорящему выразить сомнительный смысл или выразить сомнительную оценку сообщаемого по параметру «истинность».

Если же говорящему необходимо выделить, подчеркнуть, усилить смысловое содержание какого-либо факта, признака, действия, то он прибегает к включению в своё высказывание частицы ***всё же.***

Она страдала, в конце концов – пропала, но ***всё же*** *прожила прекрасную и трагическую жизнь (Н. Пушнова. Валентина Серова. Круг отчуждения).*

Но ***всё же*** *я стараюсь не сердиться и утешаю себя таким рассуждением (К. Чуковский. Живой как жизнь).*

И ***всё же*** *не дослали двух иллюстраций (И. Андроников. Великая эстафета: Воспоминания. Беседы).*

Мне ***всё же*** *кажется – я выздоровею, я могу выздороветь (Е. Замятин. Мы).*

Частица ***всё же*** помогает говорящему усилить смысловое содержание основного высказывания.

Исходя из вышеотмеченных положений и анализа нашего материала можно сделать следующее заключение:

1. Значение, выражаемое частицей, уникально тем, что «содержание» этих единиц ПРОТОТИПИЧНО («само знание о мире, стереотип» [3, с. 94]).
2. Однако при этом частицы не столько именуют фрагмент действительности, сколько квалифицируют его в системе отношений говорящего к фрагменту действительности.
3. При квалификации, выведении значения частиц необходимо учитывать контекст и интенции говорящего.
4. Значение частицы можно назвать «инвариантным, пронизывающим всю систему употребления слова с частицей, создающим сложную систему смысловых переходов» [2, с. 23]; открывающим мир «дополнительной, скрытой семантики» [2, с. 29].

Например, для фразеочастицы ***вот и*** прототипично значение указательности, и, по данным нашей картотеки, она встречается тогда, когда говорящему необходимо выразить указательное значение.

Поехали на бал. ***Вот и*** *дворянское собрание, и подъезд со швейцаром (А. Чехов. Анна на шее).*

Вот и *поворот. Сани лихо развернулись и подкатили к трём домишкам (А. Гайдар. Чук и Гек).*

Однако содержание речевого общения в определённой ситуации помогает выявить эмотивный компонент значения единицы и «расширить» фразеологический смысл.

Как показывает анализ нашего материала, частица ***вот и*** не просто выражает указательное значение, а ещё и вносит в предложение информацию об эмоциональном состоянии говорящего: это восхищение, восторг, радость, сожаление.

– Ага! Стива! Облонский! ***Вот и*** *он! – почти всегда с радостной улыбкой говорили, встречаясь с ним (Л. Толстой. Анна Каренина).*

– А! ***Вот и*** *Евграф Ларионыч! Лёгок на помине! – закричал дядя, нелицемерно обрадовавшись (Ф. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).*

При указании на начало, протекание и завершение действия фразеологизм ***вот и*** сочетается с глаголами в изъявительном наклонении в форме настоящего и прошедшего времени, совершенного и несовершенного вида – *попасть, решить, слышать, ехать, говорить* и др.

В период «междуцарствия» я бросался из стороны в сторону, – ***вот и*** *попал в балет, чтоб посмотреть, как там мои товарищи, завзятые балетоманы, «ломают дураков» (К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве).*

Вот и *решили передать оркестр Шульженко и Коралли (В. Хотулев. К. Шульженко).*

К морю лишь подходит он ***Вот и*** *слышит будто стон… (А. Пушкин. Сказка о царе Салтане…).*

А ночь, и светлая ночь: месяц светит… ***Вот и*** *едет Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла (И. Тургенев. Бежин луг).*

Значение указания на подведение итога описываемого фразеологизма-частицы проявляется в сочетании с местоимениями ***всё, весь***.

– А нет – к мировому, ***вот и*** *весь сказ (А. Куприн. Белый пудель).*

– Со слов мамы, – продолжала она, – я знаю, что эти стихи написаны для бабушки, Натальи Фёдоровны. ***Вот и*** *всё, что я знаю (И. Андроников. Я хочу рассказать вам…).*

Митя и его отец оказались в чистенькой комнатке. Стол и три стула – ***вот и*** *вся обстановка (С. Антонов. Овраги).*

Однако, как показывает анализ нашего материала, фразеочастица ***вот и*** помогает выразить говорящему и оценочное значение иронической оценки внутренней несостоятельности того, о чём сообщается.

– …Всё-таки перегибает, значит, Воропаев, не знает вашего дела? А? ***Вот и*** *угоди на вас! (Павленко. Чья-то жизнь).*

[Наталья Степановна:] Каков негодяй? ***Вот и*** *верь после этого добрым соседям! (А. Чехов. Предложение).*

Вот и *«помогли»… (Заголовок статьи. Челябинский рабочий. – 1998. –8 октября).*

Таким образом, выделение прагматического элемента в семантике частиц определяется, с одной стороны, необходимостью сопоставления и обобщения имеющихся результатов лингвистического изучения частиц, с другой стороны, важностью поиска оптимальных путей описания семантики частиц русского языка.

Библиографический список

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
2. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 168 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
4. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: ИКАР, 2007. – 480 с.
5. Цой А. С. Лексикография русских служебных слов: автореф. … д-ра филол. наук. – М., 2008. – 33 с.

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ НАРЕЧНЫХ ДЕТЕРМИНАНТОВ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ

О. А. Грибещенко
Ростовский государственный строительный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The notions of the verb tense, sentence extender, semantics, determinant combination, predicate stem, verbs of a motion are in focus. Article is devoted the use of adverbial determinants temporal semantics with verbs of motion as predicates in offers of an is conjugated-verbal class. The author concludes that similar determinants, being peripheral means, not only extend bases of offers, but also cause, a verb choice in the certain form of time.

Key words: verb tense, semantics, adverbial determinants.

Наречные детерминанты временной семантики представляют собой окружение предикативной основы высказывания, распространяющее его структурно-коммуникативный минимум. В отечественном синтаксисе они были объектом исследований М. В. Всеволодовой, Н. С. Семчинской, Н. Ю. Шведовой, Л. И. Шуляк, Е. С. Яковлевой и др.

В данной статье нас интересует употребление подобных темпоральных распространителей в предложениях с предикатами-глаголами движения.

Лингвисты, ориентируясь на момент речи говорящего, систематизируют наречные детерминанты на три семантические группы: со значением предшествования, одновременности и следования по отношению к моменту речи.

Как раньше; до сих пор; наутро; когда-то; накануне; вечером; недавно; давно; тогда; тогда-то; на днях; вчера, позавчера, как-то, утром, когда-то, тогда, прежде, раньше выражают предшествование события, действия по отношению к моменту речи: *Утром я ездил к Сем. Мих. Горелику (*П. Н. Лукницкий. Об А. Ахматовой); *Вчера я на катере переправился в Керчь (*В. Лихоносов. На долгую память).

Частотность употребления темпоральных наречий в речи варьируется. Так, наиболее активны *раньше, утром, когда-то, тогда-то, недавно*.

В вышеприведённых предложениях устранение наречия-сирконстанта не приведёт к ущербности высказывания в смысловом отношении. Как считает В. В. Богданов, сирконстанты подчинены предикативному слову (глагольной словоформе) только синтаксически, но семантически подчиняют его [Богданов, 1977, с. 94].

Наречные распространители, являясь автосемантичными словоформами, не обладают, свободной семантической сочетаемостью с разными типами глаголов, а вступают с ними в определённое *семантическое согласование*. Так, одним из ключевых условий сочетания глагольной лексемы и детерминанта является наличие в их лексических значениях общей семы. Именно тогда между ними может осуществляться семантическое согласование. Например: *А сегодня зашёл в издательство, там сидит серьёзный молодой человек «на рукописях»…(*А. Терехов. Бабаев). В данном примере семантическое согласование возникает между распространителем *сегодня* с семой «однократность» и глагольной лексемой *зайти*.

В нашем случае с темпоральными наречными детерминантами активно сочетаются основы с глаголами действия (движения) *ходить, от-*

правиться, зайти, приезжать, спускаться, ездить, ехать, отбывать, уезжать, войти, потелепачить (разг.)*, уплыть, подниматься, мчать, вернуться, приходить, налететь, выходить, вылетать, мчаться.*

Кроме своей семантической общности «передвижение в пространстве» и общей синтагматической формулы, общей валентности, данные глаголы ещё подразделяются на однонаправленные: *отправиться, зайти, спускаться, ехать, уезжать, войти, потелепачить* (разг.)*, уплыть, подниматься, мчать, мчаться, вернуться, налететь,* которые обладают сочетаемостной моделью «отправиться куда-либо в определённом направлении», кроме, *вернуться, налететь* – «прибыть откуда-либо»; а также разнонаправленными: *ходить, приезжать, ездить, приходить* с формулой «отправляться в определённом направлении куда-либо, но многократно». Максимально активны глаголы *ехать, ходить, ездить.*

«Русская грамматика» – 80 определяет глаголы движения русского языка следующим образом: «глаголы движения являются устойчивой структурно-семантической группой глаголов несовершенного вида, объединяющихся в пары слов с общим корнем (кроме разнокорневых *идти – ходить*)» [Русская грамматика, 1980, с. 590]. Возможно, это связано с тем, что глагольные лексемы данной группы семантически связаны практически со всеми совершаемыми нами динамическими действиями.

План прошедшего может быть выражен в предложениях с наречиями «объемлющего времени» [Падучева, 1996, с. 171] типа *вчера, утром, как-то, вечером: Утром Телегин и Сапожков* ***приехали*** *в штаб Южного фронта, в Козлов, в яблочное царство* (А. Н. Толстой. Хождение по мукам). *Как-то раз* ***ехали*** *мы ранним утром в аэропорт с водителем, он, кстати, был из соседней с нашим лагерем деревни (*А. Андреева. Колумбийские впечатления).

В последнем примере показатель *как-то раз* связан с отнесённостью действия к моменту прошлого и называет эпизодическое время [Шуляк, 1989, с. 47]. Методом подбора глагольной словоформы, употреблённой в роли предиката, возможно согласование распространителя с предикатом только в форме настоящего времени при обозначении прошедшего времени и в форме прошедшего времени в собственном значении.

Такие показатели, как *потом, сначала, поочерёдно, одновременно* и др., Ф. Д. Панков относит к темпоральным наречиям с указанием на факт соотнесенности действия со временем другого действия (отношения порядка) [Панков, 1996, с. 6; Смородина, 1989, с. 48]: *Потом приехал к Алёше Костя Богатырёв (младший)…(*Е. Бэннер. До дневников).

Совпадение момента речи с определенным отрезком времени, включая недавнее прошлое и ближайшее будущее, выражается следующими наречиями: *ныне, теперь, сегодня, сейчас, тут* (в темпоральном значении). Например: *Сегодня мы ехали ранним утром в аэропорт с водителем… (*А. Андреева. Колумбийские впечатления); *Я сегодня иду по Манхеттену…(*С. Довлатов. Марш одиноких); *Сейчас чёрный ЗИМ мчал Ивана Фёдоровича на Дебин, в центральную больницу, где был ближайший дом Дирекции (*В. Шаламов. Левый берег); *Нынче, перед отъездом за границу приду проститься (*А. П. Чехов. Скучная история).

Наиболее часто встречаются контексты, в которых глагольные основы предложений распространены детерминантами «объёмного и объемлющего времени» [Падучева, 1996, с. 173] соответственно: *теперь, сегодня, сейчас.*

Можно сказать, что в таком случае значение, указывающее на продолжительный временной интервал, задаёт определённую формулу сочетаемости глагольной лексемы конкретной семантики и определённой формы времени глагола-сказуемого с обстоятельством времени. Так, сочетаемость глаголов движения с наречными распространителями активно реализуется в предложении при передаче настоящего неактуального: *Ныне приезжаешь в свой родной колхоз и каждый раз поначалу чувствуешь себя невеждой* (А. Яшин. Не пасовать перед сложностями!). В данном примере речь идёт о настоящем постоянном, что подтверждается употреблением глагольного сказуемого в форме настоящего времени и семантикой темпорального конкретизатора «ныне».

При описании событий будущего времени (следования по отношению к исходной точке отсчёта) часто встречаются наречные конкретизаторы объемлющего времени *на днях, потом, вечером, скоро, вскоре, завтра, позже, после, назавтра*. Например: *Завтра приезжает Жирмунский* (А. Чуковская. После конца); *Рыбаков с женой и детьми скоро едет за границу (*П. Лукницкий. Об А. Ахматовой).

Таким образом, к периферийным средствам, конкретизирующим и распространяющим основу глагольного предложения, относятся наречные детерминанты. При этом преимущественное положение имеют наречия с семантикой одновременности по отношению к моменту речи.

Подобные темпоральные распространители способны вступать в семантическое согласование исключительно с предельными глагольными лексемами, т. е. семантика темпорального показателя обусловливает выбор глагола в определённой форме времени.

Библиографический список

1. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л., 1977.
2. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – В 2-х т. – Т. 2. Синтаксис. – М., 1980.
3. Падучева Е. В. Семантические исследования в русском языке (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996.
4. Панков Ф. Д. Наречная темпоральность и её речевые реализации: Автореф. … канд. филол. наук. – М., 1996.
5. Смородина Н. С. Предложные детерминанты сопутствующей характеристики с совмещёнными обстоятельственными значениями // Единицы синтаксиса в функциональном аспекте: межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д: РГПИ, 1989.
6. Шуляк Л. И. Детерминанты со значением фоновой характеристики // Единицы синтаксиса в функциональном аспекте: межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д: РГПИ, 1989.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ОЙКОНИМОВ УСТЮЖЕНСКОГО КРАЯ XVII ВЕКА

Г. А. Ковшикова
Череповецкий филиал Института бизнеса и права,
г. Череповец, Россия

Summary. In the thoponimic system of oyconims contrasting of three plans is fixed. Complects of semantically connected related objects, named semantical microsystems are based on the three plans.

Key words: thoponimics, a thoponimus, oyconimics, nomination, semantical microsystems.

В топонимической системе как части лексической системы языка фиксируются противопоставления трёх планов: 1) различия топонимов и нетопонимов, 2) различия топонимов разных классов, 3) различия топонимов одного класса. Противопоставления последнего типа составляют организующую основу топонимической системы и должны, прежде всего, приниматься во внимание. На базе этих противопоставлений образуются комплексы семантически связанных названий смежных объектов, именуемые в топонимике семантическими микросистемами.

Топонимический материал, зафиксированный в «Писцовой книге станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг.», позволил выявить следующие особенности ойконимии Устюженского края XVII в. Некоторые из них сохранились и существуют в настоящее время, некоторые исчезли.

В данном исследовании проявлением системных связей топонимов одного разряда считается зависимое употребление географических названий, наличие топонимов, находящихся в отношениях производности.

1. Противопоставление одинаковых топонимов.

Прежде всего, это парные противопоставления. Анализ показывает, что в топонимии Устюженского уезда XVII в. бинарные оппозиции выражаются с помощью разнообразных дифференцирующих элементов: *Верхняя – Нижняя (пустошь – деревня), Меньшой – Большой (деревня).* Например, *«…пустошь Нижняя Кротынь на реке на Мологе усть речки Кротыни…», «Деревня Верхняя Кротынь на реке на Мологе»; «Деревня Меньшой Бор, а Петряева то ж на ручью он Любовском перелошке…», «…пустошь, что была деревня Большой Бор, Офонасьевское то ж».*

II. При описании северорусских топонимов прошлого исследователи неоднократно отмечали существование двойных и тройных наименований одного и того же населённого пункта. В Устюженском уезде XVII века многие населённые пункты имеют двойные названия. Например, «*пустошь Корнево, а Коренцово то ж»; «деревня Окатовская, а Молахово то ж»; «деревня Бывальцово, а Даргасово то ж»; «пустошь Сапугино, а Сарапугино то ж».*

В ойконимии Устюженского уезда XVII века можно отметить типы наименований, дающие, как правило, разноплановую характеристику объектов:

1) отантропонимическое и отгеографическое название: «*пустошь, что была деревня Фролково, а Починок то ж»; «пустошь, что был починок Кузнецов, а Чёрная Грязь то ж»; «деревня, что был починок Ра-*

менье, а Верещагино то ж»; «пустошь, что была деревня Кишкино, а Великий Двор то ж».

В двойных названиях с разными по принципам номинации компонентами один из топонимов относится к посессивному типу. Двойные названия, включающие антропонимический компонент, уточняют личность владельца. Отгеографическое название, употреблённое рядом с отантропонимическим, служит для уточнения местоположения объекта;

2) отантропонимическое и отантропонимическое: «*пустошь Родивонцово, а Ондрейцово то ж»; «пустошь Вазгино, а Вазгалово то ж»; «пустошь Обакумово, а Лобачево то ж»; «пустошь Ушаково, а Ушово то ж»*.

Некоторые двойные названия представляют собой параллельное название, образованное от некалендарного и календарного имени;

3) отгеографическое и отгеографическое: «*пустошь, что была деревня Нива, а Осташков починок то ж»; «пустошь Пахарева Нива, а Новинка то ж»*.

В некоторых случаях двойные названия возникают вследствие образования топонимов от одной основы, но с помощью разных суффиксов (-ов-, -ин-, -ок-, -их-, -ск-): «*пустошь, что был починок Стеферово, а Стефировский то ж»; «пустошь Кориха, а Корино то ж»; «пустошь, что была деревня Дора, а Дорок то ж»*. Варьирование собственных имён стимулирует развитие именных систем.

В ойконимии Устюженского уезда XVII века присутствуют также тройные названия, но их значительно меньше. Например, «*полпустоши Мышцы Небольшово, а Мышкино то ж»* (XVII в.) – д. Мышкино (Соб.)*; «деревня, что была пустошь Мишутино, а Дубровка Иванково то ж»* (XVII в.) – д. Мишутино (Хрип.) (XIX в.).

Двойные и тройные наименования свидетельствуют о появлении на месте, освоенном первопоселенцем, новых жителей. Подавляющее большинство двойных названий имеют славянское происхождение, при этом преобладают ойконимы посессивного типа.

В дальнейшем наблюдается тенденция к утрате двойных названий, что подтверждается рядом примеров: «*пустошь Родивонцово, а Ондрейцово то ж»* (XVII в.) – д. Андрейково (Пер.) (XIX в.), «*деревня Окатовская, а Молахово то ж»* (XVII в.) – д. Малахово (Пер.) (XIX в.), «*деревня Бывальцово, а Даргасово то ж»* (XVII в.) – д. Бывальцево (Дуб.) (XIX в.).

Одной из особенностей ойконимии Устюженского края XVII в. является гнездовой тип расселения населения. Такой принцип расселения был характерен для русского Севера. «На территории, носящей обобщённое название, расположена группа деревень. Эти обобщённые названия микротерриторий первоначально служили именами урочищ, охотничьих угодий» [5, с. 16]. Первопоселенцы строили на урочищах деревни, которые получали названия по их именам, а в качестве уточнения местоположения деревни употреблялись обобщённые названия бывших урочищ. Важно отметить, что и названия отдельных деревень, и наименования гнёзд в Устюженском крае XVII в. имеют славянское происхождение: *«села Хрипелева д. Зайцовы, д. Терентьева, д. Чавкова, д. Темяникова на реке Кобоже»* (XVII в.) – д. Зайцово, д. Терентьево, д. Темьяниково (с. Хрипелево) (Хрип.) (XIX в.); *«сельцо Федоровское, селище Андрейцово в Городищенской заводи»* (XVII в.) – с. Федоровское, с. Андрейково (Пер.) (XIX в.).

«Единство гнезда подчёркивается не только чисто топографической близостью входящих в него деревень, но и тем, что гнездо в целом имеет одно общее название наряду с наименованиями каждой деревни в отдельности» [3, с. 220].

В ойконимии Устюженского края XVII в. имеют место названия населённых пунктов, представляющие собой генитивные конструкции со значением принадлежности: «И по форме и по значению подобные наименования ещё не субстантив, не собственное имя деревни, а лишь дифференцирующее определение к родовому географическому термину «деревня»: оно ещё согласовано с ним в роде и падеже» [5, с. 37]. Например*, д. Бокарева, пуст. Борискова, пуст. Борисова, пуст. Боровлева, пуст. Горбачева, д. Ванютина, д. Дьякова, д. Дьяконова, д. Помесова, д. Турбачева, д. Тестова, пуст. Федоркова, пуст. Улитина, д. Шаморина, поч. Осташков*. С течением времени большинство названий с суффиксами -ов-, -ев-, -ин- приобретают окончание -о, которое становится топонимическим формантом: *пуст. Борисова* (XVII в.) – д. Борисово (Соб.) (XIX в.), *пуст. Горбачева* (XVII в.) – д. Горбачево (Хрип.) (XIX в.), *д. Дьякова* (XVII в.) – д. Дьяково (Никиф.) (XIX в.), *д. Жукова* (XVII в.) – д. Жуково (Соб.) (XIX в.), *пуст. Жилина* (XVII в.) – д. Жилино (Мезж.) (XIX в.).

Особенностью ойконимии Устюженского края XVII в., как и вообще топонимии того периода, является тот факт, что ойконим нёс в себе дополнительную информацию, уточняющую местоположение населённого пункта относительно других географических объектов: *«д. Чёрная на речке на Чёрной»*; *«д. Сысоево на реке на Шалче»*; *«с. Щербинино на реке на Зване»*; *«д. Шалоцкая Вершина на реке на Шалче»*; *«д. Кортиха на реке на Мологе»*.

Названия Устюженского края XVII в. могли включать упоминание о том объекте, который существовал на месте населённого пункта: *«пустошь, что была д. Данилово, а Новинка то ж на реке на Вороже»*; *«д., что был починок Зимник на реке на Шалче»*; *«Пустошь, что был починок Братушков на ручью на Братушкове да на реке на Мезге…»*.

Существование таких описательных конструкций свидетельствует о том, что анализируемая топонимическая система находилась в стадии формирования. В дальнейшем наблюдается стремление к избавлению от этих компонентов. Это подтверждается такими примерами: *«д. Шелохонь на реке на Шелогоще»* (XVII в.) – д. Шелохочь (р. Щелохочь) (Лент.) (XIX в.); *«д. Чёрная на речке на Чёрной»* (XVII в.) – д. Чёрная (р.Чёрная) (Никиф.) (XIX в.); *«д. Сысоево на реке на Шалче»* (XVII в.) – д. Сысоево (р. Шалочь) (Лент.) (XIX в.); *«с. Щербинино на реке на Зване»* (XVII в.) – с. Щербинино (Собол.) (XIX в.); *«д. Перговища на реке на Мологе»* (XVII в.) – д. Перговища (р. Молога) (Перск.) (XIX в.); *«…пустошь Нижняя Кротынь на реке на Мологе усть речки Кротыни…»* (XVII в.) – д. Кротынь (Соб.) (XIX в.). Из приведённых примеров видно, что чаще всего уточняющим компонентом выступает наименование гидрографического объекта. Это не случайно, потому что «вода – основополагающая стихия мироздания. Жизнь славянина с древнейших времён была связана с водой. Наши предки селились вдоль рек, по которым проходили торговые пути, совершали общение между племенами» [4, с.170].

Ойконимы с течением времени теряют один из компонентов. Его потеря в составе ойконима связана с тем, что с течением времени перестаёт быть значимым тот факт, кому принадлежит деревня, починок *(д. Ост-*

ров Павлов – д. Остров). Но в составе двойного названия может быть утрачен и компонент, восходящий к географическому термину: *д. Шаркина Дубровка* (XVII в.) – д. Шаркина (Мезж.) (XIX в.).

Причинами потери одного из компонентов могут выступать и экстралингвистические факторы, в частности выпадение одного из звеньев соотносительного ряда [2, с. 61]. Когда исчезает один из населенных пунктов с одинаковыми названиями, исчезает необходимость в их дифференциации: *д. Нижняя Кротынь и д. Верхняя Кротынь* (XVII в.) – д. Кротынь (Соб.) (XIX в.), *д. Меньшой Бор и д. Большой Бор* (XVII в.) – д. Бор (Барс.) (XIX в.).

Библиографический список

1. Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 годов / Публ. И. В. Пугача // Устюжна: краеведческий альманах. – Вологда: Элегия, 2000. – Вып. 1. – С. 82–105; Вып. 2. – С. 153–172; Вып. 3. – С.294–345; Вып. 4. – С. 163–238.
2. Кашина Н. П. Исторические изменения в ойконимии Белозерского края // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. – Вологда, 1987. – С.57–65.
3. Пименов В. В. Вепсы. – М.–Л.: Наука, 1965.
4. Семёнова М. Мы – славяне! – СПб., 2005.
5. Симина Г. Я. Географические названия (по материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья). – Л.: Наука, 1980.

ЭНАНТИОСЕМИЯ ПРЕФИКСА «ВЫ-» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Р. Махмутова
Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева, г. Казань, Россия

Summary. The article is researched polar and close to polar semantics of modern Russian prefix вы-. The author has come into conclusion that there are few oppositions, which develop word-formation enantiosemy in semantic structure of this prefix.

Key words: prefix, seme, enantiosemy, polar semantics.

В современной лингвистике не вызывает сомнения тот факт, что многие русские префиксальные глаголы связаны по своей природе с синкретичностью и полисемичностью. В той или иной речевой ситуации происходит расщепление диффузной глагольной семантики и актуализация ситуативно обусловленных, конкретных значений слова. Явление префиксальной многозначности достаточно подробно исследовано в лингвистической науке. Однако в последние десятилетия учёными-лингвистами всё чаще отмечается способность русских аффиксов иметь не только разные, но и противоположные или близкие к противоположным значения. В связи с этим можно говорить о развитии энантиосемии, т. е. полярных значений в семантической структуре одной единицы под воздействием аффиксов в словообразовательной системе современного русского языка.

Впервые лингвистическое описание места словообразовательной энантиосемии в системе языка дала проф. Э. А. Балалыкина: «Если на уровне словообразования *синонимия* и *антонимия* – это тождество основ и различие аффиксов, выражающих сходные (синонимия) или противопо-

ложные (антонимия) значения, то *омонимия* и *энантиосемия* – это тождество и основ, и аффиксов при выражении разных (омонимия) или противоположных (энантиосемия) словообразовательных значений» [1, с. 178]. Таким образом, можно заключить, что словообразовательная энантиосемия закономерно вписывается в цепь существующих в языке антонимических, синонимических, омонимических отношений, заполняя собой пустующее звено в лексической семантике языка.

В соответствии с классификацией аффиксов по месту в слове в языке фиксируется префиксальная, суффиксальная и конфиксальная разновидности указанного явления.

В настоящей работе внимание уделено префиксальному типу энантиосемии, так как по результатам проведённого исследования основная часть энантиоморфем представлена в языке префиксальным типом.

Как известно, в русском языке глаголы по сравнению с другими частями речи больше всего образуются способами префиксального словообразования. В силу этого исследование общих закономерностей образования словообразовательных энантиолексем связано, прежде всего, с изучением отглагольных образований.

Как было отмечено выше, одна и та же приставка, присоединяясь к одному и тому же глаголу, нередко приводит к образованию слов с противоположными значениями. Так, в глаголах *просмотреть, проглядеть, прослушать* в контрарные отношения вступают значения «совершить действие» – «допустить упущения в реализации действия». Например, *Тюлин* ***прослушал*** *рассказ с удовольствием, причём не без злорадства припомнил, что дал мне самый поганый челнок* (К. Чуковский) и *Из-за ерунды: то ли тетрадь не ту принес, то ли какой-то вопрос* ***прослушал*** (Д. Емец).

Таких примеров в языке множество. Из двадцати восьми глагольных приставок, приведённых в Академической грамматике [2, с. 254–274], двенадцать (*до-, за-, из-, на-, пере-, по-, при-, про-, раз, с-, у-, о- /об-/обо-)* способны выражать полярные или близкие к полярным значения.

Приставка *вы-* активно участвует в формировании глагольных образований с противоположным значением в современном русском языке. Данный префикс является достаточно продуктивным и соотносится с различными типами глаголов, что приводит к образованию нескольких оппозиций с полярной семантикой.

Основное значение приставки *вы-* определяется лингвистами как указание на направление действия изнутри наружу (*выйти, выехать*) [3, с. 41]. Глагольное значение в «Русской грамматике» представлено следующим образом: «удалиться, выделиться из чего-н., посредством действия, названного мотивирующим глаголом»: *вывезти* – «везя, удалить», *высветить* – «осветив, выделить» и др. [2, с. 358]. В обоих толкованиях внимание главным образом акцентируется на перемещении из внутреннего пространства во внешнее. Ср.: *Полк по боевой тревоге* ***вывели*** *из казармы на рассвете* (В. Астафьев). При этом внутреннее пространство мыслится как видимое, а внешнее – в качестве невидимого, неизвестного. Вследствие этого информация о внутреннем пространстве становится неактуальной для семантики высказывания в целом.

Однако следует отметить, что глагольные образования с приставкой *вы-* в идеально построенных конструкциях имеют двойную валентность локального типа, т. е. формально выраженным является как внутреннее

(откуда?), так и внешнее (куда?) пространство. Например, *По утрам он* ***выходил*** *из полутёмного домика на просторную, полную диковинного весеннего света улицу* (И. Ильф и Е. Петров). В данном примере внутреннее и внешнее пространство являются материально выраженными и описываются с помощью предложно-именных конструкций: (откуда?) *из домика* (куда?) *на улицу*. Таким образом, можно констатировать факт существования двойной направленности действия у глаголов перемещения с префиксом *вы-*. Этот факт является причиной возникновения полярной семантики в многочисленных глагольных образованиях с приставкой *вы-*. Ср.: *выползти* – «выйти ползком» и «появиться ползком», *выпрыгнуть* – «прыгнув, удалиться куда-нибудь» (*выпрыгнуть из окна*) и «прыгнув, появиться откуда-нибудь» (*из кустов выпрыгнул заяц*), *вырваться* – «уйти» (*вырваться из рук*) и «выйти наружу» (*пламя вырвалось*), *высыпать* – «удалить, сыпля» и «появиться», *вытянуть* – «тягой, всасыванием удалить» и «вытащить, извлечь» и др. Энантиосемия возникает в результате того, что в каждом семантическом варианте акцентируется внимание только на одном локальном промежутке, являющемся частью общего, большего, но разделённого пространства. Семантические варианты при общих семах «однонаправленное движение по прямой», «пересечение границы разделения пространства» различаются лишь направленностью движения. Эта семантика присуща приставке в сочетании с глаголами перемещения в контекстах, описывающих конкретное однонаправленное движение. Например, *Господа, я должен буду приказать* ***вывести*** *нарушителя тишины* (М. Салтыков-Щедрин), т. е. увести откуда-либо, удалить за пределы чего-либо и *Дорога* ***вывела*** *нас на шоссе* (М. Шолохов), т. е. привела куда-либо.

Полярные отношения в семантической структуре приставки *вы-* связаны также с общим значением «изменение состояния», связанным в зависимости от контекста с идеей созидания или разрушения. Например, *Хотите, я вам в один день всех мышей и тараканов* ***выведу*** *из хаты* (А. Куприн), т. е. уничтожить, истребить и ***вывести*** *новую породу скота*, т. е. вырастить, создать. Изменение состояния может заключаться в создании объекта, приобретении или потере им определённого качества, разрушения и т. п.

В «Русской грамматике 1980» данное значение глаголов, образованных с помощью префикса *вы-*, трактуется следующим образом: глаголы со значением «добыть, получить, найти что-н. посредством действия, названного мотивирующим глаголом» (*выиграть* – «играя, добыть», *высидеть, выследить, высмотреть, выстрадать*). В данном толковании указывается лишь на одну сторону процесса изменения – созидание. Однако в примечании отмечен тот факт, что «ряд глаголов с префиксом *вы-* совмещает в себе значение удаления и добывания: *выварить* (соль из морской воды) «варя, удалить, добыть», *вырыть* (клад из земли) «роя, удалить, добыть), *выловить* (брёвна из реки)» [2, с. 359].

Авторы лингвистического труда «Русские глагольные приставки» также выделяют одно синкретичное значение префикса *вы-*, в котором, на наш взгляд, сосуществует два полярных подзначения. Выделенная нами приставочная семантика «изменение состояния», заключающееся в создании объекта, приобретении или потере им определённого качества, разрушения и т. п., по мнению Г. А. Волохиной, З. Д. Поповой, связано с первоначальным значением префикса *вы-*, с семантикой движения. А выде-

ленное нами значение «созидание» и «разрушение» трактуются как «совершать действие, включающее движение изнутри наружу», а именно «созидание нового предмета способом удаления части из целого» (*вырезать звёздочку из бумаги, вырубить фигурку из дерева, выкопать колодец, вырыть яму, выдолбить лодку*) [3, с. 44].

Несмотря на то, что в традиционной и современной лингвистике называется наиболее общее синкретичное значение приставки *вы-*, очевиден тот факт, что в данном случае речь идёт о двух противоположных процессах. Ср.: *вырезать* (о создании узора там, где его раньше не было): несуществование – существование; *вырезать* (об удалении того, что не было): существование – несуществование.

Например, *С* ***вырезанным*** *узором рукоятка выглядела лучше, чем прежде. Я могу тебе вырезать так же* или ***Вырезали*** *аппендикс? Без него будет легче жить.*

Совмещение, соединение противоположных значений приставки *вы-* может быть связано с тем, что действие глаголов, обозначающих создание, связано с разрушением внутренних связей монолитного материала. Например, *вырубить* (создать что-л. рубкой): несуществование – существование; *вырубить* (уничтожить что-л. рубкой): существование – несуществование. Ср.: *вырубить гранит* и *вырубить лодку из ствола*.

Во втором примере речь идёт о создании предмета (лодки) путём нарушения целостности исходного материала (ствола). Энантиосемия возникает в результате возможности двоякого взгляда на вещи: *вырубить лодку* или *вырубить ствол*.

Конкретизатором семантики префиксального глагола выступает ближайший контекст, а именно сочетание с существительным в винительном падеже. Грамматическое оформление словообразовательных энантиосем идентично: в обоих семантических вариантах переходный глагол требует после себя прямого дополнения, называющего объект, на который направлено действие. Однако значение этого существительного, как правило, способствует уточнению семантики глагола. Например, если речь идёт о созидании, то в качестве прямого объекта могут употребляться такие имена, как *лодка, надпись, узор, фигурки* и т. п., то есть названия тех предметов, которые можно получить, совершая действие, названное мотивирующим глаголом (*резать, пилить, долбить, рубить и др.*). Созданный артефакт является конечным итогом, результатом названного действия, на что указывает перфектный глагол (*вырезать, выпилить, выдолбить, вырубить и проч.*).

Семантический вариант глагола, являющийся противоположным по отношению к вышеприведенному, как правило, сочетается с именами существительными иного плана. Это могут быть слова, называющие различные материалы, такие, как *дерево, железо, пластмасса, лес и др*. В качестве прямого объекта также могут выступать слова, обозначающие предметы, которые вызывают всегда или в конкретной ситуации негативное отношение у людей. Присутствие их нежелательно, поэтому их стараются уничтожить с помощью действия, названного мотивирующим глаголом. Например, *вырезать аппендицит, ненужные фрагменты на фотоплёнке, племя, замок (из двери); вырубить сук; выпилить дверь, выдолбить отрезок ствола и т. д.* Названное мотивирующим глаголом действие предполагает использование какого-либо орудия, в языке это находит отражение в сочетании данных глаголов с именами существительными в

творительном падеже с инструментальным значением (*вырезать пилой, выдолбить стамеской, вырубить топором и т. д.*).

Семантика глаголов с приставкой *вы-* со значением «разрушение» претерпевает некоторые изменения в современном разговорном языке. В результате переосмысления первоначальной семантики рождаются производные значения, сохранившие в своей структуре сему деструктивности. Например, *вырубить боль* (с помощью каких-либо средств каузировать исчезновение боли), *вырубить рекламу* (отключить) и др.

Таким образом, исследование словообразовательной энантиосемии позволяет расширить представления о семантическом богатстве русских приставок и аффиксов в целом.

Библиографический список

1. Балалыкина Э. А. Словообразовательная энантиосемия в кругу смежных явлений // Русский язык: исторические судьбы и современность (международный конгресс). – М. – 2001. – С. 178. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/slovoobraz.doc, свободный. – Проверено 28.03.2007.
2. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970.
3. Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993.

О РАЗВИТИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОЛИСЕМИИ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ, ЗАИМСТВОВАННЫХ ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

И. В. Каргапольцева
Башкирский институт социальных технологий (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа, Россия

Summary. The article is devoted to the research of peculiarities of polysemy development of the French loans in the Russian language based on the military vocabulary material. Comparing the terms it is obvious that the volume of meaning and the quantity of meanings of similar words are not always identical. Some examples of the loan words in Russian which acquired additional meanings in the issue of metaphoric or metonymic expansion are presented in the article.

Key words: loan words, polysemy, figurative meaning, terminology, source-language, recipient-language.

Заимствование – процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (прежде всего, слово или полнозначная морфема). Процесс заимствования слов – явление нормальное, а в определённые исторические периоды даже неизбежное. Освоение иноязычной лексики обогащает словарный запас принимающего языка. Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми коллективами.

Полисемия – наличие у языкового знака более чем одного значения.

При заимствовании часто происходят изменения в семантике слов. Значение заимствованных слов может сужаться, т. е. заимствующим языком принимаются не все значения, имеющиеся в языке-источнике, или расширяться (в смысловом отношении), слова приобретают новые значения, происходит развитие полисемии. Однако для терминологии данное явление считается нежелательным в силу того, что термин в пределах одной терминосистемы должен отвечать критерию однозначности. В свою очередь, явление многозначности является не только проявлением рациональной ограниченности ресурсов терминологического потенциала, но и объективным следствием процессов познания человеком окружающего его мира.

В связи с этим мы постарались провести в данной статье сравнительный анализ многозначности некоторых терминов-заимствований в русском языке. Было замечено, что при сравнении заимствованных терминов объём значения и количество значений в языке-источнике и языке-реципиенте неодинаковы. Причины этого состоят в следующем. Во-первых, развитие системы понятий неизбежно ведёт к развитию системы терминов, обозначающих эти понятия. При этом возможности языковой системы не всегда полностью соответствуют возможностям понятийной системы, т. к. число используемых языковых единиц значительно меньше числа понятийных единиц, а полисемия, в свою очередь, позволяет значительно расширить номинативный потенциал языка без увеличения количества собственных лексических единиц. Во-вторых, развитие новых значений на базе ранее существующих имеет неоспоримое преимущество, так как это экономит время, усилия, способствует пробуждению творческой мысли на стыке самых отдалённых областей знания. Некоторые учёные даже считают явление терминологической полисемии закономерным.

В-третьих, данное явление не столько свидетельствует о проявлении рациональной ограниченности ресурсов терминологического потенциала, сколько характеризует семантические возможности терминов как элементов терминологической системы. И последнее, полисемия термина не является показателем его неточности. Чем сильнее развита система многозначности в терминологии, тем основательнее изучен предмет мысли, тем точнее установлены связи между общенаучными понятиями и отраслевым концептуальным аппаратом.

В нашей работе мы рассматриваем развитие полисемии военных терминов, заимствованных в русский язык из французского.

Приведём примеры данного явления.

Французское слово «cavalerie» в языке-источнике имеет одно значение – конное войско, конница. В русском же языке в советское время это слово приобрело новое переносное значение: словосочетание «лёгкая кавалерия» имеет значение «руководимая комсомолом организация, ставящая себе целью искоренять недостатки в работе учреждений путём внезапных, летучих ревизий».

Заимствованное слово «артиллерия» (фр. artillerie) в языке-источнике имело два значения: 1. *собир*. Крупные огнестрельные орудия различных размеров и конструкций со всем оборудованием и принадлежностями. 2. Род войска, действующий артиллерийскими орудиями. В русском языке оно приобрело новые переносные значения: «тяжёлая артиллерия» – 1. Неповоротливые, малоподвижные люди. 2. Наиболее автори-

тетные, неоспоримые аргументы, доводы, к которым прибегают, когда собственные доказательства исчерпаны.

Слово «арьергард» (фр. arrière-garde) кроме изначального значения «часть войска, следующая позади главных сил в походном движении» в русском языке имеет также значение «позади всех, отставая от других» (напр., *Идти в арьергарде*).

Заимствованное слово «бастион» (фр. bastion) во французском языке имеет только одно значение – «старинное крепостное или полевое укрепление в форме пятиугольника. В русском языке это слово употребляется также в переносном значении «надёжная опора, защита; оплот».

Военный термин «баталия» (фр. Bataille), кроме двух изначальных значений (1. Битва, сражение. 2. Ссора, бурный спор, драка), приобрело переносное разговорное значение «Спортивное состязание».

Слово «батальон» (фр. bataillon) имеет в русском языке дополнительное переносное значение – «неопределённо большое количество кого-либо», тогда как во французском языке это слово имеет лишь одно значение – «войсковое подразделение из нескольких рот и специализированных взводов, обычно входящее в состав полка или бригады.

Также дополнительное переносное значение приобрело заимствованное из французского языка слово «гренадер» (фр. grenadier) – «рослый, плечистый человек».

Изначально военный термин «демобилизация» (фр. demobilisation) в языке-источнике означает: 1. Увольнение военнослужащих из вооруженных сил по окончании войны или срока действительной службы. 2. Перевод вооружённых сил и народного хозяйства страны с военного положения на мирное. В русском языке имеет переносное значение – «ослабление активности в какой-либо деятельности; ослабление готовности к чему-либо, бдительности и т. п.».

Ещё одним примером развития полисемии французских заимствований в русском языке является слово «десант» (фр. descente), которое помимо двух изначальных значений (1. Войска, специально подготовленные для высадки на территории противника или высадившиеся на ней для ведения боевых действий. 2. Высадка войск на территории противника) имеет переносное – «группа лиц, направленная куда-либо с какой-либо целью».

Заимствованное слово «камуфлет» употребляется в русском языке как в изначальных значениях (1. Разрыв артиллерийского снаряда, авиабомбы, мины и т. п. под землёй без образования воронки. 2. Подземный взрыв без выброса грунта для разрушения подземных сооружений противника), так и переносно «непредвиденный и неприятный оборот дела».

Подводя итог, отметим, что полисемия термина выражает в семантической структуре слов принципы категоризации фрагментов объективной действительности, тенденции развития терминосистемы, возможности саморазвития языка. Таким образом, полисемия в терминологии – явление объективно существующее, обусловленное как экстралингвистическими, так и интралингвистическими причинами. Наблюдается тенденция к многозначности заимствованных из французского языка военных терминов. Это можно объяснить значительной степенью их связи с общелитературной лексикой.

СИСТЕМА РУССКИХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В ЗЕРКАЛЕ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Ю. А. Мареева
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Summary. The work is devoted to Russian temporal adverbs, their systematization within functional communicative grammar and comparative analysis Russian and Greek adverbs.

Key words: adverb, systematization, comparison, functional communicative grammar.

Наречие – наименее изученная самостоятельная часть речи, особенно в сопоставительном аспекте, что связано с трудностью классификации и систематизации наречий, поскольку в дискурсе они оказываются изофункциональны словоформам других частей речи, обслуживающих совместно с ними то или иное ФСП. В моей курсовой работе рассматриваются русские наречия ФСП времени в сопоставлении с соответствующими наречиями новогреческого языка.

Рассмотрение русских наречий и их иноязычных коррелятов в сопоставительном плане имеет не только научную значимость, но и решает ряд прагматических задач, связанных с практикой преподавания русского языка как иностранного, в частности грекам, и при изучении русскими новогреческого языка. В результате сравнения на формальном и семантическом уровнях были обнаружены черты как сходства, так и различия.

В греческом языке, как и в русском, наречия могут быть разделены на первичные (непроизводные на синхронном уровне, в обоих языках этот класс представлен небольшим количеством наречий) и вторичные (производные). В русском языке наиболее продуктивными моделями образования наречий являются Adj + о/е (например, *долго*), по + Adj + и (например, *по-русски*), по + Adj + ому/ему (*по-вечернему*). В греческом языке большинство наречий образуется от прилагательных с помощью аффиксов –α и –ως (Adj + α, Adj + ως). Многие наречия имеют оба варианта образования.

В моей работе систематизация русских темпоральных наречий, разработанная Ф. И. Панковым с точки зрения функционально-коммуникативной грамматики, применяется к их новогреческим коррелятам. На основании сопоставления были обнаружены зоны сближения и расхождения между ними.

Соотнесённость русских и новогреческих наречий в целом условно можно свести к двум основным типам: соответствия и несоответствия. Соответствие означает, что для русского наречия существует эквивалент в греческом. Несоответствия же могут быть двух типов:

1) русскому наречию соответствует другая часть речи в новогреческом языке;

или

2) новогреческому наречию соответствует другая часть речи в русском языке.

В большинстве случаев можно провести параллель между семантическими группами русских и новогреческих темпоральных наречий. Всё множество русских и греческих наречий может быть разделено на две

большие группы: ТН, выражающие безотносительное время, и ТН, выражающие относительное время. Что касается следующих рангов разбиения, то в них обнаруживаются несоответствия. Рассмотрим их последовательно.

1. В русском языке наречия, дифференцированные относительно кратности, могут содержать указание на количество характеризуемых действий. Это наречия *неоднократно, дважды, трижды, однажды, единожды, однократно, тысячекратно, многократно* и др. Им соответствуют греческие сочетания количественного числительного с существительным. Например, *однажды* - *μιά φορά* (дословно *один раз*), *дважды* - *δυό φορές* (дословно *два раза*).

Таким образом, в греческом языке отсутствуют нумеральные темпоральные наречия, т. е. образованные от числительных.

2. И на более низких рангах разбиения не всем выделенным группам русских наречий есть соответствия в греческом. В греческом языке отсутствуют корреляты русским наречиям, указывающим на то, что действие производится первый раз, таким как *впервые*, *вновь*₂ (в значении 'впервые'), наречиям со значением повторности (*повторно, вторично*). Соответствующее значение передаётся при помощи сочетания порядкового числительного с существительным. Например, *вторично* –*δεύτερη φορά* (дословно *второй раз*).

3. Нет коррелятов и для русских наречий, выражающих инклюзивное следование действия за другим действием, таких как *сызмальства*, *смолоду*, *исстари*, *издавна*.

Следующий тип несоответствий, когда в русском языке отсутствует эквивалент для новогреческого наречия.

1. В русском языке нет специальных лексем для выражения следующих временных значений: *в этом году*, *в прошлом году*, *в позапрошлом году*, *сегодня вечером*, *вчера вечером*. В то время как в греческом языке для их обозначения существуют отдельные наречия: *φέτος* – *в этом году*, *πέρσι*, *πέρυσι* – *в прошлом году*, *προπέρυσι*, *πρόπερσι* – *в позапрошлом году*, *απόψε* – *сегодня вечером*, *ψες*, *εψές* – *вчера вечером*.

2. В греческом языке есть особая лексема *αντιμεθαύριο,* которой нет соответствия в русском языке. Она образуется следующим образом.: к наречию *αύριο* (*завтра*) прибавляется префикс *μετά*: *μετά + αύριο = μεθαύριο* (*послезавтра*, с модификацией префикса); затем префикс *αντί + μεθαύριο = αντιμεθαύριο* ('день, следующий за послезавтра', 'через три дня после сегодняшнего дня'). В русском языке нет эквивалента для данной лексемы.

3. Следующее несоответствие касается наречия *часто*, которое в русском языке совмещает в себе значения временной и пространственной локализации. Например: В то лето **часто** шли дожди (реализуется временное значение). Деревья были посажены **часто** (пространственное). В греческом языке эти значения разведены, и в привед`нных выше примерах будут употреблены разные лексемы: ***часто*** как темпоральное наречие – *συχνά,* ***часто*** в значении *густо* - *πυκνά*. А редуплицированное наречие *συχνά-πυκνά*, соответствующее русскому *часто-часто*, образуется сложением этих двух основ. При этом редупликант – фреквентативное наречие, редупликатор – пространственное, редупликат же употребляется в обоих значениях – пространственном и временном.

Некоторые модели редупликации, свойственные русским наречиям, характерны и для греческого языка: это субстантивно-субстантивный, ад-

вербиально-адвербиальный типы. Как и в русском языке, редупликация по модели Adv_{temp} + Adv_{temp} продуктивна в основном в сфере оценочных наречий, обозначающих признак, способный проявляться в большей или меньшей степени. Редупликат при этом выражает высокую степень проявления признака: русским редупликатам *поздно-поздно*, *быстро-быстро* соответствуют греческие ***αργά-αργά***, ***γρήγορα-γρήγορα***.

При образовании редупликатов по модели $N_И$-$N_И$ в греческом языке также нередко реализуется оценочное, усилительное значение. Так, русским редупликатам *рано-рано, поздно-поздно* соответствуют греческие ***πρωί-πρωί, βράδυ-βράδυ***, образованные удвоением существительных ***πρωί*** (утро) и ***βράδυ*** (вечер), т. е. дословно переводящиеся как *утро-утро*, *вечер-вечер*. Русскому сочетанию *с утра до вечера* есть соответствующая редуплицированная адвербиальная лексема в греческом ***πρωί-βράδυ***. Это антонимический редупликат, образованный по модели N_1-N_2: ***πρωί*** (утро) + ***βράδυ*** (вечер). В русском языке этому наречию есть стилистически ограниченный эквивалент ***денно-нощно***, но образованный по модели Adv_1-Adv_2.

Таким образом, в русском и новогреческом языках в системе темпоральных наречий были выявлены черты сходства и расхождения. Не всегда русской адвербиальной лексеме можно подобрать греческий коррелят. Нередко греческому наречию соответствует иная лексема или сочетание нескольких лексем в русском языке. Это были первые, поверхностные наблюдения над специфическими средствами выражения наречной темпоральности в русском и новогреческом языках. Предмет дальнейшего рассмотрения – углубление изучения на формальном уровне, сопоставительный анализ темпоральных и других групп наречий в русском и новогреческом языках.

Библиографический список

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: Издательство Московского университета. – 2000. – С. 66–70.
2. Панков Ф. И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия. – М.: МАКС Пресс, 2008.

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СРАВНЕНИЯ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

С. Асатурова, Н. Гелдиашвили, М. Гарибашвили
Телавский государственный университет
им. Я. Гогебашвили, г. Телави, Грузия

Summary. The article deals with the comparative studies of degrees of comparison in the frameworks of three languages (Russian, English and Georgian languages). The expression means of degrees of comparison are somehow different in these languages, though some similarities are visible in Russian and English languages, while Georgian grammar seriously differs from those two ones.

Key words: typology, the degree of comparison, positive degree, comparative, superlative, umeritelnaya degree, synthetic and analytic forms.

Ареал типологического исследования разносистемных языков постепенно расширяется, потому что анализ подобных вопросов более ярко

выявляет специфику отдельных языков и помогает в формировании универсалий.

Выражение признака предмета в большей или меньшей степени представляет собой общую возможность для таких разнотипных языков, как русский, грузинский и английский. И в то же время, думаем, будет весьма интересно выяснить, что за картину, с этой точки зрения, представляют данные языки в типологическом аспекте.

Следует отметить, что во всех трёх анализируемых языках такие формы имени, которые выражают признак предмета в большей или меньшей степени, называются степенями сравнения имён прилагательных. Общим является и то, что степени сравнения имеют синтетические и аналитические формы. В грузинском языке их называют описательными и органическими формами.

И в русском, и в грузинском, и в английском языках различают синтетические формы положительной, сравнительной и превосходной степени. Однако имеются и различия, так, например, в грузинском языке различают положительную, умерительную и превосходную степени,а в русском и английском – положительную (Positive), сравнительную (comparative) и превосходную (Superlative).

По мере возрастания качества в грузинском языке степени сравнения располагаются следующим образом: умерительная (беловатый), положительная (белый), превосходная (белейший). То, что в грузинском языке называется умерительной степенью, в русском и английском языках относится к «степеням качества», которые также указывают на интенсивность проявления признака, однако никакого объективного сравнения предметов по этому признаку обычно не предполагается [5].

Форма положительной степени является немаркированным членом оппозиции, остальные (сравнительная и превосходная – в русском и английском, умерительная и превосходная –в грузинском) отличаются от положительной степени, а также собственными морфологическими показателями. «В отношении качества как в плане выражения, так и в плане содержания центром оппозиции является форма положительной степени, именно от неё образуются формы обоих маркированных членов и по сравнению с ней возникают оба значения,различающиеся степенью качества [3].

В грузинском языке некоторые качественные прилагательные имеют все три формы степени (***tetri → motetro → utetresi (თეთრი → მოთეთრო → უთეთრესი; белый → беловатый → белейший***), иногда-только две (***mtavari → umtavresi (მთავარი→უმთავრესი***); ***martivi → umartivesi (მარტივი → უმარტივესი) – главный → главнейший, простой → простейший***), а иногда не имеют ни одной, кроме положительной (***chumi, neli (ჩუმი; ნელი)–тихий, медленный***). В этом отношении в английском языке мы имеем иную картину. В английском языке большинство качественных прилагательных имеют все три формы,например: ***large – larger - the largest, attractive – more attractive – the most attractive***.

В русском и английском языках, так же, как в грузинском, от некоторых качественных прилагательных положительной степени, имеющих

качественную семантику, не образуются степени сравнения. Это касается только прилагательных, которые или обозначают абсолютный признак, неспособный проявляться в большей или меньшей степени (слепой мальчик, сиреневое платье, пурпурная мантия), или имеют элятивное значение наивысшей степени качества (вернейшее средство, сверхнизкие температуры, презабавный случай, наилучшие показатели, развесёлое житьё) [6] whitish, tepid, half-ironical, semi detached.

Во всех трёх языках простые формы сравнительной и превосходной степени образуются или только прибавлением суффиксов, или путём одновременного прибавления префикса и суффикса. Все остальные прилагательные, помимо положительной, могут выступать в сравнительной и превосходной степени. Сделаем краткий обзор форм степеней сравнения.

1. Сравнительная умерительная степень (Comparative). В грузинском эта степень выражает признак предмета приблизительно, чуть-чуть, в меньшей степени, по сравнению с положительной степенью. Термин «приблизительная, умерительная» происходит от слов «чуть-чуть», в «незначительной степени» и выражает приблизительную степень качества (***mtsare → momtsaro (მწარე → მომწარო), didi → modido (დიდი → მოდიდო***). По мнению некоторых исследователей, «умерительная» степень не является категорией качества, поскольку она не имеет сравниваемого объекта. Предполагают, что формы «умерительной» степени – это причастия, которые со временем изменили форму, содержание и превратились в формы «умерительной» степени [4].

В русском и английском языках сравнительная степень (синтетическая) выражает более высокую степень качества предмета по сравнению с исходной формой, в том случае, когда сравниваются два предмета.

В английском языке, когда компаративные имена прилагательные определяют именную фразу, они стоят отдельно или возникают вместе с фразой, имеющей суффикс – ***than***.

Наряду с этим они являются даже обязательными, когда фраза с суффиксом -***than*** налицо[7].

В грузинском языке «умерительная» степень образуется с помощью конфикса «мо-о»(მო–ო): «***В ручье журчит зеленоватая (momtsvano – მომწვანო) вода»; «Красноватые (motsitalo – მოწითალო) щёки разрумянились»; «Женщина достала длинноватую (mogrdzo – მოგრძო) картонную коробку золотистого цвета***» и др. В английском языке односложные и те двухсложные прилагательные, которые оканчиваются на ***–y; –ow ; –er ; –le***, образуют сравнительную степень с помощью добавления суффикса ***–er***: ***Kinder; deeper***. А при образовании сравнительной степени от многосложных прилагательных к ним прибавляется ***more*** (***more suitable; more interesting***).

Несколько имён прилагательных сравнительную степень образуют от другой основы (***good–better; bad–worse; little–less***)

В английском языке необходимо учитывать вопросы правописания, то, на какой звук оканчивается прилагательные. При образовании сравнительной степени меняется окончание прилагательного. Например: ***sad → sadder; brave → braver; happy → happier; gay → gayer; shy →***

shyer) Весьма серьёзные изменения конечных согласных происходят в русском языке при образовании степеней сравнения. «Для конечных согласных основы или корня (когда суффикс –к(ий) при образовании отбрасывается) характерны следующие чередования: ***к/ч, г /ж, х /ш ,д /ж, т/ ч, з/ ж, ст /щ*** (резкий – резче, жаркий – жарче, дорогой – дороже, сухой – суше, твёрдый – твёрже, крутой – круче, близкий – ближе, узкий – уже, чистый – чище. Этот же суффикс находим в простых формах сравнительной степени от слов ***высокий (выше), глубокий (глубже), дешёвый (дешевле), сладкий (слаще), широкий (шире***), у которых суффиксу – ***е*** предшествует специфические основы: ***выш-, глубж-*** и т. д». [6].

Семантика «умерительности» (приблизительности) более широко представлена в разговорной речи, в диалектах. Например, в диалектах грузинского языка встречаем следующие формы: «***motsitalo//tsatsitalo (მოწითალო/წაწითალო)» (красноватый); «momcro/modamcro (მომცრო //მოდამცრო)» (маловат); «shavronai (შავრონაი)» (черноватый; «Tetronai (თეთრონაი)» (беловатый***). Следует отметить, что «умерительность» выходит за пределы имени прилагательного. Так, например, в грузинской разговорной речи встречаются слова типа «***mshiasavit (მშიასავით)» (вроде есть хочется), «agrildasavit (აგრილდასავით)»*** (вроде посвежело) и др. Поэтому некоторые считают, что все существующие в грузинском языке средства, выражающие «умерительность», «приблизительность», «уподобление», следует объединить с точки зрения семантики «умерительности (приблизительности) и выделить как одну из семантических групп словопроизводства [4].

В русском языке существуют словообразовательные «степени качества», которые также указывают на интенсивность проявления признака, однако никакого объективного сравнения предметов по этому признаку обычно не предполагается. Очень часто «степени качества» обозначают не действительную интенсивность признака, а её субъективную оценку говорящим. «Степени качества» образуются:

1) прибавлением приставок (***сверхмощный, предобрый, всесильный***);

2) прибавлением суффиксов (***полноватый, зелёноватый, красноватый, лёгонький, хитренький***);

3) повторением основ, часто с префиксацией во второй части (***милый – милый, хитрый – прехитрый, добрый – предобрый***) [5].

Формы с суффиксами ***-оват-/ -еват***- максимально соответствуют формам грузинской умерительной степени с конфиксом «***мо -о***»,однако в русском языке данные формы «степеней качества» следует отличать от грамматической категории степеней сравнения.

В английском языке подобные формы также относятся к «степеням качества», которые образуются:

1) прибавлением приставок (***supernatural; supersonic; overqualified; overtired; over [cited)***;

2) прибавлением суффиксов (**brownish, yellowish**)

В русском языке сравнительная степень указывает:

1) на то, что называемое прилагательным качество предмета проявляется в этом предмете в большей мере, чем в другом или в других: ***Сест-***

ра была моложе брата на три года. Наталья умнее своих подруг. Следующая задача оказалась более сложной,чем первая;

2) на то, что качество предмета, называемое прилагательным, свойственно ему в большей степени, чем это было раньше или будет впоследствии: ***Ты стала ещё красивее. Раньше дороги здесь были хуже.***

Сравнительная степень может служить средством сравнения по качеству как однородных предметов,так и разнородных, если последние могут обладать одинаковыми свойствами: ***Этот стол больше того*** и ***Сын выше отца***. Более того, она может выступать средством сравнения качества, проявляющегося в одном и том же предмете: ***Дорога стала прямее. Ничего, будет умнее. Зимой дни становятся короче, а ночи – длиннее*** [6].

Синтаксические формы сравнительной степени употребляются во всех стилях речи современного русского языка, а аналитические используются чаще всего в стилях официальном, деловом, научном.

Продуктивным суффиксом для образования простых форм сравнительной степени, является только суффикс -***ее*** (-***ей***): ***умнее (умней), сильнее (сильней), интереснее (интересней)***. Формы на -***ей*** встречаются лишь в разговорной речи и с версификационными целями в стихотворном языке.

Формы, имеющие непродуктивные суффиксы -***е*** и -***ше***, представляют собой замкнутую категорию. Данная категория возникла давно и уже не пополняется.

Все простые формы сравнительной степени с суффиксами -***ее***, -***е*** и -***ше*** иногда осложняются приставкой ***по***-. При этом образуется особая, смягчённая сравнительная степень, указывающая на несколько ослабленную степень преобладания качества (Дайте мне книгу поинтересней).

Прилагательные: большой, горький (в значении «несчастный»), маленький, плохой, хороший – имеют устаревшую простую форму сравнительной степени.

Как мы уже отметили, в английском языке сравнительная степень также предполагает сравниваемый объект. В этом языке два предмета можно сравнивать:

1. Если они обладают одинаковыми свойствами или количеством одного и того же качества.

2. Если они обладают одинаковыми свойствами или количеством различного качества.

Сравнение предметов одинакового качества выражается следующим порядком слов: **as + прилагательное + as – прилагательное** непременно должно стоять в положительной степени[2].

Например: ”***He's no slave, he's as free as any man who walks on this earth***”.

Сравнение предметов разного качества выражается :

1. Конструкцией ***not so (as) +прилагательное+as***: ”***We said that there was no home as wonderful as a raft***”.

2. Прилагательное в сравнительной степени+союз than, например:

“***The river was much deeper than it was normally and was flowing much faster***”.

“***I never knew a person who was a better nurse than he***”.

Наблюдения показали, что компаративы в английском и русском языках проявляются в том или ином виде и оказывают воздействие на

различные грамматические категории. Следует различать два вида компаратива:

Первый – когда сравниваются две оппозиции; второй –когда сравнивают какой-либо предел, с каким-либо более или менее отличающимся пределом.

Номинальными компаративами считаются те компаративы, которые сравнивают друг с другом две кардинально отличающиеся друг от друга единицы, которые обозначаются номинальными фразами.

Формы сравнения могут замещать друг друга. Семантика форм степеней сравнения может измениться, вытекая из конструкции, где модифицируется сложная семантическая структура градуируемого характера, и именно это формирует общую прагматику степеней сравнения. [7].

В английском языке в нескольких прилагательных наряду с конфиксом «***мо–о***» отмечается также аблаут корневых гласных (***э –а***), как дополнительная морфема,образующая умерительную степень: tsiteli–mo-tsital-o (წითელი – მო–წითალ–ო); yviTeli -mo-kvital-o. (ყვითელი–მოყვითალო) [3].

В грузинском языке, при образовании степеней сравнения иногда отмечается усечение конечных слогов (особенно слогов на **л(ил),**например: tkbili – ტკბილი – motkbo მოტკბო (сладкий – сладковатый); skeli – სქელი – mosko მოსქო (толстый–толстоватый).

Признак в языке может быть представлен по-разному: как характерный для объекта, как отвлечённый и как сам, являющийся объектом выражения. Признак всегда воспринимается через призму количественного признака. Отражением количественных изменений признака является градуирование, которое следует отнести к языковой категории компаративности. Категория компаративности – это количество, взятое отдельно или присоединенное к чему-либо. Это последнее представляет собой семантическое ядро категории компаративности. Универсальность категории компаративности состоит в том, что любая считаемая единица подчиняется градуированию. Так что семантической базой категории компаративности является сравнение, в основе которого лежит градуируемый признак (качество). Логические и экспрессивно-эмоциональные сравнения имеют единую структуру, которая легко поддаётся моделированию, показывая субъект и объект сравнения [7].

Таким образом, в английском языке не существует образований, аналогичных грузинской «умерительной» степени. Как известно, грузинская «умерительная» степень выражает признак предмета в меньшем, незначительном количестве. Как было отмечено выше, в русском языке имеются прилагательные с суффиксами ***–оват***–/–***еват***–, также выражающие приблизительную, незначительную степень качества, но без сравнения, почему подобные формы и не относятся к степеням сравнения. Что же касается того, что грузинская «умерительная» степень выражает признак в меньшем количестве, в русском языке меньшую степень признака по сравнению с другим предметом может выражать аналитическая форма сравнительной степени (менее важный, менее глупый).

В английском языке возможно выражение меньшей степени качества с помощью слова less, напр. ***beautiful–less beautiful; interesting–less interesting***.

Однако такой способ выражения не считается аналитической формой сравнительной степени. Это сочетание наречия с прилагательным, что также имеет место и в русском языке (***deaf – rather deaf; dark – somewhat dark; умный –очень умный; важный – чрезвычайно важный***).

Поскольку образование сравнительной и умерительной степеней в грузинском языке отличается от русского и английского языков, их перевод также часто будет отличаться. Перевод, разумеется, не будет дословным. Например,при переводе английского предложения – "***I have read desultorily the writings of the younger generation***" на грузинский язык прилагательное, выражающее сравнительную степень (younger) передаётся с помощью другого слова – «***upro axalgazrda» (более молодой***). А если в английском предложении прилагательное многосложное, в сравнительной степени к нему прибавляется вспомогательное слово ***more***, что означает ещё большую степень. В таком случае грузинское и английское предложения будут идентичными (more suitable – ***urpo shesaperisi*** (უფრო შესაფერისი) (более подходящий); ***more difficult – upro rtuli*** (უპრო რთული) (более сложный) и т. п.

При переводе русских синтетических форм сравнительной степени в грузинском языке используется аналитическая форма «***upro*** (უფრო) (более) + исходная форма имени прилагательного». Та же форма соответствует русской аналитической форме сравнительной степени. Например: «Зелёные листья красивее жёлтых». «***Зелёные листья более красивые , чем жёлтые» – «upro lamazi, vidre (უფრო ლამაზი, ვიდრე)…***»

2. Превосходная степень (Superlative) показывает, что выражаемый прилагательным признак характерен для данного предмета в самой высокой степени по сравнению со всеми сопоставляемыми предметами (умнейший среди студентов,красивейший из подарков,самый высокий дом в городе) [5].

По сравнению с положительной превосходная степень обозначает большую степень признака (белый – белейший, сильный – сильнейший; ***tetri–utetresi*** (თეთრი – უთეთრესი), ***dzlieri–udzlieresi*** (ძლიერი–უძლიერესი);

Эти формы передают увеличение качества как в русском, так в английском и грузинском языках.

В грузинском языке термин «uproobiti – უფროობითი» происходит от наречия «***upro***» (უფრო) (более), хотя в научной литературе, параллельно, в том же значении употребляется также термин «***agmatebiti*** (აღმატებითი)» от наречия «***aghma (აღმა)***» (вверх) [4].

Как мы уже отметили, в русском и английском языках более высокое качество, по сравнению с положительной степенью, передаётся и формами сравнительной степени, однако превосходная степень (Superlative) выражает самую высокую степень признака предмета (***Kindest; cleverest; youngest; добрейший, умнейший, важнейший***).

Таким образом, в отличие от грузинского, в русском и английском существуют две степени, выражающие рост, увеличение семантики: срав-

нительная (Comparative) и превосходная (Superlative), например, в русском: ***положительная – сильный → сравнительная – сильнее → превосходная –сильнейший***; в английском: ***positive–big → comparative – bigger → Superlative–the biggest***.

А в грузинском мы имеем: Умерительная –«***modido (მოდიდო)» (великоватый); Положительная – «didi (დიდი)» (большой); Превосходная – «udidesi (უდიდესი)» (самый большой***).

Здесь умерительная степень указывает на проявление признака предмета в меньшей мере по сравнению с положительной степенью – в отличие от русского и английского. Следует отметить, что меньшее, по сравнению с положительной степенью, проявление признака имеем и в русском языке, но это передаётся только аналитически (менее интересный, менее красивый).

Синтетическая форма превосходной степени образуется прибавлением словоизменительных суффиксов ***-ейш- (-айш-)*** (красивейший, умнейший; тончайший, строжайший, тишайший). Суффикс -***айш***- присоединяется только к основам на ***-г, -к, -х.***

Аналитическая форма суперлатива образуется практически от всех качественных прилагательных:

1) прибавлением к форме положительной степени прилагательного вспомогательного слова самый (самый добрый);

2) прибавлением к форме положительной степени прилагательного вспомогательных слов наиболее, наименее (наиболее интересный, наиболее важный);

3) прибавлением к синтетической форме компаратива вспомогательного слова ***всего*** (всего дороже) или ***всех*** (всех добрее).

Следует отметить, что синтетические формы суперлатива (умнейший, высочайший), кроме своего основного значения, могут выражать и элятивное значение, т. е. указывать не на самую высокую, а лишь на очень высокую степень проявления признака (милейший человек, кратчайшее поздравление) [5].

Простые формы превосходной степени могут быть образованы не от всех прилагательных качественного значения. Простая форма превосходной степени не образуется от прилагательных с суффиксами ***-чив (ый),*** -***ват (ый), аст (ый),*** -***ист(ый), и -уч(ий)*** (***восприимчивый, плутоватый, зубастый, губастый, напористый, линючий***) [6].

Не имеют простой формы превосходной степени также прилагательные с суффиксами ***-к***- (ломкий, узкий); -***еск***- (дружеский, вражеский); ***-л-*** (усталый, умелый); -***ов-,*** -***ев***- (бедовый, боевой) и др. От подобных прилагательных возможны сложные формы превосходной степени (наиболее громоздкий,очень усталый и др.) [1].

В английском языке превосходная степень образуется прибавлением суффикса ***-est*** к односложным и двусложным прилагательным, которые оканчиваются на ***-y, -ow, -er, -ly***. Также образуется превосходная степень и от прилагательных, у которых ударение падает на последний слог, например: «***He is the cleanest man I have ever Known***»; «***If it was a dream,that was the strangest dream I ever had***».

К многосложным прилагательным в превосходной степени прибавляется вспомогательное слово most, например: «***It's the most amazing thing I ever heard»; «I have seen all the most beautiful women in the world»***.

В грузинском языке превосходная степень образуется с помощью конфикса ***«у–эс(у–ес)»: «umtsiresi – უმცირესი»*** (святейший), **«ულამაზესი»** (красивейший). Эта форма образуется и от некоторых относительных прилагательных. Такие прилагательные из относительных перешли в качественные: «***chkviani*** (ჭკვიანი)» (умный) → «***uchkvianesi*** (უჭკვიანესი)» (умнейший); «***dzlieri*** (ძლიერი)» (сильный)→ «***udzlieresi*** (უძლიერესი)» (сильнейший); «***mshvenieri*** (მშვენიერი)» (прекрасный→ «***umshvenieresi*** (უმშვენიერესი)» (прекраснейший).

Во всех трёх анализируемых языках имеются прилагательные, которые образуют превосходную степень от другой основы, путём супплетивизма:

в русском: плохой→ худший; хороший→лучший: «***Она исполняла лучшие вещи своего репертуара***». [6]; в английском: ***good→ best; bad→ worst; little → least***; в грузинском***: «kargi (კარგი)»(хороший) → «uketesi (უკეთესი)» (лучший); «tsudi (ცუდი)» (плохой) → «uaresi (უარესი)» (худший); «patara (პატარა)» (маленький) → «umtsiresi (უმცირესი)» (меньший).***

Следует отметить, что в английском языке перед прилагательным в превосходной степени обязательно должен стоять определённый артикль ***the***. В английском языке, при образовании превосходной степени следует учитывать правила правописания в зависимости от того, на какую букву оканчивается имя прилагательное.

Например: ***sad→ the saddest; wise→ the wisest; happy→ the happiest.***

В русском языке, как было отмечено выше, суффикс –***айш***- присоединяется только к основам на ***-г, -к, -х***. При этом происходит чередование конечных согласных основы: ***г/ж*** (строгий – строжайший); ***к/ч*** (крепкий – крепчайший, сладкий – сладчайший); ***х/ш*** (тихий – тишайший).

Анализ образования превосходной степени показывает, что для языка недостаточна лишь одна морфологическая форма выражения увеличивающегося признака. Поэтому параллельно используются и другие способы образования. В частности, описательная форма – использование других языковых средств: самый большой, более хороший и др.

Несмотря на то, что превосходная степень в русском, английском и грузинском языках выражают высшую степень признака, идентичность, во время перевода с одного языка на другой возможна весьма редко.

Например: «The saddest thing about them was that they were grotesque» – в этом предложении «***saddest***» представлено одним словом, а на грузинский язык переводится двумя словами («самый грустный» – «***kvelaze sevdiani*** (ყველაზე სევდიანი)». То же самое слово и по-русски

можно передать одним словом (грустнейший, печальнейший) и двумя словами (самый грустный, грустнее всего).

Грузинское «***ulamazesi (ულამაზესი)» (красивейший***) переводится на английский двумя словами – «***most beautiful***», а на русском языке это может быть как одно слово (красивейший), так и два (самый красивый). Редко бывает, когда во всех трёх языках эта степень передаётся одинаково, двумя словами: ***самый необычный – the most extraordinary –«kvelaze uchveulo (ყველაზე უჩვეულო)».***

Подобно русским «степеням качества», увеличение признака в предмете в грузинском языке тоже возможно повторением основ:высокий – (***высокий (maghali bavshvi – მაღალი ბავშვი) ребёнок = очень/достаточно высокий (dzalian (ძალიან)/saktaod maghali bavshvi (საკმაოდ მაღალი ბავშვი); старый-престарый дом (dzvelis-dzveli saxli (ძველისძველი სახლი) = очень старый/слишком старый (dzalian dzveli (ძალიან ძველი)/metismetad dzveli (მეტისმეტად ძველი).***

В английском подобные случаи не имеют места.

В русском языке обычно выделяют небольшую групп слов со значением неопределённого количества (большого или малого), которые относят к неопределённо-количественным числительным (много, мало и др.) [1]. Слова много, мало также имеют формы сравнительной степени (больше, меньше). Семантика и грамматические особеннсти неопределённо-количественных слов сближают их с наречиями. В английском языке также имеются подобные слова (***many, much, few, little***), которые имеют и сравнительную, и превосходную степени: ***many, much → more → most (много → больше → больше всех); few → fewer → fewest (little → less → least).***

1. Таким образом, в русском и английском языках в образовании степеней сравнения подразумевается семантика роста (увеличения) признака, что передаётся двояким способом (прибавлением суффксов и другими языковыми средствами). А в грузинском языке степени сравнения представлены одной (превосходной) степенью роста семантики и одной (умерительной) степенью сокращения семантики качества в предмете. Под другими средствами образования степеней сравнения в русском и английском языках подразумеваются частицы, модальные слова наречия, повторение основ с префиксацией во второй части, тогда как в грузинском языке – это различного рода повторы и другие полнозначные лексические единицы.

2. Исследование показало, что изучение образования форм степеней сравнения в разносистемных языках в типологическом плане крайне актуально и интересно. Разумеется, не существует абсолютного параллелизма ни в образовании форм, ни в семантике; выявленные различия и сходство делают более наглядной специфику каждого из анализируемых языков, что будет способствовать более высокому качеству перевода.

Библиографический список

1. Валгина Н. С., Розенталъ Д. Э., Фомина М. И., Цапукевич В. В. Современный русский язык. – М., 1971.
2. Гахокидзе А. Английский язык. – Тбилиси,1979.
3. Ониани А. Современный грузинский литературный язык. – Тбилиси, 2003.
4. Пейкришвили Ж. Морфология грузинского языка. Кутаиси, 1992.
5. Современный русский язык / под ред. П. А. Леканта. М., 2001.
6. Современный русский литературный язык / под ред. Н. М. Шанского. – Л., 1988.
7. Ходжашвили Н. Формы выражения категории сравнения в современном языке. Научные записки. – Тбилиси, 1986.

ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРИФРЕЙМОВЫХ И МЕЖФРЕЙМОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ (на примере английского глагола devour)

Т. Д. Дьяченко
Белгородский государственный университет,
г. Белгород, Россия

Summary. The article demonstrates a cognitive approach to the semantics of verbs. The possibility of employing the relations between frames and frame components as the basis of different aspects of the verbal meaning is being highlighted. The analysis concerns the direct and metaphorical meanings of the verb devour.

Key words: frame components, semantic analysis, verb, consumption, destruction, metaphor.

С развитием понятийно-категориального аппарата когнитивной лингвистики в целом и фреймовой семантики в частности появилось большое разнообразие терминов, описывающих статические и динамические модели представления знаний, лежащих в основе языкового значения. Являясь многокомпонентным концептом, фрейм включает в себя всю совокупность стандартных знаний о предмете или явлении [3]. Выделение различных типов фреймов (ситуационные, тематические, акциональные, посессивные и др.) влечёт за собой как расширение и уточнение списка свойств и характеристик фрейма, так и определение критериев их автономности.

Акцент на многообразии фреймовых структур должен способствовать уяснению общих принципов организации информации, стоящей за языковыми знаками различных уровней – от слова до текста. Как предполагает С. А. Жаботинская, аранжировка концептов во фреймах задаёт изначальную организацию информации как своего рода «геометрию смысла» [1].

Однако, приступая к семантическому анализу многозначной лексемы, мы в абсолютном большинстве случаев обнаруживаем не только возможность выделения различных типов фреймовой структуры, но и, как правило, наличие как минимум двух взаимодействующих фреймов одного типа, вступающих в определённые отношения:

– отношения типа «Наследование», когда отдельный фрейм рассматривается как результат взаимодействия двух и более «родительских» фреймов;

– отношения типа «Фрейм – субфрейм» между сложным фреймом и несколькими более простыми, входящими в его структуру.

В данной работе мы рассмотрим в качестве примера семантическую структуру английского глагола devour.

Анализ современных лексикографических источников позволяет соотнести значение рассматриваемого глагола как минимум с двумя фреймами, вступающими во взаимодействие: «Потребление пищи и жидкости» и «Уничтожение».

Вопрос о равноправии данных фреймов, о первичности репрезентации одного из них заслуживает отдельного обстоятельного исследования. Тем не менее здесь, на наш взгляд, необходимо рассмотреть следующее противоречие. Несмотря на то, что значение потребления пищи в толкованиях данного глагола приводится первым во всех словарях, а значение уничтожения рассматривается как вторичное, обусловленное метафорическим переносом, фрейм «Уничтожение» можно рассматривать в качестве базисного по отношению к фрейму «Потребление пищи и жидкости», представляющему собой один из видов уничтожения.

В основе понятия уничтожения лежит понятие деструктивного воздействия, которое определяется как физическое воздействие, изменяющее структуру объекта, нарушающее её целостность [2]. Ситуация воздействия (P) предполагает наличие некоторого субъекта X, вызывающего изменения в предмете Y. Ситуации физического воздействия относятся к классу каузативных. Как указывает С. Е. Кузьмина, каузативность трактуется как отражение причинно-следственной связи между воздействием и его результатом, то есть новым состоянием предмета воздействия.

Фрейм «Уничтожение» структурирует стереотипную ситуацию, которая является динамичной, то есть не тождественной самой себе в разных своих фазах, и предельной. Естественным пределом процесса уничтожения является наступление нового, качественно иного состояния объекта воздействия.

Стереотипная ситуация уничтожения может обладать целым рядом характеристик, таких как: контролируемость/неконтролируемость, целенаправленность/нецеленаправленность, волитивность и некоторые другие.

В своём исследовании, посвящённом анализу семантики английских глаголов со значением уничтожения, С. Е. Кузьмина относит глагол devour к подгруппе глаголов со значением уничтожения неодушевлённого предмета. Однако здесь, на наш взгляд, необходимо также принимать во внимание механизм метафорического переноса, благодаря которому могут возникать такие варианты, как «неодушевлённый Субъект – одушевлённый Объект», «неодушевлённый Субъект – неодушевлённый Объект», а также «одушевлённый Субъект (не-лицо) – одушевлённый Объект»:

That is what is wrong with narcissistic chat shows which create, then devour, media personalities (BNC).

Jealousy is not a comfortable bedfellow and if not restrained can devour its creator (BNC).

Brilliant against the storm bank, flames streaked with ruby leaped to devour the sky as the heat of the explosion blasted the catamaran (BNC).

'Come on inside – the midgets will devour you if you don't smoke' (BNC).

Таким образом, глагол devour может выражать значение деструктивного воздействия как на неодушевлённый объект, так и на одушевлённый объект, если субъект является неодушевлённым или же одушевлённым, но не-лицом.

Рассмотрим теперь структуру фрейма, определяющего основное значение глагола devour – пожирать, есть жадно, поглощать, проглатывать.

Вершинными узлами данного фрейма являются его облигаторные (обязательные) компоненты: ПОТРЕБЛЯЮЩИЙ (лицо/не-лицо), ПОТРЕБЛЯЕМОЕ (пищевой продукт/жидкость) и физическое ДЕЙСТВИЕ, совершаемое ПОТРЕБЛЯЮЩИМ по отношению к ПОТРЕБЛЯЕМОМУ. В семантике глагола devour помимо облигаторных отражены и факультативные фреймовые компоненты, вербализующие внутренние признаки действия (скорость, энергичность, завершённость, полнота действия), а также количественная характеристика ПОТРЕБЛЯЕМОГО. Последний факультативный компонент может варьироваться по принципу "больше или меньше" относительно общепринятой в данной культуре нормы.

In his discussion of the problem, Otto Fenichel mentions "food addicts', who are compelled violently and compulsively to devour whatever food is in reach at the moment' (BNC).

Next came lunch, which took hours to prepare and only minutes to devour (BNC).

Таким образом, возникает вопрос: за счёт чего происходит переход от более общего значения уничтожения к значению потребления пищи? На наш взгляд, механизм выбора между активизацией базисного фрейма «Уничтожение» и его субфрейма «Потребление пищи и жидкости» не сводится к очевидному наполнению вершинного узла Объекта действия. Действительно, конкретизация Объекта действия до Потребляемого обусловлена наличием обобщающего признака «пища», представляющего собой указание на физиологическую потребность человека и обозначающего функцию предмета по отношению к человеку. Однако, как показывает фактический материал, если Субъектом действия является лицо, глагол *devour* в прямом (неметафорическом) значении будет активизировать только фрейм «Потребление пищи и жидкости», каким бы ни было наполнение Объекта действия.

Несомненно, данному типу фрейма в большой степени свойственна культурная обусловленность. Такие собирательные понятие, как «пища», «напитки» определяются национальной и культурной спецификой конкретного общества. Благодаря этому, наполнение Потребляемого лексемами, не соответствующими понятию «пища», создаёт дополнительные экспрессивные возможности:

He will never do it! I will eat my boots if he does it! (BNC).

Ещё одним интересным вариантом взаимодействия рассматриваемых фреймов в семантике глагола devour является сочетание метонимического и метафорического переносов, к примеру:

Don's eyes seemed to devour Erlich's face (BNC).

В данном примере формирование значения зрительной перцепции происходит за счёт взаимодействия фрейма «Потребление пищи и жидкости» с фреймом «Зрительное восприятие» через вершинный компонент «Потребляемое», наполнение которого, как в рассматриваемом примере, так и в приводимом ниже, можно свести к понятию «информация». Субъект действия страстно желает воспринять некую информацию, обладать некими знаниями, сделать их частью самого себя. Так актуализируется довольно частотное для рассматриваемого глагола значение «читать много, быстро, жадно»:

'I know you do – why else would you devour the horoscopes in the daily paper and keep a book about it in your desk? (BNC)

Значение базисного фрейма «Уничтожение» при этом нейтрализуется, т. е. деструктивного воздействия на объект не происходит.

Перспективы настоящего исследования связаны с изучением внутрифреймовых и межфреймовых процессов, лежащих в основе значений фразеологических единиц различной степени устойчивости, образованных глаголом devour: *devour one's heart, devour the way* и некоторых других.

Библиографический список

1. Жаботинская С. А. Геометрия смысла: концептуальные модели языка и фрактальные формы. URL: http://www.ksu.ru/ss/cogsci04/science/cogsci04/85.doc
2. Кузьмина С. Е. Семантика английских глаголов со значением уничтожения: автореф. дис. … канд. фил. наук. – Нижний Новгород, 2006.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.

НЕНОРМАТИВНЫЙ ЭЛЛИПСИС КАК ОСНОВНАЯ ЧЕРТА ПРОСТОРЕЧНОГО СИНТАКСИСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Л. Суворова
Череповецкий государственный университет,
г. Череповец, Россия

Summary. The article deals with the structural classification of grammatical deviations from the literary norm in the sphere of syntax in order to find out peculiarities of ellipsis in the English low-colloquial speech. Theoretical and practical English grammar books are used to define the degree of correctness of examined patterns. Quantitative analysis helps to distinguish the main tendencies in the structure of grammatical deviations in modern fiction.

Key words: English low-colloquial speech, grammar, structural analysis, ellipsis, English novel, deviations from the norm.

Языковой строй представляет собою сложную систему, внутри которой постоянно осуществляются внутрисистемные связи и взаимодействия.

Грамматическая система составляет стержень языковой системности. Она отличается консервативностью и позволяет сохранять понятие стандарта [11, с. 11–26].

Мы провели структурный анализ просторечных грамматических форм, зафиксированных в речи персонажей 20 англоязычных произведений XX–XXI веков (1934–2002 гг.). Исследование проблем нормативности фактов языкового употребления проводится с точки зрения теоретических и практических грамматик английского языка зарубежных и отечественных авторов.

В ходе исследования мы рассмотрели две основные группы грамматических отклонений от нормы: морфологические и синтаксические.

В группе синтаксических отклонений были выявлены два синтаксических процесса: эллипсис и расширение. Кроме того, были выделены отклонения в использовании категории отрицания. Наконец, были выявле-

ны две группы нарушений: нарушение синтаксических связей и нарушение порядка слов в предложении.

Эллипсис представляет собой перевод структурно необходимого элемента конструкции в импликацию. Он основывается на явлении обязательного окружения, так как именно обязательно-дистрибутивные отношения между двумя и более элементами делают возможным опущение одного из них [3, с. 36].

Эллиптичность всегда была одной из ведущих синтаксических черт живого разговорного языка. Опущения обычно связывают с действием закона экономии усилий, но велика также роль взаимоотношения коммуникативного акта и ситуации.

Формы эллипсиса развиваются. В современном фамильярно-разговорном стиле широкое распространение получили вопросительные предложения типа *Have a drink? See those traffic-lights?* В подобных предложениях отсутствуют такие части, как *will you, do you*.

В вопросительных предложениях с глагольным сказуемым в настоящем продолженном времени часто опускаются либо местоимение-подлежащее и форма вспомогательного глагола *to be* (например: *_Doing your sums?*), либо только вспомогательный глагол или глагол-связка (например: *What_ you talking about, Dad?; _You a married man, Mr. Benenden?*) [7, с. 137].

От всех рассмотренных эллиптических структур, характерных для литературно-разговорного языка, следует отграничить структуры типа ***we done it, they been, you seen*** с пропуском вспомогательного глагола *have*. Эти структуры остаются в пределах просторечия [1, с.142–149].

Употребление эллипсиса бывает продиктовано причинами, различными для разных сфер и условий общения. Так, для ускорения передачи информации в устной диалогической речи сокращается ряд элементов высказывания; это становится возможным благодаря компенсации недостающих звеньев при помощи интонации, контекста и таких неязыковых факторов, как предыдущий опыт собеседников, ситуация, жестикуляция, мимика [2, с. 296].

Данная группа отклонений от нормы – самая большая по количеству примеров. Сюда относятся:

- *Опущение подлежащего из структуры предложения.*

В английском языке повествовательное предложение имеет следующий состав: 1) подлежащее; 2) глагол-связка; 3) дополнение и так далее [4].

В ходе исследования было зафиксировано 711 случаев (459 – BrE, 252 – AmE) неоправданного отсутствия подлежащего в предложении (**BrE:** *_Haven't done my corns any good* [16, с. 4]*;* **AmE:** *_ Put your birds to bed?* [9, с. 6]*)*.

В этих случаях, так же как и в большинстве ситуаций разговорной речи, эллипсис подлежащего наблюдается в тех высказываниях, когда контекст позволяет идентифицировать невербализованную единицу достаточно однозначно [3, с. 117].

- *Опущение вспомогательного глагола в повествовательном и вопросительном предложении.*

Эллипсис вспомогательного глагола как черта разговорной речи характерен для тех языков, где его наличие согласно норме является обязательным.

В английском языке общий вопрос состоит из: 1) вспомогательного глагола или глагола-связки; 2) подлежащего; 3) смыслового глагола, предикатива и так далее. Специальный вопрос содержит следующий порядок слов: 1) вопросительное слово; 2) вспомогательный глагол или глагол-связка; 3) подлежащее; 4) смысловой глагол, предикатив, обстоятельство места и так далее.

В английском предложении наличие глагола-связки обязательно [4].

Особыми разговорно-просторечными и диалектными формами Present Perfect являются 1) *done* + причастие II и 2) причастие II без вспомогательного глагола.

В анализируемых произведениях встретилось 449 примеров (229 – BrE, 220 – AmE) отсутствия вспомогательного глагола *to be*, 185 случаев (64 – BrE, 121 – AmE) отсутствия вспомогательного глагола *to have* и 309 случаев (68 – BrE, 241 – AmE) опущения глагола *to do (***BrE:** *_Back so soon?* [10, с. 22]*;* **AmE:** *You_ been talking to Coach, haven't you?* [8, с. 87]*;* **AmE:** *_You ever have one like that before?* [12, с. 18]*).*

Кроме того, мы обнаружили в британских романах 11 примеров опущения глаголов *will/would (***BrE:** *_Back in a minute* [16, с. 2]*).*

- *Опущение местоимений.*

В американских романах был выявлен один случай отсутствия относительного местоимения *who* и один случай отсутствия притяжательного местоимения *my* в структуре повествовательного предложения *(***AmE:** *There was a girl named Cynthia,_used to work here* [12, с. 18]*;* **AmE:** *_Name's Spruill* [9, с. 7]*).*

- *Опущение артикля в повествовательном и вопросительном предложении.*

Ещё одно явление, заметное в современном разговорном английском языке (как в британском, так и в американском вариантах), относится к опущению артикля. В целом ряде случаев, где раньше (до середины XX века) употреблялся определённый артикль, он сейчас опускается. Например: *_Only person who goes is Goath.* Но в основном это затрагивает такие существительные, как *university, government, press, radio, cinema, theatre, television,* географическое название USA [7, с. 139].

В ходе исследования было обнаружено 56 случаев (38 – BrE, 18 – AmE) опущения неопределённого артикля *(***BrE:** *_Car and **a** lorry…* [13, с. 48]*;* **AmE:** *_Couple of the turning machines were giving us the trouble* [12, с. 7]*).*

Также было выявлено 29 случаев (21 – BrE, 8 – AmE) опущения определённого артикля *(***BrE:** *_ First time I've been in a church was today* [16, с. 13]*;* **AmE:** *_Same reason* [8, с. 117]*).*

Артикли эллиптизируются в тех случаях, когда ситуация делает референт имени и так достаточно определённым [17]. Как видно из количественных данных, как определённый, так и неопределённый артикли почти в два раза чаще эллиптизируются в речи персонажей из произведений британских писателей.

- *Опущение союзов в структуре предложения.*

Вопрос об эллиптизации союзов представляется несколько более сложным, так как в большинстве случаев невозможно определить однозначно, опущен союз или его употребление не предполагалось вовсе. В разговорной речи практически всегда опускается союз *that* [17].

В речи персонажей романов встретилось 9 примеров (AmE) опущения союза *if*, 2 случая (AmE) отсутствия союза *that* и 10 случаев (BrE) опущения союза *as (***BrE:** *_Far as I can see, ...* [13, с. 78]*;* **AmE:** *_Any of our people call, tell them to get me in my father's house* [14, с. 20]*;* **AmE:** *Not a problem_can't be fixed though, is it?* [12, с. 120]*).*

Наш материал исследования показывает, что в речи персонажей из произведений британских и американских писателей эллиптизируются разные союзы: в BrE – *as*, а в AmE – *if* и *that*.

- *Опущение предлогов.*

Поскольку в современном английском языке почти отсутствуют падежные окончания существительных, предлоги являются одним из основных средств выражения отношений существительного к другим словам в предложении. Для этого употребляются предлоги *of, by, for, to* и *with* [5, с. 311].

В исследуемом материале встретилось 20 случаев (12 – BrE, 8 – AmE) опущения предлога *of (***BrE:** *Half_these female dummies we're getting now...* [13, с. 142]*;* **AmE:** *I don't like this type_language* [14, с. 104]*).*

Предлог *in* был пропущен в 7 высказываниях (AmE) *(***AmE:** *Come here_a minute* [12, с. 43]*).*

В 4 высказываниях (AmE) был пропущен предлог *at (***AmE:** *He doesn't sit_home biting his fingernails* [12, с. 51]*).*

В 4 случаях (1 – BrE, 3 – AmE) отсутствовал предлог *for (***BrE:** *She try_ two month to sell...* [10, с. 215]*;* **AmE:** *Lend me your scissors_a second, will ya?* [14, с. 7]*).*

Единичные случаи эллипсиса зафиксированы для предлогов *on* и *with*, что является распространённым явлением в разговорной речи, но не признаётся нормой в речи литературной [4] *(***AmE:** *He said he was going to write them_Monday* [14, с. 1]*;* **AmE:** *_Some girls you practically never find out what's the matter* [14, с.102]*).*

Кроме того, в ходе исследования было выявлено 13 случаев (5 – BrE, 8 – AmE) опущения предлога *to* в повествовательном предложении (**BrE:** *_You wan_come_Jamaica?* [15, с. 409]*;* **AmE:** *You come_my house_live, eh?* [9, с. 49]*).*

Таким образом, было зафиксировано 1845 случаев ненормативного эллипсиса (73,2 % от общего числа синтаксических отклонений от нормы). Это позволяет сделать вывод о наличии некоторой тенденции к экономии в просторечном синтаксисе английского языка.

Библиографический список

1. Беркнер С. С. Проблемы развития разговорного английского языка в XVI–XX вв. – Воронеж, 1978.
2. Вейхман Г. А. Новое в английской грамматике : учеб. пособ. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М., 2000.
3. Вейхман Г. А. Грамматика текста: учеб. пособие по английскому языку. – М., 2005.
4. Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка – М., 1960.
5. Жигадло В. В., Иванова И. П., Йофик Л. Л. Современный английский язык. – М., 1956.
6. Barber Ch. L. The Story of Language. – London, 1966. – VIII.

7. Ewing R., McCravy, Anthony. C. Homecourt Advantage. – New York, 2004. – 326 p.
8. Grisham J. A Painted House. – New York, 2002. – 467 p.
9. Henderson L. My Lurid Past. – New York, 2003. – 370 p.
10. Klammer Th., Schulz M. R., A. della Volpe. Analyzing English Grammar. – Needhan Heights, MA, 2000. – P.11–26.
11. Leonard E. 52 Pick-Up. – Harmondsworth, Middlesex, 1986. – 190 p.
12. Priestley J. B. Angel Pavement. – Moscow, 1974. – 504 p.
13. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. – New York, 1968. – 248 p.
14. Smith Z. White Teeth. – London, 2000. – 548 p.
15. Taylor E. Perhaps a Family Failing // Writing Women: Twentieth-Century Short Stories. – Berlin, 1991. – P. 20–29.
16. The Oxford Dictionary of English Grammar. – Oxford, 1994.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СУБСТАНДАРТНЫЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ С МЕТАФОРИЧЕСКИМ ПЕРЕНОСОМ ЗНАЧЕНИЯ

И. Н. Коноплёва
Вологодский государственный педагогический университет, г. Вологда, Россия

Summary. In the article some onomasiological characteristics of the prefix derivatives in the English substandard vocabulary are studied. The author gives the definitions of the main terms, sets examples of the metaphoric changes of meaning. In conclusion it is stated that the prefix derivatives formed by metaphoric change of meaning gain emotional evaluation and ironic connotation in the English substandard vocabulary.
Key words: substandard vocabulary, lexical meaning, change of meaning, metaphor.

Целью настоящей статьи является рассмотрение некоторых семантических характеристик префиксальных дериватов в английском лексическом субстандарте. По определению В. А Хомякова субстандарт представляет собой «совокупность социально и профессионально детерминированных микросистем и стилистически сниженных лексико-фразеологических пластов» [3, с. 6]. Исследованием процессов словообразования занимались многие учёные, наибольший вклад внесли работы следующих зарубежных и отечественных лингвистов: Э. Партриджа, Р. Спиерса, С. Б. Флекснера, а также Т. М. Беляевой, П. М. Каращука, В. П. Коровушкина, Е. С. Кубряковой, О. Д. Мешкова, В. А. Хомякова. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых исследованию процессов словообразования в английском лексическом субстандарте, на сегодняшний день не представляется возможным считать проблему окончательно решённой. В своей работе мы оперируем следующими понятиями: лексическое значение, метафора.

И. В. Арнольд определяет лексическое значение как реализацию понятия средствами определённой языковой системы, сопровождающуюся дополнительной характеристикой, отражающей сопутствующие представления, а также эмоциональной и стилистической окраской слова [1, с. 49]. В общем оформлении лексического значения выделяют следующие аспекты: 1) денотативный, 2) коннотативный, 3) прагматический. Основываясь на анализе смысловой структуры слова, И. В. Арнольд выделяет следующие типы лексического значения: 1) по происхождению; 2) по характеру семантических отношений в современном языке; 3) по стилю и сфере употребления [1, с. 47–97]. В нашей работе мы затрагиваем все аспекты лексического значения слова, а также его следующие типы: производные

по происхождению, переносные по характеру семантических отношений; стилистически окрашенные.

Стандартная лексика английского языка является основным источником пополнения субстандарта. Этот процесс происходит путём лексико-семантического словообразования, при котором новые слова возникают в результате переноса наименования или изменения значения. Основываясь на классификации способов лексико-семантического изменения значений слов Г. Пауля [1, с. 74–78], мы выделяем следующие группы:

1) с переносом значения (метафора, метонимия);
2) без переноса значения (эвфемизация, дисфемизация, расширение значения, сужение значения) [1, с. 16–24].

Метафора – это перенос наименования с одного предмета на другой на основе их сходства. По меткому замечанию Н. Д. Арутюновой, метафорический перенос наименования представляет собой «некоторый приём извлечения нового имени из старого лексикона» [2, с. 358]. В нашей выборке представлены префиксальные дериваты, образованные путём метафорического переноса наименования на основе сходства по форме, содержанию, качественным характеристикам, функциям.

Метафорический перенос на основе сходства по форме: **submarine** – подкладное судно.

Метафорический перенос на основе приписываемого сходства по содержанию: **outside** – жизнь на гражданке.

Метафорический перенос на основе реального сходства функций: **antifreeze** – алкогольный напиток, особенно крепкий; **overcoat** – корка пирога; **misprint** – поцелуй, который сбивается с пути, попадает не туда; **submarine** – ездить в высокой траве.

Метафорический перенос на основе приписываемого сходства функций: **submarine** – выпивка после окончания рабочего дня.

Метафорический перенос на основе качественных характеристик: **co-pilot** – слабый наркотик; **rebound** – предложение, сделанное тому, кто был отвергнут другим; **afloat; with back teeth well afloat** – пьяный; **supercharged** – пьяный; **overcharged** – страдающий от передозировки наркотиков; **delouse** – 1. Убирать мины и мины-ловушки. – 2. Очищать помещение от прослушивающих устройств; **unbridle** – снимать шляпу; **undershoot** – не дотягивать при посадке; **superintendent** (or **supervisor) of the sidewalk** – пешеход, наблюдающий за ходом строительства; **disgorge** – выплачивать сполна; **dehorn** – кастрировать; **unbutton** – расшифровать сигнал; **decode** – объяснять.

Таким образом, метафорический перенос наименования на основе качественных характеристик является наиболее распространенным способом лексико-семантического типа словообразования префиксальных дериватов (71,3 %). В целом префиксальные дериваты, образованные лексико-семантическим способом, придают высказыванию образность, эмоциональную окраску, иронический характер. Как показывают приведённые примеры, большинство лексических единиц, образованных семантическим способом, имеют эмоциональную окраску и носят иронический характер. В выборке представлены префиксальные дериваты мелиоративной оценки: *antifreeze, decode, delouse, outside, outrageous, retool.* К префиксальным дериватам пейоративной оценки относятся: *undershoot, mischief, discouraged, disguised, degenerate, disgruntled, dissolute, underdone, unfrocked, unshoed.*

Таким образом, большая часть субстандартных префиксальных дериватов, образованных лексико-семантическим способом, является эмоционально окрашенной, при этом отрицательная оценка превалирует над положительной.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – С. 47–97.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 358.
3. Хомяков В. А. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. – Вологда: ВГПИ, 1974. – С. 3–13, 55–82.
4. Chapman R. L. American slang. – New York: Harper & Row, Publishers, Inc, 1987.
5. Lighter J. E. Historical Dictionary of American Slang. – New York: Random House, Inc, 1994.
6. Partridge E. The Dictionary of Slang and Unconventional English. Rout Jedge & Kegan Paul. – London: Melbourne and Henley, 1984.
7. Spears R. A. Slang and Euphemism. A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang and metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, and related matters. – New York: Jonathan David Publishers, Inc. 1981. XXVIII, 448.
8. Wentworth H., Flexner B.S. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. – New York: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. – 766 p.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КЛЮЧЕВОГО СЛОВА КОНЦЕПТА «ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

М. В. Гремицкая
Вятский государственный гуманитарный университет,
г. Киров, Россия

Summary. This article presents one of the methods of describing a concept, that is the method of forming nominative field. The problem of choosing the keyword for the nominative field of the concept «supposition» in German is considered.

Key words: cognitive linguistics, concept, nominative field, keyword.

На сегодняшний день когнитивные исследования стали неотъемлемой частью современной лингвистической науки. Одним из центральных понятий когнитивной лингвистики является концепт. Единого определения данного феномена пока не существует, но общепринятым положением в современной научной литературе по когнитивной лингвистике является то, что концепт представляет собой ментальное образование, как результат фрагмента отражённой действительности локализуется в сознании человека, объективируется языковыми средствами и при этом обладает сложной структурой и национально-культурной спецификой.

Существует немалое количество методов и приёмов описания и исследования концептов. Одним из них является метод построения номинативного поля концепта, разработанный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным в рамках семантико-когнитивного подхода. Данный метод заключает в себе возможность представить совокупность языковых средств, репрезентирующих тот или иной концепт.

Прежде чем приступить к построению номинативного поля концепта, необходимо выявить лексему, осуществляющую базовую вербализацию концепта, то есть ключевое слово-репрезентант. «Ключевое слово – это

определяемая исследователем лексическая единица, которая наиболее полно номинирует исследуемый концепт» [1, с. 177]. Иными словами, в качестве такой лексемы выбирается наиболее употребительное наименование, достаточно обобщённое по своей семантике, эмоционально и стилистически нейтральное.

В случае с интересующим нас концептом трудность заключается в том, что в немецкой языковой картине мира концепт «предположение» вербализован двумя лексическими единицами: *Annahme* и *Vermutung*. Чтобы выяснить, какая из этих лексем будет являться базовой, то есть иметь более нейтральное и обобщённое значение, необходимо обратиться к словарным статьям. Одни лексикографические источники указывают на абсолютную синонимичность рассматриваемых понятий, другие же приводят несколько различные толкования, например:

Annahme – wissenschaftliche begründete Vermutung, Hypothese; (bewusste) Setzung von etwas Unwirklichem, Fiktion [2, с. 55];

Vermutung – das Für-möglich-halten [2, с. 577].

Приведённые дефиниции указывают на то, что *Annahme* – это, прежде всего, предположение, научно обоснованное, гипотеза либо осознанное (намеренно созданное) представление, положение, не соответствующее действительности, а *Vermutung* – это предположение относительно возможности чего-либо в широком смысле.

Проведённый анализ синонимов обеих лексем позволяет констатировать, что синонимический ряд *Annahme* по сравнению с *Vermutung* включает в себя меньшее количество единиц. При этом большинство синонимов имеет сходное денотативное значение, имеющее ярко выраженную научную окраску, например: *Fiktion, Hypothese, Spekulation, These, Unterstellung, Voraussetzung, Vorstellung*. В то время как к синонимам «Vermutung» относятся лексические единицы с различными денотатами, например: *Ahnung, Hoffnung, Konjektur, Mutmaßung, Verdacht, Zweifel* и т. д. Следует заметить, что все вышеприведённые синонимы *Annahme* являются и синонимами *Vermutung*, но не все синонимы *Vermutung* можно обнаружить в синонимическом ряду *Annahme*. То есть понятие *Vermutung* является более общим понятием, гиперонимом, по отношению к *Annahme*.

Кроме того, абсолютно все словарные статьи определяют одно единственное основное общеупотребительное значение лексемы *Vermutung*, значение предположения. Что касается лексической единицы *Annahme*, то она является многозначной, и значение предположения указывается в толковых словарях на третьем, четвёртом или даже пятом месте, то есть значение предположения не является единственным и основным для данной лексемы.

Всё вышесказанное позволяет считать лексему *Vermutung* доминантой синонимического ряда, а значит, и ключевым словом-репрезентантом концепта «предположение» в немецкой языковой картине мира. А лексему *Annahme* синонимом первой.

Библиографический список

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
2. Görner H., Kempcke G. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. – Drei Lilien Verlag GmbH Wiesbaden, 1987. – 643 s.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ВАЛЕНТНОЗАВИСИМЫХ ГЛАГОЛОВ С ALS/WIE-АДЪЮНКТАМИ

Н. Н. Ваховская
Алексеевский филиал НИУ «Белгородский государственный университет», г. Алексеевка, Россия

Summary. Syntactic valency is seen as the ability of lexemes to bind a number of certain other elements in a grammatical construction. This ability can generally be observed in verbs, to a lesser degree even in other word classes. It proposes structural types of valency verbs with als/wie- adjuncts.

Key words: valency verb, adjuncts, preposition, case, government of verbs.

Как известно, у истоков теории валентности стоит французский лингвист Л. Теньер, который первым ввёл это понятие для обозначения сочетаемости слов. В его интерпретации глагол занимает центральное место в предложении. Глагол рассматривается в качестве единственно независимого элемента в предложении, который осуществляет управление другими элементами. Будучи структурным центром предложения, использованный в конкретном случае глагол требует определённое количество и определённые виды «дополнений». Критерием различения различных видов «дополнений» для Л. Теньера является смысловая необходимость. Обязательные смысловые дополнения к глаголу обозначаются как «актанты». Валентная структура глагола ограничивается тремя видами актантов: субъект, прямое и косвенное дополнение, причём субъект является наименованием первого актанта [2].

Некоторые лингвисты рассматривают валентность как свойство, присущее не только глаголу, но и другим частям речи [1; 3].

Существует точка зрения, в соответствии с которой валентность приписывается предлогам. Более распространённой является точка зрения, согласно которой глагол управляет предлогом, а предлог падежом существительного [1, с. 224]. Функция частиц *als* и *wie* в формировании управления заключается в том, что они дифференцируют или дополняют беспредложное управление глаголов. В контексте глагольного управления они «утверждают» свой собственный предложный статус.

Можно выделить следующие структурные типы валентнозависимых глаголов, синтаксическая валентность которых дифференцируется, дополняется *als* и *wie*:

1. Глаголы с *als*-адъюнктами, которые относятся к подлежащему предложения и, соответственно, требуют номинатива: *auftreten, dienen; entpuppen (sich); erscheinen, erweisen (sich); fühlen (sich); fungieren; gebärden (sich); gelten; herausstellen (sich); vorkommen (sich); wirken; zeigen (sich)* и др.:

1) Adjektive können als sekundäre Valenzträger auftreten (http://www.linguist.de/);

2) NPn können danach auch als Adjunkte dienen (http://Argumentstruktur);

3) Jeder mag zwar intuitiv als Subjekt erscheinen (http://Satzglieder.);

4) Ich fühlte mich als “Künstler”… (Böll, 151);

5) Er gilt als Schurke, Intrigant… (Böll, 196).

Эти конструкции с валентнозависимыми глаголами имеют, таким образом, номинативное управление, *als* приближается к предлогу. Здесь формируется грамматическая семантика номинативного управления. Особенность этого отношения состоит в том, что в нём совмещаются три отношения: глубинное тождество: (er) ist..., отношение, модифицирующее это тождество: (er) ist als..., и отношение, формируемое на основе лексического значения глагола: (er) (ist) gilt als, fühlt sich als и др.

2. Глаголы с *als*-адъюнктами, которые относятся к дополнению в аккузативе. Адъюнкты в этой конструкции также стоят в аккузативе. Это следующие глаголы: *ansehen, auffassen, ausgeben, bezeichnen, betrachten, beschreiben, erkennen, empfinden, identifizieren, fassen, kennen, nehmen, nennen, sehen, werten*.

Здесь *als* также приближается к предлогу, формируется другой тип синтаксического отношения. Это также «многослойное» отношение и характеризуется теми же значениями, что и описанное выше, кроме направленности отношения: действие, осуществляемое автором, направлено на другой субъект.

6) Ich sehe die Rezensionen als eine Art von Kinderkrankheit an, die die neugebornen Bücher mehr oder weniger befällt (Aphorismen, 47);

7) Man bezeichnet das Leistungsvermögen in quantitativen und qualitativen Hinsicht als Kapazität (BW, 5).

Структуры предложений, в которых *als*-адъюнкт характеризует подлежащее, отличаются от структуры предложений, в которых *als*-адъюнкт характеризует дополнение. Предложения с *als*-адъюнктами, которые имеют номинативное управление, выводятся из двух предложений с идентичными подлежащими:

8) Er war als Beauftragter aller Kollegen aufgetreten (Böll, 211).

→ Er war aufgetreten.

→ Er war Beauftragter aller Kollegen.

Предложения, в которых *als*-адъюнкты имеют аккузативное управление, образуются из двух предложений с разными подлежащими:

9) Man bezeichnet diese Art der Rechnung als Vorwärtsrechnung (BW, 47).

→ Man bezeichnet diese Art der Rechnung.

→ diese Art der Rechnung ist Vorwärtsrechnung.

В первом случае (пр. 8) подлежащие выражают одно и то же лицо. Во втором случае (пр. 9) предложения разносубъектные.

3. Валентнозависимые глаголы с *wie*: *anhören sich, anmuten, agieren, auftreten, ausnehmen sich, aussehen, benehmen sich, erscheinen, fühlen sich, gehen, heißen, klingen, leben, scheinen, verhalten sich, vorkommen sich, wirken*.

Здесь преобладает сравнительное значение.

10) Sie sahen aus wie weiβliche Karpfen... (Böll, 153);

11) ...daβ man sich zu Hause wie ein Schwein benimmt, daβ man sich nur wohl fühlt, wenn man sich wie ein Schwein benimmt... (Böll, 211);

12) Es war nur ein Winkel, doch Thomas erschien er wie der Verschlag... (Seghers, 382);

13) Der Name Genneholm wirkte wie ein Schlafmittel auf mich (Böll, 144).

Это отношение характеризуется такой же сложной семантической структурой, как и описанные *als*-конструкции, но здесь значение тождества перекрывается семой сходства.

Таким образом, в конструкциях с валентнозависимыми глаголами формируется семантика номинативного и аккузативного управления. Особенность этих отношений состоит в том, что в них совмещаются три отношения: глубинное тождество, отношение, модифицирующее это тождество, и отношение, формируемое на основе лексического значения глагола.

Библиографический список

1. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблемы валентности в современном немецком языке. – М.: Высш. шк., 1978. – 258 с.
2. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр. редкол.: Г. В. Степанов (пред.) и др.; вст. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
3. Hahnemann S. Vergleiche im Vergleich. Zur Syntax und Semantik ausgewählter Vergleichsstrukturen mit 'als' und 'wie' im Deutschen. – Tübingen, 1999. – 233 s.
4. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1973. – 310 s.

МОДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ БАЗЫ (НА ПРИМЕРЕ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА)

У. П. Природина
Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

Summary. The article is devoted to the name fashions in the Swedish tradition of person nomination. In Sweden, naming is influenced by literal and musical works, mass media, and public figures. A major role in antroponymic trend-setting is played by processes of intercultural communication.

Key words: personal name, name fashions, mass media, intercultural communication

Антропонимическая лексика является составной частью системы языка и культуры народа. Проследить изменения в антропонимиконе позволяет язык, который «транслирует информацию, относящуюся к сокровищнице национальной культуры, хранящейся в нём из поколения в поколение» [2, с. 37]. Язык как продукт социального и культурного развития [6, с. 265] сразу начинает реагировать на все изменения, происходящие в обществе.

В. А. Никонова считает, что «личные имена существуют только в обществе и для общества, которое диктует неумолимо выбор их, каким бы индивидуальным он ни казался; личные имена социальны все и всегда» [5, с. 8]. Следовательно, личные антропонимы также подвержены модным тенденциям, как и другие сферы общества. По мнению Ш. Балли, мода не щадит язык, воздействуя на него разными способами [1, 159]. Отношение к моде на имена не совсем однозначно. А. В. Суперанская полагает, что «мода на имена – явление объективное, которое нельзя ни отменить, ни запретить» [7, с. 76]. А. Кторова отмечает, что «мода на имена возникает, когда какой-то антропоним, сметая всё на своём пути, начинает использо-

ваться в наименовании каждого пятого, десятого ребёнка лингвистически и ономастически безграмотными родителями, глухими к звукам родного языка. Причины этого кроются в том, что понятие об антропонимике, то есть об именах человека, у обычного гражданина – скудны, примитивны, невежественны и абсолютно запутаны» [4, 112].

Несмотря на то, что класс личных имён в Швеции на удивление консервативен, и многие из тех, что были распространены во времена викингов, оказываются востребованы и сегодня [16, с. 8], шведская антропонимическая база расширяется не в последнюю очередь под влиянием моды на имена. Понятие modern (современный, модный) используется в шведском языке для характеристики имени наряду с vanlig (обычный, часто встречающийся), omtyckt (излюбленный), populär (популярный), typisk (типичный), tidstypisk (типичный, характерный для какого-либо времени).

Мода на имена определяется влиянием различных факторов. Межкультурная коммуникация охватывает не только лингвистические, но и социальные основы общения. Так, вплоть до начала XII века в Швеции безраздельно господствуют древние скандинавские и языческие имена. Благодаря крестовым походам с юга в страну начинают проникать иностранные антропонимы, связанные с церковной тематикой: библейские имена и имена святых. Эта же тенденция определяет модный фактор в эпоху великодержавия: расширяются международные контакты, в употребление входят немецкие антропонимы. В Швеции появляются такие мужские имена, как Vilhelm (Вильхельм), Rudolf (Рудольф), Otto (Отто), Bernhard (Берн(х)ард), Adolf (Адольф), Fredrik (Фредрик) и Ludvig (Лудвиг), а также женские – Amalia (Амалия), Emma (Эмма), Ida (Ида) и Matilda (Матильда).

В Средние века мода на имена определялась внутренними причинами. Почитание святых играло большую роль и приобрело такое же значение, как и языческий культ усопших предков, чему в немалой степени способствовала церковь. В этот период на процессы наречения влияет календарь, где указывались имена святых (helgonkalendern). Родители выбирают имя того святого, в чей день они крестят ребёнка или же у кого ищут помощи и защиты для новорождённого. Имена многих святых, наряду с именами апостолов и других библейских персонажей, становятся «образцами для подражания» [16, с. 10].

В XVIII веке антропонимические модные веяния диктовались в основном Францией. На это указывают Р. Оттербьёрк [13, 25; 27], Б. ав Клинтберг [8, 15], О. Даун [Цит. по 15, 79; 80], К. Нюман [12, 9; 10]. Имена Charlotte (Шарлотта), Louise (Луиза), Marianne (Марианна), Jean (Жан), Pierre (Пер), Eugen (Эжен) – взяло на вооружение духовенство, затем городская буржуазия, вслед за ними жители развитых провинциальных областей, ремесленники, торговцы, солдаты. Такие двойные имена, как Anne Charlotte (Анна Шарлотта), Beate Sophie (Беата Софи) и Marie Louise (Мари Луиза) переживали свой расцвет.

Начиная с XIX века, литература и массовая культура оказывают влияние на антропонимические предпочтения шведов.

Шведская традиция публиковать объявления о происходящих в семьях событиях имеет давнюю историю. Связано это с обычаем размещать в газетах на «семейных страницах» (familjesidor) информацию о помолвке (förlovningsannonserna), свадьбе (bröllopsannonserna), рождении (födelseannonserna) и смерти (dödsannonserna) человека. К. ван Луик пред-

полагает, что по этим объявлениям, можно изучить историю имен и выявить определённые тенденции, с ними связанные. Например, объявления о рождении дают возможность проследить антропонимические предпочтения, из сообщений о помолвке или свадьбе можно узнать, как зовут людей в возрасте от 20 до 50 лет, а извещения о смерти позволяют сопоставить типичные имена начала XX века с современными [15, с. 139]. А. Риббинг обращает внимание на различия в содержании объявлений о рождении ребёнка 50–70-х гг. XX века от объявлений конца столетия [14, с. 4], в частности, прежде имя новорождённого в них не указывалось. К. ван Луик отмечает, что публикация имён детей в сообщениях об их появлении на свет – новая реалия в шведской культуре. В 60-е годы XX века в объявлениях сообщалось только о поле ребёнка, дате рождения и именах родителей [15, с. 11]. Зачастую рассказывается, что малыша любят и что он долгожданный, придумываются оригинальные фразы с именем («Добро пожаловать, любимая Алисиа (Alicia)», «Тим (Tim) стал старшим братиком для Вигго (Wiggo)»). Таким образом, наличие имён в текстах подобного типа может оказать воздействие на решение других родителей, ищущих подходящее имя для своего ребёнка.

В XX веке особой популярностью пользуются имена полюбившихся героев книг, кинофильмов и телесериалов, певцов, спортсменов и т. п.

Обзор модных тенденций на имена в шведской культуре сделала К. ван Луик [15, 11; 12]. В 30-е годы XX века после показа в Швеции фильма «Мальчик по имени Сонни» (Sonny Boy) родители начали активно называть новорождённых мальчиков Сони (Sonny). После экранизации в 1989 году романа Ульфа Старка «Чудаки и зануды» (Dårfinkar&Dönickar) стало модным имя главной героини – Симоне (Simone). Исследовательница отмечает, что с 1997 по 2003 гг. около 6 тысяч новорождённых девочек были наречены именем Вильма (Wilma). Причиной тому послужил сериал «Доктор с Архипелага» (Skärgårdsdoktorn). В 70-е годы XX века благодаря серии книг Гуниллы Бергстрём о мальчике Альфонсе Оберге – первая книга вышла в свет в 1972 году под названием «Спокойной ночи, Альфонс Оберг» (Godnatt, Alfons Åberg) – соответствующее имя обрело популярность.

Б. ав Клинтберг полагает, что одним из тех, чьё творчество особенно повлияло на состав антропонимов в Швеции, был Исайя Тегнер (Esaias Tegnér). Эту позицию разделяет и А. Мальмстен [Цит. по 15, 14]. В XIX веке приобрели популярность не только имена главных героев «Саги о Фритьофе» – викинга Фритьофа (Frithiof) и его Ингеборги (Ingeborg); интерес пробудили также имена второстепенных персонажей – Бьёрна (Björn), Хильдинга (Hilding), Торстена (Torsten) и Хельге (Helge). В других поэтических произведениях Тегнера встречаются следующие имена: Аксель (Axel), Герда (Gerda) и Свеа (Svea), последнее – в качестве аллегорического наименования Швеции. Эти имена в период «эпохи возрождения» в скандинавских языках XIX века получили широкое распространение [8, 15; 16].

В XX веке «литературным диктатором имён» стала Астрид Линдгрен. Это мнение высказывают в своих работах Э. Брюлла [9, 20], Б. ав Клинтберг [8, 16], К. ван Луик [15, 14; 15]. Имена многочисленных персонажей писательницы – Ида (Ida), Эмиль (Emil), Расмус (Rasmus), Мэдикен (Madicken), Мио (Mio) и даже Пиппи (Pippi), Йонатан (Jonatan) – обрели носителей и в реальной жизни.

Имена литературных героев завоевывают ещё большую популярность после экранизации произведений. Хотя иногда это случается по прошествии некоторого времени. Например, книга Астрид Линдгрен «Мы – на острове Сальткрока» (Vi på Saltkråkan) была напечатана в 1964 году, полнометражный фильм вышел на экраны 1968 году, а имя Малин (Malin) активно вошло в моду в 70-е и 80-е гг. XX века. То же самое случилось с именем Рони (Ronja) из произведения Астрид Линдгрен «Рони, дочь разбойника» (Ronja rövardotter). Книга появилась в 1981 году, а была экранизирована в 1984 году (именно на этот период приходится пик популярности имени). В 1990 году в Швеции на экранах появляется сериал «Эбба и Дидрик» (Ebba och Didrik). Книга «Дидрик» (Didrik) Кристины Хелльстрём выходит в 1989 году, а «Эбба» (Ebba) в 1990 году. Соответствующие имена становятся популярными после показа сериала. К. Хелльстрем создаёт также имя Урла (Yrla) (от yra ‘бред’, ‘вьюга’ и virvla ‘кружиться’), объясняя это необходимостью особого имени для девушки, которая очарует Дидрика. В списках шведских личных имен имя Yrla не зафиксировано, однако после показа сериала оно многим понравилось, и были отмечены случаи наречения им детей.

В немалой степени популярности своего имени у поклонников способствуют известные личности. Так, благодаря легендарному шведскому бегуну Гундеру Хэггу (Gunder Hägg) в 1943 году (именно на это время приходятся его лучшие спортивные достижения) было очень модно имя Гундер (Gunder).

Моду на имена могут задавать СМИ. После того, как в 2004 году певец Дарин (Darin) вышел в финал передачи «Идол» (посвящена поиску талантливых исполнителей), его именем назвали сто мальчиков.

На предпочтения шведов также оказывают влияние зарубежные антропонимы. Вместе с еженедельной прессой, фильмами, радио- и телепередачами в XX веке в Швецию стали проникать англосаксонские, главным образом, американские имена. В моду вошли такие имена, как Benny (Бенни), Bill (Билл), Kenneth (Кеннет), Roger (Роджер), Ronny (Ронни) и Sonny (Сонни); Ella (Элла), Jane (Джейн), Jessica (Джессика), Nancy (Нэнси) и Violet (Вайолет).

В 30-е годы XX века у шведов стало популярным имя Кларк (Clark). Мода на это имя появилась благодаря голливудской кинозвезде 1930–1940-х гг. Кларку Гейблу (Clark Gable), исполнившему роль Ретта Батлера в мелодраме «Унесённые ветром» (1939 год). Однако для шведов звучание имени актера не было привычным, и они произносили его как Сларк (Slark).

В начале 1990-х в Швеции после показа американского сериала «Беверли Хиллз» получило распространение имя Брандон (Brandon). В 1995 году было зафиксировано 250 случаев наречения мальчиков этим именем. Экранизация в 1997 году романа датского писателя Питера Хёга «Смилла и её чувство снега» (Fröken Smillas känsla för snö), написанного в 1994 году, сделала имя Смилла более часто встречающимся в качестве первого имени.

Имя Беньямин (Benjamin) стало активно использоваться в 60-е годы XX века после выступления в дуэте на рождественском вечере Беньямина Сюрсы (Benjamin Syrsa) и Бенгта Фелдриха (Bengt Feldreich) .

Распространённое ныне в Швеции имя Златан (Zlatan) своим успехом обязано Златану Ибрагимовичу (Zlatan Ibrahimović), шведскому футболисту боснийского происхождения, играющему за сборную страны.

По мнению Ш. Хагстрём, мода на имена имеет циклический характер [10, 54]. К. ван Луик считает, что необходим временной отрезок от 80 до 100 лет, чтобы имя снова стало популярным. Современные родители редко называют своих детей именами, распространёнными в их поколении. Это даёт основание считать, что должно пройти много лет, прежде чем имена Анника (Annika), Лиселотт (Liselott) и Ульрика (Ulrika), популярные в 60-е годы XX века, вновь получат признание. Исключение составляют имена Эрик (Erik), Оскар (Oscar), Мария (Maria) и Анна (Anna), которые вряд ли когда-либо войдут в разряд устаревших [15, 13]. Э. Брюлла добавляет к перечисленным антропонимам Андерс (Anders), Йохан (Johan), Улоф (Olof), Эва (Eva), Кристина (Kristina), подчёркивая, что модные тенденции не оказывают влияния на устойчивость их употребления [9, с. 21].

По мнению А. Мальмстена, автора нескольких книг, посвящённых именам, модой управляют «эффект третьего поколения», тенденции и дух времени. Имя должно привлечь внимание, чтобы оказаться популярным. Например, королевская династия была образцом для подражания в том, что касается выбора имени. Появление на свет принца Бертиля в 1912 году создало моду на его имя, и в 20–30-е гг. XX века многие родители давали это имя детям при крещении. Имена принцесс – Маргаретта (Margaretha) (1934 год), Биргитта (Birgitta) (1937 год), Десире (Désirée) (1938 год) и Кристина (Christina) (1943 год) – дали толчок к распространению среди жителей королевства. Исследователь отмечает, что широкому употребелению имён способствует наречение «правильным человеком» своего ребёнка именем, которое может стать популярным. Например, имя Робин не было широко употребительным в Швеции. Однако после того как у Бьёрна Борга (Björn Borg) в 1980 году родился сын Робин (Robin), оно вошло в разряд таковых [Цит. по 15, 14]. И этот пример не единичен. В 1980-х были также популярны имена Оливер (Oliver) и Натали (Nathalie). Оливер – сын известной певицы Перниллы Вальгрен (Pernilla Wahlgren), Натали – дочь одного из лучших горнолыжников Ингемара Стенмарка (Ingemar Stenmark).

А. Мальмстен обнаруживает следующую тенденцию: сегодня многие родители пытаются избежать обычных имён в отличие от 50-х годов XX века, когда приблизительно 80 процентов всех детей носили имена из десяти самых популярных. В настоящее время этот процент снизился до 50. Если ранее царил дух коллективизма, главным было слово «стабильность» и умение не выделяться, то сейчас родители хотят, чтобы их дети отличались от других. Отмечается также фактор влияния места жительства на распространение имени, когда крупные города и университетские центры диктуют эти тенденции и через год или два им следует вся остальная Швеция. Исследователь О. Даун солидарен с А. Мальмстеном в значимости фактора места жительства для выбора имени, отмечая, что в Стокгольме люди смелее дают своим детям странные и забавные имена, в то время как в небольших городах люди более традиционны и даже консервативны в отношении новых имён [Цит. по 15, с. 82].

Как утверждает Б. ав Клинтберг, последние десятилетия моду на имена определяет факт широкой сферы употребления библейских и ла-

тинских имен. Мужские имена библейского происхождения Симон (Simon), Якоб (Jacob), Лукас (Lukas), Маркус (Marcus) и Самуэль (Samuel) занимают первые позиции в рейтингах личных имён. В начале XXI века латинское имя Юлия (Julia) было самым популярным женским именем, а четвёртое место среди имён новорождённых мальчиков занимало имя Виктор (Victor) (тоже латинского происхождения). В отличие от середины XX века, когда предпочтительны были краткие мужские имена, сейчас в моде длинные, впечатляющие имена, такие как Виллиам (William), Александр (Alexander) и Себастьян (Sebastian). Такая же тенденция прослеживается и в сфере женских имен, хотя здесь среди самых высокочастотных оказываются краткие, простые и мягкозвучные имена, как, например, Эмма (Emma), Элин (Elin), Майя (Maja) и Моа (Mya) [8, с. 16].

Всё вышесказанное ещё раз подтверждает идею о том, что каждая новая культурная волна приносит с собой новый груз лексических заимствований [6, с. 174]. Проследить изменения в антропонимической системе позволяет язык, который отражает культурную организацию общества. В Швеции влияние на выбор имени оказывают литературные и музыкальные произведения, средства массовой информации, публичные люди (коронованные особы, политики, музыканты, актёры, киногерои, спортсмены). В последней трети XX века и начале XXI-го немалую роль в формировании антропонимических тенденций играют процессы межкультурной коммуникации. Это позволяет пополнить список шведских имен инокультурными антропонимами. В то же время обнаруживается группа имён, которые демонстрируют свою устойчивость на протяжении всей истории наречения.

Библиографический список

1. Балли Ш. Язык и жизнь. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 232 с.
2. Боголюбова Н. М. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен. – Спб.: СПбКО, 2009. – 416 с.
3. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р. Валент, 2005. – 416 с.
4. Кторова А. Сладостный дар, или Тайна имён и прозвищ / занимательные рассказы об именах, фамилиях и названиях в русской и иноязычной речи. – М.: ООО «Гамма-Пресс 2000», 2002. – 208 с.
5. Никонов В. А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 656 с.
7. Суперанская А. В. Имя – через века и страны / отв. ред. Э. М. Мурзаев. – М.: КомКнига, 2010. – 192 с.
8. av Klintberg B. Namnen i almanackan: fakta och kulturhistoria om svenska förnamn. – Stockholm : Nordstedts akademiska förlag, 2005. – 453 s.
9. Brylla E. Ursäkta, hur var namnet? Personnamn i praktiskt bruk. – Uppsala: Bombus, 2002. – 126 s.
10. Hagsrtöm C. Man är vad man heter. Namn och identitet. – Stockholm: Carlsson Bokförlag, 2006. – 192 s.
11. Malmsten A. Svenska namnboken . – Stockholm: Rabén Prisma, 1996. – 279 s.
12. Nyman C. Namninspiration när barnet ska namnges. 2000 namn med förklaringar, betydelser, ursprung, popularitet, namnsdagar och trendlistor. – Malmö : Första upplagan, 2009. – 233 s.
13. Otterbjörk R. Svenska förnamn. – Stockholm: Esselte Studuim, 1973. – 216 s.
14. Ribbing A. Vad heter du? En bok om förnamn. – Stockholm: Eriksson&Lindgren, 2005. – 28 s.

15. van Luik C. Stora boken om namn. – Stockholm: Alfabeta Bokförlag, 2009. – 224 s.
16. Wallensteen I. Våra namn : [1.165 namn och namnformer] : [deras betydelse och ursprung]. – Stockholm: Ica Bokförlag, 2008. – 134 s.

НАИМЕНОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ, ОБРАЗОВАННЫЕ НА ОСНОВЕ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ МОТИВОВ, ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В. М. Сеидова
Университет языков, г. Баку, Азербайджан

Summary. This article is about the names of animals formed by the way of imitation during the long period of development of civilization, about their role in the development of French vocabulary. This article is based on the materials of the known authors-linguists' books who are learning the terms of modern French language.
Key words: couckoo, rat, skylark, crow, hoopoe, woodpecker etc.

Лексическая база французского языка подвергается влиянию экстралингвистических и интралингвистических факторов, больше всего связанных с жизнедеятельностью говорящих на французском языке. Необходимость отражения мыслей и чувств говорящего в соответствующем виде более точно, ясно, полноценно и стилистически разнообразно, соответственно требованиям постоянно развивающегося языка проявляется в лексике сильнее, чем в других областях языка.

Наблюдение закономерностей развития лексико-семантической системы французского языка показывает, что расширение сфер употребления языка становится причиной образования разнообразных функциональных стилей, увеличения областей значения различных слов, образования многозначных слов.

Во французском языке существует три различных пути словообразования: морфологический, семантический и фонетический. Нашему обсуждению подлежит только фонетическое словообразование, морфологическое и семантическое словообразование не являются объектом нашего исследования.

Фонетическое словообразование – это образование новых слов путём звуковой имитации. Объектом нашего исследования являются названия животных, образованные этим способом.

Слова, образованные звуковой имитацией, во французском языке называются ***onomatopée***. Такое объяснение имеют эти слова эти слова находят свое объяснение во французских аналитических словарях Larousse и Petit Robert [4, 5].

Большинство названий животных, образованных путём звуковой имитации, были образованы вследствие имитации людьми звуков, исходящих от этих животных. Со временем эти звуки, повторяясь, образовали звукоподражательные слова, вошли в повседневную разговорную речь и используются по сей день. Напр. coucou, ouistiti и др. [6].

Л. М. Левит в своей книге "*Лексикология французского языка*" указывает, что словообразование фонетическим путём является наименее изученной областью [2]. По мнению некоторых учёных, словам, образованным этим путём, не придаётся должное значение, несмотря на то, что один из французских учёных, П. Гиро, отводит им важное место [3]. Эти

слова, отражающие различные естественные и животные звуки, с точки зрения фонетики, хоть и условно, но имеют обоснование. История образования звукоподражательных слов связана с историей возникновения людей и животных.

В зоологической номенклатуре французского языка имеется немало названий ономатопоэтического происхождения. Образование существительных, обозначающих названия животных, особенно птиц, от звукоподражательных слов – явление довольно распространённое во французском языке.

Звукоподражательные слова могут иметь простой, производный и сложный состав. В пример можно привести следующие слова.

Clabaud (m) – лающий (собака)

Corneille (f) – ворона

Coucou (m) – кукушка

Dada (m) – лошадка (*на детском языке*)

Huppe (f) – удод

Martinet (m) – стриж

Matou (m) – кот

Ouistiti (m) – обезьяна (с хвостом шириной 20 см, обитает на деревьях в Южной Америке). Напр. *C'étaient des ouistitis qui faisaient le bruit dans les arbres.*

Phaéton (m) – фаэтон

Pic (m) – дятел

Pioupiou (m) – цыплёнок (*на детском языке*). Напр. *Elle a nourri ses pioupioux.*

Rat (m) – крыса

Sirli (m) – жаворонок. Напр. *Les sirlis chantaient dans les arbres.*

Toutou (m) – щенок (*на детском языке*)

Uraète (m) – австралийский орёл и др.

Из проведённых нами исследований становится ясным, что использование звукоподражательных слов во французском языке не так ограничено, как считают многие учёные, и они, образуя одну из составных частей словарного запаса французского языка, обладают особой ролью в обогащении его лексической базы.

Библиографический список

1. Гак Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. – Москва, 2006.
2. Левит Л. М. Лексикология французского языка. – Москва, 1979.
3. Quiraud P . «L'étimoloji». – PUF – Paris, 1967. – P. 102–103 .
4. Larousse – Dictionnaire français – russe/ russe – français par P. Pauliat. – M.: OAO Издательство «Радуга», 2002.
5. Le Petit Robert – Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par Paul Robert. – Paris, 1991.
6. Lopatnikova N. N., Movchovitch N. A. Précis de lexicologie du français moderne. – Moscou, 1958 .

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Т. Б. Кашпирева
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия

Summary. The article under consideration deals with structural-semantic analysis of the idioms which form the idiomatic and semantic field of the concept "love" in the French language. The component structure of the above mentioned idiomatic field was studied as well as the mechanism of its semantic forming structure. It was confirmed that most of them have three component structure; most of such idioms indicate the inanimate objects.

Key words: the concept "love" in the French language, idiomatic and semantic field, the structural-semantic analysis.

Предметные фразеологизмы, входящие в состав фразеосемантического поля концепта «любовь», представляют собой многочисленный и семантически разнообразный класс в современном французском языке. В этом классе объединяются фразеологизмы, которые обозначают предмет в широком смысле этого слова. По данным нашей картотеки, класс фразеологизмов с предметной семантикой насчитывает 51 единицу (28,5 % от общего числа исследуемых ФЕ.

Целью данного исследования было проведение структурно-семантического анализа предметных фразеологизмов, составляющих фразеосемантическое поле концепта «любовь».

Относительно структуры следует отметить, что среди предметных фразеологизмов с исследуемыми компонентами встречаются ФЕ, в составе которых от двух до четырёх элементов. Абсолютное большинство (76 %) исследуемых фразеологизмов имеют трёхкомпонентную структуру. Например: *académie d'amour*, *mariage d'Afrique*. Преобладание трёхкомпонентной структуры объясняется тем, что простота синтаксической структуры создаёт наилучшие условия для формирования целостного предметного фразеологического значения.

Анализ показывает, что все фразеологические единицы данного типа восходят к структуре подчинительного словосочетания и построены по одной из двух моделей:

1) существительное + предлог + существительное (90 % от общего числа). Например: *amour de tête*, *marriage d'amour*, *casseur de cœurs*. Зависимый компонент реализует определительное значение, вносит указание на конкретный индивидуализующий признак обозначаемого чувства, что напоминает о различных видах любви. Главный компонент, в свою очередь, является семантическим уточнителем.

2) существительное + прилагательное (10 % от всех исследуемых ФЕ). Например: *coeur (tout) neuf, joli coeur*, *bon mariage*, *beau mariage*.

В соответствии со своей семантикой предметные фразеологизмы делятся на две субкатегории и обозначают: 1) одушевленный предмет; 2) неодушевленный предмет.

Компонент «amour» и другие субстантивные компоненты, которые выступают в роли грамматического центра фразеологизма, сохраняют присущее им предметное категориальное значение и распространяют его

на весь фразеологизм в целом, сообщая последнему предметную семантику. Таким образом, грамматически главный компонент способен формировать не только категориальную, но и субкатегориальную семантику фразеологизмов концепта «любовь». Абстрактные существительные, являющиеся грамматически главными компонентами в составе описываемых фразеологизмов, предопределяют субкатегориальное значение неодушевлённости. Среди исследуемых ФЕ неодушевлённые предметы обозначают 67 % предметных фразеологизмов, 33 % – одушевлённые. Большая часть фразеологизмов, обозначающих неодушевлённые предметы, называет различные формы любви и её проявлений (*amour de tête*, *faiblesse du cœur*, *mariage de conscience*).

Вторая субкатегория, к которой относятся фразеологизмы, обозначающие одушевлённые предметы, называет людей, имеющих то или иное отношение к любви. Например: *enfant de l'amour*, *aimé des dieux*, *casseur de cœurs*).

Предметная семантика ФЕ, составляющих концепт «любовь», оформляется также грамматической категорией числа и находится с ней в тесном взаимодействии. Категория числа ФЕ исследуемого фразеосемантического поля является словоизменительной и выражается флексиями числовой парадигмы изменяемого(-ых) компонента(-ов). Ряд фразеологизмов имеет числовую парадигму, т. е. они могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе. Например*: charmeuse(s) des cœurs*, *aimé(s) des dieux*, *marriage(s) d'amour*. Как правило, числовую парадигму, имеют предметные одушевлённые фразеологические единицы. ФЕ исследуемого поля, которые обозначают неодушевлённые предметы и называют связанные с любовью отвлечённые понятия, имеют только форму единственного числа. Грамматически главный компонент в таких ФЕ – абстрактное существительное – обозначает понятие, которое препятствует появлению формы множественного числа.

Таким образом, в ходе проведённого исследования было установлено, что предметные фразеологизмы фразеосемантического поля концепта «любовь» имеют двух-, трёх- или четырёхкомпонентную структуру. Абсолютное большинство проанализированных предметных фразеологизмов обозначают неодушевлённые предметы и имеют трёхкомпонентную структуру, построенную по следующей структурной модели: существительное + предлог + существительное.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Д. И. Чиркоева
Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Summary. The article is concerned with the research of the category of possessivity in the functional aspect.

Key words: category of possessivity, possessive affixes, possessivity, means of expression of the category of possessivity, possessive construction, personal pronouns.

Несмотря на обширную территорию распространения тюркских языков, категория принадлежности (КП) присуща всем языкам этой груп-

пы. Хотя понятие принадлежность (П) свойственно носителю любого языка, оно передается в каждом отдельном языке разными способами. При этом тюркские исследователи придерживаются различных мнений. Одни авторы указывают лишь на 2 способа, другие же отмечают, что КП образуется двумя-тремя и даже четырьмя различными путями. В преобладающем большинстве тюркских языков основным способом выражения КП является морфологический способ, который передаётся с помощью особых морфем, так называемых аффиксов принадлежности (АП), присоединяемых к основе слова и дифференцирующихся по лицам и обозначающих предметные отношения. При этом лексическое значение соответствующего слова не меняется, т. к. АП рассматривается как словоизменительная форма.

Состав АП в тюркских языках приблизительно одинаковый, и эта общность распространяется также и на якутский язык: 1) АП 1 л. ед. и мн. ч.; 2) АП 2 л. ед. и мн. ч.; 3) АП 3 л. ед. и мн. ч.

АП в тюркских языках имеют тесную связь с формами личных местоимений (ЛМ). Между ними могут существовать взаимоотношения двоякого рода, а именно: либо ЛМ являются первичными, а АП – производными формами, либо, наоборот, развитие АП предшествовало развитию ЛМ, и последние примкнули к ним впоследствии. Развитие АП из ЛМ может произойти: 1) путем простого сокращения и редукции звуков; 2) из падежных форм ЛМ и притом в подавляющем большинстве случаев из форм родительного падежа; 3) из самостоятельной формы слова.

Идеи местоименного происхождения АП придерживаются Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортян, А. Н. Кононов, А. М. Щербак, В. Котвич, С. Н. Иванов и др.

Отсутствие внешнего тождества между АП 3-го л. в якутском языке (*-а, -та*) и АП в тюркских языках (*-ы, -сы***)** явилось причиной того, что вопрос о происхождении аффиксов 3-го л. в якутском и в других языках тюркской группы всё ещё остаётся спорным. По этому поводу существуют различные гипотезы, основанием которых стало наличие формы *-сын***,** употребляемая в косвенных падежах. Именно превращение в определенной позиции АП 3-го л., состоящего из одного гласного звука, в аффикс *-сын* способствовало возникновению различных версий о происхождении АП 3-го л.

Таким образом, если посмотреть на КП с точки зрения местоименного происхождения АП, то можно утверждать, что выражение КП образовалось не каким-либо одним способом, а носит следы всех трёх вышеуказанных путей. Однако выражение КП с помощью аффиксов соответствует первому способу, т. е. АП тюркских языков суть не что иное, как редуцированные, сокращённые ЛМ. Первоначально понятие личной П как в якутском, так и в других языках тюркской группы выражалось ЛМ: *мин (я), эн (ты), биһиги (мы), эһиги (вы)*, которые ставились за определяемым и первоначально отдельно от него: *ат (конь) мин (я) - ат мин (букв. конь я (мой)*. В процессе языкового развития эти ЛМ в роли определения подверглись сильному влиянию определяемых ими слов, с которыми они сливались, постепенно становясь их аффиксами. Таким образом, они теряли связь с употребляющимися самостоятельно ЛМ. В тюркских языках эта связь между ЛМ и АП не совсем утеряна и до настоящего времени, хотя сами говорящие уже не ощущают связи с ЛМ и АП.

Допуская, что пути образования АП 1 и 2-го лиц в якутском языке типологически близки к образованию подобных аффиксов в других тюркских языках, следует подчеркнуть, что они существенно отличаются от АП других тюркских языков: в форме 1-го л. мн. ч. вместо общетюркского *-быз* употребляется *-быт*, 2-го л. мн. ч., вместо *-сыз* - *сыт*. Что касается АП 3-го л. в якутском языке, можно предположить, что показатели 3-го л. в якутском языке являются результатом дальнейшего развития признанного общетюркского *-ы, -сы*. В якутском языке АП так же, как и ЛМ, выражают понятия *мой, твой, его* и т. п. Общее грамматическое значение словоформы *дьиэ<u>м</u> (<u>мой</u> дом)* охарактеризовано посредством АП **-*м***, иными словами, якутские АП в различных синтаксических функциях соответствуют по своим смысловым значениям ЛМ, иногда лично-возвратным местоимениям.

Итак, КП в якутском языке и в других тюркских языках находит своё непосредственное выражение в АП. Выбор варианта А в пределах каждого числа определяется типом основ слов и их вокальным составом в соответствии с законами гармонии гласных.

Аффиксальный способ КП объединяет две разновидности: во-первых, употребление одного имени с АП; во-вторых, употребление имени с АП и с предваряющим его именем в основном падеже. Первая особенность встречается обычно в 1 и 2-м лицах. Присутствие местоимения здесь необязательно. Второй тип П отличается от первого тем, что обычно он служит для выражения терминированных понятий: *саха тыла* (*якутский язык*), *муора кыыла (морской зверь)*, *остуол оонньуута* (*настольные игры)*. Вторым членом выступает притяжательное слово, которое может принять аффиксы падежей. Итак, второй член изафетной конструкции (ИК) (определяемое по принадлежности), обычно выраженный именем существительным всегда имеет соответствующий АП, который указывает на лицо и число первого члена конструкции. Отсюда следует, что морфологическая обусловленность функции первого члена ИК в якутском языке выполняют не столько местоимения, сколько притяжательные форманты при существительных, обозначающих предмет обладания. Это подтверждается и тем, что первый член ИК довольно часто опускается. В этом случае единственным показателем лица и числа субъекта обладания является АП второго члена ИК. Употребление первого члена ИК в роли определения по принадлежности чаще всего диктуется необходимостью особо подчеркнуть П данного предмета какому-то определённому лицу. Опущение первого члена ИК оказывается вполне возможным в тех случаях, когда выражается первый член ЛМ 1-го и 2-го л., т. е. их отсутствие компенсируется АП указанных форм. Как уже отмечалось, практически реже встречается опущение первых членов притяжательных словосочетаний, когда они выражаются ЛМ 3-го л. Это объясняется тем, что ИК с АП 3-го л. в предложении может быть несколько, и при отсутствии первого компонента допустима непонятность употребления притяжательной формы. Основную роль в выражении лица и числа субъекта обладания играют лично-притяжательные аффиксы, а не первый член конструкции. Для того, чтобы правильно понять природу КП как морфологической категории, прежде всего, следует определить характер выражаемого им значения. В основном под значением П понимаются такие отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому или является его органической частью.

Таким образом, при рассмотрении способов и средств выражения КП следует учитывать следующие обстоятельства: 1) грамматический статус данного способа (морфологический, синтаксический); 2) широкую распространённость в языке; 3) какими частями речи он выражается. В ИК, если АП является обязательным элементом, то его лексический эквивалент выступает в качестве факультативного компонента. Казалось бы, ИК характерны в любых условиях, однако это не всегда имеет место, поскольку они выражают определённость. Следует отметить, что в якутском языке ИК, являясь одним из основных средств выражения определённости, функционируют активно.

Библиографический список

1. Дмитриев Н. К. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Ч. 2. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 22–27.
2. Иванов С. Н. К истолкованию категории принадлежности // Советская тюркология. 1973 . – № 1. – С. 26–32.
3. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л., 1960. – 446 с.
4. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. – М., 1962. – 372 с.
5. Севортян Э. В. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Ч. 2. Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 38–40.
6. Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из восточного Туркестана. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1961.– 204 с.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

И. С. Салехова
Институт языкознания НАНА, г. Баку, Азербайджан

Summary. In the article, the author considers the functions of the Present Tense forms in the Azerbaijani language. It is shown that the Present Tense forms are invariant in the mentioned language. These forms indicate the actions that the doer sees, observes before and after the act of speech. The doer uses Present Tense forms to express in his speech the actions that he does not observe, but he is certain about it.

Key words: present tense, objective time, grammatical tense, act of speech.

Известно, что словоформы категории времени глагола являются выразителями объективного времени. В языкознании данная категория именуется грамматическим временем. Однако грамматическое время не является зеркальным отражением объективного времени. Отношение между объективным и грамматическим временем уже долгое время является объектом разногласий у специалистов в областях философии, логики, психологии, языка и др. В общем, наличествует такое мнение, что универсальной временной последовательности (т. е. отношения типа «прежде», «сейчас» и «после») не существует, однако последовательное построение по единой линии физических событий, т. е. расположение их друг за другом, становится возможным при создании определённой системы отсчёта. Это, действительно, так. Понятия «прежде», «сейчас», «после» существуют лишь по отношению к точке отсчёта, которая именуется в языкознании по-разному [см. 1; 3; 4; 5] (мы будем называть её

актом или моментом речи). Независимо от наименования, она имеет объективный характер, так как показывает формирование объективной действительности на концептуальном уровне. Формы грамматического времени выражают местонахождение действия во временном отрезке по отношению к акту речи или другой точке отсчёта. Под термином «акт речи» подразумевается процесс передачи информации говорящим. Для определения отношения действия к акту речи говорящий берёт за основу отношение времени совершения действия ко времени сообщения, поступательно движущееся совместно с объективным временем. «Время речевого акта проявляет «переживаемое настоящее» говорящего, совпадающее с «переживаемым настоящим» партнёра по коммуникации, без чего сам по себе речевой акт не может служить точкой отсчёта для определения и однозначного понимания временных периодов» [9, с. 93]. Основным критерием для расположения совершения действия относительно грамматического времени служит одновременность или разновременность его совершения с актом речи, что устанавливается говорящим. Если совершение действия совпадает по времени с актом речи, то оно воспринимается говорящим как происходящее в настоящем времени. Действие, предшествующее акту речи, относится к прошедшему времени, а действие, совершаемое после акта речи, – к будущему времени.

Итак, основной особенностью словоформы настоящего времени является выражение действия, совершаемого одновременно с актом речи. Однако эта одновременность проявляется по-разному. По этому поводу языковедами выдвигаются различные суждения, которые, по сути, не отличаются друг от друга [1, с. 63; с. 2, с. 330; с. 3, с. 183]. Лейтмотивом этих суждений выступает основная особенность настоящего времени, которая заключается в его непосредственной и опосредствованной связанности с актом речи. А. В. Бондарко в классификации настоящего времени особо отмечает абстрактное настоящее время, основным признаком которого считает нелокализованность действия во времени [8, с. 15].

С учётом указанных особенностей настоящего времени глагола в лингвистической литературе оно характеризуется как выражение незавершённого, продолженного действия.

Таким образом, словоформы настоящего времени могут выражать полную или неполную одновременность совершения действия с актом речи. Полная одновремённость проявляется чаще в двух случаях. В первом случае акт речи и действие как бы наслаиваются друг на друга. Такое настоящее время в языкознании именуется перформативным (от латинского слова «performa» – «действую») [9, 99]. В предложениях типа mən and içirəm (я клянусь); söz verirəm (даю слово); xahiş edirəm (прошу); sənə xəbərdarlıq edirəm (тебя предупреждаю); məhkəmə qərara alır (суд постановляет); şirkət müsabiqə elan edir (компания объявляет конкурс); sizi salamlayıram (приветствую вас); sənə xoşbəxtlik arzu edirəm (желаю тебе счастья) и т. п. произнесение происходит одномоментно с совершением действия. Т. е. сообщение о совершении действия и само совершение данного действия одномоментно начавшись, одномоментно завершаются. Во втором случае словоформы настоящего времени выполняют эту функцию (одновременность) чаще в репортажах с определённых церемоний, демонстраций и митингов, спортивных соревнований и т. п. Рассмотрим репортаж с футбольной игры:

Hücumçu qapıçını aldatmağa çalışır, lakin buna nail ola bilmir. Qapıçı, sanki, onun nə fikirləşdiyini başa düşür və asanlıqla topu tutur. Meydanı azarkeşlərin alqış səsləri bürüyür. (Нападающий пытается обмануть голкипера, но это ему не удаётся. Голкипер как будто читает его мысли и с лёгкостью ловит мяч. Площадь обуревают одобрительные возгласы болельщиков).

При неполной одновременности совершение действия не только совпадает с моментом речи, но и охватывает длительный период – моменты как до, так и после акта речи. Ср.:

Dünəndən səni axtarıram (со вчерашнего дня ищу тебя); səhərdən direktoru gözləyirəm, gələn kimi yanına girəcəyəm (с утра жду директора, как только придёт, зайду к нему).

Как видно из примеров, одновременность акта речи с действием происходит во время непосредственного восприятия данного действия. Поэтому форма настоящего времени выражает действие как существующий факт, видимый, наблюдаемый говорящим. Если говорящий не может непосредственно наблюдать за действием, но уверен в его совершении или подразумевает его существование, то и в этом случае он использует форму настоящего времени. Например: Bilirəm, indi anam mənim üçün çox darıxır (Знаю, сейчас мама очень скучает по мне). Tez olun qayıdaq, indi bizi axtarırlar (Поскорее вернёмся, сейчас нас ищут).

Указанная функция формы настоящего времени играет важную роль в выражении им и других значений. Так, говорящий для выражения этих значений опирается не только на собственный опыт, но и на знания других лиц. Данные значения выражают не только действие, наблюдаемое, видимое говорящим во время речевого акта, но и продолжающееся как до, так и после него долгосрочное, постоянное действие или действие, не проявляющееся во время акта речи. Ср.: Kür çayı Azərbaycanın bir neçə bölgəsindən keçir (Река Кура протекает через несколько районов Азербайджана) [постоянное]. O, Türkiyədə təhsil alır. (Он получает образование в Турции) [не проявляется во время речевого акта]. O, 15 ilə yaxındır bu məktəbdə müəllim işləyir. (Он около 15 лет работает учителем в этой школе) [долгосрочное].

Отнесение подобных повторяющихся, обладающих потенциалом обобщения, узуальных действий к настоящему времени связано с тем, что они имеют постоянный, неизменный, стабильный характер и поэтому подразумевают также предшествующие и последующие моменты своего существования. Данные особенности действия как конкретного единовременного действия, совершаемого в настоящее время, для говорящего имеют статус действительности. Т. е., если действие постоянно, неизменно, стабильно, то и в период, осознаваемый говорящим как настоящее время, оно действительно. Рассмотрим нижеследующий пример:

Həkim xəstələri həftənin 1-ci və 3-cü günləri səhər saat 9^{00}-dan 13^{00}-a qədər qəbul edir. (Врач принимает больных по понедельникам и средам с 9^{00} до 13^{00}).

В данном предложении сообщается о порядке врачебного приёма, который существует и во время акта речи.

Наблюдаются случаи, когда словоформы настоящего времени подразумевают прошедшее и будущее время, что связано с их семантическими особенностями. А эти особенности проявляются в

определённых условиях, при согласовании их с языковыми единицами, выражающими значения прошедшего и будущего времени. Например:

Mən sənin kəndə köçdüyünü *çoxdan* bilirəm (Я *давно* уже знаю о твоём переезде в деревню); O, *1980-ci ildən* Bakıda yaşayır (Он *с 1980-го года* живёт в Баку); *sabah* Moskvaya yola düşürəm (*завтра* отправляюсь в Москву).

В азербайджанском языке редко встречаются случаи непосредственной направленности значения, выражаемого формой настоящего времени, к будущему времени. Для этого необходимо наличие определённой ситуации.

Таким образом, фактический материал позволяет заключить, что в азербайджанском языке формы настоящего времени обладают инвариантными значениями и наряду с выражением зримого, наблюдаемого говорящим момента совершения действия включают также моменты, предшествующее вышеуказанному и следующие за ним. Говорящий выражает словоформами настоящего времени и ненаблюдаемые, невидимые им действия в случае, если уверен в их совершении. Действия, непосредственно не связанные с актом речи, также можно выразить формой настоящего времени.

Библиографический список

1. Axundov A. A. Felin zamanları. – Bakı, 1961.
2. Seyidov Y. Azərbaycan dilinin qrammatikası. Morfologiya. – Bakı, 2002.
3. Tahirov İ. Azərbaycan və ingilis dillərində zaman kateqoriyası. –Bakı, 2007.
4. Cəfərova B. İngilis və Azərbaycan dillərində felin zaman sistemi. –Bakı, 2004.
5. Cahangirov F. Perfekt zamanlar. – Bakı, 2000.
6. Дмитриев Н. К. Турецкий язык. – Москва, 1960.
7. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.- Л., 1980.
8. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М., Просвещение, 1971.
9. Щелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. Москва, 2001.

ТЕКСТ (КОНТЕКСТ) КАК СРЕДСТВО УСТРАНЕНИЯ ЯВЛЕНИЯ ОМОНИМИИ, ПРОЯВЛЯЮЩЕЙСЯ НА УРОВНЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА ОСНОВАНИИ МАТЕРИАЛОВ СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Г. С. Алиева
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. This article is dedicated to the problem that the text (context) is the means which eliminates the syntactic homonymic phenomenon appearing as a sentence level. Here is obtained such a conclusion that the text (context) is the most important means eliminating syntactic homonymic phenomenon. Homonymous sentences obtain semantic and informative definity just within the text (context). In order to determine homonymic fact in the sentence, the necessity of comparing the meanings which it expresses within the text and out of it, is mentioned here as well.

Key words: text, context, sentence, syntactic homonymic phenomenon, the process of communication, information, semantic definity, recipient.

Предложение, представляющее собой единство трёх таких важных свойств, как предикативность, модальность и интонационная завершённость, было объектом разностороннего исследования со стороны лингвистов. Предложение привлекалось к исследованию и в отдельности, и в составе текста (контекста). Эти разносторонние исследования способствовали появлению новых проблемных вопросов, связанных с внутренней стороной, то есть семантикой предложения. Вывод о выражении предложением относительно завершённой мысли появился как результат именно этих исследований. Изучение предложения в составе текста послужило исследованию его в комплексном виде, то есть одновременно и структурной, и семантической стороны, в их взаимосвязи и единстве. При этом предложение оценивалось и как средство, способствующее формированию текста, то есть его составная часть, и как единица языка, которая реализуется в контексте данного текста, сформированного с участием его самого. Необходимо отметить и то, что фактор необходимости исследования предложения в составе текста более тесно связан с его семантической стороной.

Для изучения семантической стороны предложения текст считается самой целесообразной областью исследования. Потому что в данной области исследования предложение рассматривается во взаимосвязи и единстве с другими предложениями, входящими в эту область, что обеспечивает его полноту с семантической точки зрения. «Для того, чтобы полностью «понять» предложение, его надо рассматривать в тексте, информационная ёмкость и коммуникативная функция предложений, предшествующих и последствующих ему не может не оказывать своего воздействия на него» [1, с.148].

Факт наличия явления омонимии, точнее, синтаксической омонимии, возникающей в составе предложения, ещё раз доказывает необходимость изучения предложения в составе текста. Такие исследователи, как А. В. Гладкий, Н. П. Колесников, Д. А. Салькова, Е. Шкурко также говорили об устранении факта омонимии в предложении посредством текста (контекста) и отмечали именно текст (контекст) как основное средство в процессе «деомонимизации».

Способность предложения выражать совершенно разные значения, связанные с одной и той же грамматической структурой, является основным показателем, доказывающим наличие в нём явления синтаксической омонимии. При этом структура предложения не даёт возможности выяснения того, какая информация выражается посредством неё, а это, в свою очередь, создаёт основу исследования предложения в окружении других смежных с ним предложений: «Предложение в полном виде может проявить свои структурно-семантические особенности в единстве окружающих его предложений, в атмосфере текста» [2, с. 428].

Способность устранения факта омонимии в предложении посредством текста подтверждает то, что именно в составе текста предложение приобретает семантическую определённость и уточняется его информативное положение в процессе коммуникации. Так же, как и значение омонимичных слов реализуется в составе словосочетаний и предложений, в которых они используются, во взаимосвязи с другими словами, информация, выражаемая омонимичным предложением, приобретает достоверность и определённость в составе текста, во взаимосвязи с другими предложениями, и факт омонимии в предложении устраняется именно таким образом: «Основную роль в устранении омонимии предложения (деомо-

нимизации) играет словесное и грамматическое окружение данного предложения (узкий контекст) или ряд соседних предложений » [3, с. 92].

А это свидетельствует о том, что явление омонимии, проявляющееся в предложении, способствует тесной связи его с текстом (контекстом). Значит, выражение предложением относительно законченной мысли и проявляемое в нём иногда явление омонимии выступают как причины тесной связи предложения с текстом (контекстом): «Связь и лексических, и грамматических единиц с контекстом, наличие значений, проявляемых в контексте, обусловливается тем, что на всех этапах развития языка недостаточность формы всегда противостоит пестроте значений» [4, с. 59].

Обратим внимание на следующие образцы:

1. Katibə xəbər verdi ki, milis idarəsindən gələn leytenant, Manafın məsələsi ilə maraqlanır (X.Hasilova, povest “Heç kim yad deyildi”); 2. Keçən yay Nabat xalanın qurutduğu sarı tut da qurtarmışdı (Ə.Əylisli, povest “Tənha narın nağılı”); 3. Murtuz Karmenlə Cildanın atası Əsədin cəbhə dostu idi (Anar, povest “Ağ liman”); 4. deyəsən, konfransdan sonra təşkil olunacaq banketin xərcləri barədə nəsə soruşmuşdu (Y.Səmədoğlu, roman “Qətl günü”); 5. Haradansa topladığı bir dəstə qızı qəbiristanlığa gətirmişdi (R.Qaraca, hekayə “Əgər ən yaxın dostun...”).

Необходимо сравнить значения, выражаемые этими предложениями в тексте и вне текста, потому что при таком сравнении можно констатировать наличие синтаксической омонимии в предложении:

1. Katibə xəbər verdi ki, milis idarəsindən gələn leytenant Manafın məsələsi ilə maraqlanır.

a. В тексте:

То есть: делом Манафа интересуется лейтенант. Это подтверждается употреблённым в этом тексте предложением «Dərhal fikrinə gəldi ki, milis leytenantının məktəbə göndərilməsində Nilufərin əli vardır». – Ему сразу пришло на ум, что в отправлении лейтенанта милиции в школу была замешана Нилуфар. В тексте во избежание омонимии в предложении после слова «leytenant» была поставлена запятая. А это свидетельствует о том, что слово «leytenant» и причастный оборот «milis idarəsindən gələn» входят в одну синтагму (определение + подлежащее).

b. Вне текста:

Katibə xəbər verdi ki, | milis idarəsindən gələn | | leytenant Manafın məsələsi | ilə maraqlanır.

То есть: Leytenant Manafın məsələsi ilə milis idarəsindən gələn maraqlanır. – Делом лейтенанта Манафа интересуется пришедший из управлении милиции.

Это значение связано с тем, что слово «leytenant» является определением слова «Манаф» и, входя в состав определительного словосочетания III типа, вместе с ним образует одну синтагму.

Отметим и то, что это предложение может восприниматься и в третьем значении, то есть: Katibə milis idarəsindən gələn leytenant Manafın məsələsi ilə özünün maraqlandığını xəbər verir. – Секретарша сообщает о том, что сама интересуется делом лейтенанта Манафа, пришедшего из управления милиции.

2. Keçən yay Nabat xalanın qurutduğu sarı tut da qurtarmışdı.

В тексте:

| Keçən yay Nabat xalanın qurutduğu | sarı tut da qurtarmışdı.

То есть: Sarı tutu Nabat xala keçən yay qurutmuşdu. – Жёлтую туту тётушка Набат засушила прошлым летом.

О том, что предложение выражает это значение, подтверждается фразой: «Qışın axırları idimi, yazın əvvəlləri idimi...» «То ли был конец зимы, то ли начало весны...» Это значение образовалось в связи с тем, что словосочетание «keçən yay» входит в одну синтагму с причастным оборотом.

a. Вне текста:

| Keçən yay | | Nabat xalanın qurutduğu | sarı tut da qurtarmışdı.

То есть: Nabat xalanın qurutduğu sarı tut keçən yay qurtarmışdı. – Жёлтая тута, засушенная тётушкой Набат, закончилась в прошлом году. Причиной появления такого значения является возможность формирования словосочетания «keçən yay» в отдельную синтагму и вступления его в синтаксическую связь примыкания со сказуемым предложения.

3. Murtuz Karmenlə Cildanın atası Əsədin cəbhə dostu idi.

a. В тексте:

|Murtuz| | Karmenlə Cildanın atası | Əsədin cəbhə dostu idi |.

То есть: Karmenlə Cildanın atası Əsəd idi, Murtuz isə Əsədin cəbhə dostu idi. – Асад был отцом Кармен и Джильди, а Муртуз был фронтовым другом Асада. Причиной омонимии этого предложения является определительное словосочетание III типа «Karmenlə Cildanın atası». Это сочетание выступает определением к слову «Əsəd» и вместе с последним входит в одну синтагму.

b. Вне текста:

| Murtuz | Karmenlə Cildanın atası | , | Əsədin cəbhə dostu idi |.

То есть: Murtuz Karmenlə Cildanın atası idi, Əsədin isə cəbhə dostu idi. – Муртуз был отцом Кармен и Джильды и фронтовым другом Асада. А здесь это же самое сочетание как сказуемое предложения образует отдельную синтагму.

4. Deyəsən, konfransdan sonra təşkil olunacaq banketin xərcləri barədə nəsə soruşmuşdu.

a. В тексте:

То есть: Banket konfransdan sonra təşkil olunacaqdı. – Банкет должен был быть устроен после конференции. Об этом свидетельствует и предложение: «Sonra Kərimli ciddiləşib, qarşıda keçiriləcək hansı bir elmi konfrans barədəsə danışdı, qonaqları qarşılayacaq adamların siyahısını oxudu». – Потом Керимли, посерьёзнев, заговорил о намечающейся какой-то научной конференции и зачитал список лиц, которые будут встречать гостей.

Очевидно, что причиной омонимии предложения служит факт возможности вхождения сочетания «Konfransdan sonra» в разные синтагмы. Сочетание «Konfransdan sonra» в тексте входит в синтагму (причастный оборот + определительное словосочетание III типа + barədə), а вне текста – в отдельную синтагму.

b. Вне текста:

То есть: Təşkil olunacaq banketin xərcləri barədə konfransdan sonra nəsə soruşmuşdu. – О расходах устраиваемого банкета что-то спросил после конференции.

5. Haradansa topladığı bir dəstə qızı qəbiristanlığa gətirmişdi.

a. В тексте:

То есть: Haradansa topladığı bir dəstə qızı qəbiristanlığa gətirən Gövhər idi. – Человеком, приведшим собранную где-то группу девушек на кладбище, была Говхар. Об этом свидетельствует предложение: «İndi Gövhər əsl sevgi nümunəsi göstərirdi». – «Теперь Говхар представляла пример истинной любви», предшествующее рассматриваемому предложению. Омонимом последнего служит сочетание «bir dəstə». В тексте оно в форме «bir dəstə qız» употреблено в функции дополнения предложения и вступает со сказуемым в синтаксическую связь управления.

b. Вне текста:

То есть: Qızı haradansa topladığı bir dəstə vasitəsilə qəbiristanlığa gətirmişdi. – Девушку привела на кладбище в составе набранной где-то группы. А здесь сочетание «bir dəstə» как подлежащее предложения составило отдельную синтагму.

Наличие факта омонимии в приведённых выше предложениях можно в очевидной форме наблюдать, рассматривая их отдельно (в изолированном от текста виде) и в составе текста. В последнем случае омонимия этих предложений ограничивается посредством соседних предложений. Поэтому явление синтаксической омонимии наличествует в языке в скрытой форме и с первого взгляда не привлекает внимания: «Дело в том, что во многих случаях из синтаксически омонимичных вариантов мы выбираем один, руководствуясь контекстом или внеязыковой ситуацией. Поэтому

большинство носителей языка просто не замечает других возможных смыслов» [5].

Именно из-за скрытого характера данное явление языка мешает процессу полноценной передачи содержания текста при переводе. М. Ю. Масалова, учитывая эту особенность, пишет: «Достаточную опасность для качественного перевода представляет явление синтаксической омонимии, прежде всего потому, что переводчик часто сам не всегда улавливает двойственный смысл, появившийся в тексте» [6].

На наличие в языке явления синтаксической омонимии в первую очередь обращает внимание реципиент, то есть читатель или слушатель, выступающий в качестве воспринимающей информацию стороны. (Несомненно, на этот процесс серьёзным образом влияет аспект подхода к языковому материалу реципиента и владение им определённым теоретическим представлением о языке, в противном случае оставление факта омонимии вне поля зрения неизбежно). Реципиент для осознания воспринимаемой информации анализирует предложение, являющееся носителем данной информации. Он пытается уяснить информационный груз данного предложения и в отдельности, и посредством воспринятого текста (контекста). И переводчик в процессе перевода в первую очередь выступает как реципиент, поэтому он встречается с явлением синтаксической омонимии. Писатель же, который выступает в процессе коммуникации как сторона, передающая информацию, даже не представляет себе возможности наличия факта омонимии в предложениях, созданных им для передачи какой-либо информации: «Поэтому для обнаружения случаев омонимии требуется как бы встать на точку зрения читателя или слушателя, отдавать отчёт в том, что читающий не имеет в своём распоряжении ничего, кроме текста, при этом учитывать возможность разного понимания некоторых элементов этого текста » [7].

Отметим и то, что необходимость подхода к явлению синтаксической омонимии со стороны субъекта процесса коммуникации неразрывно связана с рассмотрением семантики текста в двух аспектах: «Соответственно семантика текста может рассматриваться в двух аспектах: автор/текст – тогда мы говорим о содержании текста и текст/реципиент – тогда речь идёт о смысле текста» [8, с. 39].

Явление синтаксической омонимии тесно связано со вторым аспектом семантики текста, то есть с отношением текс/реципиент, так как именно на этой стадии реципиент пытается выяснить значение предложений, являющихся составными частями текста, и поэтому бывает вынужден иногда встречаться с предложениями с фактом омонимии.

Библиографический список

1. Mahmudov M. Mətnin formal təhlili sistemi (Azərb. dilinin materialı əsasında). – Bakı: Elm, 2002. – 244 s.
2. Kazımov Q. Ş. Müasir Azərbaycan dili. Sintaksis. – Bakı: Təhsil, 2007. – 496 səh.
3. Колесников Н. П. Культура письменной речи (устранение омонимии в предложении). – Ростов: Издательство Ростовского университета, 1987. – 100 с.
4. Məmmədov İ. Forma və kontekst // ADU-nun Elmi əsərləri. Dil və ədəbiyyat seriyası. – Bakı, 1972. – № 2. – S. 54–60.
5. Неоднозначность на уровне словосочетания и предложения. http://www.files.school-collection.edu.ru
6. Масалова М. Ю. Адекватность перевода и явление синтаксической омонимии. http://www.t21.rgups.ru

7. Об одной проблеме стилистики (Случаи стилистической дефектности конструкций, соответствующих целям автора и отвечающих нормам языка) http://www.reader.boom.ru
8. Каменская О. Л. Текст и коммуникация: учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 152 с.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИМ СПОСОБОМ, В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Б. З. Алиева
Института языкознания им. Насими НАН Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

Summary. This article deals with the adjectives formed by the morphological way in the Azerbaijani and Italian Languages. The Adjective forming affixes-suffixes and prefixes are analysed on the basis of rich materials of these compared languages.

Key words: adjective, world-building, prefix, suffix, adjective-building suffixes, comparative analysis.

Азербайджанский язык является одним из языков, имеющих разветлённую структуру и отличающихся своеобразным лексическим, семантическим строем. Его совершенство предопределяется взаимосвязями с мировыми языками и в целом продуктивностью процессов словотворчества в языке. С этой точки зрения словообразование как одна из областей языкознания играет важную роль в обогащении языка новыми словами и выражениями. Способы словообразования, списанные в языкознании, наблюдаются в той или иной форме практически во всех мировых языках [1, с. 6]:

1. Морфологический способ словообразования.
2. Синтаксический способ словообразования.
3. Лексический способ словообразования.

В образовании частей речи азербайджанского языка широко используются вышеуказанные способы. Один из этих способов – морфологический, при котором отдельные аффиксы группируются по фонетическим особенностям, лексико-грамматическим признакам, смысловой последовательности, продуктивности и непродуктивности, создаёт условия для появления новых лексем в языке [1, с. 26].

Имя прилагательное, занимающее особое место среди частей речи, обозначает признак и качество предмета и эта особенность (признак, качество), будучи неотъемлемой частью вещественного бытия, доводится до слушателя посредством прилагательных [2, с. 95]. В образовании различных по структуре типов прилагательного (производные и сложные) широко используются способы словообразования. С этой точки зрения преимущественное положение занимает морфологический способ и такие его виды, как суффиксация и префиксация. Так как морфологический способ образования слов посредством инфиксации не характерен для азербайджанского языка, то он не используется и в образовании прилагательных [3, с. 154]. Уместным будет подчеркнуть, что в азербайджанском языке способ префиксации используется при образовании прилагательных лиц

от заимствованных слов [3, с. 153]. Здесь преобладают прилагательные, образованные морфологическим способом суффиксации.

Прежде чем дать классификацию прилагательных по структуре, коротко остановимся на их семантических группах. Имена прилагательные в азербайджанском языке по значению делятся на нижеследующие группы:

1. Обозначающие цвет: ağ (белый), qara (чёрный), sarı (жёлтый), yaşıl (зелёный), göy (синий) и др.

2. Обозначающие качество: ağıllı (умный), fərasətli (умелый), yaxşı (хороший), pis (плохой), boşboğaz (пустомеля) и др.

3. Обозначающие размер, объём по различным параметрам: uca (высокий), kiçik (маленький), uzun (длинный), alçaq (низкий) и др.

4. Обозначающие вкус: acı (горький), şirin (сладкий), turş (кислый), duzlu (солёный), istiotlu (перечный) и др.

5. Обозначающие внешний признак: çolaq (хромой), kifir (некрасивый), gözəl (красивый), kor (слепой), keçəl (лысый) и др. [4, с. 67].

По структуре прилагательные делятся на три вида: простые, производные и сложные. Так как производные прилагательные связаны непосредственно с морфологическим способом словообразования, то будет уместным остановиться на них подробнее [2, с. 106]. Прилагательные, состоящие из корня и словообразовательных аффиксов, называются производными прилагательными. Следует отметить, что в азербайджанском языке в отличие от других частей речи прилагательное не образуется от прилагательных [2, с. 104]. Прилагательные в азербайджанском языке образуются двумя путями:

1. Прилагательные, образованные от существительных.
2. Прилагательные, образованные от глаголов.

Наряду с указанной основной классификацией в азербайджанском языке прилагательные образуются также от некоторых наречий, выражающих в основном понятие времени (səhər–утром, axşam–вечером, dünən–вчера, çoxdan–давно), путём прибавления к ним аффикса -**kı**[4]: səhərki (утренний), axşamkı (вечерний), çoxdankı (давний), dünənki (вчерашний) и др. [4, с. 67].

Аффиксы, образующие прилагательное от имён существительных, делятся на различные группы. Данные аффиксы можно назвать производительными, так как они, присоединяясь к существительным, участвуют в образовании многочисленных прилагательных [1, с. 31]. Вкратце рассмотрим их:

-Lı[4] – данный аффикс участвует в образовании разнообразных по значению прилагательных и является одним из производительных аффиксов. Присоединяясь не только к простым существительным, но и к производным отглагольным существительным, образует прилагательное: dözüm (терпение) – dözümlü (терпеливый), gəlir (доход) – gəlirli (доходный), bacarıq (умение) – bacarıqlı (умелый) и др. Имеет нижеследующие особенности. [2, с. 106].

1. Способствует выделению одного из признаков, свойственных предмету, и различению предмета по данному признаку: ağıllı (умный), cəsarətli (смелый), duzlu (солёный), düşüncəli (разумный), fərasətli (умелый) и др.

2. Показывает состав предмета: zülallı (белковый), spirtli (спиртовый), zəhərli (ядовитый), duzlu (солёный), qazlı (газовый) и др.

3. Выражает принадлежность предмета к той или иной группе, течению, территории: məktəbli (школьный), şəhərli (городской), kəndli (деревенский), bakılı (бакинский), gəncəli (гянджинский) и др.

-Sız⁴ – данный аффикс участвует в образовании прилагательных с отрицательным значением, выражающих отсутствие или недостаток определенного признака, качества: ağılsız (безумный), duzsuz (несолёный), cəsarətsiz (несмелый), dadsız (невкусный), dözümsüz (нетерпеливый) и др. (2, с. 106).

-Kı⁴ – участвует в образовании прилагательных от существительных и наречий, обозначающих время. Основное отличие данного аффикса от других заключается в том, что он может употребляться и после словоизменяющих аффиксов. Например образует прилагательные со структурой **ın⁴+kı⁴, da²+kı⁴:** şəhərin–şəhərinki (городской), rayonun–rayonunku (районский), qohumun– qohumunku (принадлежащий родственнику), qəlbin–qəlbindəki (душевный) и др. [2, с. 107].

1.Присоединяясь в основном к существительным и наречиям, образует прилагательные со значением времени: səhərki (утренний), axşamkı (вечерний), indiki (сегодняшний), çoxdankı (давний), dünənki (вчерашний) и др. [4, с. 9].

2. Образует прилагательные, обозначающие время и место, от существительных со значением времени и места: yazdakı (весенний), qışdakı (зимний), payızdakı (осенний), yoldakı (дорожный), evdəki (домашний) и др.

-Cıl⁴ – данный аффикс образует прилагательные как от простых, так и производных существительных, и подобные прилагательные обозначают в основном качества, присущие людям, или же качества событий, связанных с людьми, показывают склонность людей к тому или иному предмету, событию: ünsiyyətcil (общительный), zarafatcıl (шутник), yuxucul (соня), kefcil (весельчак) и др. [2, с. 108].

-Lıq-lik-luq-lük – данный аффикс служит для образования прилагательного как от существительных, так и числительных и местоимений. Присоединяясь к существительным, выражающим понятие времени, объём и вес, местоимениям mən (я), sən (ты) – biz (мы), siz (вы) а также числительным, образует прилагательные с различными значениями: aylıq (plan) – месячный (план), həftəlik (iş) – недельная (работа), illik (təqvim) – годовой (календарь), beşlik (mismar) – пятисантиметровый (гвоздь), onluq (lampa) – десятисвечовая (лампа), donluq (parça) – платьевая (материя), dolmalıq (ət) – (мясо) на долму, sənlik (iş) – твоя (работа), bizlik (məsələ) – наш (вопрос) и др. [4, с. 70].

Наряду с указанными аффиксами в азербайджанском языке имеется и единственный аффикс **-ı⁴**, образующий прилагательные как от существительных, так и глаголов: badımcanı (фиолетовый), narıncı (оранжевый), qızılı (золотистый), duru (прозрачный), quru (сухой), dolu (полный) и др. [2, с. 109].

В целом аффиксы, образующие прилагательное от существительного, считаются производительными, но наряду с таковыми существует и малочисленная группа непроизводительных аффиксов:- **sal,-man,-lam,-sul, -i, -vi, -anə:** şairanə (поэтический), yoxsul (бедный), qumsal (песчаный), kütləvi (массовый), tənqidi (критический), qocaman (престарелый, маститый) и др. [2, с. 110].

Если морфологический способ суффиксации широко используется в азербайджанском языке, то префиксация характерна лишь для заимствованных слов. С этой точки зрения прилагательное – единственная часть речи, в образовании которой используются префиксы, и эти префиксы перешли в азербайджанский язык из арабского и персидского языков [4, с. 71]:

Bi- - соответствует аффиксу **sız⁴** в азербайджанском языке: bivəfa (неверный), binamus (бесчестный)), biədəb (невоспитанный) и др.

Ba- - соответствует аффиксу **lı⁴** в азербайджанском языке: baməzə (смешной), basəfa (живописный) и др.

Na- - в азербайджанском языке имеет соответствие в виде приложения ***olmayan-etməyən*** причастий: nanəcib (nəcib olmayan)-неблагородный, namərd(mərd olmayan) – вероломный, naşükür(şükür etməyən) –неблагодарный и др. [4, с. 73].

Наряду с данными префиксами имеются и некоторые суффиксы, заимствованные из арабского и персидского языков: **-pərəst, -pərvər, -xah-dar, -baz**: xəyalpərəst (мечтательный), kələkbaz (плутливый), vətənpərvər (патриотический), xeyirxah (доброжелательный), evdar (домовитый), dindar (религиозный) и др. [4, с. 73].

Что касается прилагательных, образованных от глаголов, то они во многих книгах по грамматике отождествляются с причастиями. Если учесть существенные различия, имеющиеся между указанными частями речи, то можно увериться в ошибочности данного суждения. Так, причастия сохраняют в себе признаки, свойственные глаголам, и в них проявляются все категории глагола (отрицательность, время, возможность употребления с наречием, переходность), а прилагательные, образованные от глагола, выражая признак и качество предмета, не имеют особенностей, присущих глаголу [2, с. 110]. К аффиксам, образующим прилагательное от глагола, относятся нижеследующие:

-Icı⁴ – присоединяясь к переходным глаголам, образует прилагательное: yandırıcı (жгучий), qoruyucu (оберегающий), zəhərləyici (отравляющий), çürüdücü (разлагающий, сворачивающий (о молоке) и др.

-Qın-kin; -qun-kün: küskün (обидчивый), tutqun (пасмурный, тусклый), kəskin (резкий), çaşqın (растерянный) и др.

-Ğın-gin; -ğun-gün: – образуют прилагательные, обозначающие состояние, качество: yorğun (усталый), qızğın (горячий), solğun (бледный), süzgün (плавный), düzgün (правильный) и др. [4, с. 74].

-Ağan-əyən – образует прилагательные как от переходных, так и непереходных глаголов: güləyən (смешливый), qaçağan (скачущий), küsəyən (обидчивый), vurağan (бодливый) и др.

-Ma-mə: burma (кручёный), uydurma (вымышленный), gəlmə (пришлый), düzəltmə (производный) и др. [4, с. 75].

-Iq-ik; -uq-ük; q-k: образуют от глаголов прилагательные, обозначающие в основном признак: yanıq (горелый), uçuq (обрушенный), sökük (распоротой), soyuq (холодный), əzik (мятый) и др. [2, с. 111].

Как и в случае аффиксов, образующих прилагательные от существительных, среди аффиксов, образующих прилагательные от глаголов, встречаются однавариантные непродуктивные аффиксы: **-əri, -c, -unc, -cam, -caq, -ülü, -ım, -qan, -ünc:** köçəri (кочевой, перелётный), qorxunc (страшный), gülünc (смешной), yığcam (сжатый), qısqanc (ревнивый),

qıvrım (кудрявый), çalışqan (трудолюбивый), utancaq (застенчивый) и др. [2, с. 112].

Итальянский язык выделяется своим совершенством среди европейский языков. В итальянском языке, имеющем разветвлённую структуру, прилагательные используются так же широко и играют важную роль среди частей речи (в итальянском языке части речи именуются le parti del discorso). В отличие от азербайджанского языка в итальянском языке прилагательные по структуре делятся на четыре группы:

1. Aggettivi primitivi – простые прилагательные без аффиксов: ***rosso (красный), nero (чёрный), cattivo (плохой), bianco (белый)*** и др. (7).

2. Aggettivi derivati – производные прилагательные, образованные как от других частей речи – существительного, глагола, так и самих прилагательных, при помощи префиксов и суффиксов (poet–поэт, poetico – поэтический, fiducia – вера, fiducioso–надёжный, comodo – удобный, scomodo – неудобный, dimenticare–забыть, dimenticabile – забытый).

3. Aggettivi alterati – производные прилагательные, образованные только от самих прилагательных (furbo – хитрый, furbone – хитрый, piccolo – маленький, piccolino – крошечный) [7].

4. Aggettivi composti – сложные прилагательные, состаящие из двух и более компонентов (sordomuto – глухонемой, bianconero – чёрно-белый) [8].

В итальянском языке используются все три вида морфологического способа словообразования, но суффиксация и префиксация имеют большую актуальность [3, с. 154]. В отличие от азербайджанского языка в итальянском языке прилагательные образуются как от существительных, глаголов, так и от самих прилагательных. Вначале рассмотрим прилагательные, образованные от существительных, и аффиксы, образующие их:

-Co – в азербайджанском языке соответствует аффиксам **anə, i-vi,** образующим прилагательные от существительных: economia–экономика, economico–экономический; politica–политика, politico–политический; poeta–поэт, poetico–поэтический и др. [5, с. 67].

-Oso – в итальянском языке образует прилагательные как от существительных, так и глаголов и соответствует в азербайджанском языке аффиксам **lı**[4] и **qan:** avventura – приключение, avventuroso – приключенческий; rischio – риск, rischioso – рискованный; rumore – шум, rumoroso – шумный и др. [5, с. 68].

-Ale – образует прилагательные, обозначающие признак, качество, время: regione – регион, regionale – региональный; industria – промышленность, industriale–промышленный (prodotto industriale – промышленный продукт); mondo – мир, mondiale – мировой; anno – год, annuale – годовой (il progetto annuale – годовой план) и др.

-İsta – образует прилагательные, выражающие характер и качество: ego – я, egoista – эгоист; pessimismo – пессимизм, pessimista–унылый, пессимист (persona pessimista–унылый человек) и др. [6, с. 45].

-İle – образует прилагательные от существительных латинского присхождения: giovane–молодой(существительное), giovanile – молодой (прилагательное – carattere giovanile – с молодым характером); primavera–весна, primaverile – весенний (прилагательное – l`aria primaverile–весенная погода) и др. [8].

Ввиду того, что в рамках одной статьи невозможно классифицировать все аффиксы, образующие прилагательные от существительных в итальянском языке, были рассмотрены наиболее употребительные из них. Как видно из вышеприведённых примеров, данные аффиксы в итальянском языке с морфологической точки зрения образуют прилагательные, часть которых переводится на азербайджанский язык определительными словосочетаниями I и II типа, что связано с синтаксическими и семантическими различиями, существующими между двумя языками.

В итальянском языке прилагательные образуются и от самих прилагательных, для чего используются как префиксы, так и суффиксы [9]. Рассмотрим некоторые примеры:

-S, –dis, –in, –im: данные префиксы, обозначающие отрицание, образуют прилагательные с отрицательным значением от прилагательных с позитивным значением: cortese – вежливый, scortese – невежливый; comprensibile – понятный, incomprensibile – непонятный; onesto – совестливый, disonesto – бессовестный; possibile – возможный, impossibile – невозможный [6, с. 50].

Что касается суффиксов, образующих прилагательные от прилагательных, то они в основном служат увеличению или уменьшению признака в значении прилагательных (одним словом, показывают степени прилагательного). Рассмотрим наиболее употребительные из них [9]:

-İno, –etto: образуют уменьшительно-ласкательные прилагательные, в азербайджанском языке соответствуют **-cığaz[4], -cıq[4]:** piccolo–маленький, piccolino, piccoletto–крошечный; brutto–некрасивый, bruttino–очень некрасивый, уродливый и др. [10].

-One – образует прилагательные с усилительным значением: furbo – хитрый, furbone – очень хитрый; pigro – ленивый, pigrone – очень ленивый (10).

-Astro – выражает отрицательное значение, малоупотребителен [7]: dolce – сладкий, dolcastro – плохой сладкий, приторный.

В большинстве случаев прилагательные, исползуемые в итальянском языке, переводятся на азербайджанский язык как есть, но в итальянском языке имеются и такие отглагольные прилагательные, которые переводятся на азербайджанский язык только как причастия: perdonare – bağışlamaq (простить), perdonabile – bağışlanan(прощённый); dimenticare – unutmaq (забыть), dimenticabile – unudulan (забытый). Это связано с различной морфологической структурой указанных языков. Что касается прилагательных, образованных от самих прилагательных, (gli aggettivi derivati), то хотя суффиксы, образующие их **(–astro, –etto, –uccio, –one, -ino),** в итальянском языке считаются словообразовательными (лексическими), они на азербайджанский язык или вовсе не переводятся, или же во многих случаях переводятся как прилагательные, образованные синтаксическим способом [2, с. 124]. Например, furbo – hiyləgər (хитрый), furbone – çox hiyləgər (очень хитрый); rosso – qırmızı (красный), rossino – açıq qırmızı (светло-красный); dolce – şirin (сладкий), dolcastro – turşa şirin (кисло-сладкий) [10].

Рассмотрим основные аффиксы, участвующие в образовании прилагательных от глаголов:

-Ante: rilassare-rahatlamaq (сделать удобным), rilassante-rahatlayıcı (делающий удобным); brillare-parıldamaq (блестеть), brillante-parlaq (блестящий) [9].

-Oso: studiare – oxumaq (учиться), studioso – çalışqan (трудолюбивый); fidarsi – inanamaq (верить), fiducioso – etibarlı, inamlı (надёжный) [6, с. 45].

-Bile: comprendere – başa düşmək (понимать), comprensibile – başa düşülən (понятный); dimenticare – unutmaq (забыть), dimenticabile – unudulan (забытый) [10].

-Ale: ospitare – qonaq etmək (угостить), ospitale – qonaqpərvər (гостеприимный) [9].

Рассмотренные примеры доказывают, что словотворчество будучи значимым лингвистическим явлением в различных по происхождению и структуре языках, играет важную роль в образовании новых слов. Широкое использование прилагательных, образованных морфологическим способом, можно квалифицировать как вклад словообразования в развитие азербайджанского и итальянского языков.

Заключение

Исследование обширного материала в статье позволяет заключить, что прилагательное и пути его образования морфологическим способом в азербайджанском и итальянском языках имеют как схожие, так и отличительные черты. Как в азербайджанском, так и в итальянском языках большинство прилагательных образуются от глаголов и существительных. Исключение составляет то, что в итальянском языке прилагательное образуется и от прилагательного, тогда как в азербайджанском языке этого правила нет. Другим отличием является то, что в итальянском языке морфологический способ префиксации используется при образовании не только прилагательных, но и других частей речи, тогда как в азербайджанском языке при образовании прилагательных используются лишь заимствованные префиксы и способ префиксации не свойственен другим частям речи.

АНТОНИМЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Г. М. Байрамова
Институт языкознания им. Насими
Национальной академии наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан

Summary. This article deals with the analysis antonyms and their peculiarities in the Azerbaijani and Italian languages. The ways of formation and the role of antonyms in both above-mentioned languages are studied in this article as well.

Key words: antonym,verb, noun, vocabulary.

Язык каждого народа – зеркало его многовековой истории, культуры, мировоззрения. Азербайджанский и итальянский языки относятся к различным языковым семьям и географическим ареалам. Это позволяет понять, насколько удалены мышление и цивилизации, породившие их.

Совокупность слов в языке называется лексикой. С. Джафаров отмечает, что «слово курсив перешло в азербайджанский из русского» [1, с. 6]. Данное слово произошло от латинского «lexikos» и означает «относящий-

ся к словарю». С этой точки зрения можно считать, что под лексикой языка подразумеваются все слова, входящие в его словарный состав.

Противопоставление слов по значению в языкознании называется антонимией. Слово «антоним» произошло от латинских «anti» – противоположный и «onyma» – имя и в языкознании используется как единый термин. В лексике особенность слов выражать противоположные друг другу значения квалифицируется как наиболее яркая и интересная их сторона. Однако антонимия никак не может быть отнесена ко всем языковым единицам. В лексикологии антонимы, как и лексические синонимы, обычно относятся к одной и той же части речи и выявляются на основании полной противопоставленности выражаемого ими значения. Наряду с этим понятие антонимии оценивается исключительно с семантической точки зрения. Антонимы в отличие от омонимов и многозначных слов различаются по написанию и звучанию и являются средствами выражения совершенно противоположных значений. При сопоставлении антонимов подразумевается противоположный признак общего значения какого–либо признака, качества, действия. Например: eqoist (эгоист) – altruist (альтруист), gözəl (красивый) – çirkin (некрасивый), oturmaq (сидеть) – durmaq (встать), hündür (высокий) – alçaq (низкий), ağıllı (умный) – dəli (сумасшедший) и др. Существующие в обществе различия отразились в человеческом языке как противопоставления. Это объясняется тем, что окружающие людей сущности имеют противоположные особенности. Например: isti (горячий) – soyuq (холодный), tez (быстро) – gec (медленно), gündüz (день) – gecə (ночь). Точно также и в итальянском языке антонимы «gli antonimi» – это терминологическое обозначение в лексикологии лексических единиц с противоположным значением. В качестве примера можно перечислить следующие антонимы в итальянском языке: bello (красивый) – brutto (уродливый) , giovane (молодой) – vecchio (старый), alto (высокий) – basso (низкий), largo (широкий) – stretto (узкий), andare (ходить) – venire (приходить), salire (подниматься) – scendere (спускаться) и др.

Согласно вышеуказанному антонимами называются слова, различные по написанию и звучанию. Однако в некоторых случаях мы становимся свидетелями употребления одной и той же лексической единицы в антонимических значениях. В предложении : «Əhsən! İmtahanlarının hamısından kəsildin» («Молодец! Срезался со всех экзаменов) слово «əhsən» использовано в отрицательном экспрессивном значении и тождественно лексеме «ayıb olsun» («стыдно»). В контексте данное словоупотребление служит усилению иронии, повышению образности. А в предложении «Əhsən, mübarizədə qalib gələnlərə!» («Хвала одержавшим победу в борьбе!») «əhsən» использовано в прямом значении, антонимичном значению данного слово в первом примере.

Лексические антонимы встречаются во всех знаменательных частях речи. Однако следует отметить, что антонимы проявляются более ярко в прилагательных, наречиях, глаголах. Немало слов-антонимов и среди существительных. Но у некоторых существительных с конкретным значением, числительных, местоимений, а также нарицательных имен антонимов в языке не существует. Например: к словам «qapı» (дверь), «qələm» (ручка), «televizor» (телевизор), «qab» (посуда) обозначающим конкретный предмет, или числительным «bir» (один), «iki» (два), «beş» (пять) невозможно найти слова с антонимическим значением.

По отношению к знаменательным частям речи антонимы классифицируются нижеследующим образом:

6. Антонимы, обозначающие признак. К данной группе относятся такие прилагательные, как «arıq» (худой) – «kök» (толстый), «balaca» (маленький) – «böyük» (большой), «acı» (горький) – «şirin» (сладкий), «isti» (горячий) – «soyuq» (холодный), «təzə» (новый) – «köhnə» (старый), «yaş» (мокрый) – «quru» (сухой), «dayaz» (неглубокий) – «dərin» (глубокий), «bərk» (твёрдый) – «yumşaq» (мягкий) и др.

7. Антонимы, обозначающие состояние, действие. Это в основном глаголы, связанные с человеческой деятельностью: «gülmək» (смеяться) – «ağlamaq» (плакать), «gətirmək» (принести) – «aparmaq» (унести), «danışmaq» (говорить) – «susmaq» (молчать), «vermək» (дать) – «almaq» (взять), «küsmək» (поссориться) – «barışmaq» (помириться) и др.

8. Слова существительные, обозначающие предмет, имя, также могут выступать в качестве антонимов: «işıq» (свет) – «kölgə» (тень), «şimal» (север) – «cənub» (юг), «qələbə» (победа) – «məğlubiyyət» (поражение), «müharibə» (война) – «sülh» (мир), «astar» (изнанка) – «üz» (лицо) и др.

9. Слова-антонимы, выраженные наречием: «əvvəl» (начало) – «axır» (конец), «başlanğıc» (пролог) – «son» (эпилог), «səhər» (утром) – «axşam» (вечером), «tez-tez» (часто) – «gec-gec» (редко), «içəri» (внутрь) – «çöl» (наружу), «aşağı» (вниз) – «yuxarı» (наверх), «üst» (над) – «alt» (под) и др.

Антонимы можно группировать и по выражаемому ими значению:

- антонимы, связанные со временем: «qış» (зима) – «yay» (лето), «qədim» (древний) – «müasir» (современный), «ötən» (прошедший) – «gələn» (будущий);
- антонимы, связанные с природными явлениями: «işıq» (свет) – «kölgə» (тень), «gündoğan» (восток) – «günbatan» (запад);
- антонимы, связанные с пространством: «dağ» (гора) – «dərə» (овраг) и др.

При анализе антонимов их можно группировать и по структуре. Так, антонимы, будучи разнокорневыми и однокоренными, делятся на две группы. Примеры разнокорневых антонимов: «səhər» (утро) – «axşam» (вечер), «ağ» (белый) – «qara» (чёрный), «tez» (быстро) – «gec» (медленно), «alçaq» (низкий) – «hündür» (высокий), «pis» (плохой) – «yaxşı» (хороший) и др. Примеры однокоренных антонимов: «dözümlü» (терпеливый) – «dözümsüz» (нетерпеливый), «gəlmək» (прийти) – «gəlməmək» (не прийти), «kişi» (мужчина) – «nakişi» (не мужчина), «şərəfli» (порядочный) – «şərəfsiz» (непорядочный), «normal» (нормальный) – «anormal» (ненормальный), «saymaq» (считать) – «saymamaq» (не считать), «vəfalı» (преданный) – «vəfasız/bivəfa» (непреданный) и др. Однокоренные антонимы – это антонимы, подвергнутые грамматическим изменениям и образованные путём прибавления аффиксов. Однокоренные антонимические слова в соответствии с законами азербайджанского языка могут образовываться посредством прибавления аффиксов отрицания. Сюда относятся аффиксы «ma», «mə», «sız», «siz» и др.; «oxumaq» (читать) – «oxumamaq» (не читать), «gülmək» (смеяться) – «gülməmək» (не смеяться), «bilmək» (знать) – «bilməmək» (не знать), «görmək» (видеть) – «görməmək» (не видеть) и т. п. В данную группу, как правило, входят слова, обозначающие действие, со-

стояние: «faydalı» (полезный) – «faydasız» (бесполезный), «səsli» (звучный) – «səssiz» (беззвучный), «dəyərli» (ценный) – «dəyərsiz» (не имеющий ценности) и др. Как видно из данных примеров оба антонима имеют аффиксы. Если антонимом прилагательного «səsli» (звучный) является лексическая единица «səssiz» с отрицательным аффиксом, то антонимом существительного «səs» (звук) будет «sükut» (тишина). С этой точки зрения антонимы делятся на простые и производные. То есть простые антонимы образуются без участия аффиксов. Например: «ağ» (белый) – «qara» (чёрный), «düz» (правильный) – «səhv» (ошибочный), «gec» (поздний) – «tez» (ранний), «sadə» (простой) – «mürəkkəb» (сложный), «pis» (плохой) – «yaxşı» (хороший), «az» (мало) – «çox» (много) и др. К производным антонимам относятся слова, ставшие антонимами в результате прибавления к ним аффиксов: «qaydalı» (с правилами) – «qaydasız» (без правил), «bəxtli» (везучий) – «bəxtsiz» (невезучий), «namuslu» (порядочный) – «namussuz» (непорядочный) и др. Следует отметить, что некоторые однокоренные антонимы образуются за счёт заимствованных аффиксов. Например: «məlum» (известный) – «naməlum» (неизвестный), «məhrəm» (свой) – «naməhrəm» (чужой), «normal» (нормальный) – «anormal» (ненормальный), «faşist» (фашист) – «antifaşist» (антифашист) и др. Говоря об антонимах в итальянском языке, следует отметить, что языковеды провели классификацию антонимов в соответствии с их особенностями (10, p. 28). Так, если антонимы отражают две различные стороны одного семантического круга, то они называются «**contrari mediati**» или же «**contrari graduali**» – градационные антонимы; если они показывают две возможные различные стороны какого-либо определённого семантического круга, то называются «**contrari immediati**» или «**bipolari**» – дополняемые противоположные по значению слова; если же антонимы показывают две абсолютно различные стороны определённого семантического круга, то называются «**contrari assoluti**» или **«contradittori»**, то есть слова с совершенно противоположным значением. Примером «contrari mediati» может служить пара «vicino» – «lontano», то есть «близкий» – «далёкий», с семантической точки зрения – «более далёкий предмет к отношению к какому-либо близкому предмету», т. е. здесь антонимы могут приобрести оттенок степени. Также если мы проанализируем антонимы «caldo» – «freddo» (горячий – холодный), то увидим что и здесь «горячий» и «холодный» могут иметь образные оттенки степени как то «холодный относительно кипятка, горячий относительно тёплого». В качестве примера «contrari immediati» можно привести антонимы «nubile» – «coniugato», то есть «холостой» – «женатый». Понятие «nubile» с семантической точки зрения наряду со значением «non coniugato» (незамужняя) может выражать и такие значения, как «fidanzato» (обручённый), желающий обручиться, «nubile di fatto» – совместно проживающая (но не женатая пара) или просто не желающий жениться. Примером «contrari assoluti» может служить «morale» – «amorale» (моральный – аморальный). Хотя «contrari mediati» показывают в какой-то степени различия определённого семантического поля «vicino» – «lontano» (близкий – далёкий), по сути здесь подразумевается удалённость относительно какой-либо точки. С этой точки зрения мы вместо «vicino» можем образовать «non lontano» путем прибавления отрицательного слова. Однако имеются такие слова, например, «nonno» (дед) – «nipote» (внук), «marito» (муж) – «moglie» (жена), «padre» (отец) – «figlio» (сын), где отрицание не даёт антонимического значения в

виду их принадлежности к различным семантическим сферам, и они приобретают антонимичность лишь при взаимном употреблении.

Особый интерес представляет структурный анализ антонимов итальянского языка. В итальянском языке имеется множество префиксов, прибавлением которых к началу слова возможно получить противоположное значение. К таким префиксам относятся «a», «de», «dis», «in», «s» и др. Например, такие антонимические слова, как «normale» (нормальный) – «anormale» (ненормальный), «motivato» (мотивированный) – «demotivato» (немотивированный), «pari» (равный) – «dispari» (неравный), «abbelire» (украшать) – «disabbelire» (портить), «abitato» (жилой) – «disabitato» (безлюдный), «sicuro» (уверенный) – «insicuro» (неуверенный), «successo» (успех) – «insuccesso» (неудача), «accettabile» (приемлемый) – «inaccettabile» (неприемлемый), «cortese» (вежливый) «scortese» (невежливый) и т. п., образованы путём прибавления именно вышеперечисленных префиксов. В итальянском языке антонимические слова относятся в основном к качествам относительных признаков. Больше всего антонимов здесь встречается среди прилагательных, обозначающих качество. Так, прилагательные «bello» и «brutto», «giovane» и «vecchio» – относительные антонимы. С этой точки зрения слово «forte» (сильный) может быть антонимом как к слову «debole» (слабый), так и к словам «fiacco» (бессильный, утомлённый), «gracile» (рыхлый, слабый). А это показывает, что относительные антонимы в зависимости от контекстуального оттенка значения могут вступать в связь с различными словами с противоположным значением. Однако очень часто слова, обозначающие признак, во втором значении противопоставлений не имеют. Например, прилагательное «dolce» (сладкий) в своём основном значении антонимично слову «amaro» (горький). Но «dolce» во втором значении – «дорогой» («La mia dolce figlia» – «Моя дорогая дочка») – антонима не имеет. В итальянском языке антонимы характерны и для существительных. Здесь они также выражают относительность. Например,слово «amore» (любовь), обозначая относительное чувство, является антонимом слова «odio» (ненависть) , а «veritá» (истина) – слова «bugia» (обман). Отрицание какого-либо признака или состояния вовсе не всегда обозначает противоположность. Например: «Il vestito non è fresco» – здесь «fresco» может употребляться как в значении «новый», так и «чистый». Или же, когда говорят «Il bambino non piange», здесь слово «non piange» – «не плачет» не означает «смеётся».

Встречаются и глагольные антонимы, которые могут быть как однокоренными, так и разнокоренными. Примеры разнокоренных антонимов: «prendere» (взять) – «dare» (дать), «andare»(ходить) – «venire» (приходить), «parlare»(говорить) – «tacere» (молчать), «alzarsi» (вставать) – «sedersi» (сидеть), «arrabiarsi» (злиться) – «calmarsi» (успокаиваться), «entrare» (входить) – «uscire» (выходить) и др. Однокоренные антонимы обычно образуются путём прибавления отрицательных префиксов к началу слова: «felice» (счастливый) – «infelice» (несчастный), «abile» (способный) – «inabile» (неспособный) и др. Помимо этого составные глагольные антонимы встречаются как в итальянском, так и в азербайджанском языках: «essere felice» (быть счастливым) – «essere triste» (быть грустным), «avere ragione» (быть правым) – «avere torto» (быть неправым) и др.

Заключение

Как в азербайджанском языке, так и в итальянском антонимы относятся к одной и той же части речи и выражают противоположные значения. Помимо этого в обоих языках антонимы делятся на однокоренные и разнокоренные. Например: «asan/facile» (лёгкий) – «çətin/difficile» (трудный) – разнокоренные антонимы; «sicuro» (уверенный) – «insicuro» (неуверенный), «namuslu» (честный) – «namussuz» (бесчестный) – однокоренные антонимы. В целом, антонимические слова, будучи одним из самых ярких выразительных средств любого языка, играют важную роль в отражении языковых особенностей, качеств. В художественном языке, особенно в языке поэзии, антонимы служат образному противопоставлению различных явлений.

Библиографический список

1. Cəfərov S. Müasir Azərbaycan dilinin leksikası. – Bakı, 1958.
2. Алиссова Т. Б.,Современная италянское языкознание. – 1971.
3. Черданцева Т. З. Очерки по лексикологии италянского языка. – 1982.
4. http://www.lingvotech.com/lexics
5. http://www.traktat.com/language/book/index.php
6. http://www.portal-slovo.ru/philology, Жданова Л. А
7. http://parole.virgilio.it/parole/sinonimi_e_contrari
8. G. Pittano Sinonimi e contrari: dizionario fraseologico delle parole. – Bologna, Zanichelli, 1997.
9. http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistica
10. http://books.google.ru/books

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЛОВА «BAŞ» – «ГОЛОВА» В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

М. Г. Гадимова
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. A word «baş» and other words which are names of human bodies, have more ample opportunities from the point of view of a polysemyc and internal semantic loading. Lexica-semantic and structural-semantic development of a word «baş» – "head" in the Azerbaijan and Russian languages which are unrelated, разноструктурными, have both similarity, and distinctions.

Key words: lexica-semantic development of words, Azerbaijan language, Russian language.

Известный азербайджанский языковед, акад. А. А. Ахундов отмечает, что «…второй особенностью лексико-семантической системы языка является непосредственная связь внешней структуры языка, стилей языка и речевой деятельности с различными коммуникативными сферами. Третьей особенностью лексико-семантической системы является то, что лексико-семантические категории подразделяются по различным и многочисленным семантическим основам» [2, с. 123].

У существительных тюркских языков наряду с лексико-семантическим развитием наблюдаются и семантико-структурные изменения и развитие. Об этом говорится в сборнике статей «Историческое

развитие лексики тюркских языков»: «Затем то, что было сделано по отдельным языкам, объединялось в один очерк исторического развития данной лексико-семантической группы по всем тюркским языкам. На этом этапе авторы столкнулись с очень большими трудностями, прежде всего, с недостатком фактического материала. Так, например, до сих пор нет национально-русских словарей по целому ряду даже литературных тюркских языков, а многие из имеющихся словарей содержат лишь минимальные материалы для наблюдения по развитию значений слов. Почти совершенно отсутствуют диалектологические словари по тюркским языкам, которые могли бы существенно дополнить картину исторического развития лексики тюркских языков» [см. об этом:5].

В данной работе исследуется лексико-семантическое и структурно-семантическое развитие слова «baş» – «голова» в азербайджанском и русском языках, которые являются неродственными, разноструктурными.

Мы здесь вместе с семантическим развитием слов будем говорить об их структурных особенностях, так как «если внешний признак, звуковой состав языковых единиц считается материальным, то внутренний признак, значение считается идеальным». С этой точки зрения мы можем сказать, что с принятия словом аффикса определяется его семантическая нагрузка внутри текста: əkmək – əkilmək, fənər – fənərləmək, çırpmaq – çırpışdırmaq и т.д. То же самое можно наблюдать и в русском языке: показываться, красоваться, телятина, дубина, балбес и т.д. Естественно, здесь мы должны учитывать мотивированность.

Однозначно можно сказать, что семантическое развитие слов в языке появляется в синтаксической связи с другими словами. Это явление в лингвистике называется семантической валентностью. Естественно, возникновение многозначности, приобретение словом омонимичности является результатом именно синтаксического процесса. Собственно это может браться как общее свойство для языков мира. По нашему мнению, здесь общим свойством является и то, что слово является психолингвистической единицей, и приобретение этой единицей новой семантики в различных языках свидетельствует о широкой выразительности национального языка. С этой точки зрения наблюдаются аналогичные особенности в семантико-структурном развитии слов «baş» – «голова» и «böyük» – «большой» в азербайджанском и русском языках. Исследования показывают, что в древнетюркских памятниках не наблюдается употребление слова «böyük» – «большой». Для выражения данного признака использовалось слово «irik» – «большой». Адекватная семантика в некоторых случаях выражалась с помощью слова «uluq». Здесь слово «uluq» выражало значения «великий, большой, высокий, вожак, выдающийся, весьма, передний и т. д.». Слово «böyük» – «большой» не во всех случаях имело возможность заменить слово «baş» – «голова». Считаем, что эти слова нельзя считать синонимами, выражающими одинаковое значение. Мы можем сказать «böyük qardaş» – «старший брат», но нельзя говорить «baş qardaş» – «главный брат», в том числе выражение «baş kələm» – «кочанная капуста» допустимо, а «böyük kələm» – «большая капуста» – нет. Поэтому мы полагаем, что слово «baş» – «голова» по сравнению со словом «böyük» – «большой» имеет больше значений. Основной причиной этого является то, что имя существительное является более древней частью речи. Высока динамичность их употребления в языке [1, 6].

Интересно, что и в русском языке слово «большой» находится в статично-недвижимом состоянии. Конечно, впоследствии оно, семантически и структурно развиваясь, обозначало значения «старший», «главный», но сохраняло семантику «голова», то есть слово голова семантически развивалось больше.

Мы тоже считаем, что слова, существующие в любом языке, не выражая различные значения, теряют продуктивность, уходят из языка и архаизируются. Или подобные слова либо теряют перспективу развития, либо сужаются по значению.

Если обратить внимание, можно увидеть, что слово «baş» было употреблено в тюркских языках, как человеческий орган, так и в других значениях. По нашему мнению, названия человеческих органов, употребляемые как различные многозначные единицы, сохранили в себе разные семантики. Должны учитывать и то, что названия отдельных органов, в том числе слово «baş» – «голова» иногда меняет свое предназначение для людей, животных и неживых существ: если в значении «beş baş qoyun» – «пять голов овец» слово «baş» выступает как нумеративное слово, тогда как выражение «beş baş kələm» – «пять кочанных капуст», относясь к предмету, конкретизирует его. В живом разговорном языке иногда употребляется «beş baş ailə» – «пять голов семьи»; человек, употребивший это выражение, и себя причисляет к этому составу, здесь не ясно: речь идет о числе членов семьи, или же о количестве семей.

Семантика слова «baş», которое перешло из тюркских языков в русский язык, проявляется как в отдельности, так и в сочетании с другими словами (и в грамматическом, и в лексико-семантическом значениях): «башня» - kiçik bürc, qalaça, qüllə; «башка» – ağıllı, başı olan (здесь преобладает переносное значение); «башенный кран» – qülləli, hündür kran.

Мы сюда добавляем следующие единицы разговорного языка, которые употребительны в русском языке: «баштан», «башмак», «башмачок» и т. д.

Этимологические исследования показывают, что слово «baş» перешло не только в русский язык, но и в другие славянские языки. В болгарском языке baš имеет значение «первый», а в сербском языке «baş» – «передняя часть корабля».

И в русском языке употребляется слово «baş», имеющее тюркское происхождение:

баш на баш – «ровно столько же»;

башибузук – «солдат нерегулярных частей турецкой армии»;

башка – «презрительное название головы».

Интересно, что слово «baş» – «голова» в составе различных словосочетаний проявляет себя по-разному: «baş katib» – «генеральный секретарь», «baş həkim» – «главврач» – «главный врач», «старший врач», «baş leytenant» – «старший лейтенант», «baş müəllim» – «старший преподаватель» и т. д.

Отсюда вытекает, что слово «baş» и другие слова, являющиеся названиями человеческих органов, имеют более широкие возможности с точки зрения многозначности и внутренней семантической нагрузки. В некоторых случаях слово «baş» – «голова», выражая семантику слова «böyük» – «большой», находит себе параллели «kiçik» – «младший»: «младший лейтенант» – «старший лейтенант». Однако здесь мы не можем употреблять «baş müəllim» – «kiçik müəllim» – «старший преподаватель» –

«младший преподаватель», так как слово «baş», устанавливающее должность лица, является определителем только в системе образования.

Приобретение многозначности существительным «baş» – «голова» в русском и азербайджанском языках еще раз доказывает, что соматические слова, независимо от их типологии, во всех языках подвергаются процессу сходного семантического развития.

Библиографический список

1. Абдуллаев А. З. Проблемы азербайджанского языка. Баку, 1992, 329 с. (на азербайджанском языке)
2. Ахундов А. А. Общее языкознание. Баку, Маариф, 1979, 254 с. (на азербайджанском языке)
3. Бабаев К. Д. Семантические изменения тюркизмов при их заимствовании. // Советская тюркология. Баку, 1972, №2, с. 47-53.
4. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. М., 1977, 312 с.
5. Историческое развитие лексики тюркских языков: Сб. ст. // Отв. ред. Е. М. Убрятова. М.: Изд. Академии Наук СССР, 1961, 466 с.
6. Вердиев З., Агаева Ф., Адилов М. Семасиология азербайджанского языка. Баку, Маариф, 1979, 306 с. (на азербайджанском языке)
7. Фердинанд де Соссюр. Курс общего языкознания / Перевод на азерб. Язык Н. Г. Джафарова, Изд. БГУ, 2003, 408 с.
8. Мамедов Ю. Лексико-семантическое развитие слов в азербайджанском языке. Учебное пособие. Баку, Пед. ун-т, 1987, 84 с. (на азербайджанском языке)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕСТОИМЕНИЙ I ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М. Н. Асадова
Институт Языкознания им. Насими, НАНА,
г. Баку, Азербайджанская Республика

Summary. This article deals with lexico- semantic peculiarities of the pronouns of the first person singular and plural in the Azerbaijani and English Languages. The personal pronouns- “mən” and “biz” in the Azerbaijani language, “I” and “we” in the English language possess different semantic features which occur within the context. Various semantic shades are expressed by these pronouns. Within different situations “mən-I” acquire different meanings. “Biz-we” are sometimes used instead of the first person singular .

Key words: lexico-semantic, peculiarity, semantic shades, pronouns, context.

Местоимения как одна из частей речи, составляющих морфологический пласт каждого языка, не являются полнозначными словами, обозначающими какой-либо предмет, признак, качество и действие, они вне контекста характеризуются общим отвлечённым значением, конкретизируемым лишь в контексте. Одним из существующих в мировых языках типов местоимений, обладающих не лексической, а лексико-грамматической семантикой, являются личные местоимения. Личные местоимения – это слова, лексическое значение которых заключается в обозначении какого-либо лица.

В азербайджанском языке личные местоимения конкретно никакого лица не обозначают, а в общем виде выражают понятие лица (1, с. 151).

В английском языке личные местоимения обозначают лицо или предмет, не называя их (2, с. 42). В обоих сопоставляемых языках местоимения, входящие в данную группу, состоят из первого (mən (я) – I; biz (мы) – we), второго (sən (ты) – you ; siz (вы) – you) и третьего (o (он, она,оно) – he, she, it; onlar (они) – they) лица единственного и множественного числа (1, с. 151).

Г. Джафаров указывает на существование семантических отношений двоякого рода между личными местоимениями: а) отношение семантической последовательности, б) отношение семантического наполнения (3, с. 10).

Отношение семантической последовательности основывается на последовательности говорящего, слушающего и того, о ком говорится. Семантическая последовательность, выявленная автором в азербайджанском языке, наблюдается и в системе личных местоимений английского языка. Например, отношение семантической последовательности личных местоимений в азербайджанском языке: mən (я) – sən(ты) – o (он, она, оно); biz (мы) – siz (вы) – onlar (они); в английском языке: I – you – he /she/ it; we – you – they. За исключением III лица единственного числа, различающегося в английском языке по мужскому, женскому и среднему роду, отношение семантической последовательности личных местоимений в обоих языках тождественно.

Отношение семантического наполнения основывается на семантическом наполнении личных местоимений единственного и множественного числа. За исключением III лица множественного числа в азербайджанском языке, семантическое наполнение личных местоимений в обоих языках совпадает. Например, отношение семантической наполнения личных местоимений в азербайджанском языке: mən (я) – biz (мы), sən (ты) – siz (вы), o (он, она, оно) – onlar (они); в английском языке I – we, you /thou – you, he /she/ it – they. Отсюда можно заключить, что отношение семантической последовательности существует между словами, равными по семантическому наполнению. Семантическое наполнение, разнообразные смысловые оттенки личных местоимений рассмотрим на примере семантических различий местоимений I лица единственного числа в тексте.

Mən (я) – I

В обоих языках личному местоимению mən – I свойственны единство, единичность и субъективность. Понятие множества антагонистично личному местоимению mən. Говорящее лицо может состоять только из одного mən (я). В контексте местоимение I лица единственного числа отличается нижеследующими смысловыми оттенками:

1) Mən (я) как в азербайджанском, так и в английском языках обозначает говорящее лицо, которое посредством данного местоимения отделяет себя от окружающего мира, подчёркивает свою личность, её бытие. Например:

В азербайджанском языке:

Mən bu təntənəli yubiley məqaləmi müdrik bir mükaliməylə başlamaq istəyirəm. (Anar). (Я хочу начать эту торжественную юбилейную статью одним мудрым изречением (Анар).)

В английском языке:

I don't know anything perfectly well (John Galsworthy).

2) Местоимение mən (я), отдалившись от функции местоимения, выполняет роль среднего рода и приобретает значение «человеческой сущности, личности». Например:

В азербайджанском языке:

İçimdəki mən şam kimi əriyib gedib.

Я во мне растаяло, как свеча.

В английском языке:

I can't know the "I" inside me.

3. Местоимение mən (я) используется для выражения веления, требования говорящего, его личностной силы. Например:

В азербайджанском языке:

Mən elə mənət! (Я есть я!); Məndən də keçdin – daha sənə sözüm yoxdur! (И через меня прошёл – больше мне нечего тебе сказать!)

В английском языке:

"You", said Soames, "you have never suffered anything".

"I suffered here!" she said (John Galsworthy).

Помимо своего основного значения местоимение mən (я) I лица единственного числа в одних стилистических ситуациях может выражать такие негативные чувства, как бахвальство, эгоизм, высокомерие, самонадеянность, а в других – позитивные чувства, например, желание уверовать в свои слова, подчеркнуть свои бойцовские качества.

В отличие от флективно-аналитического английского языка в агглютинативно-синтетическом азербайджанском языке личное местоимение mən (я) очень часто отсутствует в предложении. «Семантическая близость между местоимением I лица и аффиксами принадлежности в большинстве случаев становится причиной сокращения местоимения» (4, с.203–204). Например:

Mən bir uşaq, sən bir ana, Odur ki, bağlıyam sana (S. Vurğun). (Я – дитё, ты – мать, Поэтому так привязан к тебе (С. Вургун).)

Biz (мы) – We

В состав личного местоимения biz (мы)–we всегда входит «я». «Я» обуславливает появление «мы». Реализуемое в речи «я» одновременно с нереальными в речевом процессе дополнительными не-я создаёт «мы» и входит в состав «мы». «Мы» как в азербайджанском, так и в английском языках может состоят как из говорящего и слушающего, так и говорящего, слушающего и того, о ком говорят.

1. Местоимение «мы» выражает множественное число I лица. Относится к двум лицам. Например:

В азербайджанском языке:

Həcər (Feysullaya): Özüm görmürəm xalq necə dolanır, biz necə dolanırıq (Anar). (Хаджар (Фейзулле): Разве не вижу, как народ живёт, а как мы живём (Анар).)

В английском языке:

Soames said to Annette: "We can all abuse each–other" (John Galsworthy).

2. Местоимение «мы» выражает определённость и в этом случае может относиться к нескольким конкретным лицам. Например:

В азербайджанском языке:

Biz, aşağıda imza edənlər – Əliyev, Məmmədov, Səfərov və Adilov uşaqlara kömək etməyə söz veririk. (Мы, нижеподписавшиеся – Алиев, Мамедов, Сафаров и Адилов – обещаем оказывать помощь детям.)

В английском языке:

We – the undersigned persons – J. Smith, T. White, B. Butler and J. Rochester promise to help these children.

3. Местоимение «мы» выражает неопределённость и в этом случае может относиться к большему числу лиц, даже к миллионам. В азербайджанском языке в таких ситуациях местоимение biz (мы) иногда принимает аффикс множественного числа -lər. Bizlər имеет такие семантические оттенки, как единомыслие в каком-либо вопросе, принадлежность к определённому роду или территории. Например:

В азербайджанском языке:

Kim nə deyər bizdə olan qeyrətə? Qeyrətimis bəllidir hər millətə! (M. Ə. Sabir); (Кто что скажет про наше мужество? Наше мужество известно каждой нации! (М. А. Сабир)); Kim sizi qəyyum edib hökm edəsiz bizlərə! (M. Ə. Sabir) (Кто вас сделал опекунами, чтобы приказывали нам! (М. А. Сабир).)

Bizlər belə fikirləşir ki, dinin tərk edən qızda məhəbbət olmaz (Ə. Cavad). (Мы так думаем, что у девушки, отошедшей от религии, любви не будет (А. Джавад).)

В английском языке:

Compromise is the essence of any reasonable existance between individuals or nations. We can't have the fat thrown into the fire every few years (John Galsworthy).

4. Местоимение biz (мы), употребляясь перед наименованием конкретной национальности, представляет её в целости. Например:

В азербайджанском языке:

Biz Azərbaycanlılar öz torpaqlarımızdan bir qarış da düşmənə verməyəcəyik. (Мы, азербайджанцы, не отдадим врагу и пяди нашей земли.)

В английском языке:

"We French see before our noses," said Annette with warmth (John Galsworthy).

5. В неформальной речи местоимение «biz» может употребляться вместо местоимения I лица единственного числа. Здесь наряду с основной семантикой оно приобретает дополнительное, периферическое значение. Употребляется при ласковом обращении или с целью смягчения ситуации. Например:

В азербайджанском языке:

Bir bizə baxsana! (Посмотри-ка на нас!)

В английском языке:

Give us a kiss, baby (5, s. 432).

6. Местоимение biz (мы) употребляется вместо mən (я) I лица единственного числа в обращениях, содержащих иронию, упрёк. Например:

В азербайджанском языке:

"Bizi" (yəni məni) görmürsən? («Нас» (т. е. меня) не видишь?); Biz (yəni mən) daha yadına düşmürük! («Нас» (т. е. меня) больше не вспоминаешь!)

В английском языке:

"That is so English," murmured Annette. "We others never know what you English will do" (John Galsworthy).

7. Местоимение biz (мы) употребляется вместо mən (я) I лица единственного числа в авторской, публицистической речи для скромного выражения собственных суждений (1, с. 155). В этом случае в английском языкознании местоимение we – мы именуется «editorial – we» (авторское, редакторское «мы») (2, с. 45). Например:

В азербайджанском языке:

Biz öz tədqiqatımızda aşağıdakı müddəaları həll etməyə çalışırıq. (Мы в своём исследовании стараемся решить нижеследующие вопросы.)

В английском языке:

In our theses we shall try (I shall try) to solve these questions.

8. Местоимение biz (мы) употребляется вместо mən (я) I лица единственного числа для подчёркивания значимости, величия, авторитета собственной личности, что характерно для царских манифестов и языка государственных руководителей и политических деятелей. Например:

В азербайджанском языке:

Rüşvət olan yerdə qanun, qanun olan yerdə rüşvət ola bilməz. ...inşallah biz belə işləyəcəyik! (nazirin nitqindən) (6, s. 68) (Быть не может закона там, где есть взятка, а взятки там, где есть закон. ... с божьей помощью мы так будем работать!) (из речи министра) (1, с. 68).)

Padşah: –Əzizim-dedi-heç kefini pozma, o bizim əlimizdə nədir ki, bu saatca qadağan edərik (Anar). (Падшах: –Дорогой – сказал – не расстраивайся, что нам стоит, в сей же час же запретим (Анар).)

В английском языке:

"We're holding talks with European investors," said Sergey Kirigenko, head of Rosatom, the nuclear corporation (The Moscow Times, May 13, 2010).

9. М. А. Шелякин в своём исследовании отмечает в русском языкё ещё одно значение местоимения «мы», выражающее подхалимство, уничижение в речи старинного мещанского сословия и крестьян, и приводит пример из произведения М. Горького: *«–А...вы – замужняя? – Нет еще...девицы мы»* (7, с. 60). В данном значении местоимение «мы» употребляется и в азербайджанском языке в речи лиц, находящихся в подчинённом положении, неуверенных в себе. Например:

В азербайджанском языке:

Namaz: "Sən də bizim qapını açarmışsan" (Anar). («И ты мог открыть нашу дверь» (Анар).)

Biz həmişə sizin qulluğunuzdayıq. (Мы всегда к вашим услугам.)

Katibə: -Xoş gəlmisiniz. Bizə görə qulluğunuz? (Anar) (Секретарша: Добро пожаловать. Чем можем услужить? (Анар).)

В английском языке:

Annette: "We see that the beaten must be kept the beaten" (John Galsworthy).

10. Иногда местоимение biz (мы) употребляется вместо mən (я) I лица единственного числа для выражения таких смысловых оттенков, как чванство, самодовольство. Например:

В азербайджанском языке:

Şövqü: ".. bir qələt eləyə bilməz, biz də, deyir dəvə qulağında yatmamışıq..." (Anar). (Шовгу: «...не сможет оплошать, мы тоже, как говорится, не спим на верблюжьем ухе...» (Анар).)

11. Местоимение biz (мы) используется для обозначения людей одной возрастной группы, включая и говорящего. Например:

В азербайджанском языке:

Əhməd Nəzir: "...Fuad, day indi siz cavanların əyyamıdır, biz, deyir, elədiyimizi eləmişik, gördüyümüzü görmüşük" (Anar). (Ахмед Назир: «... Фуад, сейчас ваше время – молодых, мы, как говорится, сделали сделанное, увидели увиденное» (Анар).)

В английском языке:

Soames: "In spite of the papers, we're not such fools as we look," he thought (John Galsworthy).

Заключение

На основании выше изложенного можно заключить, что несмотря на индивидуальные особенности личных местоимений в речи, они, как и другие виды местоимений, в азербайджанском и английском языках обладают общей и абстрактной семантикой. В отличие от полнозначных слов, обозначающих независимые от субъекта объективные реальные сущности, личные местоимения в обоих языках не обозначают конкретные сущности объективного мира. Семантика личных местоимений конкретизируется в речевом процессе. В обоих сравниваемых языках семантические оттенки личных местоимений выявляются в контексте.

SOME REMARKS ABOUT THE PROSODIC STRUCTURE IN AZERBAIJANI

F. Y. Veysalli
AUL, Baku, Azerbaijani

Summary. The article deals with the prosodic structure of the clauses in the Azerbaijani language. The article deals with the two peaks level theory of the clauses as well. As it is known, the scientific theory literature explores the harmony of vowels. The synonymy of clauses are also included there. But our article investigates the two peaks level of the clauses in the Azerbaijani language for the first time.

Key words: syllable, stress, synharmony vowels, peaks of prosodic.

In modern Azerbaijani the words are characterized by a double-peak, one of them is in the first syllable of the root, the second-in the last syllable of the word.

The first peak determines the quality of the successive syllables. The second peak is connected with the fact whether the last syllable is stressed or not. In the flow of speech the culminative function of stress merges with the delimitative function which is closely connected with the demarkative function, i.e., the stress indicates the quantity and boundaries of the word in the sentence.* This double-peak prosodic contour is inherent to all the Azerbaijani words, which displays itself in all derivative and relative forms, except some borrowings. It means that in the newly coined words each suffix, which is added to the root and tunes itself to the timbre of the root, becomes stressed, irrespective of its being relative or derivative. Compare:

/bash/ (head)-/bash+chı/ (leader)-/bash+lar/ (heads)-/bash+lar+dan/ (from heads)

---

* For differentiation of the functions of stress see: R. O. Jakobson. Über die Beschaffenheit der prosodischen Gegensätze. „Melanges de linguistique et de Phonologie", Paris, 1937.

/dagh/ (mountain)-/dagh+lı/ (highlander)-/dagh+lı+lar/ (highlanders)-/daghlı+lı+lar+ın/ (belonging to highlanders) etc [1].

Such change of the stress causes a strong phonetic reduction in all cases, except the initial syllable of the word. If the sentence stress is at the end of the narrative sentence, it is distinguished neither acoustically, nor articulatorily, due to as the law of cadency functions in this position. According to this law the absence of a sign is percieved as its presence, i.e. despite the fall of the tone at the end, the sentence is percieved as being narrative, though its acoustic-articulatory correlates are not distinguished particularly. Nevertheless, very often examples are displayed as if they serve the basis for speaking about the violation of this rule in Azerbaijani. Compare: /'alma/ (don't buy), /'almadıg/ (we did not buy), /almajažag/ (he (she) will not buy), /aldınmı?/ (did you buy?), /odumu?/ (is he the same?), /sujumu?/ (do you mean the water?) etc.

The words with negative suffixes in the first case are not words, but parceling sentences, in the second case we have interrogative sentences formed with the help of the interrogative particle /-mı/.

Consequently, they cannot be taken into consideration because of such a simple reason that they and analogical examples are not words, but syntactical constructions. In other words, in the first case we have sentences in the negative, in the second case - interrogative sentences. Then it becomes clear that while analyzing the language material one must not mix up various language levels, i.e., the words with sentences. There are many borrowings in Azerbaijani in which the stress falls on one and the same syllable, even if they are word-building and word-changing suffixes. Compare :

/radio/ - /radiolar/ - /radiolardan/

/opera/ - /operada/ - /operadan/

/kontrakt/ - /kontraktda/ - /kontraktlardan) etc.

Thus, one of the peaks of prosodic features is connected with the stress which in native Azerbaijani words falls on the last syllable of the root and moves on the affix when the word is augmented. According to its acoustic nature word stress in Azerbaijani is expiratory, but the tone component functions as an irrelevant sign. What concerns the temporal component, it is distinct on the sentence level which distinguishes the communicative types of sentences.

The second peak of prosodic structure is on the initial syllable of the root of the word. Thus, each suffix, added to the root, is governed by the vowel of the initial syllable of the root or by the last syllable of the root which is called a special vowel (R.Jakobson names it as Sondervokal) according to the features of row, level and participation of lips. Compare: /adam+lar+dan/ (from people)), /ish+chi+ni/ (the worker (I saw the worker)), /ɣzɣm+chɣ+nɣ/ (the vine-grower (I saw the vine-grower). This two peaks form the essence of synharmony which are observed in Azerbaijani wholly or partially. The following examples can be regarded as complete synharmony: /ata+lar+dan/ (from the fathers), /uzun+chu+lug/ (chattering), /ɣzɣm+chɣ+lɣk/ (viticulture) etc.

In words with complete synharmony vowels and consonants identical in timbre follow each other. Phonetic quality of consonants is conditioned by the quality of the vowel. The examples above may be transcribed like the following:

/A+$ă_1$+$ă_2$+'a_3/ or /U+$ŭ_1$+$ŭ_2$+'u_3/ or /ɣ+$ɣ^{ˇ}_1$+$ɣ^{ˇ}_2$+'$ɣ_3$/

Partial synharmony is found in words of the type /ushag+lar+dan/ (from the children), /gisas+chı+lar/ (revengers) etc. It is a partial synharmony, as the principle of succession due to the participation of lips and row has been violated. Sometimes the violence of row may be encountered, too. In both cases any

suffixal morfem is tuned on the timbre of the final syllable of the root. Proceeding from such a fact that the Azerbaijani phonemes /o/, /ø/ and /e/ are not encountered in the final suffixes with the exception of the suffix /-jev/ and in some dialectal words, for instance, /koesoev/ (remnant of an unburnt wood), /bɣloev/ (whet-stone) etc. The following succession of vowels are encountered in the Azerbaijani words: /a+a/, /a+ı/, /a+o/, /a+u/, /e/+/í/, /e+ə/, /ə+ə/, /ø+ə/, /ø+e/ and vice-versa. By taking into consideration both of the peaks the syllable structure and prosodic organization the words of the Azerbaijani language may be transcribed like this:

L_2 =/V +v/; L_3 =/V+v˘+'v/, L_4 =/V+v˘+v˘+'v/, L_5 =/V+v˘+v˘+v˘+'v/*

It is necessary so note that the prosodic structures of the word undergoes great formal changes in the sentence, i.e. the accentological model of the word depends on the intonation of the sentence where it is used, forming hierarchy of alternating rhythmical structure in which the word is conspicuously distinguished when it stands before the predicate. Compare:

/O, kitabı Anara verdi// (He gave the book to Anar)

/O, Anara kitabı verdi// (He gave a book to Anar)

/Anara kitabı o verdi// (It was him who gave the book to Anar)

Depending on the change of the place of the word in the sentence its meaning changes greatly. Traditional grammars analyzed it by changing the place of the stress, calling it a logical stress, though in one and the same pronunciation, the change of the place of the stress is excluded. In reality – where the sentence /Anar kitabı ona verdi// its use with the phrase stress on /Anar/ or /ona/ or /kitabı/ is excluded.

In other words, they exclude one another even if the stress changes its place. In such cases we create a context and situation artificially which vary from usage to usage. Such a technique does not provide the impossibility of the use of one and the same sentences in the same form.In cases where attributive and other combinations are followed by the predicate, the sentence stress falls on the modifing component. Compare: /Anar onlarla jolda rastlashdi// (Anar met them on the way); /Dynən bu hadisə bash jolda olmushdur// (Yesterday this accident happened on the road)

If these sentences are transcribed, then we shall have the following forms:

S_{10} = /V+v′/+v′+v′+v′+/v′+v′/v′+v′+v′//

S_{12}= /V+v′/+v′+v′+v′+v′+′v/ ′v+′v+′v+′v+′v+′v//

Thus, the first vowel in this and other examples, the so called special vowel, performs the function of synharmonic organization, predetermines the timberal shade, demanding the use of timberal, identical vowels. In the second example the organizational function weaken because of the violation in the

* L-means lexeme, V-special vowel, v-unstressed vowel, v-stressed vowel, the figure under L shows the number of syllables in the sentence.

harmony of vowels*. Therefore, the function of the phonetic organization of the sentence is fulfilled by the sentence stress which together with other parameters of intonation form the sentence as an indivisible whole. It must be noted that the special vowel, which predetermines the row and timbre of vowels and consonants, and stress, which as a rule falls on the last syllable of the word, form the two peaks of the prosodic structure of the word, by which Azerbaijani is characterized, may be called synharmony. Such condition of the double peak allows us to give a full description of the prosodic organization and intonational structure of speech acts in Azerbaijani [2].

Bybyliography

1. Popular Turkologist A. M. Sherbak denies the presence of word stress in Turkic languages. Irrelevancy of stress was also mentioned by K. Greenbek and A.Dzhunisbekov. See: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. М.: 1970, стр. 112; А. Джунисбеков. Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского языка. Автореф. дис. док. филол. наук. Алма-Ата, 1989.
2. The first information on the system and structure of intonation in Turkic languages is encountered in the works of the well-known German phonetician. See: O.von Essen. Satzintonation in türkischen Lesetexten. Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft. 1956, s.92. See also: Ф. Вейсалов. Некоторые вопросы интонации азербайджанского языка. «Уч. записки Министерства Высшего и Среднего Специального Образования Азербайджанской ССР» Серия «Язык и литература», Баку, 1976, № 3, стр. 26–33.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЯЗЫКЕ ДАСТАНОВ «КНИГА МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»

Э. Ф. Мамедова
Национальная академия наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан

Summary. The article is dedicated to the components of verb phraseological units, especially to the problem of lexical actuality of the second part of the units. We san confirm that not all the words can have figurative meaning or can form phrazeological units. The investigation of verb in this sphere is very important. So the article is dedicated to the investigation of the phraseological units in the language of the Book of Dede Korkut.

Key words: component, phraseological unit, figurative meaning.

Как известно, фразеологизм – общее название семантически связанных сочетаний слов, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава. Значение фразеологизмов, будучи лексически опосредованным, сохраняет коннотации, связанные как с исходными значениями слов-компонентов, так и с образной основой фразеологизма, поэтому значение фразеологизма всегда богаче по смысловой структуре, чем лексическое значение слова,

* It is necessary to note that the violation of the harmony of vowels in modern Azerbaijani is observed very often. Compare the following proper names: /Ajsel, Elʃad, Ajgγn, Knan/ etc.

и качественно отличается от него. Со структурно-семантической спецификой фразеологизмов связана и категория вариантности, которая проявляется в возможности видоизменения лексико-семантического, лексического, синтаксического, морфологического, фонетического и стилистического облика фразеологизма, а также его количественного состава.

Нельзя согласиться со следующей мыслью: «Значение фразеологических единиц в азербайджанском языке не формируется на основе прямого или производного номинативного значения одного (или нескольких), или всех его компонентов, и не связано с переносным значением слов» [1, 19]. Если бы это в действительности было так, то возможности компонентов фразеологизмов по средствам выражения были бы безграничны. Языковые факты показывают, что возможности компонентов фразеологизмов по средствам выражения, в частности по лексико-семантической особенности основного компонента, не безграничны.

Во-первых, не все слова имеют переносные значения, следовательно, не все слова могут образовывать фразеологизмы, или же слова с переносным значением не могут образовать фразеологизм с любым словом, то есть не каждое слово может сочетаться со словом с переносным значением. Во-вторых, фразеологизмы не являются простым сочетанием различного рода слов. Они появляются как закономерный результат народной психологии, менталитета, этнографических и культурологических взглядов.

В азербайджанском языке преобладают глагольные фразеологизмы. Причиной этого является тенденция глаголов к полисемии. Поскольку часть глаголов имеет более широкое переносное значение, их возможности сочетания с другими словами и образования фразеологизмов более широки. Некоторые глаголы могут образовывать несколько фразеологизмов, некоторые же участвуют в формировании лишь одного фразеологизма. Эта особенность наблюдается и в языке дастана «Книга моего Деда Коркута».

Следует отметить, что по возможностям использования фразеологизмов сравнивать язык данного памятника с современным азербайджанским языком неправомерно, прежде всего, из-за того, что на протяжении столетий азербайджанский язык постоянно развивался и фразеологизмы также обогащались по форме и содержанию. С другой стороны, на уровне одного дастана, а также на уровне языка героического дастана имеется достаточный материал для исследования возможностей употребления фразеологизмов.

С. Алиева, исследующая лексико-семантические группы глаголов в языке дастанов «Книги моего Деда Коркута», пишет: «Общее количество глаголов в дастане «Книга моего Деда Коркута» (речь идёт об односложных глаголах) составляет 303, из них число глагольных корней – 144, производных глаголов – 193, в современном азербайджанском языке же общее количество глаголов – 207, глагольных корней – 145. Следовательно, количественная разница между односложными глаголами в дастане и в современном азербайджанском языке колеблется от 70 до 80» [2, с. 124–125].

Фразеологизмы в языке «Книга моего Деда Коркута» с точки зрения выразительных возможностей главного слова почти не отличаются от фразеологизмов в современном азербайджанском языке. Так, поскольку главный или зависимый компонент некоторых фразеологизмов не является употребительным в современном азербайджанском языке, то, есте-

ственно, и соответствующие фразеологизмы в современном языке не встречаются. Безусловно, говорить об употреблении всех этих фразеологизмов в языке одного памятника нелогично. Главное, что глаголы, активно участвующие в формировании фразеологических сочетаний в современном азербайджанском языке, обладают этой же особенностью в языке памятника. Рассмотрим некоторые из них: 1) Глагол vermək (дать). По сравнению с другими глаголами в языке памятника он является наиболее продуктивным в образовании фразеологизмов. Потенциальные семантические возможности, эмоциально-экспрессивные нюансы этого глагола, богатство его связи с объективным миром позволяют ему сочетаться со многими словами. В этом отношении в языке памятника, так же как и в современном азербайджанском языке, преобладают фразеологизмы, образованные с помощью данного глагола. Часть таких фразеологизмов употребляется и в настоящее время, другая же часть не характерна для современного азербайджанского языка. Фразеологические сочетания, употребляющиеся в языке памятника и не утратившие свою актуальность и в современном азербайджанском языке: *can vermək (умереть), ərə vermək (выдать замуж), ad vermək (назвать (дать имя)», könül vermək (отдать сердце), cavab vermək (ответить), öqit vermək (поучать, наставлять), salam vermək (здороваться), muradını vermək (исполнить желание), möhlət vermək (дать отсрочку), aman vermək (пощадить), xəbər vermək (сообщить, известить), yol vermək (дать, уступить дорогу), baş vermək (случиться, произойти), yaşın vermək (определить возраст), salı vermək (отпустить), alqış vermək (аплодировать), kəsim vermək (заплатить дань), bəqlik vermək (дать титул бека), yum vermək (благословить), dad vermək (иметь (дурной) вкус, ощущать привкус), avaz vermək (откликаться, подать голос), düş vermək (дать сон), aşut vermək (восходить), damaq vermək (доставить удовольствие), qorxu vermək (пугать, внушать, страх), yürüyü vermək (быстро идти), dəstur vermək (давать указания), quzu vermək (дать ягненка), qoyun vermək (дать овцу), oqul vermək (дать сына), tuta vermək (дать любовь во сне)*. Поскольку большинство этих примеров закрепилось в языке в качестве устойчивых сочетаний, разделить их на составные части невозможно. В некоторых из них ощущается семантика каждого из компонентов, однако в отдельности они не мыслятся: *ərə vermək (выдать замуж), muradını vermək (исполнить желание), yaşını vermək (определить возраст), bəqlik vermək (дать титул бека), yol vermək (дать, уступить дорогу), quzu vermək (дать ягнёнка), oqul vermək (дать сына)*. В фразеологизмах первого типа в связи глагола vermək с первым компонентом его реальная семантика в пределах сочетания не ощущается, например: *baş (голова) – vermək (дать) – baş vermək (случится, произойти), düş vermək (дать сон), yürüyü vermək (быстро идти)*. В этих примерах понять настоящее значение глагола vermək невозможно. Во втором и третьем примерах семантика первого компонента в той или иной степени ощущается. В первом же примере лексическое значение ни слова *baş (голова)*, ни слова *vermək (дать)* не проявляется. Эти потенциальные значения полностью утратились в семантике фразеологизма. Поэтому данный фразеологизм полностью может считаться метафорическим сочетанием и приравниваться к лексической единице.

Фразеологизмы, сформировавшиеся при участии глагола *vermək,* различаются и по проявлению объективно-субъективной связи. Если часть

из них выражает активность и динамику, то другая часть отражает пассивность.

К первой группе относятся сочетания *ad vermək (называть, дать имя, именовать), xəbər vermək (сообщить, известить), qorxu vermək (пугать, внушать страх), möhlət vermək (дать отсрочку), murad vermək (исполнить желание).* Здесь противопоставлены активные отношения субъектов. Это связано с активной и открытой связью между компонентами указанных фразеологизмов. Неслучайно, что первый компонент этих фразеологизмов может принимать различные грамматические формы: *adını bən verdim (я дал тебе имя), ... xəbərini verdi (принёс весть), muradını verər (исполнит желание).*

Во вторую группу входят следующие фразеологические единицы: *alqış vermək (аплодировать), öqit vermək (поучать, наставлять), salam vermək (здороваться», aman vermək «пощадить) и др.*

В этих фразеологизмах сильный или слабый динамизм обусловлен лексическим значением первого компонента и характером его связи со вторым компонентом. Несомненно, первый компонент фразеологизмов в основном носит абстрактный характер. Взаимосвязь абстрактных существительных и глаголов также носит отвлечённый характер и не показывает конкретную связь. Это является одним из основных условий формирования фразеологизма.

Один из факторов, выявляющих внутреннюю дифференциацию этих фразеологизмов, заключается в том, что их второй компонент, т. е. глагол *vermək*, может быть заменён другой формой, например аффиксом. Таким образом, заменив в этих фразеологизмах глагол *vermək* лексическим аффиксом *-la*, можно создать морфологический вариант, например: *alqış verdi – alqışladı (аплодировал), cavab verdi – cavabladı (ответил), salam verdi – salamladı (приветствовал).* Фразеологизм *qorxu vermək* может быть выражен формой *qorxutmaq (напугать).* Этот факт наглядно свидетельствует об устойчивости семантико-грамматической связи компонентов данных фразеологизмов. Однако сказанное нельзя в равной степени отнести ко всем вышерассмотренным фразеологизмам.

2. Глагол *almaq (получать, брать, взять).* Данный глагол стоит на втором месте по продуктивности в образовании фразеологизмов в языке дастана «Книга моего Деда Коркута». С помощью этого глагола сформировалось свыше двадцати фразеологизмов в данном дастане, компоненты которых отличаются устойчивой взаимосвязью. Среди них есть такие, которые неделимы на составные части и неизменяемы. Они носят лексический характер, например: *öqit almaq (получить наставление), döl almaq (получить приплод от домашних животных), abdəst almaq (совершить омовение), əleyk almaq (получить приветствие).* Эти фразеологизмы невозможно подвергнуть каким-либо грамматическим изменениям. Все эти фразеологизмы употребляются в современном азербайджанском языке, за исключением *abdəst almaq*, так как слово *abdəst* перешло из активного фонда словарного состава языка в пассивный. Архаизмы, как известно, вытесняются по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами [4, с. 218]. В современном азербайджанском языке фразеологизм *abdəst almaq* под влиянием фразеологизма *dəstəmaz almaq* сузил сферу своего употребления и перешёл в пассивный фонд языка. Из вышеприведённых примеров в фразеологизме *döl almaq* (*получить приплод от домашних животных)* между компонентами су-

ществует реальная материальная связь, т. е. поскольку семантическая взаимосвязь компонентов опирается на материальные отношения, то и сам фразеологизм имеет материальное содержание.

Следует отметить, что фразеологизмы, между компонентами которых имеется материальная связь, часто встречаются в языке дастанов «Книга моего Деда Коркута». К такого типа фразеологизмам, сформировавшимся при участии глагола *almaq*, относятся *yol alınmaz «дороги не будет», hasarı almaq (взять крепость),* например: *Qarağıca qıytayınca yol alınmaz- (Не сгубив коня, дороги не пройти)* [3, с. 31]. *Beyrək aydır: «Yoldaşlarımı çıxartmayınca, hasarı almayınca murada ərməz» – (Бейрек говорит: «Пока не верну свободы своим товарищам, не возьму крепости, я не достигну своей цели, своих стремлений)* [3, с. 66].

Как видно, данные примеры рассматривать полностью как фразеологизмы или свободные словосочетания трудно. Однако их общая семантика и грамматический характер свидетельствуют о том, что они являются устойчивыми сочетаниями. В остальных же фразеологизмах преобладает абстрактное понятие, в формировании которого оба компонента в равной степени играют важную роль.

Хотя часть фразеологизмов, образованных при участии данного глагола, в семантическом отношении означает одну единицу, грамматическое формирование компонентов носит динамический характер, т. е. тот или иной компонент может грамматически меняться и принимать различные формы, например: *qanını almaq (убить), sözini almaq (выпытать) , baş-beynini almaq (надоедать, докучать).*

Первый фразеологизм не употребляется в языке в форме *qan almaq*, так как его семантика в целом носит индивидуальный характер. Поскольку он направлен на конкретный объект, его первый компонент должен принимать соответствующий аффикс принадлежности.

С другой стороны, безаффиксная форма первого компонента данного фразеологизма имеет совершенно другое значение, вернее, фразеологизмы *qan alma и qanın almaq* имеют разные значения. Первый же компонент других вышеприведённых фразеологизмов представить без грамматической форм невозможно. Например, первые компоненты фразеологизмов *sözimizi almaq (выпытать у нас что-либо), başımı-beynimi aldınız (вы мне надоели)* можно представить с аффиксами принадлежности других лиц.

В языке дастана «Книга моего Деда Коркута» употребляются и другие, образованные с помощью глагола *almaq: yiqitləri boynuna almaq (взять на себя ответственность за храбрецов), gözlərini uyxu aldı (сон сморил его) ,əcəl aldı (наступил смертный час), canın almaq (забрать душу)* и т. д., свидетельствующие о богатстве и разнообразии языка.

3. Глагол *çıxmaq (выйти).* Данный глагол также является продуктивным в образовании фразеологизмов. В дастане употребляются следующие фразеологизмы с данным глаголом*: başına çıxdı (ударило в голову), boğma çıxartmaq (задушить), pencək çıxartmaq (выделить пятую долю).*

1) *İçib- içib Ulaş oğlu Salur Qazanın alnına şərabın istisi çıqdı (Они пили, после долгого пира крепкое вино ударило в голову сыну Улаша, Салор Казану)* [3, с. 42];

2) *Qazlıq Qoca deərlərdi , bir kişi var idi.Bayandır xanın vəziri idi.Şərabın istisi başına çıqdı (Был человек по имени Казылык Коджа, он был везиром Баюндур-хана, крепкое вино ударило ему в голову)* [3, с. 94];

3) *Böylə diqəc Boğazca Fatma aydır: «Buy, dəli boğma çıxaracaq olunca eyibimizi qaqdı» (Бугазча-Фатима говорит: «Горе, безумец навлёк на нас такой позор, что чуть не задушил нас)* [3, с. 65];

4) *Quşun ala qatını, qumaşın orusini, qızın gögçəqini xanlar xanı Bayandıra pəncəyk çıqardılar (Из пестрых рядов стана, из чистого кумача, из голубоглазых дев, из девяти панцирей, из золотого сукна, (из всего) они отделили пятую долю для хана ханов Баюндуру)* [3, с. 67];

5) *Baybörə bəgin oğlu atlandı, ava çıqdı (Сын Бай-Бура-бека сел на коня, выехал на охоту)* [3, с. 53].

Фразеологизмы в первом и втором примерах, первые компоненты которых являются разными лексическими единицами, имеют одинаковое содержание. Несмотря на то, что слова *baş (голова)* и *alın (лоб)* имеют разное значение, в приведённых фразеологических сочетаниях они употребляются в близких значениях и, даже можно сказать, выступают в качестве ситуативных синонимов.

Эти фразеологизмы употребляются и в современном азербайджанском языке, и только сочетание *pəncəyk çıxarmaq (выделить пятую долю)* является архаичным. Поэтому семантика глагола *çıxarmaq* (а также *çıxmaq*) в четырёх примерах понятна, в последнем же примере из-за того, что первый компонент является архаизмом, семантика глагола *çıxarmaq* не ясна.

Большинство фразеологических сочетаний, употребляющихся в дастане «Книга моего Деда Коркута» образовано именно с помощью вышеперечисленных глаголов. Хотя они более активны, но и другие глаголы принимают участие в образовании фразеологизмов, однако они не столь продуктивны и являются компонентами одного или в лучшем случае двух фразеологизмов. В качестве примеров можно привести следующие глаголы: *basmaq (наступить), dönmək (обернуться), yanmaq (гореть), gəzdirmək (носить с собой), oynamaq (играть), içmək (пить), ağlamaq (плакать), binmək (садиться (верхом)), götürmək (брать, взять), görrmək (видеть), keçmək (перейти), kəsmək (отрезать)* и др. С помощью этих глаголов образовались такие фразеологические сочетания, как *bağrına basdı (заключил в объятия), dizini basdı (наступил на колено), gözü döndü (отвёл, отворотил глаза), nəzəri dəydi (отвёл взгляд), bağrı yanmaq (сердце разрывается), ürəyi oynadı (сердце забилось), göz gəzdirdi (разглядывал, осматривал), and içmək (клясться), qan almaq (плакать кровавыми слезами), ava binmək (отправиться на охоту), əl götürmək (убрать руку), məsləhət görmək (советовать), suçundan keçmək (простить), yol kəsmək (перегородить дорогу)* и др. Рассмотрим конкретные примеры из дастана «Книга моего Деда Коркута»:

1) *Gözüm döndi,könlüm getdi, öldürəcəm səni! (Мои глаза отвратились, моё сердце замерло, я убью тебя!)* [3, с. 92];

2) Qalın Oquz bəgləri əl götürdülər, dua qıldılar (Остальные беки огузов подняли руки, произнесли молитву) [3, с. 54];

3) *Mərə, sabah şahinləri al, xəlvətcə ava binəlim (Завтра утром возьми соколов, мы тайно (от других) поедем на охоту)* [3, с. 116];

4) *Necə məsləhət görərlərsə, ona görə iş edəlim (Как посоветуют, так и поступлю)* [3, с. 55];

5) *Anunla tanışdılar: «Gəlün kəsim kəsəlüm! – dedilər (Приди, мы заплатим дань», – сказали они*) [3, с. 99];

6) *Yol kəsdi, adam aldı, böyük həramı oldı (Отрезал пути, хватал людей, сделался великим разбойником)* [3, с. 99];

7) *Bəg yigit, bizə sən ərlik işlədin – (Бек-джигит, ты мужественно помог нам)* [3, с. 53];

8) *Mərə qavat qızı, ağam başına and içmişəm, dönməgim yox (Слушай, дочь негодного, я поклялся головой своего старшего брата, что возврата мне нет)* [3, с. 112];

9) *Üç kərrə yağı görməsə, qan ağlıyan Toğsun oğlı Rüstəm bilə varsun! (Пусть пойдёт с тобой Рустем, сын Тогсуна, проливающий кровавые слёзы, когда трижды не увидит врага)* [3, с. 95].

Все рассмотренные примеры фразеологизмов наглядно свидетельствуют о том, что в дастане отразились все тонкости и особенности языка соответствующего периода.

Безусловно, фразеологический состав языка – наиболее специфическая для данного языка часть лексикона. Постоянно пополняясь новыми единицами, фразеологический состав отражает культурно-исторический опыт народа, а также особенности исторических законов развития данного языка.

(Все русские переводы примеров оригинала взяты из книги: «Книга моего Деда Коркута» Огузский героический эпос / пер. В. В. Бартольда. – Баку: YNE «XXI», 1999. – 319 с.)

Библиографический список
(на азербайджанском языке)

1. Байрамов Г. Основы фразеологии азербайджанского языка. – Баку: Маариф, 1978. – 176 с.
2. Алиева С. Лексико-семантические группы глаголов в языке дастанов «Книга моего Деде Коркута» // Исследования. – 2006. – № 4. – С. 123–131.
3. Книга моего Деда Коркута / Сост.: Ф. Зейналов и С. Ализаде. – Баку: Языкы, 1988. – 265 с.
4. Гурбанов А. Современный азербайджанский литературный язык. – Баку: Маариф, 1985. – 408 с.
5. Сеидов Ю. Словосочетания в азербайджанском литературном языке. – Баку: Изд-во Бакинского государственного университета, 1992. – 406 с.
6. Книга моего Деда Коркута. Огузский героический эпос / пер. В. В. Бартольда. – Баку: YNE «XXI», 1999. – 319 с.

АНТОНИМЫ В ПОЭЗИИ БАХТИЯРА ВАГАБЗАДЕ

И. Дж. Сулейманова
Университет архитектуры и строительства,
г. Баку, Азербайджан

Summary. Antonyms as the other lexico-semantical categories connected with grammatical level of the language. In creates activity one of the writers of Azerbaijan Literature Bahktiyar Vakhabzade specifically used phraselogical antonyms. The main part of the phraselogical expressions are formed on the basis of abstract nouns, which in antonymic expressions shaped from nouns, verbs as well as from the components.

Key words: antonyms, poems, lexico-semantical categories, phraseological antonymic expressions fiction emotion and contrast understandding.

Антонимы издавна употребляются как в устной поэзии, так и в письменной литературе. В человеческом обществе во все времена для того, чтобы отличить хорошее от плохого, положительное от отрицательного, иметь о них соответствующее представление и понятие, путём сопоставления формируется целостная оценка, целостное отношение. Не случайно, что в основе большинства пословиц и поговорок стоят антонимы.

Антонимы, как и другие лексико-семантические категории связаны с граматическим уровнем языка. Они выражаются разными частями речи, а также по своему строению и структуре, образованию и образу выражения разнородны.

Азербайджанская поэзия как важный культурный феномен, часть художественной литературы богата фразеологическими антонимами. Передовые по разнообразию и широте тематики своего творчества поэты мастерски использовали фразеологические антонимические выражения в своих произведениях. Ведь художники слова для передачи своего внутреннего мира, состояния, мыслей и образов как составных частей поэтического изображения путём сопоставления положительного и отрицательного в первую очередь пользуются именно антонимами. «Уникальность литературно-художественного произведения проявляется в характере соотнесённости с реальностью: любой художественный текст – материальный объект реального мира – в то же время содержит в себе отображённый художественными средствами и эстетический особенный мир реальности.» [1, с. 31] В поэтическом языке и стиле одного из передовых писателей современной азербайджанской литературы Бахтияра Вагабзаде своеобразно употребляются фразеологические антонимы. Используя обыкновенные слова в соответствующем философско-содержательном контексте и в сопоставлении, он передаёт читателям с исключительно повышенной эмоциональностью в художественной форме и в индивидуальном стилистическом ключе свои мысли. Это – доказательства высокого уровня мастерства поэта, оригинально использующего в стихах разнообразные фразеологические антонимы. Безусловно, использованные поэтом противоположные, противоречивые, контрастные выражения имеют отнюдь не формальный характер. Обратим внимание на разнообразие использования фразеологических антонимов в произведениях данного автора: «Из неуклюжих, неровных кирпичей лжи, Построили дворец, названный «Правда» [2, с. 238]; «Моё белое добро признано чёрным злом» [2, с. 191].

Антонимичность в этих парных фразеологических антонимах основана на противопоставлении добра и зла. Другой пример: «Смешалось плохое с хорошим, Покрасив правду, побелили серое» [2, с. 282].

Употреблённое Бахтияром Вагабзаде слово «серый» интересно по своему текстовому значению. Прибавляя к слову на азербайджанском языке «boz» («серый») суффикс множественного числа «lar» («boz+lar»), поэт с удивительным мастерством и наблюдательностью, образуя слово с абстрактным значением, сумел обобщить образы людей, «совершивших злые (недобрые) деяния». Уместно отметить, что прилагательное «boz» в азербайджанском языке употребляется с оттенком отрицательности (например, «boz adam» – «серый человек», «üstünə bozarmaq» – «злиться на кого-то»). Здесь поэт вместо слово «недобрые» употребляет его синоним «boz-lar» («серые»). Обратимся к другим примерам: «Ты, обманутый горами чужбины, Кто постоит за родину твою?» (2, 303). Это тоже может быть ещё один цвет греха. «И добро тонет у меня иногда и зло» [2, с. 306].

«Уж сильно колеблются весы справедливости, перемешали правду с неправдой» [2, с. 162]. «Зачем на престол правды садят неправое» [2, с. 410]; «Ложь превратилась в улыбку на лицах; Правда заплакала в наших сердцах» [2, с. 428]; «За смеющееся будущее в наших сердцах, началась борьба за праведное дело» [2, с. 420].

Употреблённые Бахтияром Вагабзаде именные фразеологические сочетания «война правды», «престол правды», «смеющееся будущее», «зло родины», «добро родины», «дворец правды», а также глагольные сочетания «покрасить правду», «заплакала правда», «подавление добра и зла» глагольные сочетания, построенные на основе переносных значений, являются новыми необычными выражениями.

Характерными для парных антонимов являются определяемость, оценочность использования как компонентов моделей определительных сочетаний, так и абстрактных слов (право, правда, добро, зло). Здесь поэту удаётся выразить контрасты и противоречия картин жизни, употребляя антонимические слова в их философском значении: «посадить на престол правды неправду», «сражение правды», «запутать тяжёлое с лёгким» т. д. в их философском значении. Бахтияр Вагабзаде использует слова домашне-бытового обихода(«bоxça» – «полка», «toy libası» – «свадебное платье», «qazan» – «кастрюля», «bişmiş» – «приготовленное», «çiy» – «сырой», «qumaş» – «красный», «bez» – «бязь», «düyün» – «узелок», «kürsü» – трибуна словами из хозяйственной жизни типа «əkmək» – «сеять», «biçmək» – «жать, «dərmək» – «сорвать», «calaq etmək» –окулировать, «sulamaq» – поливать» и т. д. использует такие антонимические выражения из разных тематических групп, что они в системе языка приковывают внимание своей семантической широтой, возможностью, новизной и жизненностью, идут от народного сознания, духа, создаётся мышлением поэта. «Действительно, осознание разного рода соотносительной противоположности слов даёт возможность лучше определить их значения, выявить их взаимные связи и место в языковой системе. Однако антонимы не только образуют парадигмы, но и включаются также в качестве одной из основных координат в общую схему тематической классификации лексики, вступая в местные органические связи со словами других тематических групп» [4, с. 153]. Например, «На полках остались свадебные платья. Одели грустью мы свои года» [2, с. 199]; «В котле мысли я не сварился до конца» [2, с. 344]. «Bir də görürsən ki, dünənki dağlar; Təpəyə əl açır, dilənir bu gün, Yalanlar, gerçəklər, haqlar, nahaqlar; Vaxtın ələyində ələnir bu gün» [2, с. 439]. «И вдруг ты видишь, вчерашние горы просят подояние у сегодняшних сопок. Обман, правда, праведное; Проходят через сито времени». «Təzə düyün salıb köhnə düyünə, Kürsü kölgəsində rahat yatdılar» [2, с. 204]. Обновив узлы новыми узлами, спокойно уснули в тени трибун.

В приведённых стихотворных строках в подавдяющем большинстве случаев используются слова, употребляемые в языке паралелльно (ağ-qara –белый-чёрный; təzə-köhnə – новый-старый; xeyir-şər – добро-зло; ağır-yüngül – тяжёлый-лёгкий; işıq-qaranlıq – свет-тьма; yoxsul-varlı – бедный-богатый; sədaqət-xəyanət – преданность-измена); из глаголов (ağlamaq-gülmək – плакать-смеяться; əkmək-biçmək – сеять-жать; gəlmək-getmək – приходить-уходить) и т. д. используются парные слова. Поэт, акцентируя внимание на слове «ложь», конкретизирует его значение в художественном тексте. В этих достаточно глубоко контрастных противоречиях наряду с художественным образным выражением находит своё отражение фило-

софия политико-общественных противоречий эпохи, тесная связь поэта с жизнью народа. «Стилистическое назначение антонимов установливается при текстовом анализе. Определяются функции антонимов, их значения в словаре и тексте, дополнительность текстовой семантики и др.» [5, с. 29].

Подавляющая часть антонимических фразеологических выражений образуется на основе абстрактных существительных: «Əyrilər də düz görünür; Siyasətlər aynasında» [2, с. 79]; «И нечестные кажутся честными в зеркале политики»; «Təzə nisgilimi, təzə dərdimi; Bu gün calaq edir o, köhnə dərdə» [2, с. 247] – «Моё молодое желание, молодое горе, Он сегодня прививает старому горю». «Vallah, sədaqətin səltənətində; Əyləşib hökm edir xəyanət indi» [2, с. 254] – «Клянусь, сидя во дворце счастья, Измена даёт сейчас свой указ». «Mənin gözlərimdə ağlayan dünya; Bu qızın gözündə gülür gör necə» [2, с. 264] – «Мир, плачущий у меня на глазах; Ах, как смеётся на глазах у этой девушки». «Dövrəmdə dərd uçur belədən-belə; Qəm-qüssə - batmandır, saqlıq bir gilə» [2, с. 249] – «Вокруг сплошь и рядом вращается печаль»; «Горе, грусть – батман, радость – лишь капля». «Ya rəbbim, sən özün kömək ol bizə; İşıq saç qaranlıq ürəyimizə» [2, с. 307] – «О боже, ты нам помоги, Просвети нашу мрачную душу». «Ey, cibi dolular, ürəyi boşlar; Ey, sərvət dəlisi, köhnə naxoşlar» [2, с. 250] – «Эй, карманы полные, души пустые, Эй, безумцы богатства, ветхие больные».

Антонимические выражения, как и слова-антонимы, при повторном употреблении дают более ощутимый стилистический эффект. В приведённых нами образцах из творчества Бахтияра Вагабзаде типа «varlı-yoxsul» – «богатый-бедный», «var-yox» – «достаток-недостаток» синтаксические повторы наряду с организацией основной линии мысли в становятся поэтическим показателем художественного языка писателя.

Для создания контрастов в художественной литературе часто обращаются к антонимам. Для передачи контрастности каких-либо событий, явлений писатель пользуется антонимами. Так, например, стихотворение Бахтияра Вагабзаде «Верх» сплошь построено на антонимах, и всё стихотворение фактически состоит из противоположных, контрастных картин. Приведём отрывок из этого стихотворения:

Иногда имеем зло лучше доброты,
Есть несчастья лучше счастья,
Верно ты выбери цель любви.
Есть ненависть выше любви.
Отойдя, зло не умрёт,
Разобьётся правда, но не согнётся.
Не каждый миг правда будет уместной,
Есть неправда лучше, чем сама правда [2, с. 167].

В этом стихотворении поэт достаточно категорично выражает свою мысль с помощью сопоставления и контрастов, выраженных антонимами типа «кабала – свобода», «некорректность – вежливость», «измена – отвага», «тирания – милосердие», создаёт яркое, в то же время широкое представление о жизни, о жизненных отношениях. В стихотворении «Верх» все эти слова-антонимы удачно связываются с наречием, употреблённым в названии стихотворения «Верх», и дополняются им.

Антонимические выражения типа «стонет правда в застенках тюрьмы», «заглушить совесть», «отнять честную долю человека», «обретение

мира миром», «отрицание мира миром», употреблённые поэтом и в других стихотворениях, обращают на себя внимание новизной, направляют читателя к раскрытию замысла стихотворения и помогают лучшему пониманию мыслей поэта. В таком же ключе построена поэма Бахтияра Вагабзаде «Марзия». Она полностью состоит из антонимических слов и выражений. «Фразеологизмы, пословицы и поговорки, сформированные на основе антонимов, бывают более выразительными и экспрессивно-эмоциональными» [3, с. 287].

Антонимические слова и выражения являются основными средствами создания контрастных картин, отражающих жизненные реалии, человеческую психологию и мечты, в творчестве мастеров художественного слова.

Антонимичность в языке создаётся определёнными стилистическими средствами, в том числе с помощью однокоренных слов, принимающих отрицательные суффиксы. Обратимся к примерам. «Тлеющий ум в капле грусти Не может тлеть в океане торжеств» [2, с. 174].

Таким образом, как мы видим Бахтияр Вагабзаде сообразно содержанию своих стихотворений с успехом пользуется антонимическими фразеологическими выражениями, наряду с имеющимися в языке фразеологическими выражениями используя индивидуальные стилистические выражения, с удивительным мастерством передаёт читателям свои мысли.

Наши исследования показывают, что Бахтияр Вагабзаде, питаясь общеязыковой-национальной фразеологией, принёс азербайджанской поэзии десяток новых выражений. Обогащая внутренние возможности родного языка, поэт тем самым выявил глубинные значения слова, определил стилистические функции словотворчества. Здесь в первую очередь выявлялось отношение самого Бахтияра Вагабзаде к языку, его истории, литературному языку, народному творчеству, глубокое знакомство с диалектом и говорами азербайджанского языка.

Библиографический список

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. – М., 2004.
2. Вагабзаде Б. Независимость. – Баку, 1999 (на азерб. языке).
3. Гасанов Г. Культура речи и основы стилистики. – Баку: АГУ, 1999 (на азерб. языке).
4. Магеррамова С. А. Парадигматические отношения в лексике русского – азербайджанского языков. Баку: Бакинский государственный университет, 2002.
5. Современный русский язык / под ред. П. А. Леканта. – М., 2000.

АЛЛЮЗИВНАЯ ОНОМАСТИКА В ПОЭЗИИ ЖОРЖА БРАССЕНСА

Ю. А. Истратова
Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

Summary. Allusion is a capacious and effective artistic method. Intended to reveal a circle of usual associations to be understood by the native of a culture. Modern French poetry often applies to aluusive mythology. The Georges Brassens' texts are so rich in mythologemes that they make the style of author recognizable.

Key words: poetry, onomastics, mythology, mythologeme, allusion, association, archetype, image interaction, form, reality.

Под аллюзией в широком смысле понимают риторическую фигуру, заключающуюся в ссылке на историческое событие или литературное произведение, которые предполагаются общеизвестными. Иногда аллюзия представляет целую выдержку из произведения. Аллюзией в поэзии называют стилистическую фигуру, содержащую явное указание или отчётливый намёк на литературный, исторический, политический или мифологический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи. Мифологические аллюзии занимают во французской поэзии особое место.

Уже более полувека западноевропейские учёные исследуют миф совсем с иной позиции, чем это делалось в XIX веке. В отличие от своих предшественников они рассматривают теперь миф не в обычном значении слова как «сказку», «вымысел», «фантазию», а так, как его понимают в первобытных и примитивных обществах, где миф обозначает «подлинное, реальное событие» и, что ещё важнее, событие сакральное, значительное и служащее примером для подражания. Но это новое значение слова «миф» делает его употребление в современном языке двойственным. И в самом деле, это слово употребляется в наши дни, обозначая как «вымысел», «иллюзию», так и «священную традицию, первородное откровение, пример для подражания», что близко и понятно, прежде всего, этнологам, социологам и историкам религии [5, с. 7]. История культуры на всем её протяжении так или иначе соотносилась с мифологическим наследием первобытности и древности, отношение это сильно колебалось, но в целом эволюция шла в направлении «демифологизации» (её вершинами можно считать просвещение XVIII в. и позитивизм XIX в.), а в XX в. мы сталкиваемся с крутой «ремифологизацией», значительно превосходящей по своему масштабу романтическое увлечение мифом в начале XIX в. Сущности мифологизма нельзя понять, не уяснив специфику подлинной мифологии, первобытной и древней, не поставив вопрос о соотношении их между собой [4, с. 8].

Мифологема – термин, используемый для обозначения мифологических сюжетов, сцен, образов, характеризующихся глобальностью, универсальностью и имеющих широкое распространение в культурах народов мира. Употребляется также термин «мифологический архетип».

В середине 1950-х гг. Ролан Барт опубликовал серию очерков о всеобщей мифологизации современного сознания. Так, по его мнению, образ жизни среднего француза пропитан «мифологизмами». В исследованиях Барта ведущим в определении мифа является слово. Всё, что покрывается

дискурсом, может стать мифом. И вообще, если рассуждать глобально, то миф, полагает Р. Барт, является маркирующей качественной характеристикой современного общества, при этом мифологизация – признак всех социумов [2, с. 303]. «Мифологемы – коллективные и индивидуальные – являются именами собственными, либо выступают в функции имен собственных. Говорить ... о содержании имён собственных или, тем более, пытаться разложить это содержание на компоненты было бы бессмысленно. Однако каждое слово, а мифологема – особенно, помимо своего референциального значения и вне зависимости от того, обладает ли оно сигнификативным значением или нет, в памяти говорящего / слушающего включено в некоторый круг привычных ассоциаций, понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте» [3, с. 395].

Мифологема – ёмкий и действенный художественный приём, благодаря которому упоминание лишь одного слова (как правило, имени того или иного персонажа, действующего лица) может вызвать целый ряд нужных автору ассоциаций. Содержание мифологемы составляют архетипы (образы), «архэ» вещей – основа и начало мира. По мнению исследователя живой мифологии Карла Густава Юнга, в понятии «мифология» первая основа означает «слово, речь, предание», вторая — «собирать», т. е. слово в целом нужно понимать как «собирание воедино» [6, с. 259].

Нас интересуют отношения, связывающие историю, миф и поэзию; отголоски событий давних дней, нашедших отражение в стихах, благодаря которым последние приобретают живость и определённую историческую или некую «временную» аллюзию. Обращение к мифу или некому историческому событию – беспроигрышный ход: это может быть одноединственное слово, которое не нуждается в комментариях для того, кто осведомлён. Мифологическая направленность интересна лаконичностью: подчас бывает достаточно в определённом контексте коснуться того или иного события, попросту упомянуть и мгновенно станет ясна суть повествования.

Стихи Ж. Брассенса (1921–1981) и при жизни поэта переводились на многие языки. В России он был долгое время известен лишь в узких кругах, в основном среди франкофилов и любителей французской песни. Однако, благодаря знатоку французской поэзии, переводчику и исполнителю бардовской песни А. Аванесову, теперь можно прочесть Брассенса и по-русски: в 2002 г. вышла книга переводов Аванесовым стихотворений французского поэта на русский язык. В стихах Ж. Брассенс чаще всего обращается к древнегреческой и древнеримской мифологиям. В его поэзии нередки библейские темы, встречаются персонажи национальных европейских мифов. В страстном гимне «Mourir pour des idées» («Умереть за идею») встречаем сразу два аллюзивных имени собственных – Мафусаила и Иоанна Златоуста. Брассенс гневно порицает тех, кто рад убедить других рабски покориться слепой идее, погибнуть за неё, а сами они и дальше прославлять «смерть за идею». Поэту нестерпима мысль, что люди – управляемая и зависимая масса. Абсурд, слепое повиновение, рабская покорность – вот гневные слова, что читаются сквозь строфы в патетическом стихотворении Жоржа Брассенса. Фигура Мафусаила, которую поэт ненадолго ставит перед зрителем, оттеняет изображение страдания народа, рисует пугающую картину слепого рабского повиновения.

Mourir pour des idées	Умереть за идею
Les saints Jean Bouche d'or qui prêchent le martyre, Le plus souvent d'ailleurs s'attardent ici-bas. Mourir pour les idées, c'est le cas de le dire, C'est leur raison de vivre, ils ne s'en privent pas. Dans presque tous les camps on en voit qui supplantent Bientôt Mathusalem dans la longévité. J'en conclus qu'ils doivent se dire, en aparté: «Mourons pour des idées, d'accord, mais de mort lente, D'accord, mais de mort lente». [7, c. 243].	Пророки и вожди на нашей с вами тризне Твердят на все лады, что ради их идей Не жалко, черт возьми, и миллиона жизней, Но сами не спешат расстаться со своей. Туда, где льется кровь, их не загнать пинками, За делом рук своих, следя из-за кулис, Похоже, все они когда-то поклялись; «Умрем ради идей! Мы — «за» двумя руками Умрем… Но стариками». [1, с. 110].

Брассенс вводит в повествование имя Мафусаила, одного из патриархов, праотцев человечества, прославившегося своим долголетием: он прожил 969 лет (ср.: «мафусаилов век»). Мы полагаем, что поэт упоминает это имя для контраста в связи с долголетием Мафусаила. «Поводыри», «мессии» готовы на всё, что угодно, лишь бы свести в могилу толпы безвинных людей, убеждая их в смерти «за правое дело», непременно требующее огромной человеческой жертвы. В переводе А. Аванесова Мафусаил не упоминается (заменено нарицательным «старики»), по всей вероятности, потому, что его имя недостаточно известно широкому кругу русскоязычных читателей.

Библиографический список

1. Аванесов А. Г. Брассенс в русском переводе. – М.: Стратегия, 2002.
2. Барт Р. Смыслы мифа: мифология в истории и культуре // Сб. в честь 90-летия проф. М. И. Шахновича. – Сер. «Мыслители». – Вып. 8. – СПб., 2001. – С. 300–305.
3. Лотман Ю. М. Литература и мифы. – М., 1982.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 2000.
5. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2000.
6. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Государственная Библиотека Украины для юношества, 1996.
7. Brassens, G. Poèmes et chansons. – P.: Seuil, 1993.

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ РЕЧИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Н. В. Безрукова
Оренбургский государственный аграрный университет,
г. Оренбург, Россия

Summary. The paper considers the problem of syntactic compression in Modern German fiction text on the basis of basic principles of linguistics and stylistics of text. Main ways of achieving the conciseness in author's speech are revealed.
Key words: fiction text, the author's speech, syntactic reduction, ellipsis.

Для современного литературного языка вообще и художественной речи в частности характерно широкое проникновение элементов живой разговорной речи в речь письменную, а именно разговорных конструкций в систему письменной речи. Предметом нашего рассмотрения и анализа является синтаксическая редукция, представленная в авторской речи, используемой в современных немецких художественных текстах.

Авторской речью считаются те части литературного произведения, «в которых автор обращается к читателю от себя, а не через речь персонажей» [1, с. 200]. Авторское повествование используется с целью создания эффекта «сопричастности», «соучастия» читателя в описываемых событиях. Речь автора в текстах современной немецкой художественной прозы может быть представлена различным образом. Во-первых, в форме третьего лица единственного числа (er-Erzahler). Повествование выглядит в этом случае безлично. Это так называемый аукториальный повествователь (лат. auctor – создатель) в форме «он» (der auktoriale Erzahler), «находящийся вне мира повествования, но организующий его и предлагающий адресату текста свою интерпретацию событий» [2, с. 94].

Кроме того, повествование может осуществляться в форме первого лица единственного числа, в форме «я» (ich-Erzahler), в том числе как в форме действующего лица произведения, так и в форме персонифицированного повествователя, когда повествователь обозначен именем. Повествователь в форме «я» сочетает в себе две функции: действующего лица и рассказчика. Повествование может быть при этом либо субъективным, либо объективным. И если для субъективной формы характерна существенная индивидуализированность, иллюзия реальности и проявление высокой индивидуальности, то объективная форма повествования близка к аукториальной, поскольку повествователь находится вне или на периферии описываемых событий и проявляет себя как наблюдатель, свидетель происходящего в тексте.

Проведённый нами анализ показывает, что в прозаических художественных произведениях современных немецких авторов ведущим видом повествовательной перспективы является «персональный» рассказчик, являющийся одним из действующих лиц художественного текста. Использование персонального повествователя в субъективной форме «я» позволяет выразить настроение и переживания, душевное состояние автора. Данная особенность способствует тому, что авторская речь становится более приближенной к разговорной речи с присущей ей краткостью и лаконичностью.

В лингвистической литературе обращается внимание на стремление привнести в этом случае в текст особую эмоциональность и живую интонацию [3, с. 4], что позволяет убедительно выразить точку зрения автора, его определённые мироощущения и авторскую позицию, поскольку «художественный текст как законченное речевое произведение пронизан субъективностью и антропоцентрическими устремлениями» [5]. Как показывает практика, без антропоцентрической идеи невозможно понять не только закономерности построения конкретных текстов, но и основы языковой системы, поскольку язык существует для межличностного общения.

По мнению Г. Я. Солганик [6, с. 96], грамматическое лицо является одной из фундаментальных категорий языка, поскольку эта категория не только оформляет участие говорящего в речи, но и в значительной степени её строй, при этом автор может отождествлять себя с каким-либо персонажем и вести повествование от его имени, что делает это повествование более правдоподобным, красочным, глубоким. Произведения, написанные от первого лица, обычно обозначают немецким термином «Ich-Roman» [7].

Все предложения, используемые в том числе и в авторской речи, с точки зрения своей грамматической полноты делятся на три основных типа [8]. Это, во-первых, полные нераспространённые предложения, состав которых ограничивается главными, необходимыми членами предложения. Во-вторых, эллиптические предложения, в составе которых отсутствует хотя бы один из главных членов предложения, являющихся необходимыми с точки зрения структуры соответствующего логико-грамматического типа предложений. И, в-третьих, распространённые предложения, включающие в свой состав не только главные члены, необходимые с точки зрения данного структурного типа предложения, но и другие члены предложения.

Стремление к краткости изложения в рассматриваемой нами авторской речи достигается прежде всего благодаря использованию простых нераспространённых предложений, например: *1. Sie lachte. 2. Er blickte auf. 3. Der Wecker war gestellt. 4. Mein Handy klingelte. 5. Marek schrak zusammen. Marek nickte. [9]; 1. Paul schuttelte sich. 2. Das genugte* [10]. В приведённых примерах сложная глагольная форма является единым образованием.

Несмотря на то, что полные нераспространённые предложения не являются в авторской речи преобладающим типом предложений, тем не менее они представлены здесь довольно широко. Наличие нераспространённых предложений способствует достижению эмоционально повышенного, напряжённого повествования. Простое нераспространённое предложение представлено и в том случае, когда определённая лексическая единица, выступающая необходимым членом предложения, имеет при себе элементы, «являющиеся формально отдельными словами и отдельными членами предложения (определениями), но фактически сливающиеся с тем словом, к которому они относятся, в одну смысловую цельность (фразеологические образования разного рода)» [1], ср.: *Er hatte sich im Griff* [9].

Авторской речи, представленной в современной немецкой художественной литературе, присущи и эллиптические конструкции, также редуцирующие объём предложения и, как следствие, способствующие достижению краткости изложения. В составе эллиптических предложений отсутствует один из его необходимых членов или какой-либо составной эле-

мент этих необходимых членов предложения. Вместе с тем эллиптические предложения могут содержать ряд второстепенных членов. Данные предложения используются широко в том случае, если контекст восполняет те или другие, а иногда и все главные члены предложения. При этом возможны самые различные формы эллиптических предложений.

Эллиптические предложения с нулевым сказуемым соотносительны с предложениями, в которых сказуемые выражены глаголами с различными значениями: бытия, восприятия, речи, движения, побуждения, желания. Названные предложения находятся в отношениях вариантности. Благодаря присущей эллиптическим предложениям экспрессивности они находят широкое применение в разговорной речи, художественной литературе при описании статического и динамического характера, в эмоционально окрашенном повествовании, ср.: *1. Ein Foto jeder Person. 2. Peter und seine Wehwehchen, unsere Schularbeiten, das Haus, seine vielen Ecken, Winkel, Handeboden und Kellerraume ... . 3. Armes Maxchen* [10].

Использование односоставных предложений обусловлено их эмоциональностью и оценочностью, динамичностью и разговорной окраской.

Что касается синтаксической редукции, то она возможна в том числе и потому, что «предложение всегда находится в определённом контексте, который фактически дополняет и уточняет непосредственно выраженное в данном предложении содержание» [8]. Развернутое предложения и контекст взаимосвязаны и переплетаются друг с другом. В. Г. Адмони обращает внимание на то, что «в живой, эмоционально повышенной речи при соответствующем контексте опускается даже местоименное подлежащее» [11]. Для анализируемой нами авторской речи данный факт является одной из её характерных особенностей, ср.: *Die Regentropfen wiederholten seinen Namen mit geisterhaften nassen Zungen. Peter. Peter. Hatte schone braune Augen, in denen der Schalk geschrieben stand, und ...* [10].

Ряд предметов и явлений объективной действительности выражаются в авторской речи посредством именительного падежа. Это так называемые бытийные предложения, в которых отсутствует сказуемое: *Das Bankenviertel. Zehn Uhr. Stau vor der Ampel an der nachsten Kreuzung [12]; Licht, Gesichter, Lachen. Sonntag. Ich habe ein Fax bekommen* [9]. Подобные односоставные предложения относятся к средствам экспрессивного синтаксиса. Предикативное отношение состоит в утверждении бытия, «самого факта существования того предмета или явления, которое обозначено именительным падежом, что и выражено в самом термине «бытийное предложение» [8]. Можно согласиться с тем, что имя существительное, образующее главный член номинативного предложения, совмещает в себе в концентрированном виде образ предмета и идею его существования в плане настоящего. Отсюда богатые экспрессивные возможности номинативных предложений и широкое их использование в статистических описаниях, в повествованиях для передачи быстрой смены явлений и предметов, в эмоционально окрашенной речи с её восклицательными интонациями, в авторских ремарках, киносценариях и др. [13].

Длина цельного предложения может также значительно сокращаться благодаря приёму парцелляции как особой формы актуализации предложения в тексте. Этот приём представляет собой такое членение цельного предложения (простого или сложного), при котором его содержание реализуется не в одной, а в двух или более интонационно-смысловых речевых единицах – парцеллятах, следующих одна за другой после разделительных

пауз: Wer Schulden hat, lugt. Immer [12]. Парцелляты являются сегментами предложения, будучи структурно зависимыми частями предыдущего предложения. Это так называемое присоединение. Парцелляты являются структурами естественной речи. Им присуща естественная выразительность. В лингвистической литературе использование парцеллированных конструкций характеризуется как кинематографический метод изложения содержания [14; 15].

Анализ показал, что при употреблении в авторской речи сложносочинённых предложений (ССП), в ряде случаев предпочтение отдается бессоюзным ССП, ср.: *Ihr Rucken war sehr garade beim Gehen, ihr Schritt gemessen* [9]. Сочинение может быть, как известно, синдетическим и асиндетическим. Бессоюзие (асиндетон), которое в системе синтаксических связей противостоит подчинению как имплицитная связь эксплицитной, организует специальную синтаксическую единицу – бессоюзное сложное предложение.

Основная сфера, где господствуют бессоюзные сложные предложения – это разговорная речь [16], поскольку синтаксическая форма и семантические характеристики бессоюзных сложных предложений наиболее соответствуют условиям и коммуникативным задачам разговорной коммуникации. Смысловые отношения в бессоюзном ССП специального выражения не получают, а извлекаются в процессе декодирования из содержания соединяемых предикативных конструкций. Поэтому они являются имплицитными. В письменной форме существования текстов эти виды предложений используются для имитации разговорной, живой речи. Бессоюзное выражение синтаксических отношений между предложениями или выражение этих отношений с помощью сочинительных союзов [17] показывает желание автора уйти от определённости в выявлении причинно-следственных связей и других видов обусловленности, например: *Seine Partner traten zur Seite, eine Torte, eine 23 darauf* [9].

Одним из способов достижения краткости изложения содержания, в том числе и в авторской речи, могут быть т. н. «смещённые» конструкции, придающие речи разговорный характер. Сущность этого стилистического приёма состоит в том, что конец предложения даётся в ином стилистическом плане, чем начало. Смещённые конструкции могут использоваться и в ССП, ср.: *Jedenfalls spektakelten sie wie auf dem Fussballplatz – plotzlich ein Schuss* [9]; *Sie sehen einen mit ihrem Tierblick an, glanzende, unnaturlich geweitete Pupillen* [12]. Такие конструкции придают речи разговорный характер.

Из сложноподчинённых предложений (СПП) в плане синтаксической редукции обращают на себя внимание такие сложные предложения, в которых главное предложение состоит из одной лексической единицы, направленной на выражение эмоционально-оценочного значения: *Ein Wunder, dass ich uberhaupt noch auf dem Stuhl sass* [9]. Подобные СПП используются для активизации эмоционального воздействия на реципиента, с тем чтобы его заинтересовать в сообщаемой ему информации. В приведённом примере главное и придаточное предложения связаны между собой лексико-синтаксическими средствами: в первой части имеются оценочные слова, а вторая часть служит для обоснования этой оценки. СПП названной структуры используются, как правило, в разговорной речи, например: *Молодец, что заступилась*. По аналогичной схеме могут быть образованы СПП, главное предложение в которых может состоять из од-

ной лексической единицы, не имеющей оценочного значения, ср.: *Ein Wimpernschlag, wahrenddessen ich alles verstand* [9].

Синтаксическая редукция в СПП, используемых в авторской речи, достигается и при помощи бессоюзных сложных предложений, например: 1. *Erhob der kleine Kutscher neben mir seine heisere Stimme, so konnte ich sicher sein… 2. Fuhren wir uber eine Wurzel oder durch eine tiefe Pfutze, vernahmen wir Serjoshas Brummen* [9].

Таким образом, в авторской речи – наряду с элементами литературно обработанного синтаксиса – представлены редуцированные обиходно-разговорные конструкции. Компрессия как синтаксическая сжатость, но отнюдь не всегда простота синтаксических связей, может проявляться в авторской речи, используемой в произведениях современных немецких авторов, по-разному. Эллиптические и парцеллированные конструкции, бессоюзные сложные предложения являются в данном случае ведущими способами достижения краткости изложения с точки зрения синтаксических средств.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 301 с.
2. Николина Н. А. Филологический анализ текста. – М.: Academa, 2003. – 255 с.
3. Крылова О. А. Лингвистическая стилистика. – М.: Высш. шк., 2006. – 319 с.
4. Кожина Н. М., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 463 с.
5. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 496 с.
6. Солганик Г. Я. Стилистика текста. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 254 с.
7. Kohn D. Narrated Monologue, Definition of a Funktional Style, Comparative Literatur. – Oregon, 1966. – V.18.
8. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М.: Изд-во литры на иностр. языках, 1955. – 391 с.
9. Schulze I. Handy. – Berlin: Verlag Berlin, 2007. – 280 S.
10. Duckers T. Himmelskorper. – Berlin: Aufbau-Verlag, 2005. – 319 S.
11. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. – Л.: Наука, 1973. – 366 с.
12. Oswald G. M. Alles was zahlt. – Berlin: Aufbau-Verlag, 2000. – 283 S.
13. Eroms H.-W. Stil und Stilistik. – Berlin: Erich Schmidt, 2008. – 255 S.
14. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. – 2,. изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1990. – 320 с.
15. Bogatyrewa N. A., Nosdrina L. A. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. – M.: Academa, 2005. – 336 S.
16. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. – М.: Наука, 1986. – 223 с.
17. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – 686 с.

III. ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, МЕНТАЛЬНОСТЬ

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Е. А. Ефименко
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Summary. The article deals with the problem of correlation of language and culture. Humanity and scientific association was always concerned with this problem, because a language as means of intercourse of people and a culture of the society are in continuous connection and cooperation. Any culture determines the life of people and any language is reflected by life and conduct of people in all spheres of their activity.
Key words: language and culture, mentality, linguistic norm, concept.

«...ничто иное столь не способно приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их языки...»
В. фон Гумбольдт [1]

По вопросу соотношения языка и культуры сказано и написано очень многое. Причиной такого интереса к проблеме со стороны философов, психологов, культурологов и, конечно, филологов является тот факт, что язык как средство общения людей и сформированная с его помощью культура данного общества находятся в непрерывной связи и непрерывном взаимодействии, что и определяет их развитие. В настоящее время изучение взаимоотношений языка и культуры является одним из наиболее актуальных направлений отечественной психолингвистики – этнопсихолингвистики, «причём культура рассматривается как среда использования языка» [2]. Язык – это:

1) «зеркало культуры». В нём отражаются не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира;

2) «сокровищница, кладовая, копилка культуры» [3]. Язык хранит культурные ценности в лексике, грамматике, идиоматике, пословицах, поговорках, фольклоре, что в свою очередь представляет собой сложную и стройную логическую систему, основанную на выработанных веками и даже тысячелетиями правилах и приёмах обыденного мышления, закреплённых в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи;

3) «передатчик, носитель культуры» [3]. Он передаёт сокровища национальной культуры, хранящиеся в нём, из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщённый культурный опыт предшествующих поколений.

4) «орудие, инструмент культуры» [4]. Он формирует личность человека, носителя языка через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям, то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения. В наибольшей мере специфика национального характера и менталитета от-

ражена в национальном языке, являющемся важнейшим этногенным фактором.

Чрезвычайно важным условием существования и культуры, и языка является такое понятие, как *норма*. В сфере культуры мы можем говорить о *нормах поведения*, а в области языка – о *норме литературного языка*. Нормы, как правило, зарождаются из традиций и оказываются «стимулом для развития общества, его культуры и языка» [3]. О высоком уровне развития языка свидетельствует *языковая норма* – совокупность наиболее устойчивых языковых средств и правил их употребления, традиционно принятых в данном обществе в данную эпоху.

Языковые нормы как основа литературного языка фиксируются в грамматических и толковых словарях, они изменчивы и складываются в практике языкового общения образованных носителей языка. Это непрерывный процесс, отражающий динамику общественной жизни. Регламентация этих норм требует постоянного анализа функционирования литературного языка в сопоставлении с предшествующими стадиями его развития. Для этого необходимы постоянные и многолетние наблюдения над употреблением литературного языка в разных речевых жанрах, требуются исследования фундаментального характера, результаты которых закрепляются в словарях и грамматиках, то есть кодифицируются.

Культура, как и язык, не может существовать вне человека. Культура определяет, а язык отражает (и поэтому тоже определяет) жизнь и поведение человека во всех сферах его деятельности. Ссылаясь на определение Ю. С. Степанова можно утверждать, что культура существует в виде неких концептов, ментальных образований: «Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово» [7]. Изучение содержания концептов, отражённых в различных языках, позволяет установить универсальные и культурно-специфические черты закреплённых в них знаний.

Таким образом, язык не существует вне культуры как «социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [6]. Как один из видов человеческой деятельности язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека. Однако не стоит забывать о том, что «язык в первую очередь способствует тому, что культура может быть как средством общения, так и средством разобщения людей» [8], а культурные различия, отражённые в языке и закреплённые языком, часто ведут к неверному толкованию воспринимаемой информации в процессе мужкультурной коммуникации.

Поэтому главная культурная проблема XXI века будет состоять в том, чтобы начавшийся процесс глобализации не обернулся утратой национальной самобытности народов. Лучшей гарантией недопущения утраты национальной самобытности народов является осознание самоценности национальных языков как отражения неповторимого склада мышления каждого народа, чьё «глубокое исследование раскрывает каждому народу глаза на бездну красоты, силы и незаменимую ценность культуры другого народа, пестует трепетное уважение к её уникальности» [9].

Библиографический список

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.
2. Вестник МГЛУ. Вып. 540. Этноспецифические и социокультурные аспекты языка и дискурса. – М.: Рема, 2008. – С. 9.
3. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учеб. пособие – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – С. 17.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2008. – С. 264.
5. Хайдеггер М. Время картины мира. – М., 1986.
6. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. – С. 185.
7. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
8. Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989. – С. 75.
9. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М., 1988.

ЭТАЛОННОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

И. В. Киселёва
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Summary. This report is about the problem of the spatial code of culture in language. The succeeding research involves a general survey of the language/culture interrelation, world language picture, as well as description origin and functions of the spatial code of culture.
Key words: world language picture, spatial code of culture, binary opposition, etalon.

Языковой картиной мира считается «отображение в формах языка устройства экстралингвистической действительности» [1, с. 36]. Экстралингвистическая действительность, или культурное пространство, состоит из определённых кодов культуры, которые представляются в качестве «сетки», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его.

Как считает В. Н. Телия, коды культуры – это «те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода «обозначаемыми» собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой «подоснову» культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [5, с. 38]. Культурные коды соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Они универсальны по своей природе [3, с. 298].

Пространственный код культуры в данном случае понимается как совокупность имён и/или их сочетаний, обозначающих членение пространства, а также отношение человека к этому членению.

Одним из способов представления пространственного кода культуры в языке являются фразеологизмы.

Фразеологические единицы обнаруживают двойную соотнесённость с культурой: сама их внешняя форма – это уже язык культуры [5, с. 251]. Своеобразным посредником в связи фразеологических единиц с культур-

ной действительностью выступает внутренняя форма фразеологизмов, фактуальный план которой фиксирует реальный фрагмент культуры. Система образов фразеологических единиц является своего рода «нишей» для кумуляции мировидения [5, с. 215]. Таким образом, фразеологизмы отражают культуру непосредственно своим денотатом и опосредованно через соотнесённость образно-мотивированного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры. Пространственные фразеологизмы являются универсальным средством членения пространства реального мира, демонстрируя тем самым мировосприятие человеком окружающей действительности.

Лингвокультурологический анализ позволяет установить соотнесённость фразеологизма с кодами культуры – теми реалиями, которые человек наделил культурным смыслом.

Выделенные в образе фразеологизма признаки реалий, соотносимых с кодами культуры, – их функции, границы, форма и т. п. – обычно выполняют в «языке» культуры роль *эталонов* (когда реалия служит мерой какого-либо количества или качества):

а) <*в двух шагах*> – совсем близко, на очень близком расстоянии:

Человек с более изощрённой психикой решил бы, возможно, что она выбрала именно это место – *в двух шагах* от собственной квартиры, – чтобы получить удовольствие особого рода, наслаждение от надругательства над семейным очагом. *Виктор Пелевин. Ника.*

Это был мистический день: жара, туман как молоко, так что ничего не видно *в двух шагах*, и при этом льёт горячий дождь. *Сати Спивакова. Не всё.*

Образ фразеологизма отображает эталонное представление о том, что объект находится в пространственной близости от самого физического тела человека, но на некотором расстоянии от внешней стороны границы, очерчивающей личную зону человека.

б) <*на край света*> – очень далеко:

Готовые идти за ней *на край света,* обезумевшие поклонники в России, Париже или Нью-Йорке. *Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века…*

Как бы ни было, мадемуазель Жорж влюбилась в Бенкендорфа настолько, что решилась следовать за ним *на край света. Юрий Давыдов. Синие тюльпаны.*

Фразеологизм в целом выполняет роль эталона, т. е. меры, далеко расположенного пространства.

в) <*не за горами*> – невдалеке, рядом:

Вязьма, конечно, *не за* такими уж *горами*, но без передышки и пополнения, пожалуй, не дойдём и до Вязьмы. *К. Симонов, Живые и мёртвые.*

Для других — *не за горами* / Для меня — за тридевять земель. *Н. Браун, Ты теперь придёшь ко мне не скоро…*

Фразеологизм в целом выполняет роль эталона, т. е. меры, близкого, достижимого для человека расстояния до какого-либо объекта.

г) <*под боком*> – совсем рядом:

Иногда у меня возникало ощущение, что, кроме реального пространства-времени, в котором мы жили, Андрей имел *под боком* ещё один экземпляр, сдвинутый по времени на полтораста лет, где как раз и обитает

Пушкин со своим окружением. *Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода.*

Пишите Анькины координаты, она тут *под боком* живет, через дом от института, небось на диване сейчас валяется. *Дарья Донцова. Доллары царя Гороха.*

Фразеологизм в целом выступает как эталон близкого нахождения кого-либо или чего-либо.

д) *<под [самым] носом>* – в непосредственной близости, рядом с кем-либо:

У тебя *под носом* можно было роман в письмах устроить – ты бы и не заметил! *Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда».*

Выключать футбол *под носом* у болельщика было всё-таки антигуманно, поэтому я всего лишь выключил звук. *Вера Белоусова. Второй выстрел.*

Фразеологизм в целом выполняет роль эталона, т. е. меры, максимально возможной пространственно-телесной близости.

Итак, культурное пространство условно членится на коды, соотносимые с архетипическими представлениями субъектов культуры. Пространственный код культуры относится к числу наиболее древних кодов культуры. Одним из способов представления пространственного кода культуры в языковом сознании являются пространственные фразеологизмы, источником культурной интерпретации которых выступают эталоны. Именно эта эталонность образного основания фразеологизмов обусловливает их культурную специфику.

Библиографический список

1. Гак В. Г. Русская динамическая языковая картина мира. // Русский язык сегодня. – Вып. 1: Сб. статей / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 36–44.
2. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М., 1965.
3. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
5. Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 30. – М., 2005. – С. 4–42.
6. Толстая С. М. Пространство слова. – М., 2008.
7. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ЕЁ МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

М. В. Матвеева
Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара, г. Арзамас, Россия

Summary. In our days reality of frequent contacts between people of different nations the understanding of the other mentality becomes extremely important for linguistic training. The interaction of language and culture is the focus of interests of many scientists. Lingvoculturology is devoted to the above mentioned problem and is considered to be very actual nowadays.

Key words: mentality, philology, language, culture, communication, lingvoculturology.

В современных условиях тесных контактов представителей разных этносов неизбежно столкновение менталитетов. Поэтому для аудитории, изучающей иностранный язык, чрезвычайно важным становится понимание менталитета носителей изучаемого языка.

Само слово филология подразумевает изучение языка и культуры страны, жители которой на этом языке говорят. Филология (от греч. phileo – люблю, logos – учение) – совокупность наук, изучающих культуру какого-либо народа, выраженную в языке и литературном творчестве [6, с. 343]. Филология (англ. philology, фр. philologie, нем. Philologie, ucn. Filológia) – общее название дисциплин, изучающих язык, литературу и культуру данного народа преимущественно через посредство литературных и других культурно-исторических сочинений и памятников [1, с. 375].

Целенаправленное обучение языку ставит своей целью возможность коммуникации с представителем другой национальности. Успешное осуществление такой коммуникации предполагает знание не только иного языка, но и иной культуры. Актуальной, вследствие этого, становится и проблема взаимоотношений языка и культуры. В разработке этой проблемы перед современными лингвистами встаёт вопрос: что такое лингвокультурология.

Существуют разные подходы к определению лингвокультурологии. Самой популярной в отечественной науке работой может считаться учебник В. А. Масловой. В нём автор определяет её как «отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии», как «гуманитарную дисциплину, изучающую воплощённую в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» или как «интегративную область знаний, вбирающую в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [5, с. 37].

В работе В. В. Воробьёва «Лингвокультурология: теория и методы» лингвокультурология определяется как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [2, с. 41].

В. В. Красных в работе «Этнопсихолингвистика и лингвокультурология» определяет последнюю как «дисциплину, изучающую проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [4, с. 20].

Проблемы лингвокультурологии также разрабатываются учёными Волгоградской школы, в частности, В. И. Карасиком и Е. И. Шейгал. В. И. Карасик рассматривает лингвокультурологию как «комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» [3, с. 103]. В работе Е. И. Шейгал и В. А. Буряковской лингвокультурология определяется как дисциплина, изучающая «отдельные объекты концептуальной картины мира и их осмысление общественным сознанием и языком с точки зрения объекта отражения, одним из которых является этнос» [7, с. 9].

Подводя итог, следует сказать, что несмотря на многообразие определений лингвокультурологии, она доказала своё право на существование в современной структуре научного знания и системе филологического образования.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. Воробьёв В. В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. –Перемена, 2002. – 477 с.
4. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001. – 208 с.
6. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
7. Шейгал Е. И., Буряковская В. А. Лингвокультурология: Языковая репрезентация этноса. – Волгоград: Логос, 2002. – 316 с.

О НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЖЕЛАНИЙ ДОБРА И ЗЛА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

С. А. Сулейманова
Бакинский славянский университет,
г. Баку, Азербайджан.

Summary. The article is devoted to the investigation of the structural peculiarities of good wishes and harm wishes in the Russian and Azerbaijani languages. In the article the semantic meanings; the wish constructions of a word combination and sentence models are described.

Key words: good wishes and harm wishes; the structural peculiarities; the Azerbaijani language; the Russian language.

Пожелания добра и зла являются важной частью речевого этикета. Без знания особенностей этикета невозможно получить представление о культуре народа и правилах поведения, принятых в этой культуре. Императивный строй является наиболее характерной особенностью пожеланий

добра и зла (в отличие от других фразеологизмов). Семантика этих выражений строится на подчёркнутом пожелании добра или зла адресату; они резко отличаются от остальных устойчивых словосочетаний своей экспрессивностью, иногда (в зложеланиях) граничащей с повышенной аффектацией.

Сопоставительный анализ пожеланий в разных языках даёт возможность увидеть особенности как речевого оформления, так и национальную специфику самих пожеланий. Например, русское пожелание добра *добрый день* не содержит в себе грамматических форм непосредственного обращения и пожелания добра кому-либо конкретно и поэтому больше напоминает междометие. Азербайджанский же эквивалент является прямым обращением к адресату, ко второму лицу: *sabahın(ız) xeyir (olsun*). В азербайджанском языке прямо говорится «пусть будет» *xeyir (olsun*), если даже отсутствует в нём глагольная часть *(olsun*). Таким образом, этническая специфика речевых формул пожелания проявляется в способах их развёртывания и структурирования, а сами по себе они относятся к числу общечеловеческих действий.

Речевые пожелания в азербайджанском языке отличаются большим семантическим и структурным разнообразием, характеризуются сильной зависимостью от ситуации общения, меньшей степенью фразеологизированности и большей прозрачностью смысла (внутренней формы), чем в русском языке.

Пожелания добра и зла, как и фразеологизмы, характеризуются той или иной степенью устойчивости. Например, в выражении *да пропади ты пропадом* последний компонент является предсказуемым. Это признак высокой степени устойчивости. В азер.: *İşin avand olsun* предсказуемым элементом является *avand olsun*. Другие примеры на признак устойчивости: д*обро пожаловать; спокойной ночи; разрази меня гром; yaxşı yol; uzun ömür; çox sağ ol; lənətə gələsən; əlin, dilin qurusun* и т. д. Признак *устойчивости* объединяет пожелания с фразеологизмами.

Пожелания могут состоять из одного слова; из словосочетания; могут иметь конструкцию предложения. Например, пожелания, представленные отдельным словом: з*дравствуй(те); на здоровье; спасибо; благодарю; окаянный, анафема; сгинь; salam; xudahafiz; maşallah; zəqqum; ölmüş; külbaş* и т. д. Здесь говорящий в обращение не вкладывает буквального смысла, а использует готовый штамп. При произнесении *здравствуйте* или *спасибо* не думается о здоровье адресата или о пожелании быть спасённым богом. Эти пожелания являются междометиями. «Некоторые из однословных пожеланий десемантизировались» [3, с. 169] и употребляются как восклицания. К группе пожеланий из одного слова примыкают азербайджанские пожелания с вспомогательным глаголом *olmaq:sağ olmuş;pir olmuş; lənət olmuş; yox olmuş; topal olmuş; şil olmuş*. Такие пожелания выходят за пределы фразеологии, т. к. стоят ближе к слову, но, как и в фразеологизмах, между этими словами нельзя вставить другое слово, эти пожелания непроницаемы, что говорит о более тесной связи главного слова с вспомогательным компонентом. Здесь проявляется признак *семантической неразложимости*, сближающий пожелания с фразеологизмами. Семантическая и структурная связь некоторых компонентов пожеланий с прежними словосочетаниями особенно заметна, если наравне с композитом употребляется и образовавшее его словосочетание. В азербайджанском языке есть выражение *sağ ol* и параллельно функцио-

нирует пожелание *sağlam ol*; наряду со словом *спасибо* можно услышать *спаси тебя бог; здравствуй – будьте здоровы*. Фразеологизмы состоят из раздельно оформленных слов, части композитов утратили свою раздельную оформленность. В этом разница между композитом-пожеланием и сочетанием-пожеланием.

Пожелания добра и зла общеупотребительны, приняты как языковыми нормами, так и правилами речевого этикета общества. Пожелания *воспроизводимы* так же, как другие фразеологизмы. Например, русское *здравия желаю* эквивалентно выражению *будь здоров*, и здесь невозможна какая-либо перестановка. Но пожелания до сих пор не стали предметом отдельных лексикографических сборников. Причина, наверное, в их многообразии и экспрессивности. Так же, как и фразеологизмы, пожелания экспрессивны, обязательно выражают в себе определённое душевное расположение говорящего и вызывает соответствующую эмоциональную реакцию в адресате. Пожелать «*всех благ*» собеседнику значит показать своё благорасположение к последнему. Самыми экспрессивными являются недобрые пожелания. Недоброе отношение передаётся адресату и вызывают ответные речевые формулы: *да пропади ты пропадом; будь ты неладен; чтоб тебе пусто было; dilin qurusun; boynun sınsın; yerə girəsən; cəhənnəm ol*.

К словам-предложениям близки однословные пожелания, которые являются словами речевого этикета и выражают приветствие, благодарность, прощание. Отсутствие утверждения, отрицания отличает данные конструкции от других типов однословных предложений: *здравствуй, спасибо*. Т. Г. Почтенная считает, что пожелания типа: *добрый вечер, добро пожаловать* по значению, по степени фразеологичности эквивалентны отдельным словам [4, с. 90]. Другие же относят их к междометным предложениям [1, с. 114–116].

В русском языке некоторые однословные пожелания /*да сгинуть (тебе); да ослепнуть (тебе)*/ употребляются с инфинитивом. В азербайджанском языке однословных инфинитивных конструкций мало: *eşq olsun; ar olsun; uğur olsun; zəlil olsun*. Слово *благодарю* не имеет ни формы, ни значения повелительного наклонения.

Примеры именных однословных пожеланий, представляющих эллиптические нечленимые конструкции: (желаю) *удачи, здоровья, счастья, благополучия, halal, mübarək, uğurlar, müvəffəqiyyətlər, zəhər, boğma, dərd, zar, zəhrimar, zəqqum* (olsun).

Пожелание-словосочетание *спокойной ночи* обладает всеми признаками фразеологической единицы. Оно воспроизводимо, состоит из постоянных компонентов, расположенных в определённом постоянном порядке; оно имеет связанное семантическое содержание, его компоненты полностью не утратили своё буквальное значение, но тем не менее характеризуются фразеологичностью потому, что эти два именных слова приняли на себя функцию целого предложения, опустив все те сопутствующие компоненты, которые в другой ситуации были бы уместны в структуре полносоставной фразы (ср. *Я желаю тебе провести спокойной ночи*). Примеры других именных словосочетаний, которые могут выступать самостоятельно: с *новым годом; с наступающим праздником; мир дому сему; доброго здоровья; хлеб да соль; чай да сахар; в добрый час; счастливой дороги; в добрый путь; царство небесное; мягкой посадки; скатертью дорога* и др. В азербайджанском языке словосочетания-пожелания не могут высту-

пать в функции предложения. Пожелания добра и зла, представляющие собой словосочетания, делятся на адъективные (*od aparmış*) и субстантивные (*halal süd əmmiş; daşa dönmüş*). Эти конструкции могут включать и соматические компоненты *(əli qurumuş, beli sınmış, gözü çıxmış, ciyəri yanmış);* выступать в роли вводных словосочетаний и обращений. В русском языке также встречаются пожелания, соотносимые со словосочетаниями, которые употребляются как упрёк: *бог с тобой; ко всем чертям; чёрт с тобой; господь с вами; ну его к лешему, к чёртовой бабушке.*

Нижеследующие пожелания выражают различные эмоции, лишены буквального значения, выступают в роли междометий: Где вы попрятались, *чёрт бы вас взял*?! (А. П. Чехов, Врачи); *Чтоб меня черти съели*! (А. П. Чехов, Счастливчик); – Тьфу, *чтоб тебя чёрт взял*! (А. П. Чехов, Неприятная история). Эти пожелания близки по составляющим компонентам, по синтаксической структуре предложениям. Но они не являются предложениями в классическом понимании предложения; они имеют конструкцию предложения по функции, по своей фразеологичности. Описание синтаксической структуры пожеланий показывает специфичность их употребления в речи. Пожелания обладают коммуникативной завершённостью, выражают соответствующую мысль в отличие от слова или словосочетания. Поэтому представляется более закономерным рассматривать их в плане синтаксического построения предложения. Но в отличие от классических предложений пожелания не выражают суждения. Имеются и глагольные конструкции словосочетаний-пожеланий, которые могут выступать самостоятельно: с*частливо оставаться; здравия желаю; добро пожаловать; ступайте с богом; пошёл к чёрту; счастливо добраться*. «В языке существуют и фразеологизированные схемы, которые регулируют не только формы компонентов, но и лексическое наполнение открываемых ими позиций и по которым строятся предложения с нечёткими синтаксическими связями между компонентами. Значения предложений, строящихся по фразеологизированным схемам, складываются по принципу создания значения у фразеологизма, они уникальны и, как правило, экспрессивны» [2, с. 445].

Определённо-личные конструкции: п*ровалитесь в тартары; так будьте ж здоровы, живите богато; последним буду* (клятв.); *чтоб провалился (я) на месте* (клятв.). *Ступай с богом*, Семён Митрич, дай нам ружьё! Заставь вечно бога молить (А. П. Чехов, Рано). *Спаси, господи, его душу*! (А. П. Чехов, Святой ночью). *Господи, прости нас грешных!* (А. П. Чехов, Ненастье). В азербайджанском языке такие конструкции рассматриваются в рамках неполных двусоставных.

Безличные конструкции: ч*тоб меня убило* (клятв.); *чтоб тебя раздавило; чтоб тебе радовалось и вольготно жилось*. Ах, *в рот те дышло с маком*! (А. П. Чехов, Скорая помощь). – А, *чтоб тебя подстрелило*! *Погибели на тебя нету!* (А. П. Чехов, Талант). *Чтоб тебя на том свете так дёрнуло!* (А. П. Чехов, Холодная кровь). *Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло!* (Н. В. Гоголь, Сорочинская ярмарка). *Чтобы тесно было колосьям на вашем поле* (Р. Гамзатов, Мой Дагестан). Ах ты шут! – закричал ей вслед Грязнов, потрясая пальцем. – *Чтоб тебя раздавило*, чёртова тварь! (А. П. Чехов, В Париж). В азербайджанском языке таких конструкций нет.

Инфинитивные: *Чтоб тебе до ста лет дожить; чтоб вам радоваться; чтоб тебе сдохнуть; околеть бы тебе; провалиться тебе сквозь землю.* (Примеры из азербайджанского языка мы привели выше.)

Эллиптические конструкции: *бог в помощь; мир дому. Царство небесное; вечный покой!* – прошептал кучер (А. П.Чехов, В сарае); Насела на парня, прилипла и около собаки держит ... *к шутам её на пасеку*! (А. П. Чехов, Письмо). *Ad qoyana rəhmət; qardaşıma qurban; canı cəhənnəmə; qadam ağzına; kül başına.*

Двусоставные: *Чтоб он околел*, твой казак! (А. П. Чехов, Казак). Не разгорается, *чтоб он треснул!* – орёт где-то внизу вдова, ставя самовар (А. П. Чехов, Талант). – А, *чтоб ты лопнула*, бесова тварь! (А. П. Чехов, Счастье). Во сто лет бы, кажется, такого письма не сочинил! *Спаси вас господи* (А. П. Чехов, Письмо). *Будь я,* анафема, *трижды проклят*, если не Англия! (А. П. Чехов, Новогодняя пытка). *Canına dərd buyururam; Xoş xəbər olasan; sağlıqla işlədəsən; ömrün uzun olsun; pulsuzluğun üzü qara olsun; o günə daş düşeydi; Allah sizi muradınıza çatdırsın; Allah kəssin belə bazarı.*

Сложные: Ежели не принесу, чтобы мне ни на том, ни на этом свете счастья не было (А. П. Чехов, Рано). *Aydınlıq içində ol, imanın kamil olsun; Allah səni xoşbəxt eləsin ki, gələn il gəlim səni xoşbəxt və məramına çatmış görüm! Canını dərd, azar alsın, süpürgə bığların sovxaya qalsın.*

В азербайджанском языке есть ещё и пожелания-обращения: *Qurban olum; qadan canıma; ağrın alım; başuva dönüm; iraq candan* и т. д.

Библиографический список

1. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение. – 1981. – 271 с.
2. Белошапкова В. А. Синтаксис // Современный русский язык. –М.: Высшая школа, 1989. – 779 с.
3. Вайнрайх У. О семантической структуре языка / Новое в лингвистике. Языковые универсалии. – М.: 1970. – Вып. 5. – 300 с.
4. Почтенная Т. Г. Слова-предложения // Современный русский язык. – М., 1979. – Ч. 2.

РОЛЬ СЕРОГО ЦВЕТА В ЦВЕТОВЫХ КЛАССИФИКАЦИЯХ

М. В. Денисенко
Кемеровский государственный университет культуры и искусств, г. Кемерово, Россия

Summary. Researchers haven't been able to pin down any universal classification system that will be able to predict how people will interpret and respond to the colours around them. This is because a person's culture, gender, age, emotional and mental state, specific experiences, mood - as well as the appearance and combination of the colours themselves - can all affect the reaction. As for the attitude to the grey colour, people of different cultures react to this colour in a different way. And this reaction varies in intensity from person to person.

Key words: colour, grey colour, colour classifications, primary colours, interpretation of colour, reaction to colour.

Среди ощущений, получаемых от внешнего мира, огромную роль играют зрительные ощущения, а среди последних – цветовые. Общее число цветов, различаемых чьим-либо глазом, превышает 10 000. Но не всё

может быть выражено словесно. Так, реально существуют только те сочетания названий, которые соответствуют упорядоченности нашего цветового зрения. Как же классифицируют цвет?

Все цвета принято делить на хроматические и ахроматические, цветные и нейтральные. Но в то же самое время учёные утверждают, что в природе нет нейтральных цветов – все они несут элементы какого-нибудь цветового оттенка. И это действительно так. Ахроматические цвета, различаясь только по светлоте, образуют непрерывный ряд от абсолютно чёрного, хотя абсолютно чёрного цвета нет, до слепяще белого.

С точки зрения физики, цвет – понятие собирательное. Существует три аспекта цвета: физический, физиологический и психологический. Нас интересует третий аспект – психологический, т. е. восприятие цвета, и непосредственно серый цвет.

Самое интересное заключается в том, что серый цвет – один из немногих, к которому нет однозначного отношения. Для одних серый – цвет ***«неопределённый и никак не воспринимается»*** [2]. Для других – этот цвет активно воздействует на психику: однообразный серый вызывает угнетённое, подавленное состояние духа; а вот красно-серый, наоборот, тёплое, приятное ощущение.

Серый цвет не так уж непопулярен. Он встречается в европейском костюме, интерьере квартир и домов, в современной графике, в живописи (рококо – 18 век, модерн – 19–20 века), в окраске архитектурных объектов.

Рассмотрим некоторые цветовые классификации и роль серого цвета в них.

Основными цветами древности были красный, белый и чёрный как цвета наиболее ценных веществ и стихий – кровь, молоко, огонь, земля. В Китае и Египте ещё зелёный – растительность, и синий – небо.

Обратим свои просвещённые взоры к средневековой Европе. Здесь в системе цветов существовала иерархия. Главные, божественные цвета – белый, золотой, пурпурный, красный, синий, желтый. Чуть пониже – зелёный и чёрный. Таких же цветов, как серый, коричневый, другие смешанные малонасыщенные цвета, учёные-богословы не замечают, а живописцы избегают применять (только в особых случаях). В них нет ни божественности, ни антибожественности, как в чёрном. Серый был цветом нищенского рубища, цветом отверженности от христианского мира. Это даже не цвет, а просто его отсутствие.

На Ближнем и Среднем Востоке в средние века два цвета – серый и коричневый – считались полностью негативными, т. к. оба они представляют собой заглушение и затемнение двух прекраснейших и сияющих цветов: белого и жёлтого. Белый прямее всех передаёт сияние света, божественность, чистоту, духовность; жёлтый – блеск, славу, солнце, нетление. В макаме Аль-Харири говорится о том, что счастливый мир – зеленый, а несчастливый – серый. В сказках «Тысяча и одна ночь» описан некий франк, обязательно европеец, злодей и хитрец. Отличительной чертой его служит «пепельное» лицо.

Интересно отношение к серому цвету в Китае. Колорит императорских дворцов бесконечно многообразен. Здесь встречаются не только «слепящие цвета», но и неяркие, утончённо-изящные: серые, древесные, терракотовые, и этот сдержанный общий тон разнообразится небольшими яркими включениями – светлая Луна, разноцветные птицы. В унисон с

природой настроена человеческая душа. Сама природа строит свои гаммы по такому же принципу.

В цветовой эстетике Леона Батиста Альберти немного другая классификация цветов, и она включает серый цвет. Истинных цветов столько, сколько стихий, а именно четыре: огонь – красный, воздух – голубой, вода – зелёный, земля – серый или пепельный, от которых, постепенно умножаясь, рождаются другие виды цветов. Надо заметить, что Леонардо да Винчи исключил из классификации серый цвет, исправив этим «ошибку», а может быть и не «ошибку», т. к. абсолютно чёрного цвета не существует.

Как это ни покажется странным, в алхимическом мире цвет так же значим, как и в первобытные времена, если не более. Правда, серый цвет не самый главный. В алхимическом производстве самое близкое участие принимают духи и демоны. Как же ещё могут они внушить человеку свою волю и идею, как не посредством цвета. Алхимики делили все цвета на две группы: 1 ступень – красный, белый, черный, зеленый; 2 ступень – все остальные, включая серый.

Рассмотрим другую интерпретацию цвета. Цвет, по И. Ломаццо, связан со свойствами человеческой души. Поэтому огромна роль цвета в возбуждении различных чувств. Цвета тёмные, землистые, свинцовые возбуждают в глазах души созерцающего свои собственные качества, которые могут быть печалью, озабоченностью, меланхолией, задумчивостью (это открыли ещё раз в 20 веке).

Важна информационная роль цвета. Цвет лица определял психическое состояние: так, ужас трусов передавался свинцово-серой покойницкой бледностью. Лицам, правда, свойственен не только цвет, но и свет – серебристое сияние исходит от обликов мудрых добрых старцев. Цвет одежды рассказывал о мыслях и настроениях. Костюм Орландо из «Как вам это понравится» У. Шекспира состоит из белой рубашки, которая символизирует веру и чистоту, серого костюма с зелёными отделками – печаль и влюблённость, чёрного плаща – постоянство.

Следует заметить, что цветовые предпочтения внутри одного общества всегда зависели от классовой принадлежности. В 19 веке люди физического труда склоняли свой выбор к более ярким и чистым цветам, а интеллигенция и эксплуататорский класс – к сдержанной, ахроматической гамме. С началом развития товарно-денежных отношений серый цвет признаётся наиболее уместным и ненавязчивым для деловой обстановки. Его начинают ценить за практичность и сдержанность.

В 20 веке отношение к нему также претерпело массу изменений от резко отрицательного до восторженного. Войны первой половины века усугубили неприятие серого цвета основной массой населения во всём мире. Однако послевоенная уставшая психика требует ярких радостных цветов, и она получает «карнавал» всех оттенков радуги в моде, искусстве, интерьере. В конце 20-го столетия опять приходит пресыщение, и повторяется новый виток «спирали вкусов» – вся Европа и Америка вновь находит изысканность в простоте и рациональности. А простота и рациональность – отличительная особенность именно серого цвета.

Библиографический список

1. Миронова Л. И. Цветоведение. – Минск: Высшая школа, 1984.
2. Цойгнер Г. Учение о цвете. – М.: Стройиздат, 1971.

КОНЦЕПТ «ТЕАТР» И СЕМАНТИКА ЕГО КОГНИТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ, ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ ИЗ КОНЦЕПТА «КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР»

С. А. Калинина
Морская государственная академия имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, г. Новороссийск, Россия

Summary. In the article “Concept “Theatre” and the meaning of its cognitive characteristics verbalized from the Concept “Puppet Theater” there have been analysed conceptual questions of the verbalization of Concept “Theater” cognitive characteristics the source of which is the Art of the Puppet and Folk Theaters. There have been investigated questions of the development of verbalizing concept characteristics, their conversion in the conditions of culture development up to date. The significant aspect is the conversion of cognitive characteristics to modern meaning of the concept with the creation of cognitive vocabulary fundamentals.

Key words: semantic characteristics, Puppet show booth, lever, Punchinello, barrel organ, marionette (puppet), Punch.

Концепт «театр» формируется в нашем сознании набором семантических признаков, которые вырабатываются у индивида в течение всей жизни.

Первое знакомство с концептом «театр» происходит ещё в детском возрасте, в период активного восприятия искусства кукольного театра. Опыт игр детей с куклами-моделями, характеризующими форму восприятия (красивая кукла – некрасивая кукла) и обладающими функциональными возможностями (кукла может совершать элементарные движения), вызывает определённый ассоциативный ряд в восприятии объекта. А сам объект – модель человека, и возможности этой модели определяются, в конечном счёте, мироощущениями ребёнка.

Когниции, относящиеся к кукольным театрам, явились вербальными признаками лексического понятия «вертеп» в русском и украинском языках.

Вертеп – переносной театр кукол, в котором разыгрывались представления религиозного характера, связанные с легендой о рождении Христа. Как русский, так и украинский вертепы обычно имели два этажа: верхний – «рай» и нижний – «ад». В «раю» разыгрывались религиозные сцены, в «аду» – светские [2].

Современная семантика этого лексического объекта разительно отличается от первоначальной. Так, в современном понятии вертеп ассоциируется с беспорядком, хаосом, разрушенным порядком вещей; это место, где собираются преступники, развратники, наркоманы, или притон [4].

Познание окружающей природы приводит к следующему устойчивому понятию когнитивной лексики – марионетка.

Марионетка – кукла, управляемая с помощью нитей. Марионетка требует особого устройства сцены, так как актёр находится сверху на специальном помосте, называемом тропой. В руке актёра – вага (подвижный крестообразный держатель), на которую собраны нити, идущие к различным частям тела куклы. Марионетка – наиболее сложная по технике управления театральная кукла. Её конструкция обычно воспроизводит анатомию человека. Одна из особенностей театра марионеток – наличие настоящего, а не воображаемого пола, по которому передвигается кукла [3].

Это тот случай, когда современное восприятие вербальных признаков этого лексического объекта, по меньшей мере, ассоциируется с концептом. Мы говорим «марионетка» о человеке зависимом, не имеющем собственного мнения, о том, кто слепо подчиняется чужой воли и является послушным орудием в чьих-либо руках [4].

Дальнейшее развитие когнитивных признаков, зародившихся в рамках существования концепта, часто воспринимается каждым из индивидов субъективно. Примером этому может служить полишинель.

Полишинель – герой французского театра кукол. Появился в середине XVIII века. Находится в прямой связи с итальянским Пульчинеллой, но Полишинель обзавёлся двумя горбами – спереди и сзади. Как говорят, горб спереди появился от обжорства. Полишинель по своему характеру – весельчак и немножко циник [3].

В современном восприятии – это человек, не способный хранить секреты, сплетник и подлиза, тот, кому свойственно шутовство в поведении, секрет полишинеля – известное всем событие или новость, содержание которой подразумевает тайну [4].

Отечественный аналог простака из народа, вызывающего жалость и симпатию зрителей, относящегося, вне всякого сомнения, к положительным персонажам сцен в кукольном театре, является Петрушка.

Петрушка – герой русского народного театра кукол. Первое упоминание о Петрушке относится к 1636 году. Как внешний вид Петрушки – длинный нос и колпачок с кисточкой, так и сценки, которые он разыгрывал, почти не подвергались изменениям на протяжении столетий. В кукольных представлениях вместе с Петрушкой принимали участие и другие персонажи: цыган, лекарь, квартальный, капрал и т. д.

В первые годы «пролетарской» революции Петрушка, в традициях русского народного театра, участвовал в кукольных спектаклях чаще всего агитационного характера. История сохранила имена двух крупнейших русских актёров, последних представителей народных кукольников: Александра Павловича Седова и Ивана Афиногеновича Зайцева. И. А. Зайцев был первым советским кукольником, удостоенным звания заслуженного артиста РСФСР [1].

В современном русском языке лексический объект «шарманка» не относится к когнитивным признакам концепта, хотя в своём первоначальном применении шарманка являлась непременным атрибутом кукольных представлений.

Шарманка – старинный музыкальный инструмент, в сопровождении которого шло представление про Петрушку. Принцип устройства шарманки такой же, как и музыкальных шкатулок. Репертуар шарманок составляли наиболее популярные песни старого времени, к примеру: «Матушка-голубушка», «Вдоль по Питерской», «Маруся отравилась».

Шарманка в современном языке чаще используется для обозначения надоедливого процесса, отличающегося примитивностью и повторяемостью. Так же это нудный, монотонный разговор или многократно повторяемая просьба [4].

Можно предположить, что в широко используемом словаре современного человека, говорящего на русском языке, основные лексические объекты вербальных признаков, которые относятся к кукольному театру, исчерпываются.

Но важно в нашем исследовании то, что рассмотренные выше объекты когнитивной лексики, прочно вошедшие в наш лексикон, слабо коррелируются в представлении современного человека с концептом «кукольный театр».

В то же самое время узкопрофессиональная семантика вербальных признаков концепта «театр», являющаяся основой театральной лексики, использует различные пришедшие из кукольных театров лексические выражения.

Гиньоль – герой французского театра кукол. Родился в Лионе в начале XIX века. Гиньоль по профессии ткач. Сюжеты сценок, в которых он участвовал, были заимствованы из жизни рабочих Лиона. Это и привело к тому, что Гиньоль вытеснил с кукольной сцены старого Полишинеля. В Лионе Гиньолю сооружён памятник.

Но Гиньоль с точки зрения современного концепта – характеристика пьес, спектаклей и отдельных сценических приёмов, основанных на изображении различных преступлений, злодейств, скабрезных сценок, избиений, пыток и т. п. [2].

В случае с Гиньолем имеет место консолидация лексического объекта в пределах вербальных признаков «концепта» без пролонгации его семантики в бытовом русском языке. Очевидно также, что тот примитивизм жанра, имевший место в первоначальной семантике лексического объекта, стал нарицательным в вербализации когнитивной лексики современного концепта «театр».

Библиографический список

1. Зверева Н. А., Ливнев Д. Г. Создание актёрского образа. Словарь театральных терминов. – М.: ГИТИС, 2008. – 104 с.
2. Словарь театра кукол. URL: www.http.//maglamp.narod.ru/slovarik.htm
3. Театральное искусство. Глоссарий. URL: www.http.//glossary.ru
4. ABBYY Lingvo. Электронный словарь.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «АКТЁР» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕАТРАЛЬНОМ СОЦИОЛЕКТЕ

С. С. Малышева
Вологодский государственный педагогический университет, г. Вологда, Россия

Summary. In the article the author defines the main terms connected with the problem of the investigation and describes the lexical-semantic group “actor” of English theatrical social dialect. The examples of hyperseme, hyposeme and synonymic rows are given.

Key words: English theatrical social dialect, lexical-semantic group, hyperseme, hyposeme, synonymic row.

Цель статьи состоит в рассмотрении лексико-семантической группы «актёр» в англоязычном театральном социолекте, в задачи входит выделение гиперсемы, гипосем и синонимических рядов данной ЛСГ.

Материалом для статьи послужили театральные социолектизмы, полученные методом сплошной выборки из специальных театральных словарей, словарей сниженной лексики, а также из интервью с представителями театрального профессионально–корпоративного социума.

Под лексико-семантической группой принято понимать объединение слов одной части речи, которые на уровне своих лексических значений имеют хотя бы одну общую сему. Для обозначения общей, или интегральной семы, объединяющей все члены лексико-семантической группы, обычно используется термин «гиперсема», а семы, дифференцирующие слова одной ЛСГ, принято называть «гипосемами».

Лексико-семантическая группа организована иерархически, часть лексем, входящих в неё, образует ядро, так как эти лексемы являются родовыми наименованиями, остальные лексемы дифференцируются в подгруппы на основании общности гипосем. В состав ЛСГ могут входить синонимические ряды (СР), включающие синонимы разных типов. Синонимический ряд – это «незамкнутое объединение синонимических лексических единиц, которое обладает иерархией, формируется вокруг определённой микротемы и базируется на совокупности интегральных и дифференциальных признаков» [2: 63].

Исследуем более подробно ЛСГ «актёр». Ядро данной группы представлено следующими примерами: **footlighter**, **playster**, **puppet** (СР из 13 единиц). Другие социолектизмы данной группы имеют дополнительные семы (гипосемы).

Возраст: пожилой актёр, ветеран – **vet** (СР из 8 единиц), молодой актёр – **broad, chest and bedding**.

Значимость на сцене: исполнитель главной роли – **name**, **boothstar** (СР из 8 единиц); исполнитель второстепенных ролей – **little name**, **bit player**.

Уровень мастерства: профессиональный актёр – **stage pro** (СР из 4 единиц); непрофессиональный актёр – **ham**, **non-pro** (СР из 8 единиц).

Уровень популярности: популярный актёр – **fave**, **paralyzer** (СР из 12 единиц).

Раса: темнокожий актёр **bone**, **boogy** (СР из 11 единиц).

Амплуа: комик **banana**, **laugh handler** (СР из 24 единиц); трагик **agony**, **boots** (СР из 12 единиц); драматический актёр **dramaticker**, **salon man** (СР из 9 единиц); актёр на выходных ролях **boot-jack**, **util**; дублёр **pinch hitter**, **understudy** (СР из 6 единиц).

ЛСГ «актёр» является одной из самых обширных в театральном социолекте, в неё входит около 150 социолектизмов, что составляет приблизительно 4,1 % от исследованного материала.

Библиографический список

1. Коровушкин В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолектологического анализа): монография. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2008. – 167 с.
2. Моисеенко А. В. Некоторые лингвоэкологические особенности субстандартной синонимии в английском и русском языках // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. Серия «Филология. Искусствоведение». – Челябинск, 2007. – № 13 (91). – С. 63–69.

Список использованных словарей

1. Berrey L.V., Van Den Bark M. The American Thesaurus of Slang. Second Edition. A Complete Reference Book of Colloquial Speech. Eleventh Printing. (Fourth Printing of the Second Edition). – New York: Thomas Y. Crowell Company, 1962. – 1272 p.
2. Lighter Jonathan Evan Historical dictionary of American Slang, volume 1, A-G. – New York: Random House, 1994. – 1007 p.
3. Lighter Jonathan Evan Historical dictionary of American Slang, volume 2 H-O. – New York: Random House, 1994. – 736 p.
4. Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English. – London, Melbourne and Henley: RoutJedge & Kegan Paul, - 1440 p.
5. Wentworth Harold and Flexner, Stuart Berg Dictionary of American slang. – New York: Thomas Y. Crowell, Publishers, 1975. – 766 p.
6. Перель Э. С. Англо-русский и русско-английский театральный словарь. – М.: Филоматис, 2005. – 440 с.
7. TheatreFix: Theatre Jargon www.theatrefix.co.uk
8. Peter Lathan, A Glossary of Theatre Terms. www.britishtheatreguide.info

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ШКОЛА» В МЕТАФОРИКЕ ЯЗЫКА НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЁЖИ

С. Н. Аюшеева
Восточно-Сибирский государственный технологический университет, г. Улан-Удэ, Россия

Summary. The article deals with the conceptual metaphors devoted to the theme of “school”. The school is one of the most important social institutes where people get socialized, that’s the main reason ob discovering so many different metaphors in the language of the German teenagers.

Key words: concept, conceptual metaphor.

Современные исследования в рамках когнитивной лингвистики в основном сосредоточены на изучении языка как инструмента членения и осмысления мира, который задаёт человеку определённые стереотипы восприятия окружающей действительности. Концепт является наиболее важной категорией осмысления и восприятия окружающего мира. Метафора, по мнению большинства современных лингвистов, направленная изначально на создание концептуальных моделей (Арутюнова 1999, Балашова 1998, Гак 1988, Лакофф, Джонсон 2004, Телия 1988), играет чрезвычайно важную роль в данном контексте.

Цель данной статьи – выявить образ мира носителя молодёжного языка, использующего в своём дискурсе метафоры. Для этого предполагается провести анализ словарей немецкого молодёжного языка.

Метафоры понимаются как единицы вторичной косвенной номинации, основанные на переносе форматива с одного денотата на другой на основе ассоциативного сходства по аналогии [1, с. 62], хранятся в «концептуальной памяти человека» [2, с. 84], организуются по законам взаимодействия «сложных неевклидовых объектов во фрактальной деятельности некоторой языковой личности, соизмеряющей себя и мир в диапазоне личностного тезауруса через призму ассоциативного сходства отдельных элементов мозаичной картины мира» [3, с. 84]. Для языковой личности огромную значимость имеет индивидуальный лексикон, представленный в виде «динамической функциональной системы, самоорганизующейся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и

упорядочения речевого опыта и его продуктами» [4, с. 154]. Речевой опыт молодёжи обрастает продуктами коммуникативной деятельности – лексическими единицами первичной и вторичной номинации.

Огромный научный интерес к метафоре (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, В. Г. Гак, Е. И. Новикова, Е. К. Падучева, И. В. Пахомова, В. Л. Рабинович, И. В. Сибиряков, И. В. Телешева, В. Н. Телия, Е. В. Темнова, И. Устуньер, А. С. Филатова, А. П. Чудинов, Э. Н. Будаев, Л. Л. Шевченко, B. Debatin, X. Fexg, A. Goatly, J. Grady, T. Oakley, S. Coulson, G. Lakoff, M. Johnson, M. Schwarz-Friesel, Z. Kövecses, S.Csábi, Réka Haudú, Z. Bokor, O. Izsó и др.), неисчерпаемая глубина её содержания, многогранность проявления и полифункциональность позволяют осознать «фундаментальность» [5, с. 145] проблематики лингвистических исследований по данной теме.

Обратимся к анализу эмпирического материала. Метод сплошной выборки позволил выявить 700 метафорических единиц, группирующихся вокруг различных концептов. Одним из них является ШКОЛА, а также некоторые дополнительные обозначения, имеющие прямое или косвенное отношение к школе.

Обозначение школы в качестве образовательного учреждения представлено метафорами, выраженными как простыми, так и сложными именами существительными. Школа обозначается метафорами *Besenstall, Bildungsschuppen, Büffelbude, Psychohaus, Strebekaserne*. Метафора «фрактальна» [6, с. 86] в том смысле, что она нелинейна: с одной стороны, как языковой знак материальна, семантична, прагматична. Она структурируется именами существительными – простыми, производными и сложносоставными. В то же время она виртуальна, поскольку сам механизм взаимодействия элементов мозаичной картины мира остаётся скрытым в ментальной сущности человеческого познания. Виртуальность опирается на законы неевклидовой геометрии и выводит на гипотезу концептуальной интеграции разных ментальных пространств.

Одним их концептуальных признаков школы являются учитель и ученик, для обозначения которых используются метафоры *Freizeitkiller, Handykollektor, Schulbankglotzer, X-Man, Rauchmelder, Tafelglotzer, Buchstabenprofessor, Gehirnquäler*. Концепт АРТЕФАКТ интегрируется в концепте ЧЕЛОВЕК.

Взаимодействие и интеграция разных концептуальных пространств в одном ментальном является следствием структурно-семантической сложности языковых знаков вторичной косвенной номинации. Обнаруживается множественность метафоризации применительно к одному языковому знаку, которая определяется по квалифицирующему компоненту сложного слова.

Следующий концептуальный признак школы – школьные принадлежности, именующиеся метафорами *Gedankenmanifestator, Lernfossil, Gehirnprothese, Heftknutscher, Rollkabine, Taschenklugscheißer*. Концепт АРТЕФАКТ интегрируется в концепте ШКОЛА. Они участвуют в интеграции ментального пространства, зона бленда активизирует множественные ассоциации по сходству и аналогии.

Профессия учителя имеет для молодёжи особую социальную значимость – именно учитель направляет в нужное русло тинэйджеров. Именно эта социальная категория воспринимается молодыми людьми как социально значимая, именно для представителей этого социального слоя в мо-

лодёжном языке существуют особые косвенные номинации, выражающие преимущественно негативное к ним отношение. Это связано, прежде всего, с рефлексией на тему социального достоинства и индивидуальной свободы как ценностных ориентиров подростков. Учителя являются реальными ограничителями этой свободы, считают подростки.

Библиографический список

1. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. – Иркутск: ИГЛУ, 1998. – 235 с.
2. Хахалова С. А. Метафора как стимул к восприятию мира: модель фрактального дерева // Язык и межкультурная компетенция: сб. статей по материалам международной научно-практической конференции «Язык и межкультурная компетенция» 28–29 марта 2007. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. – С. 81–85.
3. Хахалова С. А. Личность и мораль: между метафорой и метонимией // Личность и модусы её реализации в языке: коллективная монография. – М.: ИЯ РАН – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 319–359.
4. Залевская А. А. Текст и его понимание. – Тверь, 2000. – С.154.
5. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – С.145.
6. Хахалова С. А. Возможности применения дискретной фрактальной парадигмы в исследованиях по метафоре // Вестник ИГЛУ. – 2008. - № 4. – С. 96–101.
7. Ehmann H. Voll konkret. Das neueste Lexikon der Jugendsprache. Beksche Reihe. – München., 2003.
8. Heinemann M. Kleines Wörterbuch der Jugendsprache. – Leipzig., 1990.
9. PONS. Wörterbuch der Jugendsprache. – Stuttgart., 2008.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ СРАВНЕНИЯ В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

З. Ю. Гуламова
Бакинский славянский университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. The article deals with the set simile of modern Russian language. The focus is on comparisons with the symbol of social status of the person as an object of comparison. Analysis shows that the cognitive trait underlying the comparison may be of minor importance for the object comparison. Thus, the comparison does not create objectively basic feature but the one that gets the status of the most important from the standpoint of the national mentality.

Key words: set simile, cognitive sign, national mentality, social status, object of comparison, environment.

Во фразеологии любого языка выделяется особая группа единиц, включающая в себя прецедентные феномены как объекты сравнения. Прецедентность самого феномена и обозначающего его имени определяется прежде всего его известностью в пространстве коллективного сознания носителей языка. Ориентация на такой прецедентный феномен носит характер ссылки, поскольку говорящие подсознательно уверены в высокой коммуникативной эффективности подобного обращения. С другой стороны, такое обращение к прецедентному феномену полностью соответствует характеру когнитивной метафоры, суть которой, как известно, заключается в том, что для определения сути одного объекта мы обращаемся к другому.

Термин «*устойчивые сравнения*» призван отграничить языковое от речевого. Поскольку сравнение носит универсальный характер, это операция, к которой прибегают на каждом шагу, определить границы сравнений, используемых говорящими в речи, почти невозможно. Столь же сложно определить границы объектов сравнений, встречающихся в речи. Поэтому особый объект исследования составляют устойчивые сравнения как узуальные сравнительные обороты, зафиксированные в словарях и содержащие в себе объекты сравнения, носящие стандартный для данного этнического сознания характер.

Устойчивые сравнения русского языка можно классифицировать в зависимости от семантики объекта сравнения. В системе сравнений выделяются такие объекты, которые представляют собой обозначение социального статуса человека. Например, *как арестант, как барин (барыня), как барышня, как кисейная барышня, как босяк, как бродяга, как буржуй, как вор (воровка, воришка, ворюга), как господин (госпожа), как жених, как заговорщик, как ломовой извозчик, как именинник, как институтка, как каторжник, как клоун (в цирке, балагане), как королева, как король, как кочегар, как кум королю, как монах (монахиня, монашка, монашенка), как у монаха, как невеста, как разборчивая невеста, как нянька, как пан, как паяц* и т. д. Всего по материалам «Словаря устойчивых сравнений русского языка» В. М. Огольцева [1] в русском языке существует 79 устойчивых сравнений с объектом сравнения социального характера. Это число учитывает и варианты сравнений типа *как монах, как монашка, как монашенка*.

Сравнительные обороты данной группы чётко подразделяются в коннотативном отношении. Так, обороты типа *как король, как принц, как именинник, как барин, как пан, как помещик, как кум королю* и т. п. выражают положительную коннотацию. Обороты типа *как арестант, как ломовой извозчик, как паяц, как каторжник* имеют отрицательную коннотацию.

Отрицательная коннотация, представленная в сравнительных оборотах, может быть разной. От отрицательной коннотации самого объекта сравнения следует отличать отрицательную коннотацию аксиологического характера, отражающую в структуре оборота коллективное представление носителей языка о характерных особенностях, сопутствующих данному объекту. Например, отрицательная коннотация сравнительного оборота *как каторжник* или *как каторжанин* непосредственно связана с семантикой объекта сравнения. Иными словами, каторга сама по себе – это символ ужасного существования.

Иначе обстоит дело с оборотом *как институтка*. Объект сравнения не содержит в себе ничего отрицательного как социальное явление или социальный статус. Однако в сознании носителей языка образ институтки характеризовался некоторыми особенностями, предполагавшими ироническое, насмешливое или полупрезрительное отношение.

Характер указанных двух типов отрицательной коннотации прослеживается и по словарям. Так, первый тип манифестирует отрицательную коннотацию на уровне семантической структуры слова, обозначающего объект сравнения. Во втором случае – объект сравнения обозначается нейтральным знаком. Например, в Словаре С. И. Ожегова значение слова *каторга* определяется следующим образом: «КАТОРГА 1. В странах с эксплуататорскими режимами: самые тяжёлые [первонач. на галерах] прину-

дительные работы для заключённых в тюрьмах или других местах с особо суровым режимом. 2. *перен.* Невыносимо тяжёлый труд, мучительная жизнь (разг.)» [2, с. 271]. *Каторжник* – «человек, к-рый отбывает каторгу (в 1 знач.) (чаще об уголовных преступниках)» [2, с. 271].

Знаменательно, что уже слово *каторга* развивает метафорическое значение, основанное на таких ассоциативных признаках, как «тяжесть наказания», «мучение», «самый тяжёлый». Не случайно в словарной статье подчёркивается, что каторга – это *самые тяжёлые* принудительные работы.

В связи с указанной семантической структурой слова *каторжник* нет ничего необычного в образовании устойчивых сравнений с этим объектом сравнения. В Словаре В. М. Огольцева: «Как (словно, точно) на каторге. ***Жить***, находиться – в очень трудных, мучительных условиях» [1, с. 243]. Или: «Как (словно, точно) на каторгу. ***Идти***, отправляться, собираться куда-л., к кому-л. – неохотно, против воли, с тяжёлым чувством или тревожным предчувствием» [1, с. 243]. Или: «Как (словно, точно) каторжник. ***Работать***, *трудиться* – много, с чрезмерной напряжённостью» [1, с. 244]. Одни и те же когнитивные признаки характеризуют и семантическую структуру слова *каторга*, и семантику устойчивого сравнения *как на каторге*.

В значении слова *институтка* нет ни одного негативного признака, оно совершенно нейтрально: «ИНСТИТУТКА (устар.) Воспитанница, ученица института (в 3 знач.)» [2, с. 251]. Столь же нейтральным является и слово *институт*, по третьему значению которого образована *институтка*: «ИНСТИТУТ 3. В дореволюционной России: закрытое (с пансионом) женское среднее учебное заведение для детей дворян» [2, с. 251].

Конечно, оба типа сравнительных оборотов с отрицательной коннотацией характеризуют картину мира, существующую в сознании русского языкового коллектива. Вместе с тем ясно, что именно второй тип, когда оценочное отношение формируется по отношению к нейтральным явлениям, позволяет делать заключения национально-ментального порядка.

Особое место в системе устойчивых сравнений русского языка занимают обороты типа *как фарисей*. С точки зрения значения сравнения оно только условно может быть отнесено к данной группе, поскольку обозначает особенности характера, психического склада людей. Однако объект сравнения представляет собой социальную и культурно-историческую реалию, характеризующую как раз общественную ситуацию, нашедшую отражение в Библии и соответственно в сознании народов, знакомых с ней. Ср. также русский фразеологизм *гробы повапленные*, однозначно отражающий библейскую ситуацию: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» [3, с. 1043]. Таким образом, фарисей в сознании всех, знакомых с Библией, превращается в символ лицемерия. Следует отметить, что этимологическое значение этого слова также лишено какой бы то ни было оценки, однако для русского менталитета и слово, и само социальное явление носит отрицательный характер. В Словаре С. И. Ожегова слово *фарисей* зафиксировано только в одном значении, вторичном: «ФАРИСЕЙ Лицемер, ханжа» [2, с. 846]. В Словаре Д. Н. Ушакова, напротив, отмечены оба значения, но характерно, что и по первому, историческому,

значению составители не удержались от описания коннотации: «ФАРИСЕЙ 1. В древней Иудее – член религиозно-политической партии зажиточных слоёв городского населения, отличавшейся фанатизмом и лицемерием в выполнении внешних правил благочестия (истор. религ.). 2. *перен.* Лицемер, ханжа (ритор.)» [4, с. 514].

Обращает на себя внимание по-христиански осмысленная концептуализация слова *фарисей* в первом значении. Иными словами, обвинять всех исторических фарисеев в лицемерии неправомерно. С другой стороны, понятия «фанатизм» и «лицемерие» не являются однопорядковыми с точки зрения *выполнения внешних правил благочестия*. Фанатизм в выполнении внешних правил благочестия может быть очевидным, лицемерие – нет. Если второе значение слова *фарисей* является нормой для русского литературного языка, то первое, снабжённое пометами *историческое* и *религиозное*, отражает представления, характерные для русского менталитета. В этом смысле, конечно же, словарная дефиниция, включающая такой когнитивный признак, как «лицемерие», не является объективно исторической, как и объективно религиозной. Она отражает глубокие ментальные представления, сформированные под тысячелетним влиянием евангельских коннотаций. Сравнительный оборот *как фарисей* не добавляет ничего нового с точки зрения коннотации к символу *фарисей*. Поэтому данный оборот с точки зрения характера коннотации ближе к оборотам типа *как каторжный/каторжник* и отличается от оборотов типа *как институтка*.

Необходимо отметить ещё одно обстоятельство. Сравнительный оборот *как фарисей* зафиксирован в Словаре В. М. Огольцева [1, с. 719], приводится и два примера. Например, «Вот ты шёлковый хитон надел и зовёшь, **как фарисей**, к прощению обид. А ведь лжа! Никто не прощает обид и не может прощать (Ф. В. Гладков. Повесть о детстве)» [1, с. 719]. Совершенно очевидно, что в этом примере сравнение *как фарисей* лишено отрицательной коннотации. Об этом свидетельствует и дополнительная дистрибуция. Иными словами, если бы выражение *как фарисей* в данном контексте означало бы «лицемер», то было бы лишено смысла восклицание «А ведь лжа!» Ведь и Христос призывал прощать обиды, но никто посмеет сравнивать Христа с фарисеями. На наш взгляд, в современном русском языке употребительнее метафора *фарисей*, чем сравнительный оборот *как фарисей*.

В системе сравнительных оборотов с объектом сравнения, представляющим собой обозначение социального статуса, высокая оценка однозначно связывается с названиями дворянских титулов, включая и самые высокие. Например, *как король, как принц, как царь, как пан, как барин, как помещик* и т. д. Представленные объекты сравнения не являются однозначными с точки зрения коннотации. Так, сравнение *как король* обнаруживает только положительную оценку, в то время как сравнение *как барин* имеет также неодобрительную оценку. Например: «Как (словно, точно) король (королева). ***Жить*** – в полном достатке, в условиях, удовлетворяющих все потребности, роскошно» [1, с. 278], но: «Как (словно, точно) барин (барыня) 1. ***Сидеть****, лежать, спать, рассесться, разлечься, развалиться*. Пребывать в праздном состоянии, привилегированном положении, ничего не делать (неодобр.) 2. ***Жить*** – хорошо, богато, в полном довольстве, обеспеченности» [1, с. 46–47].

Характерно, что значение сравнительного оборота конкретизируется окружением, а не контекстом. Это свидетельствует о том, что в сознании носителей языка устойчивой является конфигурация, а не собственно сравнительный оборот.

Интересно, что отрицательная коннотация присуща первому значению сравнения *как барин*, следовательно, оно является основным. Видимо, здесь сказывается такой когнитивный признак, как отрицательное отношение к богатству, ассоциируемому с мироедством. В этой связи не совсем понятно, почему сравнение *как буржуй* даётся только в одном значении и характеризующемся положительной оценкой. Например: «Как (словно, точно) буржуй. ***Жить*** – хорошо, богато, в полном достатке и довольстве» [1, с. 77].

Слово *буржуй* в русском языке всегда имело отрицательную коннотацию. В Словаре С. И. Ожегова значение этого слова описывается следующим образом: «БУРЖУЙ (разг., презр.). То же, что буржуа» [2, с. 68].

Словарь категоричен в своих оценках и однозначно определяет слово *буржуй* как презрительное от *буржуа*. Иными словами, обозначение *буржуй* изначально не было нейтральным. Следовательно, и сравнение *как буржуй* может быть только отрицательным, разговорным и презрительным. Коннотация также может носить контекстуальный характер. Поэтому допустимо, конечно, использование этого сравнения и в положительном смысле, т. е. как обозначение достатка и довольства. Однако, учитывая семантику объекта сравнения, можно рассматривать подобное употребление с положительной коннотацией как ироническое.

Механизм образования устойчивых сравнений напоминает механизм образования метафор как единиц вторичной номинации. Тот признак, который ложится в основу сравнения, носит второстепенный характер в структуре объекта сравнения. Напротив, в семантической структуре устойчивого сравнения данный признак становится центральным, поскольку именно на нём строится сравнение. Следовательно, национальный менталитет выделяет базовый признак произвольно, т. е. базовым признаком для сравнения является вовсе не тот признак, который составляет суть объекта сравнения. Например, для короля главное не то, что он утопает в роскоши, а то, что он монарх, которому принадлежит единоличная власть. Таким образом, коллективное сознание выделяет в качестве главного второстепенный признак и на нём строит сравнение. Возможен и другой вывод: для национального менталитета в качестве когнитивного важен именно признак «утопания в роскоши», а не социальный статус.

В семантической структуре различных сравнительных оборотов основной когнитивный признак представлен по-разному. Так, если сравнение *как король* базируется на второстепенном признаке, то оборот *как каторжный* непосредственно связан с определяющим данный социальный статус когнитивным признаком. Выше было отмечено, что в Словаре С. И. Ожегова определяющим для концепта «каторга» является признак «самые тяжёлые наказания». Если это действительно так, то культурный признак (каторга в данном случае реалия культуры, поскольку создана человеческим обществом) непосредственно детерминирует семантику сравнительного оборота.

В системе устойчивых сравнений русского языка в качестве объекта сравнения находят отражение обозначения почти всех более или менее значительных социальных положений. Коллективное мышление не всегда

выделяет базовый признак объекта в качестве символа сравнения. Характер коннотации также связан с национальным менталитетом. Когнитивный призак, определяющий продуцирование информации, объективно может носить несущественный характер для денотата фразеологической семантики.

Библиографический список

1. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. – М.: АСТ, Астрель, 2001.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1990.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Библейские общества, 1995.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 3. М.: Вече, Мир книги, 2001.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ, ОТРАЖАЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА

О. К. Баваева
Московский институт юриспруденции,
г. Москва, Россия

Summary. This article is devoted to metaphoric parallels as manifestation of parallelism that is inherent feature of the language due to the dualism of linguistic sign. Communicative goals of a person, his attitude to the subject of conversation, his relations with the addressee are revealed in metaphoric parallels one uses in speech.

Key words: Parallelism in the language, metaphoric parallels.

Языковой параллелизм как межуровневое явление, пронизывающее весь язык, исследовали многие известные лингвисты, такие как: В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, С. Г. Бережан, В. М. Солнцев, С. В. Илларионов, Г. В. Гак, Л. И. Баранникова, М. Н. Кожина, В. И. Кодухов, А. И. Домашнев, В. Д. Девкин, Б. А. Абрамов, И. А. Арнольд, Р. А. Будагов, В. Н. Ярцева. Дуализм языкового знака обусловливает возможность передачи одного и того же значения разными средствами. Появление метафорических параллелей в языке связано с коммуникативной деятельностью человека, «с привычными для данного коллектива способами расчленения действительности, с апробированными обществом средствами выражения тех или иных значений» [1, с. 43]

В данной статье описываются метафорические параллели нейтральных номинаций, обозначающих положение человека в обществе. Под метафорическими параллелями мы понимаем все образные эмоционально-оценочные, экспрессивные выражения, бытующие в языке, наряду с нейтральными словами и выражениями.

Английский антрополог Кейт Фокс в книге «Наблюдая за англичанами» с большим юмором пишет о нравах, привычках, причудах и слабостях англичан. В одной из глав автор отмечает: «Англия – культура с высокоразвитым классовым сознанием ...Каждый англичанин (признаём мы это или нет) тонко чувствует едва уловимые различия, по которым судят о принадлежности человека к тому или иному классу» [2, с. 25]. Как отмечает автор, социальный статус англичанина можно определить по тому, как организован его быт, какая в доме мебель, марка машины, какие слова

употребляет и как их произносит, какую одежду носит, где делает покупки и т. д. И действительно, в словаре сленга находим множество образных выражений, отражающих социальное положение человека. Зачастую индикатором социального положения является одежда, внешний вид человека. Приведём примеры из словарей: Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English, 1984; Spears R. A. Forbidden American English, 1991; Thorne T. The Dictionary of Contemporary Slang, 1991; The Oxford Dictionary of New Words, 1997.

Молодой человек из рабочего класса, носящий спортивную одежду и броские украшения, обозначается метафорическими параллелями spide, skanger, chav, ned, chavette, millie о девушках из рабочей среды. Все эти параллели содержат сему «малообразованный, необразованный».

Существует множество метафорических параллелей, представленных синтаксическими конструкциями и фразеологическими оборотами. Н. М. Шанский даёт следующее определение этим единицам языка: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде единица языка из двух и более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре». В синтаксических конструкциях воспроизводятся модели, но «не конкретный лексический состав» [3, с. 29] Следующие метафорические параллели, означающие людей высшего класса, «власть имущих», можно отнести к фразеологическим оборотам, поскольку это готовые, воспроизводимые единицы, в которые нельзя внести лексические изменения: *The high and mighty; upper crust; the men in grey suits*. Человек, занимающий высокую должность, босс, имеет образную параллель: *at the top of the totem pole, at the top of the ladder, at the fore, numero uno*. Напротив, занимающий незначительное положение в организации: *low man on the totem pole, at the bottom of the totem pole, small fry, small potato, a small-time operator*. Нейтральная номинация «рабочий класс» может быть заменена на более яркое, выразительное: g*reat unwashed;* обычные люди, электорат – *grass roots*. Человек, находящийся на вторых ролях, обозначается фразеологизмами: *play second fiddle, sucks hind teat*.

Метафорические параллели, содержат семы, отражающие отношение говорящих к объекту речи. Образные выражения, представленные в виде фразеологизмов и синтакических конструкций, свидетельствуют, что цель создания параллельных метафорических номинаций – не сколько языковая экономия, а стремление к экспрессии, яркости, оригинальности, эмоциональной оценочности.

Библиографический список

1. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование. – Изд.2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 88 с.
2. Кейт Фокс. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. –М., 2008. – 512 с.
3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие / предисл. Т. А. Бобровой. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 272 с.
4. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English / edited by P. Beale. 8th ed. – N.-Y.: Macvillan, 1984. – XXIX + 1400 p.
5. Spears R. A. Forbidden American English. – Lincolnwood, III. Passport Books, 1991. – 225 p.
6. Thorne T. The Dictionary of Contemporary Slang. – N.Y.: Pantheon Books, 1991. – 383 p.
7. The Oxford Dictionary of New Words. – N.Y.: Oxford univ. press, 1997. – 357 p.

МЕРФИЗМЫ КАК ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ

Н. С. Иванова
Московская академия предпринимательства
при Правительстве Москвы, Благовещенский филиал,
г. Благовещенск, Россия

Summary. The article is devoted to the so-called Murphy's laws. It suggests prototypical features of paradox. American aphorisms (Murphy's laws) are seen as paradox sayings.
Key words: aphorisms, paradox, clash, contradiction, language play, common sense

Демократизация и либерализация вербального поведения как отражения социальной свободы языкового сознания проявляется в различных лингвокультурных сообществах в виде многообразных языковых единиц или многообразных языковых игр. Появляется огромное количество остроумных высказываний (языковых афоризмов), отражающих как положительный, так и отрицательный жизненный опыт носителей языка.

В одном из сборников «Законов Мерфи» данные «законы» определяются как квинтэссенция научного и инженерного фольклора, непревзойдённые шедевры афористики, оформленные в виде «научных» правил, наблюдений, принципов, теорий, парадоксов, законов и следствий с соответствующими расширениями и уточнениями [Мерфи, 2005, с. 11]. Попытаемся описать и определить характерные черты мерфизмов (Законов Мерфи) как парадоксальных высказываний.

Значительная часть мерфизмов представляет собой афористические высказывания, построенные на основе парадокса, что, в свою очередь, служит созданию комического эффекта.

Приведём подробное описание прототипических черт парадоксального высказывания на примере мерфизмов как парадоксальных высказываний:

1) наличие в парадоксе алогических связей между понятиями и / или частями высказывания:

A shortcut is the longest distance between two points.

(Противоречие между тем, что заявлено в первой части высказывания, и тем, как это высказывание продолжено во второй части; логичным или здравомысленным было бы высказывание типа: A shortcut is the shortest distance between two points).

2) наличие в парадоксе противоречия, причём противоречие может существовать как между общепринятым мнением по рассматриваемому вопросу и его неожиданной реализацией в высказывании, так и между тем, что утверждается в первой части высказывания и тем, что возникает во второй:

Smile, tomorrow will be worse!

(противопоставление обыденного знания носителей языка о том, что, как правило, если говорящий хочет приободрить, поддержать собеседника в трудную для него минуту, он говорит: «Smile…everything will be O.K.», и неожиданного, режущего слух высказывания, о том, что завтра будет ещё хуже).

3) наличие в парадоксе неожиданного трактования известного и / или привычного [Вербицкая, 2005, с. 35–36]:

I came, I saw, She conquered.

Парадокс возникает за счёт неожиданной трактовки (прецедентного знания) известного изречения римского полководца и государственного деятеля Юлия Цезаря «Veni, Vedi, Vici» и неожиданной замены последнего элемента высказывания:

Clothes make the man. Naked people have little or no influence on society.

Здесь парадокс возникает, с одной стороны, за счет использования известной английской пословицы 'Clothes make the man' и неожиданным её продолжением Naked people have little or no influence on society – с другой.

Коммуникативная стратегия парадокса заключается в разрушении стереотипных взглядов, бытующих в обществе. Дискурсивная организация парадокса состоит в наложении двух несовместимых суждений, одно из которых может быть выражено неявно... Парадокс содержит определённую норму, опирается на систему ценностей, вступающую в конфликт с иной аксиологической системой, против которой парадокс, собственно, и используется, и в этом смысле парадоксальное суждение по определению является эмоционально насыщенным [Карасик,2002, с. 359]. Например:

Every kind action has a not-so-kind reaction.

(конфликт между двумя точками зрения на одно и то же явление:

1) обыденного знания Every kind action has a kind reaction

2) неожиданного, лишь внешне противоречивого знания Every kind action has a not-so-kind reaction).

В. И. Карасик выделяет парадоксы, построенные как дефиниции, иллюстрации, вопросы.

Парадоксы-дефиниции в мерфизмах построены на базе стандартных определений понятия и при этом содержат противоречивые (иногда абсурдные) признаки-характеристики:

A committee is a life form with six or more legs and no brain.

Парадокс-иллюстрация представляет собой расширенную дефиницию, включающую конкретные характеристики-примечания, уточняющие смысл высказывания. Например:

Stupidity can not be cured with money, or through education, or by legislation. Stupidity is not a sin, the victim can't help being stupid. But stupidity is the only universal capital crime; the sentence is death.

Парадоксальные вопросы обычно бывают риторическими. Например:

If you want to travel, why not travel on Titanic?

If you want to travel on Titanic, why not go first class?

(противоречие между интертекстуальным включением о катастрофе 1912 года, что предполагает невозможность какого-либо путешествия, и абсурдным предложением путешествия именно на «Титанике»).

Таким образом, делаем вывод, что мерфизмы представляют собой высказывания, обладающие всеми прототипическими чертами парадокса, а именно: 1) мерфизмы содержат противоречие, которое может существовать как между общепринятым мнением о том или ином явлении, так и между тем, что утверждается в первой части высказывания, и тем, что представлено во второй и 2) парадоксальность некоторых мерфизмов возникает за счёт неожиданной реализации известного и/или привычного (например, модификация цитат, паремий, знания известных исторических событий).

Библиографический список

1. Вербицкая О. Ю. Опыт лингвистического исследования парадоксального речевого акта в комическом дискурсе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Иркутск, ИГЛУ, 2005.
2. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002.
3. Мерфи Э. Законы Мерфи. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005.
4. www.jokesnquotes.com/murphys-corollaries.html
5. www.military-quotes.com/murphy.htm
6. www.murphys-laws.com/

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ МЫШЛЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ ИТАЛЬЯНЦЕВ

О. Л. Бутто
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Summary. The article is dedicated to the mentality of Italians, it reveals peculiarities of their way of thinking and behavior. Italians enjoy one of the best lifestyles and quality of life of any European country. The real glory of Italy lies in the outsize heart and soul of its people, who are among the most passionate, generous and hospitable in the world. Italy is celebrated for its simple, relaxed way of life and warm personal relationships.

Key words: mentality, stereotypes, way of thinking, behaviour, personality.

В последние десятилетия появилось значительное количество работ, посвящённых этническим стереотипам мышления и поведения итальянцев, однако автор книги «Италия и итальянцы» (2006) А. В. Павловская считает, что о национальном характере итальянцев написано очень мало: «Людей затмевают памятники культуры той земли, на которой они живут. Восторженные описания античных развалин, или прекрасных полотен мастеров, или даже нежного вина не дают пробиться жителям Италии на страницы книг об их стране. Если же это удаётся, то результат оказывается малоутешительным» [3, с. 116].

Итальянская журналистка Стефания Бербенни приводит две точки зрения, характеризующие отношение к итальянцам в мире: “Siamo giudicati furbi, mammoni, familisti, ossessionati dall’amore, pronti a scansare le regole. Ma anche simpatici, passionali, generosi e dotati di spirito d’iniziativa, creativita`, con una cultura del fare millenaria. Ritratto di un popolo che all’estero e` ammirato e invidiato per il suo stile di vita, la genialita`, la storia. Ed e` criticato perche´ non sa far funzionare la macchina pubblica, non ha gran senso dello stato e spesso non sa fare sistema” [5, с. 71]. – «Нас считают хитрыми, «маменькими сыночками», ярыми приверженцами семейных ценностей, одержимыми сексом, готовыми всегда нарушать правила. Но мы также симпатичные, страстные, великодушные, творческие натуры, наделённые духом инициативы, наследники тысячелетней истории. Вот портрет народа, которым всюду в мире восхищаются и которому завидуют за его стиль жизни, гениальность и историю. Его же критикуют за неумение управлять общественной машиной, создать чёткую и продуманную систему и за отсутствие чувства государства» [Перевод наш. – О. Б.]. Раффаеле Симоне, называя Италию “il paese del pressapoco” («страной как бы»), отмечает такие недостатки итальянской жизни, как “familismo amorale, mammismo,

incapacita` di tagliare al momento opportuno il cordone ombelicale" [10, c. 4] – «аморальная семейственность, инфантилизм взрослых детей, неспособность вовремя перерезать пуповину») [перевод наш. – О. Б.]

В «Словаре дурацких мыслей» ("Dizionario delle idee cretine", 2007) Винченцо Пуччи довольно язвительно характеризует итальянцев, отмечая слабые стороны их общественной жизни: "Noi italiani siamo un grande popolo. Unici al mondo, abbiamo dimostrato che si puo` crescere ed arrivare a far parte delle maggiori potenze, anche se guidati – per decenni – da Governi instabili" [7, c. 66]. – «Мы, итальянцы, – великий народ. Мы единственные в мире, кто продемонстрировал, что можно расти и превратиться в одно из самых сильных и развитых государств, будучи управляемыми десятилетиями нестабильным правительством» [перевод наш. – О. Б.]; "Per noi italiani la meritocrazia e` cosa giustissima, finche´ non ci tocca! Stessa regola per le regole" [Там же, с. 67]. – «Для нас, итальянцев, принцип распределения благ в зависимости от заслуг – справедливейшая вещь на земле, пока это не коснулось нас лично. И так во всём» [Перевод наш. – О. Б.].

В работах, посвящённых итальянскому характеру, часто говорится о схожих чертах в поведении итальянцев и русских («Италия – родина русской души» Н. В. Гоголь, итальянцы – это весёлые (комичные) русские, а русские – это грустные (трагичные) итальянцы), среди общих поведенческих особенностей называют проявление неуважения к власти, полиции, законности; неорганизованность, леность, расчёт на «авось», своего рода оправдание беспечности, когда речь идёт о надежде не столько на то, что случится некоторое благоприятное событие, сколько на то, что удастся избежать какого-то крайне нежелательного последствия. По мнению Карло Жана, президента Центра экономических и геополитических исследований, у России и Италии много точек соприкосновения: «В России очень большая бюрократизация. И в Италии тоже. И реакция на бюрократию одинаковая – хаос. И итальянцы, и русские привыкли выживать в условиях хаоса и бюрократии. Француз не знает, как выбраться из неё, а русский и итальянец знают. Но итальянцы склонны адаптироваться к хаосу, искать решения, а русские больше фаталисты, все по принципу "как получится"» [4].

Примером самоиронии итальянцев в отношении собственных весьма посредственных организационных способностей может служить следующий анекдот:

Paradiso: luogo in cui

1) i meccanici sono tedeschi,
2) i vigili sono inglesi,
3) i cuochi sono francesi,
4) gli amanti sono italiani,
5) e tutti sono organizzati dagli svizzeri.

Inferno: luogo in cui

1) i meccanici sono francesi,
2) i vigili sono tedeschi,
3) i cuochi sono inglesi,
4) gli amanti sono svizzeri,
5) e tutti sono organizzati dagli italiani!!

[1, c. 15–16].

Рай – это место, где:

1) механики – немцы,

2) регулировщики – англичане,
3) повара – французы,
4) любовники – итальянцы,
5) и все организовано швейцарцами.

Ад – это место, где

1) механики – французы,
2) регулировщики – немцы,
3) повара – англичане,
4) любовники – швейцарцы,
5) и все организовано итальянцами!!!

[Перевод наш. – О. Б.].

В мире найдётся мало народов, которых так самоотверженно любят и ненавидят одновременно. Гениальная нация, давшая миру Данте, Леонардо и Рафаэля, и "mangiaspaghetti" («макаронники») и мафиози, способные только на аферы, склоки и жестокие расправы с непокорными. Проблеме понимания менталитета итальянцев, того, "di che pasta umana sono fatti" («из какого теста они сделаны»), посвящён вышедший на экраны в январе 2009 года фильм «Итальянцы» ("Italians") известного итальянского режиссера Джованни Веронезе. В двух эпизодах фильма звучат две ключевые фразы, в которых отражены любовь самих итальянцев к своей стране и любовь к итальянцам людей других национальностей: "Gli italiani sono il popolo che suona piu` di tutti al metal detector" [5, с. 71]. – «Итальянцы – это народ, который звенит громче всех в металлодетекторе» [перевод наш. – О. Б.]; "La vita e` troppo breve per non essere italiani" [Там же, с. 71]. – «Жизнь слишком коротка, чтобы не быть итальянцем» [перевод наш. – О. Б.].

Вплоть до 90-х годов прошлого столетия все знания об итальянском менталитете можно было заключить в "quattro F" – food, fashion, football, Ferrari (еда, мода, футбол, Феррари). С появлением большого числа книг и публикаций на иностранных языках, посвящённых потомкам Петрарки, Маккиавелли, Гарибальди и Кавура, ситуация существенно изменилась в лучшую сторону, но ещё не достаточно, по мнению Джан Энрико Рускони, историка и политолога, директора Итало-германского Института в Тренто. По мнению Рускони, "di italiano ci sono libri sulla mafia o su Giulio Cesare. Quello che cerco di dire e` che, **siccome siamo sempre piu` dentro lo stereotipo, poi lo produciamo**" [5, с. 73] – «итальянцам посвящены лишь книги о мафии и Юлии Цезаре. Я хочу сказать, что **мы всё больше и больше оказываемся в плену стереотипов, более того, мы сами их производим**» [перевод наш. – О. Б.].

Помимо общенациональных итальянских стереотипов, существуют внутринациональные, так называемые областные стереотипы: *milanesi industriali* (миланцы – промышленники)*, torinesi aristocratici ed eleganti (un po` francesi)* (туринцы аристократичны и элегантны, немного напоминают французов)*, genovesi avari, tirchi* (генуэзцы скупы)*, bolognesi allegri e mangioni* (болонцы веселые и любители поесть)*, toscani arroganti* (тосканцы высокомерны)*, romani volgari* (римляне вульгарны)*, napoletani pigri (pizza, sole e mandolino)* (неаполитанцы ленивы – только пицца, солнце и мандолина)*, abruzzesi teste dure* (жители области Абруццо – упрямцы и простофили)*, sardi chiusi* (сардинцы скрытны)*, siciliani gelosissimi* (сицилийцы очень ревнивы) и т. д. В Италии очень популярны рассуждения об отсутствии единства в итальянском народе, при этом настойчиво подчёр-

киваются ярко выраженные региональные различия. В подтверждение приводится тот факт, что объединение Италии завершилось только к 1870 году, т. е. около 150 лет назад. До этого страна была разбита на небольшие государства, имевшие свою историю и путь развития. А. В. Павловская отмечает, что «региональные различия в Италии велики, причём разрыв этот не уменьшается, а во многом увеличивается с течением времени» [3, с. 11–12]. В Италии даже существуют обидные прозвища северян и южан, которыми они «одаривают» друг друга. Северяне – *"polentoni"* (от ит. *"polenta" – «кукурузная каша»*, т. е. люди вялые, некрепкие физически, трусливые конформисты, это прозвище в большей степени относится к жителям северной области Венето), южане, в свою очередь, – *"terroni"* (от ит. *"terra" – «земля»*, т. е. люди с низким уровнем интеллекта, способные только «ковыряться в земле», а также, согласно известному анекдоту на диалекте области Венето, *"solo magnar, bever, ciular ma cultura general… ZERO" – «только есть, пить, таскаться за юбками, а общая культура – НОЛЬ»*) [перевод наш. – О. Б.].

Существует и другая важная особенность итальянской жизни – привязанность к своей малой родине. Для итальянца патриотическое чувство сосредоточено, в первую очередь, на семье, родной деревне или городе, потом уже распространяется на более широкую территорию, постепенно выходя на уровень провинции и, в последнюю очередь, – страны. Так, в небольшой по площади Италии существует понятие *"Il campanilismo"*, особенно распространённое на юге страны, происходящее от *"campanile" – «колокольня»*. Подобного рода колокольни стоят на центральных площадях небольших городков. Особые отношения объединяют всех жителей, находящихся в пределах территории, куда проникает звук колокола (ср. русское выражение *«со своей колокольни»*) [3, с. 14]. Любой итальянец, знакомясь с соотечественником, задаст сакраментальный вопрос *"Di dov'e` Lei?" («Откуда Вы?»)*, имея ввиду прежде всего место его рождения. До конца итальянец, даже много раз переменивший место жительства, ощущает себя частью своей родной деревни или города. Человек, выросший в Неаполе, но живущий много лет в Турине, остаётся неаполитанцем, и именно так его воспринимают окружающие.

Всё это – и различия между Севером и Югом, и исторически обусловленная привязанность итальянцев к своему месту в узком смысле, и реально существующие различия между провинциями и городами – отнюдь не доказывает того, что итальянцев и Италии как единого целого не существует. Патриотизм в широком смысле, т. е. любовь к Родине – Италии – характерная черта итальянского менталитета.

Важнейшая черта итальянского характера, одно из его «общих мест» – стремление к игре, театральность, но не наигранная, а искренняя и страстная. По мнению некоторых исследователей, определяющую роль здесь сыграли многочисленные и разнообразные завоевания, приучившие притворяться и сделавшие игру второй натурой. Возможно, виновата окружающая среда – живя среди исторических памятников, как среди декораций, люди привыкли считать себя частью театрального действия. Сыграли свою роль и традиции карнавальной культуры, традиционных площадных представлений – комедии масок (commedia dell'arte), постепенно с течением времени смешавшие розыгрыш и явь. Многие отмечают, что естественная игра итальянцев в жизни нередко сочетается с переигрыванием в итальянском театре. Крылатой стала фраза американского ре-

жиссера Орсона Уэллса, заметившего однажды, что “L’Italia e` piena di attori, cinquanta milioni di attori, e quasi tutti bravi. I pochi cattivi si trovano sui palcoscenici e nei cinema” [9, с. 29]. – «Италия – это страна, в которой все жители актёры, причём все – хорошие, плохих здесь очень мало, и все они играют в театре и кино» [перевод наш. – О. Б.]. Возможно, эту итальянскую склонность к «театральным страстям» имел в виду известный российский режиссер Никита Михалков, отвечая на вопрос о разнице в менталитете русских и итальянцев: «”Я сейчас его убью, держите меня” – может кричать итальянец и не тронет вас пальцем. У нас бьют сразу» [4].

«Смыслообразующим» концептом итальянской жизни можно назвать концепт “mangiar bene” («хорошо поесть»): “Novanta italiani su cento, rivela un sondaggio inglese, preferiscono la cucina nazionale a tutte le altre: nessuno stomaco, in Europa, e` altrettanto patriottico...” [9, с. 35–36]. – «Согласно данным английского исследования, девяносто итальянцев из ста предпочитают национальную кухню всем остальным, в Европе нельзя найти более патриотичного желудка...» [перевод наш. – О. Б.]. Разговор о еде – это форма любви итальянцев к своей стране, к своей малой родине, к своим друзьям и самим себе. По мнению Умберто Эко, «познать итальянскую еду во всем её многообразии – значит открыть для себя глубочайшие различия вкусов и речей. Узнать, до чего меняются от места к месту психология, дух, чувство юмора, отношение к боли и смерти. В Италии сильнее, нежели в какой-либо другой стране, узнать и понять кулинарию – значит понять характер тех, кто населяет страну» [2, с. 8].

Театральные страсти итальянцев выражаются и в умении красиво преподнести свои мысли, особенно этот божий дар проявляется в любовных посланиях. К этому располагают богатые возможности итальянского языка, а также чувства, эмоции и реакции на события итальянцев, которые, как в любом провинциальном театре, сильно преувеличены.

Искусное владение итальянцами любовным слогом подтверждает и книга Серенеллы Сантарелли и Иларии Петрович «Любовные письма на все случаи жизни для тех, кому недостаточно просто сказать “Я тебя люблю”» (“Lettere d’amore per ogni occasione per chi non si accontenta di dire «ti voglio bene»” 2006). В ней представлены образцы любовных посланий, которыми можно воспользоваться в разных жизненных ситуациях: страстное признание в любви, тоска по любимой или любимому в разлуке, гневное письмо изменившему партнёру и т. д. Следует отметить, что несмотря на большое количество подобных книг на полках итальянских librerie (книжных магазинов), любой итальянец совершенно самостоятельно может составить прекрасное любовное послание без помощи готовых образцов. В качестве примера приведём послание женщины, которой изменил любимый человек:

Lui ha tradito...

Amore mio tutto di cartone...

E` bastato un attimo, e anni di sogni, viaggi, fantasie e progetti sono andati in frantumi.

Un giorno qualcuno mi aveva detto che sarebbe giunto un momento in cui avrei dovuto analizzare la mia situazione per comprendere che cosa e` essenziale e cosa non lo e`, per sfrondare l'orizzonte da sogni e fantasie, per procedere con determinazione a costruire la mia vecchiaia. Non pensavo pero` di essere costretta a farlo per causa tua.

Sono passati molti giorni da quando tu mi hai respinta ... cosi` ho ripreso a vivere in una sorta di limbo, nel quale non riesco a capire cosa sia veramente importante per me.

Ti disprezzo e sento che dentro di me qualcosa si e` rotto... hai bagnato le mie ali e io mi sento naufragare...

Faccio di tutto, credimi, cerco le forze negli angoli piu` remoti della coscienza per riuscire a buttarti fuori di me, per vederti scomparire, per considerare cio` che ci e` accaduto nella giusta dimensione, ma non vedo anfratti nascosti in cui leccarmi le ferite e medicare il male che sento dentro; tu vigliaccamente torni nella mia mente, nel buio, quando sono piu` indifesa e mi distruggi poco alla volta.

Scompari, lasciami in pace; forse mi marcirai dentro, forse il mio stesso veleno mi uccidera`.

Certo e` che qui e ora, io ancora ti amo [8, с. 67].

Он изменил...

Моя картонная любовь!

Хватило одного мгновения, чтобы разбить вдребезги годы мечтаний, фантазий, планов.

Однажды кто-то сказал мне, что наступит такой момент, когда я должна буду проанализировать свою жизнь для того, чтобы понять, что в ней существенно, а что нет, освободиться от ненужных грёз и фантазий (досл. «освободить горизонт от грёз и фантазий»), чтобы решительно следовать по жизни в направлении старости. Никогда не думала, что вынуждена буду сделать это из-за тебя.

Прошло много времени с тех пор, как ты оттолкнул меня... сейчас я живу в какой-то мучительной нерешительности, совсем не понимая, что действительно важно для меня.

Я презираю тебя и чувствую, что внутри меня что-то оборвалось ... ты подрезал мои крылья, и я погибаю, падаю камнем вниз...

Но я сделаю все возможное, поверь мне, я найду силы в самых отдалённых уголках своего сознания, чтобы изгнать тебя из своей памяти, увидеть, как ты исчезаешь, чтобы понять, что со мной произошло на самом деле, и не останется потаённых уголков, в которых я смогу зализать раны и излечить ту боль, которую я чувствую внутри; ты же предательски возвращаешься в мои мысли, в ночи, когда я более всего беззащитна, и ломаешь мою волю раз за разом.

Исчезни, оставь меня в покое; возможно, ты разрушишь меня изнутри, возможно, мой собственный яд убьёт меня.

Всё это чистая правда, я всё ещё люблю тебя [перевод наш. – О. Б.].

Выражение *«картонная любовь»*, с которым автор письма обращается к своему бывшему возлюбленному, обозначает следующее: “amore effimero, superficiale, senza solide basi, che viene meno, crolla al primo momento di difficolta`” [6, с. 8] – «любовь мимолетная, поверхностная, ничем не подкрепленная, этой любви недостаточно, и она рушится при первых же трудностях» [перевод наш. – О. Б.].

В целом письмо производит сильное впечатление благодаря активно-образной метафоричности описания состояния брошенной женщины: она “*vive in una sorta di limbo”*(досл. *«живёт в круге ада», «живёт в какой-то мучительной нерешительности»*), *“si sente naufragare”* (досл. *«чувствует, что терпит крушение, бедствие», «чувствует, что поги-*

бает, падает камнем вниз»), он "*ha bagnato le sue ali"* (досл. *«он намочил её крылья», «он подрезал её крылья»*), "*le marcira` dentro" («будет разрушать её изнутри»,* глагол *marcire* досл. *«гнить, портиться, приходить в упадок»),* теперь она должна *"sfrondare l'orizzonte da sogni e fantasie"* (досл. *«освободить горизонт от грёз и фантазий», «освободиться от ненужных грёз и фантазий»*) и «*leccarsi le ferite» («зализать свои раны»).*

Приведённые образцы любовной переписки удивительно точно подтверждают мысль о том, что артистичность, экспрессивность итальянцев, с одной стороны, и их сентиментальность и романтичность, с другой стороны, ярко отражаются в эпистолярном жанре. Итальянская жизнь, по мнению самих итальянцев, это "un caleidoscopio di spine, petali, pioggia, sole, nuvole, buio, fiori, profumi, lacrime, luce" [8, с. 7] – «калейдоскоп шипов, лепестков, дождя, солнца, туч, мрака, ароматов, слёз, света» [перевод наш. – О. Б.].

Как справедливо пишет А. В. Павловская, «театральность итальянцев не стоит понимать упрощенно. Это не поза и фальшь, всё гораздо глубже. Это – часть жизни, это – сама жизнь. В толпе, среди людей, итальянец совсем иной. В нём всё преувеличено, страстно и одновременно естественно. Может быть, в этой непрекращающейся игре и скрыто то особое, неповторимое очарование Италии, которому легко поддаёшься, находясь на её земле, и которое не можешь потом, вернувшись домой, выразить словами и передать другим» [3, с. 140].

Самобытность итальянского народа, национальная специфика разных сторон жизни итальянцев делают Италию притягательной для людей других национальностей, любящих эту страну, часто бывающих в ней, привязанных сердцем к этой удивительной земле. Остаться равнодушным к Италии невозможно – она пленяет, очаровывает, вдохновляет.

Библиографический список

1. Ефремова М. Итальянский шутя: 100 анекдотов для начального чтения. Метод чтения Ильи Франка. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2005.
2. Костюкович Е. А. Дороги итальянского счастья. – М.: Слово/SLOVO, 2010.
3. Павловская А. В. Италия и итальянцы. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006.
4. Сорокина Н., Лебедева Н., Владыкина Т. Гражданское общество от Франко Дзеффирелли // Российская газета. – 2004. – 3 ноября.
5. Berbenni S. Ma l'Italia da export non e` solo Gomorra // Panorama. –2009. – № 4. – P. 70–73.
6. Garzanti – Petrini Dizionario di italiano. Nuovo dizionario interattivo della lingua italiana. – Novara: Garzanti Linguistica, 2004.
7. Pucci V. Dizionario delle idee cretine. – Napoli: Tullio Pironti Editore, 2007.
8. Santarelli S., Petrovic I. Lettere d'amore per ogni occasione per chi non si accontenta di dire "ti voglio bene". – Milano: De Vecchi Editore, 2006.
9. Severgnini B. La testa degli italiani. – Milano: Rizzoli, 2006.
10. Simone R. Il paese del pressappoco. Illazioni sull'Italia che non va. – Milano: Garzanti, 2005.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

С. Т. Полванова, З. К. Нариманова
Национальный университет Узбекистана
им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан

Summary. Study of phraseology serves as actual problem in investigation of national cultural peculiarities. Comparative study of languages of different group means comprehension of nationality of somatic phraseological units. National cultural peculiarities of somatic phraseological units has not investigated comparatively yet. This article is about research of national cultural peculiarities of somatic phraseological units in different systematic languages.

Key words: phraseology, somatic phraseological units, national cultural peculiarities, language, culture.

В мировом языкознании фразеологизмы изучены широко, особенно при сравнительном изучении и исследовании соматических фразеологизмов получено много нового и интересного [2]. Изучение национально-культурных особенностей соматических фразеологизмов является одним из актуальных вопросов, стоящих перед многими языковедами настоящего времени.

Изучив высказывания учёных о национально-культурных особенностях категорий в языке, остановимся на национально-культурных особенностях соматических фразеологических единиц. Как известно, концептуальное понимание категории культуры в первую очередь осуществляется содержанием описания языковых единиц [7, с. 145].

Самыми яркими описывающими средствами национальных особенностей являются фразеологизмы и паремия, т. е. устойчивые сочетания, которые имеют описать развитие любого языка, культуру народов и когнитивные компоненты.

Пословицы «мудрого народа», поговорки, разные стереотипы, эталоны, символы, а также крылатые выражения (широко распространённые слова и выражения, пословицы, поговорки и притчи, переходящие из уст в уста) представляются в повседневной жизни при национальном менталитете и в познании мира через язык в культурно-историческом наследии, создаваемом в мировом развитии [10, с. 238].

Из источников В. Н. Телия анализирует культурную важность интерпретации (толкования) фразеологизмов так:

1. Система образных знаков, устойчивые сочетания, жизненные реалии с участием человека, с точным сравнением, или специфические реалии (например, сыт по горло);
2. Типы народных культурных обрядов, церемоний (бракосочетание, похороны, сказания, колдовство и заговоры) (например, у чёрта на куличках);
3. Из запаса паремиологии, «чем распространённее стереотипы мудрости народа, тем достаточно определения стереотипов народной мудрости для их толкования» [10, с. 240-245]. Именно эти стереотипы сравнивают основу описания фразеологизмов с символами и знаками. В. Н. Телия связывает это с национально-культурной особенностью [10, с. 250].

Вопрос об отношении языка и культуры является очень сложным, а также требующим всестороннего обсуждения. В своей исследовательской работе он подчёркивает, что не правильно одинаково понимать эти два

типа семантических систем. Тем не менее существуют сходные, общие стороны этих систем. В. Н. Телия считает, что общие стороны языка и культуры проявляются в нижеследующем:

1) культура, так же как и язык, является формой разума, выражающей мировоззрения человека;

2) язык и культура взаимосвязаны в общении;

3) субъектом языка и культуры всегда является индивид или социальная группа общества;

4) норма является общей чертой языка и культуры;

5) историчность – важная черта языка и культуры;

6) языку и культуре одинаково свойственно противоречие динамики и статики [10, с. 225].

Язык непосредственно «служит» культурно-духовному богатству культуры, хранит источники информации, и передаёт их от поколения к поколению, а также участвует в развитии культурных понятий и концептов, стереотипов и эталонов.

Проблемы между языком и культурой изучаются мировыми учёными в разных направлениях. Отношения языка и культуры изучаются языковедами Ю. Сорокиным, Н. В. Телия, Е. Верещагиным, А. Вежбицкой, В. Костомаровым, Д. Олфордом, Д. Хаймсом; философами Г. Брутяным, Э. Маркаряном и др.; психологами Л. Выготским, А. Леонтьевым, В. Петренко, П. Гульвисте. В. Красных, В. А. Масловой, Ю. С. Степановым, В. В. Воробьевым, Д. Гудковым, С.Тер-Минасовой, С. Акбаровой, Б. Исмаиловой, Д. У. Ашуровой, Г. Ш. Атахановой и другими. Они доказывают актуальность сферы лингвокультурологии в своих исследовательских работах.

Одним из самых важных вопросов когнитивного языкознания сегодняшнего дня является изучение национально-культурных особенностей соматических фразеологизмов. Культура разных народов отличается друг от друга восприятием бытия, морального и материального, и это отражается в языке. Язык и культура, национальный язык и национальная культура тесно взаимосвязаны.

Каждый язык имеет свою форму соответственно и национально-культурные особенности бывают разными. Понятие культуры включает в себя такие события, как пути и методы рабочей деятельности человека, интересы, традиции, обряды, особенности общения, мировоззрение, познание мира. Например, голова (*узб.* бош), которую носит человек, это не культура, но осознаётся она как центр доставки информации, а в понятии древнего человека это были все предметы, связанные с небом и его телами: солнцем, луной и звёздами, что и понималось как «голова» (*узб.* бош) и здесь слово «голова» (*узб.* бош) является культурой. Слово «голова» (*узб.* бош) в семитском языке означает «сар», в английском «сара», в узбекском «сора», «Сар-бош» означало глава народа, падишах, царь. В русском языке слова «Царь-чор» употребляется в значении падишах. Сар от значения «бош» соответственно перешло в значение «малика» (царица) [5]. В мифах «бош» рассматривается как символ «солнце», соматические фразеологизмы как ***бош айланмоқ (закружиться (о голове), боши қизиб кетмоқ (раскалываться (о голове), боши айланиб кетмоқ (закружилась голова)*** выражают культуру. А в другом мифе «бош», имея значения «яратувчи» (творитель), «асосий» (главный), «муҳим» (важный) во многих фразеологизмах «бош» означает «муҳим» (важный) – «ақлли бош» (умная голова) значит «ақлли инсон» (умный че-

ловек) имеет своё место. Например, в узбекском языке существуют такие фразеологизмы как «ақлли инсон» (умный человек), что означает **с царем в голове,** «каллали одам» (человек с башкой); «боши жойида» (голова на месте), «боши ишлайди» (голова работает), «аҳмоқ одам» (дурак) – означает **без царя в голове,** «хомкалла» (пустая башка), «қовоқбош» (тупой), «ақлсиз» (безумный), «эси паст» (глупый).

Б. Киличев в своей статье «О фразеологической синонимии» старается разъяснить причину большого количество существования фразеологических синонимов с компонентом «бош», так широко распространенных в паронимии. В его работе фразеологизмы с компонентом, «бош» изучаются в трёх группах:

а) синонимия выражений только с синонимами слова «бош»: *бошига етмоқ-бошини емоқ, боши кўкка етди-боши осмонда, боши шишди-боши қотди и т. д.*

б) синонимия выражений со словами, синонимами слову «бош»: *боши ачиди, мияси ачиди, бошида данак чақмоқ, миясида данак чақмоқ, боши ғовлаб кетди, мияси ғовлаб кетди, калласи ғовлаб кетди и т. д.*

в) синонимия выражений со словами, не являющимися синонимами к слову «бош»: *бош(и)га кўтармоқ-шовқин солмоқ, боши(и)дан кечирмоқ-кўнгил(и)дан ўтмоқ, бош(и)ни букмоқ-юзини ерга қаратмоқ и т .д.*

Языковед Б. Киличев изучил фразеологические синонимы узбекского языка, и в исследовании Ш. Рахматуллаева это доказано.

Национальная культура взаимосвязана с культурами других национальностей. М. М. Бахтин говорит: «Мы ставим новые вопросы чужой культуре и ищем ответы. В результате, представители этой культуры отвечают нам, раскрывая особенности нашей культуры» (213).

Соматические фразеологизмы могут рассматриваться в примерах в узбекском, русском, французском и немецком языках.

1. Бирор бир ташвишдан қутилмоқ, бирор бир оғирликдан енгиллашмоқ

Язык	**Фразеологическая единица**	**Соматизм**
Узбекский язык	елкасидан тоғ ағдарилгандай бўлди	елка
Русский язык	как гора с плеч свалилась	плечо – ёлка
Английский язык	load off one’s mind	в значении «бош» (голова)
Французский язык	oter un poinds a qn	–
Немецкий язык	ihm ist ein Stein vom Herzen gefallen	юрак (сердце)

При изучении национально-культурной особенности фразеологической единицы с компонентом «ёлка» выявлено, что в узбекском языке употребляется соматический фразеологизм «елкамдан тоғ ағдарилди», в русском языке «гора с плеч свалилась» в значении преодоления трудной работы, задачи, спускание тяжёлого груза с плеч. А во французском языке соматического фразеологизма нет, в английском языке вместо компонента

«ёлка» использован соматический фразеологизм «mind» означающий «бош», а в немецком языке употреблён соматический фразеологизм «herzen» с компонентом «юрак» вместо «ёлка».

2. Муаммоларни аниқ ҳал қилиш учун қаттиқ ўйламоқ

Язык	**Фразеологическая единица**	**Соматизм**
Узбекский язык	боши қотмоқ	бош
Русский язык	ломать голову	голова – бош
Английский язык	to cudgel one's brains over something	brain – бош
Французский язык	se creuser la tête	tête – бош
Немецкий язык	sich den Kopf uber etw. Zerbrechen	Korf – бош

Анализируя национально-культурные особенности фразеологических единиц с компонентом «бош» прояснилось то, что в узбекском, русском, французском и немецком языках фразеологические единицы с компонентом «бош» используются в выражении значений мозговой деятельности, думать, считать, то в английском языке фразеологическая единица с компонентом «бош» употребляется с соматическим фразеологизмом «мия» т. е. «brain»

Соматические фразеологизмы в основном уделяют внимание на устойчивые выражения, связанные с социально-культурными особенностями народов. Изучение фразеологии служит изучению национально-культурных особенностей. При сравнительном изучении языков различной группы подразумевается понимание национальности соматических фразеологизмов. В данной статье рассматривается сравнительное изучение соматических фразеологизмов на примере узбекского, русского, английского, французского и немецкого языков. Национально-культурные особенности соматических фразеологизмов на этих языках ещё не изучены сравнительно.

Библиографический список

1. Архипкина Л. В. Немецкие фразеологические единицы с компонентами – соматизмы в лингвокогнитивном и культурном аспектах. –Ташкент, 2007.
2. Богус З.А. Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты. – М, 2006.
3. Вафоева М. Ўзбек тилида фразеологик синонимлар ва уларнинг структурал семантик таҳлили: автореф. дис… – Ташкент, 2009. –Вафоева М. Фразеологические синонимии в узбекском языке и их структурально-семантический анализ: автореф. дис… – Ташкент, 2009.
4. Гак В. Г. Французско-русский фразеологический словарь. – М.,1963.
5. Ғафуров И. Таржимонлик мутахассислигига кириш. – Ташкент, 2008. –Гафуров И. Введение в переводческую специальность. – Ташкент, 2008.
6. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1984.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.2001
8. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг изоҳли фразеологик луғати. Ташкент, 1978. – Рахматуллаев Ш. Толковый фразеологический словарь узбекского языка. – Ташкент, 1978.

9. Саломов Ғ. Тил ва таржима. – Ташкент, 1966. – Саломов Г. Язык и перевод. – Ташкент, 1966.
10. Телия Н. В. Основы языкознания. –М., 1996.
11. Усмонова Ш. Ўзбек ва турк тилларида соматик фразеологик бирликлар. Ташкент, 1998. – Усманова Ш. Соматические фразеологические единицы в узбекском и турецком языках. Ташкент, 1998.
12. Wörterbuch Deutsch Russisch. – L.,1962.

ПРОЦЕССЫ КОДИРОВАНИЯ И ДЕКОДИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Ю. И. Плахотная
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Россия

Summary. This article is dedicated to the problem of creating an utterance. The aim of our research is to analyse the mental processes of coding and decoding a speech utterance. Perception and understanding are cognitive processes that are certain stages of creating a speech utterance.

Key words: cognitive linguistics, coding, decoding, an utterance, psychological process, cognition, perception, understanding, thought and speech.

Одной из центральных проблем современной когнитивной лингвистики является проблема создания и понимания высказывания. С позиции когнитивизма человек трактуется как действующий субъект, активно воспринимающий и продуцирующий информацию и руководствующийся в своей мыслительной деятельности определёнными схемами, программами, планами и стратегиями [4]. Язык находится в центре внимания когнитивной лингвистики как когнитивный механизм, который играет роль в кодировании и трансформировании информации.

Человек может запомнить огромное количество слов, но аналогичное количество предложений он запомнить не сможет. Так как создание предложений – процесс творческий, то можно предположить, что человек овладевает системой правил, что обеспечивает способность порождать и понимать бесконечное число предложений [6]. По мнению А. Р. Лурии, «речь является психологическим процессом формулирования и передачи мысли средствами языка…» [5]. Речь выступает в двух формах деятельности: как передача информации в общении с участием говорящего и слушающего и как орудие мышления, объединяя говорящего и слушающего в одном субъекте. Как орудие общения речь может выступать в двух процессах: формулировать мысль в форме высказывания, адресованного собеседнику. В этом случае говорящий кодирует сообщение, переводя свои мысли в систему кодов языка. С другой стороны, со стороны слушающего происходит обратный процесс – декодирование высказывания, что представляет собой анализ воспринимаемого высказывания и превращение развёрнутого высказывания в свёрнутую мысль. Этот путь от речи к мысли в психологии часто называется процессом понимания [3]. По словам Реформатского, «говорение совершенно непохоже на слушание, а понимание – ни на то, ни на другое. Получается, что говорящий делает одно, слушающий – другое, а понимают они третье» [5].

Когнитивные психологи обычно пользуются моделью переработки информации, которая предполагает, что процесс познания состоит из не-

скольких этапов, каждый из которых включает набор операций (т. к. восприятие, кодирование информации, воспроизведение информации из памяти, формирование понятий, суждение и формирование высказывания), выполняемых над входной информацией. Начиная с поступления внешних стимулов, на каждый этап поступает информация от предыдущего этапа, и затем над ней выполняются свойственные для данного этапа операции [7].

Процесс кодирования состоит из нескольких этапов, происходящих в определённой последовательности. Первым этапом кодирования высказывания является мотив. Мотивом высказывания может служить желание выразить просьбу или требование, передача информации, выражение какого-либо эмоционального состояния. В этих случаях высказывание будет носить прагматический, познавательный, информативный или аффективный характер. Следующим этапом кодирования высказывания является возникновение мысли или общей схемы содержания будущего высказывания. Процесс декодирования или понимания сообщения есть путь расшифровки общего смысла воспринимаемого сообщения, или превращение развёрнутого сообщения в лежащую за ним мысль. Этот процесс может останавливаться на различных этапах восприятия сообщения: на восприятии отдельных слов, фраз, предложений или даже всего текста. Воспринимающий сообщение (или читающий художественное произведение) может понять смысл, который заключён в «подтексте». Процесс декодирования информации, доходящей до человека, зависит от формы данной информации, от способов передачи сообщения, а также от содержания сообщения и степени его “знакомости”. Устное высказывание опирается на большое число дополнительных внеязыковых факторов сообщения (знание ситуации, жесты, мимика, интонация). Поэтому понимание устного высказывания основано не только на декодировании логико-грамматичнских структур речи, но и на учёте всех невербальных средств сообщения. По словам Лурии, понимание знакомого сообщения может совершаться «по догадке», на основе восприятия отдельных фрагментов, которые вызывают «всплывание» в сознании знакомой информации.

Процесс декодирования знакомого сообщения осуществляется «выделением указаний на известную ситуацию и дальнейшим сличением всплывшей у субъекта гипотезы с последующими деталями сообщения» [3]. Поэтому декодирование хорошо знакомого сообщения является процессом узнавания смысла. Процесс понимания незнакомого текста характеризуется иной психологической структурой. Здесь расшифровка сообщения требует анализа его логико-грамматической структуры. Человек, воспринимающий незнакомую информацию, должен сначала декодировать отдельные фразы, затем сопоставить их друг с другом, попытаться выделить развиваемый ими смысл, а затем проанализировать общую мысль сообщения. Декодирование сообщения требует выбора значения слова для данной ситуации. Одним из факторов, позволяющих осуществить выбор нужного значения слова, является интонация, с которой произносится слово. Другим существенным фактором, определяющим выбор нужного смысла слова, является контекст. Препятствием, которое может возникнуть при выборе смысла слова, особенно возникающее при изучении иностранного языка или нового предмета, является недостаточное знание лексики. Этот фактор приводит к смешению близких по звучанию (или по написанию) слов. Вторым препятствием на пути правильного

выбора смысла слова из возможных альтернатив является преобладание наглядно-образного мышления, делающего из наиболее конкретных значений слова наиболее вероятным одно. Примером может быть понимание смысла слов у человека с преобладанием наглядно-образной (эйдетической) памяти, у которого восприятие выражений *«экипаж корабля»* или *«море крови»* осложняется непосредственно всплывающими образами *«экипажа»* или *«моря»*. Другие трудности, которые могут возникнуть при декодировании значения слов, зависят от физического состояния человека, например, при сильном утомлении, при засыпании, и др.[3].

Вторым этапом процесса декодирования сообщения является понимание предложения. Восприятие отдельных предложений и их значений зависит от структуры предложения. Если структура предложения проста, то декодирование не представляет особых сложностей. Если строение грамматической структуры вступает в конфликт с непосредственным восприятием входящих в её состав слов или с непосредственной оценкой её фрагментов, то восприятие заметно осложнится. Например, конструкция *«брат отца»,* так же как *«отец брата»,* создаёт непосредственное впечатление о том, что речь здесь идёт о двух лицах – отце и брате и что обе конструкции отличаются только порядком слов. Однако эти конструкции являются примером «коммуникации отношения», не означая никого из упомянутых лиц, а означают третье – *«дядю»* и выражены в форме значения двух видов родства. Декодирование этой конструкции требует анализа, при котором необходимо придать одному из существительных значения прилагательного («*отцовский брат*») и затем вывести общее значение конструкции. Декодируя сложные конструкции, т. к *«я позавтракал после того, как прочёл газету»*, реципиент сообщения встречается с инверсией событий, и склонен понять это высказывание как выражение прямой последовательности: позавтракать – прочесть газету. Трудности декодирования вызывают конструкции со смысловой инверсией, например, *«я не привык не подчиняться правилам»* означает не нарушение правил, как это можно понять из отдельных фрагментов конструкции (*«не привык»* и *«не подчиняться»*), а наоборот, речь идёт о человеке, подчиняющимся правилам. В этом случае декодирование конструкции требует предварительного перекодирования её. Смысл становится понятным лишь после того, как двойное отрицание будет превращено в одно положительное утверждение: «*я (всегда) подчиняюсь правилам*» [3].

Особую сложность при декодировании смысла сообщения вызывают наиболее сложные сравнительные конструкции. Примером такой конструкции А. Р. Лурия приводит выражение *«Оля светлее Сони, но темнее Кати»*, где от испытуемого требуется распределить трёх девочек в порядке возрастающей темноты их волос. Воспринимая конструкцию последовательно, можно установить последовательность: Оля (светлая) – Соня (тёмная) – Катя (ещё темнее). В то же время правильное декодирование предполагает понимание того, что одно и то же лицо (Оля) и светлее (чем Соня), и темнее (чем Катя), иначе говоря, «для пониманий отношений следует избежать инверсии и провести промежуточную операцию перемещения» [3].

Процесс декодирования может иметь на своём пути препятствия, которые могут привести к неправильному пониманию конструкций. А. Р. Лурия упоминает три группы факторов, вызывающих трудности и представляющих серьёзный теоретический и практический интерес. Первый

фактор он называет «структурным», который заключается в том, что при перекодировании описанных конструкций необходимо расположить их элементы в «симультанные схемы» (одновременно охватывающие пространственные соотношения), которые обеспечивают размещение элементов этой конструкции в единую логико-грамматическую систему. Второй фактор Лурия обозначает как «динамический», при котором декодирование сложных грамматических конструкций требует знания предложенной конструкции. Третью группу факторов можно назвать «мнестическим» фактором, при котором необходимо запомнить элементы конструкции и мысленно сопоставить их друг с другом. Этот процесс требует большого объёма «оперативной памяти», чтобы иметь дело с большими по объёму конструкциями. Декодирование значения фразы или логико-грамматической конструкции не исчерпывает процесса понимания. Наиболее сложный этап – понимание смысла всего сообщения в целом. Этот этап не представляет особых трудностей в простом повествовательном тексте, однако он становится трудной задачей, когда сообщение имеет сложный подтекст[3].

По мнению Брудного, понимание есть феномен, возникший в непосредственной связи с процессом общения и является необходимым условием существования и построения текстов. Понимание лежит в основе реализации познавательных возможностей личности, а также в основе существования человеческого сознания. Когнитивная функция понимания, по словам Брудного, заключается в том, чтобы обрести определённое знание о действительности и применить его; «в результате понимания знание становится частью внутреннего мира личности и влияет на регуляцию её деятельности» [1]. В процессе общения человек приучается смотреть на себя глазами другого человека. Ведь если я выражаю свои мысли, я заинтересован в том, чтобы другой человек, мой собеседник, их правильно понял [1].

По словам В. фон Гумбольдта, понимание осуществляется посредством духовной деятельности, и «в соответствии с этим речь и понимание есть различные действия одной и той же языковой силы. Процесс речи нельзя сравнивать с простой передачей материала. Слушающий так же, как и говорящий, должен воссоздать его посредством своей внутренней силы, и всё, что он воспринимает, сводится лишь к стимулу, вызывающему тождественные явления. Поэтому для человека естественным является тотчас же воспроизвести понятое им в речи [2].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что создание и понимание речевого высказывания являются сложными когнитивными процессами кодирования и декодирования, состоящими из нескольких этапов и связанными с другими психическими процессами, влияющими на производство речевого сообщения и расшифровку поступающей извне информации.

Библиографический список

1. Брудный А. А. Психологическая герменевтика: учебное пособие. – Издательство «Лабиринт». – М., 1998. – 336 с.
2. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1999 // Психолингвистика в очерках и извлечениях. Хрестоматия. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 464 с.
3. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 320 с. Ил. – (Серия «Мастера психологии»).

4. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта : Наука, 2007. – 296 с.
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А. А. Реформатский; под ред. В. А. Виноградова. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 536 с.
6. Слобин Д. Психолингвистика/ Грин Дж., Психолингвистика. Хомский и психология / пер с англ.; под общ. ред. и с предисл. А. А. Леонтьева. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига,2006. – 352 с.
8. Солсо Р. Л. Когнитивная психология / Пер. с англ. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.: ил.

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РИТОРИКИ, КУЛЬТУРЫ РЕЧИ, ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ РИТОРИЧЕСКОГО

Л. К. Салиева
Московский государственный университет им М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Summary. The ontological approach resolves basic questions in the field of rhetoric, such as relationship of rhetoric and ethics, rhetorical and nonrhetorical kinds of speech, functions of rhetoric, as well as existence of rhetoric as theoretical, positive, normative, applied science and art. Antiquity considered rhetoric both as an inherent human ability to solve nonverbal problems by means of speech and as best practice.

Key words: ontological rhetoric, sophists, Plato, Aristotle, ethics, scope of rhetoric, functions of rhetoric.

Несмотря на то, что термином «риторика» пользуются уже не одно тысячелетие, а возможно, и вследствие этого, однозначного определения этого феномена не существует. Нет единства в понимании ни того, что составляет содержание понятия, ни того, каков его объём. Отсюда и расхождения при решении проблемы, чему обучать, обучая риторике, включать, в частности, этические аспекты или нет.

Исследование литературы по философии риторики показывает, что основополагающим для решения сложного вопроса об области риторического является признание онтологического статуса риторики. Онтологический подход разрешает все основные спорные вопросы этой области, а именно такие, как взаимоотношение риторики и этики, риторики и речи (все ли виды речи охватываются риторикой), функции риторики, а также существование риторики в качестве теоретической, позитивной, нормативной и прикладной науки (последняя может быть названа искусством).

Онтологический подход является характерным для античной риторики.

И для софистов, и для Платона риторика – это искусство речевого поступка, в котором мысль и речь едины, они не спонтанны, разработаны по определённым правилам. Эти правила риторика предлагает для всех видов речи. Они и делают её (речь) убедительной в своём роде. Функцией риторики в обоих подходах является личностное развитие и общественное построение.

Антагонизм концепций обусловлен тем, что они имеют разные базовые предпосылки: вопрос о возможности познания истины и, как следствие, вопрос об этических основаниях речевых поступков решаются диаметрально противоположно. Для скептиков-софистов, отрицавших возможность существования какого-либо надёжного критерия истины, этической нормой речевого поступка была выгода (как личная, так и общественная). Для Платона ориентир – истина, которая является необходимым в процессе порождения речи этическим фильтром, стоящим между риторической интенцией человека (стремлением любыми способами добиться своего посредством речи) и конечным высказыванием. Отсюда в основе различия мнимого красноречия и истинной риторики лежит раз-

ница в типе общих мест, типе цели высказывания, типе техники аргументации.

Для Платона цель речи – познание истины и устройство общества на её основе. Допускается только диалектическая аргументация. Для софистов, опирающихся на практическую мораль, – все средства оправданы, морали выше человека не существует. Для них рече-мысль всегда направлена на защиту и продвижение своей позиции – это единственно возможный модус речемыслительной деятельности человека. Риторика помогает достичь в этом деле совершенства, помогая создавать правдоподобную и потому убедительную для аудитории речь. Софисты допускают как эристику, так и софистику.

В итоге взгляды Платона и софистов на сущность риторики одинаковы: она является доведённой до уровня искусства присущей человеку по природе способностью решать посредством речи неречевые задачи. Различие состоит в использовании этого искусства.

Трактат Аристотеля «Риторика» является одим из его четырёх трактатов о речи-мысли (наряду с «Поэтикой», «Аналитиками» и «Категориями»). Разделение на трактаты соответствует разным аспектам речи-мысли: поэтика – образности (создание образа действительности посредством подражания), аналитики – познавательности (поиск истины посредством диалектики), топика – судительности (создание образа действительности при помощи связи субъект-предикат), риторика – включённости в коммуникацию: создание образа себя (экспрессивная функция) для того, чтобы оказать определённое влияние на другого (эмотивная функция), с целью принятия решения для управления ситуацией, обществом (коммуникативная функция).

Рассмотрим эти вопросы подробнее.

В «Поэтике», перечисляя части трагедии, Аристотель выделяет в качестве таковой мысли и отмечает, что выражением мысли занимается риторика, при этом не важно, какими семиотическими действиями мысль выражена. Поэтика, в частности, рассматривает, как можно выразить мысль при помощи приёмов подражания. Выражение мысли является действием посредством слова (или несловесных знаков) для достижения внеречевой цели – определённого воздействия на аудиторию. Речь, достигающая цели, является убедительной.

В «Риторике» рассматриваемое искусство определяется как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета»: «…дело её – не убеждать, но в каждом отдельном случае находить способы убеждения» [1]. Из определения видно, что, во-первых, для Аристотеля риторика – это, прежде всего, умственные операции, а не вербальная речь, а во-вторых, что убеждение понимается максимально широко.

Кроме того, искусство риторики помогает создать образ ритора. Мы читаем: «…необходимо заботится не только о том, чтобы речь была доказательной и возбуждающей доверие, но также и показать себя человеком известного склада… чтобы [слушатели] поняли, что он к ним относится известным образом, а также чтобы и они были расположены известным образом» [1, с. 175].

Убедительной речь бывает благодаря доказательствам, воздействию на аудиторию и созданию образа себя.

Риторику мыслитель называет искусством, соответствующим диалектике, поскольку их использование не ограничено какой-либо одной сферой. Оба эти метода могут быть правильными, то есть служить познанию истины. Отличие их состоит в способах убеждения, риторика предпочитает энтимему (по Аристотелю, самый важный из способов убеждения), диалектика – силлогизм. Но, поскольку энтимема – это своего рода силлогизм, то силлогизм также рассматривается в риторике, и потому риторика включает диалектику. Базис риторической аргументации шире, она строится не только на категориях, но и на топах. Риторическое доказательство истины полезнее диалектического, считает Аристотель, поскольку общедоступно и может использоваться в общении с толпой (диалектика предполагает образование и потому её сфера ограничена). Использование риторики предпочитается при решении тех вопросов, относительно которых нет строгих правил и которые допускают возможность двоякого решения. И риторика, и диалектика применяют доказательство от противного и могут служить средством защиты. И риторика, и диалектика рассматривают как истинное (действительно убедительное), так и правдоподобное (кажущееся убедительным). Таким образом, нет противоречия между риторикой и диалектикой, риторика просто шире, поскольку она имеет дело не только с убедительным, но и вероятным, и, кроме того, риторика также учитывает нравы, то есть сопряжена с политикой. Аристотель отмечает, что «...человек делается софистом не силу какой-нибудь особенной способности, а в силу намерения, с которым он пользуется своим дарованием. Впрочем, здесь [в риторике] имя ритора будет даваться сообразно как со знанием, так и с намерением, [которое побуждает человека говорить]. Там же [в логике] софистом называется человек по своим намерениям, а диалектиком – не по своим намерениям, а по своим способностям» [1, с. 89].

Риторика существует для вынесения решения, будет ли она использована для общего блага или для своего личного – зависит от намерения ритора, а также государственного устройства. Конечная цель риторики – организация общения в рамках государства. Если государство хочет сохраниться, оно должно обеспечить справедливость решений в рамках своих законов. Справедливость решений напрямую зависит от правильности речей, то есть от риторики, служащей общей пользе. «Государственным благом является справедливость, т. е. то, что служит общей пользе» [2].

Подведем итог. Для Аристотеля границы риторики как одного из аспектов речемыслительной деятельности человека не ограничены каким-либо видом речи. Риторика и поиск истины не являются взаимоисключающими. Убеждение – речевое проявление личности говорящего в логосе, пафосе и этосе речи (образ ритора). Цель риторики двоякая: общественная (устройство общества как совершенного общения) и социально-психологическая (формирование образа ритора).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что позиция Аристотеля – позиция, преодолевающая антагонизм скептицизма софистов и идеализма Платона.

В заключение отметим, что онтологическая риторика является одним из главных направлений риторической мысли XX века, которому принадлежат М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, Ю. В. Рождественский, Robert L. Scott's, Kenneth Burke, K. K. Campbell и др.

Библиографический список

1. Аристотель. Риторика // Поэтика. Риторика. – Санкт-Петербург: издательство «Азбука», 2000. – С. 88–89.
2. Аристотель. Политика / Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – Том 4. / пер. с древнегреческого; общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1984. – С. 467.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УСВОЕНИЯ ДЕТЬМИ МОДАЛЬНОСТИ (НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РЕЧИ)

З. Г. Мусави
Институт языкознания им. Насими НАНА,
г. Баку, Азербайджан

Summary. This article deals with about some aspects of acquiring modality by children. The significance of the epistemic modality is great in the study of cognitive and language development of the children. The factors which help the children to acquire the semantic of epistemic modality and its means of expression such as cognitive, linguistic and pragmatic are analyzed in this article. The influence of the epistemic structure and the linguistic factors to the formation of children's speech is great.
Key words: modality, language development, cognitive, pragmatic, differentiation.

Усвоение категории эпистемической модальности имеет большое значение для исследования когнитивного и речевого развития ребёнка. В семантику эпистемической модальности входит оценка говорящим сообщаемого с точки зрения его знаний о нём. Поэтому усвоение данной категории свидетельствует о формировании у ребёнка субъективной оценки к сообщаемой информации и к действительности, а также отражает познание мира и отношение ребёнка к картине мира.

Среди факторов, способствующих усвоению ребёнком семантики и средств выражения эпистемической модальности, следует назвать *когнитивные, лингвистические и прагматические*.

Язык и познавательные процессы находятся в сложных отношениях взаимодействия: «Язык не обеспечивает, по-нашему мнению, готовую «решётку» или призму, через которую ребёнок воспринимает мир. Скорее, эта решётка создаётся в процессе развития интеллекта, т. е. в результате действий ребёнка в окружающей среде и интериоризации этих действий, создающих операционные структуры» [10, с. 188].

Для понимания механизмов овладения ребёнком значениями важными для нас являются положения концепции Л. С. Выготского. По Л. С. Выготскому, речевое мышление неразложимо на интеллектуальные процессы и собственно речевые функции. Наиболее важным для нас является понимание того, как усваивается значение и формы его выражения. По Выготскому, их развитие идёт в противоположных направлениях: смысловая сторона развивается от целого к части, а внешняя (акустическая) сторона речи идёт от части к целому. Их развитие идёт в противоположных направлениях на протяжении всего детства, поэтому в какой бы точке они ни рассматривались, между ними никогда не может быть полного совпадения. Но Л. С. Выготский также подчёркивает, что это несовпадение не только не исключает единства разных сторон, но и предполагает это единство. Важнейшая линия речевого развития ребёнка как раз и состоит в том, что это *единство начинает дифференцироваться и осознаваться* [3,

с. 306–310]. Дифференциация и осознание словесных значений в речи ребёнка находятся в непосредственной связи с их коммуникативной функцией [3, с. 312]. Таким образом, отношения, устанавливаемые между языковыми значениями и являющиеся основой для обобщения и формирования понятий и языковых категорий, возникают в процессе общения ребёнка с взрослым. Этим подчёркивается роль ввода (инпута) в овладении ребёнком значениями.

Стадия, на которой имена и символы перестают восприниматься ребёнком как свойства вещей («отделение мысли от предмета»), является важным периодом в его когнитивном развитии. Благодаря этому познание перемещается с самой вещи на интеллектуальные операции, открывая путь для символических процессов, опережающих конкретные факты, для мышления в терминах *возможного*, а не действительного. Значения слов начинают восприниматься человеком как изменяющиеся от говорящего к говорящему – таким образом рождается понятие *психологической* относительности. А в этом понятии, как отмечает Дж. Брунер, «скрыто содержится отличение человеком себя и своей точки зрения от точки зрения других» [1, с. 352]. Благодаря этому человек начинает воспринимать себя как носителя особого взгляда на вещи, особой индивидуальности, что и является показателем обретения им *самосознания*.

Для понимания *когнитивных* механизмов языкового выражения модальности важным является положение А. М. Шахнаровича о связях, устанавливаемых говорящим между семантической структурой высказывания и структурой внеязыковой ситуации [13, с. 124]. Как отмечает А. М. Шахнарович, между структурой предметной ситуации и семантической структурой высказывания находится *когнитивная структура* ситуации (т. е. структура ситуации, отражённая в сознании говорящего). В «работе» сознания по формированию когнитивной ситуации и лежат, по мнению А. М. Шахнаровича, онтологические «корни» модальности: отражение предметной ситуации происходит через призму субъективной семантики говорящего. Результатом такого пропуска является наложение на пропозицию отношения говорящего, его субъективного мнения, которое выражается различными модальными значениями [13, с. 125]. Одним из таких значений является оценка говорящим сообщаемого с точки зрения достоверности.

Следовательно, к когнитивным предпосылкам овладения ребёнком модальностью мы относим *способность оценки* сообщаемого самим ребёнком, либо сообщаемого взрослым как соответствующего (в различной степени) действительности с точки зрения его знаний о нём. Данная способность формируется на этапе восприятия ребёнком высказываний взрослого и обеспечивается инпутом. На начальном этапе овладения языком для ребёнка наиболее велика роль матери, а также других близких ему взрослых. Затем важную роль играют также книги, телевидение и т. д.

К *лингвистическим факторам* усвоения ребёнком эпистемической модальности относится наличие в языке соответствующего языкового средства (модального выразителя), обеспечивающего возможность выражения того или иного модального значения.

В речи ребёнка вначале отражаются те значения, которые обязательны в плане выражения. К таким средствам выражения эпистемической модальности относится интонация. Дж. Лайонз отмечает, что любое утвердительное, а также вопросительное высказывание выражают не

только пропозицию, но и отношение к ней с точки зрения принятия эпистемического обязательства, которое говорящий выражает просодически (т. е. интонационно) [7, с. 271]. Исследователи детской речи [12 и 2] отмечают, что интонация начинает усваиваться ребёнком уже на втором году жизни. В тех языках, где модальность выражается грамматически, она также начинает выражаться раньше [16, с. 139 и 141]. Конструкции, где модальность представляет собой часть сложного предложения, являются более сложными в синтаксическом отношении и поэтому появляются позднее [там же, 138].

К *прагматическим факторам* мы относим потребность говорящего оценить сообщаемое как достоверное/недостоверное/проблемное. На то, что мысль рождается из мотивирующей сферы нашего сознания, указывал ещё Л. С. Выготский [3, с. 22].

Потребность оценить сообщаемое с точки зрения достоверности может возникнуть, когда у говорящего появляется необходимость оценить сообщаемое собеседником. Эта потребность диктуется *коммуникативной ситуацией*. Когда взрослый задаёт ребёнку вопрос о соответствии сообщаемого действительности, он, таким образом, побуждает оценить его сообщаемое с точки зрения достоверности. И в этом плане язык обладает массой средств, позволяющих ему это сделать. Но ребёнок может выразить такого рода оценку и паралингвистически – с помощью интонации, жестов, мимики.

У ребёнка также может быть внутренний мотив оценить им же сообщаемое с точки зрения достоверности. Формирование внутреннего мотива связывается с возникновением в сознании ребёнка понятия возможности, «включающего разграничение между реальностью и некоторым другим положением дел, основанным на определённых условиях» [15, с. 393].

Модальность является обязательной составляющей высказывания. Это связано с внеязыковой природой модальности: высказывание всегда каким-либо образом ориентировано по отношению к собеседнику и самому говорящему. Модальные значения присутствуют в каждом высказывании, но могут быть и не выражены внешне. Любое высказывание ребёнка, таким образом, содержит в себе модальные отношения: «Речевые акты и тематическое содержание являются такой же составляющей частью детского высказывания, как и пропозициональное содержание» [5, с. 353].

Модальность первых детских высказываний содержится в самом высказывании и обусловлена, как было уже отмечено, коммуникативной ситуацией, её компонентом – мотивом сообщения. Так, мотивом речевого высказывания может являться потребность ребёнка в предмете или действии, которое ребёнок может получить или достичь с помощью взрослого; с помощью высказывания ребёнок выражает свою волю, связанную с необходимостью какого-либо действия. Но дети также произносят свои высказывания с целью сообщить о каком-либо факте или событии, вызвавшем их интерес [5, с. 360]. Таким образом, однословные высказывания ребёнка и даже предшествующие им жестовые высказывания являются либо побуждением, либо констатацией факта. Так, по наблюдениям В. М. Швец, «*кх*» ребёнка при указании на открытую дверцу шкафа могло быть констатацией факта – «дверца открыта» [14, с. 80]. И то же самое «*кх*», настойчиво повторяемое, когда дверца шкафа закрыта, могло означать требование открыть дверцу. Ребёнок может указывать на предмет,

привлекший его внимание, либо тянуться к нему, пытаясь его достать и спрашивая у взрослого помощи. Указательный жест и жест требования ребёнок может использовать, сопровождая первые свои высказывания. Так, дети произносят: «*Мама*» и указывают пальчиком (или смотрят) в сторону матери, когда хотят удостоверить факт её присутствия в поле зрения, или показывают на предмет, имеющий к ней отношение. Они также могут тянуться к матери, произнося: «*Мама*», когда хотят, чтобы мать взяла их на руки или выполнила какое-либо требование. Родители отмечают, что уже в этот период ребёнок по-разному произносит такие высказывания. Критерием разграничения в этом случае служит интонация [4, с. 177].

Таким образом, модальность формируется на основе высказываний, представляющих собой на этапе однословных высказываний сообщения о номинации какого-либо предмета или факта, а на этапе двусловных высказываний – сообщение о номинации какого-либо события, характеризуя его с разных сторон и устанавливая связи между ними.

Как сообщения ребёнок представляет высказывания о констатации происходящего в момент речи. Например, девочка подаёт бабушке тапочки, сняв с этажерки: *Эя па!* (Эля подаёт тапки); *Дядя брра* (о мужчине, который едет на машине). Ребёнок также строит предположения о возможных событиях, произошедших в прошлом: *ляля бах! ляля бабах*! (о малыше, который упал).

У. Штефани отмечает, ссылаясь на Ж. Пиаже, что способность ребёнка мыслить чистыми гипотезами закладывается ещё раньше – уже в возрасте 1, 6, когда ребёнок начинает заниматься «символическими играми» [15, с. 393].

Ребёнок сообщает также о том, что, по его мнению, произойдёт в будущем: *hам-hам!* (О собаке, не лающей, а только готовящейся); *Эя а-а-а! (*Эля спать), указывая в сторону кроватки перед тем, как ложиться спать. В то же время появляются и недостоверные высказывания: *мама а-а-а* (рассказывает бабушке, что мама «спит», хотя это не так, она сидит на кровати). Ребёнок строит высказывания-предположения, связанные с фантазией, игрой: *Брра… Эля брра!; дядя брра! Эя брра! Бах… Эля бахх* (Эля смотрела в окно на кухне на машины, перенося все действия на себя).

Данные детские высказывания можно рассматривать как «имплицитно достоверные». Достоверность в них не отмечена. Приведённые примеры подтверждают положение А. М. Шахнаровича о том, что развитие модальности в раннем онтогенезе проходит *этап неэксплицированной модальности*, когда семантика модальности содержится в семантике самого высказывания, но не выражена из-за отсутствия у ребёнка соответствующих средств выражения [13, с.129–130].

У ребёнка также появляется потребность оценить то, что сообщает взрослый с точки зрения достоверности. Вначале он выражает значения достоверности, недостоверности, сомнения с помощью доступных ему средств: повтора пропозиции или её части, интонации, жестов и мимики. Например, ребёнок выражает свою оценку того, что произошло, как достоверное: Рагим упал и сильно ударился, произнес: Уф-уф, уф-уф*!(при этом держит голову),* пытаясь подтвердить: «Об камень! Рагим об камень головой ударился!». В данном примере значение достоверности выражено комплексно-лингвистически и паралингвистически: повтор, интонация, мимика.

Интонацию достоверности, убеждения, с которой ребёнок произносит высказывания, сложно отделить от его эмоциональной оценки сообщаемого. На данном этапе речевого развития оценка ребёнком достоверности сообщаемого слита с эмоциональной. Интонация также является и средством выражения экспрессии, ибо говорящий так оказывает воздействие на собеседника с целью убедить его в достоверности сообщаемого. Исследователи интонации в детской речи отмечают, что в раннем возрасте интонационная система ребёнка находится в начале своего формирования, хотя уже в 2 года эмоционально насыщенные повествовательные высказывания отличаются от эмоционально нейтральных [2, с.10].

Выражение оценки достоверности сообщаемого с помощью жестов, мимики и интонации тесно связано с формированием эмоциональной оценки сообщаемого. Речь матери, обращённая к ребёнку, практически всегда эмоционально окрашена. Поэтому и ребёнок сопровождает сообщаемое эмоциональной оценкой, перенимая её у взрослого или накладывая свой собственный опыт [8, с. 27].

Таким образом, эмоциональная и интеллектуальная сферы в высказывании часто не противопоставлены, а слиты воедино [6, с. 142]. Особенно актуально это звучит по отношению к языку в онтологическом аспекте [11, с. 87].

Прагматически обусловленным является появление выразителей достоверности-недостоверности в ответной реплике диалога. Эпистемические установки достоверности и недостоверности содержатся в реакциях ребёнка на вопросы-предположения взрослого и поэтому выражаются с помощью тех же средств, что и значения *согласия-несогласия*. Реакция ребёнка может быть выражена паралингвистически (кивок головы, движение глаз, улыбка, вокализации), с помощью междометий (*aha, ıhı, hı*), а также слов *да–нет* [16, с. 138]: Думаешь, мама сейчас помоется? – *УУ-у* (вокализация с интонацией подтверждения). Слово *да* употребляется сначала в ответ на вопросы с *да* на конце и в той же функции, что и паралингвистические средства, для выражения согласия вообще: Хочешь на горку, да? *Да* (кивок головой). Мы также установили следующий интересный случай выражения несогласия: ребёнок не хочет есть, повторяет слово «*хочу*», но при этом отрицание выражает посредством мотания головы из стороны в сторону.

В возрасте около 2 лет для выражения подчёркнутой достоверности в ответ на проблемное сообщаемое взрослого (в вопросе или повествовательном предложении) дети чаще употребляют повтор пропозиции (содержание вопроса) или её части. Н. В. Савостеенко приводит такой пример: Аня до 2,5 года повторяла сообщаемое в вопросе. Аня хочет гулять? – *Хатю гулять*. Позже она стала отвечать на общие вопросы кратко – да /нет [9].

Несогласие с предположением собеседника ребёнок также может выразить с помощью отрицательного жеста головой, вокализацией, имеющей носовую артикуляцию, с помощью слова *не, нет*. Обычно паралингвистические средства предшествуют собственно языковым. Несогласие, выраженное отрицательным жестом или вокализацией, появляется несколько позже, чем выражение согласия. Это может отчасти объясняться тем, что взрослый всегда пытается построить свои высказывания так, чтобы получить положительный ответ ребёнка.

В этот же период в ответной реплике диалога могут появляться и средства выражения проблемной достоверности: Хочешь печенья? *Ни наю* (не знаю).

Как видно, значения оценки достоверности сообщаемого, связанные с эпистемическими установками говорящего, содержатся имплицитно в семантике уже однословных и двухсловных детских высказываний, представляющих собой сообщения о некоторых событиях и фактах. Но вначале эти значения не выражены в связи с тем, что ребёнок не овладел средствами их выражения.

В первую очередь в речи ребёнка появляются интонационные и паралингвистические средства выражения модальных значений. Их семантика сочетает значения достоверности с другими модальными значениями, а именно эмоциональной оценки сообщаемого, отрицания, согласия–несогласия. Таким образом, в раннем онтогенезе закладываются основы для дальнейшего разграничения значений эпистемической модальности и усвоения ребёнком средств их выражения.

Речевая деятельность взрослого, побуждающая ребёнка производить оценку сообщаемого с точки зрения его знаний, стимулирует выражение того или иного модального значения. На формирование внутреннего мотива, по нашему мнению, больше всего влияют эпистемические установки, на формирование внешнего – ввод (инпут) и лингвистические факторы.

Таким образом, выражение того или иного значения эпистемической модальности в речи ребёнка создаётся взаимодействием когнитивных, лингвистических и прагматических условий. При этом диалог взрослого с ребёнком является непременным условием реализации выражения данных значений.

Библиографический список

1. Брунер Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации. / пер. с англ. – М., 1977. – 412с.
2. Вахтина Н. Ю. Эмоции и интонация в речи детей от 2 до 4 лет (по результатам слухового и аудиторского экспериментов) // Проблемы детской речи: мат. межвузов. конф. – СПб.: Институт раннего вмешательства, 1997. – С. 9–10.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. Т. 2. – М., 1982. – 504 с.
4. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. – М.: АПН РСФСР, 1961. – 471 с.
5. Кларк Г., Кларк Е. Как маленькие дети употребляют свои высказывания // Психолингвистика: сб. ст. / Сост. А. М. Шахнарович. – М., 1984. – С. 353–366.
6. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975. – 231с.
7. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: введение. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
8. Лепская Н. И. Язык ребёнка (онтогенез речевой коммуникации). – М., МГУ, 1997. – 151 с.
9. Савостеенко Н. В. Аня С. // От двух до трёх. Дневниковые записи. – СПБ: Изд-во ТОО «БИОНТ», 1998. – С.5–35.
10. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. – М., Прогресс, 1976, 352 с.
11. Столярова И. В. Модальная характеристика вводного компонента. // Модальность в её связях с другими категориями: межвузовский сб. науч. тр. – Новосибирск: НГПИ, 1992. – С. 112–120.
12. Шахнарович А. М., Арама Б. Е. Интонация и модальность // Сборник трудов. – М.-Тамбов, 1997.
13. Шахнарович А. М. Модальность // Детская речь в зеркале психолингвистики. – М., 1999. – С. 124–140.

14. Швец В. М. Усвоение ребенком эпистемической модальности: дисс. … к. ф. н. – Череповец, 2002. – 162 с.
15. Stephany U. Modality// Fletcher P., Garman M. (ed.). Language acquisition: studies in first language development. – Cambridge, 1986. – P. 390–396.
16. Stephany U. Modality in language acquisition. W de G. Berlin–New York, 1993. – P. 133–144.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. С. Жукова
Институт русского языка им. академика В. В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Summary. Functioning the forms of address in modern communication characterized by destruction of previous system, established during the USSR'era, and gradual, though not always apparent formation of a new system, an absence of stylistically neutral forms of address to an unknown person, the influence of foreign-languages traditions of etiquette, the frequent violation of the rules of etiquette in the media, the emergence of new trends related to the emergence of new spheres and situations of communication, the expansion in speech non-standard vocatives. All these factors explain the reasons for the large diversity of forms of address , currently used. New trends in modern communication is devoted this article.
Key wods: new trends in modern communication, the forms of address.

Функционирование обращений в современной коммуникации характеризуется разрушением устойчивой системы обращений, сложившейся в советскую эпоху, и постепенным, хоть и не всегда очевидным, формированием новой, отсутствием стилистически нейтральных форм обращения к незнакомому лицу, влиянием иноязычной этикетной традиции, частым нарушением норм этикета в СМИ, появлением новых тенденций, связанных с возникновением новых сфер и ситуаций общения, активизацией в речи нестандартных вокативов. Все эти факторы объясняют причины наличия большого разнообразия форм обращений, употребляющихся в настоящее время. Новым тенденциям функционирования обращений в современной коммуникации и посвящена данная статья.

Почему в современной коммуникации так часто нарушаются правила речевого этикета? С одной стороны, причина в том, что в сфере межличностного общения ощущается недостаток общей культуры. С другой стороны, у нас нет универсальной формы обращения незнакомых людей друг к другу. Таким образом, в современном русском литературном языке существует серьёзная проблема, с которой все мы ежедневно сталкиваемся: при обращении к незнакомому собеседнику бывает очень трудно подобрать вежливое нейтральное слово. Не способствует выработке общепринятых, стилистически нейтральных форм обращений и идеологическая разобщённость общества. Таким образом, проблема отсутствия универсального обращения и то, что в настоящее время обращение к незнакомому адресату – это наиболее уязвимое место в русском языке, признаются всеми ведущими лингвистами.

«В Америке можно с кем угодно поздороваться и к кому угодно обратиться с помощью нейтрального «хай!». У нас же это каждый раз проблема выбора», – рассуждает директор Института лингвистики РГГУ

М. А. Кронгауз [1]. Вот и выбирают россияне в зависимости от статуса адресата и своего культурного уровня.

«Для современного русского этикета предпочтительнее безликое «простите» или «извините», потому что все остальные выражения маркированы, то есть эмоционально окрашены и могут вызвать неудовольствие вашего собеседника», – подтверждает заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН А. Д. Шмелёв [2].

То, что «у нас каждое обращение имеет свою окраску либо несёт за собой исторический шлейф», отмечает и заведующий кафедрой факультета журналистики челнинского филиала КГУ Н. В. Удалов [3].

«Обращение – самое слабое место нашего лексикона. В самом деле, как обратиться к незнакомому человеку на улице, в транспорте да мало ли где ещё? «*Товарищ*» – вроде уже «не модно», «*гражданин*» – слишком официально, «*сударь*» – несовременно, «*дяденька*» – несолидно… «*Девушка*» и «*молодой человек*» допустимо лишь в том случае, если перед вами действительно девушка или молодой человек <…> Выход – начать с нейтрального «*простите*», «*будьте добры*», «*будьте любезны*», «*позвольте*», – считает автор пособий по этикету Н. В. Чудакова [4].

Но не только лингвисты, но и сами носители языка признают существующую проблему, ими остро осознаётся неустойчивость и недостаточность современной системы обращений, что ведёт к активному обсуждению данной проблемы на страницах периодической печати, в социальных сетях и Интернет-форумах, публичных выступлениях.

По данным опроса, проведённого автором осенью 2010 года среди столичного населения в возрасте 20–50 лет, в качестве обращений к незнакомым адресатам – людям среднего и пожилого возраста – сейчас лидируют неизбирательные способы привлечения внимания без номинации адресата – *Простите*, *Извините; Скажите, пожалуйста*, *Будьте любезны*, *Будьте добры* (их выбирают 37 % и 44 % респондентов соответственно).

«Я заметила, что адекватные люди чаще всего просто обращаются на Вы, используя формулы «Извините (Простите), Вы не подскажете», и т. д., а не причисляют тебя своим обращением к какой-либо группе представителей пола, возраста, профессии», – читаем мы в ответе респондентки.

Таким образом, это – нейтральные, наиболее распространенные, вежливые формы обращения – привлечения внимания, адресованные незнакомому адресату (так называемые «нулевые формы обращения» [5] – термин Е. А. Айсаковой, или «стёртые императивные формы» [6] – термин Е. Н. Басовской). После такого обращения следует, как правило, минимальный дискурс, информативная часть которого строится как вопрос, просьба или небольшое сообщение. Данные обращения мы используем по отношению к незнакомому адресату в ситуации обиходно-бытового общения на улице, в транспорте, чтобы привлечь его внимание, позвать его, не производя при этом номинации. Номинация здесь не производится по ряду причин:

– в связи с неопределённостью социального признака и ролей адресата;

– в связи с нежеланием такую номинацию производить, т. к. признаки адресата в данном случае нам не важны, важно лишь привлечь внимание с целью получения необходимой информации.

Для того чтобы человек понял, что вопрос/просьба адресованы именно ему, нужно паралингвистическими способами показать, к кому обращаешься. Так, при устном привлечении внимания собеседника жест – сигнал невербальной коммуникации – выражается в движении к собеседнику, в повороте головы к нему, во взгляде, в улыбке. Иногда можно наблюдать в этой функции и как бы останавливающий жест рукой или прикосновение к адресату (его плечу).

Среди оригинальных ответов опрашиваемых и собственных лингвистических наблюдений хочется выделить следующие формы привлечения внимания:

– *Извините, у Вас есть минутка?*

«Замечаю, что некоторые так начинают своё обращение. Стараюсь дослушать до конца, но под этим «извините, у Вас есть минутка?» чаще всего скрывается вопрос, как пройти куда-нибудь, но после такого обращения почему-то кажется, что будут проводить опрос». (Видимо, такая ассоциация возникает по аналогии с речью интервьюеров, проводящих маркетинговые исследования и опросы населения по телефону, а иногда прямо на улице – *прим. автора*.)

Интересен факт, что в функции обращения стало выступать приветствие. Приведём такой комментарий: *«Со времени, когда всё у нас перемешалось насчёт «господ» и «товарищей», стало непонятно, как к кому обращаться. Поэтому я стараюсь просто обходить это узкое место, применяя формулы: «Добрый день (утро, вечер)! Подскажите, пожалуйста», т. е. фактически приветствие в функции обращения к человеку – обычно люди на это очень хорошо реагируют!»*

Согласно опросу, вежливые формулы приветствия *Добрый день (утро, вечер)! Здравствуйте!* стали часто использоваться в позиции обращения к незнакомому адресату для привлечения внимания и установления контакта, и это вызывает положительную реакцию адресата (7 % и 12 % опрошенных выбрали такую форму обращения по отношению к людям среднего и пожилого возраста соответственно).

Приветствие вместо обращения всё чаще можно услышать в различных магазинах, салонах в речи продавцов, консультантов по отношению к посетителям, потенциальным клиентам и покупателям с целью привлечь их внимание и сформировать лояльность. Эти новые тенденции, требующие обязательного приветствия клиента, можно объяснить формированием современного корпоративного этикета под влиянием западной этикетной традиции. Русский же этикет, в отличие от западноевропейского, не требует от незнакомых людей в ситуации краткой стандартной коммуникации (например, «лицо, выполняющее служебные обязанности, – клиент») без её дальнейшего продолжения обязательного приветствия последнего.

Если же предполагается продолжение общения или знакомства, то лучше всего сразу спросить имя собеседника. Негласное правило русского речевого этикета гласит: «Если ты знаешь имя собеседника, используй его». В этой связи понравился ответ одной из респонденток:

«*Если я вижу на человеке бейдж, прочту имя и обращусь по имени!*»

И действительно, одной из современных тенденций корпоративного этикета является обязательное прикрепление к офисной одежде специальных табличек – бейджей, на которых пишется имя сотрудника, что активно практикуется сейчас в крупных российских корпорациях, в банков-

ско-финансовой сфере, в сфере обслуживания (в салонах и сетевых магазинах), event-сфере (на выставках, конференциях, прочих мероприятиях).

Далее речь пойдёт о новых тенденциях в антропонимии настоящего времени.

Если говорить об инновациях в сфере обращения по имени и имени-отчеству, то необходимо констатировать, что ещё 15 лет назад невозможно было вообразить себе ситуацию обращения к человеку безо всякой иронии по полному имени *Александр* или *Екатерина*, и что сам он будет себя именовать подобным образом и представляться так при знакомстве [7]. Однако произошли изменения, в результате которых оказался разрушенным старый этикет употребления имён и имён-отчеств. В ситуациях, в которых раньше было принято называть человека по имени-отчеству, теперь употребляются обращения по полному имени. Сокращённые формы имени, такие как *Маша* или *Володя*, воспринимаются как чрезмерно контактные и практически не используются в официальной ситуации или при различиях в статусе. А в качестве нейтральных употребляются полные имена – *Мария* и *Владимир*, что раньше было недопустимо (употреблённые без отчеств они воспринимались как претенциозные, чопорные и всегда особым образом характеризующие говорящего или речевую ситуацию).

Более или менее общепризнанным фактом является постепенное вытеснение отчеств – за последние 10 лет заметно сузилась сфера их использования. Естественно, это лишь тенденция, и нет никаких оснований говорить об исчезновении отчеств вообще. Эта тенденция действует лишь в тех сферах общения, которые наиболее подвержены иностранному влиянию: в основном в речевых рамках современного бизнес-сообщества [8]. Новый речевой этикет во многих деловых коллективах подразумевает обращение только по имени, в том числе и к начальнику, и к деловому партнеру, и к клиенту, то есть в тех ситуациях, где ранее нейтральным было обращение по имени-отчеству.

Проведённый летом 2010 года автором этой статьи опрос показал, что наиболее употребительными обращениями среди коллег по отношению друг к другу сейчас являются полные имена и «ты»-формы (по мнению 27 и 32 % опрошенных соответственно); сокращённую форму имени в качестве обращения используют 13 % респондентов, при этом по имени-отчеству обращаются только 10 % и на «Вы» – 12 %.

По отношению к деловым партнёрам используются «Вы»-формы, обращения по имени-отчеству и полному имени (36, 32 и 29 % опрошенных).

При обращении к клиентам употребляются полные имена, имена-отчества и «Вы»-формы (33, 29 и 21 % соответственно).

Преобладающими среди форм обращения к руководству респонденты назвали имя-отчество (33 %) в сочетании с «Вы»-формами (33 %) и полное имя (21 %).

В свою очередь обращение начальства к сотрудникам отличается бóльшим разнообразием – полное имя (32 %), имя-отчество (10 %), «Вы»-формы (30 %), «ты»-формы (11 %) и даже обращения по сокращённому (5 %) и уменьшительно-ласкательному имени (5 %).

Приведём некоторые комментарии респондентов. В их ответах находим следующую мотивировку употребления той или иной формы обращения к партнёру и/или клиенту:

«С клиентами при первой встрече общаемся по имени-отчеству, если клиент/партнёр просит обращаться по имени, то учитываем пожелание. Как правило, довольно быстро люди переходят на более неформальное общение - по имени».

«Если это партнёры, то, как они представятся – по имени или по имени-отчеству, так их и зовём».

«С партнёрами и коллегами у нас достаточно неформальное общение, что облегчает деловое сотрудничество. Что касается клиентов, то всё зависит от того, как сам клиент представится и предложит ли перейти на ”ты”».

А вот что говорится про коллегиальное общение внутри коллектива:

«Я работаю в небольшом юридическом бюро, там все друг друга знают, и у нас царит домашняя атмосфера, поэтому все друг к другу обращаются по именам, иногда даже уменьшительно-ласкательным и на “ты”».

«В трудовом коллективе с людьми моего возраста +/– 10 лет общаемся на «ты», по сокращённому имени, например, Лена вместо Елены, люди более взрослого поколения между собой общаются по полному имени (например, Николай), некоторых более старших коллег называем по имени-отчеству».

«Если сотрудник старше меня, то только на "Вы", если моложе или со старшим есть дружеская договорённость, то на "ты"».

«Во всех коллективах, где я работала, было принято между равными по должности обращение по имени без отчества. Если разница в возрасте небольшая, то обращались на "ты"; если большая или есть личная дистанция в общении, то на "вы", иногда с отчеством (при разнице в 10 и более лет), иногда без и уменьшительно. В общем и целом, насколько близко сложились отношения соответственно этому и обращалась».

Следующие примеры характеризуют стиль обращения к руководству и, наоборот, руководителя к вверенному ему коллективу:

«Руководство обращается к сотрудникам по-разному: ко всем давно работающим – на “ты”и по имени, и мы к нему также. А к новым – только на “Вы”.

«Начальников – обязательно на «Вы» и по имени-отчеству. Хотя в нашем коллективе более молодые сотрудники начальника называют не по имени-отчеству, а просто по имени и на «Вы» (например, Степан, Вы…?). Начальники с более молодыми подчинёнными общаются на «ты», по имени. С сотрудниками старшего возраста – на «Вы», по имени-отчеству».

«Исключение составляет моя начальница – я как-то с первого дня привыкла обращаться к ней на «Вы» и по имени-отчеству и своей привычке за 2 года так и не изменила».

«Даже подчинённые обращаются ко мне на «ты», т. к. маленький коллектив и смысла надувать щёки нет. Двух «верховных» начальников называю всегда на «Вы», хотя иногда, с глазу на глаз, опускаю отчество».

Итак, как видно из приведённых примеров, большинство опрошенных справедливо приходят к выводу о том, что выбор обращения зависит от формата сложившихся в коллективе отношений и степени формализованности общения в организации, а также от возраста, статуса, должности

собеседника, от его менталитета и личных коммуникативных предпочтений. Общаясь друг с другом, люди выбирают обращения в зависимости от ситуации и сложившихся норм и традиций.

Если же рассмотреть функционирование имён и имён-отчеств в устной публичной речи, то мы увидим, что в этом виде дискурсе в настоящее время также достаточно часто в позиции обращения употребляются полные варианты личных имён. В телепрограммах сейчас улавливается новая тенденция: телеведущие и приглашённые в студию гости перестают обращаться друг к другу по имени–отчеству. Такая форма общения и обращения среди участников какой-либо передачи (чаще всего они одного возраста и имеют приблизительно одинаковый социальный статус), а именно на «Вы», но по имени – это совершенно нормальное явление: «Вы»-форма уже содержит уважительный оттенок (поэтому избыточно дублировать его в отчестве) и заодно демонстрирует степень близости говорящих, вернее, указывает на их не слишком тесное общение.

М. Лукина в пособии «Технология интервью» [9] выделяет 4 стилистических уровня обращения в современной журналисткой практике:

1. Официальный – по имени-отчеству и на «Вы» (*Здравствуйте, Михаил Иванович!*).

2. Полуофициальный – по полному имени и на «Вы» (*Здравствуйте, Михаил!).*

3. Неофициальный – по имени и на «ты» (*Здравствуй, Михаил*!).

4. Фамильярный – по краткому имени и на «ты» (*Здравствуй, Миша*!).

Анализируя употребление обращений в жанре интервью, мы наблюдаем тенденцию обращаться к собеседнику по имени в сочетании с «Вы», а в некоторых случаях и с «ты»-формой общения. Приведём примеры из газетных, теле- и радио-интервью.

Вот фрагмент интервью с Сергеем Доренко:

– *Сергей, Вы азартный, увлекающийся человек?* («Мир новостей». 6 марта 1999 г.)

Иди другой пример из интервью с актёром Сергеем Селиным накануне его 50-летия:

– *Сергей, с наступающим Вас! Не боитесь приближения юбилея?* («Комсомольская правда». 2011. № 10-т (25649-т))

Здесь мы видим, как обращение по имени совмещается с «Вы»-формой – это пример полуофициального стиля обращения.

А вот примеры неофициального стиля обращения. В данных примерах обращение по имени совмещено с «ты»-формой общения.

Из интервью с Леонидом Парфёновым:

– *Леонид, скоро <u>твой</u> цикл "Намедни 1961–91" закончится, и что ожидает нас, трепетных поклонников <u>твоего</u> телевизионного таланта?* (Интервью, записанное на "Русском радио" и опубликованное в журнале «Профиль» № 26 от 13 июля 1998 г.)

Или фрагмент интервью с Борисом Грачевским:

– *Борис, прежде чем сюда приехать, я <u>тебе</u> позвонила, и <u>ты</u> сказал, что никогда не опаздываешь. Как <u>тебе</u> это удаётся при таких-то пробках?* («ТВ Парк». 2011. № 11 (880))

Необходимо отметить, что в обоих случаях употреблена полная форма имени, а выбор «ты»/»Вы»-форм общения мотивирован характером взаимоотношений общающихся.

Освещая тенденции функционирования обращений в современной коммуникации, нельзя обойти вниманием проблему официальных обращений, которые особенно чутко реагируют на социальные потрясения.

Именно официальные обращения в России оказались в центре двух социально-лингвистических переворотов – «революционного» и «перестроечного» [10]. После революции 1917 года принципиальные изменения коснулись самых важных обращений: *сударь/сударыня*, *господин/госпожа*, *товарищ, гражданин/гражданка* и др. Дореволюционные обращения различали пол адресата, подразумевали определённый и достаточно высокий социальный статус и обычно использовались вместе с фамилией, профессией, званием и т. д. Таким образом, после октябрьской революции в результате разрушения старой системы обращений мы утратили ситуацию, которая есть в большинстве европейских языков, где есть отдельно слова для обозначения лиц разного пола и возраста (man, woman, boy, girl, old man, old woman) и отдельно – специальные слова, употребляющиеся в функции обращения (sir, mister, miss, madam).

Новая власть ввела на смену одиозному *господину* демократическое обращение *товарищ* с претензией на устранение всех указанных выше противопоставлений. «*Товарищ* стал первым феминистским вкладом в развитие языка», – считает М. Кронгауз [11]. Так как это слово называет лицо независимо от его пола. *Товарищ!* – так обращались независимо от того, кем был собеседник – мужчиной или женщиной. Такое обращение снимало все различия по социальному статусу. Обращения же *сударь* и *сударыня*, *господин* и *госпожа* подразумевали довольно высокий статус собеседника. К человеку с низким статусом нельзя было так обратиться. Обращение *Товарищ* этот статус сильно понижало (сравним: возможное *товарищ проводник* и невозможное *господин проводник)*. Словом «товарищ» фактически можно было обратиться к любому человеку. Оно применялось очень широко, охватывая как знакомых, так и незнакомых адресатов, своим внешним обликом соответствующих такому обращению. В каком-то смысле это обращение отражало демократичность, устранение всех различий, в том числе и гендерных, и половых, и социальных. Кроме того, *товарищ* может употребляться как в сочетании с фамилией (профессией, званием), так и без неё, что очень удобно при обращении.

«В революционной России слово «товарищ» было взято за основу в обращении, потому что оно помогало унифицировать всех и нивелировать социальные и другие различия людей. В нём отсутствовало классовое противопоставление. Ведь если есть «господа», то это означает, что есть и «слуги». Кстати, слово «товарищ» в нашем обществе в своё время хорошо прижилось. Этим словом мы обращались в течение 70 лет», – читаем в интервью с Н. В. Удаловым [12].

В защиту обращения *товарищ* читаем такие строки в ответе респондентки: *«Раньше в ходу было простое и доброе слово «товарищ». Часто оно было очень уместно. И люди действительно чувствовали себя одной большой семьей и были готовы всегда прийти на помощь друг другу в трудную минуту»*.

Но после перестройки слово *товарищ* практически выпало из языка как нейтральное обращение, оставшись только в речи членов КПРФ по идеологическим причинам, а также в армии, в среде военных, где оно принято по Уставу. А случилось так из-за того, что *товарищ* и в эпоху СССР осознавалось именно как советское слово: оно не могло покрыть всех

коммуникативных этикетных потребностей говорящих, потому что, во-первых, имело партийно-официальный налёт, а во-вторых, плохо сочеталось с наименованием незнакомой женщины.

Иллюстрацией негативного отношения к обращению *товарищ* в наше время может послужить следующий разговор, услышанный в транспорте:

– *Товарищ, как проехать к центру?*

– *Какой я Вам товарищ! А Вам лучше всего сесть на 108-ой автобус.*

– *Извините и спасибо.*

В революционные годы в России пытались ввести и другую форму официального обращения – *гражданин* и *гражданка*. Почему же такое общественно значимое слово, как *гражданин*, не стало в России общеупотребительным обращением людей друг к другу? Вероятно, это связано с тем, что в 20–30-ые гг. прошлого века появился обычай, а затем стало нормой при обращении арестованных, заключенных, судимых к работникам органов правопорядка и наоборот не говорить *товарищ*, а только *гражданин*: *гражданин подследственный, гражданин судья, гражданин прокурор*. В результате слово *гражданин* для многих стало ассоциироваться с задержанием, арестом, милицией, прокуратурой. Негативная коннотация постепенно настолько «приросла» к слову, что стала его неотъемлемой частью, что способствовало укоренению в сознании людей понятия о том, что невозможно использовать данное слово в качестве общеупотребительного обращения.

– *Гражданин, не разменяете пятьсот рублей?*

– *Вот уже и гражданин, как в милиции.*

–*А как же вас называть-то?*

– *Да уж лучше сударь!*

– *Ну и ну, непривычно как-то. А пятьсот рублей-то разменяете? (услышано в электричке)*

Что же пришло на смену обращениям *товарищ* и *гражданин*? Активно используемое в СМИ, в устной публичной речи обращение *господин,* которое никак не может войти в язык в качестве нейтрального обращения. Обращения *Господин! Госпожа!* (без фамилии, по отношению к незнакомому адресату) носят официальный характер и отдают некоторой отчужденностью, холодностью. Трудно себе представить, чтобы так можно было обратиться к человеку, например, в транспорте: «*Господин,* это место свободно?» Разве что с иронией: «*Господин,* уберите ноги с прохода!» При таком обращении к нищему бюджетнику, пенсионеру, ветерану в ответ можно услышать негативную реакцию. Ведь слово «господин» несёт в себе яркую социальную окраску – в нашем понимании это те, у кого есть деньги. Во всяком случае, так было раньше, когда это обращение входило в активный лексический обиход. Такое отношение к «господам» сохранилось и сейчас. В период нового экономического всплеска появились новые «господа» – в общественном понимании это некое отдельное сословие богатых людей, к которому большинство россиян не имеет никакого отношения. Поэтому к обращению «господин» у нас относятся с некоторым недоверием и даже с неприятием.

Гармонично это обращение используется в дипломатической, политической и банковско-финансовой сферах, в деловой переписке. Там оно прижилось. Его удобство и в возможности подчеркнуть пол того, с кем раз-

говариваешь – *госпожа*, и в хорошей сочетаемости как с должностью (*господин директор*), так и с фамилией (*госпожа Смирнова*). В этом употребление этого слова сейчас похоже на употребление обращения *товарищ* в советский период.

Надо отметить, что *господин* никак не соответствует нейтральному обращению современных европейских языков, таким как французское «месье», английское «мистер». Это, конечно, причиняет огромное неудобство русским, но не иностранцам.

«Обращение «госпожа» слышала только от иностранных коллег и клиентов, для них это естественная форма разговора. Но даже в бизнес-среде и в окружении иностранцев я и мои российские коллеги предпочитаем обращаться друг к другу по имени и имени-отчеству» (мнение одной из респонденток).

Таким образом, нашими современниками это обращение воспринимается весьма неоднозначно. Людей, не принимающих это слово, много, а слово должно быть в гармонии с действительностью.

А вот в устной публичной речи в качестве обращения ко многим *Господа!* часто употребляются в нейтральном значении при официальном обращении к аудитории, особенно в деловой среде, при проведении массовых культурных и спортивных мероприятий. Сейчас такое обращение звучит повсеместно: в теле- и радиорекламе, на конференциях, презентациях, концертах, спортивных соревнованиях. Приведём примеры:

– *Дамы и господа! Представляем участников четвертьфинального матча!* (записано на теннисном турнире «Кубок Кремля» в с/к «Олимпийский»);

– *Уважаемые дамы и господа! Мы предлагаем Вам летний отдых на Адриатическом море* (журнал «Профиль». – 1998. – № 16).

Итак, ни официальное *гражданин*, ни партийное *товарищ* не могут быть рекомендованы к широкому употреблению в качестве обращения к незнакомому человеку. Да и обращение *господин* не является нейтральным. Как метко заметил М. Кронгауз, «Можно сказать, что возвращение в «доброе старое время» не состоялось. В нашу речь вернулся не дореволюционный *господин*, а переодетый в него *товарищ*. А мы, в свою очередь, перестав быть товарищами, так и не стали господами» [13]. Таким образом, проблема нейтрального обращения к незнакомому адресату в официальной обстановке общения остаётся открытой.

В данной статье нами было рассмотрено функционирование обращений в современном русском языке. Система обращений, используемая в современной коммуникации в настоящий момент, не является до конца сформированной и упорядоченной.

Среди основных тенденций, выявленных нами, можно назвать следующие:

1. Отсутствие в настоящее время универсального обращения к незнакомому адресату.

2. По данным опроса, сейчас в качестве обращения к незнакомому адресату лидируют неизбирательные способы привлечения внимания без номинации адресата (так называемые «нулевые формы обращения», или «стёртые императивные формы».)

3. В функции обращения зачастую стало выступать приветствие.

4. В антропонимии настоящего времени в качестве нейтральных употребляются полные имена, в том числе по отношению и к начальнику,

и к деловому партнёру, и к клиенту, в тех ситуациях, где ранее нейтральным было обращение по имени-отчеству.

5. Постепенное вытеснение отчеств в тех сферах общения, которые наиболее подвержены иностранному влиянию: в основном в речевых рамках современного бизнес-сообщества

6. В устной публичной речи (в жанре интервью) в настоящее время также достаточно часто в функции обращения употребляются полные варианты личных имён в сочетании с «Вы», а в некоторых случаях и с «ты»-формой общения.

7. Остро стоит проблема официальных обращений. В данный момент ни официальное *гражданин*, ни партийное *товарищ* не могут быть рекомендованы к широкому употреблению. Да и обращение *господин* не является нейтральным. Так что проблема нейтрального обращения к незнакомому адресату в официальной обстановке общения остаётся открытой.

8. В устной публичной речи *Господа!* часто и в нейтральном значении употребляется при официальном обращении к аудитории, особенно в деловой среде, при проведении массовых культурных и спортивных мероприятий.

Библиографический список

1. Скарлош С. Просто нет слов. Почему на русском языке трудно правильно обратиться к собеседнику // Новые известия. – 2010. – 12 марта.
2. См.: там же.
3. Мухаметдинова Э. Эй, пацан, или Как мы обращаемся друг к другу // Вечерние Челны. – № 52 (216). – 2009. – 11 февраля.
4. Чудакова Н. Этикет от А до Я для детей и взрослых. – М.,1999.
5. Айсакова Е. А. Социальная и социокультурная дифференциация обращений в современном русском языке: дис.... канд. филол.наук. – М., 2008. – С. 95.
6. Басовская Е. Н. Обращения, которые они выбирают (штрихи к речевому портрету молодого поколения) // Московский лингвистический журнал. – 2003. – Т. 7. – № 2. – С. 54–67.
7. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2009. – С. 113.
8. См.: там же. С. 112.
9. Лукина М. Технология интервью. URL: http://evartist.narod.ru/text5/37.htm
10. Кронгауз М. Указ. соч. С. 106.
11. См.: там же. С. 108.
12. Мухаметдинова Э. Эй, пацан, или Как мы обращаемся друг к другу // Вечерние Челны. – № 52 (216). – 2009. – 11 февраля.
13. Кронгауз М. Указ. соч. С. 110.

ТЕРМИНЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Д. К. Ефимов
Шадринский государственный педагогический институт,
г. Шадринск, Россия

Summary. The article speaks about the problems of terms and terminology. It also deals with such aspects as professional discourse, jargon in the course of modern terminology. The structure of the sphere of terminology and different terms used to denote similar fields of linguistics are also the subject of the article below.

Key words: term, terminology, jargon, professional discourse, dialect.

Проблема терминов в профессиональной коммуникации является одной из актуальнейших тем современного терминоведения. В рамках данной статьи мы попытаемся осветить некоторые из проблем, связанных с терминами в профессиональной коммуникации.

Терминология является одним из важнейших каналов социальной коммуникации, оказывающим огромное влияние на существование языка в целом. Терминотворчество можно представить как целенаправленный поиск необходимой информации на основе имеющегося языкового опыта и закрепление её в «информационно-терминологической сфере» конкретного языка, где кодируется и декодируется, хранится и перерабатывается национальная и интернациональная терминологическая информация, создаваемая и воспринимаемая человеком [2].

Сложность и многоаспектность профессиональной деятельности людей предполагают значительную вариативность форм речевой коммуникации, и при достаточно широком взгляде на вещи все речевые жанры, сложившиеся в процессе коммуникации в профессиональной сфере деятельности, могут быть определены как профессиональная речь. Иначе говоря, вся речевая коммуникация, связанная с профессиональной деятельностью, независимо от того, протекает она в письменной или устной форме, в официальной или неофициальной обстановке, то есть коммуникация как особый, вспомогательный вид деятельности, обеспечивающий осуществление основной профессиональной деятельности и подчиненный её целям как целям деятельности более высокого порядка, и есть профессиональная речь.

Неоспоримый фактор влияния на качество и особенности профессиональной речи – официальность или неофициальность общения. Причём это качество резко меняется, если даже общаются профессионалы на профессиональную тему, но не в строгой официальной обстановке. В социальной дифференциации языка, являющейся одним из результатов влияния общества на язык, отражается как современное состояние общества, так и предшествующие его состояния с характерными особенностями и изменениями его структуры на разных этапах развития общества. Социальной структуре языка и структуре речевого поведения людей в обществе присущи специфические черты, обусловленные социальной природой языка. Это, например, типы варьирования средств языка, зависящие от социальных характеристик говорящих и от языковых условий, которые могут обусловливаться как социальными, так и внутриязыковыми причинами. Распределение и закрепление языковых ресурсов происходит в зависимости от сфер, условий общения.

Для того, чтобы адекватно воспринимать термины, которые относятся к определённой сфере, необходимо формирование основных правил, предназначенных для понимания существующих терминов и создания новых. Как указывал В. М. Лейчик, единицей плана содержания термина является научное или техническое понятие, звуки (буквы) не могут быть единицами его плана выражения; наименьшей единицей плана выражения является «терминоэлемент» [3].

В настоящее время многочисленные социально- и профессионально-групповые жаргоны, ранее бывшие обособленными системами, проявляют явную тенденцию к открытости и, вступая в активное взаимодействие с кодифицированным литературным языком, разговорным языком и просторечием, приводят к образованию специфического функционального слоя в русской лексике – общенационального жаргона, или интержаргона, или общенационального (в отличие от социально замкнутого) сленга.

Следует отметить, что определение «деловая речь», в отличие от определения профессиональная речь, нельзя считать термином, это, скорее, именно бытовое определение. В то же время с этим определением нельзя не считаться, так как оно постоянно употребляется как в научной, так и в популярной литературе (причём зачастую как синоним профессиональной речи).

В любой терминологии существует свой определённый набор терминоэлементов с установленным пониманием их терминологических значений и закономерностями их объединения в слова. Понятие терминоэлемента было введено ещё Д. С. Лотте: «Подавляющее большинство терминов составлено из других терминов или слов, имеющих одно или несколько самостоятельных значений. Эти слова (иногда они в свою очередь являются терминами) при помощи так называемых формальных принадлежностей слов и служебных слов образуют простые или сложные термины и могут быть названы терминоэлементами. Каждый сложный термин состоит из нескольких терминоэлементов-слов, имеющих самостоятельное значение» [4].

Позднее многие учёные предпринимали попытки дать свои определения терминоэлемента. А. П. Даниленко подразумевает под терминоэлементом «широкое понятие, включающее в себя на равных основаниях производящую основу, словообразующую морфему (аффиксы), слово в составе особого типа символо-слов», В. Ф. Новодранова видит в терминоэлементе «регулярно повторяющийся и воспроизводимый элемент производных терминов, который, как правило, занимает определённое место в структуре термина и передаёт достаточно стабильное обобщённое значение» [6].

Большое количество терминов образуется с помощью синтаксического способа, составляя категорию терминологических словосочетаний. В. М. Лейчик указывает, что «термин по определению может состоять из нескольких слов, представлять собой словосочетание» и в его рамках возможно выделить «столько терминоэлементов, сколько в нём морфем (или слов), выражающих понятия данной области науки или техники». В своей статье он говорит о доминирующей тенденции по использованию в качестве терминов словосочетаний, состоящих из двух-трёх слов, в таких областях, как информатика, и отмечает, что в русском языке основная масса многословных терминов состоит из существительных и прилагательных,

причём существительные могут употребляться с предлогами и без предлогов, и некоторые существительные могут зависеть от других существительных [3].

Морфологическая природа элементов словосочетания связана с выделением стержневого слова. На фоне морфологической валентности частей речи понятие стержневого слова неизменно опирается на смысловую сторону частей речи. Так, в глагольном словосочетании им может быть глагол, в субстантивном – существительное, в адъективном – прилагательное.

Стержневой, т. е. субстантивный компонент словосочетания, свидетельствующий о его принадлежности к определённой семантической категории, по словам В. Н. Былинович, «правомерно рассматривать как категориальный терминоэлемент, а определительный комплекс при нём – как специфический терминоэлемент [1].

В наиболее устойчивых формах словосочетаний в качестве терминов чаще всего используются словосочетания, состоящие из определяемого элемента – существительного и определяющего элемента, стоящего перед ним, последний может быть выражен прилагательным, реже – причастием, иногда зависимым словом становится наречие. Терминосочетания с одним из составляющих в виде глагола редко находят своё отражение в словарях. Двухэлементные термины, в которых открыто наличествуют определяющий и определяемый элементы, являются простейшей формой таких словосочетаний. В основном преобладают субстантивно-атрибутивные терминосочетания. На это указывал ещё В. А. Татаринов, говоря о наибольшей распространённости субстантивных терминосочетаний.

В двусоставные терминологические словосочетания, которые образуют с существительными единую терминологическую единицу, входят в основном прилагательные, обозначающие физические параметры, или реже метафорически переосмысленные прилагательные.

Библиографический список

1. Былинович В. Н. О словосочетаниях как единицах терминологии // Романское и германское языкознание: респ. межвед. сб. Вып.14 / гл. ред. А. Н. Степанова. – Минск: Вышейшая школа, 1984.
2. Володина М. Н. Теория терминологической номинации. – М.: Изд-во МГУ, 1997.
3. Лейчик В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. – М., 1981. – № 2.
4. Лотте Д. С. Немецко-русский автомобильный словарь. – М., Л., 1936.
5. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. – М., Высш. шк., 1988.
6. Татаринов В. А. Теория терминоведения. Теория термина: история и современное состояние. – М., 1996.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ФОРМИРУЮЩИЕ ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ (НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

С. Алиева
Азербайджанская Национальная Академия Наук Азербайджана, Институт Языкознании им. Насими, г. Баку, Азербайджан

Summary. Standard is main criterion of a business language. The main characteristic features of a language style, lexic-syntactical parallels, kinds of sentences are investigated and explained in the article.

Key words: Official styles, literary language, official documents, standardization, lexical-syntactic parallels.

На современном этапе развития азербайджанского литературного языка деловой стиль, обслуживающий сферу правовых отношений – законодательство и делопроизводство, занимает особое место среди функциональных стилей. В лингвистической литературе этот стиль называется поразному: «официальный стиль», «официально-деловой стиль», «канцелярский язык», «официально-документальный язык», «язык законодательства» и т. д. Такое разнообразие терминов существует и по сей день. Мы же считаем наиболее целесообразным термин «деловой стиль» по той причине, что под «официальным стилем» подразумевается лишь часть сфер функционирования делового стиля. К текстам делового стиля относятся следующие документы: канцелярские бумаги, законы, распоряжения, документы, относящиеся к образованию, медицине, договора, почтовые документы, военные документы, коммерческие документы, указы и инструкции, юридические документы, здравоохранительные документы и т. д.

Знакомство с научно-теоретической литературой, посвящённой деловому стилю, показывает, что данный стиль, активно функционирующий в системе стилей азербайджанского литературного языка, прошёл определённый путь исторического развития. В последнее время под влиянием экстра- и интралингвистических факторов его активность возросла и сформировались специфические особенности. Вначале при составлении деловых документов, как правило, использовали либо арабские, персидские слова, либо русскую канцелярскую терминологию.

Вообще, уровень литературного языка никогда не отражался в языке документов. Другими словами, гибкость, динамичность литературного языка не находила своего отражения в деловом стиле, в языке документов. Говоря об официальном стиле азербайджанского литературного языка XIX века, проф. Т. Гаджиев объясняет причину этого следующим образом: «1. Документация – составительская работа, а не творчество, поэтому она не вмешивается в инвентаризацию; 2. Поскольку азербайджанский государственный язык традиционно формировался на основе арабского-персидского языков, основу официального стиля составляли кальки. В таких случаях внутренняя энергия языка в полной мере не используется. Аналогичная ситуация наблюдается и в XIX веке. В этот период в связи с националистической политикой царизма государственным языком является русский, и деловой язык становится корявым. К арабско-персидским калькам добавляются русские грамматические стандарты и русские слова» [3, 156].

Только в последние годы делопроизводство ведётся на азербайджанском языке с использованием всех его возможностей. Ясность языка этих документов, опора на родной язык связаны с языковой политикой независимого государства. Язык является основным атрибутом существования народа. Поэтому одним из законов, принятых независимым Азербайджаном, является Закон о языке от 22 декабря 1992 года. В статье 1 данного закона говорится: «Во всех государственных органах Азербайджанской Республики дело ведётся на азербайджанской языке. Азербайджанский язык как государственный язык Азербайджанской Республики применяется во всех сферах политической, экономической, общественной, научной и культурной жизни и на территории республики выполняет функцию межнационального общения». В статье 12 данного закона говорится: «На предприятиях, в учреждениях и организациях, находящихся в собственности Азербайджанской Республики, ведение делопроизводства на азербайджанском языке считается необходимым».

Деловой стиль отличается от других стилей, в первую очередь, лексическими особенностями. Говоря о лексических особенностях делового стиля, следует отметить, что наиболее яркая его черта – высокая степень стандартизации языка. В языке деловых документов стандартизация проявляется по-разному: употребление штампов-клише, канцеляризмов, повторы синтаксических конструкций и т. д. Основным признаком этого стиля и его подстиля является употребительность некоторых стандартов, форм и выражений шаблонного характера. Наличие штампов в деловой речи направлено на реализацию требования точности, однозначности. При этом стандарты содействуют ускорению и упрощению деловой коммуникации. Как указывает проф. Т. Гаджиев, тенденция употребления определённых стандартов даёт возможность массового использования соответствующего стиля. Такая форма создаётся для соблюдения с помощью стандартных слов и фраз норм литературного языка [3, 244]. В данном случае мы сталкиваемся с двумя фактами:

1. Широкое использование готовых, утверждённых шаблонов, трафаретов, штампов. Использование этих штампов, синтаксических моделей вполне закономерно. Такие слова и фразы (*məqsədi ilə* – «с целью», *əlaqədar olaraq* – «в связи с», *uyğun olaraq* – «соответственно, в соответствии с», *tapşırılsın* – «должно быть поручено», *nəzərə alaraq* – «принимая во внимание, учитывая», *təsdiq edilsin* – «подтверждается» и т. д.) ускоряют и облегчают подготовку однотипных постановлений.

2. Преобладание тенденции к использованию однотипных слов, оборотов для выражения мысли, отражающей в документах аналогичные ситуации. В этом случае другие равнозначные формы выражения языка как бы игнорируются. Выбранные речевые клише вытесняют другие возможные формы выражения и постепенно приобретают универсальный характер.

Употребление шаблонов в деловых документах уже оправдало себя. Шаблоны дают возможность более конкретно, лаконично и доступно выразить мысль. Однако они не употребляются одинаково во всех жанрах делового стиля. Каждый из этих жанров имеет специфические лексические и синтаксические особенности. Так, употребление какого-либо слова, словосочетания, предложения непосредственно зависит от содержания делового документа и от той сферы деятельности, к которой он относится. Документы различаются своими лексическими, синтаксическими и более всего,

терминологическими особенностями в зависимости от того, в каком конкретно учреждении (юридическом, медицинском, военном, торговом, почтовом и т. д.) они используются. Однако наряду с различиями у них есть и общие черты, которые следует принять во внимание. Поскольку эти документы входят в сферу делового стиля, они должны быть составлены соответственно основным особенностям данного стиля.

Опора языка в делопроизводстве и административной деятельности на определённые принципы законодательства способствует созданию ряда языковых стандартов, моделей, бланков. Некоторые из таких шаблонов утверждаются соответствующими государственными органами, некоторые же рекомендуются при составлении определённых документов. Многолетняя практика с помощью науки создала важнейшие образцы различных деловых документов, например: заявление, протокол, анкета, справка, договор, акт, доверенность и др.

С лингвистической точки зрения составление деловых документов творческим способом невозможно, т. к. это выходит за рамки образцов делового стиля. Вместе с тем следует рассмотреть некоторые стандартные выражения, т. к. только таким способом можно проследить функционирование делового стиля. Часть этих «образцов» по мере необходимости рассматривалась в настоящей статье. Здесь мы хотим коснуться характерных особенностей делового стиля: лексико-синтаксический параллелизм, типы предложений и т. д.

В деловых документах основное место занимают стандарты, сформировавшиеся посредством вспомогательных глаголов *olmaq* «быть; иметь; стать», *etmək* «делать, сделать; совершать; оказать». Ядро этих выражений составляют сложные глаголы, образованные с помощью указанных глаголов. Однако эти стандарты состоят не только из необходимой, но и из факультативной части. Таким образом, к стержневой части стандартных выражений, употребляющихся в языке деловых документов, можно отнести следующие: *əlaqədar olaraq* «в связи с», *müvafiq olaraq* «в соответствии с», *istinad edərək* «исходя из», *uyğun olaraq* «соответственно (чему-либо)», *qanunsuz olaraq* «незаконно», *rəsmi olaraq* «официально», *təsdiq edərək* «заверяя; подтверждая», *cavab olaraq* «в ответ на», *təyin edərək* «определяя; устанавливая» и др. Такие выражения стандартизируют язык и делают его официальным.

Мы полагаем, что это – особые модели, единичные формы. Рассмотрим некоторые примеры:

Z. P. Vəzirov *qanunsuz olaraq* 400 800 manat məbləğində dəyəri olan dövlət əmlakını mənimsəmişdir – «З. П. Везиров незаконно присвоил государственное имущество стоимостью в 400 800 манатов»; Yuxarıda göstərilənlərə *istinad edərək* – əmr edirəm – «Исходя из вышеизложенного приказываю...»; 1975-ci ildə iddiaçı ilə *rəsmi olaraq* nigahımızı qeyd etdirmişik – «В 1975 г. мы с истцом официально зарегистрировали наш брак» и т. д.

Ядро вышерассмотренных стандартных выражений составляют сложные глаголы (деепричастия).

Во всех сферах функционирования делового стиля довольно часто употребляются спрягаемые сложные глаголы, принявшие форму штампов, например: *qeyd etmək* «отметить», *qərara almaq* «решить, постановить», *təqdim etmək* «представить», *qəbul etmək* «принять», *tədbir görmək* «принимать меры», *nəzərə almaq* «принять во внимание; учесть», *həyata keçirmək* «претворить в жизнь; осуществить», *təklif hazırlamaq* «подгото-

вить предложение», *müzakirə etmək* «обсуждать», *irəli sürmək* «выдвинуть», *tövsiyə etmək* «рекомендовать», *təşkil etmək* «организовать», *istifadə etmək* «использовать», *yerinə yetirmək* «выполнить», *xəbərdarlıq etmək* «уведомлять; предупреждать», *lehinə (əleyhinə) səs vermək* «голосовать за (против)», *imza etmək* «подписать», *məsuliyyət daşımaq* «нести ответственность», *qüvvəyə minmək* «вступить в силу», *quvvədən düşmək* «утратить силу» и др. Например: Ticarət və iaşə sahəsində bəzi kooperativlərin yarıtmaz işi *nəzərə çatdırılsın* – «Принять во внимание неудовлетворительную работу некоторых кооперативов в сфере торговли и питания»; Vətəndaşlar tərəfindən verilən etibarnamələr notarial qaydada *təsdiq edilir* – «Доверенности граждан заверяются в нотариальном порядке»; Bütün hallarda məhkəmələrin qətnamələri açıq *elan edilir* – «Во всех случаях постановления судов объявляются открыто»; İşlər idarəsi həmin əmrin əsasnamə ilə birlikdə çoxaldılıb yerlərə göndərilməsini *təmin etsin* – «Управлению делами обеспечить размножение данного приказа вместе с положением и разослать на места» и др.

В языке деловых документов широко используется и слово *tərəfindən* «со стороны», выражающее отнесённость, принадлежность, например: «Belə halda məhkəmə hesab edir ki, iddiaçı *tərəfindən* buraxılmış iddia müddəti üzürlü hesab edilə bilməz» – «В таком случае суд считает, что просроченный истцом исковый срок не может считаться уважительным»; Rabitə müəssisələrin banklar *tərəfindən* vaxtı-vaxtında pul ilə təmin olunmasını nəzərə alaraq... – «Учитывая своевременное обеспечение учреждений связи деньгами со стороны банков...» и др.

Употребление вспомогательного слова *tərəf* в такой форме повторяет его синтаксическую позицию в литературном языке. Однако употребление данного слова в качестве стандартного выражения этим не ограничивается. В текстах деловых документов, в частности в языке судебных документов, часто встречается употребление слова *tərəf* с аффиксом принадлежности 1 лица и аффиксом исходного падежа в начале предложения, что является характерной особенностью данного стиля, например: *Tərəfimizdən* («с нашей стороны») 30.06.1998-ci il tarixdə 618 № 1-li məktubda CİÜMK-in 10.02.1997-ci il tarixli hökmü ilə V. B. Məmmədovun cinayət işinin respublika prokurorluğuna göndərilməsi barədə... и т. д.

Языку деловых документов характерен также лексико-синтаксический параллелизм – одинаковое синтаксическое построение (одинаковое расположение сходных членов предложения) соседних предложений или отрезков текста. В языке деловых документов в этом случае могут использоваться слова с противоположными значениями, например: İclası *açıq* elan edirəm – «Объявляю собрание *открытым*», İclası *bağlı* elan edirəm – «Объявляю собрание *закрытым*»; Üzləşdirmə saat 11^{05} dəqiqədə *başlandı* – «Очная ставка *началась* в 11^{05}», Üzləşdirmə saat 12^{15} dəqiqədə *qurtardı* – «Очная ставка *закончилась* в 12^{15}».

Лексико-синтаксический параллелизм проявляется и в вопросах-ответах, однако в данном случае лица изменяются, конкретизируются соответственно речевой ситуации, например: Sizə elan edilmiş ittihamda *özünüzü* təqsirli *hesab edirsinizmi?* – «Считаете ли *Вы* себя виновным в предъявленном *Вам* обвинении?» – *Mənə* elan edilmiş ittihamda *özümü* təqsirli *hesab etmirəm* – «*Я не считаю себя* виновным в предъявленном мне обвинении».

И в приведённых ранее, и в данных примерах встречаются старые и новые элементы. К старым элементам относятся общие, неизменяемые слова. К новым же, индивидуальным, относятся слова, соответствующие друг другу, но различающиеся в лексическом плане: *açıq elan edirəm – bağlı elan edirəm* – «объявляю открытым – объявляю закрытым», *başlandı – qurtardı* – «началось – закончилось», *sizə – mənə* – «вам – мне», *hesab edirsinizmi – hesab etmirəm* – «считаете ли Вы – не считаю».

В последнем примере глагол «etmək» как лексическая единица не является новым, но по своей грамматической форме он новый – как из-за присоединённого аффикса, так и из-за соответствия типу предложения по цели и информации.

Итак, хотя язык деловых документов является стандартизированным, он в целом изменяется соответственно тенденциям общего развития азербайджанского языка, постоянно развивается и приобретает всё более динамичный и коммуникативный характер.

Библиографический список
(на азербайджанском языке)

1. Джахангиров М. П. Эволюция азербайджанского национального языка: монография. Ч. II. Ведущие стили азербайджанского литературного языка на этапе национальной эволюции. – Баку: Элм, 1989.
2. Демирчизаде А. М. Стилистика азербайджанского языка. – Баку: Азертедриснешр, 1962.
3. Гаджиев Т. И. История азербайджанского литературного языка. Ч. II. – Баку: Маариф, 1987.
4. Деловой стиль современного азербайджанского литературного языка: очерки. – Баку: Элм, 2004.

(на русском языке)

1. Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. – М., Высш. шк., 1973.
2. Стилистика русского языка / под. ред. Н. М. Шанского. –Л.: Просвещение, 1989.

СЛОВАРЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАГОРОДОК В РАМКАХ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

А. В. Вознюк
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. In terms of negative politeness being polite means to choose the right words to express a communicative goal, which might be felt as face-threatening for the addressee such as disagreement or criticism in order to avoid a probable conflict. Hedges are pragmatic markers that weaken the strength of an utterance. In this paper I will discuss a number of linguistic devices that can be used for the realization of negative politeness strategy in scientific discourse.

Key words: hedging, hedges, markers, negative politeness, scientific discourse, global English.

Описание языка для специальных целей не должно ограничиваться исследованием предметной или межпредметной лексики. Необходимо

учитывать и те лексико-грамматические средства, которые «оформляют» профессиональную коммуникацию. К такому оформлению относится явление хеджинга, которое не только оказывает влияние на взаимодействие автора и адресата в научном дискурсе, но также является одним из признаков межкультурной компетенции. Значение лексических загородок становится очевидным (особенно в научном дискурсе). Умение использовать лексические средства для реализации стратегий хеджинга может помочь авторам, которые не являются носителями языка, стать полноправными членами научного сообщества, т. к. жанр научного дискурса предполагает владение риторическими приёмами и социального понимания данного сообщества.

Стратегия вежливости – одна из наиболее частных сфер реализации лингвистических ограничителей. Общие положения теории вежливости представлены в работе П. Браун и С. Левинсона. Основным понятием данной теории является «лицо» («public self-image face»). Под ним подразумевается позитивная социальная ценность, которой обладает каждый член общества. Любое действие совершается с целью сохранить «лицо». Используя концепты «сохранение/потеря лица», Браун и Левинсон разрабатывают общую теорию, основная мысль которой заключается в положении, гласящем, что чем больше говорящий создаёт угрозу потери лица для слушающего, тем вежливее он будет говорить.

Стратегия вежливости тесно связана со смягчением. Модель, предложенная Браун/Левинсоном [9], дала новые идеи для изучении роли лексических загородок в рамках стратегии вежливости. Авторы описывают такие лексические и синтаксические приёмы, как модальные глаголы, безличные и условные конструкции в качестве средств для того, чтобы смягчить силу утверждения, высказывания. Обычно различают «негативную» и «позитивную» формы вежливости. Негативная вежливость связана с предоставлением свободы человеку, позитивная вежливость – с демонстрацией единства и солидарности. Стратегии негативной вежливости (стратегии дистанцирования) заключаются либо в избегании тех речевых приёмов, которые угрожали бы негативному лицу или территории адресата, либо в их смягчении. Эти стратегии сводятся к нескольким линиям поведения, например: формулирование высказываний в смягчающей модальной упаковке или имперсонализация участников общения, т. е. использование пассивных и безличных конструкций, неопределенно-личных местоимений [6].

Кен Хиланд предлагает такую классификацию лексических загородок, использующихся в научном дискурсе:

Рис 1.

Прежде всего он выделяет две группы лексических загородок: лексические загородки, ориентированные на содержание (content-oriented) и те, которые ориентированы на читателя (reader-oriented) [11]. Первая

группа относится к пропозициональному содержанию, в то время как вторая группа призвана защитить «лицо» автора. В свою очередь лексические загородки, ориентированные на содержание, делятся на две подгруппы: загородки, которые связаны с точностью, правильностью высказывания (accuracy-oriented или attribute hedges), и те, которые ориентированы на автора (writer-oriented), т. е. ограждают его от возможной негативной реакции адресата. У таких загородок двойная цель: с одной стороны, автор стремится передать информацию с предельной точностью, с другой – сделать утверждение максимально убедительным, ограждая себя от риска быть неправым. Загородки, связанные с точностью высказывания, включают в себя также и лексические средства, связанные с достоверностью (reliability hedges). Лексические загородки, ориентированные на читателя, передают социальное взаимодействие между автором и читателем. Категоричность высказывания не предполагает участия читателя в обсуждении и подразумевает, что это суждение единственно возможная его интерпретация. Игнорирование читателя в тексте означает, что автор не нуждается в его ответной реакции.

Для реализации стратегий негативной вежливости основными языковыми средствами являются:

1. Модальные глаголы. Это, прежде всего, модальные глаголы – *can, could, may, might, must, ought to, will, would, shall, should* и квазимодальные глаголы *have (got) to, need to, had better*.

- *… **we can** now **claim** that samples showing the transitive realization like…*[8].
- *…**we need to** understand why it **has to** access that…*[13].
- ***It needs to be noted that** the experimenter was not **particularly** concerned about the correct sequencing of the cards…*[13].

Модальный глагол *would* может рассматриваться как гипотетическая или более слабая форма *will* для выражения предсказания, не обладающего такой степенью уверенности, как *will*. По сути *would* является срединным положительным модальным глаголом, выражающим большую уверенность, чем глагол *may*, но менее категоричный, чем глагол *will*.

- … so for many autosegmental-metrical approaches this difference ***would not*** be considered truly phonological[16].
- *… **would likely** equate **to having to** use English in many everyday situations* [13].

Довольно часто модальный глагол ***should*** выражает предсказание – ожидание, так как одной из самых важных задач исследования – и теоретического, и практического – является прогноз, а следовательно, выдвижение в качестве предположения, гипотезы, ожидаемых результатов и следствий, основанных на умозаключениях.

- … lexical repetition ***should*** be employed more frequently in English than in Bulgarian [19].
- ***It should be observed that, though** the instrument-subject alternation helps us state that …*[8].

Ряд исследователей [4] предлагает включать в набор лингвистических элементов, выражающих модальность, также модальные выражения типа *be able to, be going to,* модальные прилагательные и наречия (*necessary /necessarily, probable /probably, possible/ possibly, presumably, definitely, certain/certainly, advisable, perhaps, maybe)* .

- ***Certainly**, in recent years the trend…*[15].
- *In this paper, **I am going to suggest** that the predominance…*[15]
- *… while **it will be not able to appear** in a combination with another clitic* [15].
- ***Perhaps not surprisingly**, a relationship was found between the participants' duration…*[13].

2. Модальные модификаторы (единицы субъективной модальности). К ним можно отнести водные единицы (parentheticals), маркеры модальности, выполняющие функцию смягчения (downgraders), а так же усиления (upgraders) (для реализации стратегий негативной вежливости главным образом привлекаются downgraders).

- ***In general**, further and more detailed research on the textual patterning of the legislative provision…*[19].
- ***First, it should be noted that** the alternations associated to contact-by-impact verbs…* [8].

Весомость фразы и степень её воздействия на слушателя регулируется посредством минимизаторов (*just, only, a bit/ a little*). Они делают речь менее категоричной и при необходимости дополнительно смягчают (негативное) отношение.

- ***Just** to illustrate this in more detail…* [8].
- *The difference lies **only** in the fact that…* [8].

Маркеры усиления (so, *very, really, awfully, absolutely* и др.) в большей степени используются для реализации стратегий позитивной вежливости (стратегий сближения). Встречаясь в речевых актах, связанных со стратегиями дистанцирования, они обслуживают субъектную часть высказывания (в отличие от модификаторов, ориентированных на объект).

В научном тексте, используя глаголы мышления или говорения, можно «спрятать» оценку. Тогда доминантой выражаемого намерения становится то, что говорящий не претендует на полную достоверность, а его слова – являются его субъективным мнением, которое в таких конструкциях звучит менее категорично.

- ***we intend to** demonstrate that…* [8].
- ***I would like** to mention that one of the reasons why proposals like…* [8].
- *… which **I think would be** a mistaken interpretation of the facts* [8].

Смягчающий эффект имеют и различные слова со значением вероятности: *may be, perhaps, happen, seem, prove, appear, (un) likely* и пр., которые можно использовать как в личных, так и в безличных предложениях, чтобы, например, придать оттенок предполагаемой возможности или сомнения.

- ***Again, it was perhaps not surprising to find that** the total amount of time the participants spent speaking English at various places outside of language school **appeared to have** a positive influence…*[13].
- *… **it seems** logical that in the…*[18].
- *… they **may be involved** in both grammatical and anaphoric agreement…*[18].
- *Diachronically, the present tense predicative suffixes **most likely** developed by extension…*[18]

- *The determining factor* ***turns out*** *to be PARSE-2-F…*[7].

3. Сослагательное наклонение. Глагол в сослагательном наклонении выражает предположительность, гипотетичность со стороны говорящего, которая отсутствует в индикативных глаголах и таким образом снижает прямолинейность высказывания, делает мысль обтекаемой.

- ***I would like to propose*** *a similar analysis for the Spanish, Catalan, Judeo-Spanish data discussed above.* [10].

4. Пассивный залог и безличные конструкции. Пассивный залог достаточно характерен для научного текста. При его помощи реализуется тактика уклонения, что позволяет избежать непосредственного давления и соблюсти приличия. Пассивный залог также нередко используется для смягчения категоричности.

Высказывая своё личное мнение, можно избежать опасности акцентирования внимания на собственном «я», если замаскировать его безличным предложением (часто с глаголами говорения), придающим выражаемому отношению характер обобщения, или преподнести как общеизвестный факт. Этим приёмом удобно пользоваться в тех случаях, когда необходимо, чтобы точка зрения говорящего звучала менее категорично [1, с. 40].

- *The choice* ***was determined*** *by the assumption that the area of criminal law…* [19].
- ***It was assumed*** *that reference* ***would be*** *utilised as a cohesive device…* [19].

Основные категории лексических загородок, использующихся при реализации стратегии негативной вежливости, представлены в табл.1:

Табл. 1. Лексико-синтаксические средства реализации стратегии негативной вежливости

Категории лексических загородок	**Примеры**
Модальные глаголы и квазимодальные глаголы. (Квазимодальные глаголы – это глаголы переходного характера (от смыслового have и связочного be к модальным) [5])	shall, should, will, would, can, could, may, must, might, ought (to), have (got) to, need to, be to
Модальные 1) существительные, **2) прилагательные,** **3) наречия**	1) assumption, possibility, probability, necessity, requirement, suggestion, claim, estimate; 2) certain, definite, clear, probable, possible, required, determined; 3) certainly, definitely, clearly, probably, possibly, perhaps, conceivably, maybe, likely

Модальные модификаторы: **1) вводные единицы** **2) смягчители, минимизаторы** **3) глаголы намерения, мышления**	1) as usual, by the way, first, I think, in general, it seems, probably, secondly, so, sure, though; 2) just, hardly, scarcely slightly, only, a bit/ a little, very; 3) agree, disagree, believe, find, foresee, forget, imagine, know, mean, notice, indicate, suggest, assume, remember, suppose, think (that) (в значении полагать), trust, distrust, understand
Сослагательное наклонение	
Вопросительные конструкции	
Конструкции: 1) безличные **2) пассивного залога**	An attempt was made to see…, it seems/appears that…

В задачи настоящего исследования входило изучение словаря заголовков в письменных английских научных текстах, написанных носителями разных языков. Исследование проходило на основе специального корпуса текстов. В состав исследуемого корпуса письменных текстов входят два подкорпуса. Первый подкорпус состоит из 5 научных текстов американских и английских авторов (исследователей из США, Англии и Новой Зеландии) – эталонный английский общим объёмом 18 762 словоупотреблений, второй из 5 статей европейских авторов (исследователей из России, Испании, Ирана и Польши) – общим объёмом 20770 словоупотреблений. Из текстов были исключены цитаты, примеры, сноски, такие структурные разделы, как ключевые слова, список литературы и примечания. Общая тематика текстов – лингвистика. Источники текстов – научные журналы и материалы научных конференций, т. к. именно они отвечают требованиям к формированию сбалансированного корпуса: относятся к одной предметной области, совпадают по жанру, имеют ограничение по размеру и формату [1]. Тексты заимствованы из следующих интернет-ресурсов:

1) каталог журналов издательства *Bentham Science* Publishers – http://www.benthamscience.com (бесплатный доступ).

2) интернет-журнал *Colorado Research in Linguistics* – http://www.colorado.edu/ling/CRIL/index.htm (бесплатный доступ).

3) интернет-журнал *Catalan Journal of Linguistics* – http://ddd.uab.es/record/8 (бесплатный доступ).

Материал корпуса исследовался с целью выявления частоты использования лексических загородок задействованных в реализации стратегий негативной вежливости (см. табл.1), а также их категорий. Для исследования использовался конкордансер AntConc 3.2.1.w.

Табл. 2. Абсолютная частота использования лексико-синтаксических средств реализации стратегий негативной вежливости в научных статьях носителей (НЯ) и не-носителей английского языка (ННЯ)

Корпус	Объём корпуса (кол-во словоупотреблений)	Модальные гл., квазимодальные гл.	Модальные сущ., прил., нареч.	Модальные модификаторы	Безличные конструкции, конструкции пассивного залога и сослагательного наклонения	Всего
НЯ	18 762	269	101	78	80	528
ННЯ	20 770	190	60	80	110	440

Табл. 3. Относительная частота использования лексико-синтаксических средств реализации стратегий негативной вежливости в научных статьях носителей и не-носителей английского языка

Корпус	Объём корпуса (кол-во словоупотреблений)	Модальные гл., квазимодальные гл.	Модальные сущ., прил., нареч.	Модальные модификаторы	Безличные конструкции, конструкции пассивного залога и сослагательного наклонения	Всего
НЯ	18 762	0.51	0.19	0.15	0.15	0.03
ННЯ	20 770	0.43	0.14	0.18	0.25	0.02

Сравнительный анализ научных текстов носителей английского языка и носителей глобального английского показал, что авторы обеих групп активно пользуются средствами реализации стратегии негативной вежливости. Однако большее их количество представлено в текстах носителей эталонного английского. Общее количество лексических загородок в них 528 против 440 в текстах не-носителей.

В обоих подкорпусах достаточно велико количество модальных глаголов, но в текстах носителей языка их больше. Это говорит о том, что англоговорящие исследователи больше заинтересованы в смягчении иллокутивной силы утверждения и сохранения «лица» перед научным сообществом. Наиболее часто используются глаголы *can* и *may*, в равном небольшом количестве *will*, *would, shall, should*.

Сравнительный анализ употребления модальных существительных, прилагательных и наречий тоже не показал большой количественной разницы. Количество существительных очень мало, практически в равной степени употребляются прилагательные и наречия. Наиболее часто встречающиеся в обоих корпусах: *certain, certainly, clearly, likely*.

Несмотря на то, что лексико-синтаксические модификаторы служат важным средством снижения прямолинейности высказывания, в исследованном корпусе их количество крайне мало. Существенной разницы по количеству их употреблений нет, но есть небольшое различие в употреблении отдельных лексических единиц. Зато заметна существенная разница в использовании безличных конструкций. Высоко общее число данных конструкций относительно общего числа лексических ограничителей, но не-носители гораздо чаще используют их. Отсутствие обозначенного субъекта в высказывании имеет важную функцию. Оно заключается в выражении несущественности обозначения субъекта действия и тем самым существенности проявления самого действия, т. е. автор/исследователь отходит на второй план, а всё внимание акцентируется на действии. Пассивный залог позволяет реализовать такую стратегию вежливости дистанцирования, как «вывод адресата из дискурса», что является важным средством сохранения лица [4]. Типичные примеры использования пассивного залога, найденные в корпусе: *participants were asked*; *the data were analysed/collected*. В этих случаях, использование конструкций пассивного залога позволяет авторам описывать материал, будучи отстранённым, избегая собственного вовлечения. Глагол в сослагательном наклонении выражает предположительность, гипотетичность со стороны говорящего, которая отсутствует в индикативных глаголах, и таким образом снижает прямолинейность высказывания.

Выявленные особенности употребления ограничителей в стратегиях негативной вежливости позволяют сделать вывод о том, что данные языковые единицы следует обособить в отдельный разряд прагматических маркеров, чьё предназначение – смягчать категоричность оценочных высказываний. Для автора научного текста ослабление категоричности является способом выразить своё мнение, не лишая читателя возможности интерпретировать представленные суждения по-своему. Это даёт возможность избежать категоричных утверждений, которые могут восприниматься как невнимание и непочтительность к другой точке зрения, дистанцироваться. В осторожности выражается модальный оттенок «нестопроцентной объективности»: автор указывает на долю сомнения, неполную уверенность в своей правоте и тем самым сохраняет за собой право оградиться от сказанного.

Уже сейчас можно предположить, что количество лексических загородок в разных структурных частях исследовательской статьи будет отличаться. Так же представляет интерес изучение разнообразия стратегий хеджинга (не только средств их реализации) в этих структурных частях. Подобные исследования могут найти применение в методике преподавания языка для специальных целей. Например, их результаты могут способствовать большему пониманию межкультурных различий и сходств в академическом английском.

Библиографический список

1. Камшилова О. Н. Английский язык как Lingua Franca: функция языка или языковая форма? // «Известия РГПУ им. А. И. Герцена». – СПб: РГПУ. – 2006.
2. Конопляник Е. А. Лингвистические ограничители: межкультурный аспект (на материале современного немецкого языка) // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – Часть I. Материалы ежегодной международной научной конференции 5–6 февраля 2010 г. – Екатеринбург, 2010.

3. Кузьменкова Ю. Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде. Лекции 1–4. – М., 2006. – 48 с.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – М., 2003.
5. Трунова О. В. Природа и языковой статус категории модальности (на материале английского языка). – Барнаул – Новосибирск, 1991.
6. Тюрина С. Ю. Принцип вежливости в теории и практике межкультурной коммуникации // Международный научно-практический (электронный) журнал «Inter-Cultur@l-net». – Выпуск 5. – 2006. URL: http://vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v5/v5_ar05.htm
7. AbuAbbas K. H. Introducing Weight-Sensitive EDGEMOST. [Электронный ресурс], URL:
8. Acevedo E. S. Lexical classes and the conative construction in old English. [Электронный ресурс], URL: http://www.thefreelibrary.com/Lexical+classes+and+the+conative+construction+in+Old+English.-a0216412185
http://www.linguistics.fi/julkaisut/SKY2008/AbuAbbas_NETTIVERSIO.pdf
9. Brown P., Levinson S., Politeness. Some universals in language usage. –Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 145.
10. Face T. Intonation in Spanish declaratives: differences between lab speech and spontaneous speech // Catalan Journal of Linguistics. – 2003, 2. – 115-131.
11. Hyland K. Hedging in scientific research articles. Amsterdam (Philadelphia): John Benjamins Publishing Company, 1998.
12. Kourilova M. Communicative characteristics of reviews of scientific papers written by non-native users of English // Endocrine Regulations, 1998. –P. 107–114.
13. Manalo, E., Oya, T., & Greenwood, J. The influence of language contact and vocabulary knowledge on the speaking performance of Japanese students of English // The Open Applied Linguistics Journal. – 2009. – P.11–21.
14. Meyer Paul G. Hedging strategies in written academic discourse: strengthening the argument by weakening the claim // Hedging and discourse: Approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts. Berlin – New-York, 1997.
15. Ordonez F. Some Clitic Combinations in the Syntax of Romance // Catalan Journal of Linguistics. – 2002. – P. 201–224.
16. Sosa J. M. Wh-questions in Spanish: Meanings and Configuration Variability // Catalan Journal of Linguistics. – 2003. – P. 229–247.
17. Toledo E. Q. Middle English medical recipes: A metadiscursive approach // Studia Anglica Posnaniensia. – 2009. – P. 21–38.
18. Turunen T. Complex Morphosyntactic Features of Nominal Predicates in Erzya // Complex morphosyntactic features of nominal predicates in Erzya. SKY Journal of Linguistics. – 2006. – P. 173–187.
19. Yankova D. Semantic Relations in Statutory Texts: A Study of English and Bulgarian // SKY Journal of Linguistics. – 2006. – P. 189–222.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В ПОРОЖДЕНИИ УНИСОННЫХ И ДИССОНАНСНЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ

М. С. Володина
Педагогический институт Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article analyses the pragmatic role of presuppositions in constructing the unison and dissonance dialogue unities. Presuppositions is a means of dialogue activity actualization. They are inseparably connected with such dialogue categories as implicitness, unison, half-unison, dissonance.

Key words: presuppositions, unison, dissonance, dialogue unity.

В лингвистической науке под пресуппозицией, как правило, понимается коммуникативно-прагматическая целеустановка, задаваемая гово-

рящей личностью высказыванию в зависимости от его интенции и от ситуации, которая сложилась к моменту свершения коммуникативного акта. В качестве примера можно привести определение Н. Д. Арутюновой: «Под пресуппозицией имеются в виду те предпосылки и предварительные условия высказывания, которые обеспечивают возможность его употребления для достижения цели коммуникативного акта. Пресуппозиция входит в семантику как фонд общих знаний собеседников» [1]. В понимании Р. Карстона – это «пропозиция, имплицитно предполагаемая до того, как наступает время для соответствующих лингвистических действий [2, с. 65]. Данный исследователь ставит знак равенства между пресуппозицией и пропозицией с той лишь разницей, что пресуппозиция наделяется некоторыми невидимыми признаками, которые с наступлением лингвистических действий реализуются в пропозиции высказывания.

В момент конструирования диалогической реплики говорящая личность сознательно/подсознательно оценивает реальную ситуацию общения с точки зрения своего отношения к ней, выделяет в ней компоненты, релевантные для явной/косвенной фиксации в сигнификативной составляющей речевого действия. Как известно, в сигнификате диалогической реплики представлена не вся денотативная ситуация в целом, а её редуцированное отражение в сознании, содержащее не все детали, а лишь те, которые служат опорой при наименовании и понимании [3, с. 44].

Пресуппозиция находит свое отражение в поверхностной структуре диалогической реплики наряду с пропозицией; оба эти компонента семантики составляют смысл речевого действия говорящей личности. Изучение пресуппозиций в диалогической речи связано с выявлением причин и условий адекватности: 1. Передачи смысла (пресуппозициональный механизм адресанта); 1. Восприятия смысла (пресуппозициональный механизм адресата).

Для того чтобы быть понятой, говорящая личность должна учитывать знания партнёра по диалогическому взаимодействию. Области пересечения фоновых знаний собеседников составляют фонд их общих знаний, который в виде прагматических пресуппозиций служит средством обеспечения унисонной связности реплик конструируемого диалогического единства. В этом состоит структурно-организующая функция пресуппозиций в диалоге.

Как и в монологическом тексте, связи между диалогическими репликами могут быть описаны через пресуппозиции. Однако, если в монологе высказывание, противоречащее пресуппозициям предшествующего текста, нарушает его связность, то в диалоге говорящий может выразить своё несогласие с пресуппозицией, не нарушая при этом связность диалога. Так, в диалогическом единстве (1) речь идёт об общем для собеседников знании. Связь реплик основана на прагматической пресуппозиции, актуализованной в речи второго собеседника. Благодаря данному компоненту общих знаний собеседников формируется унисонное диалогическое единство. Ср.: (1) *“Father! What’s that sound?” Hassan yelped…“They’re hunting ducks,” Ali said in a hoarse voice…“They hunt ducks at night, you know…“I’ll run and see it…” (KR).*

В диалогическом единстве (2) реплики связываются друг с другом в унисонное единство на основе обращённости реагирующего действия на прагматическую пресуппозицию предшествующего. Ср.: (2) *“How long did it take you before you could type blindfold?” “I can’t type. I’ve only just got the*

typing machine and this is the first time I've tried" (OAC). Инициатор диалогического общения исходит из предположения, что его собеседница умеет печатать на машинке. С точки зрения адресата данное суждение ложно, поэтому он и выражает несогласие с пресуппозицией партнёра по общению. Диалогическое единство сводится к уточнению общих сведений участников диалога.

Проанализированная структурная сторона функционирования прагматических пресуппозций определяет в диалоге и смысловую сторону общения – способность раскрывать скрытую информацию реплики. Так, полувопрос для адресанта, как правило, предстаёт средством кодирования речевого намерения, для адресата же это – своеобразная инструкция, предписывающая коммуникативную перспективу реплики-реакции, ту прагматическую плоскость, в которой следует декодировать инициирующую реплику. В рамках данного диалогического единства инициатор общения, обладая способностью «диктовать» речевое поведение партнёра, оказывает влияние на прагматическую пресуппозицию последнего, заставляет его увидеть диалогическую ситуацию под заданным углом зрения. Подобная прагматическая пресуппозиция побуждает адресата реагировать в унисон даже тогда, когда его диалогическая позиция расходится с мнением спрашивающего собеседника. Ср.: (3) *"He wants to see me in his office?" "If you think so, he does" (HT).* В представленном диалогическом единстве адресат намеренно указывает на то, что ему ничего не остаётся, как согласиться с репликой-стимулом и принять установку на унисон в диалогическом общении. В результате анализа фактического материла, мы вывели следующую закономерность: чем слабее выражена степень вопросительности в реплике-стимуле, тем интенсивнее её речевое воздействие на адресата, тем выше степень предсказуемости подтверждающей реплики-реакции и проявление у неё унисонной модальности.

Созданию прагматически «слабой» формы полувопроса в реплике-стимуле способствуют модальные слова *perhaps, probably*, предстающие оправданием использования недостоверной информации. Подобные формы снижают вероятность получения подтверждающей реплики-реакции, не исключают, как правило, ответа-контраргумента, что приводит к диссонансу в общении, отсутствию унисонного диалогического единства. Ср.: (4) *"**Perhaps** we should buy all the masks?" "No, we should reduce our expenses" (LOL).* Реплика-реакция в анализируемом диалогическом единстве полемически противопоставлена исходной реплике-полувопросу как заданному альтернативному выбору.

Реагирующая реплика создаёт предпосылку для соответствующей модальной оценки, прогнозируя подтверждающую реплику-реакцию только с определённой степенью вероятности. Спрашивающий собеседник не навязывает партнёру по общению своей точки зрения, если видит, что она не совпадает с точкой зрения последнего. И адресат, судя по проанализированным реакциям на возможные формы полувопроса, ощущает это. Интересно в этой связи замечание Е. В. Падучевой о том, что «…фактически адресат имеет свободу выбора – прореагировать на намерение говорящего, или же «прицепиться» к нему» [4, с. 312].

Однако в процессе реализации данной пресуппозиции предсказуемость речевого поведения адресата может быть не достигнута. Как это имеет место в «слабой» форме полувопроса. Полное прагматическое удовлетворение от диалога его инициатор получает тогда, когда он не обма-

нывается в своём предположении (независимо от собственной уверенности/неуверенности в правильности последнего). При этом пресуппозиция унисонного диалогического единства предполагает не просто подтверждающую реплику-реакцию, а таковую, фиксирующую личное отношение адресата к содержащемуся в полувопросе предположению.

Представления адресанта о знаниях слушающего указывают на возможность перевода той или иной информации из эксплицитного уровня диалогической реплики в её подтекст. Подобная информация передаётся адресату как нечто само собой разумеющееся, известное, и становится основой для унисонного диалогического единства. Ср.: (5) *"As we turned the corner of Main Street and Broadway, he asked me with a loving chuckle, "How did you get to New York? It's constantly raining this time of the year. Did the plane land successfully?" "I came by train." "You are lucky to get through..." (AS).* В приведённом диалогическом единстве собеседникам априорно известно, что в дождливую погоду самолёты не всегда летают, а появление второго персонажа в Нью-Йорке означает, что самолёт всё же совершил свой рейс. В связи с этим данные сведения не нуждаются в экспликации, и вопросительная реплика *Did the plane land successfully?* воспринимается адресатом закономерной и формирует унисонное диалогическое единство. Другими словами, пресуппозиция – представая в диалогическом общении ремой – может отождествляться с информацией, которая передаётся темой диалогической реплики. Характерным при этом является появление дейктических средств (определённых артиклей, личных и указательных местоимений), сопровождающих, как правило, тематические элементы диалогической реплики. Например: (6) *"Whose idea was it to involve me* ***in this way****?" ... "The suggestion was probably made at a Board meeting...» ... «Just curious. May I ask who knows* ***about this****?" "Cholongai nodded, as though he'd anticipated this question" (B).* Пропозиции, «свёрнутые» в указательном местоимении *this*, передают известную собеседникам информацию, выражены в теме диалогических реплик, а поэтому не нуждаются в экспликации.

Диссонансный характер диалогического единства может проистекать из-за недостаточной информативности реагирующей реплики, т. е отсутствия некоторых пресуппозиций у адресата. Ср.: (7) *"It would be someone else?" said Jimmy. "Who? What someone?" "I often wonder...," said Oryx (OAC).* Вместо ожидаемого информативного ответа на вопрос, содержащийся в пропозиции инициирующей реплики, слушающий выдвигает лишь ответную реакцию, признающую его некомпетентность. Реагирующая реплика неинформативна, чтобы удовлетворить потребности инициатора диалогического общения, сделать это общение успешным. В таких случаях имеет место нарушение постулата Количества «Твоё высказывание не должно содержать меньше информации, чем требуется». Как замечает Г. П. Грайс, несоблюдение данного постулата объясняется тем, что быть более информативным – значит нарушить для реагирующего собеседника постулат Качества «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» [5, с. 229].

Прагматический диссонанс реплик в диалогическом общении может быть обусловлен также ответной репликой, содержащей уклончивый ответ. Ср.: (8) *"Are we going to see Crake?" asked one of the children. "Crake is not for children," answered Snowman...(OAC).*

В пресуппозициональном плане для диссонансных диалогических единств характерны связные последовательности однотипных реплик, выражающих намерение запроса информации. Подобное диалогическое единство может характеризоваться как квеситивное. Реагирующая реплика квеситивного диалогического единства, как правило, выражает переспрос: (9) *“Hey, Max, you wanna do something?” “Like what?” (AS).* Причиной переспроса в подобном диалогическом единстве предстаёт переоценка знаний адресата со стороны инициатора диалога. Как результат данной переоценки становится неудачная вербализация замысла вопросительного высказывания со стороны адресанта. Реализующиеся при этом диалогические единства представляют собой пример нарушения постулата Способа «Выражайся ясно, избегай неоднозначности». Реплика-реакция, содержащая переспрос, при этом является своего рода корректировкой, цель которой состоит в уточнении содержания вопросительного высказывания, составляющего пропозицию стимулирующей реплики.

Внешне противопоставленные реплики диалогического единства в разговорной речи могут быть – на основе пресуппузиций – частично прагматически связанными, формировать полуунисон. Пресуппозиции данного диалогического единства концентрируют внимание собеседников на обстоятельствах, которые необходимо принять во внимание. Полуунисонная связность диалогических реплик становится возможной за счёт речевого компромисса, устанавливаемого между собеседниками. Экспликатором компромисса выступает союз *but*. Конструирование полуунисонного диалогического единства осуществляется в этом случае в зависимости от характера реакции слушающего по следующим разновидностям.

1. Обстоятельство, актуализированное в ответной реплике, ограничивает возможность осуществления явления, о котором запрашивается в реплике-реакции. Ср.: (10) *“Well, why don’t you do something about it?” “ But I’m not professional enough…” (AS).*

2. Обстоятельство, актуализованное в ответной реплике, имеет место в дополнение и независимо от явления, о котором говорится в стимулирующей реплике со структурой вопросительного высказывания. Ср.: (11) *“Is he really too stupid to know that his father murdered his lover?” “But she didn’t fasten the crime on an innocent man” (GK).*

3. Между актуализованными обстоятельствами устанавливаются отношения обусловленности: одно обстоятельство служит обоснованием другого. Ср.: (12) *"Why do I want you to live out in the desert, speak like a guru, and tell me it takes years to master the art?" "But you read Siddhartha and Castaneda too many times…” (SIF).* В подобных вопросно-ответных диалогических единствах происходит не только выравнивание уровней априорно невербализованных пресуппозиций собеседников, но и эмоционального состояния партнёров: ответ предполагает как диктальную информацию, так и оценку предмета речи с признаком «положительность», «отрицательность», в зависимости от соответствующего настроя инициатора диалога.

Таким образом, прагматическая релевантность пресуппозиционных компонентов диалогических реплик зависит от целей, преследуемых каждым из собеседников в общении. Пресуппозиция эксплуатируется говорящим (термин Е. В. Падучевой [4, с. 308]), т. е. она предстаёт собственно предметом сообщения, становится прагматической основой конструирования унисонного/диссонансного диалогического единства. Другими сло-

вами, прагматическая роль пресуппозиций в организации и понимании диалогической речи определяется их влиянием на успешность диалогической коммуникации. Ложная пресуппозиция или её отсутствие ведёт к диссонансному диалогическому единству. Диалог в этом случае сводится к уточнению предварительных знаний собеседников. Намеренно ложная пресуппозиция говорящей личности свидетельствует о его ненормативном поведении (см. примеры 8–9), в отличие от ненамеренно ложной пресуппозиции как следствия необъективной оценки предварительных знаний партнера по диалогу (см. пример 7), что может стать прагматической основой полуунисонного диалогического единства (см. примеры 10–12).

Наблюдения над прагматической ролью пресуппозиций в организации и понимании диалогической речи позволяют выявить их структурно-смысловую функцию. Явление пресуппозиции, как показал фактический материал, тесно связано с такими категориями диалогического текста, как информативность, имплицитность, унисон, полуунисон, диссонанс.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 401.
2. Carston R. Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication. – L.: Blackwell Publishing, 2002. – 430 p.
3. Шнейдер В. Б. Коммуникация, нормативность, логика. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2002. – 249 с.
4. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связанности диалога // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – № 4. – 1982. – С. 305–313.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – С. 220–234.

Условные обозначения

AS – Carroll J. After Silence. – L.: Vintage, 2003. – 212 p.
B – Banks I. Business. – L.: ABACUS, 2003. – 455p.
HT – Atwood M. The Handmaid's Tale. – NY: Random House, 2003. – 249 p.
GK – Hammett D. The Glass Key. – NY: Farrar, Straus and Giroux, 2000. – 257p.
KR – Hosseini K. The Kite Runner. – NY: Riverhead Books, 2003. – 321 p.
LOL – Carroll J. The Land of Laughs. – L.: Vintage, 2003. – 231 p.
OAC – Atwood M. Oryx and Crake. – NY: Random House, 2003. – 253 p.
SIF – Carroll J. Sleeping in Flame. – L.: Vintage, 2002. – 257 p.

КОНСТРУКТИВНАЯ РОЛЬ ТЕМЫ РЕПЛИКИ-РЕАКЦИИ В МОДУСНО-ДИКТУМНОМ СОГЛАСОВАНИИ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ХОДОВ СОБЕСЕДНИКОВ

Г. Д. Скнар, Л. И. Дерипаско
Ростовский государственный медицинский университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. In spontaneous dialogue the theme component of the reactive utterance realizes the modus-dictum coordination of interlocutors' replicas. The article analyses the types of such kind of coordination.

Key words: dialogue communication, the theme component, dictum, modus, emotional and expressive meaning.

Проведённый нами анализ тематического компонента реплики-реакции, сформированной в результате интеграции и дезинтеграции темы или ремы стимулирующей реплики, выявил тот факт, что данный компонент обладает не только диктумной, но и модусной составляющими. Причём в последней составляющей концентрируется эмоционально-экспрессивный смысл реагирующего речевого действия адресата.

Диктум – это сам факт сообщения, модус – реакция адресата на диктумную составляющую. Тема как языковое выражение факта реальной действительности отражается в реплике-реакции в виде аксиологического и ментального потенциала. Диктум – факты бытийного пространства, модус – факты аксиологического пространства диалогического общения.

Интегрированная/дезинтегрированная тема реагирующего высказывания выявляет характер реакции адресата как на содержание сообщения инициирующей реплики, так и на его отношение к содержанию данной реплики (на её модусную составляющую). В спонтанной диалогической коммуникации тема реагирующего высказывания, другими словами, реализует модусно-диктумное согласование реплик собеседников. Как представляется, можно выделить следующие типы данного согласования:

1. Модусная реакция на модусную составляющую темы реплики-стимула: адресат поддерживает тему реплики инициатора общения, которая является частью её модусной пропозиции. Ср.: (1) *«– Не видишь,* ***кофтёнку*** *и* ***парочку дорогих артефактов*** *продаю. – Да это* ***барахло*** *никому сроду не нужно…»* [1, с. 37]; (2) *«– Если они* ***гопники*** *и* ***братки****, то далеко пойдут. – Да* ***эти мужики*** *прямо ломятся в радиоактивную зону…»* [2, с. 53]; (3) *«– Мне не нравится, когда он говорит, что* ***это тёмное дело****. –* ***Продавал же ты не их, а их души****,* ***продавал ночью, по пьянке, помнишь плохо…****»* [3, с. 79]; (4) *«– А я думаю,* ***он*** *прекрасен собой, – говорит секретарь. –* ***Хвастун и мот****. Вот и всё…»* [4, с. 23].

В примерах (1) – (2) представлена интегрированная тема, в примерах (3) – (4) – дезинтегрированная.

2. Модусная реакция на диктумную составляющую темы реплики-стимула: адресат эмоционально интерпретирует диктальную составляющую темы исходной реплики. Например: (5) *«– Ты помнишь эту историю про то, как* ***Сидоров стал замкомвзвода и командир батареи разжаловал его****, – протянула Ленка. –* ***Эти скандальные события*** *все знают»* [5, с. 121]; (6) *«– Послушайте: вот вам* ***выстрелы, визг****…» Француз рвётся ко мне и выкрикивает: – Вы ответите за это* ***беззаконие****!»* [6, с. 98]; (7) *« –* ***Я*** *только обесточил ему сердце. –* ***Подонок! Сукин сын!*** *Ты…»* [7, с. 45]; (8) *«Ленивец: Ну, делать нечего. Мы ведь всегда* ***последние в этой очереди****. Повар Г. Ц.: Ага.* ***Рабы смысла*** *и* ***заложники ситуации****»* [8, с. 13].

В примерах (5) – (6) представлена интегрированная тема, в примерах (7) – (8) – дезинтегрированная.

3. Диктумная реакция на диктумную составляющую темы реплики-стимула: адресат выражает согласие с темой, составляющей диктальную пропозицию реплики-стимула, интегрирует/ дезинтегрирует её с целью подтверждения согласия. Например: (9) *«– Мы с вами* ***составили акт*** *и* ***опечатали все печки*** *на комбинате. Все до одной! – Всё правильно мы* ***сделали****!»* [9, с. 42]; (10) *«МИХАЙ. Именно так, Эрик. Все эти годы ты* ***страдаешь*** *только оттого, что эта женщина тебе не доступна, и ты*

не испытываешь *любовь. ЭРИК. Да, я* ***чувствую пустоту****»* [10, с. 15]; (11) *«– Сейчас лето,* ***пацаны*** *разъехались. – Это хорошо, что* ***Бурый*** *и* ***Куля*** *уехали»* [11, с. 64]; (12) *« –* ***Отличники*** *вашего класса получат похвальные грамоты. –* ***Князева*** *и* ***Антонова*** *и так уже много грамот получили»* [11, с. 94].

В примерах (9) – (10) представлена интегрированная тема, в примерах (11) – (12) – дезинтегрированная.

4. Диктумная реакция на модусную составляющую темы реплики-стимула: тема высказывания адресанта выражает определённую модусную оценку некоторого события, адресат же подкрепляет данную оценку информацией, известной первому. Например: (13) *«– Тебе эти* ***шмотки*** *и* ***пушки*** *не помешают! – Да,* ***артефакты*** *– смысл нашей жизни…»* [1, с. 101]; (14) *«Хаген: Ты б хотя бы* ***жратву*** *и* ***выпивку*** *поставил в холодильник. Ленивец: Я* ***это*** *не ставил на стол»* [8, с. 27]; (15) *«– Что же это за* ***делишки*** *ты творишь? – воскликнул я. – Сам знаешь:* ***развёлся с женой, женился на художнице****…»* [12. С. 78]; (16) *«– На кой мне твои* ***книжки****? – окрысился Шиза. –* ***Достоевского*** *и* ***Толстого*** *читать надо»* [2, с. 89].

В примерах (13) – (14) представлена интегрированная тема, в примерах (15) – (16) – дезинтегрированная.

Модусная составляющая интегрированной/дезинтегрированной темы реплики-реакции неизбежно влечёт за собой эффект вторжения в границы внутреннего «я» собеседника, а следовательно, и эффект воздействия на его эмоции. Параллельно с диктальным значением модусная составляющая темы реплики-реакции предоставляет адресату возможность подчеркнуть силу убеждения оказываемого воздействия, апеллировать к вниманию собеседника, поддержать фактический контакт с ним. С другой стороны, эмоции, сконцентрированные в модусном компоненте тематического компонента исходной реплики, как представляется, оказывают решающее влияние на естественно-логическое заключение адресата относительно своей последующей реакции.

Тематические компоненты, актуализируемые в составе диалогического единства, не только взаимообусловлены, но и взаимосвязаны. Такую связь можно определить как координационную. Координационная связь возникает между тематическими компонентами реплики-стимула и реплики-реакции, если тема второй реплики прагматизирует отклик на коммуникативное намерение, выраженное в инициирующей репликеакции. Основной же формой существования данной связи является смысловое тождество пропозициональной структуры тематических компонентов. Координационная связь учитывает две основные характеристики тематической структуры спонтанной диалогической коммуникации: коммуникативную заданность и структурную целостность, то есть совмещает два типа связи – прагматическую и структурно-семантическую.

Тематические компоненты обеспечивают цельность диалогического дискурса, выступая функциональными координатами данного дискурса. Дискурсивные маркеры топикализации отражают комплексную характеристику речевого поведения собеседников, складывающуюся из трёх взаимозависимых аспектов:

1) психологического аспекта – замысла речевой партии и установки участников на тип коммуникативной активности;

2) организационно-динамического аспекта – распределения коммуникативной инициативы;

3) композиционно-содержательного аспекта – композиционной и содержательной структуры речевого продукта. Установка собеседника на тип коммуникативной активности и её реальное распределение в диалоге зависят от типа передаваемого содержания, определяемого замыслом собеседника.

Актуализация отдельных маркеров участниками спонтанного диалогического общения является своеобразным предложением признать состоявшейся совместно порождённую до этого дискурсивную структуру. Если такое предложение признаётся действенным, то собеседники обязуются породить следующую структуру, которая антиципируется предложенным маркером. Другими словами, для всех дискурсивных маркеров характерно две функции: функция подведения итогов диалогического общения и одновременно функция определения перспектив данного общения. Позиция маркера образует особый тип дискурсивных позиций. Для позиции маркера Д. Шифрина по аналогии с понятиями дескриптивной лингвистики предложила термин «дискурсивный слот» [13].

В лингвистической литературе обсуждается вопрос о принципиальной обязательности/необязательности наличия маркеров в диалогическом дискурсе. Высказывается мнение, что присутствие данных маркеров является обязательным [13]; обнаруживается также и противоположное мнение [14]. Ответ на данный вопрос, как представляется, зависит от понимания дискурсивных маркеров, к которым относятся исключительно или главным образом частицы и междометия, отдельные лексические фразы, вводные слова и словосочетания, а также некоторые морфологические показатели прагматического сцепления диалогических реплик. При широком понимании в качестве такового маркера может выступать любая языковая форма, помещённая в определённые контекстные и конситуативные условия.

В нашей статье мы придерживаемся широкого понимания дискурсивных маркеров топикализации в составе диалогического общения, поскольку так или иначе к выполнению данной функции могут привлекаться самые разнообразные языковые структуры в определённых конситуативных условиях.

Маркеры топикализации выполняют также референциальную функцию, являются дейктическими знаками. Они определяют также место в содержательной иерархии диалогического общения того речевого отрезка, который они вводят, т. е. обладают индексальными свойствами, локализуя данный отрезок содержания в контексте, ситуации общения. Используясь в качестве средства прагматической связности диалогических реплик, маркеры топикализации тем самым выполняют интеракциональную функцию, поскольку сигнализируют собеседникам о возможности принять дальнейшее участие в диалогическом общении.

Для прагматической связности диалогических реплик маркеры топикализации имеют непосредственное отношение к модально-диктальной ориентировке диалогического дискурса. Адресат в момент актуализации определённого маркера ориентируется на объективную диктальную и модусную составляющие реплики-стимула, а также на свои собственные модально-диктальные установки. В связи с этим маркеры топикализации обладают дискурсивными функциями. Каждый функциональный слот поз-

воляет адресату реализовать выбор из определённого набора разных маркеров, которые отличаются друг от друга структурно-языковой семантикой, иллокутивными возможностями.

Таким образом, дискурсивные маркеры топикализации играют значительную роль в когезии реплики-стимула и реплики-реакции, т. е устойчивые формы показа адресатом желательной для него динамики интенций в диалогическом общении, показа тех диалогических установок, которые он собирается реализовать в ответном речевом ходе. В этом отношении в качестве дискурсивных маркеров топикализации активно используются устойчивые образования, которые существуют в языке специально для стереотипного обозначения диалогической ситуации.

Библиографический список

1. Глушков Р. Холодная кровь. – М.: Эксмо, 2008.
2. Ливадный А. Контрольный выброс. – М.: АСТ, Астрель, 2010.
3. Вееров Я. Господин Чичиков. – М.: Столица-Принт, 2005.
4. Грабарь А. Хорошее настроение. – М.: ОГИ, 2005.
5. Березин В. Свидетель. – СПб.: Лимбус Пресс, 2001.
6. Авраменко А. Смело мы в бой пойдем… – М.: Издатель Быстров, 2006.
7. Латынина Ю. Нелюдь. – М.: Эксмо, 2007.
8. Курочкин М. Кухня. – М.: Эксмо, 2005.
9. Жуков А. Судить Адама / Роман-газета. – 1990. – № 7.
10. Вырыпаев И. Бухарест 68. – М.: Эксмо, 2000.
11. Козлов В. Школа. – М.: Ad Marginem, 2003.
12. Климонтович Н. Скверные истории Пети Камнева. – М.: АСТ, 2009.
13. Schiffrin D. Discourse Markers – Cambridge University Press, 1987.
14. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. VIII. – С. 15–28.

V. ПРОБЛЕМЫ МНОГОЯЗЫЧИЯ, ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

Н. А. Касенова, Т. В. Тимохина
Карагандинский государственный технический университет, г. Караганда, Казахстан

Summary. The given article is devoted to the formation of a person's language treatment. The educational and upbringing aim of language training in high school are considered. The article is for students and high school teacher's use.

Key words: a person's language treatment, development, up-bringing, culture.

Глобальные изменения социально-политических и экономических условий, коснувшиеся большинства сфер жизни казахстанского общества, вызвали во всех институтах общества, в том числе и в системе высшего образования, ряд фундаментальных проблем, связанных с человеком, его духовностью, сознанием, менталитетом и интересами. Первостепенной задачей высших учебных заведений становится формирование коммуникабельной культурной языковой личности. В связи с этим стало очевидно, что радикальное повышение уровня высокообразованных коммуникабельных специалистов может быть достигнуто только при плодотворном изучении языков.

Так как язык – показатель культуры народа, показатель его личных качеств и, по словам Д. С. Лихачёва, «выступает неким концентратом культуры нации, воплощённой в различных группах данного культурно-языкового сообщества», основное внимание в процессе обучения языку уделяется не только развитию и совершенствованию монологической и диалогической речи, расширению словарного запаса, но и формированию коммуникабельной, толерантной культурной личности.

Следует отметить, что в Казахстане идёт процесс активного использования трёх языков: казахского как государственного, русского как официального, английского – востребованного глобализацией мировой экономики. Другими словами, сегодня в нашей стране актуально говорить о казахско-русско-английском триязычии.

Несомненно, что уровень качества языковой подготовки специалистов должен оцениваться по мировым критериям. Только в таком случае можно говорить о подготовке специалистов международного уровня. Однако противоречие между требованиями, предъявляемыми на уровне мировых стандартов к выпускнику вуза, и реальной языковой подготовкой в большей части неязыковых вузов Казахстана, обусловливает поиск наиболее эффективных путей преодоления этих противоречий, разработку новой стратегии языковой подготовки на вузовском этапе изучения языка. В связи с этим в целях эффективности языковой подготовки студентов, обучающихся на государственном языке, нами всё чаще используется методика взаимосвязанного обучения, при котором изучение русского и иностранного языков осуществляется во взаимодействии с родным казахским

языком, при этом необходимо глубокое изучение казахской культуры, казахской истории, национального характера, менталитета. Обучение языкам успешно осуществляется с учётом соотношения грамматических закономерностей неродного и родного языков, т. е. с опорой на известное в родном языке и раскрытие особенностей неродного языка. Например: в русском языке, как и в родном, глаголы изменяются по лицам. Или, сопоставляя русский язык с родным языком, выделяем его особенности и отличия.

Таким образом, взаимосвязанное обучение языкам, являясь действенным фактором межличностного, международного общения, становится необходимым условием формирования коммуникабельной языковой личности, умеющей общаться на международном уровне благодаря изучению языков, культуры, традиций разных народов.

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Л. Р. Сабирова
Казанский (Приволжский) Федеральный университет
г. Казань, республика Татарстан, Россия

Summary. The subject of this article is the main specifics of the modern lingual life in Tatarstan. We analyses the situation after implementation of the low «About the languages of the Republic Tatarstan» and «The project of development of bilingualism in the Republic Tatarstan». We examined the factors, which have positive and negative influence on the evolution of the Tatar language.

Key words: Tatar spoken language, bilingualism, vocabulary, «lingual nihilism», «lingual expansion».

Татарский разговорный язык образовался в результате взаимодействия булгарских и кыпчакских племенных языков в основном уже в XIII – XIV вв., хотя название «татарский» он окончательно принял лишь в конце XIX столетия [1].

В настоящее время на земле существует около трёх тысяч языков. На некоторых из них, например, на китайском, английском, арабском, хинди, испанском говорят сотни миллионов обитателей нашей планеты. Другими языками, такими, как юкагирский, кетский, негидальский, нганасанский, пользуются всего лишь несколько сотен человек [2]. Между тем, при всех различиях между языками, все они в самом главном и существенном имеют между собой много общего:

– язык – достояние какого-либо коллектива. Он выражает мысли говорящих посредством звуков;

– в любом языке есть как гласные, так и согласные звуки. Языка, состоящего из одних только согласных или одних только гласных, не существует;

– каждый язык членоразделен: любое высказывание на любом из человеческих языков членится на какие-то элементы (звуки, слоги, морфемы, слова, устойчивые словосочетания и др.), повторяющиеся в других комбинациях друг с другом в составе других высказываний;

– в лексике любого языка встречаются синонимы, омонимы и антонимы;

– на всех языках люди говорят предложениями;

– в любом языке есть имена собственные и имена нарицательные;

– все языки могут быть описаны при помощи одного и того же набора понятий и терминов.

Татарский язык является вторым по численности родным языком России. В силу исторических обстоятельств русско-татарское двуязычие носит асимметричный характер. В начале 1990-х годов, с продвижением татарского языка в Татарстане, наблюдается повышения уровня его знания русскоязычным населением республики, обычно в форме неконтактного двуязычия, то есть слабо подкреплённого практическими навыками. Особой чертой русско-татарского двуязычия является смешение кодов, наиболее широко распространённое в среде городских татар. В подобных случаях в беседах друг с другом татароязычные могут начать предложение на татарском языке, а закончить его на русском языке, или наоборот. Например: Да уж, ангельское личико… А задний мост**ы таралмаганмы сон?** В речь могут просто вставляться речевые обороты или отдельные слова из другого языка. Схожая ситуация характерна для русско-башкирского, русско-чувашского, русско-удмуртского и многих других разновидностей национально-русского двуязычия в России [3].

Научное изучение татарского языка началось в XVIII в., когда были составлены рукописные русско-татарский разговорник М. Котельникова (1740) и русско-татарский словарь С. Хальфина (1785). В 1801 в Санкт-Петербурге была опубликована грамматика И. Гиганова, в 1804 – словарь того же автора. В XIX в. большое значение имели работы Казанской школы тюркологов, а также миссионеров. Впоследствии значительный вклад в изучение татарского языка внесли труды Г. Алпарова, В. А. Богородицкого, М. З. Закиева и др. исследователей [2].

Письменность до 1927 г. существовала на арабской, в 1927–1939 гг. на латинской основе, с 1939 г. – на основе русской графики с несколькими дополнительными буквами. В 1992 г. был принят закон «О языках народов Республики Татарстан», а в 1994 г. – Государственная программа по его реализации [4].

Татарский язык изучен, в основном, в структурном аспекте. Его возможности в аспекте основного его предназначения – как средства общения, т. е. употребления его в порождении и функционировании речи, изучены еще недостаточно.

Л. С. Выгодский утверждает, что не слова выражают мысли, а они рождаются в форме слов [4]. Речь в состоянии мышления – явление психологическое. И как утверждают псхологи, речь-мысль не состоит из отдельных элементов, а возникает как единое целое, которое можно разложить по отдельным кодовым знакам [5]. Развитие мышления человека тесно связано с расширением его языка, с богатством слов и выражений. Человек не способен думать без языка. Правильная речь – это речь без ошибок, без нарушений правил языка.

С началом реализации Закона «О языках народов РТ» и «Программы развития двуязычия в республике» выявлены факторы, благоприятно и отрицательно влияющие на развитие татарского языка.

К факторам, благоприятно влияющим на возможности возрождения и развития татарского языка, можно отнести следующие:

– стремление основной массы татароязычного населения расширить функции татарского языка;

– наличие богатой традиции преподавания татарского языка как предмета изучения, а также его использования в качестве языка обучения;

– наличие определённого задела в лингвистическом обеспечении расширения социальных функций татарского языка (издание литературы на нём, наличие учебников, учебных пособий, толковых и двуязычных словарей, разговорников и т. д.);

– наличие социальной перспективы для использования татарского языка в разных сферах общения, что обусловлено утверждением его государственного статуса [6].

К факторам, отрицательно влияющим на возможности развития татарского языка, следует отнести следующие:

– функционирование татарского языка в сфере государственного управления, общественно-политической деятельности, народного образования, массовой коммуникации, наглядной информации и обслуживания недостаточно соответствует потребностям;

– «языковой нигилизм» определённой части населения республики, проявляющийся в незнании и даже нежелании знать язык своего народа из-за его «социальной непрестижности»;

– «языковая экспансия» – стремление распространять свой язык путём объявления его государственным на чужую языковую общность, что было естественным на начальном этапе реализации Закона «О языках народов РТ». Однако это породило социальную напряжённость, с одной стороны, в среде иноязычного населения, поскольку они должны на себя брать обязанность знать татарский язык в качестве одного из государственных, а с другой, в среде самих татар, так как в республике актуально было распространение татарского языка, особенно среди горожан.

Итак, на этом фоне выделились основные особенности современной языковой жизни Татарстана. А именно, возрождение интереса к татарскому языку и татарской культуре; стремление расширить социальные функции татарского языка в разных сферах общения; возрождение прежних культурно-языковых традиций татарского народа, в частности, обусловленных религиозной ориентацией; дальнейшее распространение двуязычия как татарско-русского, так и русско-татарского, с преимущественной ориентацией на второй тип.

Несмотря на доминирующее положение русского языка в целом по республике, современная экстралингвистическая ситуация демонстрирует ведущее положение татарского языка на селе. Вопреки созданию благоприятных условий для дальнейшего расширения функционирования татарского языка как государственного, в городе лидирующая роль принадлежит русскому языку в связи с рядом объективных и субъективных факторов. Русско-татарское двуязычие в сравнении с национально-русским двуязычием характеризуется содержательным своеобразием, способствующим сохранению и развитию татарского языка и сознательно сбалансированному функционированию двух государственных языков [6].

Потенциал татарского языка поражает. Он рассчитан на продолжительное время существования. Не секрет, что язык – это «генетический» код народа. Если перевести на медицинский язык, носителя «сильного кода» можно сравнить с носителем первой группы крови, которая подходит ко всем остальным группам. Согласно исследованиям ЮНЕСКО, в мире есть 14 языков, зная которые, можно на две трети понять любого человека

на земле. Среди этих языков есть и татарский, кстати, единственный из тюркской группы языков [7].

Библиографический список

1. Закиев М. З. Некоторые социальные факторы и эволюция языка // Вопросы тюркологии. – 1970. – № 74. – С. 10–14.
2. Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ lingvistika/.html (дата обращения 28.10.10).
3. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 5.03.11).
4. Выгодский Л. С. Избранные психологические исследования. – М.: Изд.-во акад. пед. наук РСФСР, 1956. – С. 330.
5. Бенвинист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 88.
6. Шарыпова Н. Х. Двуязычие в Татарстане: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20: Казань, 2004. – 373 с. РГБ ОД, 71:05-10/165. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/scharypova.html (дата обращения 5.03.11).
7. Абдульманова Э. Татары – катализаторы прогресса... [Электронный ресурс]. URL: http://www.tatarlar.ru/ (дата обращения: 24.07.2009).

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ИМЕНА: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д. В. Бондаревский
Южный федеральный университет, Педагогический институт, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article is devoted to research into evolutionary typological changes of such characteristics Russian as syntheticity and analyticity are. The morphological syntheticity and analyticity is determined as the varieties of the types in the language. The sources and the means of the enriching of synthetic and analytical units are ascertained. The factors which stimulated the synthetic and analytical tendencies are investigated.

Key words: syntheticity, analyticity, type in language, morphological systems of language, analytical tendencies, evolution of the language.

В русском языке существовала и продолжает существовать ограниченная группа сочетаний, свойственных разговорной речи: гоп-компания, горе-начальник, чудо-инструмент; газетно-публицистическое ура-патриоты и др. В этих сочетаниях препозитивный элемент, будучи неизменяемым, выполняет атрибутивные функции:

«Гопкомпания (разг.). Разухабистая, бесшабашная компания».

«Горе-... Употребляется иронически в сочетании с существительными в значении *плохой, неважный,* например, «горе-рыболов», «горе-хозяйственник».

«Рубаха-парень (прост.) – откровенный, простой в обращении человек» (Словарь русского языка С. И. Ожегова, 1985).

Обычное лексическое значение у слов-препозитивных элементов утрачивается, они приобретают новое значение. Интересно, что элементы *гоп...* и *ура-* являются по происхождению междометиями. Подобные словоупотребления часто встречаются на газетной полосе. Препозитивная часть *чудо-* соответствует изменяемому прилагательному *чудесный* или *чудодейственный* и очень часто используется в рекламном дискурсе: *чудо-печь, чудо-целитель, чудо-сауна, чудо-врач* и т. д.

Препозитивные определительные элементы формально соответствуют существительным, которые обычно (вне сочетаний) имеют полную парадигму склонения, но в составе словосочетания становятся неизменяемыми: *вручил деньги горе-строителю, увидел душа-парня, курс чудо-массажа*. В качестве препозитивного определительного элемента используются и местоимения: так, на лингвистических форумах проводился опрос *Ты или Вы – форма обращения к малознакомому человеку в Сети: Ваш выбор*. Здесь неизменяемость – следствие новой семантической и грамматической функций. См. также употребление аналогичных словосочетаний (*рвань-фуфаечка, драть-ушаночка, вонь-портяночки*) в поэзии:

На печи его рвань-фуфаечка
приспособилась
да приладилась драть-ушаночка
Да пристроились вонь-портяночки
в светлом тереме
с занавесками да с достоинством
ждет гостей Егор.

(Александр Башлачёв, «Егоркина былина». Сентябрь 1985. Приводится по изданию: «Александр Башлачёв. Стихи». М.: «Х.Г.С.», 1997. Сохранена авторская пунктуация и орфография.)

Безусловно, этой ограниченной группы сочетаний явно недостаточно для выявления исторической обусловленности возникновения неизменяемых имён прилагательных, но можно предположить известные свойства языковой гибкости, восприимчивости русского языка по отношению к моделям такого типа. Многие, на первый взгляд, совершенно чужеродные и неадаптированные слепки с английского (*ленор-бельё, памперс-ребёнок, Горбачёв-фонд*) восходят к совершенно идентичным образованиям практически у всех славян на уровне народной речи. Таким образом, если тут есть действительно элементы «английскости» или «языковой игры» в английское, то необходимо считаться и с другими элементами – заложенной в самом языке предрасположенностью к образованиям такого рода. Эта «английскость» на самом деле отражает общеязыковые тенденции, и на поверку англицизм оказывается интернациональной лексемой: *Судя по сообщениям СМИ, акция переросла в некое подобие автограф-сессии – Немцов подписывал доклады всем желающим, а милиция спокойно наблюдала за происходящим* (// www. lenta.ru) (окказиональное неизменяемое прилагательное «автограф» состоит из двух элементов, заимствованных из латыни).

В становлении и развитии категории неизменяемых прилагательных «второго этапа» определённую роль сыграла экспансия английского языка. До середины 80-х гг. искусственно сдерживалось любое проникновение элементов культуры наших идеологических оппонентов, прививалось негативное отношение к различного рода инновациям, экзотизмам и варваризмам. Социальные изменения неминуемо отражаются на языке; революционные потрясения, имевшие место в сфере общественных отношений обусловили появление «новояза», состоящего из большого количества слов, часто грамматически не освоенных. Слово заимствуется одновременно с тем предметом или явлением, которое оно обозначает. Эти предметы или явления в большинстве случаев – реалии англо-

американской культуры. Очевидно, русский язык переживает или уже пережил тот этап развития, через который прошли другие европейские языки в послевоенный период, совпавший с укреплением позиций английского как международного языка. Показательна история английских заимствований во французском языке, где их проникновение было столь значительным, что пришлось искусственно сдерживать их поток посредством деятельности особых терминологических комиссий, цель работы которых заключалась в поиске в родном языке эквивалента, адекватного заимствованному слову или выражению. Принятые меры имели успех, в большинстве случаев в практике языковой реализации закреплялись те единицы, которые в силу различных причин были более удачными с прагматической точки зрения.

Грамматический строй английского языка предельно унифицирован, лексико-грамматической классификации не уделяется столько внимания, сколько в других языках. Это совершенно обоснованно, поскольку часто, только учитывая анализ тех функций, которые слово выполняет в предложении, можно догадаться (и то условно) об его принадлежности к определённой части речи. Известно, что возможность слова выполнять функции различных частей речи определяют как грамматическую полифункциональность. Семантическая полифункциональность позволяет экономить языковые усилия и уменьшить количество словарных единиц. Грамматическая полифункциональность также способствует решению этой общеязыковой проблемы, но на словообразовательном уровне: благодаря этому качеству уменьшается количество слогов в слове за счёт отсутствия флексий.

Итак, относительная несложность грамматики, экономия усилий на различных языковых уровнях плюс различные экстралингвистические факторы – все эти явления определили становление английского языка как языка международного. Некоторые специфические черты, присущие морфологическому строю английского языка, оказывают существенное влияние на грамматическую систему современного русского языка. Так, неизменяемые прилагательные имеют свою морфологическую структуру, принципиально отличающуюся от структуры традиционных прилагательных. Тем не менее, не следует преувеличивать опознавательную роль словоизменительных форм (флексий): не они и не их совокупность определяют часть речи, не они формируют лежащие в основе частей речи общеграмматические значения слов. Классификация слов по их морфологическим признакам – по их грамматическим категориям, истолкованным узко морфологически (словоизменительная флексия) – окажется внешней, формальной.

Части речи характеризуются определённым набором грамматических категорий, указывающих на принадлежность данной лингвистической единицы к соответствующему лексико-грамматическому разряду. Однако в тех случаях, когда то или иное слово оказывается полифункциональным, возникает потребность в разработке новых методов исследования. Так, например, представители американской дескриптивной лингвистики, рассматривающие языковое общение лишь как речевую деятельность независимо от системы языка (Л. Блумфилд, Дж. Трейгер, Л. Смит и др.), выделяли части речи в соответствии с синтаксической позицией, которую может занимать слово в высказывании. Критерий занимаемой синтаксической позиции особенно значим для аналитических языков (в

первую очередь, для английского), которым свойственен закреплённый порядок членов предложения. Синтаксическая позиция препозитивного определения у неизменяемых прилагательных второго этапа также является признаком его принадлежности к этому лексико-грамматическому разряду. Для прилагательных первого этапа была характерна постпозиция. Таким образом, в грамматической системе русского языка выбор синтаксической позиции неизменяемого прилагательного определяется его принадлежностью к первому или второму этапу. А. И. Молотков говорил о невозможности препозиции для неизменяемых прилагательных [4, с. 68–73]. Словоупотребления типа *опера буфф(а)* и *буфф-опера*, *порошок какао* и *какао-порошок*, *отель-люкс* и *люкс-отель* свидетельствуют об обратном. Но в большинстве случаев сейчас возможна либо только препозиция (*экс-президент, пресс-конференция, кофе-машина, экспресс-контроль*), либо постпозиция (*час пик, персона нон грата, рукав реглан*). Благодаря закону языковой стабильности до сих пор возможна морфолого-синтаксическая вариативность: *мультимедийные технологии / технологии мультимедиа / мультимедиа-технологии* – традиционное изменяемое прилагательное конкурирует с пост- и препозитивным неизменяемым прилагательным, но предпочтение всё чаще отдаётся словосочетаниям, построенным по третьей модели: «препозитивное неизменяемое прилагательное + существительное», что соответствует другому языковому закону – закону экономии речеслуховых усилий, а препозитивное употребление позволяет уточнить синтаксическую функцию слова в отличие от постпозиции, предполагающей некоторую полифункциональность (ср.: *технологии* (чего?) *мультимедиа* и *технологии* (какие?) *мультимедиа*).

Особый интерес представляет ситуация с синтаксической позицией прилагательного во французском языке. В большинстве случаев – это постпозиция. Иногда позиция по отношению к определяемому слову влияет на семантику. Ср.: *un homme brave* – «храбрый человек» и *un brave homme* – «славный человек, славный малый», *un ancien ami* – «бывший друг» и *un monument ancien* – «старинный памятник», *un pauvre homme* – «бедный человек» («бедный» = «неимущий») и *un homme pauvre* – «бедный человек» («бедный» = «несчастный»). – «… Во французском языке нет неизменного правила постановки прилагательных: в некоторых случаях они ставятся перед существительным, в других – после него. В результате иногда затруднительно определить, какое из двух сочетающихся слов является существительным, а какое прилагательным; например: *un savant aveugle* – «слепой учёный» и *un aveugle savant* – «учёный слепой»; *un philosophe grec* – «греческий философ» и *un grec philosophe* – «философ-грек» [3, с. 79]. Во французском языке, вопреки утверждению Есперсена об отсутствии неизменного правила постановки прилагательных, канонической всё-таки считается постпозиция. Некоторые англицизмы подвергаются «офранцуживанию» путём перемены позиции главного и зависимого слова. Так, например, вместо английского *compact-disc* было рекомендовано употреблять *disque compact*, что более свойственно синтаксическим особенностям французского языка. Сопоставление с французским языком обусловлено тем фактом, что в грамматической системе этого языка, как и в русском, наряду с изменяемыми прилагательными есть группа неизменяемых (Grammaire du français contemporain / Larousse).

Развитию грамматической полифункциональности в русской морфологической системе способствуют два фактора: во-первых, усвоение

слов с неполным набором морфологических показателей; во-вторых, влияние особенностей морфологической системы английского языка, для которого грамматическая полифункциональность является характерной чертой, позволяющей активно экономить языковые усилия. («Известно, что в английском языке, где система морфологических оппозиций является недостаточно развитой, а типы синтаксических соединений – в значительной степени стёртыми, определение принадлежности слова к той или иной части речи вызывает большие трудности как в теоретическом, так и в практическом плане. Поэтому, хотя система частей речи остаётся неизменной основой функционирования языка вообще, а также его исследования, деление на лексико-грамматические классы слов постоянно должно подвергаться всё более глубокому рассмотрению» [2, с. 9]. Это высказывание также справедливо и для других языков, включая русский.)

Возникает вопрос: насколько целесообразно определение принадлежности слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду? Может быть, правы как раз те авторы словарей, которые ограничиваются просто пометой «неизм.»? Характеристика неизменяемого слова как определённой части речи представляется важной, «потому что даёт представление об особенностях сочетаемости слова по линиям согласования и управления» [1, с. 9]. Грамматическая полифункциональность часто является результатом конверсии – перехода слов из одного лексико-грамматического разряда в другой. Этот способ словообразования традиционно характеризуется в лингвистике как морфолого-синтаксический. Грамматическая полифункциональность – явление, которое доказывает взаимопроницаемость и диффузный характер определённых лексико-грамматических разрядов, претерпевающих на протяжении своего развития те или иные изменения, предопределяющие языковую эволюцию. Действительно, как можно интерпретировать такое амбивалентное с морфологических позиций словоупотребление, как *полное ощущение дежавю*? С одной стороны, *полное ощущение* ***чего?***; с другой стороны, ***какое*** *полное ощущение?* Тем не менее грамматическая полифункциональность может рассматриваться в качестве промежуточного этапа морфологической ассимиляции новых языковых единиц, а в тех случаях, когда она сохраняется, целесообразно давать пометы *в знач. сущ.* или *в знач. прил.* при основном доминирующем значении. В данном случае доминирующим значением будет значение существительного, а коррелирующее с ним значение прилагательного имеет, скорее, окказиональный характер.

Библиографический список

1. Брусенская Л. А. Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка. – Ростов н/Д, 1997.
2. Гвишиани Н. Б. Полифункциональные слова в языке и речи. – М., 1979.
3. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.
4. Молотков А. И. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? // Вопросы языкознания. – 1960. – № 6.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

О. В. Шатилович
Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, г. Тюмень, Россия

Summary. The present article deals with the investigation of the lexical analysis of the Russian language. The paper embraces a wide range of problems such as the French language influence on the Russian language. Our research is closely connected with the problem of contact linguistics and contact languages.

Key words: borrowings, language influence, contact languages.

Вопросы взаимного языкового влияния, в частности русского и других родственных и неродственных ему языков, привлекают внимание многих исследователей. На протяжении всего исторического развития русский язык сталкивался с влиянием других языков, сила и значение которого зависели от конкретных лингвистических и экстралингвистических факторов [4, с. 96]. В ряду таких языков стоят церковнославянский, южнославянские, латинский, греческий, тюркские, французский, немецкий, английский и другие языки. Первые заимствования иностранных слов в русском языке отражают взаимодействие славян с иранскими, немецкими, скандинавскими, финно-угорскими и другими племенами и позволяют судить о хронологии и характере этих ранних контактов [4, с. 96].

Русско-французские контакты относятся к более поздним и имеют большое значение в истории русского языка, а также играют значительную роль в процессе его сближения с другими европейскими языками. На протяжении XVIII–XX вв. направления русско-французского языкового взаимодействия, сферы функционирования слов французского происхождения всегда были связаны с социальными условиями.

В Петровскую эпоху насущная потребность в повышении образовательного и культурного уровня наряду с процессами переустройства административной системы, реорганизацией морского дела, развитием торговли, освоением различных областей науки и техники определили огромный приток иноязычных слов (в том числе и французских). По мнению В. В. Виноградова, «при отрыве от культуры средневековья естественно было излишнее увлечение европеизмом» [3, с. 43].

В России XVIII века сложились благоприятные условия для французского влияния:

1) комплекс мер, направленных на ликвидацию политической, экономической и культурной отсталости России;

2) лидирующее положение Франции среди других стран Европы в области экономики, развития литературы и культуры, в социальной сфере, условия движения и развития русского общества, потребность в образовании;

3) состояние русского литературного языка и латыни, не способных быть средством светского общения;

4) периоды царствования Петра I, Елизаветы и Екатерины II – три этапа сближения русской общественной среды с европейской культурой [7, с. 6].

Влияние французского языка на русский в допетровское время часто недооценивают. По мнению О. А. Пылакиной, это связано «…с очень ограниченным числом исследований, посвященных русско-французским кон-

тактам» [8, с. 114]. В своей статье «К вопросу о французско-русских языковых контактах» она отмечает непостоянные, противоречивые отношения между двумя странами, которые «ограничивались лишь торговыми интересами…» [8, с. 115].

Начиная с правления Петра I, контакты с Францией, а соответственно, и с носителями французского языка становятся прямыми, что резко увеличивает приток французских элементов в русский язык.

Французский язык стал посредником в установлении контактов русской и европейской интеллигенции. Французский язык выполнял не только функцию средства общения, но и служил обогащению русского языка. По утверждению В. А. Богородицкого, обзор «предметных группировок» французских заимствований показывает: французское влияние настолько широко и глубоко захватило русскую жизнь, что заимстованные французские слова относятся почти ко всем сферам русской жизни – к области искусства и литературы, государственной жизни, военному и морскому делу, к сфере путей сообщения, торговли, промышленности и производства, к сферам общественной жизни, быта, моды и т. д. [2, с. 339].

К концу XVIII века процесс европеизации русского языка, осуществлявшийся при посредстве французской культуры литературного слова, достиг высокой степени своего развития. Старокнижная культура вытесняется новоевропейской.

Влияние французского языка было двояким: с одной стороны, сам французский язык становится официальным языком придворных аристократических кругов, языком светских салонов. В XVIII–XIX вв. не знать французский стыдно. А с другой стороны, влияние это состояло в том, что в русский язык из французского приходит огромное количество заимствований, многие из которых легко и быстро ассимилировались – стали семантически, фонетически и грамматически освоенными в русском языке.

Роль французского языка для русского общества XIX века невозможно переоценить, а повышение общественной значимости науки, культуры, промышленности способствовало формированию терминологической и «околотерминологической» лексики на материале французских заимствований. Для русского общества на протяжении двух веков главным источником развития был, прежде всего, французский язык.

Однако галломания придворно-аристократических кругов вызывает резкое неприятие многих деятелей культуры уже в XVIII–XIX вв. А. С. Шишков в своём знаменитом труде «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» употребил только одно иностранное слово, и то в скобках – *попугай*, которого он по-русски назвал *переклиткою*. Парадоксально, что даже патриот Шишков в быту часто говорил по-французски, но всеми силами противился галлицизмам, а вместе с ними – чужому образу мысли. Он был против галлицизмов, однако считал, что русский язык может заимствовать лексику из других славянских языков.

Известно, что крайним пуристам противостояли те, кто допускал вовлечение в русский язык европеизмов, которые отвечают семантическим закономерностям русского языка и культурным потребностям русского общества. Так, В. Г. Белинский не разделял возмущения «всяким иностранным словам как ересью или расколом в ортодоксии родного языка», однако писал: «Народ с удивлением и ужасом заметил, что к нему ворвались чужеземные обычаи и исказили его девственный язык… Новые чу-

жие слова приводят в ужас и ставят в тупик не только обыкновенных читателей, но даже записных словесников, теоретиков изящного…» [1, с. 39].

Времена бурного заимствования и не менее бурных дискуссий об использовании иноязычных слов сменялись затишьем.

Затишьем может быть названо время, наступившее после октябрьской революции 1917 года. В связи с крупными социальными сдвигами, происшедшими в русском обществе после революции, с коренной ломкой и перестройкой всего социального уклада язык должен испытывать острую потребность в новых лексических средствах. Эта потребность действительно существовала, но удовлетворялась она не путём заимствования иноязычной лексики, а за счёт использования собственных ресурсов.

Авторы коллективной монографии «Русский язык и советское общество» отмечают, что процесс заимствования в этот период не прекратился совершенно, но стал значительно слабее; новые иноязычные слова немногочисленны, в целом они периферийны по отношению к основному ядру новой лексики [9, с. 83]. И эти явления имеют социальную обусловленность. К социальным причинам в этой монографии вполне справедливо отнесены следующие: вынужденная изолированность нашей страны, сознательное противопоставление себя, своего государства всему буржуазному миру, слабые экономические и культурные связи с другими государствами, преобладание внутренних проблем над внешними [9, с. 81].

Именно поэтому заимствование новой иноязычной лексики в этот период выражено чрезвычайно слабо и носит случайный характер. Из новых французских заимствований можно отметить отдельные слова: *такси* (фр. taxi), *конферансье* (фр. conférencier), *шезлонг* (фр. chaise longue).

Изменился стереотип речевого поведения. Как отмечает М. Ю. Кириенко, «уменьшение числа адресантов и адресатов, владеющих французским языком, или, точнее, теми богатствами языка, которые действительно достойны демонстрации, привело к тому, что демонстрация языковой компетентности стала всё чаще вызывать к себе ироническое отношение» [5, с. 41].

С 80-х годов наступает такой период в развитии нашего общества, когда преобладающим становится толерантное отношение к внешним влияниям вообще и к лексическим заимствованиям в частности. Такая предрасположенность российского общества к принятию новой иноязычной лексики обусловлена рядом причин.

Л. П. Крысин называет такие причины активизации употребления иноязычной лексики: осознание значительной частью населения России своей страны как части цивилизованного мира; преобладание в идеологии и официальной пропаганде объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным, буржуазным образцам; переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки и др. [6, с. 27].

Хорошо известно, что в русском языке последних десятилетий преобладают заимствования не из французского языка, как прежде. Одной из главных сфер распространения англицизмов стала экономика, бизнес.

У галлицизмов иная ниша, предопределённая всем историческим процессом. Зачастую это слова, относящиеся к разряду «модных», пре-

стижных. Они являются такими и вследствие хорошо ощутимой иноязычной природы, и вследствие того, что описывают реалии жизни, быта высших (имущих) слоёв общества. Бомонд одевается от кутюр, следит за творчеством известных кутюрье, регулярно посещает модные дефиле, реже пользуется одеждой прет-а-порте, делает покупки в бутике, выбирает напитки по совету опытных сомелье. Представители новых высших слоёв русского общества, по образцу старого дворянства, устраивают суаре и журфиксы, предпочитают фламбе и амбигю, пользуются услугами визажистов и стилистов.

Таким образом, влияние французского языка на русский было очень сильным и отразилось практически на всех уровнях русской языковой системы: в фонетике, синтаксисе, в лексике и фразеологии. Оно было следствием, в первую очередь, внутренних дворянских социолектных предпочтений, поскольку именно из дворянской среды, в границах которой французский имел самое широкое распространение, галлицизмы проникали в русский узус, в частности участвовали в формировании словарного состава русского литературного языка. Таким образом, в процессе воздействия французского языка на русский ведущими были лингвистические факторы, а именно влияние одного языка на другой в условиях искусственного «двуязычия», в условиях строго определённых социально-культурных контактов двух народов.

Библиографический список

1. Белинский В. Г. Литературные мечтания // ПСС. – М., 1953. – Т. 1. – С. 37–48.
2. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). – Изд-е 5. – М.-Л.: ОГИЗ, 1935. – 356 с.
3. Виноградов В. В. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 360 с.
4. Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96–118.
5. Кириенко М. Ю. Макароническая речь как функция иноязычных вкраплений. Дис. … канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1992. – 140 с.
6. Крысин Л. П. Лексические заимствования и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27–36.
7. Лузайа-Маминги Роже. Аспекты изучения заимствованных слов в русском языке и оптимизация их лексикографического представления: автореф. … канд. филол. наук. – М., 1985. – 20 с.
8. Пылакина О. А. К вопросу о французско-русских языковых контактах // Вопросы грамматики и семантики русского языка. – М., 1977. – С. 111–120.
9. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. – 230 с.

СПОСОБНОСТЬ ДВУЯЗЫЧНЫХ И ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРИСТАВОК НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

بررسی لغتنامه های دوزبانه روسی به فارسی و لغت نامه های توضیحی از لحاظ ترجمه پذیری نمود افعال

А. К. Голандам
Гилянский государственный университет,
г. Решт, Иран

Summary. In the Persian language, as compared with Russian verb prefixes are very few. Thus transmit verbal prefix of the Russian language by means of prefixes in Persian to Persian is very difficult. Considered bilingual and monolingual dictionaries of Russian language is not listed their wealth in the translation of verb prefixes in the Persian language.

Key words: prefix, verb, dictionary.

مقدمه

یکی از ویژگی های بارز زبان روسی ، تعداد زیاد افعال پیشوند دار است. به کمک پیشوندها معانی زیادی که اغلب برای زبان آموزان ایرانی بسیار مشکل اند ، بیان می شوند . از آنجا که پیشوندهای فعلی فارسی ، معانی کمتری نسبت به پیشوندهای روسی بیان می کنند ، و به هیچ وجه قابل قیاس با کاربرد پیشوند در زبان فارسی نمی باشد در ترجمه روسی به فارسی مشکلات عمده ای به وجود می آیند که اغلب این گونه پیشوندها تحت اللفظی ترجمه می شوند . در برخی موارد حتی لازم است که برخی از معانی مربوط به پیشوندها تفسیر شوند یا از « کلمات تکمیلی – توضیحی » دیگری از قبیل : قیدها ، حروف اضافه ، افعال و غیره استفاده شود . در زبان روسی ، معانی مختلف هر گونه عنصر زبانی ، با توجه به بافت جمله مشخص می شود و با توصیف دقیق موقعیت های خاص جمله است که می توان به معانی مورد نیاز دست یافت با توجه به نقش بافت جمله ، برخی معانی را فقط از کل جمله می توان فهمید .

مبحث پیشوندهای فعلی در زبان روسی و درک آن و انتقال آن به زبان فارسی، یکی از مباحث مشکل و مورد بحث در امر آموزش و ترجمه می باشد. باید خاطرنشان کرد که در زبان روسی سعی شده است فقط به مواردی اشاره شود که تا حدی آموزش این مبحث بسیار پیچیده را برای زبان آموزان خارجی آسان کند . اما در زبان فارسی متأسفانه هنوز چنین کاری صورت نگرفته است در نتیجه باید با جدیت هر چه تمامتر به انجام تحقیقاتی درباره این مبحث پرداخت . انجام اینگونه مطالعات و بررسی های مقایسه ای می تواند زابان آموزان ایرانی را در فهم و یادگیری مباحث پیچیده و مهم پیشوند فعلی زبان روسی یاری دهد .

در این مقاله برخی معانی پیشوندهای فعلی روسی ارائه شده در لغت نامه های انتخاب شده، بررسی شده و سعی شده است تا این معانی با زبان فارسی مقایسه شوند . در نتیجه زبان آموز ایرانی به درستی درک خواهد کرد که آیا پیشوندهای فعلی فارسی قادرند تمام یا قسمتی از معانی پیشوندهای فعلی روسی را بیان کنند ، یا این که باید از « کلمات تکمیلی – توضیحی» دیگری از قبیل: قیدها، حروف اضافه ، افعال و غیره ، برای بیان این مفاهیم استفاده کرد.

پیشوند در زبان روسی چنین بیان می شود : جزء معنی دار کلمه که قبل از ریشه یا دیگر پیشوند قرار می گیرد و برای ساخت کلمات جدید یا ساخت برخی شکل های یک کلمه به کار می رود (پاپوف 1987 ص 152) . در حالی که در زبان فارسی (پیشوند به اجزایی که خود دارای معنای مستقل نیستند و جداگانه به کار نمی روند ، اما کلمه تازه ای را از کلمه دیگر می سازند اطلاق می شوند از آنجایی که در پیشوندهای فعلی فارسی معانی کمتری نسبت به پیشوندهای روسی بیان می کند در ترجمه روسی به فارسی مشکلات عمده ای به وجود می آیند که اغلب این گونه پیش وند ها تحت الفظی ترجمه می شوند و در برخی از موارد نیز معانی پیشوند تفسیر می شوند یا توسط « کلمات تکمیلی – توضیحی » از قبیل : قید ها ، حروف اضافه و افعال و غیره ترجمه می شوند و پیشوندها که از نظر دشواری نمود فعل را تغییر می دهند در امر ترجمه بسیار تأثیرگذارند و با نکات گفته شده مشخص می شود که دانشجویان فارسی زبان برای فهم و ترجمه آنها که بسیار پر کاربرد و اساسی هستند با مشکلاتی روبرو می باشند . لذا در این مقاله ما برآنیم تا ازطریق بررسی منابع و لغت نامه های موجود به این نتیجه برسیم که آیا اولاً نیاز به ایجاد لغت نامه های نمود احساس می شود؟ ثانیاً چنین لغت نامه هایی به طور مستقیم بر فهم و ترجمه این افعال تأثیر گذار و کمک می کنند یا خیر؟

امروزه ایجاد لغت نامه های گوناگون به سرعت در حال انجام است. تعداد فرهنگ لغت های جدید سال به سال افزایش می یابد . تنوع لغت نامه ها بیانگر فعالیت زبان شناسان در این زمینه یعنی نگارش فرهنگ لغت

ها است. فرهنگ لغت به عنوان یک نتیجه گیری و هدف برای کارهای تحقیقی و همچنین به عنوان پاسخی برای مقاصد و اهداف خاص زبان شناسی به حساب می آید . فرهنگ لغت به عنوان یکی از ساده ترین شکل منابع برای کلیت دادن و تنظیم کردن علم و آگاهی ما به حساب می آید (2، ص 141) . در ادبیات تخصصی ایده و نظر ایجاد شکل های جدید لغت نامه ها مورد بررسی و بحث قرار گرفته لغت نامه هایی که توجه شان به استفاده کنندگان است .

در زبان روسی پیشوندهای بسیاری موجود می باشند که طبعاً با اضافه شدن به افعال علاوه بر نمود افعال معنای آنها را نیز تغییر می دهند . به عنوان مثال پیشوند-за که در ترکیب با برخی افعال حرکتی بیانگر « اقامت کوتاه » در جایی است . مانند: он зашел ко мне به معنی « او به من سر زد » اما همین پیشوند در ترکیب با برخی افعال، بیانگر شروع عمل است ، مانند: он зачитал به معنی « او شروع به خواندن کرد » همانگونه که مشاهده می شود یک پیشوند با قرار گرفتن بر سر افعال مختلف علاوه بر اینکه معنای فعل را تغییر می دهد خود نیز بسته به آن فعل در بر گیرند معانی گوناگون می باشد از این رو و به خاطر تأثیر بسیار بر امر ترجمه لازم است که این پیشوند ها اولاً خوب شناخته شده باشند و در ثانی معانی آنها بسته به فعل و موقعیت درست ترجمه شوند . در حال حاضر منابع در دسترس برای شناسایی و فهم این افعال پیشوندی و ترجمه آنها فرهنگ لغات روسی به فارسی(افچینیکووا 1923) و فرهنگ لغت روسی به روسی (اوژگوف 1992) که ما با بررسی افعالی چند توانایی این لغت نامه ها را در کمک و یاری به دانشجویان فارسی زبان بررسی می کنیم و لزوم به وجود آمدن لغت نامه ای تخصصی در این خصوص و ضرورت یا عدم ضرورت ایجاد چنین لغت نامه ای بررسی می شود با توجه به پیش درآمد آورده شده در خصوص تعریف پیشوندها و آشنایی نسبی با افعال پیشوندی چند فعل را به صورت دلخواه با توجه به کاربردشان با تمامی پیشوندهای خود آن فعل بررسی می کنیم (مشخصاً این بررسی شامل مقایسه فرهنگ لغات موجود و چگونگی بیان افعال و پیشوندها و ترجمه آنها توسط این لغت نامه ها می باشد) که در طی این برسی نقاط ضعف و قوت لغت نامه ها مشخص می گردد ضمناً مشکلات و موانع موجود بر سر راه مترجمین فارسی زبان در برخورد با اینگونه افعال پیشوندی آشکار می گردد.

بررسی افعال در در لغت نامه افچینیکووا

این فعل دارای هشت پیشوند است:

.1

ВЫЖДАТЬ

صبر کردن ،چشم براه بودن ،منتظر شدن ،انتظار کشیدن ،معطل شدن ،پیشخدمتی کردن (ص.131: 1).

.2

ДОЖДАТЬСЯ: сов. 1. кого-чего. , خبر ,روزنامه) انتظار کشیدن برای چیزی در زمان مقرر معطل کردن در قرار ملاقات .2. чего. قطار) Ждет не дождется кто (разг.)(ص.199: 1) Ты у меня дождешься!تو مرا معطل کردی

.3

ДОЖИДАТЬСЯ : несов., кого-чего. انتظار کشیدن تا زمان معینی منتظر بودن
Д поезда(قطار). Д. Решения(تصمیم). (ص.199: 1)

.4

ЗАЖДАТЬСЯ : сов|| несов. пережидать. кого-чего (разг.). از انتظار کشیدن خسته شدن ,مدت بانو مدت زیادی است انتظار نامه او را می کشد..Дама его заждались письма. زیادی انتظار کشیدن (ص.240: 1).

.5

ПЕРЕЖДАТЬ: сов., кого-что. انتظار کشیدن از زمانی که کاری شروع می شود تا وقتی که به پایان میرسد. П. Грозуانتظار برای پایان یافتن طوفان (ص.580: 1).

.6

ПОДОЖДАТЬ:сов. 1. кого-что и кого (устар.) -чего. مدت زمانی را انتظار کشیدن برای چیزی П. Ответа(جواب دادن به سوال). П. Директора (ملاقات با کارفرما). 2. с чемاندکی متنظر ماندن برای پاسخ(решать вопрос 3. عجله نداشتن ,صبر کردنПодожди, не горячись!!عجله نکن ,صبر داشته باش. (ص.624: 1)

.7

ПРОЖДАТЬ :сов кого-что и кого (устар.) -чего.در روز ملاقات منتظر دوستان ماندن. (ص.717)

.8

ПОЖДАТЬ

این فعل در افچینیکووا وجود ندارد

عدم وجود برخی افعال پیشوندی اولین نارسایی لغت نامه افچینیکووا در بیان این افعال است. همچنین با بررسی نحوه ی بیان و ترجمه این افعال مشخص می شود که ترجمه ی سلیس و کاملی ارائه نگردیده و ترجمه مطابق با ذهنیت فارسی زبانان نیست و بیشتر از کلمات تکمیلی استفاده می گردد که قدیمی می باشند و در زبان فارسی امروزی کاربرد چندانی ندارند. ضعف دیگر این لغت نامه در این است که بسیار قدیمی می باشد و پیشوند افعل روسی خوب به زبان فارسی ترجمه نشده اند. همانطور که ذکر گردید این لغت نامه به هیچ وجمه از لحاظ نمود فعلی و پیشوند فعلی و ترجمه آنها پاسخ گوی نیازهای مترجمین نمی باشد.

بررسی افعال در لغت نامه اوژگف

در لغت نامه اژیکوف تمامی پیشوندهای فعل مورد نظر ذکر می گردد.

.1

ДОЖДАТЬСЯ

1. Пробыв какое-то время в ожидании, получить, обрести, воспринять что-н. Д. известия. 2. Своим поведением довести себя до чего-н. неприятного (разг.). Этот обманщик дождется неприятностей. Ты у меня дождешься! (угроза). Дождались! (восклицание по поводу плачевного результата каких-н. поступков, деятельности). * Ждет не дождется кто (разг.) - ждет с нетерпением (3:171 ص).

.2

ДОЖИДАТЬСЯ, Ждать, ожидать. Д поезда. Д. решения. Так он и пришел! Дожидайся! (разг) (3:171 .ص).

.3

ЗАЖДАТЬСЯ, -дусь, -дешься; -алея, -алась, -алось и –алось;.. сов., кого-чего (разг.). Устать от долгого ожидания. Дама его заждались. 3. Письма (3:205 .ص).

.4

ПЕРЕЖДАТЬ, Подождать, пока что-н. кончится, пока кто-н. кончит делать что-н. П. грозу. Всех не переждешь (выражение недовольства по поводу того, что приходится пережидать многих; разг.). (3:503 .ص)

.5

ПОДОЖДАТЬ

1. кого-что и кого (устар.) -чего. Провести нек-рое время в ожидании кого-чего-н. П. ответа. П. директора. 2. с чем и с .неопр. Повременить, помедлить. П. с решением вопроса (решать вопрос). Подожди, всеуладится. 3. подожди(те). Призыв повременить, не торопиться. Подожди, не горячись! 4. подожди(те). Выражение удивления, сомнения, припоминания. Подождите, но ведь я вас где-то встречал. 5. подождете)! и (ну) подожди(те) же! Выражение угрозы (разг.). Ну подожди же, подучишь, озорник! (3:539 .ص)

.6

ПРОЖДАТЬ,

провести какое-н. время в ожидании. П. товарища целый день (610 :3 .ص)

با بررسی فرهنگ لغت اوژگف مشخص میشود که این فرهنگ لغت، اولا تک زبانه می باشد و ثانیا هرچند در زبان روسی توضیحات بسیار کاملی دارد لیکن در ایجاد ذهنیت مناسب برای مترجمین و زبان آموزان خارجی نا توان است . در امر ترجمه به زبان دیگر پاسخگوی نیاز مترجم به صورت کامل و جامع نمی باشد. از طرف دیگر هرچند مترجمین از لغت نامه های تک زبانه می توانند استفاده کنند لیکن نبودن ترجمه دقیق از افعال مورد نظر ئر زبان فارسی می تواند به تکثر ترجمه و برداشتهای متفاوت منجر گردد. همانصور که ازمثالهای آورده شده از لغت نامه اژیگوف دیده می شود، هرچند از لحاظ مثال و توضیح بسیار غنی می باشد لیکن به دلیل تک زبانه بودن فردی که می خواهد ترجمه دقیق یک لغت را بداند حتماً باید زبان روسی را در سطح بسیار خوبی بداد، از طرفی اغلب دانشجویان در هنگام فراگیری مبحث پییشوند افعال در زبان روسی چون

در آن سطح از زبان روسی نمی باشند، با مشکلات بسیاری در درک و انتقال فعل به زبان فارسی مواجه می گردند.

نتیجه گیری

با مطالعه ی انجام شده بر روی منابع موجود در خصوص افعال پیشوندی و نمود افعال مي توان ادعا کرد که در زبان فارسي براي بيان مفاهيم افعال پيشونددار روسي، عمدتاً افعال بدون پيشوند به کار مي روند با اين يادآوري که اين افعال تنها با کمک ديگر کلمات (تکميلی توضيحي) قادرند، معاني افعال پيشونددار روسي را بيان کنند و تنها منابع موجود فرهنگ لغات مورد بررسی بودند که در بیان ترجمه ی سلیس و جامع و کامل این افعال نا توان و نارسا می باشند. در نتیجه نیاز به ایجاد یک فرهنگ لغت جامع و کامل و همه جانبه در بیان و انتقال و فهم کامل و همچنین ترجمه مستقیم این افعال برای دانشجویان خارجی خصوصا در امر ترجمه کاملا احساس می شود در نتیجه می بایست فرهنگ لغت کاملا تخصصی نمود افعال و دو زبانه ایجاد گردد. با ارائه یک فرهنگ لغت مناسب در خصوص ترجمه آنها این امکان برای زبان آموزان فراهم می گردد تا درک صحیح تری نسبت به معانی آنها پیدا کنند و در ترجمه دقیق تر عمل کنند . لغت نامه های موجود توان ارائه ترجمه دقیق را ندارند و اغلب دارای کاستیهای زیادی در این زمینه می باشند.

منابع

1. Овчинникова И. К. Русско-персидский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1965.
2. حسین غلامی استاد یار دانشکده زبان های خارجی دانشگاه تهران .چگونگی بیان معانی پیشوندهای فعلی روسی - -ОТ, -О ,ИЗ ,-ЗА, در زبان فارسی..1383
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М.: РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2008.
4. Аверьянова Г. Н. Русские глагольные приставки. – М.: Русский язык, 2008.
5. Ласкарева Е. Р. Чистая грамматика. – С.: Златоуст, 2009.
6. Лесани Х., Новое учение русского языка. – Т., 1999.
7. Лебедева М. Н. Карманная грамматика русского языка для иностранцев. – М.: Русский язык, 2003.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГЕРМАНИСТИКИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Д. А. Гашымова
Азербайджанский университет языков,
г. Баку, Азербайджан

Summary. The paper investigates the role of the compiling bilingual and triple lingual dictionaries of Azerbaijani, Russian, English and German languages in the overall development of the Germanic studies in Azerbaijan. The issues of the principles and main goals of these hard works are under focus of the research. Such dictionaries can help not only to learning of the relevant languages, but also their translation, and ultimately promote intercultural communication.

Key words: lexicography, Germanic studies, dictionaries, phrases and set expressions, terms, translation.

После того, как наша Республика вступила на путь самостоятельного развития, так же, как и в других сферах в германистике, активно быстро стало проявлять себя развитие. В первые годы независимости стало готовиться и публиковаться множество научно-исследовательских работ, учебников, учебных пособий в различных области германистики. Это стремительное развитие было требованием времени и было результатом повышения интереса к этой области.

Среди этих пособий особо выделялись двуязыковые, трёхязыковые словари. Составленные в эти годы словари, охватывая различные области лексики, полезны в изучении терминологического слоя этой или иной об-

ласти, а также удовлетворения потребностей лиц, занятых в различных областях, как в изучении лексических единиц, употребляемых в устном и письменном речевом процессе, а такие в целом в изучении языка.

Созданные словари непосредственно содействовали глубокому изучению различных аспектов английского и немецкого языков. Именно с учетом этого в годы независимости начали публиковаться множество переводов и толковых словарей в области германистики. Естественно, эти словари полезны как средство, играющее особую роль как в процессе встречного перевода с этих языков, так и в учебном процессе. Учитывая это, до обретения вновь Азербайджанской Республикой независимости переводческие словари с германских языков отсутствовали, поэтому становится абсолютно ясной большая потребность в такого рода словарях. Учитывая эти потребности, начиная с 90 годов прошлого века составляются словари самого различного характера для облегчения встречного перевода с английского и немецкого языка. Их составители старались охватить весь лексический пласт языка этих словарей. В качестве примера можно привести англо-азербайджанский, немецко-азербайджанский словари и наоборот, полезные для перевода словари фразеологических, идиоматических выражений, терминологические словари, касающиеся различных областей, переводческие словари, отражающие конкретный слой лексической системы языка. Эти словари играют незаменимую роль как в процессе обучения, так и удовлетворения потребностей самостоятельно изучающих язык, а также представляют важность для перевода в различных целях. Следует отметить, что большинство из опубликованных в этот период словарей были связаны с английским языком. Это же не является случайным и связано в международном мире с ареалом распространения английского языка, более употребительном языке и с исполнением функции ведущего языка во многих моментах. Поэтому не удивительно, что английский язык является одним из компонентов большинства общих, отраслевых терминологических словарей публикуемых в нашей республике в годы независимости.

Учитывая серьёзную потребность после подготовленного и опубликованного в 1990 году «Азербайджано-Английского словаря» в таких словарях, под руководством О. Мусаева был подготовлен крупно-объемный «Азербайджано-английский словарь» (1). Этот словарь отличается от такого типа словарей своим охватом и охватом ещё больше лексических единиц и был в нашей республике первым крупно-объёмным словарём, касающимся германских языков. О его подготовке непосредственно на основе материалов английского языка и важности говорится в предисловии к словарю следующее: «Английский язык, являющийся широко распространённым в мире языком, преподаётся в нашей республике как один из основных предметов. В нашей республике многократно возрос интерес к изучению этого языка в связи с общественно-политическими изменениями, происходящими за последние годы. Одним из важных средств для изучения языка является наличие различных учебников, учебных пособий и в особенности двуязычных словарей на изучаемом языке». (1, 6). Именно поэтому этот словарь представляет очень большую важность для студентов, учителей, переводчиков и тех, кто хочет изучить английский язык. В словаре нашло своё отражение большинство входящих в систему азербайджанского языка употребляемых слов, поэтических слов, названия животных и растений, входящих в общую лексику, множество отраслевых тер-

минологических единиц, а это показывает широту сферы его использования. Охватываемые словарём географические названия Азербайджана и целого ряда других ареалов дают возможность использования их как в письменном, так и в устном речевом процессе. Учитывая потребность в этом словаре, имеющем большое значение с практической точки зрения, он через 2 года после публикации был вновь отпечатан большим тиражом и представлен в распоряжение пользователей. В словарь были внесены приблизительно 45000 слов и выражений, фразеологические словосочетания в большом количестве и приблизительно 10.000 образцов предложений, а это повышает значимость использования этого словаря, что даёт возможность получить информацию о семантике этой или другой лексической единицы.

После крупно-объёмного азербайджано-английского словаря, отличающегося очень большой практической важностью и непосредственно помогающего более широкомасштабному изучению в нашей республике английского языка, продолжается работа по подготовке этого словаря с противоположных позиций и в 2003 году под руководством О. Мусаева печатается и представляется в пользование читателей очень крупно-объёмный «Англо-азербайджанский словарь» на 1696 страницах, охватывающий 130 тысяч слов, словосочетаний и предложений (3).

Составители, справившись с «Очень ответственной и почётной работой», подготовили и отпечатали такой крупно-объёмный словарь, являющийся первым шагом, первым опытом в азербайджанской лексикографии. Словарь представляет очень крупную и важную работу по сопоставлению как английского и азербайджанского языков, так азербайджанского языка с другим иностранным языком. «Несмотря на изучение английского языка в нашей стране около ста лет и изучение его как иностранного языка – в особенности после Второй мировой войны, до настоящего времени не существовало англо-азербайджанского словаря такого объёма и на основе этого принципа» (3,6). Этот словарь, созданный именно в результате напряжённого труда, серьёзной работы составителей и представляет собой большую национально-политическую, учебно-культурную важность. При подготовке словаря составители использовали самые основные источники, существующие в английском, азербайджанском и русском языках, передали такого рода словарь в распоряжение пользователей, воспользовавшись им как творцы. В этом словаре можно найти слова и фразеологические сочетания, ономастические единицы, касающиеся всех сфер лексической системы языка, терминологические единицы, касающиеся различных научных и технических средств, и определить их эквиваленты.

Внесённые в словарь личные имена, географические названия, сокращённые слова, неправильные глаголы, названия денежных единиц, многократно повышают его важность и сферу пользования. Этот словарь в целом очень ценен как незаменимый лексикографический источник в более стремительном развитии этой ветви германистики в нашей республике и в определении и исследовании его новых областей.

Относительно краткий вариант словаря (охватывающий около 80 тысяч слов, словосочетаний и предложений) в последующий год был массово отпечатан и подарен библиотекам страны по распоряжению Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева.

Естественно, этот словарь, являясь очень важным событием в области азербайджанской германистики, выделяется особой ролью в обучении, пропаганде и изучении английского языка.

В годы независимости усилился темп научно-технического прогресса, достижения в различных сферах и множество новых терминологических единиц, связанных с различной профессионально-искусствоведческой деятельностью в обществе, их частью были лексические единицы, полученные из германских языков. Именно существовала серьёзная потребность в существовании переводческого словаря терминологического характера для понимания значения заимствованных терминов и упрощения их обработки, всё это делало неизбежным выполнение многих лексикографических работ в области германистики. В этих целях в 2001 году были опубликованы «Русско-англо-азербайджанский словарь ветеринарных терминов» (7), в тот же год «Толковый словарь нефтегазодобывающих терминов» (6), «Англо-азербайджанский толковый словарь литературоведческих терминов» (4), «Англо-русско-азербайджанский терминологический словарь по информатике, телекоммуникации, радиоэлектроники» (7), «Азербайджано-Англо-русский толковый терминологический словарь, касающийся разработки нефтегазовых месторождений» (5) «азербайджано-англо-русский фразеологический словарь» (8), «англо-азербайджанский общественно-политический словарь» и терминологические переводческие словари в других областях. Эти словари были опубликованы для удовлетворения потребностей работающих в различных областях, а также интересующихся этими областями. Как видно из названий, большинство этих словарей, являясь трёхязыковыми терминологическими словарями, отражают в себе лексические единицы во вновь созданных областях, а это показывает их большую практическую важность. Например, существовала необходимость в создании вновь терминов по информатике и вхождении большинства из них в наш язык посредством германских языков, в большинстве случаев посредством английского языка, подготовка терминологических словарей, связанных с этой областью. Если сказать иными словами, то «Сегодня нет такой области науки и техники, которая развивалась бы так же, как информатика. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий стало причиной увеличения числа новых понятий, используемых и образующихся в этой области. В то же время ввиду того, что эти понятия входят в нашу повседневную жизнь, возникла необходимость в их правильном понимании и использовании. Существующая в этой сфере терминология в основном озвучена английским языком, однако перевод на различные языки важен для национальной литературы, программного обеспечения и создания статей. По этой причине требованием времени является издание терминологических словарей в этой области на азербайджанском языке». (7, 3). Подходя с этой точки зрения, ввиду того, что стало актуально создание терминологических переводческих словарей как в существующих научно-технических областях, так и во вновь созданных областях, они могут считаться словарями, представляющими серьёзную потребность. Такие словари помогают ещё большему развитию научно-технических областей, к которым они относятся, а также выделяются важной ролью в развитии германистики.

Часть работы, проводимой в германской лексикографии в годы независимости связана с созданием словарного состава языка, а также с подготовкой одного слоя взаимных словарей. Состав словарей такого типа

непосредственно помогает описанию целиком лексической системы языка и ещё большему упрощению работы по изучению языка. С этой точки зрения подготовка и публикация словаря зоометафоризмов, объединяющих в себе особую часть словарного состава, в той или иной степени оказывает своё положительное влияние на развитие германистики. «Зоонимы, используемые как зоометаморфизмы активно участвуют в процессе словотворчества в английском и азербайджанском языке, и имеют богатые структурные особенности. Зоонимы играют большую роль в зарождении ономастических единиц» (9, 4) Поэтому «Англо-азербайджанский словарь зоометафоризмов», охватывающий 150 лексических и 627 фразеологических единиц, собранных из различных источников, считается одним из важных словарей с точки зрения заучивания и обучения в различных тематических областях.

Именно подготовленный как продолжение такого типа словарей «Англо-азербайджанский и азербайджано-английский словарь соматических фразеологических сочетаний», предусмотренный для преподавателей, преподающих английский язык, магистров, аспирантов и переводчиков привлекает внимание своей научной и практической важностью. В словаре определяется эквивалент фразеологических сочетаний, избранных из различных стилей обоих языков и сформированных на основе названий органов тела, и отмечаются позиции и моменты их обработки, а это многократно повышает значимость этого словаря.

Затем были ещё более расширены работы в области подготовки словаря фразеологических сочетаний и были опубликованы «Англо-азербайджанский и азербайджано-английский фразеологический словарь», второй из них значительно отличается от предыдущего по множеству и объёму охватываемых материалов и объединяет в себе ещё больше фразеологических единиц. Этот словарь, как и предыдущий, представляет большое значение с точки зрения более точного описания словарного состава английского языка, выявления возможности его выражения и глубокого изучения.

В последнее время обращается особое внимание на подготовку переводческого словаря, охватывающего материалы английского и азербайджанского языков и более полно отражающего лексический пласт языка. С этой точки зрения состоящий из 6 томов «Англо-азербайджанский большой словарь» ещё больше привлекает к себе внимание своей важностью и практической значимостью. В этом словаре наряду с уже существующим словарным запасом английского языка отражаются вновь возникшие в языке в последнее время новые слова и выражения, связанные с развитием общества, а это непосредственно помогает специалистам в области изучения языка и при переводе.

В годы независимости наряду с английским языком были проведены определённые работы в области лексикографии преподаваемого и широко изучаемого в нашей республике немецкого языка. Правильно, по сравнению с английским языком лексикография немецкого языка была мало разработана, мало было подготовлено переводческих словарей, связанных с этим языком. Наряду с этим следует отметить, что были подготовлены определённые немецко-азербайджанские словари и представлены в пользование читателей. Так, ещё в первые годы существования Азербайджанской Республики как независимого государства был опубликован «Азербайджано-немецкий словарь» (12). Словарь, являясь маленьким по

объёму и по числу охватываемых слов, содержит наиболее употребительные словари и представляет особую важность для учебного процесса. Ввиду того, что этот словарь является первым словарем, подготовленным на основе материалов немецкого и азербайджанского языков, его значение и сфера использования была широкой.

Словарь немецких пословиц и их азербайджано-русский эквивалент отличается определением эквивалентов пословиц, встречающихся больше всего в устной и письменной речи, важностью в процессе перевода и преподавания. Этот словарь может считаться ценным словарём как первое начинание с точки зрения определения эквивалента фразеологических единиц и полезен как одна из работ, проводимых в направлении изучения и исследования немецкого языка.

Как видно, после того как наша республика вступила на путь собственного независимого развития, были проведены значительные важные работы в области германской лексикографии, были подготовлены переводческие словари различного характера. Правильно, работы, проводимые за последние годы в области лексикографии английского языка, подготовленные словари больше как по количеству, так и по качеству. Главная причина связана с тем, что английский язык является более функциональным и в Азербайджане много изучающих этот язык специалистов. Однако проводимые работы доказывают, что в годы независимости в Азербайджане были проведены важные и необходимые работы в области германской лексикографии, а это не могло оказать своего положительного влияния на развитие в целом германистики.

Библиографический список

1. Азербайджано-английский словарь. – Баку: Азернешр, 1990. – 293 с.
2. Азербайджано-английский словарь. – Баку: Азернешр, 1998. – 628 с.
3. Англо-азербайджанский словарь / сост. О. Мусаев и др. – Баку: Гисмет, 2003. – 169 с.
4. Англо-азербайджанский толковый словарь литературных терминов. – Баку: Переводчик, 2002. – 149 с.
5. Азербайджано-английско-русский толковый словарь терминов, касающихся разработки нефтегазовых месторождений. – Баку, 2007. – 416 с.
6. Толковый словарь нефтегазодобывающих терминов (русско-азербайджано-английский). – Баку: НАНА, 2001. – 392 с.
7. Русско-англо-азербайджанский терминологический словарь ветеринарных терминов. – Баку: Гянджа, 2001. – 251 с.
8. Велиева Н. Азербайджано-англо-русский фразеологический словарь. – Баку: Нурлан, 2006. – 459 с.
9. Гаджиева А. Англо-азербайджанский словарь зоометафоризмов. – Баку: Нурлан, 2004.
10. Англо-азербайджанский и азербайджанско-англиский словарь соматических соединений. – Баку: Нурлан, 2005. – 190 с.
11. Англо-азербайджанский фразеологический словарь. – Баку Нурлан, 2006. – 368 с.
12. Азербайджано-немецкий словарь. – Баку: Азернешр, 1993. – 269 с.
13. Пословицы на немецком и их азербайджано-русские эквиваленты. – Баку, 2001. – 178 с.

О ПРОЕКТЕ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ФОРМАЛЬНЫХ И ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

В. Г. Наумов
Национальный исследовательский
Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Summary. In the tendered article the speech goes about principles of compiling of the educational dictionary of interlingual formal and formal-semantic equivalents. In this article the concepts «interlingual homonymy», «interlingual paronymy», «false friends of the translator» are updated. The material for dictionary has served lexicon of the Russian language in collation with polish and slovak languages. In prospect is offered idea of the sheduling the complex dictionary of Slavonic interlingual formal and formal-semantic equivalents.

Key words: translation, educational dictionary, interlingual formal and formal-semantic conformity, Slavonic languages.

Одним из словарей, способных оптимизировать ознакомление с лексикой изучаемого иностранного языка, мог бы стать «Учебный словарь формальных и формально-семантических соответствий». Данный словарь способен дать представление о функционировании одного из универсальных языковых законов – закона дихотомизма языкового знака.

В существующей лексикологической и лексикографической практике достаточно много внимания уделялось и уделяется называемой «межъязыковой омонимии», а по сути – формальным лексическим соответствиям родственных и не родственных языков, не подкреплённым соответствиями семантическими. Термин «межъязыковая омонимия» не вполне точен. Во-первых, собственно омонимии почти никогда не наблюдается, поскольку различны иногда не только графические (например, кириллица и латиница, в частности – разные варианты латиницы, используемой в славянской письменности), но и фонологические системы сопоставляемых языков. Это приводит в том числе к появлению таких, например, терминов, как «межъязыковая паронимия» [1]. Во-вторых, применительно к родственным – например, славянским – языкам интересно сопоставление не только слов, полностью отличных по значению, но и, условно говоря, «межъязыковых ЛСВ». В учебных целях более перспективным представляется объединение межъязыковой омонимии и варьирования, их условное неразличение.

В словаре такого рода предсказуемо возникает проблема соответствия тех формально близких ЛСВ, значение которых не полностью различается в разных языках или практически совпадает. Таким образом, помимо «формальных соответствий» или «полусоответствий» могут быть выделены «формально-семантические соответствия». Это приведет к объединению в одном словаре и «ложных» и «истинных друзей переводчика». Такая форма подачи материала (хотя при желании словарь может быть представлен двумя частями) чрезвычайно важна: человек, изучающий родственный язык, неминуемо обращает внимание на формальное сходство лексических единиц, и на первых этапах изучения принципиально не важно, полностью или частично различаются или полностью совпадают значения «схожих» слов. Адекватность-неадекватность в любом случае необходимо сначала установить. В качестве примеров такого рода со-

ответствий могут служить словарные статьи из словаря польско-русских соответствий:

esencja –i ж **эссенция** -и ж

1. Крепкий раствор летучих веществ 1. = 1. П*ольск.*

2. Заваренный чай

3. П*ерен.* существо, суть

mierny мерный

1. Умеренный, средний 1. Размеренный, неторопливый, ритмичный

2. Заурядный, посредственный 2.У*стар.* имеющий установленную меру, величину

oblewanie –а с **обливание** –я с

1. Р*азг.* выпивка 1. С*ущ.* от облить

2. Водная процедура – окачивание водой

Данный словарь может быть построен на базе любого из двух сопоставляемых языков: прилагаемый словник на втором языке позволит довольно быстро установить обратное соответствие. Кроме того, в виде приложений могут быть представлены тематические группы соответствий, грамматические аналогии, охарактеризована отнесенность соответствий к лексическому ядру каждого языка, к общеславянскому лексическому фонду, к интернационализмам, отмечена принадлежность слов к исконной и заимствованной лексике с соответствующими частотными характеристиками.

Лексикографический труд такого типа может уточнить и представление о соответствующей лексике каждого языка (внутриязыковые омонимы, омофоны, омографы окажутся в одних словарных статьях с межъязыковыми единицами). С другой стороны, некоторые группы лексики по определению могут быть отражены лишь в редчайших случаях. Речь идёт об омофонах и омографах, к примеру, в польско-русском словаре. Разные графические системы и разные акцентологические правила (речь идёт, в частности, о фиксированности ударения в польском, в отличие от русского) не предполагают реализации этих видов явлений, сходных с омонимией, на межъязыковом уровне.

В виде приложения может быть представлена и межъязыковая омоформия, что вполне соответствует учебным целям данного словаря.

К настоящему времени подготовлены избранные отрезки словарей русско-польских (польско-русских) и русско-словацких (словацко-русских) соответствий. В перспективе возможен комплексный словарь славянских формальных и формально-семантических соответствий. Помимо практической направленности, материал такого словаря может представлять интерес и для исследований в синхронно-системном аспекте, а также может быть использован в сравнительно-сопоставительных работах.

Библиографический список

1. Гуревич Т. Межъязыковая омонимия, паронимия (на примере английского языка). «Ложные друзья переводчика» // Знания. Понимание. Умение. 2007 - http://www.zpu-journal.ru/zpu/e-publications/2007/Gurevich_T

МЕСТО ФРАЗЕОЛОГИИ В ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ф. В. Салаева
Бакинский славянский университет,
г. Баку, Азербайждан

Summary. About the phraseological units given in the dictionaries published in different languages, mainly in Russian are spoken widely in the article. About the expressions given in the one-languaged and two-languaged dictionaries in Azerbaijan are considered comprehensively there as well. Besides, the compiling principles of dictionaries are elucidated there.

Key words: Azerbaijani language, phraseology, phraseological dictionary, lexicography.

Одной из заслуживающих внимание проблем общего языкознания является подача фразеологизмов в толковых словарях, принципы составления моно- и двуязычных фразеологических словарей.

Следует отметить, что ещё до того, как фразеология стала предметом научных исследований, её образцы нашли своё отражение в различных словарях, а также во многих лингвистических трудах. Так, первые проявления фразеологических единиц имели место в пословицах и поговорках, крылатых словах и др.

Факты свидетельствуют, что фразеологические единицы наблюдаются ещё в рукописных сборниках XVII века.

В своё время ещё М. В. Ломоносов предложил включать в словари фразеологические единицы. Источники также свидетельствуют, что в первом «Собрании 4291 древних российских пословиц» (М., 1770), опубликованном профессором А. А. Барсовым, представлено, как видно из названия, достаточное количество пословиц. В 1848 году И. М. Снегирёвым был подготовлен и издан объёмный сборник «Русские народные пословицы и притчи». Впоследствии эту работу продолжил В. И. Даль, издавший в 1862 году «Пословицы русского народа» (1, с. 182–183). Следует отметить, что данная книга выдержала несколько изданий в разные годы.

Предметом большого внимания стала в своё время книга С. Мартынова «Крылатые слова» (М., 1890).

Многие образцы фразеологических единиц вошли в изданные в разное время толковые словари русского языка, а впоследствии в специальные фразеологические словари [2, 3.]. Позже они были включены в немецко-русский, англо-русский и др. словари [4, 5].

Следует отметить, что моно- и двуязычные словари были составлены и увидели свет и у тюркских народов. Здесь можно назвать такие издания, как «Краткий фразеологический словарь узбекского языка» Ш. Рахматуллаева (Ташкент, 1964), «Татарская фразеология, пословицы и поговорки» (Казань, 1967) Л. Зальяя, «Фразеологический словарь казахского языка» (Алма-Ата, 1972) У. К. Кенесбаева. Заслуживает быть отмеченным и «Фразеологический словарь современного таджикского языка» (Душанбе, 1963).

Среди двуязычных словарей можно привести в пример «Русско-татарский словарь» Н. Б. Бургановой и Л. Т. Махмутовой (Казань, 1959), «Краткий фразеологический словарь русского и туркменского языков» А. Кумевой и др. (Ашхабад, 1963), «Фразеологический словарь башкирского и русского языков» Ф. А. Нодшиной и Х. Всопхева (Уфа, 1973).

Примеры фразеологических единиц азербайджанского языка встречаются как в рукописях, так и словарях. Так, например, заслуживают внимания изданные А. Гусейнзаде в разные годы «Пословицы и поговорки» (Баку, 1926, 1938, 1949, 1956, 1965, 1971, 1971, 1981, 1985), его же «Выражения в стиле преданий» (Баку, 1961), «Почему мы так говорим?» (Баку, 1982), «Крылатые слова» (Баку, 1988); М. Адилова, «Толковый словарь азербайджанского языка» под ред. А. Оруджева (Баку, I т. – 1966; II т. – 1980; III т. – 1983; IV т. – 1987), содержащие множество фразеологических оборотов.

Однако с первым кратким фразеологическим словарем мы встречаемся в рукописи известного азербайджанского писателя Ю. В. Чеменземинли. Сведения о нём содержатся в монографии Н. Сеидалиева «Фразеология языка азербайджанских дастанов и сказок», в которой приведены и соответствующие примеры (6, с. 26–27). Мы сочли целесообразным дать несколько выражений, не вошедших в книгу: букв. – *быть связанным с кем-то, съесть волчье сердце (не ведать страха), отвести жаждущего к реке и, не напоив, привести обратно.*

Образцом второго моноязычного словаря является «Лексика современного азербайджанского словаря» (Баку, 1958) С. Джафарова, в «Приложении» к которому дан словарь идиоматических выражений.

В азербайджанском языкознании первый двуязычный фразеологический словарь был составлен М. Т. Тагиевым, который издал его в 1964 году как справочную книгу под названием «Краткий русско-азербайджанский фразеологический словарь». В 1974 году автором было осуществлено второе – усовершенствованное, расширенное издание словаря под названием «Русско-азербайджанский фразеологический словарь». В третий раз словарь был издан в 2006 году под редакцией Т. Шюкюрбейли и Р. Тагиевой. Отличие данного издания от предыдущих заключалось в расширении автором словника, совершенствовании словарных статей, уточнении коррелятов. Кроме того, новое издание было дополнено паремиями и подачей их аналогов.

В словарь включались фразеологические единицы, состоящие из двух и более слов, относящихся к самостоятельным частям речи: фразеологические единицы, состоящие из слов, относящихся к самостоятельным частям речи; фразеологические единицы, имеющие структуру предложения:

Голые стены – quru divarlar.

Горе мыкать – dərd-qəm çəkmək.

Не иметь крыши над головой – evi olmamaq, yaşamağa yeri olmamaq.

Руби дерево по себе – gücün çatan işdən yapış, özünə görə yük götür.

Среди двуязычных фразеологических словарей в азербайджанском языкознании следует отметить также «Азербайджанско-русский фразеологический словарь» А. Оруджева (Баку, 1976) и «Азербайджанско- русский фразеологический словарь» Х. Бахшиева (Баку, 2006). Х. Бахшиев ещё в 2004 году выпустил «Краткий фразеологический словарь азербайджанского языка», где толкование азербайджанских фразеологических единиц было дано на азербайджанском языке. Данное издание явилось большим подспорьем в составлении второго словаря. В отличие от словаря А.Оруджева, словарь Х.Бахшиева был составлен гнездовым способом.

«Азербайджанско-русский фразеологический словарь» А. Оруджева имеет целый ряд достоинств. Так, здесь в случае с подачей глагольных вы-

ражений, требующих косвенного дополнения, в скобках даются падежные вопросы, указывающие на синтаксическую связь; в целях облегчения восприятия образа после соответствующей фраземы в скобках дается её дословный перевод на русском языке; после каждого фразеологического оборота даётся выражение, подчёркивающее его стилистический или эмоционально-экспрессивный характер; к каждому выражению подобран русский аналог и др. В журнале «Советская тюркология» была опубликована рецензия Э. Умарова (7, с. 102–103) на «Азербайджанско-русский фразеологический словарь А. Оруджева, в которой раскрывалось важное значение этого словаря.

Ещё в докторской диссертации А. Оруджева на тему «Теоретические основы толкового словаря азербайджанского языка» (8, с. 17) обосновывались принципы подачи фразеологических единиц в толковых словарях, особо подчёркивалась роль данного лингвистического пласта.

Наряду со всем этим следует с сожалением отметить, что во фразеологических словарях как А. Оруджева, так и Х. Бахшиева не указаны отдельно омонимические фразеологические единицы. У обоих авторов омонимы поданы как многозначные (полисемия) единицы.

К слову сказать, в монографии С. Т. Наурузбаевой «Фразеологические единицы в каракалпакско-русском словаре» отмечены принципы лексикографического составления фразеологического материала в каракалпакско-русском словаре:

1. Словарь должен включать ко всем словам словника их омонимы и омоформы для разграничения компонентов фразеологических единиц от их омонимов;

2. Словарная статья должна содержать все имеющиеся в современном языке значения лексической единицы;

3. В словаре должны найти отражение основные системные свойства фразеологических единиц: омонимия, полисемия, синонимия и вариантность, экспрессивность значения;

4. В словаре должны быть чётко определены границы помещаемой фразеологической единицы, т. е. её структура, лексический состав компонентов и грамматическое значение;

5. Должен соблюдаться единый принцип размещения однотипных фразеологических единиц;

6. При переводе фразеологических единиц национального языка на русский необходимо раскрыть их лексическое и грамматическое значение.

Первым толковым, снабжённым иллюстративным материалом словарем в области фразеологии азербайджанского языка является «Фразеологический словарь» Н. Сеидалиева, изданный в 2004 году. Каждый из приведённых в книге примеров взят из азербайджанских дастанов и сказок. В этом словаре дано около 5000 фразеологических оборотов, около 100 из которых составляют пословицы. В данном издании нашло отражение, можно сказать, большинство выражений, употребляемых в народном разговорном языке. Словарь отличается богатством своего материала. В него включены омонимичные и полисемичные фразеологизмы. Каждое выражение имеет подробное толкование, в котором достаточно широко используются синонимы, что увеличивает ценность словаря.

Поданные в словаре фразеологизмы могут быть классифицированы следующим образом:

1.Выражения, состоящие из двух существительных;

2. Выражения, состоящие из существительного и глагола;
3. Выражения, употребляющиеся в значении числительного;
4. Выражения, употребляющиеся в значении прилагательного;
5. Выражения, употребляющиеся в значении наречия;
6. Выражения, означающие восклицание;
7. Выражения, означающие вопрос и др.

Словарь, составленный Н. Сеидалиевым, пока что остаётся единственным в своей области в азербайджанском языкознании, заслуживающим наибольшего внимания.

В целом, обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что материал фразеологического словаря должен быть подан с соответствующей полнотой. Потому что именно фразеологизмы наиболее ясно аккумулируют в себе национальные особенности, колорит языка. Ввиду того, что фразеология берётся в широком смысле и невозможно собрать и отразить в словаре весь диапазон фразеологического материала, его приходится представлять соответственно более узкому, специальному подходу.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М, 1974.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. – I–II т. – М, 1991.
3. Фразеологический словарь русского языка. – М, 1967, 1968, 1978, 1986, 1987.
4. Немецко-русский фразеологический словарь. – М, 1975.
5. Англо- русский фразеологический словарь: I–II т. – М, 1967.
6. Сеидалиев Н. Фразеология языка азербайджанских дастанов и сказок (на азербайджанском языке). – Баку, 2006.
7. Умаров Э. А., Оруджев А. А. Азербайджанско-русский словарь (5500 выражений) // Советская тюркология. – 1975. – № 4.
8. Оруджев А. Научные основы филологического толкового словаря азербайджанского языка (на азербайджанском языке). – Баку, 1965.
9. Наурузбаева С. Т. Фразеологические единицы в каракалпакско-русском словаре. – Ташкент, 1972.

РОЛЬ ТЕРМИНОВ В ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ ТЕРМИНОВ-ЭПОНИМОВ

Е. М. Какзанова
Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Summary. The article deals with the dictionaries of eponym terms. There are many dictionaries of eponym terms in the medicine and in other sciences. After our analyze there are many eponym terms in the mathematical science but there is not a lexicographical fixation of eponym terms in the mathematical dictionaries.

Key words: eponym terms, dictionaries, medicine, mathematic, applied linguistics.

Прикладные аспекты лингвистики сводятся, прежде всего, к одной общей проблеме – проблеме обработки информации. В связи с возникновением машинного перевода, созданием электронных словарей и тезаурусов во второй половине XX века особую актуальность приобрела проблема унификации и стандартизации терминологии. Это связано и с резко возросшим количеством научных и технических терминов, обслуживающих

различные сферы знания, и с появлением новых дисциплин и подъязыков.

Вопрос об упорядочении медицинской терминологии уже давно обсуждается в научной литературе, причём волнует не только лингвистов, но и медиков. Одной из основных «проблем» является изобилие терминов-эпонимов в медицинской литературе и в научно-медицинском дискурсе.

Эпонимом называется термин, который содержит в своём составе имя собственное (антропоним или топоним), а также имя нарицательное в обозначении научного понятия (*болезнь Крона, болезнь Паркинсона*). Также термин-эпоним может быть образован безаффиксным способом от имени собственного (антропонима или топонима) путём метонимического переноса (*рентген*). Третью группу составляют аффиксальные производные от имени собственного (антропонима или топонима) (*улексит*).

Известна точка зрения С. Д. Носова [1, с. 33], который предлагает заменить ряд эпонимических терминов в области инфекционных болезней на неэпонимические. В то же время бывший заместитель председателя Терминологической комиссии АМН СССР профессор И. П. Лидов [2, с. 12] считает (и мы разделяем его точку зрения), что имеется группа эпонимических терминов, прочно вошедших в медицинскую лексику. Смысл этих терминов понятен каждому врачу. Поэтому вряд ли следует заменять такие эпонимические термины, как «евстахиева труба», «гайморова полость», «фаллопиева труба», «дугласово пространство», «зажим Кохера» и т. п. И. П. Лидов сомневается, что когда-нибудь удастся внедрить в медицинскую литературу и практику термин «1х2-зубный зажимный инструмент». Трудно себе представить, что хирург в операционной будет просить подать ему 1х2-зубный зажимный инструмент вместо «зажима Кохера».

Как видим, с наличием терминов-эпонимов в подъязыке медицины нельзя не считаться. И. Визе [3, с. 1281] отмечает, что принцип называния болезней – и, прежде всего, синдромов – с помощью имён собственных стал активно применяться в немецкоязычной медицинской науке с середины XIX века. Анализируя английские медицинские терминологические сочетания с именем собственным (на материале терминов-названий болезней), Л. В. Дубровина [4, с. 142] насчитала 1763 примера с антропонимом методом сплошной выборки из американского толкового медицинского словаря (Stedman's Medical Dictionary. N.-Y., 1974) и сверила их с данными монографии Всемирной Организации Здравоохранения при ООН (International Classification of Diseases. Jeneva, 1967).

В настоящее время издано большое количество словарей медицинских терминов-эпонимов, причём часто для каждой медицинской специальности отдельно. Были лексикографически зафиксированы эпонимы из области анатомии и физиологии, включая гистологию, эмбриологию и физиологическую химию (R. Herrlinger, 1949), ортопедические эпонимы (T. Albrecht, 1990), эпонимы в области психиатрии (В. М. Блейхер, 1984; D. Arenz, 2001), анатомические эпонимы (D. Dobson, 1962; R. Olry, 1995), эпонимы из области неврологии и психиатрии (D. Draaisma, 2008), мифологические персонажи в медицинских терминах-эпонимах (A. Karenberg, 2005), клинические эпонимы (B. Leiner и T. Olbert, 1968, A. Winkelmann, 2009), дерматологические эпонимы (G. Plewig, 2008), ангиолого-флебологические эпонимы (E. Wormer, 1991). В 1997 году на немецком языке вышел словарь наиболее употребительных медицинских терминов-эпонимов, необходимых для сдачи экзамена по специальности (B. Erbrich,

D. Grundmann, A. Gruner, R. Hafemann). В 1986 году вышел эпонимический словарь «The Man behind the Syndrome» (P. Beighton, G. Beighton), а в 1997 году те же авторы написали его продолжение – «The Person behind the Syndrome».

Но было бы неверно предположить, что термины-эпонимы интересуют только медиков или лингвистов, исследующих медицинские научные тексты и медицинский дискурс. Составители терминологических словарей в самых разных областях науки не могли обойти стороной этот лингвистический феномен. Известны словари эпонимов в области психологии (L. Zusne, 1987), органической химии (T. Laue и A. Plagens, 1998). Австралийский учёный Р. Трэхэр (R. Trahair) в 1990 году составил словарь наиболее известных в Австралии общенаучных терминов-эпонимов, включая и медицинские. В 1999 году на немецком языке вышел словарь общенаучных терминов-эпонимов Т. Левински (T. Lewinsky). В 2000 году вышел сокращённый вариант словаря Т. Левински на английском языке (A. Sholl, 2000), что свидетельствует об универсальном характере терминов-эпонимов. В 2001 году на английском языке вышел словарь терминов-эпонимов из области экономики, истории, религии, культуры, науки и техники, политики, спорта и других областей (R. A. Letusé La O., 2001). Новый словарь общенаучных терминов-эпонимов на английском языке вышел в 2002 году (M. S. Freeman). В 1984 году было проведено интересное исследование, в результате которого появился словарь кратеров луны, названных по фамилиям известных врачей (S. und L. Domin). В 2004 году на немецком языке вышел словарь терминов-эпонимов из области античной мифологии и истории, из Ветхого и Нового Завета, из области науки и техники (H. Caspar). В 2003 году на английском языке был опубликован словарь эпонимических названий птиц (B. Beolens и M. Watkins), а в 2009 году эти же авторы выпустили словарь эпонимических названий животных (B. Beolens, M. Watkins и M. Grayson). В 2001 году вышел эпонимический словарь на испанском языке (S. García-Castañón, 2001), в который вошли разные наиболее употребительные эпонимы из области политики (*gongorismo, krausismo, leninismo*), эпонимические физические величины и химические элементы (*curio, einstenio, fermio*), эпонимические механизмы и приспособления (*colt, guillotina, diésel*), интересная лексика, этимология которой выявила их эпонимический характер (*bigote – bi Gott, estraperlo – Perlowitz, lona – Olonne*), словосочетания (*línea Maginot, estar en Babia*), медицинские эпонимы (*Ogino, Alzheimer, Down*), эпонимы из области коммерции (*fayolismo – Henri Fayol, limusina, óscar – Oscar Pierce*), мифологические эпонимы – *erótico*, математические термины – *Urysohn, theorema de*. Несмотря на то, что, согласно нашему исследованию, термины-эпонимы встречаются абсолютно в каждом математическом научном тексте, в математических словарях математические термины-эпонимы практически не отражены. Мы подвергли сплошной выборке многоязычные (Словарь математических терминов на английском, русском, армянском, немецком и французском языках, 1965; Частотный специальный математический русско-англо-французский словарь, 1980; Математический словарь на английском, немецком, французском и русском языках, 1983; Русско-англо-немецко-французский математический словарь, 1987; Русско-украинско-английский математический словарь словосочетаний, 1992), двуязычные (немецко-русский, англо-русский, русско-английский, французско-русский, испанско-русский и русско-испанский, русско-

португальский и португальско-русский, греко-русский и русско-греческий, польско-русский, чешско-русский, японско-русский, русско-киргизский, башкирско-русский и русско-башкирский, русско-бурятский) математические словари и одноязычный Словарь математических терминов английского языка, изданный в 1995 году, и установили, что термины-эпонимы в них практически не встречаются. Учитывая наличие большого числа словарей медицинских терминов-эпонимов, отсутствие словарей математических терминов-эпонимов, частотность появления в научных математических текстах терминов с ономастическим компонентом и неразработанность критерия введения данных терминов в математические словари, мы составили словарь математических терминов с ономастическим компонентом «Математический терминологический словарь: математика и всё, что с ней связано, на немецком, английском и русском языках». Данный словарь по своему назначению является переводным (трёхъязычным) и энциклопедическим. Композиционно заголовочная вокабула, вводящая словарную статью и расположенная в словаре слева, представляет собой антропоним в исходной форме, состоящий из фамилии и имени (имен) учёного. Если речь идёт о российском (советском) учёном, то заголовочная единица написана латинскими буквами в том виде, в каком она встретилась в соответствующем источнике (*Petrov, Alexey Zinovievich*). В правой части заголовочная единица транслитерируется (*Петров, Алексей Зиновьевич*) и также содержит энциклопедические сведения, состоящие из основных и факультативных компонентов: года рождения и смерти учёного, страны происхождения, рода занятий и иногда дополнительной информации о данном учёном, представляющей интерес, по мнению автора словаря, например: ***Янг, Чженьнин*** *(Он решил выбрать себе имя, которое американцам будет легко произносить. Он выбрал себе имя Франклин, потому что восхищался Бенжамином Франклином, и американские друзья называют его* ***Фрэнк****) (род. 1922), американский физик-теоретик китайского происхождения. Нобелевская премия по физике в 1957 году.*

Собственно текст словарной статьи состоит из двух частей: слева – употреблённые в источниках термины-эпонимы с фамилией учёного, являющейся заголовочной единицей, справа – их перевод на русский язык. Так, почти каждая словарная статья выглядит следующим образом:

Petrov, Alexey Zinovievich	**Петров, Алексей Зиновьевич** (1910–1972), советский математик
Petrovsche Klassifikation, Petrov-Klassifikation	классификация Петрова
Petrovscher Satz	теорема Петрова
Petrov-Typ	тип Петрова

Энциклопедический словарь построен по алфавитному принципу заголовочных единиц в левой части.

Процитируем С. Г. Бархударова [5, с. 12]: «Думается, что словари терминологического назначения совместно с энциклопедиями будут взаимно обогащать друг друга своими достижениями».

Библиографический список

1. Носов С. Д. О рационализации медицинской клинической терминологии // Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 32–35.

2. Лидов И. П. Состояние, проблемы и задачи упорядочения отечественной медицинской терминологии // Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 10–18.
3. Wiese I. Die neuere Fachsprache der Medizin seit der Mitte des 19. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Inneren Medizin // Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 14.1 „Fachsprachen. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft“, 1. Halbband. – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1998. – S. 1278–1285.
4. Дубровина Л. В. Английские медицинские терминологические сочетания с именем собственным (на материале терминов-названий болезней)// Стиль научной речи. – М.: Наука, 1978. – С. 142–148.
5. Бархударов С. Г. Актуальные задачи лексикографии в области терминов // Проблема определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 5–12.

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ СМИ

С. Ю. Мамедова
Национальная академия наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан

Summary. The article deals with the typical mistakes in mass media. Such mistakes are divided into non-stylistic ones caused by violation of lexical, phraseological, word-formative, morphological, syntactic norms and stylistic ones caused by violation of style unity, logic, that makes speech incomprehensible. There are also a lot of mistakes connected with polysemy, over use of dialect words, pleonasms, tautology. When using accent, intonation, pause in visual speech one must be especially careful. Observance of literary norms is a primary task, as it is very important to preserve purity of the Azerbaijanian language.

Key words: mass media, Azerbaijanian language, dialect words, intonation, literary norm, speech mistakes, visual speech.

Телевидение, радио – это искусство, которое вобрало в себя все основные черты других видов искусств. Как и всякое искусство, оно требует грамотности исполнения, соблюдения элементарных законов. Это значит, что, кроме техники звучащей речи, дикции, правильного произношения и ударения, кроме прекрасного знания родной речи, нельзя забывать, что основа основ этого искусства – исполнительское мастерство, умение логично, чётко, ясно выразить свою мысль, умение общаться с невидимым собеседником и конкретным человеком. И самое главное – владеть навыками и умениями ораторского мастерства.

На наш взгляд, необходимо совершенствовать речевую культуру работников СМИ, а для этого следует, во-первых, обеспечить элементарный контроль за эфиром на всех каналах с участием консультантов-специалистов. Во-вторых, необходимо организовать систематические занятия по ораторскому искусству и мастерству исполнения. В-третьих, один из каналов сделать образцовым, эталонным.

Язык СМИ играет важную роль как в распространении языка, так и в повышении грамотности населения. И хотя имеются некоторые изменения в отношении к языку, но в газетах по-прежнему большое количество ошибок, а с экранов телевизора часто звучит далеко не образцовый язык.

В советский период существовала жёсткая цензура и самоцензура. Дикторы обязательно обращались к словарям в затруднительных случаях словоупотребления, произношения и др., чего нельзя сказать о современ-

ных телеведущих судя по допускаемым нарушениям норм литературного языка.

В письменной (визуальной) речи, так же как и в устной (аудио) речи, логическое ударение является одним из самых важных факторов, и поэтому необходимо найти правильные способы его выражения. Несмотря на то, что в визуальной речи точно обозначить место логического ударения невозможно, журналист должен освоить все эти способы и суметь выделить нужное слово.

«Логическое ударение падает на разные члены предложения. Его подвижность не только устраняет монотонность телевизионной речи, но и становится важнейшим дифференцирующим фонологическим средством» [4, с. 269].

«Иногда «корявый» порядок слов нарушает ясность, плавность предложения. Читателю приходится ломать голову над такими предложениями. В устной речи ударение, интонация, пауза предотвращают любую путаницу. Однако при их употреблении в письменной речи следует быть особо внимательным. Строй предложения не должен утомлять и напрягать читателя» [5, с. 63].

Рассмотрим некоторые примеры:

«Восстановление территорий продолжается по тендерам» (газета «Азадлыг» («Свобода») 13.04.09) – предложение должно быть таким: «Тендеры по восстановлению территорий продолжаются». «Перестраиваются лечебно-амбулаторные центры» – правильный вариант: «Перестраиваются центры амбулаторного лечения» (газета «525», 30.04.09).

Для точного и ясного выражения мысли наряду с соблюдением правил произношения, интонации, грамматики весьма важен правильный порядок слов в предложении и их уместное использование, например: «Были высказаны необъективные мысли в связи с нашим происхождением» (Газета «525», 07.06.09).

В современном мире глобализации всё подвержено изменениям. Естественные изменения, происходящие на логической основе, вызывают определённые споры, рассуждения. К сожалению, некоторые такие явления, сопровождающиеся безответственностью, принимают уродливые формы. Люди, легко поддающиеся чужому влиянию, считающие иностранный образ жизни примером для подражания и стремящиеся выглядеть «современными», иногда в разговорной речи придумывают своеобразные «изобретения», искажая и уродуя на экранах телевизоров, на страницах печати азербайджанский литературный язык.

Журналистика включает в себя публицистику, являющуюся особым видом творчества. Публицистический стиль должен быть понятным, доступным. В своё время выдающийся азербайджанский просветитель Мирза Джалиль разъяснил сущность задачи, стоящей перед публицистикой: «Мы просим мастеров пера писать ясным, доступным языком, дабы все читатели могли их понять».

Данный стиль более связан с печатью. Раньше всем был интересен газетный стиль. Со временем появились журнальный, радио- и телестили. В настоящее время под языком СМИ подразумеваются именно данные стили.

После восстановления Азербайджаном суверенитета начинает расширяться сеть СМИ. Прослеживая данный процесс, мы пришли к следующим выводам:

– в развитии литературного языка роль СМИ в изменении языковых норм велика. Поскольку народ находится в непосредственном общении со СМИ, это влияет на его устную и письменную речь;

– поскольку СМИ имеют широкую сферу функционирования, научная грамматика в какой-то степени подчиняется экстралингвистическим факторам, и в внутриязыковых законах время от времени происходят изменения;

– демократизм в языковых нормах способствует определённым изменениям в данной области, и элементы живой речи проникают в письменный литературный язык;

– несмотря на то, что как живые, так и письменные виды СМИ проявляются в общественной жизни, в последнее время влияние радио и телевидения наиболее ощутимо. Представители живых СМИ через свою речь внедряют в письменный язык свои элементы. Впоследствии эти элементы и стиль становятся важной проблемой научной грамматики. В результате язык проявляется как вечно развивающаяся и изменяющаяся категория.

Сегодняшние газеты, вместо того чтобы прививать читателям нормы литературного языка, в целях сбора аудитории сами опускаются до уровня читателя. Читатель, не знакомый с нормами литературного языка и доверяющий, симпатизирующий конкретной газете, видя и слыша ежедневно повторяющиеся слова, выражения, принимает языковые аномалии за норму. Выявлять и исправлять эти недостатки с каждым днём всё труднее. В этом плане сотрудники газет должны быть более ответственными, поскольку журналист, выступающий на телевидении, прямо выражает свои мысли, может допустить определённые языковые ошибки. В это время языковой факт может не соответствовать норме, однако печатающиеся в газете материалы должны быть опубликованы только после редактирования. Газета более долговечна. Она передаётся из рук в руки, и читатель может читать её повторно.

На телевидении и радио часто пытаются сохранить государственный статус языка. Так, человеку, с трудом говорящему на азербайджанском языке, разрешается выражать свои мысли на русском. После первого же предложения собеседник продолжает говорить на русском языке, и ведущий не возражает. Он закрывает глаза на употребление русских слов и выражений, например: «Evdən çıxanda nastrenyama baxıram» – «Когда выхожу из дому, я смотрю на своё настроение» (Телеканал «ANS», 23.03.09, 17:30). Это с точки зрения языка может показаться незначительным, однако если индивидуум перенимает языковые особенности и передаёт их в будущее, это расширяет возможности языка и продлевает его существование. Рассмотрим другой пример: «Mən zakulisdə durarkən müsbət enerji duydum» – «Стоя за кулисами, я почувствовал положительную энергию» (Телеканал «ATV», передача «Чалчагыр», 18.04.10, 21:35) и др.

«В наших следующих передачах мы неоднократно будем возвращаться к этой теме» («Space», 15.11.03, 23:05); «Событие произошло в 10:30» (AMS,11.06.06, 18:20); «Люди начали меньше гибнуть» («Space», 04.12.07, 20:35); «Демонстрируется настойчивость большой борьбы» (AMS, 01.02.07, 15:30); «Постараюсь не показать вам присутствие Замига» («Space PM», 30.09.04, 22:00); «Через некоторое время главный игрок игры выйдет на поле» («Лидер» («Эхо»), 13.03.04, 16:00).

В последнее время в СМИ – как в газетах, так и на телевидении – активизировалось употребление диалектных слов. Это связано с полным произволом и отсутствием каких-либо ограничений в их употреблении. Диалектизмы встречаются в функционально-стилистических ситуациях. Муса Адилов об этом, в частности, пишет: «Роль элементов разговорного языка в языке газеты одна, роль же диалектизмов совершенно другая. Мы полагаем, что не следует отводить в газетах место диалектным словам или диалектным (местным) вариантам слов литературного языка, не имеющимся в общелитературном азербайджанском языке и не понятным широким читательским массам» [2, с. 91], например: «Bu kampaniyada nə qədər istəsən nut adama rast gələrsən». – «В этой кампании сколько хочешь тупых людей встретишь». ("Azərbaycan müəllimi") – («Азербайджанский учитель»), 30.01.05); «Ba1a, özünü boş yerə urvatsız etmə». – «Сын мой, не унижай себя». (Телеканал «ANS»–«Внутренние новости», 30.12.08, 23:20);

Таким образом, приходится с сожалением отметить, что в настоящее время в СМИ нормы литературного языка не соблюдаются; довольно часто встречаются различные аномалии. Однако, для сохранения чистоты азербайджанского языка соблюдение этих норм является первоочередной и самой важной задачей.

Состояние языка в настоящее время вызывает общую озабоченность. Она связана, в частности, с известным расшатыванием традиционных литературных норм. Это выражается, прежде всего, в росте разного рода ошибок и вариантов, возникающих под влиянием нелитературного просторечия, диалектов, а также в обилии новых иностранных слов и терминов и в стилистическом снижении устной и письменной речи.

В современном литературном языке происходит интенсивное сближение традиционно-книжных средств выражения с обиходно-разговорной стихией. Известное «раскрепощение» и обновление литературных норм не должно приводить к их разрушению, к стилистическому снижению самой речи, к её огрублению и вульгаризации.

В языке активно формируется новый функциональный стиль – бизнеса и коммерции, товарно-денежных отношений. Возрастает значимость личностного начала и диалогичности общения. На смену лишённому непосредственности общению приходит общение неподготовленное, характеризующееся признаком публичности, но с ослабленной официальностью. В связи с этим резкая граница, которая проходила между неофициальным личным общением и общением официальным, публичным, размывается. В публичном общении (речь радио, ТВ) возрастает степень неподготовленности. Нельзя сказать, что такое общение ведётся теперь на разговорном языке, но число разговорных, жаргонных, просторечных и иных сниженных элементов в нём резко увеличивается.

Неподготовленность публичной речи, с одной стороны, способствует проявлению тенденций развития, заложенных в системе языка, а с другой – ведёт к расшатыванию старых норм. О творческом характере речевой деятельности, о постоянном создании в процессе говорения новых слов и форм (наряду с использованием готовых) писал Л. В. Щерба: «Совершенно очевидно, что хотя в процессах говорения мы часто просто повторяем нами раньше говорившееся (или слышанное) в аналогичных условиях, однако нельзя этого утверждать про всё нами говоримое. Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими сло-

варями, не только употребляем слышанные сочетания, но и постоянно делаем новые» [4, с. 24].

Как известно, возникновение языковых вариантов, оцениваемых как нормативные или ошибочные, обусловлено или непоследовательностями и противоречиями во внутренней системе литературного языка, или воздействием внешних факторов. Признание нормативности языкового факта опирается обычно на непременное наличие трёх основных признаков: регулярную воспроизводимость данного способа выражения; соответствие этого способа выражения возможностям системы литературного языка; общественное одобрение регулярно воспроизводимого способа выражения [5, с. 32].

При анализе ошибок СМИ было обнаружено, что наиболее часто в высказываниях журналистов и ведущих телевизионных программ встречаются плеоназмы, тавтология и немотивированное употребление однокоренных слов в узком контексте, что, безусловно, обеденяет речь, снижает её выразительность.

Не менее частотны недочёты, связанные с нарушением логичности высказывания. Такие ошибки делают речь непонятной и неточной: «Mən həmkarlarım da, biz ona uğurlar arzulayırıq» (Телеканал“ATV” 12.02.2010). В этом примере наблюдается как логическое несоответствие, так и речевая недостаточность, что затрудняет восприятие высказывания. Логическое противоречие имеет место и в следующем высказывании: «On nəfərlərlə azərbaycanlı bu döyüşlərdə iştirak edib» (Телеканал «Space» 19.05.2009). Возникновение такого рода ошибок объясняется подменой понятия, часто возникает в результате неправильного словоупотребления, связанного с неоправданным расширением или сужением понятия, нечётким разграничением конкретных и отвлечённых понятий.

Ещё один пласт распространённых ошибок – это грамматические ошибки, которые обусловлены нарушением грамматических законов языка, наблюдающиеся в образовании форм слова, и синтаксические, имеющие место при построении словосочетаний и предложений. Например, в газетах легко заметить чрезмерное осложнение предложений и нарушение лексической сочетаемости. Например: «Özünün ucbatı ucundan baş verib» (Телеканал “ANS”, 30.09.2009). Данные недочёты возникают тогда, когда говорящий или пишущий недостаточно хорошо владеет правилами образования форм слова, синтаксической сочетаемости слов в предложении.

Библиографический список

1. Ахундов А. А. Правила языка прессы. – Баку, 2001. – 102 с.
2. Адилов М. И. Язык газеты. – Баку, 1973. – 116 с.
3. Магеррамов Г. М. Аудиовизуальная речь. – Баку, 2002. – 444 с .
4. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 2004. – 234 с.
5. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. – М., 1989. – 208 с.
6. Ахмедлы Н. И. Визуальная культура речи журналиста. – Баку, 2002. – 63 с.

ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

А. В. Флоря
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
ГОУ «Оренбургский государственный университет»,
г. Орск, Россия

Summary. The article is dedicated to the sociocultural and intertextual components of the modern newspaper headers.
Key words: newspaper headers, sociocultural and intertextual components.

В данной статье критически анализируется концепция заголовков в современных СМИ, изложенная в кандидатской диссертации Д. А. Качаева «Социокультурный и интертекстуальный компоненты в газетных заголовках (на материале российской прессы 2000–2006 гг.)» [2]. (Далее фрагменты из неё цитируются без ссылок.)

Отметим принципиальный момент: диссертант ставит изменения в языке СМИ в зависимость от изменений в общественном сознании. Правда, во-первых, он в этом проявляет солидарность с авторитетами, во-вторых, он, по-видимому, де-факто стоит на позициях вульгарного социологизма, преувеличивая общественный фактор: «Изучению различных воздействий на язык СМИ посвящено огромное количество работ, в частности, основополагающие труды В. Г. Костомарова, Е. А. Земской, Ю. Н. Караулова, Г. Я. Солганика, Н. С. Валгиной, Л. И. Скворцова, Н. Н. Кохтева, Т. Г. Добросклонской, С. И. Сметаниной, Э. А. Лазаревой и др. Все они указывают, в первую очередь, на возросшую экспрессивность языка СМИ начала века, в котором реализуется установка автора-публициста на творчество, а не на стереотип».

Зададим ряд вопросов по существу. Каким образом было установлено, что экспрессивность СМИ резко возросла в начале XXI в.? Разве «перестроечная» публицистика не была повышенно экспрессивной? Чем вызвано это возрастание, если 2000-е гг. оказались более стабильными, чем «лихие» 1990-е, а общественное мнение – более апатичным? Разве эпохи относительной стабилизации не порождают как раз ориентацию на идеологические стереотипы?

Следующее утверждение Д. А. Качаева требует более подробного комментария: «В последнее десятилетие одним из самых распространённых способов выражения экспрессии является использование социокультурных и интертекстуальных компонентов. Это явление достаточно хорошо изучено применительно к языку художественной и художественно-публицистической литературы, но по отношению к языку СМИ оно исследовано ещё не в полной мере (Е. А. Земская)». Во-первых, нам не вполне понятно, что автор подразумевает под «художественно-публицистической литературой», противостоящей «языку СМИ», и самим этим языком. К художественной публицистике относятся, например, фельетоны, памфлеты, формально построенные как литературные произведения с вымышленными, условными, но типичными персонажами и сюжетами, а также конкретные тексты различных жанров – «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, «Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Город Жёлтого дьявола» А. М. Горького, «Одноэтажная Америка» И. А. Ильфа и Е. П. Петрова и др. А СМИ – понятие более широкое, чем пресса: это ещё и радио, телевидение,

интернет. Однако диссертант обращается только к прессе, даже не ко всей, а только к газетной. (Между прочим, к прессе относятся названные нами художественно-публицистические жанры – фельетоны и памфлеты, которые, по утверждению самого же Д. А. Качаева, уже «достаточно хорошо изучены».)

Во-вторых, к числу самых распространённых способов выражения экспрессии автор относит использование социокультурных и интертекстуальных компонентов. Как явствует из содержания автореферата, социокультурные компоненты отсылают к конкретным событиям, а интертекстуальные – к произведениям литературы и, реже, искусства, а также к фольклору и мифологии. Но отношение этих компонентов к экспрессивности не является прямым и однозначным. (Сами по себе эти компоненты могут иметь положительное или отрицательное значение, но в конкретном тексте оно может изменяться.) Экспрессивными их делают формы использования (например, употребление в переносном смысле, ирония, травестирование или, напротив, патетический тон) и способы введения (цитата, реминисценция, стилистический контраст и др.). При этом следует помнить о диалектическом единстве формы и содержания. Содержание и самого публицистического текста, и этих компонентов, как правило, определяет экспрессивную форму их воплощения.

Например, у В. С. Бушина есть памфлет «Филемон и Бавкида удивительного вида», посвящённый мемуарам Г. П. Вишневской, в которых большое место занимает рассказ о её семейной жизни с М. Л. Ростроповичем, в то время ещё живым. Тема памфлета – «идиллические» отношения знаменитых супругов, проявляющиеся довольно своеобразно. Например: «знаменитая оперная певица Галина Вишневская, советская звезда, обитающая ныне во Франции, (...) заявила, что в России пора вводить цензуру. Я её поддерживаю. Но в чём дело? Ведь мадам Звезда уж до того безбрежная демократка, такая пламенная прогрессистка, столь неукротимая воительница за приоритет прав личности! Оказалось, всё дело в том, что какая-то демократская газета, не то “Коммерсант”, не то “Независимая”, осмелились покритиковать её несравненного Филемона по имени Мстислав Леопольдович Ростропович – и этого для верной Бавкиды было достаточно, чтобы тотчас наплевать на все свои прогрессивнейшие убеждения, разметать либеральнейшие наряды и на всю Россию возопить: “Цензуру! Немедленно!”» [1: 166].

Итак, содержание образов Филемона и Бавкиды из «Метаморфоз» Овидия изначально возвышенно, т. е. содержит в себе некоторый положительный экспрессивный потенциал. Резкое несоответствие между традиционным смыслом этих образов и непрезентабельным содержанием статьи – скандалом вокруг «Филемона и Бавкиды» наших дней – порождает подобающую экспрессивную форму: саркастический тон памфлета и травестийное переосмысление знаковых овидиевых образов. То есть сами эти образы только создают возможность для *какого-то* экспрессивного их употребления, но та экспрессивность, которая актуальна для статьи, создаётся именно в её контексте. Эта саркастическая, травестийная экспрессивность выражается лингвистически – в том числе в заглавии: через рифму и перифрастическое определение «*удивительного вида*». Оборот «*удивительные Филемон и Бавкида*» можно было бы воспринимать и в положительном смысле: удивляющие своей любовью и верностью и т. п., но перифраз, да ещё создающий рифму, может читаться только иронически:

эти новые «Филемон и Бавкида» удивляют нас своим неприличным поведением (примеры которого в изобилии приводятся в статье).

Далее диссертант заявляет: «Интертекстуальные ссылки стали, пожалуй, самым распространённым приёмом построения заголовков газетных и журнальных статей в довольно широком круге изданий, и, прежде всего, в тех, которые подчёркивают свой разрыв с традициями советской журналистики». Это весьма спорный тезис. Во-первых, если взять статьи советских публицистов, то мы найдём у них немало интертекстуальных перекличек. Вот несколько заглавий фельетонов и очерков И. А. Ильфа и Е. П. Петрова: «Сделал своё дело и уходи» (отсылка к Шиллеру), «Горю – и не сгораю» (библейская реминисценция), «Как создавался Робинзон»; И. Г. Эренбурга: «Каштанка», «Преступление и наказание», «Когда волк начнёт блеять» (библейская реминисценция), «Возвращение Прозерпины», «Шаги Немезиды», «Русский Антей», «Фюрер играет Гамлета», «Мартовские иды».

Во-вторых, если мы возьмём статьи современных коммунистических публицистов – ветеранов ещё советской журналистики, разумеется, сохранивших преемственность с ней, то и у них найдутся многочисленные интертекстуальные заглавия. Приведём хотя бы примеры из творчества В. С. Бушина: «Чёрное и красное», «Осанка благородства», «Он всё увидит, этот мальчик» (строка из Я. Смелякова), «“Ваня Дылдин” из Совета Федерации» (персонаж В. Маяковского), «Я солдат ещё живой...» (строка из А. Твардовского), «Мы, волки, собак ненавидим» (строка из В. Солоухина), «Лукашка на трибуне» (отсылка к «Казакам» Л. Толстого), «Троянский конь в осаждённом городе Солнца», «Орфей в аду», «Зубы дракона», «Карнавальная дичь» (о фильме Э. Рязанова «Карнавальная ночь-2») и мн. др.

Социальный фактор, разумеется, важен, но его нужно, во-первых, трактовать более дифференцированно, во-вторых, сочетать с другими факторами (например, с функциональным, жанровым). Диссертант, по-видимому, исходит из априорной установки, что советская журналистика была «тоталитарной», чрезмерно идеологизированной и сводилась к банальной пропаганде, т. е. оперированию стереотипами, а либерально-демократическая печать реализует подлинную свободу творчества. Кроме того, подразумевается, что советская журналистика была примитивной и неинтеллектуальной (поскольку обращалась к «непросвещённым» «массам»). Это очень одностороннее и превратное мнение. Была, разумеется, и примитивная пропаганда, но ею картина советских СМИ не исчерпывается.

Экспрессивность – одна из важнейших черт публицистики, и советские СМИ – не исключение. Советские публицисты добивались выразительности, в том числе за счёт использования интертекстуальных мотивов.

С другой стороны, необходимо учитывать, что советская публицистика ориентировалась на конкретную тематику. У И. А. Ильфа и Е. П. Петрова – статьи, заметки, фельетоны, очерки на бытовые и социальные темы. Затрагиваются проблемы ремонта квартир, городского транспорта, обслуживания населения, бюрократизма – и это отражается в заглавиях: «На купоросном фронте», «Мне хочется ехать», «Дневная гостиница», «Сквозь коридорный бред» (о бюрократизме) и др. Характерны заглавия военных очерков И. Г. Эренбурга: «Париж под сапогом фашистов», «Фабрика убийц», «Пауки в банке», «Можайск взят», «“Новый порядок” в Кур-

ске», «Перегруппировка у Ленинграда», «В Берлин!» и др. Эти заголовки лаконичны, просты, информативны, по необходимости – выразительны. Заметим, что И. А. Ильф и Е. П. Петров, И. Г. Эренбург – интеллектуалы, литературные и публицистические произведения которых насыщены культурными реминисценциями. Но в приведённых выше заглавиях такие приёмы излишни.

Отметим также, что в заглавиях И. Г. Эренбурга используется и то, что Д. А. Качаев называет «социокультурным компонентом» – т. е. отсылка к реальности, к жизненному укладу, к важным для общества событиям: «Немецкое рождество», «Сталинград», «16 марта 1942 года (О Кнуте Гамсуне)», «15 сентября 1942 года (Письмо чилийскому поэту Пабло Неруде)» и др. И, подчёркиваем, эти заглавия вовсе не экспрессивны.

То есть И. Г. Эренбург прибегает к названным Д. А. Качаевым средствам, но использует их не очень часто, т. к. заботится не о языковой игре, а о точности, ёмкости, уместности формулировок, о действенности пропаганды.

Типология экспрессивных заглавий, предлагаемая Д. А. Качаевым, весьма проблематична по своей корректности. Она очень проста: заглавия, содержащие только социокультурный, только интертекстуальный компонент, а также то и другое. В принципе, такая система имеет право на существование, но с оговоркой, что на деле очень трудно выделить заголовки только с социокультурным компонентом, никак не вербализованным ни в каких текстах, не отраженным в художественной и иной литературе (и вообще в искусстве, т. к. диссертант подразумевает и это).

Берём подпункт «Заголовки, отсылающие к историческим фактам» и читаем: «Например, заголовки, содержащие намёки на события, которые происходили в Древней Руси, и в первую очередь в эпоху Смутного времени (*“Смутное ТВ”, “Смутные времена”, “Смутное время Израиля”, “Все на борьбу с Лжедмитрием”, “Мининским путём”*). Солидная группа заголовков отсылает нас к советской эпохе, начиная с событий 1917 г. и заканчивая перестройкой (*“Коммунальная Аврора”, “Декрет о земле”, “Вспоминая Ильича”, “Никого не раскулачат”, “Две оттепели”, “Крымская война. Холодная”, “Поднять железный занавес”*). Отдельная группа – заголовки, отсылающие к событиям Великой Отечественной войны (*“Битва за Севастополь”, “Сражение за Москву началось”, “Хроники блокады “Ленфильма”*)».

Уже некоторые из этих заглавий содержат отсылки к прецедентным текстам – заметке В. И. Ленина «Все на борьбу с Деникиным!», к «Декрету о земле». Образы «холодной войны» и «железного занавеса» отсылают к «Фултонской речи» У. Черчилля, хотя у последнего оборота история более сложная [Костомаров, 1961]. Он встречается у Г. Уэллса, В. Розанова и даже у Й. Геббельса. «Две оттепели» могут вызывать ассоциации с романом И. Г. Эренбурга «Оттепель», а также с одноименным стихотворением Н. А. Заболоцкого. Заглавие «Вспоминая Ильича» может перекликаться с названием спектакля Г. А. Товстоногова (о Ленине) «Перечитывая заново» (т. е. именно вспоминая Ильича). Формулировка «смутное время» постоянно встречается в классических трудах русских историков. «Блокада» «Ленфильма» отсылает не только к исторической блокаде Ленинграда, но и к роману А. Б. Чаковского «Блокада» (и даже к его экранизации – поскольку в заглавии статьи фигурирует киностудия «Ленфильм»).

Есть также «заголовки, намекающие на события Древней Руси и советской эпохи, в отечественной прессе встречаются и такие, в которых содержатся ссылки на факты западной истории (*“Крестовый поход на Россию”, “Железная бабушка”, “Колумб, открывший Козловку”, “Юг против Севера”*)». «Железная бабушка» – это прозрачная (для тех, кому известны такие вещи) аллюзия на пьесу Л. Зорина «Медная бабушка».

Странным образом в число заглавий, содержащих только социокультурный компонент, попали заголовки, отсылающие к мифам и легендам, «не зафиксированные в едином литературном источнике и составляющие основу устного народного творчества, так и выдуманные истории о реальных событиях и людях, не находящие исторического подтверждения». Заметим, что последние истории относятся к жанру анекдота, а не легенды. Кроме того, этот вид заглавий весьма неудачно проиллюстрирован такими примерами, как «*Елена Прекрасная и Роман Пребогатый*», «*Почему Кощей-Минфин “над златом чахнет”*». Елена Прекрасная упоминается в таком весьма конкретном литературном источнике, как «Илиада» Гомера (хотя именно такое наименование практически однозначно отсылает к оперетте Ж. Оффенбаха), а последнее заглавие ассоциируется не с народными сказками, а со строкой из «Руслана и Людмилы», это типичная реминисценция.

Очень некорректно Д. А. Качаев определяет круг интертекстуальных компонентов – сначала почему-то песни (в том числе русские народные, т. е. фольклорные, хотя выше мотивы фольклора были отнесены к социокультурным компонентам), лишь затем – художественные произведения, которые классифицированы как-то странно: 2) художественные произведения: а) романы, повести, рассказы; б) пьесы; 3) стихотворные произведения (т. е. получается, что стихотворные произведения – не художественные). В разряд стихотворных произведений входят «детские стихи, песни, шутки, прибаутки», т. е. в том числе произведения детского фольклора, а не литературы. Затем следуют: 4) названия кинофильмов и фразы из них («*Зима на Заречной улице*», «*Предложение, от которого нельзя отказаться*», «*Наши люди на Ferrari в булочную не ездят*»); 5) рекламные тексты («*Заплати – и спи… дома*», «*Шохин – это по-нашему*», «*Тапки грязи не боятся*», «*Тогда мы идём к вам*»); 6) названия телепрограмм и фразы из них («*Зам себе режиссёр*», «*“Зеркало” в русской эволюции*», «*Профессия – риэлтор*», «*Что в чёрном ящике?*») (между прочим, второй из этих заголовков отсылает к названию известной статьи В. И. Ленина о Л. Н. Толстом, а «Профессия – риэлтор» – правильно: «риелтор» – скорее ассоциируется с названием фильма М. Антониони «Профессия – репортёр»); 7) коммунистические лозунги и призывы («*Раввины всех стран, соединяйтесь*!», «*Молодым в езде у нас зачёт*», «*В царство моды дорогу грудью проложим себе*», «*Вся власть индейцам*») (предпоследний заголовок – отсылка не к лозунгу, а к революционной песне); 8) *научные* формулировки из области точных, естественных и гуманитарных *наук* (очевидная тавтология, не замеченная диссертантом!) («*Круговорот дыры в природе*», «*От перестановки букв…*», «*Фигуры умолчания*», «*Таблица размножения*»); 9) устойчивые выражения (т. е. фразеологические единицы – существует и такой жанр?) («*Лицо военной национальности*», «*Клиент всегда крайний*», «*Сами мы не местные*»); 10) названия произведений изобразительного искусства (почему только

изобразительного?) («*Явление президента народу*», «*Грачёв прилетел*», «*Предчувствие армянской войны*»).

Названия телепрограмм, рекламные слоганы, коммунистические лозунги, научные формулировки, фразеологизмы в качестве источников интертекстуальности – это очень расширительное толкование последней группы.

Библиографический список

1. Бушин В. С. Гении и прохиндеи. – М.: Алгорим, 2003. – 484 с.
2. Качаев Д. А. Социокультурный и интертекстуальный компоненты в газетных заголовках (на материале российской прессы 2000-2006 гг.): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – URL: http:/www.philology.sfedu.ru/doc/nlife/auto_kachaev.doc.

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ИХ ДЕФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

А. С. Гадакчян
Лицей № 13, г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article analyses the constructive role of context in dephraseologization of transformed phraseological units under double actualization, play of words and over-literal rendering of components.

Key words: transformed phraseological unit, context, double actualization, play of words, over-literal rendering of components.

Интенсивно развивающаяся в настоящее время фразеологическая контекстология исследует устойчивые единицы не столько в отношении их внутренних связей и закономерностей, сколько в процессе непосредственного функционирования в различных типах дискурса. В настоящей статье мы руководствуемся теорией фразеологического контекста А. В. Кунина, которая учитывает тот факт, что изучение фразеологической единицы (ФЕ) вне окружения и условий речевой реализации не даёт правильного представления о её природе и функционировании [Кунин, 1970, с. 45].

В рамках данного направления в последние годы появились исследования, в которых анализируются условия контекстуальной реализации различных структурных типов ФЕ, их актуализация в контексте в зависимости от целевой установки автора и когнитивных функций данного контекста [Артёмова, 1991]. В ряде работ предприняты попытки выявления характера причинных отношений между функционирующими в речи ФЕ и социальными факторами, влияющими на их функционирование, установления специфики взаимоотношений, складывающихся между внутренней семантической структурой ФЕ и её окружением [Башиева, 1995; Беручашвили, 1986; Буянова, Коваленко, 2004; Глотова, 1999].

В качестве отправной точки исследования в нашей статье проанализируем условия контекстуальной реализации трансформированных фразеологических единиц (ТФЕ), выявим роль контекста в генезисе данных ФЕ. Материалом для нашего исследования послужили ТФЕ, выявленные в языке современных англоязычных СМИ, которые, как представляется, яв-

ляются важнейшим источником пополнения фразеологического фонда языка.

На материале англоязычных СМИ игровая природа данных речевых образований мало изучена. Исследователями, в частности, отмечается, что одноконтекстное употребление авторских оборотов делает их единицами с узким объёмом значения (имеется в виду его денотативный аспект) и единичной сочетаемостью. Данные речевые образования представляют собой застывшие формулы, которые потенциально не допускают грамматических, структурных, семантических и стилистических изменений. Выходя за рамки индивидуального употребления в отдельно взятом газетном дискурсе, ТФЕ впоследствии потенциально могут превратиться в узуальные ФЕ.

В своём преобразовании языковой материи языковая личность журналиста занимает активную позицию, осуществляя не только отбор языковых средств, но и участвуя в моделировании нормы. Очевидно, что расширяя норму, журналист ориентируется на уже установившийся канон литературного языка. Таким образом осуществляется постоянное взаимодействие между языком газетной прессы и общелитературным языком.

Формируясь как результат актуализации асимметрии языкового знака, ТФЕ создают в тексте публикации стилистический (комический) эффект, таким образом привлекая внимание читательской аудитории к форме речи. Асимметрия формы и содержания ТФЕ предстаёт материальной предпосылкой языковой игры [Горбань, 2003; Гриднева, 1999]. В языке прессы данная игра возникает как результат тенденции к симметризации ФЕ в речи, что является необходимым условием для адекватного декодирования сообщения. Восприятие текста публикации оказывается возможным лишь при симметрии каждого языкового знака в нём. Если же в речи намеренно поддерживается асимметрия языкового знака, то для понимания текста требуется восстановление симметрии в каждом случае текстовой реализации этого знака.

Актуализатором асимметричности знака выступает контекст. В случае, когда контекст представляет собой множество потенциальных значений и реализует только одно, несущее однозначную информацию, он выступает в качестве симметризующего окружения знака и делает текст публикации однозначным. При такой организации контекста, которая не устраняет многозначности, происходит реализация нескольких парадигматически противопоставленных элементов плана содержания. Текст публикации становится амбивалентным, а сам контекст выступает в роли десимметризующего окружения.

При этом языковое выражение, осознаваемое как ФЕ, допускает вычленение элементарных знаков (слов, имеющих самостоятельное лексическое значение) [Золотых, 2000, с. 14–15]. Данное свойство и является источником асимметричности ТФЕ как языкового знака. Фразеологизация авторских оборотов в языке газетного дискурса предполагает приобретение ими элементов фразеологической устойчивости. Устойчивость непосредственно формируется в речевом употреблении. Данный факт диктует необходимость анализа речевого поведения исследуемых единиц в динамическом аспекте их актуализации.

Роль контекста является весьма специфичной при обыгрывании ТФЕ в тексте газетной публикации. При этом данное обыгрывание может реализовываться в результате таких речевых способов, как:

1. Двойная актуализации ТФЕ в тексте публикации. Реализация значений при двойной актуализации осуществляется последовательно. При этом высказывание, содержащее ТФЕ, либо само представляет контекст, в котором однозначно реализуется фразеологическое значение речевого оборота, либо последующее высказывание публикации представляют собой такой контекст. Последующее высказывание в данном случае представляет собой контекст, однозначным образом актуализирующий нефразеологическое значение оборота. Таким образом, имеет место дефразеологизация ТФЕ, порождающее в тексте комический эффект.

Ср.: (1) *"Vettel and team-mate Mark Webber, who finished third behind Fernando Alonso in the championship, were on stage together after flying in from the Red Bull headquarters in Salzburg. The staff packed into the car assembly area with glasses of champagne* ***to drink their hearts out*** *and welcome the winners...But Vettel and Webber have abstained from drinking hearts after the controversial season as they competed for the title and team principal Christian Horner..." (Express, 2009, June, 18).*

В данном отрывке автор публикации обыгрывает узуальную ФЕ *to eat one's heart out* (*чахнуть, изнывать от тоски*). ТФЕ приобретает контекстуальное значение (*компенсировать переживания посредством алкоголя*), дефразеологизируется под влиянием правого (*glasses of champagne*) и левого контекста (*have abstained from drinking hearts*), воспринимается как переменное словосочетание. Аранжировка контекста осуществляется автором таким образом, что обыгрывается значение дефразеологизированного выражения на фоне значения его прототипа.

Причиной возникновения экспрессивности в данном случае становится образность, эмотивность, компонентный (алогичный) состав дефразеологизированной структуры. Однако ведущая роль среди перечисленных факторов принадлежит образному компоненту, так как компрессия образа является основным нервом возникновения эмоциональной реакции читательской аудитории и, как следствие, экспрессивного воздействия ТФЕ. Семантическая двуплановость является причиной возникновения многочисленных ассоциаций, которые разрастаются в связи с нереальностью изображаемой в ТФЕ ситуации.

Речевое использование дефразеологизированных ФЕ в языке прессы можно определить как адаптивное совершение актов лингвистического выбора в порождении и в интерпретации, – выбора из вариативного и постоянного изменяющегося набора фразеологических средств воздействия в интерактивном усилии порождения воспроизводимого значения на уровне разговорной речи. Все связанные с этим в высшей степени динамичные процессы протекают в такой речевой среде, которая избегает жёсткой дихотомии между значением отдельной словоформы и синтаксическим шаблоном. Наиболее отчётливо в этом случае наблюдается работа таких ментальных феноменов журналиста, как восприятие и репрезентация.

Обыгрывание асимметрии дефразеологизированной ФЕ при её трансформации реализуется в тексте публикации последовательно. Особенно отчётливо это проявляется, когда реализация второго семантического плана ТФЕ осуществляется только непосредственно в последующем высказывании. Ср.: (2) *"In the wake of Sebastian triumph in becoming the youngest world champion in Formula One history on Sunday, Webber very*

much emerged as the forgotten man. He ***felt it in the bones****. But that must be the rheumatics…" (Express, 2009, Sept., 21).*

В высказывании *He felt it in the bones* реализуется фразеологическое словосочетание. В последующем высказывании в результате реализации нефразеологического значения данного словосочетания возникает другой план содержания, который дефразеологизирует исходную единицу. Актуализатором процесса дефразеологизации является слово *the rheumatics*.

По сравнению со своим прототипом ТФЕ обнаруживают семантические сдвиги в значении, которые повышают экспрессивность, способствуют яркости, значительно усиливают прагматический потенциал образованного переменного словосочетания. Причём наиболее часто встречающимися оказываются преобразования, касающиеся именно эмотивного или эмоционально-оценочного компонента значения.

Обыгрывание асимметрии языкового знака при двойной актуализации осуществляется посредством фиксации этой асимметрии. Два значения словосочетания – фразеологическое и нефразеологическое – находятся в состоянии диалектического противоречия, которое разрешается на стадии поляризации каждой из сторон, когда они противополагают друг друга и утверждают себя как противоположности. Процесс дефразеологизации задействует семантические отношения, при которых исходное, фразеологическое значение противополагается нефразеологическому значению, которое, в свою очередь, может быть алогичным, нереальным (ср. пример (1). Данное противопоставление, обусловленное, как правило, сдвигами в денотативном содержании ТФЕ, связано со сменой знака оценки.

Именно эмоциональный образ объекта публикации, заложенный в дефразеологизированной ТФЕ, образ, стоящий между мышлением и языком, становится основой широкого распространения данного средства речевого воздействия на читательскую аудиторию в языке современной английской прессы (особенно неофициальной). Заложенный в дефразеологизированных ТФЕ субъективный момент накладывается на объективную информацию, эпистемический аспект смыкается с аксиологическим.

Аксиологически выверенный стереотип расшифровки информации, закреплённый в двойной актуализации ТФЕ, воздействует на понимание и интерпретацию фактов бытия читательской аудиторией. Данная единица газетного дискурса выступает в роли регулятора когниции читателя. При этом журналист опирается на общекультурные сценарии оценочной деятельности и на аксиологические стереотипы, заданные современным языком, создавая их личностно ориентированную проекцию в языковом сознании для облегчения процесса кодирования/декодирования информации. По словам Н. Д. Арутюновой, в этом же коренится причина того, что «…соглашаясь с качественной характеристикой того или другого объекта, люди могут расходиться в его оценке, и ни один из них при этом не вступает в противоречие с самим собой» [Арутюнова, 1999, с. 167]. Индивидуальное приращение смыслов в процессе двойной актуализации ТФЕ, которая приводит к её дефразеологизации, объясняется определённой точкой отсчёта в когнитивном сознании журналиста, характеризующей его профессиональное «я», которое всегда индивидуально и по форме и по содержанию вербальной составляющей.

2. Каламбурное обыгрывание ТФЕ в тексте публикации. В данном случае контекст организован таким образом, что однократно упо-

треблённое в нём словосочетание одновременно воспринимается как свободное и как фразеологически связанное. В отличие от двойной актуализации при каламбуре актуализация отмеченных значений происходит одновременно, а не последовательно. Например: (3) *"He was arrested after a fracas in August during which a girl celebrating her 21st birthday was left* ***with a broken arm and heart****" (The London Paper, 2009, July, 24).*

В приведённом примере обыгрывается ФЕ *to break one's heart* посредством изменения её структуры (цельнооформленности). Лексема *broken* реализуется одновременно и в прямом (*with the broken arm*) и фразеологически связанном значении (*with the broken heart*). Другими словами, в высказывании, в котором употребляется ТФЕ, содержится актуализатор переменного словосочетания, что обусловливает некоторые семантические сдвиги в значении всей единицы в целом – увеличивается экспрессия, эмоциональность, оценочность и ироничность, сема стремительности, интенсивности проявления признака из периферийной зоны переходит в ядерную. Одновременная актуализация прямого и фразеологического значений задерживает на себе внимание читателя, и, как следствие, – облегчает воздействие на него.

3. Буквализация компонентов ТФЕ в тексте публикации. Буквализируемые компоненты с актуализаторами их свободного значения непосредственно содержатся в последующем высказывании. Например: (4) *"After a physical fight with fast bowler Wahab Riaz the fans kept kicking* ***him with elaborate compliments*** *the whole evening. They were* ***so alive****, that the only pleasant thing they* ***kicked*** *with* ***compliments****. They* ***are the only things*** *the fans can kick… But sometimes the fans kick each other" (The London paper, 2008, Feb., 12).*

Буквализация в данном случае способствует косвенному выявлению настроения объекта публикации в момент описываемых событий. Обыгрывая узуальную ФЕ *to pay compliments for smb.*, автор заменяет компонент *to pay* компонентом *to kick*, лексическое значение которого передаёт действие, достаточно неприятное для лица, испытывающего его. Таким образом в публикации выражается неприятие объектом публикации комплиментов со стороны его фанатов, неприятие их. С другой стороны, замена компонентов в анализируемой ФЕ осуществляется на прагматическом фоне другой ФЕ *alive and kicking*. Об этом свидетельствует предикативное выражение *they were so alive…*, которое в интенсифицированной форме передает воодушевление фанатов, их восторг по поводу победы объекта публикации в спортивном состязании. В тексте содержится намёк на ту ФЕ, которая стала производящей базой для трансформирования другой ФЕ, подвергающей в дальнейшем изложении буквализации.

В тексте публикации наблюдается столкновение фразеологически связанного и свободного значений глагола *kick*. В первом высказывании содержится ТФЕ (ФЕ-прототип подверглась структурно-семантическим изменениям). Более того, в состав ТФЕ было произведено вклинивание прилагательного *elaborate*, выступающего в функции определения и участвующего в распространении субстантивного компонента, наделяющего данный компонент дополнительной семантической нагрузкой с выдвижением её на передний план повествования. Благодаря выдвижению компонента *compliment* в высказывании усиливается стилистический эффект, достигаемый в результате буквализации компонента *kick* в последующем высказывании. Усиление происходит в результате того, что выдви-

жению подвергается иной, чем в анализируемом высказывании, компонент *kick*, причём «выдвижению» более заметному в силу того, что компонент *compliment* выдвигается в тесных рамках ТФЕ, а *kick* «вырывается» за рамки ТФЕ и предстаёт в свободном значении.

Результатом выдвижения в следующих друг за другом высказываниях различных компонентов является изменение не только сигнификативного, но и коннотативного значений данных высказываний. Если в первом высказывании выражается отрицательное отношение объекта публикации к своим фанатам, то во втором высказывании содержится ироническое отношение автора публикации к данной ситуации.

Буквализация компонента реализуется в тексте публикации в три этапа. На первом этапе в пропозиции к буквализируемому компоненту вводится слово, соотносимое с тем же словом, что и *kick* в буквальном значении. Компоненты *alive* и *kick* соотносятся через ФЕ-прототип *alive and kicking*. *Alive* предстаёт первым антиципирующим актуализатором свободного значения глагола *kick* в последующем высказывании.

На втором этапе компонент *kick* в определённой степени актуализирует одновременно фразеологически связанное и свободное значения. В высказывании *They (compliments) are the only things the fans can kick* фразеологическое значение глагола *kick* ослабевает, однако свободное ещё полностью не реализуется. В данном случае ТФЕ подвергается контекстуальной модификации: используется интенсифицирующая конструкция, введение одних компонентов и элиптирование других (компонент *smb*). Однако несмотря на структурно-семантические преобразования, потери связи между ТФЕ и его узуальным прототипом (*to pay compliments for smb.*) не происходит. На третьем этапе наблюдается полное высвобождение фразеологического значения глагола *kick* в результате распада ТФЕ.

Таким образом, умелая эксплуатация асимметрии ТФЕ как языкового знака осуществляется автором публикации либо посредством столкновения двух симметризующих контекстов – фразеологического и нефразеологического, как при прямой и обратной буквализации и двойной актуализации, либо путём организации десимметризующего контекста, как это имеет место при каламбурном обыгрывании ТФЕ.

Библиографический список

1. Артемова А. Ф. Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 1991. – 45 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
3. Башиева С. К. Стилистический компонент фразеологического значения: Автореф. дис. … докт. филол. наук. – Краснодар, 1995. – 38 с.
4. Беручашвили И. Г. Системные и речевые интенсификаторы в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тбилиси, 1986. – 21 с.
5. Буянова Л. Ю., Коваленко Е. Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. – Краснодар: КубГУ, 2004. – 194 с.
6. Глотова Е. А. Внутренняя форма как элемент фразеологического значения // Динамика фразеологического состава языка. Тез. докл. междунар. научн. конф. – Курган: Курганский гос. ун-т, 1999. – С.18–19.
7. Горбань И. В. Авторские преобразования устойчивых выражений в языке художественных произведений // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: мат-лы 2-й межвуз. докторантско-аспирантской науч. конф. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003. – С. 177–182.

8. Гриднева Т. В. Прагматический аспект коннотативного элемента семантической структуры фразеологических единиц // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии: тез. докл. Междунар. конф. – Волгоград: «Перемена», 1999. – С. 12–14.
9. Золотых Л. Г. Фразеологическое значение и его смысловая реализация в речи: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 47 с.
10. Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ НЕМЦЕВ КАК ОТРАЖЕНИЕ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ XVIII В.

Е. О. Ершова
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия

Summary. The article is about the enlightener's activity of German and Russian writers and translators. The reasons of studying Russian language by the Germans in the XVIII th century are researched, basing on the analysis of his teaching and methodical books for foreigners.

Key words: enlightenment; presentation of material; German-speaking audience; educational supplies; missionary role; popularization.

Крупные преобразования в разных областях жизни русского общества XVIII века в корне изменили весь общественный строй России. Петровские реформы обусловили интенсивный рост российской культуры, затронув при этом, конечно же, и сферу просвещения. Стоит, однако, отметить, что все инновации и нововведения даже в этой области происходили благодаря непосредственному влиянию Запада. Всеобщее стремление приобщиться к западной цивилизации повлекло за собой поиск путей для решения задачи, связанной с подъёмом уровня образования у россиян. По мнению Петра, существовало два выхода из сложившейся ситуации: приглашение иностранных специалистов или, наоборот, обучение российской молодёжи за рубежом.

В первом случае поток европейцев, готовых способствовать учебно-образовательному процессу, хлынул в Россию и обходился русской казне совсем не дёшево. Среди приехавших учёных, педагогов (в принципе, как и среди профессионалов других областей) в большей степени преобладали представители немецкого государства. Первой проблемой для этих эмигрантов была адаптация на новой родине, а также сближение с её менталитетом, духом и культурой. Очевидно, что без знаний языкам это было сделать практически невозможно, поскольку если «культуру можно определить как то, что делают и думают», то «язык же есть то, как думают» [5, с. 171–172].

Зарубежные стажировки представителей княжеских семей, являющиеся вторым вариантом устранения проблемы, не просто поощрялись правительством Российской Империи, но и были обязательно-принудительными, поскольку вместе со своим обучением в ведущих университетах разных стран они несли сведения о России и её народе во все уголки Европы, привлекая тем самым внимание иностранцев и к языку.

Овладение русским языком стало едва ли не обязательным этапом в жизни всех приезжающих немецких специалистов и тех, кто, находясь за

пределами российской Империи, через изучение языка пытался понять «русскую душу».

Следствием обеих предпринимаемых императором попыток, направленных на повышение статуса Российского государства в мировом пространстве, стала возросшая потребность в учебных пособиях по русскому языку. Что касается новоиспечённых жителей Российской Империи, то для них большое значение приобрели учебники русского языка и грамматики практической направленности. В первом случае это были в основном хрестоматии или сборники литературных и исторических произведений, способные продемонстрировать неординарность российской прозы и поэзии, а также рассказать о величии далёкого государства.

Несмотря на то, что история изучения русского языка как иностранного насчитывает более тысячи лет, (со времён Киевской Руси и правления князя Владимира), именно XVIII век можно полноправно считать эпохой, когда российское языкознание, филология и методика преподавания языка переживали небывалый подъём: ориентированные на европейцев пособия ограничивались далеко не единичными экземплярами. Важно учитывать, что к ещё концу XVII века, как утверждал в 1904 г. в своём курсе по русской истории В. О. Ключевский, иностранцам «недоставало необходимых учебных пособий» по русскому языку или «они были очень дороги» [1, с. 545]. Первые печатные руководства для немцев по изучению языка московитов или жителей Псковской и Новгородской областей XVI и XVII веков были штучным материалом, поскольку язык реального общения и язык на котором всё-таки издавались отдельные книги, в то время кардинально разнились[2].

Однако с 1700 г. при непосредственном участии российских и зарубежных лингвистов-языковедов появилось большое количество учебников русского языка разных жанров. Это были *грамматики языка Российской Империи, номенклатурные каталоги, словари, справочники, методические указания, лексиконы, разговорники, целлариусы, хрестоматии, нравоучительные разговоры, сборники коммерческих и военных писем, вспомогательные пособия и издания для тренировки переводческих навыков с русского языка на немецкий и наоборот*. При этом как обязательные единицы образовательного процесса – учебники русского языка XVIII века для немцев имели множество отличительных черт, хотя главной особенностью всех этих книг было то, что кроме достижения учебно-методических задач, т. е. обучения языку, они содержали важные сведения о России.

Во-первых, подобные учебники любого языка как иностранного были «органичным средством не только формирования, но и укоренения определённого образа соответствующей страны и народа во внешнем мире» [4, с. 54].

Во-вторых, наиболее значимо было то, что кроме становления образа России, пособия подобного рода способствовали популяризации русско-

---

[2] В XVII в. письменные источники были зачастую исключительно на церковно-славянском языке, который имел лишь относительные сходства с разговорными формами языка. Известно, что лишь в начале XVIII в., в связи с утратой церковью той роли, которую она играла в предшествующие века, живой русский язык (именно язык господствующего класса – дворянства) вошёл в употребление в качестве литературного языка, церковно-славянский же язык в полной мере сохранился лишь для произведений церковно-религиозного характера [2].

го языка и русской культуры за границей, отражая изменения, происходящие в общественной, политической и социально-экономической жизни России. Более того, не трудно будет предположить, что логичность подачи материала в печатных учебниках, ясность, доступность грамматического материала по русскому языку и, напротив, языковое богатство литературных произведений, содержащихся в хрестоматиях для чтения, делали учебный процесс увлекательным, способствуя тем самым привлечению внимания со стороны всё новых и новых учеников. Более того, «благодаря тому, что составлением учебников занимались первоклассные учёные, совмещавшие эти занятия с научными исследованиями, знавшие современное состояние своих наук, учебники создавались на высоком теоретическом уровне, с учётом новейших открытий и достижений в науках, носили практический характер, были прекрасно иллюстрированы, содержали продуманные методические рекомендации – и это позволило им надолго остаться актуальными» [6, с. 37–38].

Принимая во внимание тот факт, *где, кто и с какой целью* создавал учебник русского языка для немецкоязычной аудитории, содержащийся в нём материал (да и сама книга непосредственно) выступал одновременно и как объект, и как субъект миссионерства. В одном случае речь шла о заинтересованности немцев в изучении языка Российской Империи, а также о числе тех, кто стремился овладеть русским языком, а в другом – о способствовании со стороны учебного пособия дальнейшей популяризации этого языка.

Анализируя учебные пособия по русскому языку I половины XVIII в. для немцев, можно выделить два основных корпуса. В первую очередь это были русско-немецкие лексиконы и словари И. Ф. Копиевского, П. Я. Марпергер, Э. Вейсманна, Х. Целлария. Их своеобразие заключалось в том, что язык первых десятилетий XVIII в. характеризовался «пестротой лексического состава», сохраняя нередко «элементы церковно-славянского языка», но наряду с этим демонстрируя «большое количество элементов обычного разговорного языка» [2]. Заимствованная русским языком терминология Западной Европы промышленной, морской, юридической, административной, военной сферы, также нашла своё отражение в издаваемых словарях и лексиконах[3]. Не вызывает сомнения то, что лексикографические работы этого периода стали индикатором экономических и политических преобразований в стране и в мире. Именно такое единодушие между учебным материалом в подобных работах по русскому языку для иностранцев и реально существующей языковой ситуацией повседневного общения можно расценить как показатель востребованности лексикографических работ и актуальности их издания. При этом многочисленные переиздания книг подобного рода являются бесспорным доказательством того, что и словари, и лексиконы в свою очередь способствовали распространению русского языка среди немцев и расширению круга стремящихся овладеть языковым наследием российского народа.

Другим, не менее значимым учебно-методическим корпусом первой половины XVIII в. являлись грамматики русского языка, предназначенные для немецкоязычной аудитории. Вопреки существующему мнению по поводу того, что язык петровской эпохи характеризовался большой неустой-

[3] Известно, что такие заимствования, главным образом в области технической терминологии, проникали в русский язык и раньше, но сравнительно в небольшом количестве [2].

чивостью стиля и отсутствием строго выработанных грамматических норм [2], не только русские языковеды, но и сами немцы, создавая учебники для своих соотечественников, стремились систематизировать уже имеющиеся достижения в этой области и разработать более чёткие и лаконичные правила в грамматике русского языка. Своими стараниями авторы этих учебников, такие как Й. Э. Глюк, И. В Паус, В. Е. Адодуров, Я. Родде и др., содействовали пропаганде русского языка среди немецкоязычного населения.

Что касается второй половины XVIII в., то как на Западе, так и в России, разумеется, продолжали предприниматься попытки усовершенствования учебных пособий по русскому языку для немцев. Преследуя цель закрепления полученных теоретических грамматических знаний, в них стали широко использоваться грамматико-переводной и текстуально-грамматический методы. И первый и второй активно использовались в третьем корпусе учебной литературы по русскому языку для немцев, включающем в себя хрестоматии и книги для чтения. Пособия подобного рода предоставляли немецким читателям возможность познакомиться главным образом с рассказами исторического плана и сообщениями публицистического характера, а также поупражняться в переводе данного материала с одного языка на другой. Работы К. Ф. Швана, И. Гейма, Й. Г. Георги, И. Рихтера, К. Мейнерса и др. включали в себя письма немецких офицеров, сравнительный анализ культуры, обычаев, традиций и образа жизни жителей старой и новой России, русские анекдоты, дорожные заметки русского путешественника, географические и исторические описания Российской Империи и её столицы и тому подобное.

Не стоит упускать из внимания то, что в конце XVIII в. власти Российской Империи предприняли ещё одну попытку реформы образования и воспитания. В основу этих педагогических изменений были положены призывы французских и английских просветителей, следствием чего стало массовое издание книг, где в рассказах и повестях проповедовались высокие гражданские чувства, благородные поступки, а так же идеи неразрывности интересов дворянства и самодержавной государственности. Все литературные произведения подобного жанра нашли довольно большое применение в учебных пособиях третьего корпуса по русскому языку. Именно такой новый тип учебников-хрестоматий позволял учесть повышенный интерес иностранцев к русской литературе. Обновлённые учебники, направленные на нравственное и эстетическое воспитание, также способствовали расширению сферы изучения, а потом и использования русского языка.

Подтверждением вышесказанному могут служить слова римского императора Карла V, опубликованные М. В. Ломоносовым в предисловии к своей грамматике XVIII века: «Ишпанскимъ языкомъ съ богомъ, Французскимъ – съ друзьями, Нѣмецкимъ – съ непріятельми, Италіянскимъ – съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но естьли бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Ишпанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Италіянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и латинскаго языка» [3, с. 6–7].

Подхваченные волной просвещения, нравоучительные истории, разговоры этического плана, сказки и драмы, «служащие воспитанию бла-

городного юношества» таких писателей-лингвистов как Я. М. Родде, М. Крамер, И. Я. Душ, Ж. Ф. Вегелин, Л. Фит и др., стали не только настольными книгами для многих молодых людей, но и учебным материалом по русскому языку в большинстве школ и гимназий. Сентиментализм, присущий художественным произведениям конца XVIII в., также непосредственно повлиял и на внутреннее текстовое наполнение учебных хрестоматий по русскому языку, книг для чтения и сборников переводов. Произведения российских авторов, передававшие глубокие чувства простых людей, демонстрирующие внутренний мир крестьян, описывающие нравы помещиков не могли в немецком переводе передать всю самобытность и уникальность русского языка. Так, в отзыве на немецкий вариант комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (*Das Muttersöhnchen. Ein Lustspiel in 5 Aufzügen. Aus dem russischen Original betitelt: Nedorosl. – Leipzig, 1787. – 176 S.*), сделанном в журнале «Journal von Russland» (1794), издатель И. Г. Буссе давал беглую оценку того, что при переводе этого произведения были стёрты «многие черты, а многие другие покажутся слишком резкими и грубыми тому, кто эти обычаи не очень хорошо знает» (цит. по: [7, с. 334–335]). Всё это побуждало представителей немецкоязычной аудитории овладеть русским языком, чтобы впоследствии быть в состоянии прочесть подобные литературные произведения уже в оригинале.

Бесспорно, что изучение русского языка за рубежом стало действительно актуальным лишь после выхода Русского государства на международную арену, при этом в Западных регионах Европы обучение проходило по-разному. К тому же было бы неверным, говоря об учебниках русского языка XVIII века для немцев, игнорировать наличие большого количества «трудностей» в этих книгах. Так, например, «западные учебники грамматики русского языка исстари спотыкались о трудность втолковать европейцам глубоко чуждое им фонологическое противопоставление» ряда звуков [8, p. 191]. Что касается методической стороны подобных книг, то её хорошо характеризуют следующие слова: «неуклюжие и притом трудно добываемые учебники, с приёмами тогдашней педагогии, вовсе не желавшей нравиться учащимся» [1, с. 545]. Вдобавок ко всему прочему, новоиспечённые учебники заключали большое количество ошибок и опечаток, хотя многие из них в дальнейшем были исправлены и откорректированы.

Несмотря на то, что учебные пособия по русскому языку для немцев не были единственным средством в деле распространения русского языка (даже «в пределах самой образовательной системы существуют <…> и другие источники <…> например <…> пособия по географии, по <…> истории» и т. д. [Милославская, 2008, с. 54]), в XVIII веке авторы этих книг выполняли миссионерскую роль, популяризируя изучение языка Российской Империи по всей Германии.

Библиографический список

1. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций / послесловие, комментарии А. Ф. Смирнова. – М., 2004. – 831 с.
2. Лебедев-Полянский П. И., Пильщиков И. А. Литературная энциклопедия. – Т. 10. – М., 1937. – [Электронный ресурс]. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/
3. Ломоносов М. В. Российская грамматика. – СПб., 1755. – 213 с.
4. Милославская С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. – М., 2008. – 400 с.
5. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // пер. с англ. А. М. Сухотина. – М.; Л., 1934. – 224 с.

6. Смагина Г. И. Санкт-Петербургская Академия наук и просвещение в России ХУШ века: образование и распределение знаний: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2007. – 54 с.
7. Хексельшнайдер Э. О первом немецком переводе «Недоросля» Фонвизина // XVIII век. Сборник 4. – М.; Л., 1959. – С. 334–338.
8. Jakobson R. Selected writings. – Berlin; New York, 2002. – 779 p.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Л. С. Джуманова, Г. М. Байдельдинова, Г. М. Магауина
Карагандинский государственный технический университет, г. Караганда, Казахстан

Summary. The article is devoted to the problem of teaching reading scientific-technical literature in a foreign language. It includes the texts, which can be translated with dictionary and without it. It considers the criterion of texts for reading without vocabulary.
Key words: scientific-technical literature, foreign language, vocabulary.

Огромные социальные преобразования, происходящие в нашей стране, бурный научно-технический прогресс предъявляют всё более высокие требования к обучению и воспитанию каждого человека, к его образованию и воспитанию, вообще к его психическому развитию.

Преподавание специальных дисциплин на иностранном языке в вузе выдвигает в качестве одной из важнейших практических задач обучение будущего специалиста профессионально-ориентированному чтению научно-технической литературы. Поскольку чтение является одним из видов речевой деятельности, то виды чтения следует классифицировать по тем коммуникативным задачам, которые они призваны выполнять. Практически специалисту в его работе с литературой на иностранном языке потребуется овладеть умением чтения текстов, которое даёт возможность:

9. просмотреть предложенный материал, с тем чтобы понять общий смысл текста (просмотровое чтение);
10. извлечь из него конкретную информацию (поисковое чтение);
11. внимательно прочесть текст и максимально понять его (детальное чтение).

С самого начала следует ориентировать студентов на достижение их конечной цели при чтении – понимание литературы по специальности не только с помощью словаря, но и без словаря.

Путь к повышению эффективности обучения чтению лежит через более широкое внедрение беспереводного и бессловарного чтения.

Как научить студента читать тексты по специальности?

В ходе работы над оригинальным текстом под руководством преподавателя студент должен овладеть навыками синтетического чтения. С первого дня обучения необходимо развивать у студентов чувство языка, языковую догадку, умение схватывать общее содержание читаемого. Если студенты с первых же дней пребывания в вузе начнут приучать себя вчитываться в незнакомый иностранный текст без помощи словаря, то позже, когда будет накоплено достаточное количество частотной лексики и приобретён опыт учебы в вузе, они будут понимать иностранный текст без

особых затруднений. Такое чтение предполагает, что читающий не испытывает проблем, связанных с декодированием иностранного текста, и по затратам времени чтение иностранного текста приближается к чтению соответствующей научно-технической литературы на родном языке. Следующий этап предполагает руководство чтением специально отобранных текстов по специальности.

Модельный текст не должен быть излишне перегружен сложными грамматическими явлениями и незнакомыми словами. По мнению методистов-исследователей, в таком тексте должно быть не более 5–10 % незнакомой лексики. Однако с грамматической точки зрения такой текст не может быть и совершенно «стерилизованным», так как для чтения спецлитературы студентам предлагается всё же оригинальный текст. На этом этапе важно ознакомить студента со структурой текста, его композиционными особенностями, что даёт навык вычленения основной мысли текста, лексико-грамматических моделей, характерных для научно-технического текста. Так, в композиционно правильно организованном тексте основная мысль заключена в первом абзаце. Пользование словарём само по себе не учит ни иноязычному мышлению, ни пониманию его особенностей. Даже в большом контексте студенты часто обращаются со словом как с изолированной единицей, что приводит как к неоправданным временным затратам, так и многочисленным и разнообразным ошибкам при переводе. В этом может помочь ориентирующее чтение, под которым понимается первичное чтение текста без словаря с целью понимания общего содержания читаемого. В процессе такого чтения студенты, опираясь на знакомые лексические и грамматические явления, устанавливают незнакомые лексические единицы, определяют по формальным признакам их функции в предложении и подходят к осмыслению значений, способствующих как развитию интуиции, так и логики. Количество лексики (2500 ед.), можно считать достаточным для создания возможности реального чтения спецлитературы. Для этого требуется тщательная организация работы со словарем: должен быть составлен потенциальный словарь-минимум, в основе которого лежат наиболее частотные словообразовательные элементы и модели.

Самостоятельная работа над текстом является вполне доступной для студента, поскольку при этом он использует как базовые знания, полученные при изучении специальных дисциплин, так и лексико-грамматические структуры, изучаемые им в ходе аудиторных занятий по иностранному языку. В качестве эффективного приёма, способствующего усвоению наиболее употребительных слов и главным образом терминов, предлагается работа студента по составлению собственного, постоянно пополняемого терминологического глоссария, используемого при чтении нового материала по специальности. Такой глоссарий, с одной стороны, может активно использоваться студентом для самоконтроля, а с другой стороны, позволяет преподавателю оперативно контролировать и дифференцированно оценивать знание словаря-минимума.

VI. ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ ЖАНРООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРИЗНАКИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК

Н. Г. Титова
Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Казань, Россия

Summary. This article is devoted to the study of a riddle genre as a way of the reflection of the national "picture" of the world. Its aim is to reveal the most common obligatory features of Russian and English folk riddles.

Key words: folk riddle, culturally-marked text, enigma, enigmate, enigmator, coding object, definition, incongruence, metaphor.

Текст, являясь одним из способов существования языка, способен отражать национально-культурную специфику того или иного этноса. В современной лингвистике различают культурно-нейтральные и культурно-маркированные тексты. Загадки играют немалую роль в накапливании и передаче коллективного опыта из поколения в поколение, поэтому они являются культурно-маркированными текстами, так как сквозь призму загадки можно проникнуть в образ мышления нации, а также взглянуть на мир глазами носителей этой культуры.

Загадка – это иносказательное описание объекта или его функций, осуществляемое посредством введения в текст семантически неоднозначных конструкций (метафоры, игры слов, парадокса, каламбурного алогизма и т. п.), с целью общения, обмена информацией, проверки сообразительности, а также праздного развлечения слушающего/читающего.

Присущие загадкам иносказательность, богатство образных ассоциаций, смысловая ёмкость, структурно-семантическая завершённость и, несомненно, близость к народной речи позволяют рассматривать данные микротексты в качестве репрезентантов общей языковой системы, освоенной в практике целой лингвокультурной общности.

Многие исследователи, исходя из того, что загадка загадывается в расчёте на разгадку, определяют её как текст в форме вопроса и ответа. Данного определения относительно формы народной загадки придерживаются такие языковеды, как Р. Абрахамс (1972), Д. Дандес (1929), Ю. М. Соколов (2007).

Согласно определению Ю. Г. Илларионовой загадка может принимать три формы: простого вопросительного предложения, простого повествовательного, а также сложного повествовательного предложения, в которых вопрос присутствует в скрытой форме.

М. А. Рыбникова, поддерживая Ю. Г. Илларионову в том, что «свежая, сохранившаяся загадка звучит повествованием» [1, с. 22], наряду с этим выявляет форму диалога и рассказа.

П. Г. Богатырёв, Н. И. Кравцов, С. Г. Лазутин, А. П. Квятковский, В. В. Митрофанова определяют загадку как «построенное в виде иносказания небольшое фольклорное произведение, содержащее замысловатый вопрос, на который необходимо дать исчерпывающий ответ» [2, с. 83].

В. П. Аникин, А. П. Квятковский В. В. Митрофанова, Д. Н. Садовников обращают внимание на поэтическую природу народной загадки. И, несмотря на то, что большая часть народных загадок посвящена самым простейшим и привычным предметам домашнего обихода, а также домашним животным и природным явлениям, они (загадки) раскрывают поэтическую сторону в этих предметах и явлениях, открывая «полный простор для творческой фантазии народа» [3, с. 258].

Загадка является одним из немногих «взаимных» жанров, может быть даже единственным, реализуемым двумя активными исполнителями, так как при загадывании загадок один из участников произносит описательную часть загадки, а другой – ответ.

Таким образом, основным жанроопределяющим признаком загадки является её двухсоставная структура, то есть наличие энигмата и энигматора.

По определению Е. А. Денисовой, энигмат – это денотат имени отгадки. Энигмат в свою очередь сопряжён с энигматором, объектом, с которым энигмат ассоциирован, на который он спроецирован (ассоциат).

Другими словами можно сказать, что энигматом в загадке выступает заданное, искомое слово. Энигматор же – это так называемая кодирующая часть, описание этого слова.

Типичной «истинной» загадкой, по мнению Р. Петша, является загадка, которая состоит из пяти элементов: 1) предисловие (вступительный фрагмент); 2) непрямое обозначение; 3) описание; 4) противопоставление или введение в заблуждение (инконгруэнтная часть загадки); 5) заключение.

Первый и пятый элементы являются обрамлением, украшающим и дополняющим композицию загадки. Обрамление отличается лингвистически своим формульным характером, задачей которого является привлечение внимания адресата загадки. Данные элементы загадки не являются носителями нужной для реципиента информации. Второй и третий элементы – неотъемлемая часть системы, это своего рода ядро загадки, четвёртая же является необязательной, но достаточно распространённой составной частью, целью которой является привнесение дополнительного затруднения в разгадывание загадки. Например: ***«As I was going through the garden gap, / I met Dick with his red cap. / A stick in his hand, stone in his throat. / If you guess this riddle, / I'll give you a groat» (cherry)*** – букв. «Когда я проходил через сад, / То встретил Дика в красной шапочке. / Он был с палочкой в руке и камнем в горле. / Если отгадаете загадку, / Я дам вам монетку» (вишня).

Первая и последняя строчки являются обрамлением, клишированным введением и заключением, не имеющими никакой другой необходимой функции; ***Dick*** – называющий компонент ядра, который даёт непрямое обозначение загадываемому предмету; ***with his red cap*** – описывающий компонент; ***a stick in his hand, stones in his throat*** – дополнительный описательный компонент, вводящий в заблуждение и тормозящий разгадывание загадки. Инконгруэнтность, под которой понимается внутренняя конфликтность описания загадываемого предмета, заключается в том, что в нём соединены фигуративное и буквальное описание, причём неприметный, бесшовный способ соединения сбивает с толку.

Джон Гриндер и Ричард Бэндлер в книге «Структура магии» (2008) дают следующее пояснение данной ситуации: «часть референтной струк-

туры индивида, выраженная одной репрезентативной системой, согласуется с частью референтной структуры индивида, выраженной другой репрезентативной системой. О такой ситуации мы говорим как о непротиворечивом двойном сообщении или конгруэнтности, или конгруэнтной коммуникации»... если же «часть референтной структуры, выраженная средствами одной репрезентативной системы, не согласуется с частью референтной структуры, выраженной в другой репрезентативной системе... мы говорим о противоречивом двойном сообщении, инконгруэнтности, или инконгруэнтной коммуникации» [4, с. 46].

Загадку, в которой присутствуют все пять компонентов, Р. Петш называет нормальной (в смысле задающей норму) и признает её редкой.

Необходимо отличать истинную загадку (true riddle) от ложной, которая представлена такими категориями энигматики, как: шееспасительная загадка (neck riddle), арифметическая головоломка, конандрум (conundrum), хитроумный ответ, литературная загадка. Последняя часто ставится на одну ступень с народными. А. Тэйлор же указывает на её принципиальное отличие от народной загадки: многословность, отсутствие определённой структуры и определённого функционального места в жизни.

Исследуя структуру загадки, предложенную Р. Петшем, А. Тэйлор внутри загадочного описания выделил два резко контрастных, противоречивых компонента, которые и вызывают изрядные затруднения в разгадывании, один компонент имеет метафорический характер, а другой – буквальный, тем самым сбивая с толку, сливаясь в зашифрованном фразовом единстве: ***«A bridge on the lake without stick and without stone» (rainbow)*** – букв. «Мост на озере, без бревна, без камня» (радуга).

Однако не стоит исключать того, что в каждом собрании загадок из устной традиции присутствует большое число вариантов истинной полноценной загадки, слабых подобий, которые в той или иной степени не согласуются с её структурными представлениями. Данные несовершенные разновидности, которые порой доходят до такой степени примитивизма, что не обладают никакой структурной сложностью, состоят в генетическом родстве с морфологически совершенными истинными загадками и имеют полное право на то, чтобы быть причисленными к данному жанру энигматики.

Арчер Тэйлор выдвинул соображение о том, что сложнейший из видов истинной загадки, находимых в зарегистрированных традициях, должен быть её древнейшим видом. Исходя из этого С. Я. Сендерович сформулировал следующий исторический тезис: «подлинная загадка, структурно наиболее сложная форма среди сохранившихся народных загадок, должна быть признана родоначальницей дошедших до нас форм, тогда как остальные формы должны считаться более поздними пришельцами и продуктами её упрощения» [5, с. 79].

Как показывают работы языковедов и фольклористов, главная роль в отражении действительности в загадке отводится метафоре. Образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями.

«Метафора эмоционально-оценочна по своей сути. Она затрагивает сферу импликационала лексического значения слова, а именно его коннотации, которые содержат не столько логические представления об объекте или явлении реального мира, сколько представления и ассоциации, воз-

никающие у представителей той или иной лингвокультурной общности в связи с ним» [6, с. 56].

Как правило, именно метафорические загадки имеют в образной части полнозначные метафорические эквиваленты энигмата, то есть выраженные существительным, а не местоимением или именем собственным: ***«Серое сукно / Тянется в окно» (дым); «Весит петушок / Без кишок / И всё пить просит» (рукомойка); «Little barrel of gold on a miry road» (sun)*** – букв. «Маленькая бочка золота на грязной дороге» (солнце); ***A golden apple, a marble wall, / Thieves came in and stole it all» (egg)*** – букв. «Золотое яблоко, мраморная стена, / Зашли воры и всё украли» (яйцо); отгадка соотносится с развёрнутым образом, охватывающим всю кодирующую часть.

В избрании предмета замещения наблюдается определённая закономерность. Если речь идёт о простом, бытовом предмете, то для замещения будет избран предмет более «возвышенный», из более серьёзной, высокой сферы деятельности, и наоборот.

Формально к метафорическим относятся загадки, функцию энигматора в которых выполняет антропоним. Имя собственное может участвовать в звуковой организации загадок: ***«Жил Корнил – / Всех людей кормил, / Умер – под тын головою, / Никто по нём не плачет» (горшок); «Mary Mack all dressed in black, / Silver buttons down her back» (coffin)*** – букв. «Мэри Мэк вся в чёрном / С серебряными пуговицами на спине» (гроб); или же иметь мифологический или теологический подтекст: ***«Ходит Хам по лавке / В хамовой рубашке, / Открою окошко: / Выдь, Хам, вон» (дым курной избы). Хам*** – сын ветхозаветного патриарха Ноя, проклятый отцом за непочтительность. «***There was a thing just four weeks old, / When Adam was not born, / Before that thing was five weeks old, / Old Adam was fourscore» (moon)*** – букв. «Когда ей было четыре недели отроду, / Адам ещё не был рождён, / Прежде чем ей исполнилось пять недель, / Адаму уже исполнилось восемьдесят» (луна).

«Организация текста при помощи метафоры наиболее характерна для народных загадок. Несмотря на очевидную трудность разгадывания, такое построение оказывается универсальным с точки зрения композиции и смысла: точный и ёмкий образ воплощается в лаконичной и чёткой форме» [6, с. 64].

Однако не следует воспринимать метафору как единственно возможный способ организации кодирующей части. Наряду с метафорическим существуют и другие способы построения кодирующей части в загадках: метонимический, описательный, построенный на сравнении, комбинированный тип.

Среди народных загадок существуют микротексты, построенные на метонимии. В метонимических загадках при характеристике объекта чаще всего называется:

– материал из которого он изготовлен: ***«Брошу я полено, / Брошу я другое, / Третье-то кривое, / А четвёртое живое» (оглобли, дуга, лошадь); «Стоит сыр дуб, / В сыру дубу ящик, / В ящике синь плат, / В плате – золото» (изба, сундук, одежда, деньги); «Blue coat / Can't catch a billy-goat» (policeman)*** – букв. «Синий китель / Козла поймать не может» (полицейский);

– продукты, получаемые из загаданного объекта: ***«По горам, по долам / Ходит шуба да кафтан» (овца);***

– стоимость загаданного объекта: ***«Грош катится, / Сто рублей гонится, / А тысяча голову сломит» (охота: заяц, собака, лошадь); «По рублю ступает, / Рубль подымает, / На полтину глядит, / Сто рублей говорит» (знахарь, совершающий обряд с приговором);***

– а также возможно употребление части вместо целого, синекдоха, однако при кажущейся реалистичности загаданного объекта в качестве энигматора выступает неживой предмет: ***«Два рта, / Четыре хвоста» (лапти); «Head and eye I am only; / What I may be tell me» (button of copper or metal)*** – букв. «Только голова да глаз, / Скажите, кто я» (медная или металлическая пуговица); или же загадываются два взаимосвязанных предмета или одушевлённых существа вместо одного: ***«Шесть ног, / Две головы, / Один хвост» (всадник на лошади); «Three legs up, as hard as stone, / Two legs down, all meat and bone, / Two ears living and two ears dead. / Riddle me this and take a piece of bread» (man with an old-fashioned pot on his head)*** – букв. «Три ноги вверху твёрдые, как камень, / Две ноги внизу, обе плоть и кровь, / Пара ушей живых и пара безжизненных. / Отгадай загадку и возьми кусочек хлеба» (человек со старинным горшком на голове).

Описательные загадки характеризуют энигмат без обращения к метафорическому кодирующему образу. Кодирующий образ в описательных загадках либо не называется вовсе, либо замещается местоимением. При этом чаще всего указываются качества, характерные особенности объекта загадывания, а также действия, совершаемые самим объектом или производимые над ним: ***«Был я копан, / Был я топтан, / Был я на кружале, / Был я на базаре, / Старше стал – / Пеленаться стал» (горшок); «Без ног бегут, / Безо рта кричат, / Дороги не знают, / А других провожают» (полозья); «Something large and something smack, / Has two hands, no feet at all. / It always runs, yet cannot walk, / You might be still to hear it talks» (clock)*** – букв. «Что-то большое и «щелкающее», / С двумя руками, но без ног. / Всегда бежит, хотя не может ходить, / Чтобы услышать, как оно разговаривает, надо окунуться в безмолвие» (часы); ***«Big and round, hard and sound, / Eyes and can't see» (Irish potato)*** – букв. «Большое и круглое, твёрдое и крепкое, / С глазами, а не видит» (картофель).

Существуют загадки, в которых достаточно часто представлено сравнение: ***«Бела, как снег, / Черна, как уголь, / Зелена, как лук, / Вертится, как бес, / И дорога – в лес» (сорока); «High as a house, / Low as a mouse, / Bitter as gall, / Food for all» (walnut)*** – букв. «Высок, как дом, / Низок, как мышь, / Горек, как желчь, / Еда для всех» (грецкий орех); ***«Crooked as a rainbow, / Teeth like a cat. / Guess all your lifetime, / You never guess that» (saw)*** – букв. «Изогнутая, словно радуга, / Зубы как у кошки. / Всю жизнь разгадывай, / Никогда не разгадаешь» (пила).

Также возможно встретить загадки, построенные по принципу отрицательного сравнения. Загадка как бы говорит: похоже, но не то: ***«Чиста, да не вода; / Клейка, да не смола; / Бела, да не снег; / Сладка, да не мёд; / От рогатого берут / И живулькам дают» (молоко); «Кругла, да не деньга; / Красна, да не девка; / С хвостом,***

да не мышь» (свекла); «White as a lily, it's not a lily; green as grass, it's not grass; red as fire, it's not fire; sweet as sugar, it's not sugar; black as ink, it's not ink. What is it?» (blackberry) – букв. «Бела, как лилия, а не лилия; зелена, как трава, а не трава; красна, как огонь, а не огонь; сладка, как сахар, а не сахар. Что это?» (ежевика).

Как в русской, так и в английской загадке распространён приём создания загадок путём сообщения производного шума, то есть использования ономатопеи: ***«Бабушка: «Кахиль! Кахиль!» / Тросточка: «Трухиль! Трухиль!» (лен мнут); «В лесу: тяп, тяп; / Дома: ляп, ляп; / По краешкам: тпрусеньки! / В серёдке: ну-ну!» (сито).*** Очень интересная загадка, рассказывающая о том, как и из чего делают сито. В лесу с липы дерут лыки, бока сита; по краям сита – лыковые ремешки – так сказано потому, что мочальными гужами (из лык) останавливают лошадь; в середине сита – конский волос, выраженный в загадке междометием «ну-ну». ***«Clink, clank, on the bank; / Ten against four; / Splish, splash in the dish, / Till it run over» (the milking of a cow)*** – букв. «Дзень, дзень в банку; / Десятеро против четырёх; / Плюх, плюх в тару, / Пока не убежит» (доение коровы); ***«Bum bum in the house, / Bum bum outdoors, / Bum bum everywhere it goes» (bumble bee)*** – букв. «Бум, бум в доме, / Бум, бум на улице, / Бум, бум везде, куда бы он ни пошёл» (шмель).

Количество метафорических, метонимических, описательных, а также загадок, построенных на сравнении и ономатопеи, уступает загадкам комбинированного типа, в которых встречаются элементы метафоры, метонимии, описания, сравнения в различных соотношениях.

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Основными формами народной загадки являются простое вопросительное предложение, простое повествовательное, а также сложное повествовательное предложение, кроме того, выделяют форму диалога, а также форму рассказа.

Семантическая структура народной загадки рассматривается с позиции взаимосвязи двух её компонентов: загадываемого объекта, или энигмата, и замещающего, или кодирующего, объекта – энигматора. Также следует особо выделить наличие так называемого «образа», описания, применительного к обоим объектам, которое строится на основе разных видов ассоциативных связей, вызванных употреблением тех или иных разновидностей тропов. Главная роль в отражении действительности в загадке отводится метафоре. Образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями.

Однако наряду с метафорическим существуют и другие способы построения кодирующей части в загадках: метонимический, описательный, построенный на сравнении, ономатопеи, а также комбинированный тип.

Загадка, являясь культурно-маркированным текстом, представляет собой своеобразный способ отражения национальной картины мира, раскрывая перед нами логику, мышление, мировосприятие и мироощущение того или иного этноса. Народная загадка – это один из способов воплощения, хранения и транслитерации культуры, осуществляющийся посредством языка.

Библиографический список

1. Загадки / М. А. Рыбникова. – Москва-Ленинград: ACADEMIA, 1932. – 488 с.
2. Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество: учебник для фил. спец. ун-тов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 448 с.
3. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / Д. Садовников; вступ. ст. и примеч. В. Аникина. – М.: ТЕРРА, 1996. – 335 с.
4. Бэндлер Р. , Гриндер Д. Структура магии. Том 1. Книга о языке и психотерапии. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2004. – 256 с.
5. Сендерович С. Я. Морфология загадки. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 208 с.
6. Сибирцева В. Г. Некоторые языковые особенности современных детских загадок // Сб. Социальные варианты языка IV. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2006. – С. 241–244.
7. Taylor A. English Riddles from Oral Tradition. – Cambridge: Cambridge University Press, England, 1951. – 959 p.

ОБРАЗ ПОКОЙНОГО В РУССКИХ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПРИЧИТАНИЯХ

А. А. Ивашова
Орловский государственный университет, г. Орёл, Россия

Summary: We research the tradition of imaging dead person in Russian funeral laments in this article. We consider the external look of dead person, difference dead from alive. The Main difference - dead person have no soul and he does not execute the actions typical of alive person.

Key words: funeral laments, funeral rite, dead person, soul, death, another world

Похоронно-поминальные причитания занимают особое место в народной поэзии. Причеть – один из древнейших поэтических жанров. Похоронная лирика представляет собой один из тех видов словесного художественного творчества, существование которого засвидетельствовано на протяжении всей человеческой истории. Народные представления о смерти проистекают ещё из древних языческих времён, когда человек начинал осознавать себя, выделять себя из мира природы, когда появились первые зачатки социума и религии.

Изначально человек получал представление о смерти, прежде всего, наблюдая мёртвое тело. Поэтому изображение внешнего облика покойника в причитаниях может многое рассказать о представлениях древних славян о смерти.

Непосредственного описания мёртвого тела со всеми физиологическими подробностями в причитаниях мы почти не наблюдаем. Исключение составляют единичные тексты, как, например, плач «По сестре, утонувшей в Печоре»: «… А запах от неё да нехорошенькой <…> // Уж на старый лик да непохожая, // На бело лицо да некрасивая, // А на тушу-то да неукладная, // Набрала много да ключевой воды» [1, с.136–137]. Но здесь отступление от традиции можно объяснить особыми обстоятельствами – описывается «неправильная» смерть: тело утонувшей девушки долго не могли найти и похоронить.

Изменение внешности покойного отражается чаще всего как *изменение цвета лица, кожи* («Личко блёклое…» [1, с.406], «Понесли наше белое тело // Ко собору Богородицы…» [2, с.14]). В единичных текстах опи-

сываются другие признаки смерти – *изменение цвета глаз* («тёмные очушки» [3, с.142]), *отсутствие сердцебиения* («Уж не бъётся и ретливое сердечушко» [3, с.137]), *изменение температуры тела* («Застыли ея белыя рученьки. // Я отогрею её рученьки, белыя…» [4, с.18]). Жизнь всегда связана с теплом. Человек, «обращаясь к трупу и своему живому организму, замечал, что тело живёт внутренней силой, теплотой, заключённой в нём, <…> и у него возникает воззрение, по которому жизнь отождествляется им со светом и теплотой, а смерть – с мраком и холодом» [5, с. 34].

В причитаниях облик покойного описывается «через НЕ» – невыполнение действий, характерных для живого. Отмечаются следующие действия, которые перестаёт выполнять умерший: он *не говорит* («А не промолвит она да слова ласкова…» [6, № 316], «В устах нет разговорушки…» [7, с. 184], «Сахарные уста да заграждалися…» [8, с. 167]); *не двигается* («Нету в ноженьках хоженьица, // Нету в ручках шевеленьица…» [7, с. 191], «Отходил-то резвы ноженьки, // Оттоптал траву муравую, // Отмахал своим белым рученькам…» [6, № 343]); *не смотрит, не видит* («Нету зренья у него да во ясных очах…» [9, с. 63], «Выкатилось зренье и смотреньице // Из белых ясных очей…» [4, с. 18]); *не ест, не пьёт* («Не кушает мой муж кушаний сахарниих // И не пьет ведь он питьицев медовыих…» [10, № 2]); *не встречает гостей* («И что же ты, моя дочечка, // Мене только не встреваешь, // Ничего мне не говоришь…» [6, № 353]), *не дышит* («Нету у тебя во белой груди дыханьица…»[7, с.184]). Мёртвые отделены от живых непреодолимой преградой. Умерший лишается зрения и больше не видит оплакивающих его родственников, и в то же время родственники тоже его больше не увидят. Покойный теперь не вступает в диалог, он молчит. Л. Г. Невская писала о том, что молчание является непременным атрибутом смерти. «Немота и слепота становятся изосемантичными отсутствию души, и все вместе – метафорой смерти» [11, с.126].

Представления о том, каким набором признаков должен обладать мёртвый, отразились в ритуалах, призванных обеспечить окончательный переход покойного из состояния «живой» в состояние «мёртвый». Необходимо было всеми доступными средствами подчеркнуть, что мёртвый не может находиться рядом с живыми, что он теперь принадлежит иному миру. Покойному закрывали глаза (как правило, медяками), мотивируя это опасностью его взгляда для живых людей, иногда связывали руки и ноги. То есть, «чтобы удалить умершего из мира живых, нужно, чтобы он перестал видеть, слышать, говорить, двигаться» [12, с. 108-111]. Его одевают в специальную одежду, имеющую признаки незавершённости, особым образом выносят из дома.

У славян, как и у всех других народов, уже в языческие времена существовало понятие души — некой субстанции, которая находится внутри человека и обеспечивает ему жизнь. Отсутствие дыхания, речи, движений, зрения, потребности в пище является признаком главного отличия мёртвого человека от живого – *отсутствия души* («Нету душеньки в твоих да во белых грудях…» [9, с. 239]). В момент смерти происходит разделение души с телом («душевное расставаньице» [10, № 1]). Появляется устойчивый эпитет, повторяющийся во многих текстах – «тело мёртвое». Отныне тело и душа существуют отдельно друг от друга. Душу у человека может забирать смерть, Бог, но чаще всего душа сама отлетает в виде птицы: «Отлетела наша чистая ли горличка, / Отлетела щебетунья наша птичеч-

ка, / Что ко господу ли богу её душенька, / К милостливому Исусу на живленье [9, с. 293].

Способы создания образа покойного обусловлены функциональными особенностями похоронной обрядовой поэзии как жанра. Наряду с ритуальными действиями во время похорон обрядовые тексты закрепляют новый статус умершего, его окончательный переход в мир иной.

Библиографический список

1. Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в зап. В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. – М.-Л., 1962.
2. Причитания Ростовского края. Записаны и собраны А. А. Титовым. – Ярославль, 1888.
3. Русские плачи (Причитания) / вступ. ст. И. П. Андреева и Г. С. Виноградова; ред. текстов и примеч. Г. С. Виноградова. – Л., 1937.
4. Бурцев А. Е. Полное собрание этнографических трудов. Т.11. Вып. 49. – СПб, 1911.
5. Соболев А. Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям. – СПб, 1999.
6. Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова. – Новосибирск, 2002.
7. Русские плачи Карелии / под ред. М. К. Азадовского. – Петрозаводск, 1940.
8. Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. – М., 1872.
9. Причитания / подг. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. – Л., 1960.
10. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / под ред. Б. Н. Путилова. – Петрозаводск, 1991. – Т. 3.
11. Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999.
12. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб., 1993.

НАУЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЭТНОСОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЧНОГО ФОНДА)

Н. А. Ковалько
Таганрогский государственный педагогический институт, г. Таганрог, Россия

Summary. The article presents a comparison of space and time perception in Russian and English languages by the analysis of proverbs as the most capacious folkloric text according to their lexical meaning. It describes a reflection of scientific understanding of space-time in the proverbs.

Key words: proverbs, space-time, space and time perception, reflection, scientific understanding, properties of nature space-time.

Пространство и время являются фундаментальными категориями бытия. В настоящее время в научно-философском знании существует большое количество вариантов интерпретации времени и пространства. «Время – одно из основных понятий физики, условная сравнительная мера движения материи, а также одна из координат пространства-времени, вдоль которой протянуты мировые линии физических тел. В философии – это необратимое течение (протекающее лишь в одном направлении – из прошлого, через настоящее в будущее), внутри которого происходят все существующие в бытии процессы, являющиеся фактами» [9]. Под «пространством» мы обычно «понимаем некую протяжённую пустоту, в кото-

рой могут (но не обязательно) находится какие-либо предметы»[2, с. 30]. В настоящее время принято говорить о неразделимом пространстве-времени, свойствами которого являются движение, необратимость, направленность только в одну сторону, непрерывность, неразрывная связь времени и пространства. Представляет собой большой интерес исследование пространства и времени с точки зрения лингвистики, поскольку языковой материал включает в себя совокупность научного и бытового восприятия мира. Это связано с тем, что различные интерпретации времени и пространства появились в языке ещё до того, как они были осознаны говорящими на основании научного опыта.

Наша задача – раскрыть, сравнить восприятие пространства и времени в русском и английском языках на основе анализа пословиц как наиболее ёмкого фольклорного текста с позиции их лексического значения и определить отражение в них научного понимания пространства-времени.

На ранних этапах образ времени отражался в фольклорных текстах (мифах, сказках, сказаниях). Так, например, в античной мифологии известен бог Хронос (Cronoz, «время») – одна из системообразующих космических сил, персонификация времени [7]. Пространство же не обозначено каким-либо мифическим богом. По сравнению с временем оно не является настолько абстрактным понятием. В таком фольклорном жанре, как сказка, образ пространства может быть выражен словосочетаниями *за три моря*, *за тридевять земель*, *в тридесятом царстве, тридесятом государстве* и др.

На более позднем этапе и до настоящего времени мы можем судить о восприятии времени и пространства по анализу паремий, содержащих эти понятия. Единой классификации паремий, в частности пословиц и поговорок ещё не сложилось в фольклористике. Следует отметить вклад Г. Л. Пермякова в работу над этой проблематикой. В данном исследовании паремии нас интересуют как источник представлений о пространстве и времени, поэтому их классификация (по крайней мере на данном этапе) нерелевантна для поставленных целей.

Время и вместе с ним пространство достаточно широко отображаются в пословицах. Русский и английский фрагменты пословичного фонда «отражают некоторые «срезы» восприятия времени, сложившиеся в двух культурах, некоторую пословичную «философию» времени, свойственную двум народам» [3, 161].

Выражение **пространства** в языке является указанием на расположение объекта относительно говорящего. Предельность, очерченность границ является очень важным признаком человеческого восприятия, поскольку в мифологических представлениях неограниченная протяжённость, которую невозможно познать, упорядочить, беспредельность и отсутствие границ ассоциируется с хаосом. Примерами могут послужить такие пословицы, как: *По край крещёного света (мира)*, *На край света (далеко)* [5, с. 19], – в рус. яз. и *At the ends of the earth* – в англ. яз [8]. В них мир (скорее всего, обитаемый людьми) имеет границы. Языковое выражение пространственных реалий осуществляется с позиций человека. Человек воспринимает пространство относительно самого себя, стремится отразить себя в названиях пространственных объектов. В формировании модели мира человек использует наименования частей своего тела – соматизмы. Так, например, в английском языке мера длины *feet*, в русском –

локоть. В пословице *На лотке подать* [5, с. 556] лоток – это предмет, незначительный по размерам, что также означает «близко» (можно заметить, что *на лотке* человек подаёт *от себя* до какого-либо предмета). Известные всем выражения *за плечами*, *перед носом (на носу)* включают в себя также части тела, но они выступают уже не только со значением отображения пространства, но и для выражения времени (*за плечами – значит прошлое; перед носом – ближайшее будущее*). Если вообразить себе человека, где у него за плечами находится прошлое, а перед носом – ближайшее будущее, то вырисовывается следующая картина: человек стоит лицом вперёд, откуда приближается будущее и уходит сквозь него назад (за плечи) в прошлое. Кроме того, выражение *за плечами* констатирует какой-либо опыт. В выражениях: *Не за горами, а за дворами (очень близко), у ворот, у порога* [5, с. 556] (имплицитно – *перед*) очень явно прослеживается взаимосвязь времени и пространства. Визуально можно представить, что время приближается, идёт ко двору, дому, где обитает человек. Своеобразная русская пословица *Где был, там нет, а где шёл, там след* [5, с. 297] также отображает пространство через человеческое тело (след, оставленный ногой). В этой пословице время (прошлое) выражено через пространство. В лингвистике явление смешения смыслов получило название контаминация. Подобное слияние можем заметить и в других пословицах: *Только след простыл, Ещё и место не простыло* [5, с. 294], (только что). Вышеприведённые примеры показывают, что время неотделимо от пространства.

В пословицах о времени можно обнаружить отражение его природной сути, а именно то, что время движется вперёд с ускорением, от прошлого к будущему, что оно необратимо, а также неразрывно связано с пространством.

В ряде пословиц **ход времени** отображается как **постоянная череда событий**: *Жили люди до нас, Будут жить и после нас, Что было, то видели деды; что будет, увидят внуки* [5, с. 294], *Старое стареется, а молодое растёт* [5, с. 295], *Много дней впереди, много и назади* [5, с. 561] и др.

И в русском и в английском языках существуют пословицы, отображающие **необратимость времени**, его направленность только в одну сторону **от прошлого к будущему**: *Вчера не воротишь, а от завтра не уйдёшь* [5, с. 301]. *Битого, пролитого, да прожитого не воротишь* [5, с. 300]. *Прожитого не пережить, а прошедшего не воротить* [5, с. 300] *и др*. В англ. яз.: *Time and tide wait for no man* [4, с. 766] – время никого не ждет; *Lost time is never found again* [4, с. 766] – потерянного времени никогда не воротишь, времени не поворотишь, вчера не догонишь; *What is lost is lost* [4, с. 766] – что потеряно, то потеряно. Вышеприведённые примеры показывают, что всё когда-нибудь заканчивается и начинается новое.

Кроме того, в пословицах акцентируется внимание, что **движение времени не зависит от нашей воли**: *Солнышко нас не дожидается*, *Солнышко восходит, барских часов не спрашивается* [5, с. 561]. В этих пословицах «время» заменено на слово «солнышко», что позволяет визуально отобразить реальность движения времени как движение солнца по небосводу. В последней пословице подчёркивается, что время (солнышко) выше всякой власти и не зависит ни от кого.

Для более полного анализа образа реального времени в пословицах целесообразно остановиться на метафорах времени, которые существуют в

русском и английском языках и отражают значимые для человека характеристики времени. Кроме того, они отражают природную суть времени, его движение, ускорение, необратимость. Как в английском, так и в русском языках находим метафоры, в которых время уподобляется **текущей воде, водному потоку,** что придаёт значение движения. Например, в рус. яз.: *Много с тех пор воды утекло; много воды утечет до того* [5, с. 299], *Пора – проточная вода* [5, с. 297]; в англ. яз.: *A mill can not grind with the water that is past* [8] (утекшая вода не может крутить мельничные колеса), *Time and tide wait for no man* [4, с. 766] (Время и вода не ждут никого). Следующая метафора: время как быстрое **животное (птица) или стрела:** *Time flies* (время летит) [8]. Человек воспринимает время **как некий субъект**, производящий **манипуляции над самим человеком** или **время** выступает как сам **человек**: *Время красит, а безвременье сушит (старит), Время не дремлет, Время разум даёт, Время лечит* [6] – в рус. яз. В англ. – *Time works wonders* [8] (Время творит чудеса), *Time is a great healer* [8] (Время великий целитель), *Time cures all things* [8] (Время лечит всё), *Time will tell* [8] (Время скажет), *Time will show* [8] (Время покажет). Вышеприведённые примеры показывают, что время не только ведёт себя как человек, но и само производит какие-либо манипуляции с человеком. В английском языке существует пословица *Take time by the forelock* (хватай время за чуб), в которой время изображено в виде совершенно лысого старикашки (олицетворение времени), за исключением небольшого пучка волос на лбу, его невозможно ухватить за волосы сзади (прошлое), но это можно сделать только если приблизиться к нему спереди (настоящее, ближайшее будущее). Пословица означает, что время прошлое уже не вернуть, необходимо пользоваться тем, что есть сегодня [1, с. 56]. В некоторых пословицах время метафорически представлено как **ценный предмет**: в рус. яз. – *Время дороже золота, Деньги потеряешь – наживёшь, времени – не вернёшь*; в англ. яз.: *Time is money, Friends are thieves of time* [8] (друзья – воры твоего времени). Время ценно вследствие своей необратимости. Если время упустишь, то его нельзя наверстать, либо купить за деньги.

Также в пословицах нашли широкое отражение основные отрезки времени: **прошлое, настоящее и будущее**, на которые разделён ход времени. Но в этих пословицах к каждому из этих временных периодов у народа сложилось неодинаковое отношение. Здесь речь уже идёт не о восприятии реального времени, а об особенностях менталитета народа.

Таким образом, в фольклорных текстах (паремиях/пословицах) можно обнаружить «научные» характеристики пространства-времени, поскольку наука базируется на наблюдении и некоторые «черты» времени были доступны на бытовом уровне. Пространство более доступно наблюдению, поскольку время – более абстрактно, поэтому происходит смешение смыслов и в ряде фольклорных текстов время представлено через пространство. Проделанный анализ пословичного фонда русского и английского языков показывает, что в пословицах отражается суть природного пространства-времени, его свойства, а именно движение, необратимость, направленность только в одну сторону, непрерывность, неразрывная связь времени и пространства.

Библиографический список

1. Гайдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц. – СПб., 1997.
2. Дубнищева Т. Я. Концепции современного естествознания. – Новосибирск: Изд-во «ЮКЭА», 1997.
3. Иванова Е. В. Мир в англ. и рус. посл.: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, филол. ф-т, СПбГУ, 2006. – 280 с.
4. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984.
5. Пословицы русского народа: сб. В. Даля. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – 991 с.
6. Пословицы русского языка // Сайт «Наука и образование». URL: http://edu.rin.ru/cgi-bin/article.pl?ids=2&id=2870 (дата обращения: 19.02.2011).
7. Хронос. Всемирная история в Интернете. URL: http://www.hrono.ru/organ/ukazatel/chronos.php
8. Phrases, sayings and idioms at “The Phrase Finder” // Сайт о пословицах Великобритании. URL: http://www.phrases.org.uk/meanings/proverbs.html (дата обращения: 19.02.2011).
9. Время [Электронный ресурс] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/время (дата обращения: 1.03.2011).

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС И РУКОПИСНЫЙ ДЕВИЧИЙ РАССКАЗ: К ВОПРОСУ О БЛИЗОСТИ ЖАНРОВ

Л. А. Власова
Орловский Государственный университет,
г. Орёл, Россия

Summary. This article is devoted to genres of contemporary folklore: manuscript girl’s story and cruel romance, which are very similar of the image’s and spatial system.
Key words: manuscript girl’s story, cruel romance, image.

Жанры современного фольклора – рукописный девичий рассказ и жестокий романс – при разности появления во времени (второй появляется после отмены крепостного права, первый в конце XX века) обнаруживают определённое сходство в истории возникновения жанра, художественных особенностях, функционировании образов, категорий пространства и времени.

Возникая как явления преимущественно городской культуры, оба жанра несут, как правило, женский взгляд на жизнь, ибо создательницами и жестоких романсов, и любовных рассказов выступают женщины и девушки. Жестокий романс отличается большей популярностью (особенно в период своего становления как жанра, в середине XIX века), рукописный рассказ – это, скорее, закрытый жанр, функционирующий исключительно в девичьей культуре, распространяющийся переписыванием от руки из альбома в альбом.

Оба жанра испытывают на себе влияние одновременно и литературной традиции, и фольклорной, что порождает двойственную природу жестокого романса и рукописного девичьего рассказа и даёт исследователю огромный материал для изучения специфики жанров. Особенно продуктивным оказывается анализ текстов жестокого романса и рукописного рассказа по выявлению сближений образной и пространственно-временной систем.

Жестокий романс имеет явную фольклорную природу. Фольклорный статус рукописных девичьих рассказов не так очевиден. Однако, С. Б. Борисов, первый заметивший и исследовавший феномен рукописного девичьего рассказа, «с большей долей уверенности говорит о фольклорном (рукописно-фольклорном) статусе данного явления» [2, с. 34].

Молодость и красота – главные характеристики в построении образов главных героев жестоких романсов и рукописных девичьих рассказов: «была молоденька, как роза цвела…» [3, с. 30] или «Стас самый симпатичный парень в нашем классе» [2, с. 137]. Однако в рукописном девичьем рассказе молодость обретает конкретный характер (указан возраст), тогда как в жестоком романсе он носит обобщённый характер и выражается посредством семантических единств типа: «девушка» (родственные ей семы «дева», «девка», «девица») и «парень» (синонимичные ему обозначения: «мальчишка», «молодец»).

Ведущим при создании портретов героев в жанрах жестокого романса и рукописного девичьего рассказа является приём идеализации, указывающий на фольклорную природу двух жанров. Однако, как правило, этот приём приводит к обезличиванию образов, превращая главных героинь в «красоток» и «красавиц», а главных героев в «статных красавцев».

Общей для жестокого романса и рукописного девичьего рассказа является сюжетная линия, включающая сочетание темы любви и смерти, а «семантическим ядром» жанров являются рассказы, завершающиеся «самоубийством как ответом на гибель/измену возлюбленного» [2, с. 42].

Мифопоэтическая пространственная система текстов жестоких романсов и рукописных девичьих рассказов реализует традиционную для классического фольклора семантическую оппозицию «свой»–«чужой». Особенно выражены в исследуемых жанрах противопоставления дома и кладбища, «этого» мира и «того света». Широко представлены в жестоких романсах и рукописных девичьих рассказах и так называемые пограничные локусы дороги и реки, которые выступают, зачастую, местом гибели героев. Формула «девушка у воды» в жанрах жестокого романса и рукописного девичьего рассказа обладает глубокой традиционной семантикой. Композиционным контуром этой формулы является «горе», которое выступает как её словесный контекст: с горя девушка идёт к реке, морю. Вода – самое распространённое место смерти главной героини жестоких романсов и девичьих рассказов. Роль реки как места совершения самоубийства в значительной степени объясняется пограничной функцией реки: она рубеж между этим и тем, нижним миром, между своим пространством и чужим: «ушла на **озеро**, где она и утопилась **с горя**» [2, с. 347] или: «Куда я **с горя** удалюсь?.. // …Я в синем **море** утоплюсь» [3, с. 166].

Могила как место действия является частью мифологизированного пространства кладбища и противопоставлена дому. В текстах жестокого романса и рукописного девичьего рассказа все действия героев в пространстве могилы можно свести к трём основным: 1) посещение могилы любимого(ой); 2) самоубийство (смерть) по причине невозможности жизни без умершего возлюбленного(ой); 3)непосредственное захоронение одного из влюблённых героев.

Таким образом, указанные параллели доказывают определённую близость жестокого романса и рукописного девичьего рассказа, принадлежащих к различным сферам современного фольклора. Причины этого яв-

ления, как нам представляется, лежат в области генезиса рассматриваемых жанров и нуждаются в пристальном исследовании.

Библиографический список

1. Костюхин Е. А. Жестокий романс // Современный фольклор. М., 2003. – С. 471–504.
2. Рукописный девичий рассказ / сост. С. Б. Борисов. – М., 2004.
3. Жестокие романсы Тверской области. – Тверь, 2006.

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИЙ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Самойлова
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Summary. The categories of time and space play a significant role in the literary analysis of the text. Their study helps not only to understand the essence of any artwork and penetrate into the artistic consciousness of the writer but also to perceive time and space concept of the whole historical epoch.

Key words: artwork, literary categories of time and space, continuum, historical and cultural context.

Множество серьёзных работ в области изучения текста как культурного, философского, литературоведческого и лингвистического феномена, написанных ведущими специалистами в вышеперечисленных областях, помогли выявить основные категории, уровни, свойства и функции текста. Среди них одну из ключевых позиций занимают категории пространства и времени. Как отмечает Н. К. Шутая, категории пространства и времени, «<…> не являясь прямыми коррелятами пространственно-временной структуры реального мира, а обладая собственными системными характеристиками, трактуются в современном литературоведении как значимые характеристики художественного целого произведения и в то же время как формы художественной рецепции реального мира, отображаемого в литературе» [6].

Среди учёных, занимавшихся изучением данных категорий и анализом текста в целом, следует назвать И. Р. Гальперина, М. Л. Гаспарова, И. В. Арнольд, Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарина, Г. Г. Москальчук и многих других. Так, И. Р. Гальперин предложил систему текстообразующих категорий, выделив в их составе категории содержательные и формально-структурные, при этом он подчёркивал их взаимообусловленность: «Формально-структурные категории имеют содержательные характеристики, а содержательные категории выражены в структурных формах» [2]. В его монографии в качестве текстообразующих категорий были рассмотрены следующие параметры текста: информативность, членимость, когезия (внутритекстовые связи-сцепления), континуум (логическая последовательность, темпоральная и пространственная взаимосвязь), ретроспекция (ознакомление с ранее представленной информацией), проспекция (отнесённость к последующей информации), модальность (субъективная авторская и читательская оценка), интеграция (объединение частей в единое целое), а так же завершённость (полное выражение замысла автора). Та-

ким образом, весомая роль в познании текста отдавалась категориям пространства и времени.

В. В. Селиванов также отмечал весомую значимость категорий пространства и времени как в общечеловеческом смысле, так и в художественном. Сопоставление и сравнение объективного, реального мира, с которым наше чувственное восприятие имеет дело непосредственно в повседневной жизни, и мира субъективного, идеального, который находит реализацию в произведениях искусства, «<…> могут идти прежде всего по линии фундаментальных характеристик, атрибутивных и универсальных свойств <…> – пространства и времени. Их исследование позволяет обнаружить особенности и меру соответствия мира реального и идеального, объективного и субъективного» [3]. Но в то же время, при всей значимости данных категорий, учёными неоднократно был отмечен серьёзный парадокс – их условность, абстрактность. «Пространство как таковое, строго говоря, «нигде» (поскольку любое «где» уже его предполагает) <…>» [1]. Так, подтверждением данного умозаключения может быть высказанная известным философом и искусствоведом П. А. Флоренским мысль: «В действительности нет ни пространства, ни реальности, – нет, следовательно, также вещей и среды. Все эти образования суть только вспомогательные приёмы мышления, <…> имеющие задачею представить нам подвижную и многообразную действительность в сущности построенной из неизменного и однородного материала; <…>» [5].

Условность категорий пространства и времени особенно очевидна в рамках художественного произведения. Все трансформации пространства и времени происходят потому, что так диктует художнику его специфический эксперимент, целью которого является не передача материального мира, а воспроизведение того идеального плана в опыте и сознании человека, по которому мы можем судить о самом человеке, его качественной определённости. Отсюда и такая значительная свобода манипуляций с пространством и временем: художественное время обладает способностью «сокращаться», «растягиваться», «прерываться»: об одном рассказывается бегло, о другом подробно, о третьем вовсе умалчивается.

Время, *в котором* находится произведение как вещь, непосредственно не соотносится со временем *в произведении*, которое определяется его внутренней расчленённостью и организацией. То же верно и по отношению к пространству. Таким образом, читательское внимание приковывается ко времени и пространству, условно говоря, «внутри» самого произведения, которые стали источником пристального внимания любого анализа художественного текста с позиции литературоведения. Художественный мир, как и мир объективный, не существует вне пространства и времени; пространство и время есть формы их существования, их непременные атрибуты.

В 60-е годы в литературоведении возникает тот подход к пространственно-временным структурам, которым характеризуется научное мышление XX столетия в целом: «<…> пространство и время определяются, исходя из конфликтов, ситуаций, персонажей, исходя из отношений между всеми компонентами, всеми категориями художественного мира; с другой стороны, каждый компонент художественного мира обретает пространственно-временной статус <…>» [4] или хронотипичную сущность, а также делается главный акцент на неразделимость, взаимосвязанное и нерасторжимое единство времени и пространства. Это качество свойственно как

объективному, так и художественному миру. Соответственно, занимающее в физике главенствующую позицию понятие пространственно-временного континуума применительно и к художественному миру, преобразуясь в пространственно-временной художественный континуум.

Но вместе с тем не стоит стопроцентно отождествлять пространственно-временную структуру художественного мира с пространственно-временной структурой мира объективного. Суть в том, что в основе художественного пространства и времени находятся пространство и время представления, воображения, сознания художника, так называемое субъективное пространство-время. Пространство и время включают в себя весь комплекс проблем, связанных с «жизнью» художественного текста, от лингвистических до философско-культурологических. Человеческое сознание своей игрой со временем как бы восполняет зависимость человеческой жизни от объективного времени. Субъективное время-пространство, отражающее реальное время-пространство, имеет собственную структуру, является относительно самостоятельной категорией. Систему пространственно-временных представлений вырабатывает каждое индивидуальное сознание, но каждое индивидуальное сознание является историческим сознанием, поэтому в нём присутствует, прежде всего, пространственно-временная концепция эпохи, культуры: в этом смысле система пространственно-временных представлений и демонстрирует человека как феномен определённой культуры и исторической эпохи. В силу этого через систему пространственно-временных представлений и определяемо сознание человека, сознание эпохи. Именно поэтому категории пространства и времени принадлежат к числу наиболее общих, универсальных категорий культуры. Таким образом, рассматривая частный случай использования данных категорий в процессе художественного творчества, в частности литературного, следует иметь в виду, что именно пространство и время художественного произведения включают идеологию определённого художественного текста в общественно-исторический и культурный контекст, связывают данный текст с «внетекстовым миром».

Библиографический список

1. Быстров Н. Художественное пространство в раннем творчестве Андрея Белого // Вопросы литературы. – № 3. – 2004. – С. 122.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.:, 1981. – С. 5.
3. Селиванов В. В. Пространство и время как средства выражения и формы мышления в искусстве // Пространство и время в искусстве: межвуз. сб. науч. тр. / ред. Хваленская Е. – Л.: Ленуприздат, 1988. – С. 46–47.
4. Фёдоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. – Рига: Зинатне, 1988. – С. 12.
5. Флоренский П. А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. игумена Андроника (А. С. Трубачева); ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). – М.: Мысль, 2000. – С. 5.
6. Шутая Н. К. Настоящее, прошлое и будущее в романе Л. Н. Толстого «Воскресенье» // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. –2007. –№ 4. – С. 64.

ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Н. М. Рахимова
Магнитогорский государственный университет,
г. Магнитогорск, Россия

Summary. The role of intertextuality in the literary discourse is analyzed in the article. Analysis showed that intertextual elements are used wherever in the compositional structure of the text, but especially great is their functional role in key positions (head, exposition and resolution).

Key words: intertextuality, literary discourse, key positions, functions.

«Текст в тексте» [1] – явление, характерное для многих художественных произведений. Интертекст и авторский текст взаимодействуют на различных уровнях. Наличие таких межтекстовых связей можно обозначить как интертекстуальность.

Основы изучения интертекстуальности были заложены М. М. Бахтиным, который выдвинул положение о «диалогичности» текстов [2, 361]. Данная точка зрения получила развитие в трудах Р. Барта [3], Ю. Кристевой [4], И. П. Ильина [5], Н. А. Фатеевой [6] и др.

Изучение художественного дискурса с точки зрения теории интертекстуальности предоставляет новые возможности в постижении писательского стиля и способствует определению места произведения в контексте мировой литературы.

Интертекстуальные связи пронизывают многие произведения. Сходство двух произведений может выражаться в использовании художественных приёмов (аллюзия, цитация, реминисценция), а также в общности таких категорий, как сюжет, композиция. Ярким примером может служить повесть У. Пленцдорфа «Новые страдания юного В.». Сюжетная структура, система персонажей, их имена и целый ряд деталей повести ассоциативно связаны с произведением И. В. Гёте «Страдания юного Вертера». На интертексте строится и такая сильная позиция, как заголовок. Мы наблюдаем лингвистическую трансформацию ранее известного образа в совершенно новый, но построенный по общей семантической модели с первоисточником. Тем самым автор задаёт переосмысление известного сюжета.

Обратимся к новелле Т. Манна «Tristan. Из-за заголовка становится очевидной аллюзия с легендой о Тристане и Изольде. Однако, если вагнеровская интерпретация трагическая, то Т. Манн соединяет трагический план с комически-гротескным, при этом последний доминирует. Это достигается за счёт интертекста, читатель, сравнивая два текста, начинает более глубоко понимать героев, их характеры и поступки, то есть постигать авторский замысел.

Рассмотрим функцию интертекстуального элемента в таких сильных позициях, как экспозиция и развязка. В экспозиции рассказа П. Хилле «Ich Lump»: „Es werde Licht. Es wurde aber keins. Denn die Lampe stank, da ich mit ihr mein gequältes Dasein etwas erleuchten wollte.“ используется цитата из Библии „Es werde Licht!“, псалом 33.9, благодаря которой описывается и бытовая обстановка, и атмосфера беспросветности, и душевное состояние героя. В развязке мы находим следующий вывод: „Ein deutscher Dichter, der sich nicht mal ein bisschen Dynamit kaufen kann zum Christkind-

chen – pfui Teufel“. Намёки на фатальный исход можно было обнаружить в экспозиции, интертекстуальность обеспечивает внутреннюю когезию текста и приобретает характер горькой иронии и каламбура.

Интертекстуальные элементы играют немаловажную роль в семантико-стилистическом обогащении художественного произведения. Для успешной интерпретации реципиент должен увидеть и разгадать интертекстуальные элементы, так как художественный дискурс не является закрытой структурой, он взаимодействует с другими текстами и символами определённой культуры. Благодаря интертексту литературный текст выводится в более широкий культурно-литературный контекст.

Библиографический список

1. Лотман Ю. М. Избранные статьи. – Таллинн: Александра, 1992. – Т.1. – 450 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. –424 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск, 1993. – № 4. – С. 5–24.
5. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 256 с.
6. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М.: Комкнига, 2006. – 280 с.

ТЕКСТ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ И ТЕКСТ ТЕАТРАЛЬНЫЙ

К. В. Толчеева
Липецкий государственный педагогический университет, г. Липецк, Россия

Summary. The theatrical play as a type of text possesses a number of attributes. The description of drama construction rules requires the study of the conditions of construction process, and the perception of context related text features by the reader or the audience.

Key words: drama, theatrical play, metatext, paratext.

Отношения между общеизвестными и «обросшими» множеством толкований и коннотаций понятиями «текст» и «театр», с одной стороны, могут показаться очевидными и достаточно изученными. В свою очередь, такое многоаспектное явление, как драматургический текст, его признаки и категории также изучались многими отечественными и зарубежными исследователями. И всё же возникает вопрос о невозможности применить к ряду пьес жанрообразующие постулаты драмы. Возможно, отчасти ответ кроется в понимании, восходящем ещё к «*Поэтике*» Аристотеля, согласно которому драма как литературный род способна совмещать в себе признаки других родов – эпоса и лирики. Достаточно вспомнить такие пьесы, как «*Игра любви и случая*» Мариво, «*Лорензаччо*» Альфреда де Мюссе, «*В ожидании Годо*» Самюэля Беккета и многие другие, чтобы понять, что, будучи представленной достаточно внушительной своей частью в драматургии, литература, в том числе французская, состоит в весьма непростых взаимоотношениях с тем, что принято называть «театральной пьесой» (pièce de théâtre) или «театральным текстом» (texte de théâtre). Интересно заметить, что само понятие «пьеса» (от фр. pièce – "кусок") появилось значительно позднее жанрообусловленного термина «драма». В XVI–XVII вв.

этим словом называли любой фрагмент театрального действа, либо музыкального произведения. Лишь в XVIII столетии так стали именовать текст, написанный для сцены. Именно в эпоху Просвещения драматургический текст начинает приобретать особую литературность, а вместе с ней и новый статус не просто текста, предназначенного для сценической постановки (т. е. текста театрального в узком смысле этого слова), а особого полилогового пространства, внутри которого автор-драматург в той или иной пригодной для него форме взаимодействует не только с непосредственными соучастниками акта сценического воплощения его главной интенции (режиссёром и актёрами), но и с читателем, которому предстоит самостоятельно разобраться в двунаправленном (двухуровневом) характере бытования жанровой поэтики драмы – паратекстуально-диалогическом. Действительно, французская драматургическая традиция совершила в XVIII веке важнейший эволюционный скачок: создавая новый репертуар и реализуя новаторские принципы создания архитектоники драматургического пространства текста и сцены, новый буржуазно-демократический театр противостоял оторванному от народа великосветскому театру классицизма. Иными словами, представители классицистического театра не ставили своей целью создать пьесы для прочтения их кем-либо иным, кроме режиссёра-постановщика («театр в кресле» появился значительно позже). Также очевидно, что использование драматургами традиционно транспарентной текстовой структуры согласно принципу *текст основной* (реплики персонажей) и *текст второстепенный* (авторские ремарки) отвечало вполне определённым целям, главной из которых была установка на успех. Так, выдающийся драматург, комедиант, постановщик собственных комедий Мольер, уделяя огромное внимание всевозможным формам как лингвистической, так и внелингвистической экспрессии, в своей попытке создать «тотальное представление» (*un spectacle total*) чувствовал, прежде всего, свою ответственность перед актёрами своей труппы, о чём сам не раз говорил: *«Il y a cinquante pauvres ouvriers qui n' ont que leur journée pour vivre. Je me reprocherais d'avoir negligé de leur donner du pain un seul jour, le pouvant faire absolument»*.

В чём же заключается суть поэтики драматургического текста и в чём его отличие от текста театрального? Можно ли определить и описать с лингвистической точки зрения проявления текстуальности или, по выражению Эрика Борда, особенности вербальной «текстуры» текста пьесы?

Лингвистическая наука не оставляет попытку дать более или менее однозначный ответ на этот вопрос, и этим объясняется желание ряда исследователей прибегнуть к всевозможным экстраполяциям данного явления в область смежных наук. Становится очевидным, что описание феноменологических особенностей драматургического текста немыслимо без обращения к изучению дискурсивных условий текстопорождения, с одной стороны, (начиная с написания пьесы и заканчивая поэтапной театрализацией драматургического текста) и контекстуально значимых параметров текстовосприятия читателем и/или зрителем, с другой. В этом смысле, как нам представляется, исследование метатекстового универсума направлено не только на реализацию экспликативного потенциала обширного препозиционного пласта необходимых знаний и сведений, но и на означивание многих и многих содержательно-концептуальных и когнитивных элементов драматургического текста, репрезентируемых автором как в основном

тексте – репликах персонажей, так и на паратекстуальном уровне, т. е. в авторских дидаскалиях.

Во всяком случае, наметившаяся с XVIII века тенденция к переосмыслению сценических норм и новаторские искания драматургов, граничащие с попыткой нивелировать саму «матрицу» драматургического текста, привели к тому, что большинство параметров, соотносящихся, главным образом, с типом текста «пьеса», утратили свою однозначность, ведь, по справедливому наблюдению Антуана Витеза, они лишь *доказывают, что «театр можно сделать из всего»*.

БИОГРАФИЯ КАК ТИП ТЕКСТА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

С. С. Никифорчук
Херсонский государственный университет,
г. Херсон, Украина

Summary. The main historical stages of the development of biography as a type of the text are pointed out and analyzed in the article, starting from the ancient biographism till nowadays biographical texts. Also the main four groups of scientific perspectives to studying biography are highlighted: historical, literary, linguistic and cultural, psychological.

Key words: biography as a type of the text, biography as a literary genre.

Биографическое знание является важной частью национальной культуры, общественно-политической, интеллектуальной и духовной жизни социума, поскольку непосредственно касается мировоззренческих и идеологических убеждений общества, глубины его системы ценностей. Разнообразие историко-биографической информации, которой владеет нация, не только свидетельствует о весомости её вклада в мировую историю и культуру, но и указывает на развитость социальной структуры, которая на определённых исторических этапах достигает такой полноты социально-экономического, политического и культурного развития, что не только даёт возможность человеку реализовать себя и достигнуть успеха и признания, но и требует участия самостоятельных, талантливых, всесторонне развитых людей во всех сферах общественной жизни [5].

Представления о выдающихся личностях, которые заслуживают признания и памяти последующих поколений, у каждой нации качественно отличаются. Они определяются как национальным опытом прошлого, ментальными установками, мировоззренческими представлениями, неповторимыми для каждой нации, так и господствующими в обществе идеологическими факторами, социальными, политическими и культурными интересами. «Ценность каждой личности в открытых обществах способствует формированию доступных общественности печатных, а теперь и электронных, мемориалов, которые охватывают представителей практически всех сфер человеческой деятельности, раскрывая их персоналии во всей неповторимости человеческих судеб и индивидуальности» [5].

Цель данной статьи заключается в изучении биографии как типа текста в диахроническом аспекте. Поставленная цель обусловливает необходимость решения следующих задач:

- выделить и охарактеризовать основные исторические этапы развития биографии как типа текста;

- проанализировать теоретические основы функционирования биографии как типа текста в рамках литературоведения и лингвистики.

Первым европейским биографом по праву считается Аристоксен Тарентейский, автор «Жизнеописаний мужей» (Пифагора, Архита, Сократа, Платона), сделавший предметом биографического повествования реальное лицо, а основой сюжета – жизнь персонажа с момента рождения до смерти. Исследователь исторического аспекта биографии как типа текста А. Валевский, автор книги «Основания биографики», считает, что характерной особенностью античного биографизма была установка на визуальность в описании личности. Вершиной здесь является Плутарх, чьи «Параллельные жизнеописания» вплоть до XIX в. считались образцом биографического письма, что позволило биографическому жанру «подняться» над прежним статусом второстепенной и несерьезной беллетристики [1]. Плутарх обращал внимание не на какие-либо заметные для общества деяния героя биографии, а, напротив, полагал, что именно какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка могут гораздо лучше обнаружить характер человека [4].

Европейское Средневековье, в свою очередь, характеризуется появлением нового типа жизнеописания – агиографии, т. е. житийной литературы, самой яркой особенностью которой стало введение изобразительного средства – аллегории. К основным чертам жития относятся драматичность, эмоциональность и сюжетная напряжённость текста, которые обусловлены применением именно приёма аллегории. Средневековье также характеризуется появлением психологизма в житийной литературе (соответственно, и в биографическом типе текста), поскольку ключевой фигурой на данном этапе становится именно личность с её особенностями, субъективностью и общим развитием. Соответственно, можно предположить, что средневековое житие послужило мощной методологической базой для последующего формирования биографии как типа текста, благодаря актуализации наиболее важных аспектов, составляющих понятие «личность» [3].

В эпоху Возрождения к наиболее ярким биографам относится Джорджо Вазари, автор «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих». По мнению А. Валевского, «Вазари тем примечателен в истории биографии, что принципиально расширил горизонт проблемного представления жизни, представив в жизнеописании творческую личность» [1]. Отличительной чертой развития биографии как типа текста в эпоху Возрождения было представление о личности как образе сотворяющем, человеке как творце, что свидетельствует о социальном признании его интеллекта и о понимании его общеличностной зрелости. Необходимо отметить и появление экспериментальной биографии. Самыми известными биографическими текстами этой эпохи являются «Жизнь сэра Генри Вэйна» Джона Сайкса, анонимная биография «Жизнь мистера Стивена Маршала», «Жизнь Сандерсона» Исаака Уолтона и биография Карла I Джона Гаудена. Так, Джон Сайкс попробовал описать только духовную жизнь своего героя, оставив без внимания множество исторических фактов и реальных событий. Джон Гауден, в свою очередь, для написания биографии Карла I выбрал форму автобиографического текста.

В новоевропейской биографической традиции выдающимся биографом считается Джеймс Босвелл, автор биографического исследования «Жизнь Семюэля Джонсона», которое было издано в 1791 году. Новатор-

ством Босвелла было введение нового способа отбора информации о личности. Он подробно записывал все события жизни С. Джонсона, а позже обратился к его дневникам как к подтверждению всех собранных сведений. Это свидетельствовало о стремлении биографии к исторической верности, к достоверности фактов, что на сегодняшний день представляется абсолютно необходимой составляющей текстов этого типа.

Этот период характеризуется последующим развитием так называемой экспериментальной биографии, что, по мнению Нейдэла, было результатом взаимодействия между биографией и «новоявленным жанром литературы – романом» [9]. Наиболее известными примерами экспериментальных биографий того времени можно считать биографию «Доктор Дж. Х., главный инспектор Великобритании», написанную Джоном Хиллом в форме писем от имени джентльмена, который живёт в городе, своему другу, который живёт в деревне, и биографию Лукиана, автором которой был Томас Франклин, написанную в форме диалога между Лукианом и Лордом Литтлтоном на небесах [2].

XIX век можно охарактеризовать как период стремительного развития биографии. Биография как тип текста начинает обретать чёткую структурированность, в которой уже просматривается определённый алгоритм её написания. Однако это был период исчезновения экспериментальной биографии как подтипа биографического текста, основной причиной которого послужило выдвижение на первый план исторического подхода в жизнеописании выдающейся личности в то время, как литературная специфика экспериментальной биографии заняла маргинальное положение. К немногочисленным примерам экспериментальной биографии этого периода относятся «Разговоры с Илией» Лема, «Воображаемые беседы» Лэндора, «Воображаемые портреты» Пэйтера и работа сэра Эгертона Бриджеса «Воображаемая биография». Все эти тексты можно отнести к псевдобиографии, поскольку все они построены в форме воображаемых диалогов между разными выдающимися личностями и основаны на известных фактах из их биографий.

В 1910 г. выходит в свет биографический очерк З. Фрейда «Воспоминания детства Леонардо да Винчи», который содержит в себе черты современной психобиографии: вдумчивое рассмотрение и анализ поведения, привычек, эмоциональной сферы конкретного человека. Другими словами, этот подтип биографии демонстрирует тщательный психоаналитический подход к личности. После выхода биографического очерка З. Фрейда появились такие разновидности экспериментальной биографии, как психобиография, групповая биография и контекстуальная биография [2]. Психобиография основывалась на психологическом анализе личности, в групповой биографии много внимания уделялось социальному аспекту и времени, в котором жили персонажи, а концептуальная биография, в свою очередь, была сконцентрирована только на ключевых моментах и событиях в жизни персонажа. Такое использование возможностей биографического типа текста стало ещё одним немаловажным дополнением к его развитию.

Первым исследованием, специально посвящённым методологическим проблемам биографии, является «Опыт изучения и построения биографии» Джеймса Стенфилда. Биографом выстраиваются причинно-следственные связи, иерархия поступков персонажа, освещаются обстоятельства его жизненного пути, что свидетельствует о формировании мето-

дологических принципов структурирования данного типа текста. В XX веке начинается более детальное изучение биографии как типа текста в различных аспектах: историческом, литературном, психологическом и т. д. В целом можно говорить о четырёх направлениях исследований биографии.

Первая группа представлена литературой культурологической школы. Данная научная отрасль занимается поиском общегуманитарной картины развития и трансформирования биографического типа текста, определением центрального понятия избранного контекста исследования. К первой группе относятся труды следующих авторов: Плутарх, М. М. Бахтин, И. Л. Беленький, А. А. Белик, М. Блок, В. Виндельбандт, Г. О. Винокур, П. С. Гуревич, С. Н. Иконникова, М. С. Каган, И. В. Кондаков, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, С. П. Мамонтов, Г. Е. Померанцева, Д. А. Силичев, В. В. Сильвестров, Э. В. Соколов.

Вторая группа представлена именами исследователей сферы гуманитарного познания – общей истории и интеллектуальной истории. Термин «интеллектуальная история» указывает не на особое качество того, что выходит из-под пера учёного, который ею занимается, а на то, что в фокусе исследования оказывается конкретный аспект человеческой деятельности [6]. Под сферой «человеческой деятельности» можно подразумевать научные исследования, жизненный путь (особенно, если он своеобразен и необычен); область рефлексии, самоанализа, эмоциональных переживаний. Обобщая литературную базу, составляющую вторую группу, отметим несколько имён учёных-историков: А. Богданов, А. Вильсон, Ю. Н. Герасимова, А. А. Демченко, Л. П. Карсавин, американский теоретик биографии П. Кендалл, культуролог Ю. М. Лотман, М. А. Мамонтова, О. С. Поршнева, Тойнби А.-Дж., С. О. Шмидт.

К третьей группе относятся работы философов и литературоведов, которые занимаются вопросом сущности биографического типа текста, среди которых и М. Фуко. Он изучает лингвистические аспекты биографии, однако связывает их с индивидуальностью, «ибо именно структуры языка данной культуры должны обозначать и текстуально представлять феноменальный ряд индивидуального. Текстуально представимы те пространственно-временные и ценностно-смысловые характеристики индивидуального, которые приемлемы и значимы для данной культурной ситуации. Однако эти рассуждения не должны приводить к выводу, что для биографии не существует ничего, кроме названного текстуализма. За текстовыми структурами находятся специфические исторические и культурные условия, образ жизни и психологическая конституция биографического персонажа» [8].

Одной из важнейших работ в предоставлении сведений о биографии философского характера является монография А. Л. Валевского «Основания биографики». Здесь в центре рассмотрения оказывается метафизический характер биографии, в связи с которым автор сравнивает фундаментальный вопрос философии: «что есть человек?» с базисным вопросом биографии: «что есть именно этот человек? [3].

Что касается литературоведов и их работ в области изучения жанра биографии, следует выделить имена Д. И. Жукова и Г. О. Винокура. Монография Д. И. Жукова «Биография биографии» посвящена поискам жанровой сущности художественной биографии. Г. О. Винокур осветил языковедческий аспект изучаемого нами типа текста. Статья учёного акцентирует внимание на специфике индивидуального творчества в русле общего

процесса развития культуры и проводит мысль о явлении взаимопроникновения жизни отдельной личности и целой истории. По мнению Г. О. Винокура, биографу важнее всего показать динамику развития самой личности, а также её отношений с историей и культурой.

И к последней, четвёртой, группе исследований, мы относим работы учёных-психологов Б. Г. Ананьева, Н. А. Логиновой, Н. А. Рыбникова, К. Юнга, М. Г. Ярошевского.

Журнал «Вопросы литературы» неоднократно доказывал статьями разных авторов открытость и несомненную значимость вопроса о необходимости жанрового описания биографии: «Естественный интерес к обобщению социального опыта человека и породил жанр биографии и автобиографии. Биография есть портрет человеческой индивидуальности, данный... в трёх измерениях, где третье – время» [7].

Процесс исследования биографии как типа текста проходил не только в нескольких направлениях: создание биографий, изучение методологических свойств типа текста, обращение к его литературности и историчности, работа над оформлением этого типа текста в самостоятельную область гуманитарного познания, но и освещался учёными с разных дисциплинарных позиций. Множество проведённых исследований, высказанных мнений и предложенных гипотез расширили и обновили научную базу знаний о биографии, но всё ещё много вопросов в этой области остаются открытыми. Биография, будучи чрезвычайно популярным жанром литературы на сегодняшний день, не только активно используется современными писателями, но и требует детального изучения с точки зрения лингвистики и лингвокультурологии.

Библиографический список

1. Валевский А. Л. Основания биографики. – К: Наукова думка, 1993. – С. 75, 84.
2. Колесник Г. Л. Експериментальна біографія: від минулого до сьогодення // Філологія. Наукові праці. – Т. 70. – № 57. – С. 119.
3. Петрина А. Б. Научная биография в российской культурной и интеллектуальной традиции: поиск новой модели: автореф. дис. канд. истор. наук: спец. 24.00.01 «теория и история культуры». – Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2009. – С. 5, 9.
4. Плутарх. Избранное: В 2 т. – М., 1987. – Т. 2. – С. 361–362.
5. Попик В. І. Світоглядні засади розвитку української біографістики та формування національних ресурсів біографічної інформації XXI століття // Укр. біографістика: зб. наук. пр. – К., 2008. – № 4. – С.11.
6. Репина Л. П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков / под ред. А. С. Фурсенко. – М.: Наука, 2001. – С. 117.
7. Семанов С. О. О жанре исторической биографии (по материалам международного конгресса историков) // Вопросы литературы. – 1971. – № 2. – С. 176.
8. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977. – С. 137.
9. Nadel I. B. Biography: Fiction, Fact and Forml. – London: Macmillan, 1984. – P. 183.

PROBLEMS OF AN EPIC HISTORICISM

N. Sozashvili
Telavi State University, Telavi, Georgia

Summary. The typology of an epic historicism is simultaneously typology of epic genres, typology of development of epic creativity. The historicism cannot be isolated from art system; it makes one of its organic qualities. If we want to understand the attitude of the given genre to a history, we should study not realities, not a certain historical and ethnographic substratum, not names and annalistic echoes, but the epos as the whole, as the phenomenon of a folk art to which the certain aesthetic laws which represents the original art world are peculiar.
Key words: epic, historicism, literature, typology, folklore.

ПРОБЛЕМА ЭПИЧЕСКОГО ИСТОРИЗМА

Н. М. Созашвилли
Телавский государственный университет,
г. Телави, Грузия

Аннотация. Типология эпического историзма – одновременно типология эпических жанров, типология развития эпического творческого потенциала. Историзм не может быть изолирован от художественной системы; это делает одно из своих органических качеств. Если мы хотим понять отношение данного жанра к истории, мы должны изучить не факты, не определенный исторический и этнографический нижний слой, не названия и летописное эхо, но эпос как целое, как явление народного искусства, для которого определенные эстетические законы, который представляет оригинальный мир искусства, являются специфическими.
Ключевые слова: эпический, исторический, литература, типология, фольклор.

Studying of specificity of a genre historicism and revealing of functional – problem borders, in many aspects this specificity causing, proceeds in our science, and all is more distinctly found out necessity of entering into such studying scientific – historical aspects. A genre variety of historical folklore reflects not only set of problems which are a national historical consciousness, and set of their decisions, but also movement of this consciousness. Process of genre evolution in historical folklore, formation of one genres, disappearance and fading of others, transformations and changes of genres are connected to progress, with evolution of a folklore historicism, with opening all new opportunities of art knowledge of a history, that is, finally, with development of national judgment of the historical validity and with expansion of national historical experience.

By way of studying this evolution, explanation of mutual relations between separate genres and intragenre versions special interest is got with problems of an epic historicism to which in the newest scientific literature hardly paid the attention.

Nowadays it can take certainly for granted, that genres of national epic poetry represent consecutive, naturally arising types of art reflection of the validity and that an essential distinctive attribute for them is character of a historicism.

The analysis of materials of epic creativity of many people has allowed establishing, that the epos develops from generalized-fantastic forms of a historicism, where structure-forming role historical concreteness gradually starts to play. This process has, apparently, universal character; it receives the expres-

sion in all elements of epic system, first of all - in topic, in epic characters, in the subject world, in representations about time and space.

Essential feature of epic creativity consists in successive connection of its stages and in irreversibility of general development.

It means that each new genre version of the epos definitely corresponds with typologically previous versions, grows by transformation and denying. It means also, that process goes only in one direction and those typologically later forms cannot generate the form archaic or be transformed to these last.

The question on typology of early forms of the national epos is combined enough and in the Georgian science continues to be discussed briskly. Besides it is complicated still that different researchers offer for relatives or even identical types various terms. For us in this case these divergences have no special value as the certain unity of sights on the vital issues is available. It is possible to take for granted, that early archaic kinds of the epos – «the mythological epos», «a powerful fairy tale», «epos before the state formation» – generation of a primitive - patrimonial society, in them are reflected struggle of the person against the nature and the major gains in this struggle, interbreeding collisions, in them have received heroic realization traditional primitive-communal norms of attitudes, representations and ideals of primitive collective. The image of acts primogenitor – the cultural hero, then – feats of rich people, a theme of heroic courtship, struggle against monsters, patrimonial revenge make the main maintenance of these archaic legends.

It would be naive in monuments of this type to search for reflection of any concrete events, and heroes of them to erect to any real prototypes. In archaic epos before the formation of state we find representations about set of the worlds or about the several worlds adjoining with that world in which epic heroes live, a fantasy invariable treated as a reality.

In an explanation of epic motives and images of us always traps danger of rectilinear their erection to real situations and attitudes. At such illustrative approach the hyperbole, for example, is treated as simple increase or multiplication something real, the idealized image – as quite real description, spatial descriptions – as precisely corresponding to real topography, etc.

With the validity, about a measure and borders of its reliability it is necessary to solve a question on a parity of the archaic epos, obviously, in view of that the epic fantasy and an epic plan is not only original art processing of real experience of primitive collective, but they in themselves - from the point of view of epic consciousness - are real and should be considered as the elements of the validity receiving the specific realization in system of representations, and also in ceremonies, magic actions, etc.

One of the best tasks will be to overcome inertia of the illustrated approach to a historicism of the archaic epos and to understand it in its specificity and complexity. And for this purpose it is necessary to study the laws of epic creativity regulating the character, borders and ways of development by the epos of the validity. It is especially important, that, apparently, the same laws were in own way transformed in later epic creativity.

Those researchers who erect many epic motives to household norms, ceremonial to practice and typical representations of a primitive society are certainly right.

So, for example, the major, structure-forming for the epos about courtship the motive of a choice of the bride outside that microcosm in which the hero lives, reflects the exogamic order of spoilage. Motives of epic tests of the

groom, performance of difficult tasks by it, motives of epic competitions also go back to marriage customs. A historic-household substantiation motives of searches by maidens – fighters' oppression find as well, and situations in which on the foreground role epic «the assistant to the groom» is put forward. Precisely as also other popular epic subject themes can be correlated, finally, to the various typical sides of a life, norms, ceremonies, social institutes, representations of the society living in conditions primary building.

The most general review of materials of the archaic epos shows, that its subject fund, no less than structure of characters, an arsenal of epic subjects, toponymic fund, etc., is formed on the basis of the typical, steadily repeating phenomena and attitudes of the validity.

Our attention should be involved not only in the presence of doubtless connections between archaic epic subject and the validity, but also striking discrepancy of epic plots of a reality. The epos not simply reflects household attitudes, customs, real situations, but also essentially alters them. The phenomena of a life and a social life appear not in natural forms of the life, but also in the forms of past poetic processing which cannot be considered simply as a certain free game of imagination and which itself is caused by a level and specificity of epic consciousness, that is outlook and the art representations peculiar to the environment, creating the epos. The historical-ethnographic substratum is exposed to transformation on the basis of real and ideal, mythological and fantastic concepts about the world, real experience of collective and its ideals, and the mechanics of this transformation on the basis of real and ideal, mythological and fantastic concepts about the world, real experience of collective and its ideals, and the mechanics of this transformation is adjusted by epic laws. One of them is the law of conflictness. Epic creativity always is based on revealing in this or that situation, in this or that ethnographic element of their validity conflict essence, the drama beginning. So, the courtship based on the exogamic norms, grows in the epos in the most dangerous enterprise demanding heroism and detection of special qualities, abounding with collisions, struggle, wonderful tests. The elementary household situation – a meeting of relatives after separation - includes obligatory unknown motives, quarrels. Duel with a bloody outcome, and on this basis sharply drama plots are created.

Other typical epic collisions arise when traditional household norms or ceremonies collide with new attitudes and concepts, rejected by a society or comprehended as contradicting to its moral principles.

The conflictness of epic subject formulas initially corresponds with basic for the archaic epos idea of inevitability and invincibility hero embodying force and optimism of collective. This idea finally defines structure epic subjects and represents one of laws of epic creativity.

In bowels of the archaic epos there are such specific art features, as consecutive idealization of epic heroes and the world to which they belong, represented hyperbola, reserve of the image, in particular – reserve of time and spatial descriptions, reserve of motivations, images of attitudes between characters.

In all cases when we would like to find out a real historical-ethnographic material in the archaic epos, it is necessary to reckon with that before us – based on specific work of art consciousness of generalization, the formular stereotypes representing independent poetic value.

Connections «the prototype – the hero» start to arise only at the latest stage of epic creativity – stages of the real-historical epos, classical expression-

historical songs. These connections are included in wider system of a historicism of new type.

In works of last time with sufficient definiteness character of a historicism of this genre, presence in it of connections with epic tradition, bright expression in it of new aesthetic principles are revealed. It is established, in particular, that to a historical song fiction, but the nature and character of others are integrally peculiar, in comparison with fiction epic as it bases on the concrete facts really histories. At the reference to these concrete, to isolated facts the historical song finds out a material for generalizations, for consciousness of typical subject themes of collisions of images. Thus the mechanism of selection, mastering and processing of a real material in any measure is not free from art laws, from authority of tradition.

The typology of genre historical songs should be considered, that in this genre also occurs – but only under the laws – poetic transformation of a history, its national judgment and art modeling. The poetry and a historicism not two different categories, they make non segmented unity which defines essence of a genre.

The question on a historic-phased attitude of different types of a folklore historicism which receives the expression in the ratio various genres recently was investigated on a material of folklore of various peoples. These researches have shown that the general laws which caused formation and development historic-song folklore of different peoples here are traced. The historical song is allocated from the classical epos as an independent genre. Its basic difference will consist in development of principles of a concrete historicism – the important gain of folklore aesthetics. This process is irreversible, the historical song as a genre cannot return on a way of a historicism of the heroic epos. Separate products can test secondary influence of the epos, but the genre as a whole keeps essential attributes of qualitatively new folklore phenomenon. This law characterizes attitudes between the heroic epos and a historical song in folklore of many peoples.

Between the hero of the epos and the hero historical songs, from the point of view of an aesthetics and character of a historicism, it is possible to see a basic difference by the example of the Georgian songs.

In Georgian folklore the modern researcher allocates three groups of songs which differ by genre principles and reflect different steps of development of an epic historicism: the songs of the heroic contents described genre, presence of fantastic, fantastic motives, family - household ballads and songs of historical subjects.

Our review of types of an epic historicism would be incomplete, if we have not mentioned such genre version, as a historical ballad which sets an example of specific evolution of an epic historicism. There are bases to believe, that the historical ballad grows, as well as a historical song, if not completely appreciably on ground of the epos and succession with it is connected.

Ballad historicism, however, is characterized by the complex of attributes and absence of some the attributes determining for other genres. As against heroic epic songs of a ballad do not conclude the image of military collisions of nation-wide scale, do not give wide epic pictures of struggle, do not draw powerful feats; to poetic system of ballads the hyperbole, epic idealization, etc. are not peculiar. Contrary to historical songs the ballad has no obligatory aesthetic installation on historical concreteness and actual definiteness, on a poetic reconstruction of individual historical events. The contents of ballads cannot be dated and

is exact, is commented, and heroes of them, as a rule, do not correspond with real prototypes. Historical conflicts, shocks and shifts in a national life receive household refraction in ballads. The historical ballad has the subject of a history becoming a life.

The high dramatic nature is inherent in ballads, in them there is also the heroic beginning shown here, however, not in powerful feats, and in moral stability of heroes. The typology of an epic historicism is simultaneously typology of epic genres, typology of development of epic creativity. The historicism cannot be isolated from art system; it makes one of its organic qualities. If we want to understand the attitude of the given genre to a history, we should study not realities, not a certain historical and ethnographic substratum, not names and annalistic echoes, but the epos as the whole, as the phenomenon of a folk art to which the certain aesthetic laws which represents the original art world are peculiar. The knowledge of topology and the general laws of epic creativity open opportunities of original scientific penetration into this world.

Bybliography

1. Cistov K. V. 1976. Die Variabilitätals Problem der Theorie der Folklore.
2. Emeljanov L. I. 1978. Methodical questions of folklore. Moscow, publishing house "Science"
3. Putilov B. N. 1975. Historic-folklore process and a folklore aesthetics. Moscow, publishing house "Science"
4. Chikovani M. (1956) History of Georgian Folklore Word,Tbilisi, Publishing house of Scientific – Methodic Cabinet.
5. Jagodnishvili T. (2004), History of Georgian Folkloristic, I, Tbilisi, Publishing house of Tbilisi University.

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОЛАМИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ЭЛЕГИЙ)

И. И. Болдырева
Воронежская государственная медицинская академия им. Н. Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Summary. the article focuses on the problem of gender relations in Anglo-Saxon vernacular literature. Considering the analysis of Old English elegies the author concludes that the themes of love, affection between sexes and forced parting of the beloved were not alien to early English poetry. Here they are closely linked to intense emotions, motifs of grief and female suffering expressed in the voice of a woman-narrator. At the same time hero's feelings are revealed to be more hopeful and optimistic.

Key words: medieval literature, Old English poetry, Anglo-Saxon women's elegies, gender relations.

В настоящее время в зарубежном литературоведении ощущается динамично растущий интерес к гендерной проблематике. Ярким примером тому являются исследования в области древнеанглийской литературы [9; 12]. Основное внимание при этом приковывают к себе эпические памятники. Специалисты, изучающие англосаксонскую поэтическую традицию в гендерном аспекте, интересуются нашедшими здесь отражение представлениями о женском этическом идеале, роли и месте женщин в раннесредневековом обществе, их восприятии в «культуре мужчин».

Один из центральных ракурсов, в котором представительница прекрасного пола фигурирует в англосаксонской народной поэзии, – отношения между полами. В специальных зарубежных исследованиях отмечалась эротическая символика некоторых древнеанглийских загадок и эпизодов из «Беовульфа» (в частности, эпизод сражения с матерью Гренделя) [6]. Нам хотелось бы обратиться к ещё одной проекции, раскрывающей эти отношения. Здесь трагизм, эмоции, глубокие женские переживания часто связаны с потерей любимого мужчины – сына, брата, мужа. В рамках эпоса «Беовульф» это истории Хильдебурги и матери Гренделя. В числе других памятников, на анализе которых мы остановимся подробнее, три элегии «Послание мужа» [10], «Плачь жены»[13] и «Вульф и Эадвакер»[15]. Принято считать, что эти памятники, дошедшие до нас в составе «Эксетерской книги», были написаны в конце IX – начале X вв. [1, с. 275–282]. Высказывалась точка зрения, согласно которой «Вульф и Эадвакер», а также «Плачь жены» некогда были частью объёмных эпических циклов [4, p. 201]. Однако по отношению к «Плачу», который не только не содержит имён собственных, но имеет свою композиционную завершённость, такое предположение маловероятно. В этой элегии сетования главной героини на горькую судьбу, разлучившую её с мужем, переплетаются с отрывочными воспоминаниями об их прежней жизни. Фабула событий такова. Не последовав за своим супругом «как должно», женщина остаётся одна во враждебном ей окружении родственников мужа, козни которых приводят к окончательному разрыву супружеских уз. По неуказанной причине она, претерпев лишения, вынуждена жить в лесной землянке (eorsðele), где и слагает свой плачь. Из текста не вполне ясна судьба её супруга: он то ли находится в изгнании, то ли сама женщина предрекает ему лишения и страдания.

События, составляющие сюжет «Вульфа и Эадвакера», ещё менее понятны. Очевидно лишь, что героиня, от лица которой ведётся повествование, безнадёжно разлучена с неким Вульфом. Они находятся на разных островах и никак не могут соединиться друг с другом. Окружение женщины враждебно Вульфу:

Leodum minum swylce him mon lac gife;
Willað hy hine aþecgan, gif he on þreat cymeð.
Ungelic is us.
Wulf is on iege, ic on oþerre [15, 1–4].

В трудах зарубежных литературоведов высказывались различные точки зрения даже по поводу количества участников этой драмы. Здесь фигурирует ещё одно имя собственное Эадвакер:

Gehyrest þu, Eadwacer? Uncerne earne hwelp
bireð wulf to wuda.
þæt mon eaþe tosliteð þætte næfre gesomnad wæs,
uncer giedd geador [15, 16–19].

Какую роль он играет в жизни героини, из текста не совсем ясно. Существует мнение, что текст памятника представляет собой плач матери, скорбящей о сыне, погибшем в чужой земле [8]. На наш взгляд, эта интерпретация недостаточно аргументирована. Скорее, речь идёт о любовной

драме, разворачивающейся на фоне родовой распри, ведь трагедия женщины, оказавшейся между двумя враждующими кланами, хорошо известна англосаксонской истории и древнеанглийским сказаниям. Одна из ярких исторических параллелей этого литературного сюжета относится к середине XI века и связана с опалой королевы Эдиты на фоне ссоры её мужа Эдуарда Исповедника с её отцом, влиятельным эрлом Годвином [3, аа. 1051–1052]. В англосаксонской эпической традиции этот сюжет представлен историей Хильдебурги, входящей в состав знаменитого «Беовульфа» [5, 1070–1124]. Интересно, что для родственной древнескандинавской литературы характерно соединение темы любви с мотивами трагедии, разлуки, мести. Это хорошо заметно на материале «Старшей Эдды» [2, с. 153–167, 207–231; 11, p. 197–198].

В основе «Послания мужа» всё тот же сюжет разлуки супругов. Но если в «женских» элегиях речь главной героини, от лица которой ведётся повествование, чрезвычайно эмоциональна и выдаёт её сильное внутреннее напряжение, тоску, душевную боль, осознание невозможности что-либо исправить, «Послание мужа» проникнуто оптимизмом. Рассказ ведётся от имени «вестника», который прибыл «поведать» даме «о привязанности сердечной» своего господина:

Hwæt, þec þonne biddan het se þisne beam agrof
þæt þu sinchroden sylf gemunde
on gewitlocan wordbeotunga,
þe git on ærdagum oft gespræcon [10, 13–16].

За годы разлуки со своей женой, находящийся в изгнании супруг «сыскал… в избытке злата червлёного… средь чужестранцев обрёл владенья в странах прекрасных»[1, 65–66].

(he genoh hafað
fœdan goldes
…d elþeode eþel healed,
fægre foldan) [10, 35–37]

и теперь призывает супругу к себе [10, 19–34].

Рассмотренные нами три элегии позволяют утверждать, что тема любви, разлуки и душевной привязанности между мужчиной и женщиной не была чужда древнеанглийской литературной традиции. Здесь она часто соединена с мотивом сердечной тоски и женских страданий. Параллельно присутствует мотив надежды на скорое воссоединение возлюбленных после многих испытаний. Примечательно, что эта надежда отражена в настроении главного героя, в то время как речь героини выдержана в мрачных, скорбных тонах. Семантика семейных отношений в древнеанглийских элегиях интерпретируется многогранно. Многогранность красноречиво выражена в самих определениях, которые героиня «Плача жены» использует по отношению к супругу: min hlaford, min leodfruma (мой господин, мой народный вождь) [13, 6, 8, 15], felaleofan (возлюбленный, буквально – «много любимый») [13, 26], min freond (мой друг) [13, 47], leof (любимый) [13, 53].

Библиографический список

1. Древнеанглийская поэзия / под ред. О. А. Смирницкой, В. Г. Тихомирова. – М., 1982. – 320 с.
2. Старшая Эдда // Западноевропейский эпос / пер. А. Корсуна, Ю. Корнеева. – СПб., 2002. – С. 5–330.
3. The Anglo-Saxon Chronicle / Ed. & trans. by M. Swanton. – New York, 1998. – 364 p.
4. Belanoff P. A. Women's Songs, Women's Language: Wulf and Eadwacer and the Wife's Lament // New Readings on Women in Old English Literature – P. 193–204.
5. Beowulf / ed. by M. Swanton. – Manchester, 1978. – 212 p.
6. Chance J. The Structural Unity of Beowulf: The Problem of Grendel's Mother // New Readings on Women in Old English Literature / ed. by H. Damico, A. H. Olsen. – Bloomington, 1990. – P. 248–261.
7. Frankis P. J. "Deor" and "Wulf and Eadwaker": some conjectures // Medium Ævum. – 1962. – V. 31. – P. 161–175.
8. Frese D. W. Wulf and Eadwacer: The Adulterous Woman Reconsidered // New Readings on Women… P. 273–291
9. Horner S. The Discourse of Enclosure: Representing Women in Old English Literature. – New York, 2001. – 207 p.
10. The Husband's Message // The Anglo-Saxon Poetic Records / ed. by G. D. Krapp, E. K. Dobbie. – V. 3: The Exeter Book. – New York, 1936. – P. 179–180.
11. Jesch J. Women in the Viking Age. – Woodbridge, 1991. – 239 p.
12. Klein S. Ruling Women: Queenship and Gender in Anglo-Saxon Literature. – Notre Dame, 2006.
13. The Wife's Lament / ASPR. – V. 3. – P. 210–211.
14. Whitehurst Williams E. What's So New about the Sexual Revolution? Some Comments on Anglo-Saxon Attitudes towards Sexuality in Women Based on Four Exeter Book Riddles // New Readings on Women… P. 137–145.
15. Wulf and Eadwacer / ASPR. – V. 3. – P. 225–227.

THE APLICATION OF LOW KIND OF LANGUAGE IN BALLADS

کاربرد نوع فروگونه زبان در ترانه ها

M. Hamidoost
University of Guilan, Resht, Iran

Summary. This research is considered about the application of low kind language in literary ballads and makes it clear that how poets beautiful two sides of ballads that are, being understandable and its musical construction, by using colloquial language and joining it to formal language.

Key words: ballad, Low kind of Language, colloquial language, formal language.

مقدمه

حالت دو زبان گونگی که برای اول بار فرگوسن (1972) آن را تشریح کرده است به حالتی خاص از استاندارد شدن زبان اطلاق می شود که در آن دو گونه مختلف ، دارای وجهۀ (Prestige) متفاوت هستند ، در کنار یکدیگر وجود داشته. گونه دارای وجهۀ پایین تر (گونه L) در محاورات و موارد کاربرد غیر رسمی و دوستانه به کار برده می شود و به طور طبیعی در فرایند اجتماعی شدن فرا گرفته می شود در حالی که گونه دارای وجهۀ بالاتر H که معمولا در ادبیات مکتوب نیز مورد استفاده قرار می گیرد ویژۀ موارد رسمی از قبیل سخنرانی ، وعظ و ... است و بعد از یادگیری گونۀ L و طی یک فرایند آموزش رسمی آموخته می شود. » (نرسیسیانس ، 1382 : ص 99) همان گونه که گفته شد نوع (H) در متون علمی حیات خود را حفظ می کند اما نوع دوم (L) در ادبیات عامیانه ، متل ها و ترانه ها و ... راه می یابد . در حقیقت « تفاوت میان زبان ادبی و زبان گفتاری تفاوتی است بارز که با مقایسه ای ساده میان آثار یک نویسنده و گفتار معاصرانش قابل درک است ... به معنای دیگر در زبان ادبی هر کشور دو مطلب قابل رویت است . یکی زبان خاص یک برهه از زمان

دیگر و دیگر سنت های ادبی آن دوره . زبان گفتاری زبانی است که مردم به آن صحبت می کنند و به وسیله آن ارتباط برقرار می سازند » . (قویمی ، 1364 : ص 93) با این همه مسلم است که زبان رسمی(فراگونه) با در اختیار قرار دادن تعدادی واژه در قالب ساختمان و آهنگی یکسان راهی مجزا از زبان عامیانه ، می پیماید و آنچه در فرهنگ های فارسی راه می یابد نه واژگان زنده فارسی بلکه واژگانی است که در متون کهن وجود دارند (ر. ک. حق شناس، 1370 : ص 310) تا آنجا که گاه تلاش سخنوران برای به کارگیری نوع فروگونه زبان با دیدهٔ تحقیر نگریسته می شود . کاری که زبانشناس در این زمینه انجام می دهد این است که یادآور شود ، چیزی به نام زبان خالص یا سره وجود ندارد و تمام زبان ها دستخوش تغییر می گردند. (ترادگیل ، 1376 : ص 233) بدین ترتیب شاید بتوان ترانه ها را قالبی ویژه برای نوع فروگونه زبان به حساب آورد.

ترانه

ترانه شعری است تحت قواعد موسیقایی. ترانه ها که از آغاز با گویش های نواحی مختلف ایران همراه بوده اند همزمان با آهنگ موسیقی و ریتمی هماهنگ با گفتار روزانه مردم بر زبانشان جاری می شده است . شاعرانی نیز از دیرباز – از روزگار بندار رازی (در سده پنجم) و باباطاهر تا امیر پازواری (سده نهم) و فایز دشتستانی (1250-1330 هـ . ق) – بوده اند که در گویش خود سخنسرایی می کرده اند و ترانه های ملی ایران را پدید آورده اند (احمد پناهی ، 1383 : ص 549) علیرغم این تعاریف هرگاه از ترانه سخن به میان می آید آنچه به ذهن متبادر می شود ابتدا بررسی الگوهای موسیقایی آن و سپس زبان گفتاری مردم کوچه و بازار است و در حقیقت ، اهمیت ساختار موسیقایی اثر است که ترانه را به نظم نزدیک می گرداند .

موسیقی و ترانه

دکتر علی محمد حق شناس ، آنجا که از اختلاط میان گونه های زبانی ، در پدید آمدن نثر ادبی سخن می گوید و میان نثر ، شعر و نظم به عنوان سه گونه ادب تمایز قایل می شود به این امر اشاره می کند که نثر ادبی با در هم آمیختن گونه های زبان به وجود می آید ، نظم از طریق قاعده افزایی بر نثر پدید می آید و شعر با گریز از قواعد دستوری زبان هنجار آفریده می شود (صفوی ، 1373 : ص 59) بنابراین قاعده افزایی چیزی جز شکل موسیقایی زبان نیست که در سه سطح آوایی ، واژگانی و نحوی قابل بررسی است ، که شامل تکرار واج ها، واکه ها و واژه هاست؛به طور مثال :

تکرار واج های « ب»، « ت» و « ش» در ترانه « از چشم مست تو » سرودهٔ حسین منزوی:

آهای تو که یه جونم ت هزار تا جون یها داره
یکش منو با لبی که یوسه شو خون یها داره
یذار حسودی یکشه رقیبو ، وقتی می کشه
سرش تو کار خودشه ، چکار یه کار ما داره

تکرار واکه بلند /a/ در ترانه « الهه ناز» سرودهٔ کریم فکور:

« باز ، الهه ، ناز ، با ، بساز ، جان ، گداز»

اما آنچه باید در نظر گرفته شود این است که « وزن در دانش موسیقی و جملات ملودیک بسیار گسترده تر از وزن در شعر و ترانه است و هرچه ساختار ملودیک آهنگ ساده تر باشد امکان عروضی شدن ترانه که بر روی آهنگ ساخته می شود بیشتر است . (فیروزیان، 1389 : ص 146)

اینجاست که می توان به اهمیت نوع فراگونه زبان در ترانه ها پی برد و این نکته ای است که ترانه سرا را یاری می دهد تا با استفاده ی هوشیارانه از آن ، وزن عروضی ترانه را مقبول تر سازد . « در زبان فارسی ترانه ها بسیار بیش تر از آن که به شگردهای شعرآفرینی متکی باشند از قاعده افزایی یا شگردهای نظم آفرینی بهره می گیرند . شاهدی بر این ادعا هم استفاده از فرم های اشعار اشعار کلاسیک در ترانه های امروز است و همچنین اشعار کلاسیک فراوانی که به عنوانی ترانه در موسیقی پاپ و بیشتر در موسیقی سنتی مورد استفاده قرار می گیرد . » (مهر علیان) به همین دلیل است که رابطه میان صورت های گفتاری و ادبی در ساختار ترانه رخ می نماید و ما به کارگیری چنین ترکیبی را نه فقط در حد واژه بلکه در به کارگیری ضمایر ، فعل ها و ساختمان ترانه ها مشاهده می کنیم که با ساختار زبان عامیانه سازگار نیست و از ویژگی های فارسی کهن بهره می گیرد .

استفاده از واژه های کهن :

وطنم تو بوی باران به شب ستاره باران / که خوشی و خوش ترینی به مذاق میگساران

***

به من بگو چه رنگیه جوابش/ سوال عاشقونه ای که خفته

***

شب که می شد امانت / فرشته ها رو می دادیم / چشمامونو می بستیم و / به یاد هم می افتادیم

بنابراین مبنای موسیقی ترانه علاوه بر گفتار روزمره و شفاهی مردم بهره مندی از شگردهای شعری نیز می باشد. منتها باید آرایه ای که با ساختار زبان ساده و روان ترانه، سازگار باشد را به کار ببرد. با این حال آنچه ما در این پژوهش در پی آنیم پرداختن به نوع زبان ترانه است که موسیقی یکی از ارکان این نوع زبان محسوب می شود.

زبانشناسی و ترانه

آنچه مبانی زبان عامیانه، متون فلکلوری از جمله ترانه ها را تشکیل می دهد. دگرگونی های آوایی، تکواژ گونه ها، جایگزینی تکواژی در مقایسه با زبان رسمی معیار است. « رولان بارت می نویسد: در لحظاتی که نویسنده زبان گفتاری حقیقی را، نه برای آن که جالب و منحصر به فرد است بلکه مانند مطلبی اساسی که تمام محتویات یک جامعه را دربردارد، دنبال می کند، متن نوشته شده، زبان حقیقی انسان ها را به عنوان موضوعی برای تحلیل و بررسی انتخاب می نماید؛ گویی ادبیات باید در آغاز جزئیات اختلافات اجتماعی را درک و منعکس کند و قبل از هر پیامی ، بی درنگ از موقعیت انسان هایی که در زبان خاص طبقه خود ، ناحیه جغرافیایی خود ، میراث اجتماعی ، اخلاقی ، فطری خود و داستان زندگی خود محصور مانده اند شرحی دهد تا ادبیات دیگر پناهگاه یا انگیزه ای برای غرور نباشد بلکه به صورت کنشی واقع بینانه جهت آگاهی بخشیدن جلوه گر شود . » (قویمی ، 1364 : ص 99) در عصر ما زبانشناسان به بررسی زبان گفتاری تمایل نشان می دهند و ما جلوه واقعی چنین زبانی را در ترانه ها مشاهده می کنیم بنابراین بررسی ترانه ها، نه تنها از نظر لهجه و واژگان بلکه از نظر ساختمان جملات زبان گفتاری، می تواند حائز اهمیت بسیار باشد. به طور مثال از نظر استفاده از ضمایر، نقش و کاربرد آن ها و حتی جایگاه قرار گرفتنشان، بنیاد و دستگاه افعال ، استعمال برخی تکواژهای دستوری، قیدهای زمان و مکان، حروف اضافه میان گونهٔ رسمی و غیر رسمی تفاوت های وجود خواهد داشت که با تغییراتی در ترتیب ارکان جمله همراه خواهد بود. « برخی از صیغه های فعل نظیر صیغه های زمان آینده و ماضی بعید را که تقریبا هرگز در سبک رسمی به کارنمی روند را نیز باید رد اینجا گنجاند. تغییر بندهای پیرو به بندهای همپایه از طریق حذف حروف ربط و گشتار وجوه التزامی به وجوه اخباری نیز ویژگی گونهٔ غیر رسمی است. (جرمیاس ، 1366 : ص 103) که در گونه زبان رسمی وجود ندارد و همین حذف ها را در نوع فروگونه می توان تحت قاعده کاهی عنوان نمود که ترانه را از نظم صرف کمی به سمت شعر پیش می برد. (مهر علیان)

اگرچه قصد ما این جا به هیچ روی، بررسی تفاوت موجود دو نوع زبان، که می توان آن را در کتاب های زبانشناسی مطالعه کرد، نیست. با این حال به طور مختصر به برخی از این تفاوت ها اشاره می شود:

بدل شدن واکه بلند /a/ به /u/ که در لهجه تهرانی رایج است:

حرفِ من و تو رو نزن ، ای من و تو ، یه جون ، دو تن

بدون که از تو عاشقت فقط سری سوا داره

در «بدون» و «جون» واکهٔ بلند /a/ به /u/ تبدیل شده است.

تبدیل حرف اضافه «را» به واکه کوتاه /o/

کاشکی مث یه چلچراغ خونه مو روشن کنی / روح خمودهٔ منو غرق شکفتن کنی

***

امشب می خوام رو آسمون / عکس چشماتو بکشم / اگر نگاهم نکنی ناز نگاتو بکشم

که در « خونه مو ، منو ، چشاتو ، نگاتو» آنچه به جای «را» به ضمایر متصل ، وصل شده است، واکه کوتاه /o/ می باشد.

تخفیف شناسه افعال به کسره و ها

شبهای سوت و کور این زمستون / دوباره **میشه** [می شود] باغی از ستاره

***

این روزا درد آدما فقط غم **بی کسیه**[هست] / زندگیشون حاصلی از حسرت و **دلواپسیه** [هست]

معناشناسی و ترانه

ترانه به عنوان قالبی که توجه زیادی به مخاطب دارد از لحن تخاطب بهره می گیرد . روایت در این قالب با لحن محاوره و موسیقی پیوند می خورد و سبب ایجاز و در عین حال چند بعدی شدن فضای ترانه می شود . چنین عملکردی زبان را دارای ظرایف معنایی ویژه ای می کند که در پیام زبان نوشتاری ابداً اثری از آن نمی توان یافت به طور مثال اجتناب از ساختارهای دستوری پیچیده ، فقدان بعضی افعال، همچنین ساختارهای ساده شده آن، کاهش در واژگان و حذف موارد پیچیده دستوری، همگی فهم پذیری ترانه را آسان می نماید تا متناسب با شمّ زبانی فارسی باشد . اساساً « معنا شناسان واژه های زبان را به دودسته تیره (opaque) و شفاف (transparent) تقسیم می کنند . واژه های شفاف آنهایی هستند که می توان به کمک ساخت آوایی شان یا به کمک شیوهٔ اشتقاق یا ترکیبشان و یا به دلایل دیگر به مفهوم و معنایشان دست یافت (مثل تق و لق ، رونده ، گلخانه) واژه های تیره آنهایی هستند که نمی توان به کمک ضوابط بالا به معنایشان پی برد (مثل برک ، مماشات ، مجامله در زبان فارسی) یادگیری واژه های شفاف بسیار آسان تر از واژه های تیره است زیرا اگر دلیل شفافیت آنها آوایی باشد خود واژه ها یادآور معنا و مفهومشان هستند و اگر دلیل شفافیت آنها اشتقاق یا ترکیب باشد اطلاع از معانی عناصر ترکیب شوندهٔ آنها کافی است که به معانی ترکیبی آنها به قیاس پی برده شود . در غیر این صورت بر حافظه زبان فارسی سنگینی می کند .(باطنی ، 1374 : ص 116 ، حق شناس ، 1370 : ص 253) بنابراین باید گفت ترانه باید از واژگان شفاف زبان خود استفاده کند تا بتواند با روان یک ملت و قوم ارتباط برقرار کند .

مثل یک پرنده در **کنج لونه** باز کدوم فصل گلو در انتظاری

***

چشات اگه بشه ستاره بارون شبای **سوت و کور** این زمستون

***

تا وقتی این جا بمونی / بارون قشنگه و **نم نمه** / هوای رفتن که کنی / مرگ گلای مریمه

شمار زیاد واژگان فارسی در ترانه ها ، در راستای چنین هدفی صورت می گیرد . به طور مثال در ترانهٔ گلای اطلسی « حسین منزوی » 43 واژه فارسی (به جز صیغه و حرف) و 12 واژه عربی به کار رفته و شمار واژه های فارسی 3/5 برابر واژه های عربی است » (فیروزیان، 1389 : 139)

روانشناسی و ترانه

آنچه تحت عنوان روانشناسی در ترانه، در این بخش مطرح می شود معطوف به حافظهٔ سخنوران در برخورد با زبان ترانه است. « برای آنان که در زمینه تاریخ تحول زبان ها پژوهش کرده اند این نکته روشن است که هر زبانی پیوسته دستخوش دگرگونی و تحول است.» (حق شناس، 1370 : ص 251) این تحول در بخش فراگونه زبان بسیار کند عمل می کند و در نوع فروگونه زبان (= ساختار ترانه) شکلی متفاوت به خود می گیرد و سریع تر است . در نوع اخیر (ترانه) مخاطب دچار هراس از ناشناختن واژگان و هنجارهای گفتار امروز نیست به همین جهت ترانه علیرغم تحولات سریع اش دارای پشتوانه سرشار زبانی و ادبی هر کشور است و از آنجا که سخنوران هر زبانی ، ترانه را دارای یکدستی و یکپارچگی متناسب با شمّ زبانی و حافظه خود می یابند بدون هیچ گونه مقاومت روحی با آن ارتباط برقرار می کنند و از آن استقبال می نمایند .

نتیجه بحث

ترانه به عنوان گونه ای از ادبیات عامیانه، یکی از قالب های پرطرفدار در دورهٔ معاصر است . توجه به درونه و بیرونهٔ ترانه ها نشان می دهد آنچه ضامن بقا و عامل غنای ترانه ها است، در گرو توجه به مفاهیم زبانشناسانه، معناشناسانه، موسیقایی، حافظه و ذهنیت مردم سرزمینی است که ترانه در آن به وجود می آید و نشان می دهد که چگونه ترانه ها با ایجاد توازن در به کارگیری جنبهٔموسیقایی و نوع فروگونهٔ زبان دلایل استقبال سخنوران را از این نوع ادبی فراهم می آورند و بدین واسطه از جایگاه مهمی در ادبیات هر کشور برخوردارند .

پی نوشت :

مشخصات ترانه های برگزیده در این مقاله :

1) الهه ناز سرودهٔ کریم فکور
2) « با چشم مست تو »، « ستاره بارون »، « ایران »، « دل ای دل » سرودهٔ حسین منزوی
3) « این روزا »، « زیر درخت آرزو »، « یک سبد آرزوی کال » سرودهٔ مریم حیدرزاده

منابع و مآخذ

1- احمد پناهی، محمد (1383) ترانه و ترانه سرایی در ایران ، چ 2 . تهران : سروش
2- باطنی، محمد رضا . (1374) درباره زبان (مجموعه مقالات) چ 3 ، تهران : آگه

3- تراد گیل، پیتر (1376) زبانشناسی اجتماعی (درآمدی بر زبان و جامعه) ترجمه محمد طباطبایی . تهران : آگه
4- جرمیاس، او ام . (1366) « دو زبان گونگی در زبان فارسی » ترجمه محمد طباطبایی . مجله زبانشناسی . سال چهارم . ش اول و دوم . صص 91-112 .
5- حق شناس، علی محمد. (1370) مقالات ادبی زبانشناختی . تهران : نیلوفر
6- صفوی، کوروش. (1373) از زبانشناسی به ادبیات (نظم . ج 1) تهران : چشمه
7- فیروزیان، مهدی. (1389) « سبک شناسی ترانه های حسین منزوی » . فصلنامه سبک شناسی نظم و نثر (بهار ادب) شماره پیاپی 8 . صص 131- 148 .
8- قویمی، مهوش. (1364). «زبان ادبی و زبان گفتاری» مجله زبانشناسی سال سوم . شماره دوم .
9- نرسیسیانس، امیلیا. (1382) مباحثی در دو زبانگی از دیدگاه علوم اجتماعی ، تهران : پژوهشکده مردم شناسی .
10-مهرعلیان، رضا. « زبانشناسی ترانه های فارسی » <www. vazana.com>

СЮЖЕТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РУССКИХ ПОВЕСТЕЙ РУБЕЖА XVII–XVIII СТОЛЕТИЙ

М. И. Федоткина
Орловский государственный университет,
г. Орел, Россия

Summary. The article deals with plot elements relevant to considerable number of Russian novels of the second half of the XVII–XVIII centuries. These episodes carry out special functions in the text, as well as disclose originality of the “history” genre.
Key words: medieval Russian fiction, Russian novel, plot.

Во второй половине XVII века в русском литературном процессе начинается активное развитие беллетристических жанров, прежде всего жанра повести, или «гистории», рассказывающей о занимательных приключениях героев, их любовных переживаниях.

Однако эти произведения не были совершенно однородны по своей природе. Ещё Пыпин, а позднее и Сиповский обратили на этот аспект внимание, поэтому классифицировали известные им тексты по следующим параметрам: близость к житийным жанрам, близость к жанру рыцарского романа (или любовно-авантюрного), а также к сентиментальной традиции. Исследователи обратили внимание и на происхождение текстов, выделяя среди них исконно русские («петровские повести») и переводные, с заимствованными сюжетами [1].

Целью нашей работы является попытка выявить общие мотивы, эпизоды, фиксируемые в значительном числе произведений. Повторение отдельных сюжетных эпизодов является подтверждением того, что тексты создавались по единой схеме, по единому образцу, на материале уже известных западноевропейских сюжетов. С одной стороны, такое употребление одних и тех же элементов подтверждает наличие единой схемы, по которой создавались тексты. С другой стороны, наличие общих структурных эпизодов обнажает не только типичные, но и новые черты, своеобразие каждой из повестей, появившихся во второй половине XVII –XVIII вв. Рассмотрим наиболее частотные по употреблению эпизоды.

1. Буря, кораблекрушение.

Буря и последующее за ней кораблекрушение – частый элемент занимательных повестей рубежа XVII–XVIII столетий, восходящий к традиции «греческого романа» [2]. В средние века появляется жанр рыцарского романа, где привычные элементы повествования получают иное видение. Так, в античном романе буря интерпретируется как стихия, символизирующая довление рока над личной судьбой человека и подчинение героя во-

ле случая. В рыцарском авантюрном романе, а вслед за ним и в рассматриваемых повестях, буря – это всего лишь элемент, осложняющий основную сюжетную линию новыми перипетиями и дополнительными событиями. Такая организация текста придаёт большую занимательность повествованию и отдаляет приближение его развязки. Как правило, после бури влюблённые теряют друг друга и только после долгих исканий, через вереницу узнаваний, совпадений, случайностей вновь происходит их встреча («Повесть о Петре Златых Ключей», «Повесть о Бове-королевиче», «Повесть об испанском королевиче Бруне», «История о гишпанском королевиче Евграфе»). В композиционном аспекте буря разделяет основную сюжетную линию на две: одна рассказывает о судьбе героя, а другая – о жизни героини в разлуке с героем.

Буря, с нашей точки зрения становится элементом, выполняющим в тексте две функции: композиционно структурирует повествование и придаёт ему занимательный характер. Так, Г. Н. Моисеева при исследовании «Повести о российском матросе Василии Кориотском» отмечала, что «переход от бытовой повести <…>, полной реалий Петровского времени, к сказочной сделан <…> с помощью описания бури и кораблекрушения» [3: 45]. По-новому представлен эпизод с бурей в «Повести о российском кавалере Александре». Во-первых, буря происходит в финале повести, что является не типичным для подобных текстов: Александр и Тира, казалось бы, должны после стольких злоключений обрести долгожданное счастье, но случай распоряжается иначе. Во-вторых, в результате действия стихии умирает главный герой – российский кавалер Александр, причём его смерть влечёт за собой самоубийство возлюбленной Тиры. Из этого следует, что буря в данном случае олицетворяет невозможность возвращения Александра на родину, так как он не выполнил свой гражданский долг перед отечеством [3: 126].

Иногда описание бури и кораблекрушения осложняется другим эпизодом, который способствует разлуке героев: ворон, крадущий кольца у героя. Этот эпизод мы встречаем в повестях о Петре Златых Ключей и королевиче Бруне. Здесь герои засыпают в лесу под деревом, и ворон похищает кольца героев. В погоне за вороном герой не замечает, как теряется в лесу. Именно с этого момента вновь происходит привычное деление повествования на разные сюжетные линии.

2. Узнавание по портрету (описанию). Герои очень часто очаровываются и влюбляются друг в друга с помощью портрета. Этот эпизод достаточно распространён, так как придаёт особенную интригу повествованию и является своеобразным предметом для узнавания героев («Гистория о французской королевне Фларенте и о королевиче Георгии италианском», «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии», «Гистория о гишпанском королевиче Декоронии», «История о гишпанском королевиче Евграфе», «Повесть о Леопольде и его сестре Маргарите»).

Разновидностью можно считать сцены, где герой узнаёт о своей возлюбленной с чьих-то слов и, окрылённый представленным образом, отправляется на её поиски. Так, Александр узнаёт о Тире от своего друга Владимира, а Пётр Златых Ключей – от Рыгардуса.

3. Мотив крепкого сна героя («Повесть о Петре Златых Ключей», «Повесть о Василии Кориотском», «История о гишпанском королевиче Евграфе», «Повесть об испанском королевиче Бруне»). Многих событий в повестях могло бы и не быть, если бы их герои «не засыпали» в момент пу-

тешествия. Как правило, герой уже находится в пути – либо домой, либо в поисках возлюбленной. Данный эпизод выполняет совершенно определённую функцию: с героем вследствие этого сна происходит череда событий, которые «осложняют» повествование.

С этим мотивом тесно связан ещё один повторяющийся эпизод – встреча с персонажами, которые становятся либо помощниками, либо вредителями. Например, после сна Василий Кориотский, Пётр Златых Ключей, Евграф долго блуждают по лесу или берегу моря и встречают либо купцов, либо старца, которые помогают им продолжить свой путь. Однако герой может столкнуться и с вредителями (чаще всего в образе монаха, или «богоратника»), которые с помощью колдовства обманывают его. Подобная встреча может закончиться не только похищением одежды героя и его обмундирования (Бова, Евграф), но и его болезнью (Евграф).

4. В некоторых любовных сценах есть общие эпизоды: это долгие монологи, переписка, обмен подарками с помощью слуг, а также встречаются довольно интересные сцены, в которых возлюбленная приходит к герою со шпагой и ранит его руку («Повесть о российском дворянине Александре», «Повесть о Евграфе»).

Чувство любви во всех повестях воспринимается как болезнь, «горячка», а лекарством от неё является лишь благосклонность возлюбленной к герою. Однако не везде взаимоотношения влюбленных заканчиваются счастливым финалом (их браком). Так, в «гисториях» об Александре и шляхетском сыне герои умирают в конце, а в «Повести о российском купце Иоанне» влюблённых разлучают, и они продолжают жить дальше.

5. В повестях распространены описания поединков, турниров, подтверждающих факт влияния традиции рыцарского романа на их создание. Кавалеры принимают участие в сражениях, поединках, доказывая свою доблесть и непобедимость. В повести о российском кавалере Александре тема рыцарства наиболее выражена, так как она наполнена не только сражениями кавалеров, но и использует аллегоризм при описаниях их обмундирования (латы кавалеров под знаками «Сетование», «Смирение», «ковалер Надежды», «ковалер Гнева и Победы»).

Таким образом, мы рассмотрели наиболее часто встречающиеся эпизоды, характерные для повестей рубежа XVII–XVIII столетий в России. Несмотря на очевидную неоднородность рассмотренных текстов, они все-таки имеют типичную схему для создания определённого рода ситуаций, необходимых для развёртывания повествования. В типичных эпизодах, встречающихся в разных повестях, мы можем увидеть и новаторские черты в их интерпретации и использовании в конкретном тексте. Обращение к отдельным сюжетным элементам напрямую зависит от жанровой доминанты произведения, поэтому для «гисторий» характерно сосуществование в рамках одного текста сразу нескольких традиций. В результате длительных процессов контаминации и нивелирования эти эпизоды подготовили почву для возникновения к концу XVIII века русского романа. Именно этот факт подтверждает значимость рукописных беллетристических произведений для дальнейшего развития художественной повествовательной литературы в России.

Библиографический список

1. См.: Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины. – М., 1888. С. V–IX; Сиповский В. В. Русские повести XVII–XVIII вв. – СПб., 1905. – С. XXVIII–XXIX.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С.123–148.
3. Русские повести первой трети 18 века. Исследование и подготовка текстов Моисеевой Г. Н. – М.-Л., 1965. – 324 с.

ЛИЧНОЕ ИМЯ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ» И КОНЦЕПЦИЯ ЕЁ ОБРАЗА

А. А. Бельская
Орловский государственный университет, г. Орёл, Россия

Summary. Timeliness of the work is defined by its inclusiveness into the range of modern literature anthroponymics researches. The article deals with the characteristics of the conceptability of the anthroponym Elena as one of the major means of creation of the image of the main character in the novel “The Day Before”. Associative transfer of features of the name to the image of the character may be observed in Turgenev’s novel. Her personal name carries out characterizing function and is appellatively motivated in the text.

Key words: literature anthroponymics, characterizing function, appellativ.

Долгое время к изучению антропонимики И. С. Тургенева учёные почти не обращались. В статьях и монографиях крупных тургеневедов, безусловно, присутствуют отдельные наблюдения над антропонимикой писателя, и современные исследователи проявляют большой интерес к проблеме тургеневского «именника». Тем не менее признать данную проблему до конца изученной вряд ли возможно. Актуальность работы определяется её включенностью в круг современных исследований в рамках литературной антропонимики. Наша цель – охарактеризовать концептуальные возможности антропонима Елена как одного из важных средств создания образа главной героини романа «Накануне» и воплощения авторского замысла.

Тургенева с полным правом можно отнести к тем писателям, которые при отборе личных имён для своих персонажей опираются на семантический принцип. Показательно, что личные имена главных героинь первых романов Тургенева апеллятивно мотивированы в текстах: мощнейшими стимулами в жизни Натальи Ласунской являются её природная сила и порождающее начало (от лат. natalis – «природный, относящийся к рождению»); Лизы Калитиной – религиозная совесть, религиозное служение, отказ от мирской жизни ради жизни в Боге (от греч. Ἐλισαβέτ – «Божья клятва», «обет Богу», «почитающая Бога», «Бог есть клятва её»). Фамилии тургеневских героинь выполняют, как правило, идентифицирующую функцию. Доминантная роль у писателя принадлежит личным антропонимам, которые обладают особой выразительностью, носят признаковый характер, раскрывают свойства, качества, сущность женских персонажей, т. е. выполняют функцию предикации.

Анализ показывает, что личностная сущность героини «Накануне» полностью соответствует смыслу её имени. По одной версии, имя Елена (от др. греч. – Ἑλένη, Ἑλένα) происходит от слова, которое в переводе означает «гречанка», по другой – от слова со значением «факел, свет, светлая, свер-

кающая, сияющая, блестящая, солнечная, лунная, огненная, избранная». Нельзя не заметить, что при создании образа Елены писатель активно использует символику *света* («глаза *светлели*»; «*свет* озарил меня»; «озарившего её *света*»; «лицо её все больше *светлело*»; «*светло* ему улыбнулась»; «лёгкие, *светлые* слёзы»; «смеющимся и ласкающим и нежным взглядом, который *светится* в одних только женских любящих глазах», «*светло* впереди» и др.), которая несёт особую смысловую нагрузку и является знаком красоты героини не столько внешней, сколько внутренней. Помимо света, доминантной чертой личности Елены является «огонь» души («Откуда же взялась эта душа у Елены? Кто зажёг этот огонь?»). *Огонь* – одна из фундаментальных стихий мироздания – является типичным символом сердца. В различных верованиях огонь соотносится с духовным началом и воспринимается как чистейший элемент, символизирующий праведность. Очевидно, что метафорическое употребление лексемы «огонь» означает духовную силу и энергию Елены. Героине не просто свойственны тепло человеческого участия, сочувствие страдающим, всем «притеснённым» (в том числе, животным), вся жизнь Елены, причём ещё до встречи с Инсаровым, озарена жаждой подвига («с детства жаждала деятельности, деятельного добра»; «милостыню она подавала заботливо, с невольной важностью, почти с волнением»; «долго думала о нищих, о Божьей воле» и др.). Любопытно, что стихией васильков, с венком из которых мечтает странствовать Елена [2, с. 34], тоже является огонь. Но, огню, как известно, присуща амбивалентная семантика: с одной стороны, он божественен, созидателен, с другой – разрушителен. Разрушительная сила внутреннего огня знакома и Елене: «Слабость возмущала её, глупость сердила, ложь она не прощала “во веки веков”; требования её ни перед чем не отступали, самые молитвы не раз мешались с укором. Стоило человеку потерять её уважение, – а суд произносила она скоро <…> и уж он переставал существовать для неё» [2, с. 32]. Не удивительно, что Елене чрезвычайно трудно найти равного себе избранника. В Инсарове её привлёк «неугасимый огонь»; Инсарова в Елене – «свет», исходящий от неё: «… и вдруг это возрождение, этот *свет* после тьмы, ты… ты… возле меня»; «Ты для меня впереди <…> для меня *светло*» [2, с. 55]. Соответственно, имя героини задаёт в романе сразу две темы – света и внутреннего горения, и этимологическое значение имени становится частью его текстовой семантики.

На протяжении всего романа Елена не изменяет своей «именной» сущности. Немаловажно, что героиня носит греческое имя. Известно, что именно греческой культуре присуща первичная эмансипация женщин, которые стремились разделять судьбу мужчин и участвовать в общественной жизни. Показательно, что Елена становится не только возлюбленной, женой Инсарова, но и другом, единомышленником, сознательным участником его дела. Правда, наряду с заострением героического потенциала личности Елены, её образ неотделим от мотива трагизма жизни. Симптоматично, что во сне Инсарова имя Елены сопрягается с войной и смертью: «кровь», «сабли», «багровый хаос». В. М. Маркович относит героиню к «высшему уровню» трагического героизма [1, с. 126]. «Накануне», пожалуй, – один из самых «философских» романов Тургенева. Уже в самом имени главной героини, отсылающем к архетипическому образу Елены Прекрасной, «таится» философское начало. Прослеживается оно и в философском споре Шубина и Берсенева в начале романа, и в авторских суждениях в его финале, и в отдельных деталях (падающая чайка; смерть-

рыбак, раскидывающая сети; похороны; водная стихия моря и др.), и в концовке произведения: «…след Елены исчез навсегда и безвозвратно, и никто не знает, жива ли она ещё, скрывается ли где, или уже кончилась маленькая игра жизни, кончилось её лёгкое брожение, и настала очередь смерти» [2, с. 166]. В общий контекст философской проблематики вписаны также рассуждения Елены у постели умирающего Инсарова, которая хочет, но не может в силу космического пессимизма найти ответы на мучащие её метафизические вопросы; наконец, авторское осмысление трагической вины героини. Корень трагической вины Елены, согласно автору, лежит в самом её появлении на свет. Но не только. Трагическая вина героини состоит в том, что она самостоятельно решает свою судьбу, стремится быть счастливой и избирает путь быть личностью. Как видно, личному имени героини присуща в тексте двойная семантика: «первое» – это общепринятые значения (в романе присутствуют мотивы света, огня), «второе» принадлежит автору и потому содержит уникальный набор когнитивных семантических признаков – героическое и трагическое.

Таким образом, у Тургенева наблюдается ассоциативное перенесение качеств имени на образ героини, и оно, выполняя характеризующую функцию, апеллятивно мотивировано в тексте. Вместе с тем, благодаря «двойной семантике», в подтексте антропонима Елена угадывается более сложная, чем в первых романах Тургенева, характеристика героини.

Библиографический список

1. Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. – Л., 1975.
2. Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 28-ми тт. – С. Т.VIII. – М.–Л., 1964.

К ПРОБЛЕМЕ УСТАНОВЛЕНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА И М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА)

М. В. Гай
Средняя общеобразовательная школа № 54,
г. Москва, Россия

Summary. There are many compulsory subjects on the school curriculum but literature is probably the one which is tightly connected with human being. A great number of novels reveal the human soul and show it on the background of material world, the desire for money, greediness.

Key words: soul, humanistic, material (physical) world-spiritual world, purpose of life, mental science, evil, kindness and love.

> «…Тенденция нашей эпохи стремиться к тому, что бы заместить во всём моральные двигатели материальными».
>
> *Э. Ренан*

Литература – один из немногих предметов в курсе школьного образования, который касается души, учит сопереживать, помогать понять и

простить, развить качества гуманной личности. И именно литература и её преподавание требует тщательной разработки общей концепции, определяющей направление развития методической науки, способствующей реализации стандарта образования. Согласно стандарту образования приоритетными направлениями в методике преподавания литературы считают формирование представлений о специфике литературы в ряду других искусств, читательского восприятия художественного текста, понимания авторской позиции, исторической и эстетической обусловленности литературного процесса и т. д. Прежде всего, эти направления касаются школьного курса литературы старших классов. При всём многообразии программ, методических пособий и рекомендаций трудно отдать предпочтение какому-либо из этих направлений. Но неизменным остаётся изучение отечественной литературы в курсе мирового литературного процесса. И это очень важно, так как для старшеклассника особенно ценно восприятие художественного произведения как целостной системы, базирующейся на единстве содержания и формы. На этом базируется художественно-исторический метод, предложенный В. М. Жирмунским, предполагающий раскрытие социальной обусловленности событий и характеров, отношение к действительности как к факту социальному, и тем самым историческому.

Развенчивание идей, связанных с новыми антропологическими проблемами, было продиктовано, прежде всего, общественно-политическими настроениями общества XIX века, а обращение писателей к меркантильным страстям человека связано с международными литературными взаимодействиями, с влиянием современных литературных образцов.

Так, ключевой фигурой французской литературы 30-40-х годов XIX века, бесспорно, является Оноре де Бальзак. По его мнению, *«жизнь – это чередование всяких комбинаций, их нужно изучать, следить за ними, чтобы всюду оставаться в выгодном положении». Именно об этом его повесть «Гобсек», написанная в 1830 году*. Повесть демонстрирует, как материальный мир побеждает моральный, до какой низости может опуститься человек. Герои повести наводят на следующие сравнения: в образе графа де Ресто преобладают моральные ценности, умирающие под давлением алчности и жажды денег, которые представлены графиней де Ресто. А Гобсек, в свою очередь, – это будто судьба, взяв что-то у которой мы должны вернуть должок, в обратном случае она накажет нас за нечестность и потерю человеческой порядочности. Гобсек – угрюмый и молчаливый человек. В своей жизни он сменил множество профессий, но всегда стремился к большей выгоде. Гобсек много путешествовал, побывал во многих странах, в жизни натерпелся и горя, и голода, и несчастной любви. Но всегда стремился только к богатству и самореализации.

Об этом, или практически об этом, напишет в семейном романе М. Е. Салтыков-Щедрин через 50 лет. Если можно максимально кратко охарактеризовать идейный смысл романа, то он заключается в двух словах – «пустое слово». Начало «пустому слову» даёт Арина Петровна, женщина энергичная и властолюбивая. Она, казалось бы, делает всё, что может, во имя интересов семьи. Однако шаг за шагом, поступательно и методично, материальные, вещественные интересы вытесняют из её души естественные человеческие чувства любви, жалости, заботы, беспокойства о самых близких. Её нисколько не волнует, что связи в семье полностью утратили своё душевное содержание. От сыновей она требует соблюдения только

внешней формы этих отношений – «почтительности», не понимая, сколь лицемерна и неестественна. С другой стороны, смутное чувство, что она не любима детьми, на её языке означает лишь то, что повзрослевшие мальчики могут обобрать её в старости, так как она «всё старалась угадать, который из них её злодеем будет».

В отличие от Порфирия Владимирыча, который предстаёт нам сначала «откровенным мальчиком», потом «кровопивушкой», а затем и Иудушкой (все прозвища, данные ему с детства, в полной мере подтвердятся его поступками), Оноре де Бальзак знакомит нас с Гобсеком, глубоким стариком, грустным и нелюдимым. У Гобсека отталкивающая внешность, но, несмотря на это, на свой возраст Гобсек не выглядит. Именно поэтому он его и не чувствует, ведь Гобсек будто бы считает, что будет жить всегда и наживать капитал. Об этом на протяжении всего романа думает и Иудушка, вдохновенно творящий пустоту там, где должно было быть подлинно человеческое содержание. Со смертью матери, братьев, гибелью детей, отъездом племянницы и разладом с Евпраксеюшкой Иудушка остаётся один, и вся его энергия сотворения пустоты оборачивается против него самого. На него нападает «запой праздномыслия». Он вступает на тот же путь, который уже прошёл его брат Павел. Он измышляет призраки, которых превращает в своих собеседников, с которыми вступает в расчёты, как денежные, так и личные. Но поскольку призраки не являются живыми, вся убийственная, кровососущая сила Иудушкиных фантазий разрушительно сказывается на нём самом.

Главной идеей ростовщика Бальзака было суждение о том, что «деньги – это смысл жизни. За деньги можно купить всё. Деньги – это религия, которой поклоняется весь мир». И это не безосновательное утверждение, ибо, к сожалению, большинство людей не интересует духовность, культура, чувственность. Эти люди наполнены жадностью к деньгам, для получения прибыли они не стыдятся никаких средств, ни измены, ни предательства.

Но, несмотря на все эти убеждения, Гобсек является очень интересной личностью. Он зарабатывал деньги не с целью их последующей траты на роскошь и житейские блага, он напоминал больше коллекционера. Профессия ростовщика никогда не вызывала позитивных эмоций, практически все называют ростовщиков скупердяями и жалуются на то, что ростовщики дерут огромные проценты. Но мало кто догадывается, что ростовщик может быть отличным психологом и проницательным человеком.

Нельзя сказать, что Гобсек был порядочным человеком. Да, он был скупым, расчётливым и угрюмым, но никак не недалеким и ограниченным. Гобсек смог найти в этой профессии интерес не только в заработке денег, но и в изучении поведения и психологии людей. Он хотел управлять людьми, но не в том понимании, к которому мы привыкли. Гобсек управлял людьми по-своему, с особенным наслаждением от того, что перед ним падают ниц даже графы и графини, он насмехался над ними, потому что эти люди настолько забывали про честь и гордость, что практически ползали на коленях для какого-то ростовщика.

К сожалению, когда Гобсек приблизился к порогу смерти, он стал очень скупым, он хотел забрать свои капиталы с собой в могилу, но не смог: «Он приподнялся на постели; его лицо чётко, как бронзовое, вырисовывалось на белой подушке. Протянув иссохшие руки, он вцепился костлявыми пальцами в одеяло, будто хотел за него удержаться, взглянул

на камин, такой же холодный, как его металлический взгляд, и умер в полном сознании, явив своей привратнице, инвалиду и мне образ насторожённого внимания, подобно тем старцам Древнего Рима, которых Летьер изобразил позади консулов на своей картине «Смерть детей Брута».

Трудно согласиться с тем, что Гобсек – сильная личность, но и безапелляционно заявить, что слабая – тоже нельзя. Ведь месть – это удел слабых, а возмездие – кара за содеянное. «Одичалая совесть» сводит с Иудушкой запоздалые счёты: он замерзает в мартовскую метель по дороге на кладбище. Каждому воздаётся по заслугам, и не важно, много или мало ты совершил мелких и подлых, бесчестных и низких поступков. Проведение настигнет и накажет, ведь ещё в средние века Отцы Церкви, решая проблему, в чём состоит самая сущность зла, пришли к выводу, что зло в своём первичном смысле – это отсутствие добра, ничто, пустота там, где положено чему-то быть.

Библиографический список

1. История русского романа: в 2 т. / ред. кол. – М.; Л., 1962. – Т. 1.
2. Сиприо П. Бальзак без маски. – М. (Серия «ЖЗЛ»). – 2003.
3. Тюнькин К. И. Салтыков-Щедрин. – М., 1989.
4. Художественный мир Салтыкова-Щедрина: Избр. тр. / отв. ред. Д. С. Лихачёв и В. Н. Баскаков. – Л., 1987.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БАЗОВЫХ КОНЦЕПТОВ В САТИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАРКА ТВЕНА

А. А. Щепотьева
Белгородский государственный университет,
г. Белгород, Россия

Summary. The paper deals with the conceptual basis of translation of the literary text. The optimal set of methods of conceptual analysis is determined here. For detailed analysis of original and translating texts it is necessary to single out the basic conceptual characteristics in the content of the text and study the cases of coincidence in the Russian and English language.

Key words: cognitive linguistics, concept, conceptual analysis, conceptual characteristics, representation.

Когнитивная лингвистика является одной из ведущих парадигм современной науки о языке в начале XXI века. Она исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении, и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций.

Ключевым понятием когнитивной лингвистики в настоящее время принято считать концепт. Дело в том, что концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это даёт большой простор для её толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несёт на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций.

Впервые в отечественной науке термин концепт был употреблён С. А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 году. Учёный определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопреде-

лённое множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода [1, с. 4].

Е. С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «Концепт – это оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [2, с. 90–92].

В настоящей статье под концептом понимается устойчивая языковая или авторская идея, смысл, основанный на когнитивном опыте адресата и адресанта, создающий определённый информационный фон художественного произведения. Для выявлений особенностей репрезентации базовых концептов в произведениях Марка Твена были отобраны несколько сатирических произведений автора и их переводы на русский язык. К ним применялся метод концептуального анализа. В данном случае необходимо обратить внимание на культурные различия, присущие произведениям и их переводу. Язык, ментальность и культура любой страны тесно связаны, а проблема этой связи стала одной из самых важных в наше время.

Двумя базовыми концептами в произведениях Марка Твена являются концепты «Мужчина» и «Женщина». Для удобства исследования их репрезентации используются концептуальные признаки. Под концептуальными признаками понимаются отражающиеся в нашем сознании объективные и субъективные характеристики явлений и понятий, различающиеся по степени употребления и составляющие содержание базовых концептов оригинального и переводящего художественного текста. В данной статье представлены только концептуальные признаки, наиболее точно и полно переданные в переводе произведений М. Твена.

Сначала проанализируем концептуальные признаки, относящиеся к базовому концепту «Женщина».

1. Концептуальный признак **«Надоедливость (irritation)»** в английском языке выражен словосочетаниями *«hanging around», «following about»* в русском переводе соответственно фразами – *«торчать перед глазами, ходить по пятам»*.

2. Концептуальный признак «**Чувствительность (sensitiveness)»** – «*to shed water out of the holes to look with; to make a noise such as some of the other animals make when they are in distress; to make pitiful noise again» – «проливать влагу из углублений, служащих чтобы созерцать окружающие предметы; издавать звуки вроде тех, что издают другие животные, когда попадают в беду; снова издавать жалобные звуки»*.

3. Следующий концептуальный признак, которому хотелось бы уделить внимание – это признак «**Болтливость («talkativeness»).** В английском он представлен словами – *I wish it would not talk; it is always talking*; *she has such a rage for explaining, I love to talk; I talk all day and in my sleep*. В русском языке он также представлен полно: *«Лишь бы только оно не говорило; оно говорит не умолкая; она одержима манией всё разъяснять; так как я очень люблю болтать; я болтаю весь день и даже в сне»*.

4. Концептуальный признак «**Любопытства (curiosity)»** представлен в английском языке выражениями – «*to try to clod apples from the forbidden tree; why the animals called lions and tigers live on grass and flowers when… they intended to eat each other; she has been climbing the tree again»*. В русском языке – «*пытаться сбить яблоки с того дерева, на которое наложен запрет; почему животные, называемые львами и*

тиграми, питаются травой и цветами, в то время как... они созданы с расчётом на то, чтобы поедать друг друга; она опять лазила на дерево».

5. Концептуальный признак «**Хозяйственность (housewifery)»** представлен в произведении фразой – «*The beast which she had tamed and calls a wolf*». «*Животное, которое ей удалось приучить, и которое она зовет волком*». Роль женщины как хорошей хозяйки дома всегда занимала одно из важнейших мест в структуре идеала женственности.

6. Признак «**Эстетичность (aesthetic qualities)»** – *«Noble and beautiful works of art should not be subjected to haste; and this majestic new world is indeed a most noble and beautiful work; for if it was not GOOD for something, but only beautiful, merely beautiful; it was beautiful, surpassingly beautiful, enchantingly beautiful; and now it is lost, and I shall not see it any more»* – очень красочно передан в русском переводе – *«Прекрасные и благородные произведения искусства не должны создаваться в спешке, а этот величественный новый мир - воистину прекрасное и благородное творение; потому что, если это ни к чему не пригодно, а просто красиво, только красиво; он был прекрасен, несравненно прекрасен, упоительно прекрасен, а теперь он потерян для нас, и я никогда больше его не увижу.*

7. И, наконец, последний концептуальный признак, полностью раскрытый в произведении и относящийся к женщине – концептуальный признак «**Материнства (motherhood)».** Он представлен очень полно и развёрнуто как в английском, так и в русском языках. «*The coming of the creature seems to have changes her whole nature. She thinks more of it than she does of any of other animals, but is not able to explain why. She makes fool noises to amuse it, and pretends to chew its paws and that makes it laugh*». – «*С тех пор как у нас появилось это существо, её словно подменили. Ни одно животное так не поглощало её помыслы, как эта тварь, но при этом она совершенно не в состоянии объяснить – почему. Она издаёт ртом какие-то нелепые звуки, чтобы позабавить рыбу, и делает вид, как будто кусает её конечности, а рыба смеётся*».

Теперь рассмотрим концептуальные признаки базового концепта «Мужчина».

8. Первый концептуальный признак – «**Покорность закону (obedience to law)».** «*She said nobody was looking. Seems to consider that a sufficient justification for chancing any dangerous thing. I advised her to keep away from the tree. This morning found the new creature trying to clod apples out of that forbidden tree. We cannot overturn the whole scheme*». «*Она заявила, что никто, дескать, её не видел. Для неё, по-видимому, это служит достаточным оправданием, чтобы рисковать и подвергать себя опасности. Я посоветовал ей держаться подальше от этого дерева. Новое существо пыталось сбить яблоки с того дерева, на которое наложен запрет. Мы не можем ниспровергнуть всю нашу систему*».

9. Очень интересный концептуальный признак, присущий Адаму – это «**Экспериментаторство (investigation)»**. «*When I put it in a water to see, it sank. I will take it apart and see what its arrangements are. The further study of it will be exceedingly interesting. I have been comparing the new one with the old one, and it is perfectly plain that they are the same breed*». «*Когда я для проверки опустил его в озеро, оно пошло на дно. Я*

расчленю его, чтобы узнать, как оно устроен. Дальнейшее изучение его может дать необычайно интересные результаты. Я сравниваю нового со старым, и мне совершенно ясно, что они одной породы».

В целом, необходимо отметить, что переводчик достаточно точно передал базовые концепты и концептуальные признаки текста оригинала на русский язык. Во всех примерах, приведённых выше, была сохранена ирония, замеченная в оригинале произведения Марка Твена для сохранения живости и особенности описания. Это свидетельствует как о близости двух концептосфер (русской и английской), так и об общности двух языков, реперезентующих базовые концепты «Мужчина» и «Женщина», практически с равной степенью точности. Благодаря этому переведённое произведение не утратило своей художественной ценности, остроты и иронии.

Библиографический список

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 267–279.
2. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.

РАЗЛАД В СЕМЬЕ И ПУЛЬСАЦИЯ ХРОНОТОПА В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «КРЕЩЁНЫЙ КИТАЕЦ»

Т. В. Юнина
Волжский гуманитарный институт (филиал)
ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»,
г. Волжский, Россия

Summary. Name the novel («Baptized Chinaman») brings together eastern and western origin, shows how close was A. White idea of synthesis of cultures, while the story itself is clearly painted as far from harmony within the relationship of one family. Globally family problems – symptom of impending world catastrophe.

Key wors: Andrew White, «Baptized Chinaman», Kotick Flies, chronotope.

Как известно, «любое действие в художественном произведении может встречать большее или меньшее сопротивление среды» [1, с. 130]. В «Крещёном китайце» мы сталкиваемся с уникальным случаем анизотропной среды. Главный герой, Котик Летаев, своего рода пробная частица для тех или иных проявлений окружающей среды, в наибольшей степени исходящих от отца и матери. То, что вызывает похвалу отца, автоматически отрицательно оценивается матерью. Она боится, что сын повторит отца, станет математиком, «голованом», своей собственной частью. Отец опасается того, что сын вырастет «пустоплясом», вместо серьёзного дела займётся какой-либо игрой, станет частью праздничного материнского мира.

Опасения обоих небезосновательны. Как заметил Ю. М. Лотман, всех персонажей художественного произведения с достаточной долей условности можно подразделить на два класса: одни приспосабливаются к окружающему их пространству, другие несут своё собственное с собой в другую обстановку. Именно к этим вполне сформировавшимся характерам и принадлежат родители мальчика. Их можно назвать «героями пространственной и этической неподвижности, которые если и перемещаются со-

гласно требованиям сюжета, то несут и свойственный им locus ‹…› герои, которые ещё не способны изменяться или которым это уже не нужно» [2, с. 256]. Оба родителя всюду влекут за собой свою собственную атмосферу, свойственное только им пространство, стремясь расширить его и в квартире, и за её пределами.

Ссора супругов началась с того, что мама помечтала о глобальном расширении квартиры, уподобила лоб своего учёного мужа в деле приобретения бытовых удобств камню мостовой, посягнула на его вычисления и тем самым сжала его личное пространство во всех своих аспектах. И через метаморфозы папиного лица, сжимающегося и исчезающего, автор показывает как бы выброс гневной энергии как будто бы из ничего, из дыры. Вслед за этим папин мир расширяется, строптивая мама укрощается. Однако сужение и расширение пространств супругов взаимообратимо.

Начало «Крещёного китайца» – это столкновение книжного и водного потока. Вода в романе соединяет высокое и низкое, твёрдое и газообразное, реальность и сверхреальность. Ценность её относительна, зависит от той или иной ситуации. Вода священна для отца, но и для матери она становится оружием в борьбе с книгами, переполняющими папин кабинет, способом их порчи. На лексическом и звуковом уровне А. Белый подчёркивает сходство этих разнородных стихий (воды и книг): «Боролись с коленчатым рядом томов, *разводимых* огромными быстро рыжевшими массами» [3, с. 163]. Отец попытался выставить полочку книг в гостиную, что вызвало решительное неприятие матери. Такая «вылазка» книг была отбита. Показательна реакция женщины на эту инициативу мужа: «Увидевши полочку, мама всплеснула руками; и личико всё прохудело от скуки; и кинулось прямо в глаза; и лицо её стало одним сплошным взглядом придирчивым» [3, с. 162]. Нетрудно увидеть, что автор рисует враждебность начала, вторгшегося в мамину жизнь, показывая последовательную и всё большую дематерилизацию её лица. Большая часть лица поглощается меньшей, уходит в глаза, становящиеся всего лишь сгустком волн. Мама не только способствует разуплотнению объектов реального мира, но и сама способна частично исчезать. Борьба между супругами идёт не только на физически реальном уровне, но и на уровне эфирных тел. Существенно, что и «всплеснуть», и «прохудиться» – глаголы, имеющие отношение к воде.

Для жены книги – источник беспорядка и пыли: «*Разводите* пыль. Коль хотите вы пыль *разводить*, то держите её у себя» [3, с. 162]. Это уже предвещает недалёкое будущее, когда мама поставит умывальник в кабинет папе, сама перейдёт в контратаку и будет «плескаться и брызгать на книги водою и мылом» [3, с. 164], «разводить» их, «так сказать», в воде. Разумеется, папе это не могло помешать творить свои исчислимые миры.

Однако в гневе папа очень похож на маму, в нём тоже живо хаотическое начало, и это совершенно очевидно в главе «Папа дошёл до гвоздя», где проступает «собачий» лик папы. Автор сравнивает его с псом, покорно давшим себя загнать в конуру, но не позволяющим там себя дразнить. Когда же мама пытается это сделать, то папин облик резко меняется: «распалось в морщины лицо с очень злыми татарскими глазками; стало совсем, как сморчок, угрожая колючей щетиной; и стало дырой» [3, с. 233]. На бытовом уровне перед нами – пульсирующее пространство. Сверхплотное сжатие его при дальнейшем сжатии всегда рискует перейти в свою собственную противоположность – в пустоту, в дыру, в исчезновение объек-

тов. Любопытно, что лицо наступающего папы сужается, а лицо отступающей мамы расширяется: «рот растянулся от страха и злобы; пятно лицевое – медуза, которая шлёпнется» [3, с. 234]. Дальнейшая зоологизация поведения довершает симметрию ссоры: «Мамочка спряталась в тени, отшлёпав к алькову и взвизгнув оттуда собачкой, которую пнули» [3, с. 234].

Итак, всё вполне симметрично. Наибольшее расширение пространства «собачки-мамы» сменилось наибольшим сжатием до точки. «Пёс-папа» торжествует. Ликвидация вторгшегося в папино пространство рукомойника блистательно завершается ударами гвоздя по жести, за которыми следует кардинально сжатие пространства супруги, «которая звуком гвоздя ‹…› повергается в обморок: головою в подушки; и – тонет от слёз» [3, с. 235]. Бытовая ссора отца и матери перерастает в угрозу «гибели мира». Отец может наказать мир, как некогда Бог наказал Содом: «и мамочка знает: "*всё*" знает; и знает, что папа позволил себя ей ругать, но… до… до…: до "*гвоздя*"; до "*гвоздя*" и ругается; и водворяется после "*гвоздя*" величавая строгость и ясность "*простых отношений*": зеркально, хрустально, как в день мироздания!» [3, с. 268] Но всё же это крайне неустойчивое равновесие. Может быть, автобиографические обстоятельства и сделали художественную прозу А. Белого текучей, пульсирующей, непостоянной. Апокалиптический «гвоздь» есть предел, точка, которая разделяет столь хрупкий земной мир от космического хаоса. Угроза «преступить гвоздь» сохраняется на протяжении всего повествования, и Котик уверен: «если преступим мы "*гвоздь*", оборвутся вновь "*красные ливни*", и – Мёртвое, горькое море откроется в комнатах тотчас» [3, с. 268].

Кульминационный момент разлада в семье дан в главе «Агура-Маздао» и спроецирован на урок географии, который даёт ребёнку отец. Происходит предельное расширение пространства России, с девизом «это всё наше, но нашлись враги внутри страны, предавшие интересы родины, внутренние немцы, так сказать». Прислушаемся к объяснению профессора: «Россия, брат, – во!» – раскидает ладонями он, мне напомнивши жест Саваофа под куполом Храма Спасителя (нос Саваофа был взят Кошелевым с профессора Усова: нос – в три аршина!)» [3, с. 223]. Эта мгновенная зарисовка соединяет сакральное и профанное пространство, реальность и искусство. Символичен и ножик, подбрасываемый в воздух и ловимый рукой профессора во время перечисления территорий России: «Она заключает ‹…› Туркестан, и Кавказ, и Сибирь, Бухару и Хиву, и Финляндию» [3, с. 223]. Нож – это разрез, отсечение. А большей части того, что называет отец, сейчас уже нет в составе России. Разлад в семье мальчика – предчувствие многострадального будущего родной страны. Процесс этого распада намечен в разговоре сына и отца задолго до всех аналитических штудий XX века, и переживается как настоящая трагедия: «У нас есть Камчатка; и даже Аляской владели мы, но… чёрт возьми», – и лицо прорезает угрюмая складка, и смотрит пустыми глазами от ужаса:

– «Чёрт возьми! Немцы, чинуши, её проморгали: Аляску мы продали» [3, с. 223]. Тема продажности всего и вся многократно всплывёт потом в русской литературе, и её предельное выражение найдёт себя в строчке стихотворения А. Ахматовой, написанного в том же 1921 году, когда вышел и «Крещёный китаец»: «Всё расхищено, предано, продано» [4, с. 171]. Разумеется, время Гражданской войны не прошло бесследно и для А. Белого. Таким образом, речь отца фиксирует пульсацию географического про-

странства России. В геополитику прошлого вмешивается будущее. Так, по мнению Д. Н. Замятина, прогнозирование географических образов есть процесс их структурирования как бы в обратной перспективе. «Глубина формирующегося ментально-географического (образно-географического) пространства, “опрокинутого” в будущее, является результатом его содержательного расширения в прошлое» и – обратно [5, с. 266].

С глазами, «пустыми от ужаса», отец обвиняет немцев в продаже Аляски. С позиции повзрослевшего писателя, пережившего Первую мировую войну и распад России во время Гражданской войны, такое обвинение вполне понятно. В урок географии свою лепту вносит не только прошлое, но и будущее России, осознанное А. Белым как трагедия. Таким образом, авторское пространство-время вмешивается в пространство-время персонажей, и прошлое как бы начинает определяться будущим. Из всех перечисленных российских территорий ребёнок запомнил только Урал – границу Европы и Азии, становой хребет России, победивший немецкий Рур уже в Великой Отечественной войне.

Во время учения мальчика мама вся превращается в слух, или, как замечает автор, «протянута мамочка в слух» [3, с. 224]. Мамочка сравнивается и с тигром, и с множеством тигров, в глазах ребёнка она олицетворяет настоящую опасность и мешает обучению на расстоянии. Внешнее воздействие немедленно переходит во внутренний мир, и мальчик подбирает пары подходящих понятий, а третье присоединяется к ним совершенно случайно. И слова папы начинают соответствовать фигуркам в шахматном ящике, зато незримо присутствующая мама – тут как тут: «память моя убегает из пяточки в пальчик: из страха, что мама проснётся» [3, с. 225]. По русской поговорке – у ребёнка «душа в пятки ушла».

К моменту столкновения родителей мальчик пребывает в странной заторможенности. Все названия вылетели из головы, кроме Урала – этой границы Европы и Азии, многократно напоминаемой папой, но вот, что ещё есть в России, ребёнок бессилен вспомнить. И не напрасно. Большая часть из названных папой территорий и городов уже в следующем веке не будет принадлежать России. Забывчивость в данном случае можно считать проницательностью. Следует отметить, что из-за опасения столкновения между родителями, герой находится в ультрапарадоксальном возбуждении, между сверхплотностью знания и полным его отсутствием, между жизнью и смертью, потому что мать отрекается от сына, а у отца наливаются жилы на лбу и на шее. И обоих ребёнку жалко. Отец настаивает на том, чтобы сын запомнил всё сказанное, мать – на том, что ему ещё рано что-либо знать. Такому пограничному состоянию многие мифы приписывают сверхчеловеческие возможности. В русской литературе эта традиция идёт от пушкинского «Пророка». Ребёнок «Крещёного китайца» во время яростной борьбы взрослых за него, когда он не знает, чьему приказу подчиниться, тоже обретает сверхчуткость слуха, зрения и обоняния: «воют в трубе древотрясные ветры; и явственно слышится звук белендрясов, строчимых на швейной машинке (строчится экспромт: маскарадный костюм); – слышен звук упадаемых дров (он из кухни)» (с. 224). В этот момент мальчик даже отчётливо видит сквозь стены, как «Антон, дуботол, дровощеп, стоеросовый весь ‹…› свалил там вязаночку; и, пососав заусенец, ушёл, отвонявши овчиной» [3, с. 224]. Таким образом, перцептуальное пространство-время значительно расширяется, хотя герой пребывает всё в

той же комнате, почти в одном и том же месте, застыв между полярно направленными силами. И вся его сверхчувствительность оказывается порождена особым пограничным состоянием: «я – не живой и не мёртвый» [3, с. 225]. Это неопределённость между воображаемой жизнью и смертью, между папой и мамой сохраняется на протяжении всего повествования и предполагает цикл.

Наконец, борьба за ребёнка переходит в открытую стадию. Мальчика тормошат руки взрослых, тянущие его в разные стороны: «тах-тарарах: громко падает стул; завязалась борьба – за меня (оборвали тесёмочку мне)» [3, с. 226]. Герой становится «разъятым» во имя по-разному понимаемой любви к нему, но он прощает родителей. Мамочка отшлёпывает сына по щеке, а он с любовью целует ей ножку.

Однако взрослые снова оказываются в биологическом подпространстве. В сцене борьбы за мальчика они зоологизируются: отец сравнивается с козлом и оба родителя – с петухами. Ссора подсвечена и соответствующим заоконным пейзажем: холодными зимними сумерками. В наступающем сумраке обнаруживаются могущественные безличные силы, что «на лысую голову шара земного надели цилиндр, очень чёрный; рукой роковой нахлобучили ночь» [3, с. 226]. А. Белый не просто говорит о сгущении темноты, но превращает темь во множество объектов, способных к самопорождению: «в углу началось размножение мраков» [3, с. 226]. Происходит уплотнение темноты. Но на этот раз, после ссоры отца и матери, темнота какая-то особая, смесь черноты и пустоты: «черноходы пошли коридором: выстукивать! Чёрные фраки проходят безного, безглаво – один за другим, наклоняясь друг к другу изъятием лиц» [3, с. 227]. И мальчик, повторяя путь человеческой эволюции, отступает к теплу и свету – к печке. А в гостиной возникает бабушка, то ли реальная, то ли мистическая парка, которая «с моточком, с крючочком» из самого ребёнка «выборматывает» его жизнь. Затем происходит даже полное отождествление старушки и жизни, и возникает парадокс: приближаясь к концу своих земных дней, находясь в преддверии смерти, человек становится олицетворением жизни. Это равенство противоположностей предваряет цикл, что сейчас же и даёт автор. Смена человеческих поколений поясняется происходящим в мире насекомых. И тогда оказывается видимым некоторое соответствие: «чёрная бабушка – жизнь; этой бабушкой стала и бабушка; мы ею станем, когда мы устанем; ‹…› старимся мы как другие, которые смолоду так, как и я, залегают, как гусеница, в перевязанных крепко пеленках, потом вылетают, как бабочки» [3, с. 226–227]. И ссора родителей за мальчика на этот раз заканчивается примирением.

Библиографический список

1. Лихачёв Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. – СПб.: Алетейя, 2001.
2. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988.
3. Белый А. Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещёный китаец. Записки чудака. – М.: Республика, 1997.
4. Ахматова А. Избранное. – М., 1990.
5. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006.

ГРАФИЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС»

Н. С. Капитонова
Донской технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Summary. The article analyses the graphic clusters as a means of characters' mental space constructing in J. Joyce's "Ulysses". Based on diffusion of oral and written speech, graphic clusters reveal the "facts" connected with banal and routine everyday experience. They represent the reality of a special moment in the Dublin life of 1904.

Key words: modernist text, graphic cluster, mental space, everyday experience.

Исследователи отмечают, что речевая репрезентация языковых особенностей, присущих стилю внутренних монологов Молли Блум, может быть обозначена обобщающей, общепринятой в изысканиях по модернизму метафорой – поток сознания [1; 2; 3]. Особенно ярко эти особенности проявляются в финальной главе романа, озаглавленной «Пенелопа». Поток ночных ассоциаций, актуализируемый в когнитивном сознании Молли, подкрепляется отсутствием пунктуации и логической связи, сам монолог приобретает форму бесформенного дискурсивного потока, который семантизирует «последнее слово» в романе. В этом случае репрезентируется материальный мир, аутентичная реальность, переполненная «деталями» повседневности и лишенная романтического видения.

Как представляется, следующий «поток» является типичным для монологов Молли: *"I'd love to have a long talk with an intelligent well-educated person. I'd have to get a nice pair of red slippers, like those Turks with the fez used to sell – or yellow; and a nice semi-transparent morning gown (that I badly want), or a peach-blossom dressing jacket like the one long ago in Walpole's (only eight-and-six, or eighteen-and-six). I'll just give him one more chance. I'll get up early in the morning – I'm sick of Cohen's old bed, in any case. I might go over to the markets to see all the vegetables and cabbages and tomatoes and carrots and all kinds of splendid fruits all coming in, lovely and fresh. Who knows who'd be the first man I'd meet? They're out looking for it in the morning; Many Dillon used to say they are, and the night too. That was her mass-going! I'd love a big juicy pear now, to melt in your mouth, like when I used to be in the longing way. Then I'll throw him up his eggs and tea in the moustachecup she gave him to make his mouth bigger/ I suppose he'd like my nice cream, too. I know what I'll do: I'll go about rather gay, not much, singing a bit now and then. 'Mi fa pieta Massetto'. Then I'll start dressing myself to go out. 'Presto, non son più forte'. I'll put on my best shift and drawers – let him have a good eyeful out of that to make his micky stand for him"* [4, с. 510].

Данный отрывок выявляет непроизвольную ментальную энергию, движимую от одной темы к другой. В нём не наблюдается маркированной трансгрессии фиксированных законов грамматики или обрамления языка в новую реальность свободы и бесформенности. Обнаруживаемые в нём синтаксические девиации фактически характерны и для повседневной спонтанной речи: так, во втором предложении компонент *yellow* «отодвигается в конец высказывания (вместо привычного *red or yellow slippers*), что, возможно, подчёркивает вторичность мысли об альтернативе качества

актуализированного в сознании предмета. В данном предложении также элиминируется глагол перед компонентом *long ago*, что также может наблюдаться в разговорной непринуждённой речи, представляются исправления фактов (*eight-and-six, or eighteen-and-six*), которые не допустимы в письменной речи.

Внутренние монологи Стивена и Блума выявляют «более радикальные» нарушения грамматических конвенций. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести монолог Блума, обнаруживаемый в этой же главе, который поддерживает конвенцию транскрипции, характерный для данной главы и может быть представлен как модель, концентрирующая парадигматические скопления языковых единиц разного уровня. Ср.: *"Howth Baily light 2 4 6 8 9 see has to change or they might think it a house wreckers Grace darling people afraid of the dark also glowworms cyclists lightingup time jewels diamonds flash better women light is a kind of reassuring not going to hurt you better now of course than long ago country roads run you through the small guts for nothing still two types there are you bob against scowl or smile pardon not at all best time to spray plants too in the shade after the sun some light still red rays are longest roygbiv Vance taught us red orange yellow blue indigo violet a star I see Venus cant tell yet 2 when 3 its night"*.

Напряжение между использованием – институализированным и нарушающим традиционные каноны – языковых единиц предстаёт центральным для «Улисса», что отражает напряжение между сознательными и бессознательными желаниями внутреннего мира персонажей. Язык для Джойса утрачивает свою естественную составляющую и превращается в средство импликаций и двузначностей. Языковой способностью наделяются и неодушевленные предметы: для Блума печатающий станок говорит *Sllt* [4, с. 175], проходящий поезд – *frseeeeeeeefronnnng* [4, с. 596]. Звуки повседневности аккумулируются в парадигматических скоплениях графем, своеобразных графических кластерах.

Очевидно, что Дж. Джойс для речевой репрезентации мыслей Молли избирает набор конвенций, который отличается от задействованного ранее для текстового воплощения внутренней речи Блума и Стивена. Отличие в данных наборах конвенций выявляет тот факт, что определение внутренней речи Молли как «потока сознания» не совсем точно. Оба стиля отражения внутренней речи предполагают ассоциативные «скачки», потенциальную бесконечность потока сознания.

Однако для внутренней речи Молли характерна большая синтаксическая корректность и эксплицитность передачи смысла, более плавный переход от одного предмета – к другому. В то время как семантические скачки, частотный эллипсис и концентрация парадигматических скоплений языковых единиц в мыслях Блума выявляет эксцентрическое и непредсказуемое сознание.

В когнитивном сознании читателя отсутствие пунктуации во внутренней речи Блума может ассоциироваться с сонным состоянием персонажа, с распадом рациональной мысли, чему также способствуют и более разительные девиации в синтаксисе, чем это наблюдается в речи Молли. С другой стороны, отсутствие графических знаков может быть интерпретировано как символический указатель неуправляемости мысли, что вполне естественно при тех обстоятельствах, в которых оказался персонаж.

Однако визуальная (текстовая) реализация данных мыслей не может быть непосредственной репрезентацией ментального процесса. То, что

читатель, по мнению автора, должен вообразить, является форматом устного высказывания, в котором, вследствие отражения «быстрой» мысли, минимизируются синтаксические паузы.

В процессе презентации внутренних мыслей персонажа в рамках данной главы Дж. Джойс также изобретает многочисленные конвенции, связанные с нарушением правил письменной речи: *“i kiss then would send them all spinning…”, “i of the 7 wonders of the world”*. Во внутренней речи Молли «смешивается» использование заглавных и прописных букв; прописные буквы используются вместо заглавных и наоборот, что можно отнести к кластерам графической разновидности. Ср.: *the german Emperor, the prince of Wales, paris, “like a Stallion driving it up into you”, “all for his Kidney”, “I tried with the Banana”*.

Данные визуальные эффекты в тексте свидетельствуют не о стиле мышления персонажа, а о стиле письма самого автора, который прибегает к неконвенциональной орфографической практике, которая игнорирует правила пунктуации и орфографии, представляет транскрипцию слова, а не его «орфографический облик».

Молли также ведёт сомнительную переписку, и письма предстают важной характеристикой её внутренних монологов. Джойс мастерски «эксплуатирует» преимущества письменного текста для графического представления этих монологов. В «Пенелопе» упоминается открытка, полученная от Гестера Станхоупа, которая переполнена аббревиатурами, представляющими собой графические кластеры – *«wogger wd give anything to be back in Gib”, “yrs affly Hester x x x x x”* – и ошибками – *“still there [for theyre] lovely* [4, с. 567].

Молли вспоминает письмо, которое она отправила себе, чтобы развеять скуку своего пребывания на Гибралтаре после отъезда Гестера. Существенным предстаёт тот факт, что конверт содержал не письмо, а только *“bits of paper”*.

Воспоминание о кончине своего знакомого параллельно сопровождается её раздумьями о письмах, которые она не может не писать: *“it’s a bother having to answer he always tells me the wrong things and no stops to say like making a speech your sad bereavement symp~~h~~athy I always make that mistake and ne~~w~~phew with 2 double yous in I hope hell write me a longer letter the next time… I could write the answer in bed to let him imagine me short just after a few words not those long crossed letters Atty Dillon used to write to the fellow that was something in the four courts that jilted her after out of the ladies letterwriter when I told her to say a few simple words twist how he liked not acting with precipat precip itancy with equal candour…”* [4, с. 543].

Читатель догадывается о трудностях Молли в написании писем: выражение симпатии в письме для неё является утомительным, она полагается на своего мужа в том отношении, что тот всё для неё продиктует – процедура, которая для неё оказалась более лёгкой, если Леопольд не забывал говорить, где нужно ставить знак препинания (*and no stops*). Молли делает ошибки в написании слов (в данном случае Джойс снова прибегает к чисто визуальному средству: зачёркивание ошибочных букв в словах *symp~~h~~athy, ne~~w~~phew*), что также можно рассматривать в качестве графических кластеров. Визуальный аспект, реализуемый графическими кластерами, снова актуализируется в данной главе, когда Молли о своей

ошибке в написании слова *newphew*: буква *w* в этот момент транскрибируется как *double yous*.

Однако, как представляется, не стоит полагать, что данная глава должна быть однозначно интерпретирована как репрезентации манеры письма Молли. Орфографические ошибки в рамках главы являются минимальными: испанские, французские и итальянские фразы, как и многочисленные имена личные «даются» без ошибок. Вместе с тем, в тексте можно обнаружить типичные для Джойса скопления звуков, которые не приемлемы в письменном тексте (если только говорить не о модернистском тексте): *"I love rousing that dog in the hotel rrrsssstt awokwokawok"* [4, с. 575].

Глава «Пенелопа» представляет собой текст, в котором эксплуатируется авторская привычка моделировать «диффузию» устной и письменной речи, или – точнее – демонстрировать нераздельность и взаимосвязанность двух типов речевой практики в модернистской литературной культуре. Анализируя визуальную технику, можно предположить, что её конструктивная роль в выражении бесконечного потока мыслей, порождённого сильными желаниями и воспоминаниями персонажей, определяется не сферой чистой субъективности, а материальными, дифференциальными и культурными достояниями языка.

Графические кластеры, которые обнаруживаются только в письменном формате, не просто «транскрибируют» ментальное пространство персонажей, но выступают значительной составной частью в моделировании этого пространства. Это означает, что в рамках модернистского текста мысль подвержена тем «случайностям», «отсрочкам» и «опущениям», которые непосредственно относятся к языку. Мысль выступает колыбелью человеческого опыта в идентификации и презентации себя. Естественно, что читатель идентифицирует Молли в том числе и с опорой на сферу её бессознательного, фиксируемую в тексте графическими кластерами.

Данная разновидность кластеров в художественной ткани романа выявляют «факты», связанные с банальным, вульгарным и рутинным повседневным опытом персонажей. В результате, категория повседневного становится очевидной в модернистском тексте Дж. Джойса. Каталогизируя повседневный опыт персонажей в течение одного дня, графические кластеры репрезентируют реальность особого момента в жизни Дублина 1904 г., служат средством семантизации разницы между повседневным событием и её речевым воплощением, которое изменяет данное событие, делает его экстраординарным.

Джойс порождает текстуру и правдоподобность повседневной жизни посредством фиксации на ней особого внимания и одновременно «пускает на самотёк» свой замысел в отношении речевых средств отражения повседневности, возводя их в ранг эстетической практики. При этом повседневные «казусы» – орфографические ошибки, описки и оговорки – становятся показательными в аспекте отражения желаний и невротического состояния персонажей. Ср. например, любовное письмо Молли к «Генри Флауэру», в котором она употребляет слово *world* вместо слова *word*. Графический кластер (разрушение парадигматики графем, приводящее к появлению нового смысла) отражает предпочтение персонажа мира фантазии в сравнении с реальным миром повседневного Дублина. Описка выявляет виртуальных мир бессознательных желаний персонажа.

Библиографический список

1. Bowen Z., James F. A Companion to Joyce Studies. – Westport, CT: Greenwood Press, 1984.
2. Gottfried R. K. The Art of Joyce's Syntax in 'Ulysses'. – London: Macmillan, 1971.
3. Pearce R. Molly Blooms: A Polylogue on 'Penelope' and Cultural Studies. – Madison: University of Wisconsin Press, 1986.
4. Joyce J. Ulysses. – L.: Penguin Books, 1985.

Г. ДЖАВИД И РОМАНТИЧЕСКАЯ СВОБОДА

С. Х. Мамедова
Институт литературы им. Н. Гянджави Национальной Академии Наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан

Summary. Freedom theme was one of the basic research objects of romanticism. The given article is dedicated to the reflections of the Azerbaijan poet and the playwright G. Javid about freedom, and also to his romantic and real description of a romantic way taken to freedom. Besides it, fragments from the writer's works of romanticism creating fine synthesis and realism here are given and his ideas about romantic freedom are looked through.

Key words: romanticism, realism, romantic freedom, ideal of freedom, human problems.

Свобода является основной темой романтизма в мировой и восточной литературе. Свободу нельзя понять однозначно. Свобода слова, свобода личности, свобода вероисповедования в романтических произведениях превращается в общечеловеческую свободу. Следовательно, тема свободы является основной в романтической литературе. Тема свободы родное понятие и для Азербайджанской литературы. В отличие от реализма свобода в романтизме преподносится читателю совершенно в другой форме. В романтических произведениях противопоставляются материальное и духовное начало. По мнению романтиков, тело является тюрьмой духа. Для романтиков настоящая свобода – отрыв от материального мира и поиск своего идеала в небесах.

Известный азербайджанский поэт Гусейн Джавид идеал свободы искал в отрыве от материального мира, в неземном пространстве. Идея духовной свободы является ведущей в творчестве Гусейна Джавида. Его основные герои Шейх Санан, Шейда, художник Джалал находят свой идеал свободы в небесах.

В противоположность философии свободы понятия любви и уважения в романтизме безграничны. Так как свобода, в первую очередь, является свободой личности и её независимого существования в обществе. А это и есть основа общественно-политической свободы. Романтики же, объединив две формы свободы, до последней капли крови боролись под лозунгом «полная свобода». Несмотря на то, что в азербайджанской литературе история романтизма восходит к XII веку, идея свободного общества имеет более древнее корни.

В дастане «Книга моего Деда Коркута», созданном в VI–VII веках, огузы – древние предки азербайджанцев – жили свободно. Естественно, что в таком обществе придавали огромное значение свободе личности. Уважение, оказываемое огузским предводителям, было обоюдным. Поэтому при справедливом управлении не попираются права человека, даже не нарушались права женщин, они как и все, имели свободу личности, слова

и любви. Испокон веков огузские дети, будучи свободомыслящими, спустя некоторое время никак не могли привыкнуть к зависимости от кого-либо. Захват арабами Азербайджана, насильственное навязывание другой религии, окутывание женщин в чёрную чадру – всё это привело к уничтожению общественной и личной свободы. Затем персидский гнёт, феодальное господство полностью подчинили себе людей.

Такие понятия, как свобода и общественная свобода, являются основными чертами творчества Гусейна Джавида. «Идея свободы, этап свободного и всестороннего развития внутренних сил человека в произведениях Г. Джавида тесно связны между собой и постоянно развиваются по возрастающей линии» [6, с. 6]. В таких стихах, как «Война и катастрофа», «Женщина», «В 30 лет» и других, написанных в начальном этапе его творчества, уже наблюдаются ростки свободы. Такого рода стихотворением является «Восточная женщина». Оно написано от имени устами восточной женщины, заключённой в «ржавые оковы», глядящей на мир сквозь завесу суеверия. Она заложница жестоких законов деспотизма и религии. Поэт, создав такой печальный обобщённый художественный образ женщины, выдвигает проблему женской свободы на общественный уровень. Это рабская участь не одной, а всех женщин.

Если личность свободна, то, значит, и общество свободно. Несмотря на то, что свобода является действительным понятием, в стихах она представляется в романтическом аспекте. Так как в стихах Г. Джавида свобода воспринимается в абстрактном смысле, возникает вопрос: «женщина освободилась, порвав завесу окутывающей её темноты, но каким образом?».

Понятие романтической свободы совмещает в себе государственную свободу, свободу мыслей, любви, религии, политическую свободу, свободу слова, свободу женщины, одним словом, личную и общественную свободу. Если личность свободна, то и общество свободно. Путь, ведущий к свободе, для романтиков был связан со временем их существования. Романтические размышления связаны с событиями, очевидцем которых был лично сам мастер. Размышления Г. Джавида о свободе также были тесно связаны со временем. Для того, чтобы заметить эту связь в его произведениях необходимо посмотреть на дату или исторические условия создания каждого стихотворения. Если в сборниках стихов «Былые времена», «Весенние росы», относящихся к начальному этапу его творчества, сначала господствовали романтический пессимизм, общественные противоречия, абстракция, то постепенно мы видим переход пессимизма в боевой настрой, революционность.

Понятие свободы в творчестве Гусейна Джавида как будто разветвляется. Однако, совершенно ясно, что существует основная ветвь, которая объединяет эти ветки: две большие трагедии. Одна из этих трагедий – «Марал» – написана в 1912 году посвящена жизни помещиков, семейным и бытовым отношениям. В ремарках первой сцены трагедии сообщается, что события развиваются в одном из кавказских городов. В произведении, кроме описания жизни кавказских тюрков, совершенно точно показано устаревшее и прогрессивное отношение к проблеме женской свободы. По сравнению с первой драмой в трагедии «Марал» Г. Джавид затронул наиболее важные общественные проблемы, происходящие в обществе, отразил человеческие судьбы, искалеченные под воздействием общественной среды. Основными объектами критики в произведении являются законы феодально-патриархального общества, отсталые обычаи Востока,

бесправие женщин. Вообще, женская тема была одним из основных трагических мотивов его творчества. В большинстве случаев романтически описанная гордая, благородная женщина, будучи воплощением красоты и доброты, являлась эстетическим идеалом Г. Джавида [1, 2]. Законы шариата превратили женщину в рабыню, заставив её облачиться в чадру тёмного мракобесия, чтобы прикрыть свою женственность, лишить её всего. Героиня трагедии «Марал» – типичная представительница такого рода женщин. В произведении свобода личности, получая ещё больший размах, приобретает общественный оттенок. Образ Гази же является обобщённым образом негодного муллы, который под флагом ислама искажает шариат в своих целях.

Обобщённый образ заядлых врагов женской свободы – Турхан бек – автором противопоставляется образу Хумай. Однако драматург в противовес людям с консервативными взглядами, которые были сторонниками бесправия женщин в гнилом обществе, управляемом Турхан беком, создаёт образ независимой девушки – Хумай. Она не покрыта чадрой, она свободна. Но и это не даёт ей возможности быть полностью свободной. Так, как и она, когда-то частично прожил жизнь Марал и, отдаляясь от горькой судьбы, вступает в новый и полный любви мир. Непокрытость Хумай не оставила равнодушной окружающую её отсталую среду. Грязные когти ветхих обычаев уже протянулись к небольшой свободе Хумай. Однако наш писатель не настроен пессимистически. Его романтические мечты о свободе претворяются в жизнь:

Турхан бек – «Неужели во всём городе, кроме Хумай, не нашлось невест?»

Надир бек – «Спустя некоторое время вы будете видеть девушек, подобных Хумай. Я не вижу ничего постыдного в том, что благовоспитанные женщины ходят непокрытыми» [5, с. 141–142].

Писатель, затрагивая проблему женской свободы, ратует за сознательное претворение в жизнь новшеств, требуемых в современном обществе именно благовоспитанными женщинами. Писатель создал образы Надир бека и Джалиля, которые являются представителями нового поколения и живут мечтой изменить существующий общественный строй, но, не достигнув желаемого, выступают против мира злых противников женской свободы – Турхан бека и газиев. Эти два образа созданы для того, чтобы любить и быть любимыми, и остаются романтическими героями, влюблёнными в жизнь и человечество. Джалиль бек в своей любви также романтик-утопист. Он подобно Шейх Сенану желает укрыться где-то в неведомом и далёком от человеческого общества месте и жить со своей возлюбленной беззаботно. Для того, чтобы свободно жить, он предпочитает отдаляться от человеческого общества: «Ах, Хумай, мой прекрасный ангел, приди в мои объятья как фея любви… Вместе улетим. Пусть душа отдалится от бренного тела, улетим рука об руку, губы к губам, улетим, освободившись из темницы, бедствий. Улетим в необъятное пространство» [5, с. 136].

Для того, чтобы преподнести свои мысли читателю, автор противопоставляет образы двух совершенно разных героев – Турхан бека и Джалиля.

Турхан бек является сторонником старых правил и законов, а Джалиль – сторонником новшеств. Именно Турхан бек является виновником трагической концовки произведения. Несмотря на то, что он является

представителем пожилого поколения, благодаря своему богатству он женился на Марал, которая намного младше него. После этого он превратил жизнь Марал в кромешную тьму и от всего её отдалил.

Турхан бек вмешивается в жизнь своего сына, не понимая его идеалы. Турхан бек является представителем давно ушедшего, отсталого феодализма. Он своими устаревшими мыслями мешает прогрессу. Свою волчью натуру он маскирует законами шариата, поддерживаемого феодально-помещичьим обществом. Помимо этого, образ Турхан бека, представителя консервативных классов, отражает в себе ещё одну непристойную черту данной части общества – страсть к деньгам. Несмотря на то, что в его представлении в жизни деньгами можно всего добиться, ему так и не удаётся завоевать сердце Марал. В результате юная девушка превращается в невинную жертву безжалостной мести Турхан бека. Но Турхан бек так и не осознаёт основной сущности женской свободы. Гусейн Джавид этим хотел объяснить подобным Турхан беку людям, что, если благовоспитанная девушка в свободном обществе влюбится, никогда не допустит даже мысли об измене. Однако главной причиной морального уничтожения Марал является несовместимость её желаний с законами общества. А неподчиняющихся законам общества уничтожают в том же обществе. В романе Льва Толстого «Анна Каренина» героиня, не подчиняясь законам общества и не видя своего будущего покончила жизнь самоубийством.

В трагедии «Марал» героия, мечущаяся между честью, обычаями и свободой любви, стараясь обойти строгие законы общества, стала жертвой окружающей её среды. Именно само общество должно бороться с общественными законами, превратившимуся в оковы. Своей драмой «Марал» Г. Джавид поддерживал борьбу, которая велась во имя женской свободы. Борьба за свободу женщины во время господства реакционных духовных мифов, фанатизма невежественного народа и властвования зажиточных классов требовала огромной отваги.

В произведении Г. Джавида «Сатана» затрагиваются более глобальные проблемы. Теперь людей ожидают наиболее крупные трагедии и страшный гнев. Это оккупационные войны, начатые империалистическими грабителями, готовыми пролить кровь тысяч людей с целью увеличить свой капитал. По этой причине в поэзии, драматургии и прозе широко распространялась военная тематика. Создавались военно-утопические романы, колонизаторская поэзия, гимны и марши [2, с. 148].

Г. Джавид в трагедии «Иблис» («Сатана») затрагивает тему духовной чистоты, духовной свободы человека. Сатана, нашедший возможность поселиться в душах людей, обрушился на человечество. Человечество заразилась неизлечимой болезнью наживы. Перо Г. Джавида отражало человеческие проблемы. Сатана и страсть к наживе поразили как раковая опухоль, дух человека. «В центре трагедии стояли не войско и классы, а люди со своим моральным миром и психологией» [2, с. 148]. Бушевали империалистические войны. Исторические условия создания знаменитого произведения «Сатана» совпадают с началом I мировой войны. Мечта о свободном обществе, стремление к возвышениому, желание прожить вдали от людей отражены в образе Арифа, эти мотивы звучат теперь уже не в концовке, а в начале произведения.

Главный герой произведения Ариф является гуманным, романтичным молодым парнем. С помощью образа Иблис [дьявола] Г. Джавид рисует тип людей, за что-то материальное продавших душу дьяволу. Автор

считает, что дух этих людей не свободен, он в плену у дьявола. По мнению Г. Джавида, дьявол господствует над душами людей, для которых материальное благо в жизни является основным стимулом. Оккупационные войны, жестокость людей, преступление и предательство совершенно озадачили Арифа. Спасение человечества он видит в «божьей мудрости». Ариф, подобно другим героям Г. Джавида – Сенану, Джалилю, верит в своё слияние со свободным миром. Однако, живущий человеческими чувствами Ариф, подчинившись Сатане и превратившись в убийцу своей жены и брата, а также став падким на золото и богатство, не только не смог воссоединиться с желаемым миром, но и стал низким. В романтическом понимании для того, чтобы возвыситься, человек должен освободиться от диких целей и нечеловеческих созданий. К сожалению, Ариф, живший большими идеями, не смог стать выше простого человека и в конце влачил жалкое существование.

По сравнению с начальными произведениями Г. Джавида в произведениях, написанных в новом периоде его творчества, затронуты более реальные проблемы. Если в таких произведениях, как «Обрыв», «Шейх Сенан», «Сатана», писатель искал свободу в бесконечности, вдали от человеческого общества, романтических местах, то теперь он верит, что найдёт её в объятьях революции. Октябрьская революция, поразив мир мечтаний писателя, положила конец его сомнениям. Теперь он призывает каждого быть стойким и бороться: «Права не отдают, а завоевывают!», музыка свободы настраивается на реальных нотах. Родина и её свобода стоят превыше всего. Писатель приходит к такому выводу, что несчастные всей планеты разделяют одну участь. Пока существуют кровопийцы, которых, кроме своей выгоды, ничего не интересует, угнетённые останутся несчастными. Их спасение лишь в единстве трудящихся мира.

Романтиков тревожила судьба не одного, а всех народов. В творчестве Г. Джавида понятия свободы, Родины, человечества были объедины. Где нет свободы, не может идти и речи о свободе человечества, о свободе слова, совести, также о свободе общества. Философия Г. Джавида сложна и противоречива. Если на поле боя он выступает как реалист, то, говоря о мире и любви, перед нами предстаёт как романтик. Если даже поиски свободы писателя, выйдя из своего русла, направляются к реализму, этот реализм без помощи романтизма не сможет претворить в жизнь идеи свободного общества. Выдающийся русский литератор И. И. Шурин пишет, что, если даже романтики видят общественные проблемы, они затрудняются точно их решить [9, с. 34]. Гусейн Джавид ищет решения поставленных проблем в реальном мире, через романтический идеал.

Библиографический список

1. Qarayev İ. H. Cavid: H. Cavid- 80 // Azərbaycan, 1962. – № 12. – S. 144–154.
2. Qarayev İ. Romantik faciələrin müəllifi // Ədəbiyyat və incəsənət. – 1963. – 26 yanvar.
3. Əliyev K. Hüseyn Cavid şəxsiyyəti və poetikası. – Bakı: Yazıçı, 1997. – 87 s.
4. H. Cavid.Seçilmiş əsərləri. 5 cilddə, I cild. – Bakı: Lider, 2005. – 256 s.
5. H. Cavid. Seçilmiş əsərləri. 2 cilddə, II cild. – Bakı: Yazıçı, 1982. – 394 s.
6. Hüseynzadə Lətif. Memuar // İki şərq. – 1963. – 2 mart.
7. Cəfər M. Hüseyn Cavid. – Bakı, Azərnəşr, 1960. – 262 s.
8. Ванслов В. В. Эстетика романтизма. – Москва: Иск-во, 1966. – 450 с.
9. Романтизм в русской и зарубежной литературе. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. – 177 с.

КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ В ПЕРИОД «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» (1966–1976 гг.)

О. Д. Тугулова
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия

Summary. This article is dedicated to research of characteristics of Chinese poetry during "Cultural Revolution" from the point of "official" and "underground" literature withstanding.
Key words: underground poetry, agitation literature, people's and professional poets.

События десятилетней «культурной революции» и несколько предшествующих ей лет политических экспериментов Мао Цзэдуна не только пагубно сказались на экономике страны, но и ввергли китайский народ в глубокий духовный кризис. Целые поколения людей оказались дезориентированы в условиях полного подавления личности и права на самореализацию, отчуждения от мирового и национального культурного наследия вплоть до его отрицания. Изучение особенностей существования поэзии в этот период является важным для восстановления целостности картины культурной жизни Китая, и в то же время вскрывает факторы, подготовившие литературное многоцветие в следующее за «культурной революцией» десятилетие.

В период «культурной революции» произошёл раскол достаточно единого до этого поэтического мира Китая. Прежде всего, разделение наиболее заметным стало с точки зрения возможности публикации произведений, появились так называемые «официальные» и «неофициальные» работы. Создатели первых, получив разрешение на публикацию, размещали свои стихотворения в официальных государственных печатных изданиях, а также в поэтических сборниках, опубликованных подконтрольными государству издательствами. Ко второй группе относятся произведения, вышедшие в «неофициальных» изданиях, в том числе стихотворения, опубликованные на страницах периодических изданий, организованных в первые годы «культурной революции» хунвэйбинами и цзаофанями (членами созданных в 1966-1967 гг. отрядов студенческой и школьной молодёжи в Китае, одними из наиболее активных участников «культурной революции»), а также изданные ими поэтические сборники. Позднее традиция «неофициально» существовавших произведений была продолжена представителями образованной молодёжи «чжицин» (получившими, как правило, среднее образование, в годы «культурной революции» сосланными в сельскую местность на трудовое перевоспитание), которые распространяли в рукописном варианте как отдельные стихотворения, так и целые поэтические сборники. Однако необходимо отметить, что стихотворения, написанные хунвэйбинами и цзаофанями, по сути своей отражали идеологический дискурс того времени, и потому фактически должны относиться к первой группе «официально» существовавшей литературы.

Если до начала «культурной революции» основные литературные тенденции определяли профессиональные поэты, то в дальнейшем они уступают место авторам из среды «рабочих, крестьян и солдат», большинство из которых не являлись профессиональными поэтами. Публиковавшиеся в то время стихи в массе своей отражали статус создателя – «рабочего», «воина», «члена общества».

Однако наиболее точно отражающим противоречивые процессы, происходившие в обществе в период «культурной революции», является разделение литературы на «официальную» (признанную) и «неофициальную» (подпольную, литературу андеграунда), создание и распространение которой происходило тайно. «Подпольная поэзия», дававшая художникам возможность духовного существования в условиях подавления личности, конечно, оказалась в состоянии противостояния литературе «официальной».

Подобное разделение поэзии, обусловленное всё более усиливающимся идеологическим и духовным кризисом, также явилось результатом раскола внутри политической власти страны, вследствие чего возможным стало появление в городах полулегальных поэтических салонов, кружков, литературная деятельность которых была продолжена представителями поколения «чжицин» уже в местах их ссылок. Поэты–участники подобных собраний и формировали идеологию «противостояния». Наиболее актуальным для понимания сущности литературных процессов в период «культурной революции» представляется их изучение именно с точки зрения анализа «официальной» и «подпольной» поэзии.

В середине 1966 г. литературные издания остановили свою деятельность, запрету на публикацию подверглись все литературные произведения, в т. ч. поэтические сборники, большая часть поэтов в той или иной степени испытала на себе тяготы критики, «проработочных кампаний», нападок, была лишена права на творчество. «Единственным поэтом «культурной революции» стал Мао Цзэдун. Новых стихов после 1965 г. он уже не писал, но миллионными тиражами переиздавались его старые произведения. Именно они как «лучшие» <…> внутри и вне страны представляли всю китайскую художественную литературу» [1, с. 220]. Как отмечает Лю Фучунь, в период с августа 1966 г. по декабрь 1968 г. официально изданы были лишь три поэтических сборника: «Председатель Мао, солнце в наших сердцах» (Юньнаньское народное изд-во, 1966), «Да здравствует председатель Мао – сто стихотворений солдата» (Изд-во «Солдаты НОАК», 1968) и «Красное солнце освещает гору Аньюаньшань – поэтический сборник, посвященный рабочим, крестьянам, солдатам» (Шанхайское народное изд-во, 1968) [2, 126]. После 1970 г. было возобновлено издание некоторых печатных изданий, с течением времени количество таковых увеличивалось. По приблизительным подсчётам за 1970–1971 гг. официально было издано чуть больше десяти поэтических сборников, а в период с 1972 г. по 1976 г. количество ежегодно выпускаемых сборников стихотворений составляло от нескольких десятков до ста с лишним [там же, с. 127].

Содержание официально существовавшей во время «культурной революции» поэзии в основном отражало развернувшееся политическое движение и по сути своей представляло агитационно-пропагандистский материал. Политические события и понятия легли в основу сюжетов и тем стихотворений; политическая лексика, лозунги составили язык поэзии. Пропагандистский, агитационный характер стихов исключал возможность проявления творческой индивидуальности, с точки зрения языковых средств, структуры, формы такие сочинения являли собой бесконечные подражательства, словно списанные с одного шаблона. Подобный стиль стал своего рода продолжением широко распространённой в 50–60-х гг. «политической лирики», а также появившихся в 1958 г. «новых народных песен». «Официальная» поэзия, ставшая наряду с «образцовыми» пьеса-

ми, кинофильмами, песнями и танцами средством пропаганды политических установок, была включена в программу «культурных агитотрядов Мао Цзэдуна», использовавших стихи в представлениях и декламациях на улицах и площадях. Показательными в этом отношении являются стихи крестьян деревни Сяоциньчжуан (недалеко от г. Тяньцзинь), куда с агитационными мероприятиями неоднократно приезжала Цзян Цин, и «в которой за один только 1974 г. было сотворено несколько тысяч стихотворений» [1, с. 226]. Эти стихи, призванные демонстрировать успехи «великой культурной революции», заполнили не только страницы периодических изданий, но и были собраны в отдельные сборники (Избранные стихи деревни Сяоциньчжуан. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное изд-во,1974; Изд-во народной литературы, 1976).

Как уже было упомянуто, «официальная» поэзия создавалась не только «рабочими, крестьянами и солдатами», но и хунвэйбинами и цзаофанями, публиковавшими свои стихи в 1966–1969 гг. на страницах собственных газет. По форме и содержанию их сочинения не особо отличались от размещённых в официальных изданиях, хотя и не подвергались цензуре со стороны властей. Будучи написанными молодыми людьми, вовлечёнными в водоворот политических коллизий, ставшие идеологическим оружием стихи отражали безграничную преданность идеям «культурной революции», энтузиазм и идеалы их авторов.

С начала 1970-х гг. небольшая часть поэтов (в т. ч. Ли Ин, Ли Сюэао, Цзан Кэцзя, Янь Чэнь, Гу Гун, Чжан Юнмэй, Лю Чжан, Цзи Пэн, Сунь Ютянь, Лян Шанцюань, Бао Юйтан, Ван Чжиюань, а также некоторые поэты из рабочей среды, пришедшие в литературу в начале 60-х) получает возможность публиковать свои произведения в периодических изданиях, выпускать сборники. В последние годы «культурной революции» публиковаться стали Лэй Шуянь, Мэй Шаоцзин, Чжан Дэи, Е Вэньфу, известность которым принесли стихи, опубликованные уже после «десятилетия смуты». Также в этот период появилось несколько переизданий поэтических сборников, опубликованных ещё до начала «культурной революции», в т. ч. «Сигнальная раковина» Чжан Юнмэя, «Пою во весь голос» Хэ Цзинчжи, причём в новых переизданиях некоторые стихи подверглись редакции. Конечно, публикации произведений профессиональных поэтов были единичными, ещё не становясь тенденцией.

Между тем большинство поэтов было вынуждено заниматься творчеством втайне. Публикации воспоминаний, мемуаров, специальных исследований, начавшихся с 1980-х гг. и посвящённых событиям «культурной революции», позволяют составить представление об особенностях существования «неофициальной» поэзии, именно тогда возник термин «подпольная поэзия». Как правило, авторы «подпольной поэзии», подвергнутые репрессиям и гонениям, были лишены права заниматься творчеством, в их числе оказались: обвинённые по «делу Ху Фэна» сам Ху Фэн, Ню Хань, Люй Юань, Цзэн Чжо; многократно подвергнутый критике и в период «культурной революции» сосланный в район Бэйшань провинции Фуцзянь на трудовое перевоспитание Цай Цицзяо; находящийся в тюремном заключении в провинции Шаньси Не Ганьну; в 1950-е гг. причисленные к «правым элементам» и в годы «культурной революции» вновь репрессированные Чан Яо, Лю Шахэ, Гун Лю, Чжоу Лянпэй; поэты «школы новых стихов» («Девять листьев») Му Дань, Тан Ши и др. Поэты писали в тюрьмах, «коровниках», «школах 7 мая», что определило особенности их

творчества, способы сохранения произведений. Как правило, печатный вариант им был не доступен. По воспоминаниям самих поэтов, они использовали символику и сокращения, понятные лишь им, для того, чтобы перечитывать и сохранить стихи в памяти «в трудном ожидании дня, когда появится шанс» (Гун Лю), «используя мной самим изобретенный язык сокращений, тайком записывал стихи на оборотной стороне пачки сигарет, которую постоянно носил в кармане» (Лю Шахэ) [2, с. 130]. Ню Хань в стихотворении «Привычка, от которой не избавиться» точно описал ситуацию того времени:

... Он стихи, которые хотел написать,
Каждый раз забывал изложить на бумаге
Сколько лет
Не имел он ни ручки, ни бумаги
Каждая стихотворная строка
Лишь молча
Вписана в сердце
Я знаю такого поэта

К авторам «подпольной поэзии» также отнесём представителей поколения «чжицин», обратившихся к творчеству после ссылки в сельскую местность. С течением времени стихи писались по всей стране, что позволяет говорить о поэзии ссыльной «образованной молодёжи» как о целом направлении со своей эстетикой, тематикой, средствами художественной выразительности. В их произведении заметной становится трансформация субъекта описания, тематика, как правило, определена и в то же время ограничена личным опытом и переживаниями автора. Кроме того, выражая печаль, страдания, трагедию, поэты разрушают закрытую, упорядоченную структуру поэзии того времени, обновляют поэтический язык. Наибольшую известность впоследствии получили поэты, сосланные в местность Байяндянь уезда Аньсинь провинции Хэбэй, и в 1980-е гг. объединённые названием «Байяндяньская поэтическая группа». Ее составили пекинские школьники, после 1968 г. отправленные туда на трудовое перевоспитание, в их числе Юэ Чжун (Гэньцзы), Ли Шичжэн (До До), Цзян Шивэй (Ман Кэ), Чжан Цзяньчжун, Сун Хайцюань, Сунь Кан (Фан Хань) и др. Однако стоит отметить, что культура и поэзия Байяндянь формировалась не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими подпольными поэтическими группами, прежде всего, пекинской.

«Подпольная поэзия» стала доступной широкому кругу читателей лишь после окончания «культурной революции», когда появились многочисленные публикации как в «официальных» источниках, так и в печатных изданиях, организованных самими поэтами (например, журнал «Сегодня», редактировавшийся Бэй Дао и Ман Кэ).

Именно создатели «подпольной поэзии», как репрессированные и впоследствии реабилитированные поэты старшего поколения, так и представители молодого поколения «чжицин», определили основные тенденции развития китайской поэзии уже в период политики «реформ и открытости».

Библиографический список

1. Судьбы культуры КНР (1949–1974) / под ред. В. А. Кривцова. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. – 382 с.
2. Хун Цзычэн, Лю Дэнхань. Чжунго дандай синь ши ши (История современной китайской поэзии) / Цзычэн Хун, Дэнхань Лю. – Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2010. – 511 с.

ЭТНО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ КАБАРДИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ТЕНГИЗА АДЫГОВА

А. Х. Мусукаева
Кабардино-Балкарский государственный университет,
г. Нальчик, Россия

Summary. The article is devoted to the ethno-folklore traditions in the novel of the Russian writer T. Adyigov “The shield of Tibard”: the problems of historicism, phychological analysis, the part and the place of the national traditions in the novel, customs, etiquette, folklore symbolism.
Key words: historical theme, folk, artistic ethnography, philosophical direction.

Тенгиз Адыгов – современный кабардинский писатель, автор широко известных повестей и романов: «Берег, к которому надо причалить» (1973), «Щит Тибарда» (1982), «Каракура» (1986), «Жаркое солнце июля» (1986) и другие.

В связи с определённым объёмом статьи остановимся лишь на романе «Щит Тибарда».

Роман посвящён теме борьбы адыгских народов за свою независимость, но основной лейтмотив произведения – мир на Земле, сама Земля, дающая жизнь, хлеб, радость, и неслучайно, что основной герой – землепашец. Адыгские традиции, обычаи, мифы и легенды служат в романе своеобразным фоном повествования, направляя его в нужное русло, художественно окрашивая, дополняя и поясняя.

Название романа символично: Тибард – кабардинский вождь, воин, поднимающий свой щит для защиты народа. Но речь в романе не столько о Тибарде, сколько о самом народе, его стойкости, воинской доблести, любви к родной земле.

Доминантная тема романа – историческая: повествуя о событиях далёкого прошлого, писатель широко вводит в произведение крупные исторические факты, сочетая их с художественным замыслом, легенду с реальностью. История адыгов, живших на Черноморском побережье, их взаимоотношения с соседними народами в борьбе за единство и взаимопонимание, воссоздание быта, древних обычаев и этикета – всё это открывает большие возможности для широкого пространственного континуума. Значительный фольклорный и этнографический материал не только служит фоном, на котором разворачиваются драматические события XIII века, а «держит» на себе узловые сюжетные линии романа и является важнейшим характеротворящим принципом.

Приведём некоторые тематические акценты, без которых функции художественного этнографизма как принципа исторической достоверности характеров не были бы достигнуты в романе «Щит Тибарда». Прежде всего, это развёрнутая тема аталычества (воспитание ребёнка в чужой се-

мье до совершеннолетия), которая встречается в романе не единожды. Писатели Северного Кавказа в своих произведениях не раз поднимают проблемы таких форм породнения, как молочное родство, аталычество, усыновление.

Традиция требовала, чтобы дети, особенно княжеского происхождения, воспитывались в семьях аталыков из более низких сословий, чтобы они были приучены к домашнему труду, росли выносливыми и т. д. С другой стороны, крестьяне, чтобы заручиться поддержкой знатной семьи и фамилии, сами брали на воспитание чужих детей. Феодалы же в свою очередь получали новых преданных вассалов, становившихся своего рода родственниками. В дореволюционной этнографической литературе можно встретить немало объяснений подобным явлениям. К примеру, П. С. Потёмкин писал: «отцы отдают детей своих на воспитание другим, дабы через то не допускать юность вкусить негу, на которую горячность родителей невольно иногда попускает» [3, с. 362].

Тема воспитания, детских игр, их подробное описание и функциональное значение занимают в романе большое место. Есть несколько героев-мальчиков, образы которых заключают в себе немалую смысловую нагрузку: приёмный сын Тирбарда, добрый и умный Пако, крестьянский мальчик Лиуан, сыновья старшины Дуко и Тануко. Они все разные, у каждого из них нелёгкое будущее, но пока они дети – их нередко объединяют общие интересы, игры, которые Т. Адыгов описывает с этнографической точностью.

Нередко Т. Адыгов даёт в романе сноски и ссылки, которые научно дополняют, разъясняют текст: кто такие франги, что означают имена богов языческой веры адыгов и т. д. Это тоже приём, для исторического романа не являющийся чужеродным.

Отдельно следует сказать об интертекстуальных связях в прозе Т. Адыгова, которые являются одной из характерных черт. Реминисценции присутствуют в его произведениях как знаки, констатирующие связь с тем или иным произведением или же родство с ним, способствующие более подробной характеристике образа. Интертекстуальные связи с русской литературой присутствуют в прозе писателя в качестве мотивов, образов, цитат, всякого рода отсылок и напоминаний. В романе «Щит Тибарда» они связаны с образом героя Тануко, в котором писатель видит будущее народа. Создавая образ молодого исследователя Тануко, интересующегося, в частности, совпадениями в древнегреческой мифологии, древнерусской литературе и адыгских легендах, писатель отсылает читателя к книге известного специалиста по нартскому эпосу А. М. Гадагатля, но это не нарушает художественной логики повествования: описываемое время и события требуют того [2, с. 397].

Следующая тема – тема жертвоприношения – отдельная и весьма серьёзная, но следует отметить, что сам обряд связан как с языческой религией, так и с исламом. Неумение понять природные явления наполняло сознание человека представлениями о злых и добрых духах и закладывало основу магических действий символического характера. Вся жизнь Тибарда, его борьба и подвиги подчинены одной идее: «чтобы народ слыл добрым и могущественным, враги страшились нападать, прочно стояли жилища, сытный был хлеб, женщины спокойно рожали детей и было мирным небо над головой» [1, с. 29].

Тема гостеприимства, без которой, пожалуй, не обходится ни один роман региона, приобретает у Т. Адыгова новое освещение. Речь ведь идёт о времени бесконечных войн, вражды между народами, княжествами, родами, когда гостеприимство было особенно свято как священный закон горцев. К примеру, сын осетинского вождя находится в гостях у адыгов, и хотя не всем он по душе, но «сына вождя трогать нельзя, он жил в адыгском селе, в доме князя, ел их хлеб, стал кунаком» [1, с. 92].

Или: попавшие впервые к адыгам крестоносцы с любопытством и удивлением изучают строения во дворе, например, кунацкую, где любой приезжий мог остановиться и получить всё, что ему необходимо, оставаясь здесь столько, сколько угодно.

Особое место занимает в романе тема детства и тесно связанная с ней тема кражи детей и рабства, то есть в жизнь и быт феодального адыгского общества писатель тонко вплетает и не характерные для этноса элементы рабовладения и работорговли. Как известно, кабардинцы, как и в целом адыги, не прошли античного рабства, хотя патриархальные или, как их ещё называют, домашние рабы выполняли определённую работу у них по хозяйству и на полях. В странах Ближнего Востока большим спросом пользовались черкесские дети и молодые красивые девушки, которых воровали и продавали на невольничьих рынках. Вспомним песню-проклятье черкешенки, проданной в рабство, она адресована земле адыгов, не умеющей защищать своих детей: «Небо, молнией сожги мою землю, ураган, сокруши, чтобы пылинки на ней не осталось, море, захлестни своими волнами, повергни её в пучину, поглоти навсегда! Ах, зачем я родилась среди адыгов!» [1, с. 78].

В процессе анализа прозы Т. Адыгова, определения его роли и места в развитии национальной литературы возникает необходимость изучения концепций, которые могут стать своеобразной опорой творческой позиции автора. Одним из таких понятий в прозе писателя становится жизнь, суть которой определяют для себя герои произведения. Данное понятие концентрирует в себе значение философского содержания романа «Щит Тибарда»: «неоценимо одарённые случайным приходом из небытия в жизнь, мы пренебрегаем её непреложными истинами, отказываясь сообразовывать с ними наше существование, и вместо того чтобы жить в мире, мы навязываем жизни иные законы, стремясь подчинить неподчинимое…» [1, с. 184].

Характеристика любого героя романа Т. Адыгова состоит, на наш взгляд, в следующем: он – часть общества, часть истории, социально обусловлен, следовательно, жизнь героя оценивается как необходимая и общественно значимая, она несёт в себе традиции прошлого и открывает новое.

Проза Т. Адыгова занимает достойное место в современной кабардинской литературе, характеризуется национально-художественным своеобразием, широтой исторического диапазона, этно-фольклорными мотивами; она свидетельствует о больших перспективах и новых тенденциях развития национальной литературы в целом.

Библиографический список

1. Адыгов Т. Щит Тибарда. – М., 1982.
2. Гадагатль А. М. Героический эпос «Нарты» адыгских (черкесских народов). – Майкоп, 1987.

3. Краткое историко-этнографическое описание о кабардинских народах, сделанное в 1884 году поручиком Павлом Потемкиным // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII в.в. – М., 1957. – Т. 1.

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ ЮРИЯ СКРИПКИНА[4]

С. Н. Степин
Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия

Summary. S. N. Stepin's article «Moral-ethical and philosophical reference points of lyrical hero J. Skripkina» is devoted to the problem of definition of moral-ethical and philosophical reference points of the hero of lyrical works of art of modern Mordovian poet Y. Skripkina. Author's consideration of the problem of true appointment of the person, the sense of its existence, the role of the spiritual and material beginnings is presented in this article.

Key words: the lyrical hero, the philosophical lyrics, reflection, private world, esthetic ideal.

Историю и бытование всех произведений художественной литературы философской направленности можно рассматривать в свете двух направлений, на которые исторически разделилось социально-философское сознание: религиозно-идеалистическое и научно-материалистическое. Сторонники первого, как известно, истолковывали мир с точки зрения его божественного предопределения. Основным же признаком второго течения стал развивающийся интерес к существующим земным реалиям. Его сторонники направляли свою творческую мысль на изображение современного им человека как носителя идей примата разума как источника жизни. Человек ими был выдвинут на первый план, именно он получил способность творить, стал более открыто и смело выражать свои чувства и мысли, его внутренний мир оказались в центре внимания художников слова. Эта тенденция успешно продолжается и в творчестве современных авторов, которые в рамках своих произведений поднимают волнующие их нравственно-этические проблемы человеческого бытия.

Одним из таких авторов является мордовский поэт Ю. Скрипкин, творчество которого, как нам кажется, характеризуется особой активностью лирического героя, который предстаёт перед нами как деятельный энергичный человек, мировосприятие которого раскрывается непосредственно через его отношение к родной земле, природе, людям.

В данной статье, говоря о творчестве Ю. Скрипкина, мы попытаемся ответить на вопрос: кто его лирический герой, носителем каких мыслей, характера, идеалов и т. д. он является? Это, в свою очередь, во многом даёт нам возможность понять мировоззрение самого поэта, определить его нравственно-этический, социальный и эстетический идеалы.

В своей системе нравственно-эстетических принципов творчества Ю. Скрипкин на первое место ставит традиционно-народное мировидение,

[4] Печатается за счёт средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. № П381 по теме «Современный литературный процесс Мордовии в контексте новейшей русской литературы».

поэтому в его стихах так ощутима достоверность и конкретность реального времени, жизни, связи со злобой дня. Поэт не стремится к отображению какой-либо одной из сторон жизни, он раздвигает границы своего мировосприятия, сохраняя при этом в его основе народную сердцевину. Лирика поэта свидетельствует о расширении горизонтов художественного видения и всё более пристальном авторском внимании к концепции человека и мира. Если же говорить об осознании человека как высшей ценности в творчестве Ю. Скрипкина, то можно сказать, что тема отдельной личности и тема истории народа в нём неразрывно связаны, что, разумеется, не означает, что человеческая индивидуальность отодвигается поэтом на второй план.

Как известно, человека издавна занимали проблемы собственного бытия, которые на сегодняшний день отчётливо обнаружили свою глубоко философскую природу. Сталкиваясь с противоречиями действительности, человек стремится осмыслить своё место и предназначение в мире, найти принципы и критерии, которые помогли бы ему занять верную жизненную позицию. Исходя из факта постоянного изменения жизненных реалий автор приходит к выводу о том, что сущностные проблемы человека являются одновременно и вечными, и вечно новыми. И различные исторические условия формируют самые разнообразные подходы к решению этих проблем. К примеру, в раннем творчестве Ю. Скрипкина налицо явное присутствие категорического неприятия всего того, что не совпадало с его личным понятием об идеале человека. Период же более зрелого творчества характеризуется появлением новых тенденции к лирико-философскому осмыслению бытия и, как следствие этого, более широкому и умудрённому житейским опытом взгляду на достоинства и недостатки природы современного ему человека. Поэт осознаёт, что человек зачастую глубоко одинок и на первом месте в его душе нередко стоят личные проблемы, переживания, размышления. Поэтому внутренний мир лирического героя Ю. Скрипкина раскрывается через субъективную сторону нравственности, его моральная позиция выявляется в конкретной житейской ситуации, единстве нравственного сознания и практики. В стихах, героями или героинями которых становятся реальные или вымышленные персонажи (А. Фет, Н. Рубцов, С. Эрзя, царь Берендей, нимфа Сиринга и т. д.), личность находит наиболее эффективное выражение своей моральной позиции в поведении в условиях какой-либо нравственной дилеммы. В случае же когда автор и его лирический герой сливаются в одно целое, то образуется единое идейно-эстетическое пространство произведения, в котором мысли и чувства лирического героя представляют внутренний мир поэта. Однако кажущаяся простота, понятность и наглядность изображаемого мира отчасти маскируют истинную глубину мысли художника слова. Он неотступно и напряжённо размышляет над вечными вопросами, и наиболее часто в его поэтическом сознании возникает проблема добра и зла, заключающая в себе такие проявления человеческой натуры, как высокомерие, чёрствость, равнодушие и т. д.

Ю. Скрипкин понимает зло как следствие не врождённой испорченности и предрасположенности, а скорее, духовной узости, невежества, слепоты человека. Поэт мучительно ищет ответ на вопрос: почему злой рок берёт верх над гармонией жизни? Почему современный поэту мир далёк от желаемого совершенства?

Мир сошёл с ума, когда
В муравейник глянул атомный,
И «тяжёлая» вода
Сбилась в жуткий омут кратерный…
Трескались материки
В пламени той ДЕМОНстрации.
Так вот вскрылись гнойники
Бешеной цивилизации!.. [1, с. 81]

Проявления сил зла и его последствий Ю. Скрипкин рассматривает в конкретной жизненной или исторической ситуации. Причём носителем зла в его глазах может стать и сам человек. Этот мотив во многом напоминает народную философию мордвы, понимавшей зло в духе мифологизма и придававшей ему человеческие черты.

Таким образом, человеческие пороки и слабости видятся Ю. Скрипкину как своеобразный плацдарм для настоящего и возможного будущего зла. Разумеется, наша статья не претендует на подробный и всесторонний анализ поэзии Ю. Скрипкина, но на основании вышеизложенного можно говорить о том, что концепция лирического героя в его творчестве представляет реального земного человека со своими слабостями и недостатками. Ю. Скрипкин приходит к выводу, что зло в какой-то мере может быть оправданно, если привито душе человека внешними факторами, но тут же подчёркивает, что долг человека в противостоянии этим порочным желаниям, их подавлении, стремлении к самосовершенствованию. Своей поэзией автор подталкивает читателя к самоанализу, пробуждает в нём подсознательное желание возвыситься над серостью и посредственностью. Именно в этом автор видит цель настоящего искусства.

Библиографический список

1. Скрипкин Ю. Б. Долина жизни: стихи. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. – 160 с.

ОТ ФАНДОМА К ФАНФИКШЕНУ: СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРАКТИК В СООБЩЕСТВЕ ПОКЛОННИКОВ ТВОРЧЕСТВА БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Ю. В. Антипина
Бирская государственная социально-педагогическая академия, г. Бирск, Россия

Summary. Fanfiction is a modern literary phenomenon. Russian fanficktion exists also. Fandom in Russia appeared in the USSR and operates today. Today, Russian-speaking fanfikshn became part of the global world subculture.

Key words: community, subculture, text, fan, fandom, fanfic, fanfiction.

Фанфикшн как порождение фанатской субкультуры не мог зародиться вне фандома. Фандом (англ. fandom) – любое интерпретативное сообщество, существующее фактически или виртуально, объединяющей силой которого является любовь к определённому медийному тексту или к группе текстов, объединённой общим жанровым признаком (определение К. А. Прасоловой) [1].

Понятие «фандом» перешло в сообщество любителей научной фантастики. Инициаторами и активистами фандома, среди которых было множество женщин, стали поклонники телевизионного сериала «Star Trek» («Звёздный путь»), который демонстрировался на американском телевидении с 1966 по 1969 годы. Сейчас медиафандом представляет собой огромный интернациональный феномен, хотя зародился по инициативе небольшой группы увлечённых людей [2].

Подобно зарубежным аналогам, фандомы в СССР начали зарождаться в 60-е годы XX века, в эпоху научно-технической революции, прорыва космических технологий. Историк фанатского движения Игорь Халымбаджа вспоминает: «…С наступлением "оттепели" наметились наконец перемены к лучшему. В советскую литературу пришёл отряд молодых фантастов: братья Стругацкие, Днепров, Биленкин, Варшавский и другие. Стали появляться переводы, на первых порах только «прогрессивных» фантастов. И как результат – в крупных городах стали рождаться в начале 60-х годов первые КЛФ» [3].

Фандомы в СССР, так же как и на западе, были дополнены текстовыми практиками. В отечественной русскоязычной среде первые литературные опыты принадлежат поклонникам научной фантастики, членам многочисленных КЛФ. Советские крупные клубы, как и западные аналоги, обязательно имели собственное печатное издание – фэнзин: «Перестройка открыла ранее недоступные для нас возможности. Так, многие клубы начали выпуск своих журналов-фэнзинов. Они издаются тиражом от 10 до нескольких сот экземпляров на машинке, ксероксе, принтере; есть среди них чисто литературные, литературно-критические, информационные, юмористические, даже женские» [4].

Уникальный фандом сложился вокруг творчества братьев Стругацких, фандом пережил советскую эпоху, период экономинческого кризиса и обрёл новую силу в настоящее время. Ни один фандом, сформированный вокруг личности и творчества популярных фантастов советской эпохи, не отличается таким количеством адептов, создающих вторичные произведения различного рода. Из огромной когорты поклонников авторов выделилась инициативная группа, которая расширила свои функции и занялась серьёзной литературоведческой работой, ставшей официальным фанклубом «Людены» [5].

Следует отметить, что «людены» первыми обратили внимание на существующие литературные практики среди фанатов братьев Стругацких. Член фан-клуба Антон Лапудев первым составил «библиографию продолжений, пародий, апокрифов, переработок и инсценировок». Подборка получила название «Суета вокруг Стругацких» и регулярно пополняется ссылками на новые тексты [6]. Сложно сказать, когда и кем был написан первый апокриф. В представленной Лапудевым библиографии первый источник датирован 1963 годом, предположим, что он и будет исходной точкой отсчёта для всех текстовых практик фандома. Подобное утверждение родилось исходя из сведений о массовом увлечении фантастикой в Советском Союзе, когда возникли фэнзины и оформилось фанатское движение. «В советской фантастике Аркадий и Борис Стругацкие были классиками несомненно. Их «прогрессорская» серия начиная с «Трудно быть богом» была у фэнов на слуху. Романы и повести из этой серии заучивали наизусть, их цитировали, им подражали (для начинающих это не считалось зазорным – как Достоевским переболеть начинающему нефантасту),

на них клялись, как на Библии. Потом возникла идея дописать. Дополнить. Заполнить новыми текстами пробелы, которые в точном соответствии с заветом Пастернака классики оставляли в судьбах любимых героев. Оставляли, возможно, временно, приберегали для себя, рассчитывая впоследствии заполнить, но… не судьба. Пришло время учеников, апостолов» [7].

Во всём объёме литературного творчества поклонников братьев Стругацких выделяются три периода:

1. печатный период (1963 – 1991 гг.);
2. электронно-печатный период (1995–2009 гг.);
3. эпоха интернета (с начала 2000-х гг.).

Каждый период имеет ряд особенностей. Во-первых, интересным с точки зрения развития фандома представляется фандомообразующий фактор, задающий стандарты всем остальным текстовым практикам. Во-вторых, ряд особенностей текстов каждого периода заключается в жанровой природе интерпретативных текстов, в особенных отношениях фантекстов с текстом канона. Рассмотрим текстовые практики фандома подробнее.

Первый период совпадает с расцветом фантастики, всеобщим увлечением творчеством Стругацких. Первый текст, который предлагается принять за точку отсчёта и считать исходным, был опубликован в «Литературной газете». Мини-рассказ «Тело молчало» [8] сегодня фанаты классифицировали бы как «драббл» – произведение небольшого объёма, раскрывающее одну сцену. Авторы Слукин и Карташов в юмористической форме обыгрывают один из эпизодов рассказа «Благоустроенная планета». Рассказ, вдохновивший авторов на написание этого произведения, создан в 1961 году, а подражание возникло два года спустя. По структуре вторичное произведение необычно: его предваряет фрагмент текста, послужившего источником, кроме того, пародия дополнена иллюстрацией. В исходном фрагменте земляне обнаруживают на неисследованной планете монстра, который создан местной цивилизацией для производства мёда. Этот факт даёт возможность Геннадию Комову, одному из ключевых героев Стругацких, классифицировать цивилизацию как «природную» или «экологическую». В рассказе Слукина и Карташова земные звездолётчики тоже убивают монстра, но не медоносного, а наполненного коньяком. Подражание и пародия строятся на тонкой интертекстуальной игре. Сравним. У Стругацких: «Чудовище лежало на боку, и вдоль его брюха тянулись три ряда мягких выростов величиной с кулак. Из выростов сочилась блестящая густая жидкость»; у Слукина и Карташова: «Перед ним лежало чудовище, вдоль брюха которого тянулись три ряда сверкающих выростов, величиной с пивную пробку. Из выростов шлёпались на землю чужой планеты капли жидкости цвета крепкого чая». Далее показано развитие событий. У Стругацких: «Мбога вдруг шумно потянул носом воздух, взял на кончик пальца каплю жидкости и попробовал на язык»; у Слукина и Карташова: «Мчорта повёл носом, затем подставил ладонь, набрал полную пригоршню жидности и выпил». И в заключении у Стругацких: «Таня и Фокин с отвращением следили за его движениями. – Настоящий мёд! – воскликнул он. – Липовый мёд»; у Слукина и Карташова: « – Коньяк! – шумно выдохнул Мчорта. – Побожись, – удивился Архиреев и тут же подставил кружку. – Точно, – сказал он, отхлебнув, потом без колебаний проглотил остальное. – Точно! Настоящий коньяк! Армянский! Минимум

пять звёздочек!». Сопоставляя свой текст с текстом Стругацких, авторы открыто признаются в том, что их текст имеет вторичную природу и носит юмористический характер. Вполне возможно, что именно этот текст задал тон всем остальным последователям. Большинство фанатских произведений первого периода имеют юмористический характер и написаны в жанре пародий на произведения любимых фантастов.

Для фанатских текстов первого периода характерно не просто доскональное знание канона, но и умение обыгрывать в собственном тексте скрытые цитаты из Стругацких, более того, авторы даже стилизовали свои тексты «под Стругацких». Так, «Хищные Несси века» [9] отсылают сразу к шести крупным произведениям фантастов. В подзаголовках авторы не просто обыгрывают названия произведений-канонов («Несси из преисподней», «Несси в муравейнике» и др.), но и пишут каждый отрывок в стиле канона. Читатель видит в тексте характерные маркировки, отсылающие к канону: восклицание «змеиное молоко» во фрагменте, стилизованном под «Парня из преисподней», в сцене, где Максим получает задание от Экселенца, читатель видит аналогичную сцену из «Жука в муравейнике». Интертекстуальная ирония характерна и для названий фанатских литературных опытов того периода – «Отель «У подвыпившего криминалиста», «Трудно плыть боком», «Встреча на обочине», «Суета вокруг ковчега» и др. Некоторые тексты совмещают в одном названии отсылки к нескольким произведениям: «Пикник на обочине с Малышом», «Трудно быть гадкой улиткой на склоне обочины в субботу», «Пикник в муравейнике» и др.

Давая произведению подобное название, автор начинает вести со своим читателем увлекательную игру, в ходе которой зашифровывает первоисточник, а читатель отгадывает авторские приёмы создания текста.

Во втором периоде становления фандома наблюдается смещение акцентов в формировании ядра фандома. Смерть Аркадия Стругацкого, политические перемены в стране, падение интереса к чтению и многие другие факторы повлияли на то, что фандом претерпел множественные изменения, в первую очередь в составе авторов.

Ситуация, когда профессиональный писатель переходит в разряд фикрайтеров, для мировой традиции фанфикшена не является уникальной. Так же как не является уникальным обратный процесс – когда фикрайтер становится официальным автором продолжения или новой трактовки.

Фандом «братья Стругацкие» оказался вовлечён в процесс творческих экспериментов как писателей, так и издательств. Что характерно, инициатива нашла поддержку не только в авторской среде, но и у автора канона – Бориса Стругацкого. В период с 1991 по 2009 годы вышли в свет книги проекта «Время учеников», в которых собственные произведения по мотивам Стругацких представили профессиональные литераторы, писатели-фантасты, что и даёт основание считать этот период развития фандома «профессиональным».

Автор проекта Андрей Чертков признаётся, что в основу проекта легла идея «о том, что великие художники Стругацкие, отсекая из своих замыслов, как из глыбы мрамора, всё, что, по их мнению, было лишним, оставили за «открытыми финалами» своих повестей великое множество нераскрытых загадок, незавершённых сюжетных линий, не прослеженных до конца человеческих (и нечеловеческих) судеб? О том ли, наконец, что

из любого правила есть исключения, и ставшее в последнее время жупелом заграничное словечко «сиквел» («продолжение») далеко не всегда означает откровенно второсортную, коммерческую халтуру – особенно если пишется такой сиквел «не корысти ради», а из любви и уважения?» [10].

Если произведения первого периода отличались небольшой формой (зарисовка, пародия, анекдот), то для проекта «Время учеников» характерно обращение к средним литературным формам – авторы выбирают более сложную форму, большую по объёму – рассказ и повесть. Подобное объясняется тем, что многие авторы решили дописать не написанное Стругацкими, избрав жанр продолжения, сиквела. Так, Василий Щепетнев во втором томе публикует продолжение самой первой повести братьев Стругацких «Страна багровых туч». Его рассказ называется «Позолоченная рыбка. (Эпилог № 2)», напоминая читателю, что в каноне уже есть эпилог [11].

У Стругацких в основе сюжета лежит история об исследовательской геологической экспедиции на Венеру, в ходе которой проводятся испытания межпланетного корабля нового типа фотонного планетолёта «Хиус». Действия разворачиваются в XX в. в эпоху победившего коммунизма. Писатели описывают регион «Урановая Голконда», в котором наблюдается высокая концентрация руд тяжёлых элементов. Героями повести являются Юрковский, Дауге, Крутиков, Быков, которые позднее стали персонажами всего «полуденного цикла». В новелле Василия Щепетнева экспедиция планировалась для взятия образцов формы жизни, которые питаются радиоактивными элементами, что позволило уничтожить на Западе все ядерные арсеналы. По сюжету Щепетнева Быков проходит реабилитационный курс в санатории после возвращения с Венеры. Слушая радиопередачи, он узнаёт, что началась ядерная война. Прилетевший к нему соратник Юрковский сообщает, что одержана победа и установлен коммунизм. Новелла построена на контрасте между реальностью и «сказками о коммунизме» и носит антитоталитарный характер.

Сергей Лукьяненко в рассказе «Ласковые мечты полуночи» развивает сцену из «Хищных вещей века», когда Иван Жилин испытывает слег [11, с. 35–46]. Но сцена «вывернута наизнанку» – повествование ведётся от лица Лэна, который в каноне является героем второго плана.

Вячеслав Рыбаков в повести «Трудно стать богом» обратился к философской фантастике [12]. Хотя название отсылает к «Трудно быть богом», повесть Рыбакова является продолжением иного произведения фантастов – «За миллиард лет до конца света». Вячеслав Рыбаков дописывает то, что не написали Стругацкие. Действие в повети Рыбакова происходит в современности, только герои Стругацких изменились. Перед героями автор ставит вопрос: почему праведный несчастен, а неправедный счастлив? В повести показана философская история человека, всю жизнь стоящего на грани ссоры с Мирозданием и тем не менее остающегося человеком и мыслителем, сохраняющим способности любить, беречь и познавать. Мироздание Рыбакова отличается от концепции Гомеостатического Мироздания Стругацких. Повесть Рыбакова не является стилизацией «под Стругацких», но в то же время она так же повествует о судьбе интеллигенции в новой России.

Резюмируя, отметим, что второй период отличается высоким литературным уровнем, который демонстрирует фандом. Официальная публи-

кация творческих интерпретаций вполне соотносится с мировой практикой, но в то же время имеет ряд характерных особенностей. Если на западе инициаторами подобных акций являются издательства и кинокорпорации, то в России феномен возник в самой писательско-редакторской среде. Профессионалы откликнулись на предложение редактора не потому, что были материально заинтересованы в публикации (хотя маркетинговые стратегии издательства не стоит сбрасывать со счетов), а потому что многие из них являются последователями Стругацких, их учениками.

Взаимоотношения интерпретационных практик и произведения первоисточника в основном носят компенсаторный характер. Тексты второго периода инициированы желанием авторов «дописать», «воссоздать» не созданное Стругацкими. Жанр продолжения, или сиквела, распространяется и на произведение в целом, и на отдельные его элементы. Наблюдается тенденция дописывать канон – «Позолоченная рыбка» продолжает «Страну багровых туч», «Трудно стать богом» – «За миллиард лет до конца света», «Змеиное молоко» – «Парня из преисподней». Приведённые тексты предлагают варианты событий, которые происходят после описанных Стругацкими. Поиск сюжетных лакун и желание их заполнить реализованы авторами в большем количестве произведений. «Полёт над гнездом лягушки» [12, с. 575–598] закрывает сразу две смысловые лакуны – описывает упоминаемую, но не созданную Стругацкими книгу Айзека Бромберга и предлагает рецензию на неё. «Бегство из Одержания» также показывает события, которые разворачиваются вне текста Стругацких. Существуют тексты, описывающие события от иного лица, нежели в текстах канона. Фандом демонстрирует и иную категорию текстов – предлагающих альтернативный взгляд на события канона.

В указанный период появляются произведения, созданные исключительно для публикаций в Интернете, что предваряет новый этап развития фандома.

Третий период характеризуется уходом фандома в Интернет, что сближает русскоязычный фанфикшн с мировым. Упрощение инициации в фандом, лёгкая доступность материалов для пользования привели к тому, что фанатская субкультура вышла на новый уровень развития, а фанфикшн приобрёл тот невероятный масштаб, который можно наблюдать.

С наступлением эпохи Интернета закрепился переход фандома из статуса литературного в статус медийного.

Всемирная паутина стала доступна российскому пользователю и объединила фанатов, уничтожив территориальные границы. «Людены» были одними из первых, кто освоил компьютеры и Интернет, группа поставила новые технологии на службу делу жизни – формированию стругацковедения.

Так, обращает на себя внимание повесть, написанная омским историком и педагогом А. Лукьяновым, использующим гипертексты и интерактивность. «Чёрная пешка» – повесть в жанре научной фантастики, описывающая устройство Островной империи планеты Саракш. «Чёрная пешка» является апокрифом к роману Стругацких «Обитаемый Остров», вариантом развития событий, предложенным взамен обещанного А. и Б. Стругацкими, но так и ненаписанного романа «Белый Ферзь». Повесть никогда не публиковалась на бумаге, только в электронном виде. Вместо привычного читателям Стругацких Максима Каммерера на сцену выходит новый (неизвестный по романам Стругацких) герой, «чёрный» прогрессор

Всеслав Лунин, резко контрастирующий с «белым» (то есть деструктивным, согласно символике повести) Каммерером. Имевший некоторый опыт работы на Саракше, но впоследствии отошедший от дел, герой внезапно разрабатывает собственную программу внедрения в Островную империю и заставляет КОМКОН её принять. Первоначально повесть была снабжена цифровыми иллюстрациями и претендовала на гипертекстовость, изобиловала реминисценциями и цитатами из творчества Стругацких. Некоторые эпизоды произведения представляют очевидные аллюзии и политическую сатиру по поводу постсоветской действительности, параллелью к которой изображается распад «страны Отцов» на Саракше. В дополнительных материалах к повести содержится «Энциклопедия Саракша» – попытка описания реалий планеты, оставленных «за бортом» произведений Стругацких. Над энциклопедией также работали В. Баканов, Ю. Долотов, П. Дронов, Р. Ибатуллин, С. Казаков, С. Осокин, В. Стоякин, Т. Усеинов и др. Первоначально сайт, на котором была размещена повесть, давал читателю возможность самому выбрать способ прочтения и интерпретации работы. Визуально сайт был оформлен как шахматное поле, и, делая ход, читатель получал фрагмент текста. Со следующим ходом он имел допуск к другому сюжетному ходу и справочной информации. В настоящее время сайт, на котором размещена повесть, прекратил работу. В Интернете можно найти только текстовую версию произведения, вновь вернувшегося к своему читателю [13]. Популярность этого текста высока – графы для комментирования наполняются уже третий год.

Ресурсы, созданные для оформления персональных дневников стали полигоном для размещения собственных текстов. На портале LiveJournal свои тесты выкладывают участники проекта «Время учеников» Карен Налбандян и Михаил Савеличев. Открыты для публикации фанфиков популярные литературные порталы «Самиздат», входящий в состав «Электронной библиотеки Максима Мошкова», и «Проза.ру» [14] [15], на которых также можно увидеть фанфикшн по произведениям Стругацких. Автор Юлия Евтушенко, пишущая под псевдонимом A. Dent, размещает свои тексты в нескольких сообществах, в том числе и выкладывает в «Самиздате». Индивидуальную страницу предваряет авторский комментарий: «Аннотация к разделу: Здесь я решила разместить то, что приходит в мою больную голову))) после просмотра аниме, фильмов, а так же после прочтения книг. Короче, фанфики» [16]. В журнале автор разместила шесть фанфиков по творчеству Стругацких.

Раздел фанфикшн имеется и на форуме официального сайта Стругацких, фанфики выкладываются на ветке форума «Племя учеников» [17]. На форуме не только выкладываются готовые тексты, но и организуются различные мероприятия по созданию новых, как например коллективная форумная игра «по разработке продолжения ОО». Имеется раздел для идентификации и поиска утраченных фанфиков. Кроме того, форум полностью соответствует традициям современного фандома и содержит множество иллюстраций и фотоколлажей, посвящённых произведениям Стругацких.

Созданы специализированные сообщества, посвящённые фанфикшену по произведениям Стругацких, в том числе и имеющие ограниченный доступ. Тексты, размещённые в подобных сообществах, значительно отличаются от тех, что были созданы в ранние периоды развития фандома. В первую очередь, тексты, возникшие в третий период становления

фандома, отличает специфическая сигнальная система – паратекст, формирующий аудиторию. Значительная часть текстов фандома, возникшая в третий период его становления, не отличима по оформлению от паратекстуальной составляющей других фандомов, как литературных, так и медийных. Уместно говорить о становлении и закреплении в русскоязычном фанфикшене единой фикрайтерской традиции и интеграции русскоязычного фанфикшена в мировое фикрайтерское пространство.

Наблюдается и отказ от традиционной жанровой системы, которой оперировали авторы первых двух периодов. Сегодня фанфики всё реже оформляются как *рассказы и повести,* подобные жанровые ремарки остаются, как правило, в авторских примечаниях. Присущая третьему периоду жанровая маркировка соотносится с эмоциональной составляющей текста, а не с его принадлежностью к литературным жанрам. Всё большую популярность набирают новые жанры: *ангст, драма, AU* и другие. Указанные жанры являются полностью заимствованными из западного фанфикшена.

Ещё одной и, пожалуй, самой яркой отличительной чертой фанфикшена третьего периода стало возникновение слэша. Слэш – заимствованная категория, которая отсутствовала в фанатских практиках на ранних этапах становления фандома. Библиография вторичных произведений по творчеству Стругацких не содержит ни одного текста, в котором бы описывались однополые отношения. Фандом «братья Стругацкие» заимствовал слэш из других русскоязычных и иностранных фандомов. И хотя созданы упоминаемые выше специфические слэш-комьюнити, распространение этой категории пока строго контролируется. Естественно, остались личные дневники авторов, форум на официальном сайте и интернет-сообщества, где не выложен ни один слэшфик. Этот факт демонстрирует, что переход к западной системе закреплён лишь для определённого круга авторов, воспитанных на фанфикшене в его современном виде. Авторы, которые начали писать раньше, по-прежнему обходятся без слэшфиков в своём творчестве. Но всё же, несмотря на внешнее сохранение отстранённости от слэша, явление набирает обороты и активно заполняет фандом. Подобная ситуация особенно ярко подчёркивает интеграцию русскоязычного фанфикшена в мировое фикрайтерское пространство, для которого слэш был и остаётся огромным текстовым пластом.

Исследуемый фандом, сформированный вокруг творчества братьев Стругацких, относится к разряду литературных фандомов, причём не только в плане фандомообразующей составляющей. Литературные практики фанатов отличаются высоким уровнем текстового материала. В первую очередь, это связано с каноном – произведениями классики фантастической литературы. Во вторую очередь, это соотносится с тем, что на первых порах формирования русскоязычных фанатских практик тексты публиковались в престижных официальных изданиях, что не допускало низкого качества материала. В-третьих, значительный период формирования фандома был профессиональным – к написанию интерпретативных текстов были привлечены литераторы. Резюмируя, можно отметить, что литературные практики фандома «братья Стругацкие» в полной мере соотносятся с литературными практиками крупных западных фандомов поклонников Свифта, Кэрролла, Конан Дойла, Толкина, что даёт основания называть фандом не только медийным, но и литературным.

Становление фандома априори подразумевает возникновение фанклубов, которые формируются не только вокруг творческого наследия автора канона, но и вокруг его личности.

Библиографический список

1. Прасолова К. А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века (творчество поклонников Дж. К. Ролинг): дис… канд. филол. наук. – РГУ им. И. Канта, 2009. – 259 с.
2. Hellekson K., Busse K. Work in Progress // Fan fiction and fan communities in the age of the Internet / ed. Busse K. and Hellekson K. McFarland. – Jefferson, NC, 2006. – С.5–32.
3. Халымбаджа И. Г. Культурный феномен фандома. – Владикавказ: ЭТНЭ, 1999. – № 23 (74).
4. Флейшман. Ю. Г. Увлечение. Кузнецкий рабочий (Новокузнецк). – 1991. – 22 мая. – (№ 87 (15868)). – С. 4.
5. Официальный сайт группы «Людены». URL: http://www.fiction.ru/abs//ludeni.htm
6. Суета вокруг Стругацких. Библиография продолжений, пародий, апокрифов. URL: http://abcolyt.ru/fantastika/
7. Исхаков В., Стругацкий М. // Стругацкий А., Стругацкий Б., Успенский М. Бойцовый кот: повести. – Спб.: Азбука, 1999. – 320 с.
8. Слукин В., Карташев Е. Тело молчало // Литературная газета. – 1963. – № 126. – С. 4.
9. Фёдоров И., Гордеев И., Гордеев В. Хищные Несси века // Фёдоров И., Гордеев И., Гордеев В. Суета вокруг Несси. – Киев: Друг читача, Винница: Россь, 1989. – С. 11–15.
10. Время учеников. Проект Андрея Черткова. URL: http://vu.chertkov.ru/
11. Время учеников-2 – М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 1998. – 608 с. С. 17–34.
12. Время учеников // М.: «АСТ», СПб.: «Terra Fantastica», 1996. – 608 с. – С. 287–398.
13. Александр Лукьянов. Чёрная пешка. URL: http://lib.rus.ec/b/161973/read
14. Электронная библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/
15. Литературный портал Проза. URL: http://www.proza.ru/
16. Dent A. Плоды графомании. URL: http://zhurnal.lib.ru/e/ewtushenko_j_w/
17. Форум официального сайта братьев Стругацких. URL: http://abs.rusfforum.org/index.php?action=vtopic&forum=15

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА Р. ЖЕЛЯЗНЫ «ОСТРОВ МЁРТВЫХ»

О. А. Фролова
Арзамасский государственный педагогический институт имени А. П. Гайдара, г. Арзамас, Россия

Summary. The article reveals genre features of the book “Isle of the Dead” by Roger Zelazny. The author finds characteristics of the detective, adventure, philosophical and psychological novel in the book under analysis.

Key words: genre, fantasy, detective novel, adventure novel, philosophical novel, psychological novel, first-person narration.

Роман «Остров мёртвых» (1969) [1, с. 5–170] принадлежит перу фантаста с мировым именем Роджера Желязны. Действие романа разворачивается в XXXII веке, и определить его жанровую принадлежность на первый взгляд кажется довольно сложным, так как перед читателем предстает многоплановое произведение, сочетающее в себе характеристики сразу нескольких жанров.

Начало романа – в русле детектива – характеризуется закрученностью сюжета, динамичностью повествования, интригой. Френсис Сэндоу, главный герой произведения, родившийся ещё в XX веке, не только сколо-

тивший огромное состояние, став одним из богатейших людей Галактики, но и обладающий сверхъестественными способностями, получает по почте фотографии людей, которые давно мертвы. Однако фотографии сделаны недавно, и герой приходит к выводу, что его враги, похитив «плёнки памяти», воскресили их. Пытаясь выяснить, кто стоит за всем этим, он отправляется на поиски своих друзей, возлюбленных и врагов.

Приключения, погони, сражения выделяют в произведении ещё один жанровый пласт – авантюрный роман, который затем сменяется философским. Следует отметить, что философские отступления встречаются на протяжении всего романа уже с первых его строк. Рассуждения на тему борьбы жизни и смерти, возрождения и разрушения, Света и Тьмы – неотъемлемая часть творчества Р. Желязны.

Чётко вырисовывается в «Острове мёртвых» и психологический план. Именно своим психологизмом Р. Желязны выделяется на фоне других писателей-фантастов «Новой волны». Психологический портрет главного героя весьма правдоподобен, несмотря на наделённость сверхъестественными способностями. Развитие и становление личности, осознание своего места в этом мире – то, о чём пишет Р. Желязны. Френсис Сэндоу, отчаявшись и потеряв надежду, тем не менее, находит силы вновь поверить в себя. Заключительные эпизоды придают произведению некую героическую окраску.

Интересно отметить тот факт, что повествование в романе ведётся от первого лица, вследствие чего читатель отождествляет главного героя с автором. Представая в образе Френсиса Сэндоу, автор философствует на тему добра и зла, жизни и смерти, красоты и нравственности, вступает в борьбу со злом и разрушением во имя жизни, созидания, добра.

Роман «Остров мёртвых», как и другие произведения Р. Желязны, относят к жанру фэнтези – виду фантастической литературы, основанной на использовании мифологических и сказочных мотивов, где основой сюжета часто является противостояние сил Добра и Зла. Однако в нём мы находим черты детектива, авантюрного, философского и психологического романа. Именно это сочетание жанров и придаёт произведению своеобразие и оригинальность, и, являясь неким экспериментом в области жанра, подчёркивает мастерство писателя.

Библиографический список

1. Желязны Р. Остров мёртвых. – М.: Эксмо, 2009. – 832 с.

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ КЛЮЕВА «АНДЕРМАНИР ШТУК»

И. Н. Рябочкина
Тверской государственный университет,
г. Тверь, Россия

Summary. This article deals with the basic features of artistic time in the book «Andermanir shtuck» by Evgenie Klyuev. The author define the signs of certain historical time as a sotsiofrenic time. There are analyzed the characteristics of artistic time: the society demoralization, the deceived generation, Moscow-palimpsest**.**

Key words: artistic time, Evgenie Klyuev, sotsiofrenic time.

Роман «Андерманир штук» современного писателя Евгения Клюева, вышедший в 2010 году, – это произведение о переходном времени 80–90-х годов, поколении перестройки. Книга была номинирована на литературную премию «Большая книга» и заняла второе место в читательском голосовании.

«Андерманир штук» имеет подзаголовок «социофренический роман». Это понятие введено писателем и психологом Анатолием Добровичем в статье «Социофрения (социальная мономифофрения). Постановка вопроса».

Добрович ставит диагноз обществу – социофрения, обозначая этим понятием «некую специфическую динамику общества, которая повторяется в разные века в разных конкретных декорациях» [1], и выделяет несколько фаз этой болезни: как появление массовождя, становление и крушение мифа, деморализация и криминализация общества. Однако Евгений Клюев не согласен с его типологией: «Я со своей стороны не ставлю диагноза «социофрения» государству или государствам – я говорю о «социофрении» применительно к конкретному времени в истории России… Жанровый подзаголовок в ощутимой степени игровой» [3]. Именно о времени перехода к новому жизненному укладу идёт речь в романе.

Автор в рамках определения перестройки как социофренического времени показывает жизнь людей в 80–90-е годы прошлого века и ставит следующие проблемы: деморализация общества, обманутое поколение и Москва как город-палимпсест.

Деморализация в романе проявлялась в том, что люди за отсутствием других жизненных приоритетов верили в знаки, тайные силы, чудеса. «Страна галлюцинировала, страна бредила наяву. Повсюду распространялись страшные слухи о тайных обществах, из которых якобы состоял впечатлительный социум, о тайных силах, управляющих нами *на самом деле*, о тайных договорённостях *наверху*» [2, с. 399–400]. Также появилось большое количество экстрасенсов, эзотериков, как А. Кашпировский, А. Чумак. В романе представителем этой сферы является Борис Ратнер. Обладая уникальными коммуникативными способностями, зная основы психологии человека, он выступал с «психологическими опытами», с сеансами по телевизору, а в 90-х годах открыл Академию тонких материй. Постепенно интерес к мистицизму становился всё меньше, но с распадом СССР не исчез, а только видоизменился: «народ в другую мистику пошёл, в православную» [2, с. 558].

Главный герой романа – Лев Орлов, ничего не умеющий, но способный видеть то, чего не видят другие, видеть мир. Лев – представитель так

называемого обманутого поколения. «Мы обманутое поколение… Нас вырастили в стране, вырастили под её потребности, приспособив к жизни в ней – и как раз тогда, когда мы стали взрослыми, с-о-в-е-р-ш-е-н-н-о-л-е-т-н-и-м-и, выяснилось: страны, для которой нас вырастили и приспособили, больше нет» [2, с. 461]. Но судьба Льва имеет положительный финал: «Одним из слов стал и он. Да он и всегда был только словом. Словом ЛЕВ» [2, с. 618]. Слово не умирает, но живёт среди людей как память о поколении, его символ.

«Андерманир штук» – роман о Москве эпохи перестройки, городе-палимпсесте, обновляющемся и раскрывающем свои слои. Москва Клюева многомерна и многомирна. Открывается целый город в городе – засекреченная Москва, где совершенно другие товары, учреждения, развлечения. Но Москвы не две, а гораздо больше. Это видел Лев, легко умевший перемещаться из одной в другую. Медленно образовывалась новая Москва, как и новая страна, всё менялось, всё превращалось во всё. Население с некоторой опаской относились ко всему новому: «боялось заходить в полуоткрытые двери прежде не действовавших церквей, чуралось подвохов в пахнувших свежей краской сберкассах и банках и незнакомых ароматов в расцветших повсюду салонах красоты» [2, с. 611–612]. Советский Союз превратился в Россию, однако не сразу люди смогли переродиться в россиян.

Добрович в своей статье подводит итог, что «вождизм» и социофрения есть признаки определённой нации вследствие её ментальности и психологии. Клюев же обозначает лишь социофрению перестроечного времени, которое уже ушло в историю, стало Словом (как и его представитель Лев), но все помнят о нём. «Всё защищено на свете от забвения. Языком защищено» [2, с. 432].

Библиографический список

1. Добрович А. Социофрения (социальная мономифофрения). Постановка вопроса [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sunround.com/club/22/154_dobrovic.htm.
2. Клюев Е. В. Андерманир штук. – М.: Время, 2010. – 624 с.
3. Рычкова О. Человек с волшебным фонарём // Российская газета. – 15 октября 2010. – С. 9.

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2011 году

20–21 апреля 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-18-4-11).

25–26 апреля 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»** (К-19-4-11).

5–6 мая 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-20-5-11).

10–11 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-21-5-11).

15–16 мая 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические аспекты личности и социального взаимодействия»** (К-22-5-11).

20–21 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Многополярный мир: предпосылки, проблемы и перспективы становления»** (К-23-5-11).

25–26 мая 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-24-5-11).

1–2 июня 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-25-6-11).

5–6 июня 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-26-6-11).

10–11 сентября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-11).

15–16 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-11).

20–21 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-11).

25–26 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Глобализация как этап развития мирового сообщества»** (К-30-9-11).

1–2 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-11).

5–6 октября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-11).

15–16 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-11).

20–21 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Инновационный менеджмент в образовательном учреждении»** (К-35-10-11).

25–26 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-36-10-11).

1–2 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-11).

5–6 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-11).

15–16 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Научно-технический прогресс как фактор развития современной цивилизации»** (К-40-11-11).

20–21 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-11).

25–26 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-11).

1–2 декабря 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-11-11).

PsyJournals.ru

портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ ПО ПСИХОЛОГИИ online

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы включены в Перечень ВАК

ОНЛАЙН ПОДПИСКА ЭТО
- Удобно
- Выгодно
- Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ и БИБЛИОТЕК:
- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация
- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО МГППУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Кафедра иностранных языков факультета государственного управления
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
Гилянский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы международной научно-практической
конференции 25–26 марта 2011 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор В. А. Дорошина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 11.04.2011. Формат 60x84 1/8.
Бумага писчая белая. Учет.-из. л. 27,52 п. л.
Усл.-печ. л. 25,59 п. л.
Тираж 130 экз. Заказ № 13/11.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440046, г. Пенза, ул. Мира, д. 74, к. 14. (8412) 68-68-45,
web site: http://sociosphera.ucoz.ru,
e-mail: sociosphera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09